STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпуски I и II.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія В. О. Пасторъ, Фонтанка. № 94
1905.

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Изъ быта и поэзіи крестьянъ Новгородской губерніи.

(По матеріаламъ изъ бумагъ В. А. Воскресенскаго).

Покойный († 1898 г.) директоръ Гатчинской Учительской Семинаріи, *Василій Алексѣевичъ Воскресенскій* родился 23 марта 1845 года въ Нижнемъ Новгородѣ. Среднее образованіе получилъ въ Нижегородской гимназіи, высшее—въ С.-Петербургскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ. По окончаніи университетскаго курса служилъ педагогомъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ, потомъ «экспертомъ» городскихъ школъ тамъ-же. Съ 1891 года состоялъ директоромъ Гатчинской учительской семинаріи, въ какой должности и умеръ 30 октября 1898 года.

Покойный и самъ занимался фольклоромъ. Имъ составлена также христоматія изъ памятниковъ народной словесности для среднихъ школъ. Въ Гатчинѣ ему пришла счастливая мысль привлечь къ занятію фольклоромъ своихъ учениковъ. Воспитанники Гатчинской учительской семинаріи большею частію деревенскіе жители, изъ губерній: Новгородской и С.-Петербургской. Подъ вліяніемъ и руководствомъ В. А. Воскресенскаго они на лѣтнихъ вакаціяхъ записывали на своей родинѣ народныя пѣсни, обычаи и примѣты, сказки и т. п. Больше всего записано пѣсенъ, особенно модныхъ въ современной деревнѣ коротенькихъ пѣсенокъ, извѣстныхъ подъ именемъ «частушекъ». Очень много также записано областныхъ словъ (они будутъ доставлены мною въ редакцію новаго академическаго словаря русскаго языка). Немногіе пытались описывать бытъ крестьянъ и ихъ говоръ. Записи нѣкоторыхъ плохи; напримѣръ, одинъ записалъ стихотвореніе Полонскаго «подъ окномъ въ тѣни мелькаетъ русая головка». Записи другихъ обнаруживаютъ пониманіе дѣла и интересъ къ нему, только онѣ почти всегда многословны и рядомъ съ интересными фактами содержатъ и общеизвѣстныe.

Бумаги покойнаго В. А. Воскресенскаго, равно какъ и его библіотека, принадлежатъ теперь вдовѣ его, начальницѣ Юрьевской женской гимназіи А. С. Пушкина, Маріи Николаевнѣ Воскресенской. Узнавъ о библіотекѣ Воскресенскаго отъ проф. Е. В. Пѣтухова, я,

благодаря любезности г-жи М. Н. Воскресенской, получилъ возможность разобрать эту библіотеку, причемъ и наткнулся, неожиданно, на рукописи. Болѣе цѣнные этнографическіе матеріалы, заключающіеся въ этихъ рукописяхъ, теперь будутъ напечатаны.

Въ предлагаемой статьѣ собраны матеріалы, относящіеся до быта крестьянъ Новгородской губерніи. Изъ 59 авторовъ, рукописи которыхъ у меня имѣются, 40 вели свои записи въ предѣлахъ Новгородской губерніи, главнымъ образомъ въ уѣздахъ: Новгородскомъ (13). Крестецкомъ (6), Боровицкомъ и Тихвинскомъ (по 4), а также въ Демянскомъ, Валдайскомъ и Старорусскомъ (по 3). Выборъ изъ этого матеріала, равно какъ и распредѣленіе его принадлежатъ мнѣ мною же указаны въ нѣкоторыхъ случаяхъ варіанты, а также сдѣланы нужныя примѣчанія (на которыя сами авторы очень скупы). Для выясненія нѣкоторыхъ недоумѣній я списался съ большинствомъ авторовъ, причемъ отъ нѣкоторыхъ получилъ дополнительные матеріалы, писанные ими уже по смерти В. А. Воскресенскаго или же по окончаніи ими курса Гатчинской семинаріи. Большую часть описаній, почти всегда страдающихъ многословіемъ, я привожу въ сокращеніи; нерѣдко вынужденъ бываю также подвергать описанія литературной обработкѣ, конечно, ничуть не измѣняя того, что́ является сколько-нибудь характернымъ для народнаго языка или мѣстнаго говора *).

Д. Зеленинъ.

---

1. Деревенская соха въ Ильиногорской волости (Демянскаго уѣзда).

Мѣстная соха состоитъ изъ поперечнаго бруска «а», называемаго рогачемъ, къ концамъ котораго придѣлываются оглобли, называемыя о́бжами; въ серединѣ рогача укрѣпляется загнутая впереди и раздвоенная на концѣ доска «в» называемая лу́котью, на раздвоенный конецъ которой насаживаются два небольшіе леме́ша «г». Для того, чтобы лу́коть могла выдерживать напоръ рѣжущихъ землю лемешей, она связывается съ обжами веревками или, какъ ихъ называютъ «землянока́ми», концы которыхъ внизу подъ лукотью соединены желѣзною полоской—подгузкомъ. Земляники въ сохѣ имѣютъ большое значеніе: кромѣ того, что не позволяютъ сохѣ отогнуться назадъ, они служатъ для управленія глубиною паханія. Если укоротить земляники, то лукоть сгибается, болѣе приближается къ обжамъ и пашетъ мельче; напротивъ, пуская земляники длиннѣе, позволяютъ

*) Большая часть матеріаловъ записана съ соблюденіемъ особенностей мѣстнаго *говора.*

локоти разгибаться,—она удаляется отъ обжъ, лемеши прямѣе врѣзаются въ землю, и соха пашетъ глубже. Такимъ образомъ, сошные земляники замѣняютъ регуляторъ плуга.

Къ земляникамъ привязывается небольшая лопатка — присо́хъ, которая по произволу можетъ быть перекладываема съ лемеша на лемешъ; она играетъ роль отвальной доски.

(Сообщ. *Н. Евстигнѣевъ*).

2. Обрядъ засѣва (Демянск. у.).

Въ Ильиногорской волости, Демянскаго уѣзда, засѣвальщика выбираютъ по жеребью, причемъ выбраннаго всѣ считаютъ счастливцемъ: въ полученіи жеребья видятъ особенное проявленіе милости Божіей къ данному крестьянину.—Подробности можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа, озаглавленнаго авторомъ *Н. Евстигнѣевымъ*:

«Передъ засѣваньемъ».

«Было воскресенье. На небѣ ни облачка, только солнце, нещадное солнце, бросало свои горячіе прямые лучи на село и на гуляющихъ дѣвокъ и парней, которые пестрой толпой расположились на лугу и водили хороводы. Подъ навѣсомъ большого купеческаго дома разсѣлись мужички и оживленно говорили о завтрашнемъ днѣ: завтра нужно было начать сѣвъ озимой ржи.

— Кого-то Господь сподобитъ зачинать?—говоритъ Прокофій, пожилой мужикъ съ выразительными глазами и черной съ просѣдью бородой.—Онъ, братъ, знаетъ кого, Его не учить стать—отвѣчаетъ рядомъ сидящій Федоръ, недавно отдѣлившійся отъ отца—я вотъ ужъ знаю, что мнѣ не придется, потому... грѣшный я человѣкъ, зашибаю больно!—вдругъ заканчиваетъ онъ.

Между тѣмъ сходка все увеличивается; прибрели сюда и старики въ овчинныхъ тулупахъ, несмотря на жару; но они только сидятъ и слушаютъ, зная, что отошелъ ихъ чередъ. Только одинъ изъ нихъ старикъ Алексѣй, глава того дома, подъ которымъ сидѣли мужички, разсказывалъ про француза собравшимся подросткамъ.

— А что, братцы, класть-ли на Кирилу-то жеребій?—обратился выборный къ собранію.—Вѣдь онъ, кажись, пособорованъ въ Петровкахъ?—Не, не, нельзя! Какъ можно! Пособорованному нельзя!—раздались голоса. На сына Ивана клади!

Грустно сидѣлъ мужикъ Кириллъ среди кричащей толпы. Онъ былъ боленъ тифомъ, чуть не умеръ, ужъ былъ и пособорованъ у батюшки, да видно судьбы Господни неисповѣдимы: вcталъ Кириллъ здоровымъ съ одра болѣзни, лишился только волосъ на головѣ и сталъ почти совсѣмъ лысымъ. Но на лицѣ его блеснула радость, когда онъ услыхалъ: «на сына Ивана клади!» Набожно перекрестившись на церковь, онъ сказалъ близъ сидящему крестьянину: «Слава-те Господи, хоть Ванюху-то не забыли»!

Скоро принесли жеребья, мужики пуще зашумѣли, бобыли, не имѣющіе пашни грустнѣе стали смотрѣть и почтительно пятились, отдавая мѣсто «жеребьевикамъ».

— Что-жъ, братцы, косынька *) зачинаетъ?—промолвилъ выборный.—Косынька, такъ косынька! Отвѣтили въ толпѣ.—Ну такъ Господи благослови!—Вслѣдъ за этимъ послышалось щелканье жеребьевъ въ шляпѣ-черéповкѣ **) и потомъ каждый мужикъ, по очереди, обнаживъ голову запускалъ въ шляпу мозолистую, загорѣлую руку, вынималъ жеребій и отходилъ прочь. «Косынька»! Радостно—громко крикнулъ мужикъ Данило съ окладистою бородою и смѣлымъ, честнымъ взглядомъ, въ упоръ глядя на свою косточку.—Ну и слава Богу!—загалдѣли мужики. А Данило стоялъ на мѣстѣ, теръ между пальцами свою косточку, все еще не вѣря своему счастью. «Такъ завтра, да пораньше!»—говорили мужики Данилѣ.—На вотъ и споринку тебѣ!—и ему совали въ самый носъ соломенку съ двумя колосками.—Ладно... ладно... давай! бормоталъ онъ, принимая споринку.—Да не забудь просвиру въ карманъ-то положить, когда поѣдешь сѣять!—кричалъ ему ужъ расходившійся народъ. Онъ не отвѣчалъ. Онъ шелъ, быстро шагая по улицѣ, не слыша ничего, и очнулся «только около своего дома.»

Въ этомъ разсказѣ допущена небольшая неточность: по нему выходитъ, что «засѣванье» должно произойти въ понедѣльникъ, между тѣмъ этого никогда не бываетъ: понедѣльникъ—«тяжелый день», и начинать въ этотъ день столь важное дѣло нельзя. (*Д. З.*).

3. Легенда о хлѣбномъ колосѣ.

«Встарину колосъ не такой былъ, какъ теперь. Теперь колосъ только на самой верхушкѣ соломины, а бывало колосъ былъ съ перваго колѣна соломины до верху; ну, значитъ и хлѣба было больше, чѣмъ теперь. Да одна женщина прогнѣвала Бога. Пекла она блины, а въ это время у ней вымарался ребенокъ. Поискала тряпки, не нашла; взяла да и обтерла ребенка блиномъ. Богъ прогнѣвался и сказалъ: не будетъ теперь совсѣмъ колоса,—пусть люди живутъ, какъ знаютъ! Была тутъ собака и взмолилась: «Господи-Господи! чѣмъ-же я то теперь буду жить?» Смилостивился Господь и оставилъ на ржи маленькій колосъ, какой теперь и ростетъ. Значитъ, и мы живемъ только на собачью долю».

(Записано *В. Морозовымъ* со словъ крестьянина дер. Селищи Валдайск. у.).

4. Крестьянская одежда.

Вас. Рысаковъ изъ Крестецкаго уѣзда (дер. Новое Дахино) сообщаетъ, что мѣстные крестьяне зимою носятъ теплые валеные са-

*) Косая косточка.

**) Черéповки-шляпы получили свое названіе отъ Череповскаго уѣзда, гдѣ онѣ *дѣлаются*.

поги, иногда обшитые кожей на подобіе калошъ. На работу нѣкоторые надѣваютъ и лапти изъ липовыхъ лыкъ. Верхнею одеждою служатъ шубы изъ дубленыхъ овчинъ.

Лѣтомъ большинство работаетъ тоже въ лаптяхъ. Въ нерабочую пору носятъ кожаные сапоги, любятъ высокія голенищи съ бураками, выстроченными или расшитыми различными узорами; высокіе каблуки съ мѣдными подковами считаются модными. Пиджаки—очень обычный костюмъ; молодежь любитъ, если у пиджака много кармановъ. По праздникамъ надѣваютъ рубаху пошикарнѣе: съ вышитымъ узорами воротомъ; поясъ длинный, до колѣнъ, съ кистями; фуражка съ лаковымъ козыремъ; къ околышу фуражки прилѣпляютъ часто какую-нибудь картинку или втыкаютъ булавку. Для форсу иногда надѣваютъ на шею шелковый платокъ, да еще съ кистями.

Праздничный нарядъ женщинъ—платье со множествомъ «уборокъ» (оборокъ); края выстрочены. Опоясываются шелковою лентою. На голову надѣваютъ платокъ, а кто побогаче—косынку. «Съ очень недавняго времени дѣвицы стали носить корсеты, накидку съ пышками, на руку надѣвать браслетъ. Волоса на головѣ или завьютъ спиралью въ комочекъ, или сплетаютъ въ косу и заплетаютъ въ эту косу ленту».

Ѳ. Лисочкинъ изъ Новгородскаго уѣзда (с. Померанье) вскользь упоминаетъ о кокóшникѣ, описывая его какъ «нѣчто въ родѣ шапочки; головной уборъ замужнихъ женщинъ». Онъ же пишетъ еще о слѣдующихъ принадлежностяхъ мѣстнаго костюма: вáчюги «дянки, обшитыя холстомъ»; сибúрка «длинная верхняя одежда» и сáржаникъ или сáрженикъ (*П. Яковлевъ* изъ того же уѣзда и той же Любанской волости, дер. Ямокъ); это верхняя короткая одежда со сборами позади, въ родѣ полукафтанья; дѣлается она изъ сáржи—грубаго домотканнаго сукна.

А. Владиміровъ изъ с. Доворецъ, Старорусскаго у. (не изъ учениковъ А. Воскресенскаго, а нашъ личный знакомый) сообщаетъ, что у нихъ замужнія женщины носятъ сбóрникъ, въ родѣ кокошника, б. ч. красный.—Въ Чаромской вол., Череповскаго у. замужнія женщины носятъ на головѣ покупные кокóшники изъ бархату, а также круглые повóйники, съ лентами (сообщ. одной мѣстной крестьянки, живущей въ гор. Юрьевѣ). Вообще же тамъ и здѣсь подражаютъ въ костюмѣ городскимъ модамъ.

5. Нищіе въ деревнѣ

Извѣстная картина слѣпцовъ-нищихъ въ деревнѣ вѣрно и хорошо передана *Вл. Яковлевымъ* изъ деревни Новой, Пожарской волости, Крестецкаго уѣзда. Приводимъ его сообщеніе безъ всякихъ перемѣнъ:

«Въ нашей мѣстности лѣтомъ ходитъ немало слѣпыхъ-нищихъ. У каждаго изъ нихъ обыкновенно по вожаку-мальчику, изъѣздка ...

два. Войдя въ деревню, вожакъ или вожаки ходятъ по избамъ за милостыней, а слѣпой наравнѣ съ ними идетъ по срединѣ улицы. Въ избѣ или подъ окномъ вожакъ проситъ милостыню, говоря нараспѣвъ: «милостинку слѣпому-убогому Христа ради!» или поетъ: «ради Бога надѣлите святу милостинку Христа ради». Подаютъ кусокъ хлѣба.—Яичичка, тетушка (или дядюшка) нильзя-ли... родителей помянуть, взываетъ мальчуганъ заискивающимъ тоненькимъ голосомъ. «Да курицы нонечь худо, дитятко, кладутце: званья яицъ-то нѣту», отвѣчаетъ «тетушка». А то больше подаютъ яйцо для поминовенія родителей и рѣдко, рѣдко—копѣйку. Получивъ то или другое, вожакъ несетъ слѣпому, и тотъ по указанію вожака оборачивается лицомъ къ часовнѣ (если она есть) или на востокъ и начинаетъ на-голосъ поминать родителей:

№ 1. Воспомяни Господи
Всѣхъ сродцовъ вашихъ родителей,
Отцевъ вашихъ, матерей,
Отцевъ вашихъ хрестныхъ
И матерей хрестныхъ,
Братцевъ вашихъ,
Всѣхъ сéстрицъ вашихъ,
Младыихъ младенцевъ—
Запиши ихъ Господи
Во грамоты церковныи,
Во-книги духовныи
За престоломъ Господніимъ;
Доведи ихъ Господи
До царства до небесново,
До раю свѣтлово;
Сотвори имъ Господи
Вѣчная память,

оканчиваетъ пѣвецъ, приговаривая: «рабамъ здравія, душамъ спасенія, а родителямъ царства небесново, раю свѣтлово». Слѣпому по большей части помогаетъ пѣть вожакъ. Итакъ проходятъ они деревню за деревней, собирая куски, яйца и копейки».

Приведенный «помянный стихъ» срв. съ «заупокойнымъ стихомъ» у П. Безсонова, Калѣки перехожіе I, 41 (№ 18). Заздравный стихъ и нѣсколько другихъ духовныхъ стиховъ см. ниже, глава 16.

6. Святочныя гаданья.

Святочныя гаданья подробно описаны *А. И. Сергѣевымъ* изъ Луцкой волости, Демянскаго уѣзда. Гадаетъ деревенская молодежь въ періодъ времени отъ Рождества до Крещенья, съ вечера до полночи: въ это именно время, по мнѣнію крестьянъ, нечистая сила путается по землѣ, а когда, въ полночь, пропоетъ пѣтухъ, она провалится сквозь земли.

1. Самое употребительное гаданье—слушаніе «на крестахъ». «Крестами» называютъ мѣсто, гдѣ перекрещиваются двѣ, или болѣе, дороги. Нечистая сила не любитъ четнаго числа; въ виду этого дѣвушки собираются слушать въ нечетномъ числѣ. Предварительно одна изъ дѣвушекъ беретъ лучину и зажигаетъ сначала одинъ конецъ ея черезъ правое плечо, потомъ другой—черезъ лѣвое. Всѣ дѣвушки снимаютъ тѣльные кресты съ шеи и идутъ на перекрестокъ. Здѣсь, ставъ въ самый центръ «креста», очерчиваютъ приготовленною лучиною кругъ, приговаривая: «чуръ на меня». Каждая изъ гадающихъ, поочередно, ложится въ середину круга, прислоняетъ лѣвое ухо къ землѣ и внимательно слушаетъ. Если въ окружающей тишинѣ послышится звонъ колокольчика или лай собаки, то услышавшая дѣвушка непремѣнно выйдетъ въ этотъ годъ замужъ; если же послышится плачъ ребенка, то замужемъ ей не быть, а дѣтей будетъ имѣть; пѣніе заупокойной молитвы или порубка дровъ означаютъ смерть.

2. Слушаютъ у дверей конюшни. Снявъ тѣльный крестъ, дѣвушка выходитъ изъ дому «неблагословясь» и идетъ, одна или съ подругой, къ конюшнѣ; становится спиной къ дверямъ конюшни и ударяетъ три раза по дверямъ пяткой лѣвой ноги, приговаривая: «если выйду замужъ, то оцѣпайте лошадей» (т. е. надѣвайте узду). Если лошади забѣгаютъ и «забренчатъ» уздами, то дѣвица въ этомъ же году выйдетъ замужъ; если же этого не произойдетъ, то не выйдетъ.

3. Ходятъ слушать къ убитому борову, который долженъ быть повѣшенъ въ замкнутомъ нежиломъ помѣщеніи.—Одна старуха разсказала про себя такой случай: «сидѣли, говоритъ, мы на посидкѣ», и вздумалось намъ идти погадать къ убитому борову, который висѣлъ въ амбарѣ. Пришли къ амбару, очертили кругъ и стали въ него. Я первая спросила: «боровъ, скажи мою судьбу!» Боровъ отвѣтилъ: «скажу, только угадайте, сколько горошинъ въ мѣркѣ». Услышавъ голосъ, мы въ ужасѣ бросились бѣжать домой. Бѣжимъ, и слышимъ, что за нами кто-то гонится. Оглянулись: какая-то фигура, вся въ бѣломъ, бѣжитъ за нами. Мы въ избу, и сказали старухѣ. Та сейчасъ же одѣла намъ на головы горшки. Къ нашему ужасу, большая бѣлая фигура схватила насъ за головы, сорвала съ головъ горшки, разбила ихъ въ дребезги объ стѣну и тутъ же съ хохотомъ провалилась сквозь землю... Если-бы мы не одѣли горшки, то лишились бы своихъ буйныхъ головушекъ. Случилось же все оттого, что мы, когда услышали въ амбарѣ голосъ, не зааминили, а сразу убѣжали. Если-бы мы сказали: «аминь», то все было-бы благополучно; но въ это время сдѣлается такъ страшно, что забудешь, гдѣ и находишься.

4. Слушаютъ на колокольнѣ подъ колоколомъ, но рѣдко, такъ какъ считаютъ этотъ способъ гаданья опаснымъ.

5. Слушаютъ подъ окнами. Каждая дѣвушка идетъ подъ окно

какой-нибудь избы и, сказавъ: «чуръ на меня», приникаетъ ухомъ къ стеклу, чтобъ услышать разговоръ въ избѣ. Если тамъ говорятъ про покойниковъ, то слушающая непремѣнно умретъ въ слѣдующій годъ; если говорятъ о свадьбѣ, богатствѣ или бѣдности кого-нибудь, то слушающая выйдетъ замужъ, будетъ жить богато или бѣдно.

6. Передъ сномъ, снявъ крестъ, идутъ во дворъ и, взявъ ведро съ водою, быстро выплескиваютъ воду черезъ лѣвое плечо на средній столбъ, поддерживающій крышу дома; при этомъ приговариваютъ: «суженый-ряженый, приходи ко мнѣ сегодня за своимъ бѣльемъ!» Затѣмъ бѣгутъ скорѣе въ домъ, стараясь не оглядываться назадъ, и ложатся спать. Подъ головы кладутъ бѣлье: если гадаетъ мужчина, то—женское, если женщина, то—мужское. Передъ сномъ Богу не молятся, такъ какъ нечистая сила боится крестнаго знаменія.—По увѣренію крестьянъ, это гаданье самое вѣрное.

(Авторъ забылъ упомянуть, какъ же именно «суженый» придетъ за бѣльемъ. Нужно предполáгать, что онъ привидится во снѣ).

7. Берутъ пять лучинъ и ложась спать (при чемъ передъ сномъ Богу не молятся и снимаютъ тѣльный крестъ) складываютъ четыре лучины въ видѣ сруба въ колодцѣ, а пятую поперекъ. Этотъ срубъ кладутъ на подушку рядомъ съ головою и приговариваютъ: «суженый-ряженый, приходи ко мнѣ черпать воду». Во снѣ дѣвушка увидитъ своего будущаго супруга и всѣхъ свадебныхъ.

8. Передъ сномъ дѣвушка беретъ съ божницы распятіе и, задумавъ о своемъ суженомъ, ложится спать. Во снѣ онъ долженъ ей явиться, показать свое богатство и домъ, гдѣ имъ придется жить послѣ свадьбы.

9. Дѣвушка одна идетъ въ отдѣльную избу (въ деревняхъ обыкновенно строятъ двѣ избы рядомъ), гдѣ не живутъ. Здѣсь она ставитъ зажженую свѣчу или лучину на божницу, хомутъ на плечо печи, а въ хомутъ ставитъ зеркало. Потомъ смотритъ въ это зеркало и приговариваетъ: «суженый-ряженый, приходи въ зеркало глядѣться!» Тотчасъ же въ избѣ, въ переду, и начнутъ расхаживать люди изъ той семьи, въ которую дѣвица выйдетъ замужъ. Въ числѣ ихъ будетъ находиться и ея женихъ. Узнавъ своего будущаго мужа, дѣвица скажетъ трижды: «чуръ потá полна, аминь», и сразу-же уйдетъ.—Если же этого не покажется, то дѣвица не выйдетъ въ этомъ году замужъ.

10. Ложась спать, дѣвица кладетъ подъ голову гребень и, проговоривъ: «суженый-ряженый, приходи ночью расчесать мнѣ волосы», старается заснуть, сосредоточивъ всѣ свои мысли на задуманномъ. Суженый, по разсказамъ крестьянъ, принимаетъ любезное приглашеніе дѣвицы и расчесываетъ ей волосы.

11. Дѣвушка идетъ (безъ креста) къ амбару и говоритъ тамъ: «суженый-ряженый, приходи рожь мѣрить!» При этомъ въ амбарѣ послышится, что тамъ или «мѣрятъ рожь» (т. е. пересыпаютъ зерна)

или же вѣникомъ метутъ полъ. Въ первомъ случаѣ дѣвица выйдетъ замужъ за богача, во второмъ—за бѣдняка.

12. Ночью, придя къ саду или къ огороду, становятся спиной къ частоколу и отмѣряютъ его ручной саженью. Затѣмъ захваченныя руками «частоколины» считаютъ попарно. Если при счетѣ получаются все пары, то дѣвица выйдетъ замужъ въ этомъ-же году; если же при счетѣ въ концѣ останется одна частоколина, то дѣвица замужъ не выйдетъ.—Далѣе она снова считаетъ, но уже по одной частоколинѣ, приговаривая: «молодецъ» (отложивъ одну), «вдовецъ» (отложивъ другую), и т. д. Если въ концѣ получится «молодецъ», то замужъ выйдетъ за молодца, если—«вдовецъ», то за вдовца *).

13. Идутъ къ деревенской банѣ и, просунувъ руку въ окошко, дожидаются. Если просунутую руку погладитъ кто-нибудь (т. е. домовой) мягкой рукавицей, то женихъ будетъ ласковый, «мягкій», а если—жесткой рукавицей, то женихъ будетъ сердитый.

14. Дѣвушка идетъ на прорубь и мачетъ (sic) туда принесенную съ собою лучину. Потомъ этотъ сырой конецъ лучины зажигаетъ, приговаривая: «если сырая лучина будетъ горѣть ясно, то выйду замужъ за богача, а если тускло, то за бѣдняка».

15. Дѣвушки принесутъ на посидки пѣтуха и пустятъ его на полъ. Вокругъ насыплютъ каждая свою кучку овса и смотрятъ: чью кучу пѣтухъ раньше поклюетъ, та дѣвица и выйдетъ скорѣе другихъ замужъ.

Гр. Евдокимовъ сообщаетъ объ одномъ способѣ гаданья подъ новый годъ въ дер. Чауняхъ (Сelогорской вол. Новгородскаго у.). Наливаютъ въ ложки воды по числу членовъ семейства и выставляютъ на морозъ; если въ чьей-либо ложкѣ вода замерзнетъ ямой, то тотъ умретъ въ этомъ году.—Этотъ способъ гаданья употребляется также въ Сарапульскомъ уѣздѣ (Вятской губ.), гдѣ еще замѣчаютъ: въ чьей ложкѣ вода замерзнетъ бугромъ, тотъ проживетъ очень долго.

В. Ивановъ изъ Недашецкой вол. Тихвинскаго уѣзда записалъ «гадальную пѣсню»—«Ой я изъ куста въ кустъ пойду, я золотъ перстинь хороню»... Въ виду извѣстности этой пѣсни, мы не приводимъ ее, тѣмъ болѣе что сопровождающій пѣніе обрядъ Ивановымъ не описанъ.

7. Повѣрья и примѣты.

а) *Календарь*! Не слѣдуетъ въ Новый годъ платить долговъ—весь годъ будешь расплачиваться. (Селогорская волость Новгородскаго уѣзда).

2. Если въ Новый годъ гости, то весь годъ гости (ibidem).

3. Женщины подъ Новый годъ ни подъ какимъ видомъ не

---

*) Срв. гаданье «мѣрять сусѣкъ» въ Яранскомъ уѣздѣ (Вятской губ.): пересчитываютъ захваченныя также ручною саженью бревна въ амбарѣ, приговаривая: «сусѣкъ—мѣшокъ, сусѣкъ и т. д.» (Д. Зеленинъ въ Сборникѣ II Отдѣленія И. Акад. Наукъ, т. LXXXVI, стр. 87).

играютъ въ карты: будто-бы курицы будутъ клевать огурцы (Самокражская вол. Новгор. у.).

4. 22 января: Тимофѣевскій морозъползимы съ собой унесъ. Если въ этотъ день въ полдень видно солнце, то весна будетъ ранняя (Луцкая вол. Демянск. у.).

5. Егорьевъ день (23 апрѣля). Въ этотъ день выгоняютъ въ поле скотъ.—Нанятый заблаговременно пастухъ идетъ въ церковь отслужить молебенъ, послѣ чего играетъ въ рожокъ или же кричитъ около каждаго дома, чтобы хозяева выгоняли коровъ.—Прежде чѣмъ выгнать скотъ, каждый крестьянинъ на дворѣ «обходитъ» его. Обрядъ «обхода» совершается такъ: кладутъ въ рѣшето ломти нарѣзаннаго хлѣба, цѣлый круглый хлѣбъ, куриное яйцо, блюдо съ солью, ножикъ и икону великомученика Георгія. Передъ иконою зажигаютъ пасхальную свѣчу, а въ вырѣзанное наверху каравая отверстіе кладутъ четверговой соли (оставшейся отъ Чистаго четверга). Это рѣшето ставятъ сначала въ избѣ на столъ; вся семья садится на скамьи и сидя крестится. Потомъ всѣ встаютъ, молятся передъ иконами и идутъ на дворъ. Впереди идетъ хозяинъ и несетъ въ рукахъ описанное рѣшето. Весь скотъ бываетъ собранъ на дворѣ. Хозяинъ трижды обходитъ кругомъ скота и потомъ каждой коровѣ лошади, овцѣ даетъ изъ рѣшета по куску хлѣба, а икону ставитъ надъ воротами двора. Черезъ эти ворота выгоняютъ скотину въ поле. Гонятъ женщины, при чемъ у каждой въ рукахъ верба. Вербу эту оставляютъ въ полѣ на своей полоскѣ.

Въ полѣ скотину всей деревни обходитъ такимъ же образомъ пастухъ. Онъ совершаетъ обходъ съ какимъ-то приговоромъ. Послѣ обхода каждая баба даетъ ему по яйцу или по два, или же денегъ Послѣ этого пастухъ гонитъ скотину дальше въ поле, а женщины и мужики, крестясь, возвращаются домой.—Крестьяне вѣрятъ, что пастухъ можетъ сдѣлать надъ коровой все, что ему угодно (молоко отнять, звѣрю отдать, въ пакость повадить и т. п.), а потому они его берегутъ (Луцкая вол. Демянск. у., сообщ. А. И. Сергѣева).

6. Нельзя сѣять ленъ 21-го мая, въ день св. Константина и Елены: посѣянный въ этотъ день ленъ «закостенѣетъ», т. е. не выростетъ (Самокражская вол. Новгор. у.).

7. Въ прощеное воскресенье (т. е. въ заговѣнье на великій постъ) послѣ ужина ничего не убираютъ со стола; при этомъ вѣрятъ, что ночью приходятъ родные и заговляются на весь великій постъ (Ibidem).

8. Въ ночь на Великій четвергъ завёртываютъ въ тряпку небольшой комочекъ соли и кладутъ на ночь въ печку (на горнушку). Утромъ этотъ комочекъ вынимаютъ и прячутъ куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Соль эта употребляется потомъ для вспрыскиванія больныхъ (Луцкая вол. Демянск. у.).

9. Въ Великій четвергъ утромъ ходятъ за можжевельникомъ и,

принеся домой, кропятъ имъ всѣ комнаты, горшки, чашки и т. п., а также самихъ себя (бабы) и дѣтей (Ibid.).

10. Въ тотъ же день утромъ дѣвушки ходятъ подъ яблони чесать свои волосы,—чтобы росла коса (Ibid.).

11. Въ тотъ же день у лошадей и коровъ подрѣзаютъ хвосты (Ibid.).

12. Въ тотъ же день не даютъ ничего взаймы; если кто дастъ, у того падетъ лошадь или корова (Ibid).

13. Въ розговѣна, напр. въ первый день Рождества, за завтракомъ нельзя пить воду: будешь пить часто на сѣнокосѣ (Селогорск. вол. Новгор. у.).

14. Понедѣльникъ—день тяжелый; въ долгъ не даютъ (Луцкая вол. Демянск. у.).

15. Въ праздники до обѣдни и во время ея грѣшно ѣсть и пить, особенно тому, кто собирается идти къ обѣднѣ. На «томъ свѣтѣ» такимъ людямъ ѣсть не дадутъ: будутъ они терпѣть голодъ и жажду (Ibid).

б) *Примѣты о смерти.* Носъ чешется—къ покойнику (Ibid). Срв. ниже. 68 и 23

17. Въ дому появится много мышей—къ покойнику; будто бы мыши выживаютъ человѣка изъ дому (Самокражская вол. Новгородскаго у.).

18. Если кто придетъ въ чужой домъ, когда хозяева только-что пообѣдали и не успѣли убрать со стола ложекъ, то въ томъ домѣ кто-нибудь умретъ (обыкновенно мать). Ibid.

19. Если на чьемъ домѣ кричитъ сова, въ томъ дому будетъ покойникъ или случится другая бѣда (Ibid.)

20. Кузнечикъ забирается въ заднюю стѣну дома къ смерти ребенка;— въ большой уголъ—къ смерти хозяина или хозяйки. (Селогорская вол. Новгор. у.).

21. Трещитъ въ домѣ брусъ—къ смерти хозяина или хозяйки (Ibid.).

22. У курицы въ ногахъ волочится соломинка — къ покойнику (Ibid.)

23. Чешется переносье—къ покойнику (Ibid.).

24. Столъ „крячитъ"—родители просятъ панихиды. (Ibid.).

25. Если дятель прилетитъ и станетъ клевать уголъ дома, то въ этомъ домѣ будетъ покойникъ (Новое Дахино Крестецкаго у.).

26. Въ избѣ появится много большихъ черныхъ таракановъ—къ покойнику. (Ibid.).

27. Собака опуститъ голову внизъ и будетъ выть—въ деревнѣ будетъ покойникъ (Ibid.).

в) *Примѣты о пожарѣ.* Летучая мышь вечеромъ летаетъ—къ пожару. (Луцкая вол. Демянск. у.).

29. Если въ деревню прилетитъ сова, сядетъ на крышу дома и

будетъ кричать, то въ этомъ домѣ, и даже во всей деревнѣ, будетъ большой пожаръ. Ibid.).

30. Собака воетъ подобно волку— къ пожару (Ibid.).

31. Собака подниметъ голову вверхъ и воетъ—къ пожару (Новое Дахино Крестецк. у.). Срв. выше 27.

32. Заяцъ пробѣжитъ посрединѣ деревни—скоро въ деревнѣ будетъ пожаръ (Ibid.).

г) *Счастіе и несчастіе.* Расколется мякишъ хлѣба—къ бѣдѣ (Самокражская вол. Новгор. у.).

34. Пріѣхавъ домой, около дома спотыкнешся, или споткнется конь,—дома несчастіе (Селогорская вол.).

35. Идешь просить чего-нибудь или получать долгъ и споткнешься,—ничего не получишь (Ibid.).

36. Сорока скачетъ на крышѣ дома—къ бѣдѣ (Ibid.) Срв. ниже 58.

37. Упадешь на правый бокъ,—не будетъ пути (т. е. толку); на лѣвый—къ счастію (Ibid.).

38. Чешется правый глазъ,—плакать; лѣвый,—радоваться (Ibid Грузинская вол. Новгор. у.).

39. Видѣть во снѣ мѣдныя деньги—къ несчастью, серебряныя—къ слезамъ. (Ibid.).

40. Перейдетъ дорогу котъ или заяцъ,—несчастіе (Ibid.).

41. Заяцъ пересѣчетъ дорогу,—несчастіе (Луцкая вол; Новое Дахино). Чтобы избавиться отъ несчастья, путникъ долженъ тотчасъ-же ломать ольху (Новое Дахино).

42. Попъ попадетъ навстрѣчу,—путь несчастливъ (Луцкая вол. Селогорская вол.).

43. Собака воетъ на дворѣ—къ бѣдѣ (Селогорск. вол.).

д) *Болѣзни и ихъ лѣченіе.* Не слѣдуетъ весною при заходѣ солнца спать: пристанетъ болѣзнь „веснуха" (Гор. Валдай).

45. Съѣшь чужой „озубокъ" (обкусанный кусокъ хлѣба),—будутъ болѣть зубы; или съѣшь силу того, кто оставилъ озубокъ (Селогорская вол.).

46. Черезъ корыто и коромысло не „перешахывай" (перешагивай),—будутъ „Корчи" въ ногахъ (Ibid.).

е) *Погода.* Чешутся уши— къ теплу (Ibid.).

48. Сѣра „кипитъ" въ ушахъ—будетъ плохая погода Ibid.

49. Рано пѣтухи запоютъ—къ перемѣнѣ погоды или къ вѣстямъ (Ibid).

50. Собака ѣстъ траву или „валяется"—къ худой погодѣ (Ibid.).

51. Котъ сядетъ на „ошостокъ (шестокъ)—къ холоду. (Ibid.).

52. Ворона каркаетъ—къ дождю (Луцкая вол.).

53. Канюкъ (родъ ястреба) кричитъ—къ дождю (Грузинская вол.).

54. Видѣть во снѣ покойника—къ дурной погодѣ (Ibid.).

ж) Гости.

55. Если во время обѣда закашляешь отъ попавшейся въ дыхательное горло крошки („попершитъ"),—будетъ гость; говорятъ: „кто; то торопится къ обѣду" (Селогорская вол.).

56. Упадетъ со стола ножъ,—будетъ гость (мущина); ложка,—гостья (Ibid.).

57. Убирая со стола, забудутъ ложку,—будетъ гость (Ibid.).

58. Сорока скачетъ на дворовой крышѣ—къ гостямъ. (Ibid.) Срв. выше 36.

59. Котъ умывается.—къ гостямъ (Ibid.; Грузинск. вол.).

60. Просыплешь соль—къ ссорѣ (Селогорс. в.).

з) Ссора

61. Разговаривая, прикусишь языкъ—къ ссорѣ (Ibid.).

62. Заворотится край одежды—быть битому. (Ibid.).

63. Черезъ ножъ или съ ножа не ѣшь: будешь сердитый (Ibid).

и) Любовь.

64. Двое вмѣстѣ въ зеркало не глядятся: въ одну или въ одного влюбятся (Ibid.).

і) Дорога.

65. Если отправляясь въ дорогу зацѣпишься платьемъ, то скоро вернешься обратно домой. (Селогорская вол.).

66. При уходѣ изъ дома для благополучія въ дорогѣ нужно открывать трубу или поставить къ печкѣ (къ „ошостку") ухватъ. (Ibid).

к) Пища и патье.

67. Сдѣлаешь два „озубка" за столомъ (т. е. не доѣшь двухъ начатыхъ кусковъ хлѣба),—кто-нибудь въ „природы (въ породѣ) голоденъ. (Ibid.).

68. Чешется кончикъ носа—„глядѣть въ рюмку" (пить водку) или слышать о новорожденномъ. (Ibid.).

8. Хороводъ.

Хороводъ подробно описанъ *Гр. Евдокимовымъ* изъ Селогорской волости (дер. Чауни) Новгородскаго уѣзда.

Названіе караводъ встрѣчается здѣсь рѣдко, чаще гуляньё. „Васюха, заводи гулять! т. е. начинай хороводъ. Хороводныя пѣсни зовутся „гулевы пѣсни". Онѣ играются зимою на посѣдкахъ или „супреткахъ", лѣтомъ — на улицѣ или въ полѣ; раздѣляются на нѣсколько разрядовъ: 1) однѣ поются „ при заводѣ" хоровода; 2)

другія—когда всѣ ходятъ кругомъ; 3) третьи—когда выходятъ изъ круга попарно; 4) четвертыя—когда „крестятъ“.

Хороводъ „заводится“ слѣдующимъ образомъ. Два парня берутся за руки и ходятъ по избѣ—отъ порога къ передней лавкѣ. Это „заводи́лы“ (очень рѣдко бываетъ одинъ заводи́ло). Дѣвицы въ это время поютъ имъ пѣсню, напримѣръ:

1. Двое хо́дя малиньки,
Што свѣточки алиньки;
Оны ходя и гуляютъ,
Дѣвокъ выбераютъ.

Гуляющіе заводилы выбираютъ себѣ—каждый по дѣвушкѣ, и четверо составляютъ кругъ: „ходятъ въ кружкѣ“. Дѣвушки поютъ новую пѣсню, которая относится уже не къ гулящимъ, а къ прочимъ парнямъ, еще ожидающимъ приглашенія. Напр.:

2. Што по жолтому песку
Бѣжала рѣчинька въ Москву.
Положу мостиночку,
Переведу дѣвчоночку,
Перштато́чки скину съ рукъ.
Вы пожалуйте во кругъ!

Если ребята „куражатся“, сразу не идутъ, то въ угоду имъ поютъ еще пѣсню. Напр.:

3. Вы, робята, не куражтесь,—
Не надѣлать бы проказъ;
Розудалинькой молодчикъ,
Вы пожалуйте сичасъ.

Заводилы подходятъ къ ребятамъ и приглашаютъ „погулять“, сначала упрашиваютъ добромъ, а потомъ и съ руганью:—„Васька, подемъ гулять!“—Не! я не хочу.—„Ну, ставай подемъ, подемъ!“—Ну тя!—„Да подемъ-жо.... Экой!“—Ты гуляй, коли хошь, а я не пойду, и безъ мі́ня народу е.—?!... Да што, ишо безъ шапки заставишь стоять?! Ли ты куражиссе? ...валяй валяй!“ Беретъ Ваську за рукавъ и вытаскиваетъ его на середину.

— „Ну, ужъ быть такъ, сгулять жо разокъ“... Подходитъ къ дѣвицѣ; „Дарушка, подемъ гулять!“—А татя тутъ сидѣлъ-бы.... Страшно—й!—„Ну-ну, ставай!“.

Еще при заводѣ поются пѣсни:

4. Вы не стойте у порога,
Вамъ не заломана дорога;
Наши дѣвки не худы.
Вы пожалуйте суды!

5. Вы пожалуйте, робята,
Въ нашу круговую;
Выберай-ко-се, молодчикъ,
Дѣвушку любую!

6. Люди жать, а мы стоять:
Времечко слободно;
Въ караводѣ погулять
Гле*) ково угодно?

7. Вышелъ милой изъ воротъ
Въ бѣлинькой рубашки,
При жилеточки, часахъ...
Вы пожалуйте сичасъ.

8. Въ барскомъ домѣ на балхонѣ
Сидѣлъ милинькой въ уборѣ;
Онъ во скрыпочку игралъ,
Сібѣ дѣвицу выбералъ.

*) Гле —для.

9. У моево у милово
На помады волоса.
У дѣвицы-красовйцы
Подъ гребеночкой коса.
Милой по́ саду гулялъ,
Сібѣ дѣвицу выбералъ.

10. Шла дѣвица на гулянье̋—
Позабыла зонтикъ взять.
Розудалинькой молодчикъ,
Вы пожалуйте гулять.

11. У моево батюшки
Было двѣ лошадушки:
Одна бу́ра, друга бу́де,
Третью ладились**) купить.

12. У мое́во у мило́во
Нѣтъ колечка некаково,
Только есте перстешо́къ.
Вы пожалуйте въ кружокъ.
Золотыи два кольца.
Бере дѣвица молодца.

13. Банка розовой помады
На русую косу.
Выберай-ко-се, молодчикъ,
Дѣвушку хорошу.

14. Я хочу и не тужу,
Што одинъ гуляю:
Я по совѣсти сібѣ
Дѣвицу выбераю.

15. Я возьму коня за гриву,
Поведу ёво на ниву,
Я на ниву, на лужокъ,
Вы пожалуйте въ кружокъ.

16. Нѣмцовъ домъ стоитъ столбомъ,
На верху солдатъ съ ружьемъ;
Онъ съ ружейца выпалялъ,
Сібѣ дѣвицу выбералъ.

17. Ише вѣникъ да голикъ
Выбрать дѣвушку велитъ.

18. Гле Василья-то бытылку,
Гле Михайлы курицу,
Гле Михайлы курицу,
Выберай-ко умницу.

19. У насъ Иванушку хвалили:
Што Ивановичъ хорошъ,
Онъ хорошъ таки хорошъ,
Выберай котору хошь.

20. У насъ-то на бесѣды
Полна кадочка воды;
Полна кадочка воды,
Вы пожалуйте суды!

21. Какъ у Ванюшки уски—
Серебряны волоски.
Мигни-ко, Ванюшка ускомъ,
Бери дѣвицу кружкомъ.

22. Ищо какая это модниинькая,
Не моя-ль сестрица родининькая,
Набѣлена намазаная,
Выберать приказаная.

23. Сколько на́ печи лучины,
Столько на сердцѣ кручины;
Безъ кручины не на часъ,
Вы пожалуйте сичасъ.

24. Ту́манъ-туманъ при долины,
Ши́рокъ листокъ на калины;
Есть пошире на дубу,
Вы пожалуйте суды.

25. На поповой крышѣ
Разыгралисъ мыши;
Мышь-то мыши говоритъ:
Выбрать па́рочку велитъ.

Эти пѣсенки, сходныя, по своей краткости, съ «частушками», рѣзко отличаются отъ послѣднихъ своимъ напѣвомъ. У П. В. Шейна

**) Ладиться—собираться, намѣреваться.

онѣ приведены подъ именемъ «наборныхъ» или «сборныхъ» (Великоруссъ 53—64: №№286—347).

II. Когда всѣ (или, по крайней мѣрѣ, всѣ желающіе) выбрали дѣвицъ и собрались, тогда всѣ становятся въ одинъ кругъ и ходятъ кругомъ. Въ это время поются пѣсни, въ концѣ которыхъ приглашеніе цѣловаться. Однако въ настоящее время цѣловки вышли изъ моды; ограничиваются однимъ пожатіемъ рукъ. Пѣсни вотъ:

26*) Катилосе колёсо,
Мы гуляли хорошо;
Катиласе земчужина,
Цоловацце дюжина.

27*) Шолъ хорошинькой
Приходилъ ко мнѣ нерано,
Нóсилъ доброво не мало нечево:
На чотыре рýбля штофу,
Дитинка молодой.
Петьдисятъ рублей солопу,
Подъ солопикъ надо мѣху.
Цолуй дѣвицу въ утѣху.

III. Дальше слѣдуютъ долгія пѣсни. Во время каждой изъ нихъ «заводило» выходитъ на середину. За нимъ идетъ его пара — дѣвушка. Парень снимаетъ шапку и кланяется вставшей передъ нимъ дѣвицѣ. Та тоже кланяется и затѣмъ оба уходятъ. На ихъ мѣсто выступаетъ другая пара и продѣлываетъ тоже самое, потомъ третья, и т. д.

Сколько и какія пѣть пѣсни, зависитъ отъ заводилъ.

28. Не спѣши, моя хорошая, постой,
Намъ не долго бесѣдовать съ тобой.
— «Ты, шшогольной [1]), манерной милой мой,
Полна, пожили во вѣрности съ тобой.
Все я, милой, сокрушалась объ тібѣ,
Я конешно сама объ сібѣ.
Лихи люди намутили [2]) на міня,
Намутили-наговаривали,
Во глаза дружку улешшивали [3])...
Міня дѣушку на вѣки обругать.
Полно, милинькой, по садику гулять,
Вечерóмъ позднó во скрыпочку играть,
Вечеромъ приду съ бесѣды — сидишь,
Со полуночи спокойну ночку спишь;
Утромъ рано не смею доложить.
Вѣрно, милинькой любовь надо рѣшить [4]).
Я рѣшила — покончила любовь — [5]).

---

*) Срв. *А. Можаровскій*, Святочныя пѣсни, игры etc. Казанск. губ. 31: № 29.
**) Jbid. 44: №51.
[1]) Шшогольной — щеголеватый, щеголь.
[2]) Немутить — наплести, наврать.
[3]) Улешшивать — льстить.
[4]) Рѣшить — кончить.
[5]) *Вар.* изъ Самокражск. вол.: «Я рѣшила, — и покойничка люблю».

Слышу: милой—сердитой на міня,
Хоче дѣвицу сбесчестить меня:
Мнѣ русу косу отрѣзать отъ міня,
Алыи ленточки омять и стоптать,
Боли сердечко—не уймется нековда.
Слезы катятся съ очей моихъ, изъ глазъ.

Не ростацце съ хорошимъ пять годовъ.
Птичка пугана боится завсёвда,
Эти слезы надо къ милому сослать;
Цоловаться съ хорошимъ деветь разъ.

---

29. Я ходила-похаживала,
Я будила-побуживала
Я своево мужа-барина:
«Стань, проснись-ко-сь, мой молодой мужъ,
Пробудисе, сынъ купеческой,
Сынъ купеческой Васильюшко.
Оторвался вашъ вороной конь
Отъ столба-столба точеново,
Отъ колечка золоченово;
Онъ ворвался во зеленой садъ,
Во зеленой садъ—во вишеньё;
Приломалъ въ садочкѣ вишеньё,
Чорну ягоду смородину».
Сынъ Васильюшко по улицѣ идё,
Онъ идё-идё высвистывае,
Во гитарушку выигрывае,
Во гитару выговаривае,

Про гуляньицо выспрашивае:
Весело-ли на гуляньицѣ было?
Насъ гулянье не доводи до добра:
Изъ гулянья распрогнѣвалъ сынъ отца,
Не за то здали въ салдаты молодца.
Во салдатушкахъ невольная жизь,
Житье невольное, кукушечье,
Житье кукушечье—горюшечье:
Куды не пойдешь—все чужая сторона;
Куды не зглянешь—непріятели стоя,
Не заводя караводу гле міня.
Поцолуй, сказалъ, сударушка, міня!

30 а. Я у свёкра жила,
Три бѣды нажила.
Вотъ ужъ перва бѣда:
Щи варила—пролила;
Вотъ ужъ друга бѣда:
Пероги пекла—прижгла;
Третья бѣда—
Съ мужомъ спать не легла.
Вотъ какъ билъ міня мужъ,
Жадобинъ колотилъ.
Вотъ я съ этого побою
Въ постелю слегла;
Я въ постелюшки
Три недѣлюшки.

в. Я кукшинъ молока
Сто́я выхлёбала,
Я лукошко толокна
Сидя выцопала.
Я пойду молода
На зыбучной на сарай,
Нагребу молода
Злата-серебра;
Я поставлю свѣчу
Передъ пятницею:
Чтобы свёкра съ свёкровой
Тресухой затресло,
Деверьевъ-кобельевъ
Что-бы въ лѣсъ занесли,

б. На четверту недѣлю
Стала сбря́дывати,
Стала сбрядывати,
Сѣла завтрикати.
Спила-съѣла молода
Симилѣтняго ва́ла,
Коровицу нетелицу,
Овцу я́ловицу;

г. Чтобы мужа-жадобину
На печи бы задавило;
На печи въ углу
Въ три ряду́ сверну,
Въ три ряду сверну
И въ трубу забью.
Родной батюшко сказалъ,
Цоловацце приказалъ...

31. Нажила сібѣ мужа-форсуна:
Не умѣе опоясать кушака—
Назаду узелъ завязывае,
Напере́дъ концы подтарживае...
Не отдать ли во салдаты форсуна?
—Я, неволь жона, охотою пойду,
Со пути-дорожки грамотку пошлю,
Я своей жо́ны строго накажу:
Ты живи-живи, салдацка жона,
Поросплачивай долги посли міня;

На остаточки водочки купи,
Кого любишь, того въ гости позови.
Я люблю-люблю Василья-молодца,
Побывалъ-бы (2) у Василья на дому,
Поглядѣлъ-бы на Васильеву жону.
У Василья жона очень умна,
Не сбезчести при канпаньи молодца,
Поцолуй, сказалъ, сударушка, міня *).

---

32. Ужъ ты цвѣтикъ, мой алинькой цвѣтъ,
Што-жъ ты, цвѣтъ, не на мѣстѣ цвѣтешь,
Не на мѣстѣ, не въ той стороны?
Сколько клялась тя, милой, любить,—
Эту думу вѣтёрочкомъ рознесло,
Вѣтёркомъ по чистому полюшку,
По чистому зеле́ному лужку.
Говорила я милому дружку:
Не ходи на бесѣду гле міня,
Не просиживай долги вечора́,
Не томи свою душу гле міня...
Поцолуй, сказалъ, сударушка, міня.

33. а. Што у Насти младой,
У Настушки молодой
Пара вороныхъ коней.
За извошшичка парень молодой—
Молодецъ къ молодцу,
Што не нашово полку:
Шляпу носи на боку,

в. Тамъ е Машина краса,
Забавныи рѣчи-словеса,
Забавныи кой-какіи,
Розговоры частыи.
Розговаривать умѣла,
Улешшала дружка на словахъ
Улешшала, уважала, уговаривала:

*) Срв. *Соболевскій* II, 360—362: №№ 428—429;

б. Свѣтикъ алой на верьху...
—Свѣтикъ, лапочка моя,
Свѣточикъ, радость дорога,
Скажи-ко: любишь ли міня?
—Я со той поры люблю,
Съ тóво времечка люблю,
Гдѣ гуляли вмѣстѣ съ тобою,
Гдѣ гуляли—совѣтали—
Мы не въ рошши—лѣсу,
Подъ березкой во саду;
Подъ березкой вишеньё,
Подъ кудрявой зеленó,

г. Брось, милой, пенять,
Перестань, милой, пенять:
Тібѣ-ка міня не унять,
Не унять, не послать.
За рѣку пойду гулять,
Што за рѣчкой рѣкой
За быстрой такой
Любилъ мальчишко дѣвицу:
Лйцо бѣло, какъ снѣгъ,
Шшочки алы—маковъ свѣтъ,
Цоловаться—лучше въ свѣтѣ
нѣтъ.

34. Ужъ ты Дýнюша, Дуняша,
Чімъ ты лучше міня.
Ай ли, ай люли,
Чімъ ты лучше міня.
У тя платьё не алѣ
И походка не башшé.

Ай ли, ай люли,
И походка не башше.
У тя походочка баска—
Цоловацце три разка.

IV. «Закрестимъ, робята, штобы не завело, какъ домой пойдемъ!» И начинаютъ «крестить». Это—послѣдняя фигура въ хороводѣ. Заводилы становятся у передней лавки. Передъ ними, ближе къ порогу, ихъ дѣвицы. Слѣва становятся два другихъ парня, а напротивъ—ихъ дѣвицы. Такимъ образомъ, получается «крестъ», откуда и названіе фигуры.

Когда запоютъ пѣсню, заводилы, снявъ шапки передъ своими дѣвицами, мѣняются съ этими послѣдними мѣстами, причемъ дѣвицы проходятъ въ серединѣ парней. Поперечныя пары дѣлаютъ тоже самое. И такъ до конца пѣсни.

Когда «крестятъ», поютъ слѣдующія пѣсни.

35. Я на горочку здымалась,
Тежоло въ рукахъ несла:
Шубку, юбку и платокъ,
Цоловацце разъ петокъ.

36. Вы валеныи сапожиньки,
Не ходите по дорожиньки,
Вы идите тропиночкой:
Штобы дѣвицы видѣли васъ,
Цоловали по петнадцети разъ.

37*). До полуночи цѣпочка горитъ,
Со полуночи серебреная,
Она горитъ, перегаривае;
Мальчикъ дѣушку омманывае.
Погоди-ко, не омманывай міня,
Я маленько лукавѣе тібя;
Я маленько, малёшинько,
Цоловацце скорёшинько...

38. Свѣтикъ, свѣтичекъ алой,
Цолуй-ко дѣвицу, милой.

39. Поглядите-ко на насъ:
Кака насъ парочка сошлась!
Парочка попрежнему.
Цоловать любезную.

*) Срв. *А. Можаровскій*, Святочныя пѣсни ежс. 20: № 10; *Н. Иванцкій*, Матеріалы по этногр. Вологодск. губ. 222: № 7.

40. Тутъ стояла незнакомка,
Продавала сладкой медъ;
Проситъ гривну—нéжаль дать,
Мастерицу цоловать.

Если «гулянье» происходитъ на «посѣдкѣ», то по окончанiи его парни идутъ на свои мѣста—къ порогу, а дѣвицы садятся за свои прялки. Впрочемъ, нѣкоторые парни садятся рядомъ съ прялками тѣхъ дѣвицъ, за которыми они ухаживаютъ.

Подъ именемъ «хороводныхъ» записаны еще въ разныхъ мѣстностяхъ пѣсни:

41. (Запись г. *Широкаго* въ Любытинской вол. Борович. у.; принадлежитъ, видимо, къ I нашему классу: см. выше №№ 1—25).
Ужъ ты Катя Катерина,
Нарисована картина!
Подъ окошечкомъ сидѣла,
Коверочикъ вышивала,
Коверочикъ вышивала,
Офицера поджидала,
Офицерикъ изъ воротъ
Пожалуйте въ хороводъ!

42. Что ни трóпушка тропитце,
Конопелюшка ломитце;
Что по той-то тропинушки
Проходилъ-то дитинушка,
Что Низнамъ-то Низнамовичъ,
Что Василей-то Яковлевичъ.
Онъ во бѣленькой рубашки гулялъ,
Во хорошой во поддевки шшеголялъ,
Сйбѣ любушку-сударушку искалъ,
Сйбѣ любушку-голубушку,
Парасковью Васильевну.
(Крестецкiй уѣздъ, Новая деревня).

43. Журавъ-журавъ долгоногой),
Не ходи большой дорогой!
Ходи лѣсомъ, стороной,
Борони-ка бороной.
Борона желѣзная,
Выбирай любезную.
Съ кѣмъ гуляла молода,
Цѣловала три раза (или цѣловала молодца).

(Любытинск. вол. Борович. у.; срв. «Великоруссъ» Шейна, 61:249). № 323; Можаровскiй, Святочныя пѣсни 44: № 52).

44. Бѣлолица-круглолица
Красная дивица!
Во твоемъ лици румянецъ
Завсегда играетъ.
Молодому, холостому
Назолу даваетъ.
Молодой отъ холостой
Въ лужку травушку топталъ.
Дороженьки не нашелъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ.

(Недашецкая вол. Тихвинск. у.; срв. Соболевскiй V, №№ 244—

45. Г. *Широкiй* записалъ въ Любытинской вол. Боровическаго у. два «припѣва» къ играмъ, не описывая, къ сожалѣнiю, самыя игры. Припѣвъ къ игрѣ въ «ж г у т ъ»:

Огонь горитъ,
Смола кипитъ;
Моя маменька идетъ,
Чашку кофею несетъ—
Со сливочкамъ,
Съ переливочкамъ.
Кому пуль подложить,
Тотъ за мной побѣжитъ

У Терещенко (IV, 84—86) находимъ описанiе игры «жгутъ», но

безъ пѣсенъ; у А. Можаровскаго (Святочныя пѣсни etc. 97: № 7) тоже безъ пѣсенъ.

46. Припѣвъ къ игрѣ «бѣлый камень» (запись *Широкаго*):

Вы купы, купы, купанюшки,
Тутъ купался Иванушка,
Середи моря на камушкѣ.
Бѣлый камень у меня, у меня,
У меня, меня, меня, меня, меня.

47. (Запись *Гр. Михайлова* въ Селогорской вол. Новгор. у.).

Изъ молодыихъ робятъ не пускаютъ насъ гулять,
Мы татинькѣ солгемъ, быдто за долгомъ пойдемъ,
Быдто за долгомъ пойдемъ,—во питейный домъ зайдемъ.
Во питейномъ во домочкѣ собиралися дѣво́чки.
Что въ удѣльной во конторѣ сидѣлъ молодецъ въ уборѣ,
Сидѣлъ молодецъ въ уборѣ на дубовомъ сундучкѣ,
На дубовомъ сундучкѣ, на распашку въ сертучкѣ.
Не стучало, не бренчало, вдругъ контора отворилась,
Вдругъ контора отворилась—душа Дунюша явилась.
Душа Дунюшка явилась, она низко поклонилась,
Она низко поклонилась, рядомъ съ писаремъ садилась,
Рядомъ съ писаремъ садилась, съ землемѣромъ побранилась,
Съ землемѣромъ побранилась, изъ конторы вонъ ушла,
Изъ конторы вонъ ушла, чернымъ глазомъ навела,
Чернымъ глазомъ навела на Ванюшку-писаря.
Вдругъ Ванюша срадова́лся, сзаду Дунюшки бросался,
Бросилъ книгу и перо, вси казенныя дѣла;
Вси казенныя дила уберите со стола!
Уберите со стола,—мни-ка Дунюшка мила,
Мни-ка Дунюшка мила, провожу ей до двора,
Провожу ей до двора, до горенки до ново́й.
Во горенку приходили и на стульчикъ посадили,
И на стульчикъ посадили, чаемъ-кофеемъ поили.
Пили кофей, пили чай,—пришелъ братецъ невзначай,
Пришелъ братецъ невзначай, поздравляя кушай чай.
Ко молодцу на кровать идетъ дѣвица цѣловать,
Идетъ дѣвица цѣловать, унимая ночевать,
Ты ночуй-ночуй, хорошій, ночуй ночку у меня!
—„Я бы радъ ночевать,—будетъ маменька ругать“.
..Какъ поѣдешь, мой хорошій, на чужую сторону́,
На чужой дально́й сторонкѣ не загуливайся,
На хорошіихъ пригожихъ не накидывайся:
Тебя хорошія пригожія повысушатъ,
Твое ретивое сердечушко повызнобятъ
И изъ бѣлова лица у тя повынутъ румянца!

Срв. Соболевскій IV, 523—525: №№ 663—665; конецъ пѣсни срв.

ниже № 99. Срв. *П. Ефименко,* Матеріалы по этногр. Архангельской губ. 67: № 11.

48. (Запись *А. Сергьева* въ Луцкой вол. Демянск. у.).

Жилъ-былъ у бабушки козёлъ,
Молодой съ бородой;
Онъ на стоили стоялъ,
Онъ головушкой качалъ;
Онъ рожь вѣеную ѣлъ,
Муку сѣеную жралъ.
Захотѣлось козлу,
Захотѣлось дураку
Въ тёмный лѣсъ погулять,
Бѣжалъ козелъ по дороги,
Своротилъ козелъ съ дороги.
Какъ по ельничку,
Какъ по березничку
Ѣдитъ мужикъ съ сѣномъ.
—Ужъ ты дядюшка,
Не видалъ ли тутъ козла,
Не видалъ ли дурака?
Какъ по ельничку,
Къ покаберезничку...
—Ужъ ты волчушка,
Ужъ ты сѣренькій,
Давай поборимся съ тобой,
Уговоримся съ тобой:
Ты подъ лопаточки не бей,
Подъ колѣна не ломи!
Какъ схватилъ волкъ козла
Да за гриву,
Потащилъ на ниву,
Какъ ударилъ головой объ ниву:
Кýда роги, куда ноги...
Стоитъ баранъ на дороги,
Уставивши роги:
„Ужъ ты тётушка,
Ты свари-ка киселька,
Помянимъ-ка козелка!"

Послѣ каждаго стиха припѣвъ: «Хыкáнъ-мыкáнъ». Срв. «Великоруссъ» Шейна 278—28: №№ 971—976.

9. Свадебныя пѣсни Селогорской вол. (Новгор. у.).

Описанія свадебныхъ обрядовъ въ нашихъ матеріалахъ совсѣмъ нѣтъ. Пѣсенъ свадебныхъ немало. Наибольшее количество ихъ записано *Гр. Евдокимовымъ* въ Селогорской вол. (дер. Чауни) Новгородскаго уѣзда.

Г. Евдокимовъ дѣлитъ свадебныя пѣсни на двѣ группы: однѣ поются жениху или вообще парню; другія—невѣстѣ или вообще дѣвицѣ.—Поются свадебныя пѣсни 1) по окончаніи сватовства, жениху и невѣстѣ: а) передъ ихъ окнами и б) передъ баней, гдѣ они моются (невѣста ходитъ въ баню съ подругами, женихъ—одинъ); 2) за «княжимъ столомъ» (т. е. свадебнымъ обѣдомъ), какъ жениху и невѣстѣ, такъ и всѣмъ поѣзжанамъ; 3) на супреткахъ (посидѣлкахъ) всѣмъ холостымъ.

Жениху поются:

49. Хто у насъ холóстъ,
Во горнúцы не жонатъ?
Михайлушка холóстъ,
Ивановичъ не жонатъ.
Пора ёму жéницце,
Дома маминька бранитъ,
Женицце мóлодцу велитъ.
Жéнись, женись, дитетко,
Женись мое милоё!
Я бы радъ бы женицце,—

На добра коня сѣдицце.
Я ко тестину двору,
Ко тешши́ному широку̇
Марьюшка, пусти,
Павловна, отвори.
Я бы рада отворить,
Буёнъ вѣтеръ шибко вьё.
Буёнъ вѣтеръ шибко вьё,
Съ головы косынку рвё.
Съ головы косынку рвё—
Молодца горё берё.
Молодца горё берё:
Дома маминька бранитъ
Мнѣ-ка нековo взять.
—Возьми, возьми, дитетко,
Съ высоко́во терема,
Съ высоко́во терема
Придворну̇ю фрелину.
Придворную фрелину
Марью Павловну.
(При пѣніи, послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: „Ай люли, ай люши́ньки“, съ повтореніемъ послѣдняго стиха).

Срв. «Великоруссъ» Шейна 663: № 2143; а также 463: № 1573.

50. Што во сѣнечкахъ-сѣняхъ
Што во новыхъ сѣняхъ
Тутъ стояла кровать,
Кровать точеная, позолоченая.
Что на этой на кровати
Доброй молодецъ лежитъ,
Ужо Пётра господинъ.
Овдокимовичъ.
Приходила къ ёму
Ро́дна матушка.
Она будила ёво
Шолково́й плеткой:
Охъ ты, Петинька, ставай,
Овдокимовичъ, ставай!
Плывё на морѣ карабъ,
Съ краснымъ дѣвушкамъ пришолъ
Съ Марьюшкой душой
Съ Мартимьяновной.
Вотъ за Петрой прибѣжали,
Ёво дома не застали:
Во конторы за столомъ
Пише чорнымъ перомъ.
Со печатью золотой.
—Охъ ты Марьюшка, постой,
Мартиньяновна, постой!
Заплачу тѣ за постой
Шолковой поёсъ двойной
И съ печатью золотой *).

51. Двои сани пробѣжали (2)
Третьи козыремъ идутъ (2)
Што во етыхъ саночкахъ,
Што во этыхъ новыхъ
Сынъ купечецкой сидитъ (2)
Приварачивать велитъ, (2)
Приварачивай, робята, (2)
Къ нашей новой слободы (2)
Ко Иванову двору. (2)
У Ивана дочь хороша, (2)
У Тимофеева хороша (2)
Ей и Дарьюшкой зовутъ, (2)
Ей Ивановной зовутъ, (2).
Ей и всі парни́ любили (2)
Ей гостинечковъ носили, (2)
А Игнатей подъ задоръ,
Да Михайловъ подъ задоръ
Кинулъ сто рублей на столъ (2).
Вотъ Игнатей во хмѣлю,
Да Михайловъ во хмѣлю:
За бумажкамъ не стою,
Столъ бумажкамъ устелю.
Вотъ вамъ денежки
До копѣечки,
До копѣйки до гроша,
До остатнево гроша,—
Была бы Дарья хороша!

*) Послѣ каждаго стиха припѣвъ: „Ай люли-люли“.

52 [1]). Уродила мать Пе́трушку
Уродила Ивановича
Въ васкрисеньскую ночу,
Въ васкрисеньскую заутреню.
Калино́ю ёво парила,
Малино́ю ёво мазала,
Приго́воры приговаривала:
Уродись, моё дитетко,
Уродись, моё милоё,
Быть счасливой, таланливой
Ко людя́мъ быть привѣтливой,
Ты молись Богу малешинько;
Ты не низко тестю кланейсе,
А пониже тешши ласковой,
Въ занавѣсочку заглядывай:
Ко невѣстамъ быть сча́сливой
Ты поѣдешь женитися,
Не пушшай коня по́ двору,
Ты отдай коня конюху,
Штобы заперъ въ конюшонку,
Накормилъ бы сыто́й коня,
Напоилъ бы сытой коня.
Ты пойдешь по новы́мъ сѣнямъ,
Пухову шляпу по́правляй,
Какъ войдешь во высокъ тере́мъ,
За навѣсочкой сужена сидитъ,
Твоя сужена-ряжена,
Окулина Егоровна.

---

53. Што по улкамъ по улочкамъ,
По частымъ переулочкамъ,
Тута ѣздилъ разъѣзживалъ
Розудалъ добрый молодецъ,
Розудалая голувушка
Павелъ Трофимовичъ.
Розгледѣлисе дѣушки,
Розгледѣлисе красныи;
Пушше всіхъ розгледѣласе,
Пушше всіхъ розсмотрѣласе
Парасковья Тимофеевна:
Позабыла узоры шить
Всі узоры узорчесты,
Всі круги позолочены;
Всі сломала иголочки,
Ростеряла наперсточки,
На Павлушку гля́дючи,
На Трофимыча смо́трючи.

54 [2]). Кругъ чарочки,
Кругъ серебреною
Дорогой уборъ;
У Васильюшка
Да у Павловича
Дорогой уборъ.
Гдѣ не ходи,
Гдѣ не пьё,
Гдѣ не кушае бере,
Домой ѣдетъ начовать:
Ты, Огафьюшка,
Ты, Пе́трина,
Ты стрѣчай миня
—Ты, Васильюшко,
Ты, Павловичъ!
Недосугъ стрѣчать,
Недосугъ стрѣчать.

См. ниже № 100.

55 [3]) Хто у насъ хорошій,
Хто у насъ пригожой?
Васильюшко хорошой,
Семеновичъ пригожой.
Хорошо онъ ходи,
М а́ е р ъ (?) выступае
Са́погъ не ломае,
Чу́локъ не марае
Онъ коня сѣдлае,
А конь съ имъ играе;
На коня сѣдицце,
А конь веселицце;

---

¹) Срв. Соболевскій III, 221: № 272.
²) Срв. „Великоруссъ" Шейна 584: № 1923; 603: № 2001.
³) Срв. „Великоруссъ" 601: № 1989; 712: № 2309; 756: № 2410; П. Ефименко, Матеріалы по этногр. Архангельск. губ. 123: № 10; „Живая старина" 1898, 102.

Онъ платочкомъ маше,
А конь подъ имъ пляше;
По улицамъ ѣде,
Всі улицы стонутъ
Къ лугу пріѣзжае,
Лу́ги зеленѣютъ.
Къ саду пріѣзжае,
Садикъ розсвѣтае.
Къ двору пріѣзжаетъ,
Аннушка стрѣчаетъ
Аннушка стрѣчаетъ,

Власьевна отворяетъ.
По́ди, мой хорошой,
Поди, мой пригожой.
Давно я тя жда́ла
Давно поджидала
Перинушку слала,
Тібя споминала
Одѣяло слала,
Въ уста цоловала.

Это одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ; въ нашихъ матеріалахъ имѣются 4 записи ея. Всѣ онѣ очень близки одна къ другой. Вотъ незначительныя отличія въ Пожарской волости (Крестецкаго у.).

21. Къ терему подъѣзжаетъ.
Послѣ 28: Всю ночь я не спала,
Кровать разбирала.

Въ Луцкой волости Демянскаго у.:

13. Онъ трёстóю машитъ
15—16. По улицы гонитъ,
Вся улица стонитъ.
Ложись, мой хорошай,

Послѣ 29: Въ изголовья клала,
Ложись, мой пригожай;
А я приберуся,
Къ тебѣ привалюся.

Въ Крестецкомъ уѣздѣ (Новая деревня):
5. Ёнъ сшипе́тко (т. е. частыми шагами, форсисто) ходи.

56. Вечоръ соко́лъ,
Вечоръ сизо́й,
Ве́чоръ си́зой
Поздо ве́чера леталъ.
Васильюшко
Семеновичъ
Русы во́лосы чесалъ,
Кудёрочки завивалъ.

Катеринушка
Тимофеевна
Зглянь, суда́рикъ, на міня,
Поцолуй жо ты міня
Сколь я хорошъ,
Сколь я пригожъ,
Наливное яблочко,
Зрѣлая малинина.

57 [1]). Молодость наша молодецкая,
Ты куды-жо прошла?
Куды прокатиласе?
Ты со мной, молодость,
Со́ мной не простиласе!
Навезалась, братцы,
Зла худа́ жона,
Жона змѣя лютая.
Я куплю жоны

Платьё цвѣтноё,
А на шеюшку
Шаль турецкую,
А на голоушку
Шапочку нѣмецкую.
Уберу жону—
Жо́ну лучше барыни,
Посажу жону—
Жо́ну во колясочку,

---

[1]) Срв. Соболевскій III, 416 и слѣд.: №№ 515—516; 521 и 523.

онѣ приведены подъ именемъ «наборныхъ» или «сборныхъ» (Великоруссъ 53—64: №№286—347).

II. Когда всѣ (или, по крайней мѣрѣ, всѣ желающіе) выбрали дѣвицъ и собрались, тогда всѣ становятся въ одинъ кругъ и ходятъ кругомъ. Въ это время поются пѣсни, въ концѣ которыхъ приглашеніе цѣловаться. Однако въ настоящее время цѣловки вышли изъ моды; ограничиваются однимъ пожатіемъ рукъ. Пѣсни вотъ:

26*) Катилосе колёсо,
Мы гуляли хорошо;
Катиласе земчужина,
Цоловацце дюжина.

27*) Шолъ хорошинькой
Приходилъ ко мнѣ нерано,
Нóсилъ доброво не мало нечево:
На чотыре рýбля штофу,
Дитинка молодой.
Петьдисятъ рублей солопу,
Подъ солопикъ надо мѣху.
Цолуй дѣвицу въ утѣху.

III. Дальше слѣдуютъ долгія пѣсни. Во время каждой изъ нихъ «заводило» выходитъ на середину. За нимъ идетъ его пара— дѣвушка. Парень снимаетъ шапку и кланяется вставшей передъ нимъ дѣвицѣ. Та тоже кланяется и затѣмъ оба уходятъ. На ихъ мѣсто выступаетъ другая пара и продѣлываетъ тоже самое, потомъ третья, и т. д.

Сколько и какія пѣть пѣсни, зависитъ отъ заводилъ.

28. Не спѣши, моя хорошая, постой,
Намъ не долго бесѣдовать съ тобой.
— «Ты, шшогольной [1]), манерной милой мой,
Полна, пожили во вѣрности́ съ тобой.
Все я, милой, сокрушалась объ тібѣ,
Я конешно сама объ сібѣ.
Лихи люди намутили [2]) на міня,
Намутили-наговаривали,
Во глаза дружку улешшивали [3])...
Міня дѣушку на вѣки обругать.
Полно, милинькой, по садику гулять,
Вечерóмъ поздно́ во скрыпочку играть,
Вечеромъ приду съ бесѣды — сидишь,
Со полуночи спокойну ночку спишь;
Утромъ рано не смею доложить.
Вѣрно, милинькой любовь надо рѣшить [4]).
Я рѣшила—поконьчила любовь—[5]).

---

*) Срв. *А. Можаровскій,* Святочныя пѣсни, игры etc. Казанск. губ. 31: № 29.
**) Jbid. 44: №51.
[1]) Шшогольной — щеголеватый, щеголь.
[2]) Немутить — наплести, наврать.
[3]) Улешшивать — льстить.
[4]) Рѣшить — кончить.
[5]) Вар. изъ Самокражск. вол.: «Я рѣшила,—и покойничка люблю».

Слышу: милой—сердитой на міня,
Хоче дѣвицу сбесчестить меня:
Мнѣ русу косу отрѣзать отъ міня,
Алыи ленточки омять и стоптать,
Боли сердечко—не уймется нековда.
Слезы катятся съ очей моихъ, изъ глазъ.
Не ростацце съ хорошимъ пять годовъ.
Птичка пугана боится завсёвда,
Эти слезы надо къ милому сослать;
Цоловаться съ хорошимъ деветь разъ.

———

29. Я ходила-похаживала,
Я будила-побуживала
Я своево мужа-барина:
«Стань, проснись-ко-сь, мой молодой мужъ,
Пробудисе, сынъ купеческой,
Сынъ купеческой Васильюшко.
Оторвался вашъ вороной конь
Отъ столба-столба точеново,
Отъ колечка золоченово;
Онъ ворвался во зеленой садъ,
Во зеленой садъ—во вишеньё;
Приломалъ въ садочкѣ вишеньё,
Чорну ягоду смородину».
Сынъ Васильюшко по улицѣ идё,
Онъ идё-идё высвистывае,
Во гитарушку выигрывае,
Во гитару выговаривае,
Про гуляньицо выспрашивае:
Весело-ли на гуляньицѣ было?
Насъ гулянье не доводи до добра:
Изъ гулянья распрогнѣвалъ сынъ отца,
Не за то здали въ салдаты молодца.
Во салдатушкахъ невольная жизь,
Житье невольное, кукушечье,
Житье кукушечье—горюшечье:
Куды не пойдешь—все чужая сторона;
Куды не зглянешь—непріятели стоя,
Не заводя караводу где міня.
Поцолуй, сказалъ, сударушка, міня!

30 а. Я у свёкра жила,
Три бѣды нажила.
Вотъ ужъ перва бѣда:
Щи варила—пролила;
Вотъ ужъ друга бѣда:
Пероги пекла—прижгла;
Третья бѣда—
Съ мужомъ спать не легла.
Вотъ какъ билъ міня мужъ,
Жадобинъ колотилъ.
Вотъ я съ этого побою
Въ постелю слегла;
Я въ постелюшки
Три недѣлюшки.

в. Я кукшинъ молока
Стóя выхлёбала,
Я лукошко толокна
Сидя выцопала.
Я пойду молода
На зыбучной на сарай,
Нагребу молода
Злата-серебра;
Я поставлю свѣчу
Передъ пятницею:
Чтобы свёкра съ свёкровой
Тресухой затресло,
Деверьевъ-кобельевъ
Что-бы въ лѣсъ занесли,

б. На четверту недѣлю
Стала сбрядывати,
Стала сбрядывати,
Сѣла завтрикати.
Спила-съѣла молода
Симилѣтняго вала,
Коровицу нетелицу,
Овцу яловицу;

г. Чтобы мужа-жадобину
На печи бы задавило;
На печи въ углу
Въ три ряду сверну.
Въ три ряду сверну
И въ трубу забью.
Родной батюшко сказалъ.
Цоловацце приказалъ...

31. Нажила сібѣ мужа-форсуна:
Не умѣе опоясать кушака—
Назаду узелъ завязывае,
Напередъ концы подтарr-киваe...
Не отдать ли во салдаты форсуна?
— Я, неволь жона, охотою пойду,
Со пути-дорожки грамотку пошлю,
Я своей жоны строго накажу:
Ты живи-живи, салдацка жона,
Поросплачивай долги посли міня;

На остаточки водочки купи,
Кого любишь, того въ гости позови.
Я люблю-люблю Василья-молодца,
Побывалъ-бы (2) у Василья на дому,
Поглядѣлъ-бы на Васильеву жону.
У Василья жона очень умна,
Не сбезчести при каппаньи молодца,
Поцолуй, сказалъ, сударушка, міня *).

32. Ужъ ты цвѣтикъ, мой алинькой цвѣтъ,
Што-жъ ты, цвѣтъ, не на мѣстѣ цвѣтешь,
Не на мѣстѣ, не въ той стороны?
Сколько клялась тя, милой, любить,—
Эту думу вѣтёрочкомъ рознесло,
Вѣтёркомъ по чистому полюшку,
По чистому зеленому лужку.
Говорила я милому дружку:
Не ходи на бесѣду гле міня,
Не просиживай долги вечора,
Не томи свою душу гле міня...
Поцолуй, сказалъ, сударушка, міня.

33. а. Што у Насти младой,
У Настушки молодой
Пара вороныхъ коней.
За извошшичка парень молодой—
Молодецъ къ молодцу,
Што не нашово полку:
Шляпу носи на боку,

в. Тамъ е Машина краса,
Забавныи рѣчи-словеса,
Забавныи кой-какіи,
Розговоры частыи.
Розговаривать умѣла,
Улешшала дружка на словахъ
Улешшала, уважала, уговаривала:

*) Срв. *Соболевскій* II, 360—362: №№ 428—429;

б. Свѣтикъ алой на верьху...
—Свѣтикъ, лапочка моя,
Свѣточикъ, радость дорога,
Скажи-ко: любишь ли міня?
—Я со той поры люблю,
Съ то́во времечка люблю,
Гдѣ гуляли вмѣстѣ съ тобою,
Гдѣ гуляли—совѣтали—
Мы не въ рошши—лѣсу,
Подъ березкой во саду;
Подъ березкой вишеньё,
Подъ кудрявой зелено́,

г. Брось, милой, пенять,
Перестань, милой, пенять:
Тібѣ-ка міня не унять,
Не унять, не послать.
За рѣку пойду гулять,
Што за рѣчкой рѣкой
За быстрой такой
Любилъ мальчишко дѣвицу:
Лйцо бѣло, какъ снѣгъ,
Шшочки алы—маковъ свѣтъ,
Цоловаться—лучше въ свѣтѣ нѣтъ.

34. Ужъ ты Ду́нюша, Дуняша,
Чімъ ты лучше міня.
Ай ли, ай люли,
Чімъ ты лучше міня.
У тя платьё не алѣ
И походка не башше́.
Ай ли, ай люли,
И походка не башше.
У тя походочка баска—
Цоловацце три разка.

IV. «Закрестимъ, робята, штобы не завело, какъ домой пойдемъ!» И начинаютъ «крестить». Это—послѣдняя фигура въ хороводѣ. Заводилы становятся у передней лавки. Передъ ними, ближе къ порогу, ихъ дѣвицы. Слѣва становятся два другихъ парня, а напротивъ—ихъ дѣвицы. Такимъ образомъ, получается «крестъ», откуда и названіе фигуры.

Когда запоютъ пѣсню, заводилы, снявъ шапки передъ своими дѣвицами, мѣняются съ этими послѣдними мѣстами, причемъ дѣвицы проходятъ въ серединѣ парней. Поперечныя пары дѣлаютъ тоже самое. И такъ до конца пѣсни.

Когда «крестятъ», поютъ слѣдующія пѣсни.

35. Я на горочку здымалась,
Тежоло въ рукахъ несла:
Шубку, юбку и платокъ,
Цоловацце разъ петокъ.

36. Вы валеныи сапожиньки,
Не ходите по дорожиньки,
Вы идите тропиночкой:
Штобы дѣвицы видѣли васъ,
Цоловали по петнадцети разъ.

37 *). До полуночи цѣпочка горитъ,
Со полуночи серебреная,
Она горитъ, перегаривае;
Мальчикъ дѣушку омманывае.
Погоди-ко, не омманывай міня,
Я маленько лукавѣе тібя;
Я маленько, малёшинько,
Цоловацце скорёшинько...

38. Свѣтикъ, свѣтичекъ алой,
Цолуй-ко дѣвицу, милой.

39. Погледите-ко на насъ:
Кака насъ парочка сошлась!
Парочка попрежнему.
Цоловать любезную.

*) Срв. *А. Можаровскій*, Святочныя пѣсни ежс. 20: № 10; *Н. Иваницкій*, Матеріалы по этногр. Вологодск. губ. 222: № 7.

40. Тутъ стояла незнакомка,
Продавала сладкой медъ;
Проситъ гривну—не́жаль дать,
Мастерицу цоловать.

Если «гулянье» происходитъ на «посѣдкѣ», то по окончаніи его парни идутъ на свои мѣста—къ порогу, а дѣвицы садятся за свои прялки. Впрочемъ, нѣкоторые парни садятся рядомъ съ прялками тѣхъ дѣвицъ, за которыми они ухаживаютъ.

Подъ именемъ «хороводныхъ» записаны еще въ разныхъ мѣстностяхъ пѣсни:

41. (Запись г. *Широкаго* въ Любытинской вол. Борович. у.; принадлежитъ, видимо, къ I нашему классу: см. выше №№ 1—25).

Ужъ ты Катя Катерина,
Нарисована картина!
Подъ окошечкомъ сидѣла,
Коверочикъ вышивала,
Коверочикъ вышивала,
Офицера поджидала,
Офицерикъ изъ воротъ
Пожалуйте въ хороводъ!

42. Что ни тро́пушка тропитце,
Конопелюшка ломитце;
Что по той-то тропинушки
Проходилъ-то дитинушка,
Что Низнамъ-то Низнамовичъ,
Что Василей-то Яковлевичъ.
Онъ во бѣленькой рубашки гулялъ,
Во хорошой во поддевки шшеголялъ,
Сибѣ любушку-сударушку искалъ,
Сибѣ любушку-голубушку,
Парасковью Васильевну.
(Крестецкій уѣздъ, Новая деревня).

43. Журавъ-журавъ долгоногой),
Не ходи большой дорогой!
Ходи лѣсомъ, стороной,
Борони-ка бороной.
Борона желѣзная,
Выбирай любезную.
Съ кѣмъ гуляла молода,
Цѣловала три раза (или цѣловала молодца).

(Любытинск. вол. Борович. у.; срв. «Великоруссъ» Шейна, 61:249). № 323; Можаровскій, Святочныя пѣсни 44: № 52).

44. Бѣлолица-круглолица
Красная дивица!
Во твоемъ лици румянецъ
Завсегда играетъ.
Молодому, холостому
Назолу даваетъ.
Молодой отъ холостой
Въ лужку травушку топталъ.
Дороженьки не нашелъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ.

(Недашецкая вол. Тихвинск. у.; срв. Соболевскій V, №№ 244—

45. Г. *Широкій* записалъ въ Любытинской вол. Боровическаго у. два «припѣва» къ играмъ, не описывая, къ сожалѣнію, самыя игры. Припѣвъ къ игрѣ въ «ж г у т ъ»:

Огонь горитъ,
Смола кипитъ;
Моя маменька идетъ,
Чашку кофею несетъ—
Со сливочкамъ,
Съ переливочкамъ.
Кому пуль подложитъ,
Тотъ за мной побѣжитъ

У Терещенко (IV, 84—86) находимъ описаніе игры «жгутъ», но

безъ пѣсенъ; у А. Можаровскаго (Святочныя пѣсни etc. 97: № 7) тоже безъ пѣсенъ.

46. Припѣвъ къ игрѣ «бѣлый камень» (запись *Широкаго*):

Вы купы, купы, купанюшки,
Тутъ купался Иванушка,
Середи моря на камушкѣ.
Бѣлый камень у меня, у меня,
У меня, меня, меня, меня, меня.

47. (Запись *Гр. Михайлова* въ Селогорской вол. Новгор. у.).

Изъ молодыихъ робятъ не пускаютъ насъ гулять,
Мы татинькѣ солгемъ, быдто за долгомъ пойдемъ,
Быдто за долгомъ пойдемъ,—во питейный домъ зайдемъ.
Во питейномъ во домочкѣ собиралися дѣвочки.
Что въ удѣльной во конторѣ сидѣлъ молодецъ въ уборѣ,
Сидѣлъ молодецъ въ уборѣ на дубовомъ сундучкѣ,
На дубовомъ сундучкѣ, на распашку въ сертучкѣ.
Не стучало, не бренчало, вдругъ контора отворилась,
Вдругъ контора отворилась—душа Дуняша явилась.
Душа Дунюшка явилась, она низко поклонилась,
Она низко поклонилась, рядомъ съ писаремъ садилась,
Рядомъ съ писаремъ садилась, съ землемѣромъ побранилась,
Съ землемѣромъ побранилась, изъ конторы вонъ ушла,
Изъ конторы вонъ ушла, чернымъ глазомъ навела,
Чернымъ глазомъ навела на Ванюшку-писаря.
Вдругъ Ванюша срадова́лся, сзаду Дунюшки бросался,
Бросилъ книгу и перо, вси казенныя дѣла;
Вси казенныя дила уберите со стола!
Уберите со стола,—мни-ка Дунюшка мила,
Мни-ка Дунюшка мила, провожу ей до двора,
Провожу ей до двора, до горенки до ново́й.
Во горенку приходили и на стульчикъ посадили,
И на стульчикъ посадили, чаемъ-кофеемъ поили.
Пили кофей, пили чай,—пришелъ братецъ невзначай,
Пришелъ братецъ невзначай, поздравляя кушай чай.
Ко молодцу на кровать идетъ дѣвица цѣловать,
Идетъ дѣвица цѣловать, унимая ночевать,
Ты ночуй-ночуй, хорошій, ночуй ночку у меня!
—„Я бы радъ ночевать,—будетъ маменька ругать“.
..Какъ поѣдешь, мой хорошій, на чужую сторону́,
На чужой дально́й сторонкѣ не загуливайся,
На хорошіихъ пригожихъ не накидывайся:
Тебя хорошія пригожія повысушатъ,
Твое ретивое сердечушко повызнобятъ
И изъ бѣлова лица у тя повынутъ румянца!

Срв. Соболевскій IV, 523—525: №№ 663—665; конецъ пѣсни срв.

ниже № 99. Срв. *П. Ефименко*, Матеріалы по этногр. Архангельской губ. 67: № 11.

48. (Запись *А. Сергьева* въ Луцкой вол. Демянск. у.).

Жилъ-былъ у бабушки козёлъ,
Молодой съ бородой;
Онъ на стоили стоялъ,
Онъ головушкой качалъ;
Онъ рожь вѣеную ѣлъ,
Муку сѣеную жралъ.
Захотѣлось козлу,
Захотѣлось дураку
Въ тёмный лѣсъ погулять,
Бѣжалъ козелъ по дороги,
Своротилъ козелъ съ дороги.
Какъ по ельничку,
Какъ по березничку
Ѣдитъ мужикъ съ сѣномъ.
—Ужъ ты дядюшка,
Не видалъ ли тутъ козла,
Не видалъ ли дурака?
Какъ по ельничку,
Къ покаберезничку...
—Ужъ ты волчушка,
Ужъ ты сѣренькій,
Давай поборимся съ тобой,
Уговоримся съ тобой:
Ты подъ лопаточки не бей,
Подъ колѣна не ломи!
Какъ схватилъ волкъ козла
Да за гриву,
Потащилъ на ниву,
Какъ ударилъ головой объ ниву:
Кýда роги, куда ноги...
Стоитъ баранъ на дороги,
Уставивши роги:
„Ужъ ты тётушка,
Ты свари-ка киселька,
Помянимъ-ка козелка!"

Послѣ каждаго стиха припѣвъ: «Хыкáнъ-мыкáнъ». Срв. «Великоруссъ» Шейна 278—28: №№ 971—976.

9. Свадебныя пѣсни Селогорской вол. (Новгор. у.).

Описанія свадебныхъ обрядовъ въ нашихъ матеріалахъ совсѣмъ нѣтъ. Пѣсенъ свадебныхъ немало. Наибольшее количество ихъ записано *Гр. Евдокимовымъ* въ Селогорской вол. (дер. Чауни) Новгородскаго уѣзда.

Г. Евдокимовъ дѣлитъ свадебныя пѣсни на двѣ группы: однѣ поются жениху или вообще парню; другія—невѣстѣ или вообще дѣвицѣ.—Поются свадебныя пѣсни 1) по окончаніи сватовства, жениху и невѣстѣ: а) передъ ихъ окнами и б) передъ баней, гдѣ они моются (невѣста ходитъ въ баню съ подругами, женихъ—одинъ); 2) за «княжимъ столомъ» (т. е. свадебнымъ обѣдомъ), какъ жениху и невѣстѣ, такъ и всѣмъ поѣзжанамъ; 3) на супреткахъ (посидѣлкахъ) всѣмъ холостымъ.

Жениху поются:

49. Хто у насъ холóстъ,
Во горни́цы не жонатъ?
Михайлушка холóстъ,
Ивановичъ не жонатъ.
Пора éму жéницце,
Дома маминька бранитъ,
Женицце мóлодцу велитъ.
Жéнись, женись, дитетко,
Женись мое ми́лоё!
Я бы радъ бы женицце,—

На добра коня сѣдицце.
Я ко тестину двору,
Ко тешши́ному широку́
Марьюшка, пусти,
Павловна, отвори.
Я бы рада отворить,
Буёнъ вѣтеръ шибко вьё.
Буёнъ вѣтеръ шибко вьё,
Съ головы косынку рвё.
Съ головы косынку рвё—
Молодца горё берё.
Молодца горё берё:
Дома маминька бранитъ
Мнѣ-ка некова взять.
—Возьми, возьми, дитетко,
Съ высоко́во терема,
Съ высоко́во терема
Придворну́ю фрелину.
Придворную фрелину
Марью Павловну.
(При пѣніи, послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: „Ай люли, ай люши́ньки“, съ повтореніемъ послѣдняго стиха).

Срв. «Великоруссъ» Шейна 663: № 2143; а также 463: № 1573.

50. Што во сѣнечкахъ-сѣняхъ
Што во новыихъ сѣняхъ
Тутъ стояла кровать,
Кровать точеная, позолоченая.
Что на этой на кровати
Доброй молодецъ лежитъ,
Ужо Пётра господинъ.
Овдокимовичъ.
Приходила къ ёму
Ро́дна матушка.
Она будила ёво
Шолково́й плеткой:
Охъ ты, Петинька, ставай,
Овдокимовичъ, ставай!
Плывё на морѣ карабъ,
Съ краснымъ дѣвушкамъ пришолъ
Съ Марьюшкой душой
Съ Мартимьяновной.
Вотъ за Петрой прибѣжали,
Ёво дома не застали:
Во конторы за столомъ
Пише чорнымъ перомъ.
Со печатью золотой.
—Охъ ты Марьюшка, постой,
Мартиньяновна, постой!
Заплачу тѣ за постой
Шолковой поёсъ двойной
И съ печатью золотой *).

51. Двои сани пробѣжали (2)
Третьи козыремъ идутъ (2)
Што во етыхъ саночкахъ,
Што во этыхъ новыихъ
Сынъ купечецкой сидитъ (2)
Приварачивать велитъ, (2)
Приварачивай, робята, (2)
Къ нашей новой слободы (2)
Ко Иванову двору. (2)
У Ивана дочь хороша, (2)
У Тимофеева хороша (2)
Ей и Дарьюшкой зовутъ, (2)
Ей Ивановной зовутъ, (2).
Ей и всі парни́ любили (2)
Ей гостинечковъ носили, (2)
А Игнатей подъ задоръ,
Да Михайловъ подъ задоръ
Кинулъ сто рублей на столъ (2).
Вотъ Игнатей во хмѣлю,
Да Михайловъ во хмѣлю:
За бумажкамъ не стою,
Столъ бумажкамъ устелю.
Вотъ вамъ денежки
До копѣечки,
До копѣйки до гроша,
До остатнево гроша,—
Была бы Дарья хороша!

*) Послѣ каждаго стиха припѣвъ: „Ай люли-люли“.

52 [1]). Уродила мать Пе́трушку
Уродила Ивановича
Въ васкрисеньскую ночу,
Въ васкрисеньскую заутреню.
Калино́ю ёво парила,
Малино́ю ёво мазала,
Приго́воры приговаривала:
Уродись, моё дитетко,
Уродись, моё милоё,
Быть счасливой, таланливой
Ко людя́мъ быть привѣтливой,
Ты молись Богу малешинько;
Ты не низко тестю кланейсе,
А пониже тешши ласковой,
Въ занавѣсочку заглядывай:
Ко невѣстамъ быть сча́сливой
Ты поѣдешь женитися,
Не пушшай коня по́ двору,
Ты отдай коня конюху,
Штобы запёръ въ конюшонку,
Накормилъ бы сыто́й коня,
Напоилъ бы сытой коня.
Ты пойдешь по новы́мъ сѣнямъ,
Пухову шляпу по́правляй,
Какъ войдешь во высокъ тере́мъ,
За навѣсочкой сужена сидитъ,
Твоя сужена-ряжена,
Окулина Егоровна.

---

53. Што по улкамъ по улочкамъ,
По частымъ переулочкамъ,
Тута ѣздилъ разъѣзживалъ
Розудалъ добрый молодецъ,
Розудалая голувушка
Павелъ Трофимовичъ.
Розгледѣлисе дѣушки,
Розгледѣлисе красныи;
Пушше всiхъ розгледѣласе,
Пушше всiхъ розсмотрѣласе
Парасковья Тимофеевна:
Позабыла узоры шить
Всi узоры узорчесты,
Всi круги позолочены;
Всi сломала иголочки,
Ростеряла наперсточки,
На Павлушку гля́дючи,
На Трофимыча смо́трючи.

54 [2]). Кругъ чарочки,
Кругъ серебреною
Дорогой уборъ;
У Васильюшка
Да у Павловича
Дорогой уборъ.
Гдѣ не ходи,
Гдѣ не пьё,
Гдѣ не кушае бере,
Домой ѣдетъ начовать:
Ты, Огафьюшка,
Ты, Пе́трина,
Ты стрѣчай миня
—Ты, Васильюшко,
Ты, Павловичъ!
Недосугъ стрѣчать,
Недосугъ стрѣчать.
См. ниже № 100.

55 [3]) Хто у насъ хорошiй,
Хто у насъ пригожой?
Васильюшко хорошой,
Семеновичъ пригожой.
Хорошо онъ ходи,
Ма́еръ (?) выступае
Са́погъ не ломае,
Чу́локъ не марае
Онъ коня сѣдлае,
А конь съ имъ играе;
На коня сѣдицце,
А конь веселицце;

---

[1]) Срв. Соболевскiй III, 221: № 272.
[2]) Срв. „Великоруссъ“ Шейна 584: № 1923; 603: № 2001.
[3]) Срв. „Великоруссъ“ 601: № 1989; 712: № 2309; 756: № 2410; П. Ефименко, Матерiалы по этногр. Архангельск. губ. 123: № 10; „Живая старина“ 1898, 102.

Онъ платочкомъ маше,
А конь подъ имъ пляше;
По улицамъ ѣде,
Всі улицы стонутъ
Къ лугу пріѣзжае,
Лу́ги зеленѣютъ.
Къ саду пріѣзжае,
Садикъ розсвѣтае.
Къ дво́ру пріѣзжаетъ,
Аннушка стрѣчаетъ
Аннушка стрѣчаетъ,
Власьевна отворяетъ.
По́ди, мой хорошой,
Поди, мой пригожой.
Давно я тя жда́ла
Давно поджидала
Перинушку слала,
Тібя споминала
Одѣяло слала,
Въ уста цоловала.

Это одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ; въ нашихъ матеріалахъ имѣются 4 записи ея. Всѣ онѣ очень близки одна къ другой. Вотъ незначительныя отличія въ Пожарской волости (Крестецкаго у.).

21. Къ терему подъѣзжаетъ.
Послѣ 28: Всю ночь я не спала,
Кровать разбирала.

Въ Луцкой волости Демянскаго у.:

13. Онъ трё́стóю машитъ
15—16. По улицы гонитъ,
Вся улица стонитъ.
Ложись, мой хорошай,

Послѣ 29: Въ изголовья клала,
Ложись, мой пригожай;
А я приберуся,
Къ тебѣ привалюся.

Въ Крестецкомъ уѣздѣ (Новая деревня):
5. Ёнъ сшипе́тко (т. е. частыми шагами, форсисто) ходи.

56. Вечоръ сокóлъ,
Вечоръ сизóй,
Ве́чоръ си́зой
Поздо ве́чера леталъ.
Васильюшко
Семеновичъ
Русы вóлосы чесалъ,
Кудёрочки завивалъ.
Катеринушка
Тимофеевна
Зглянь, суда́рикъ, на міня,
Поцолуй жо ты міня
Сколь я хорошъ,
Сколь я пригожъ,
Наливное яблочко,
Зрѣлая малинина.

57 [1]. Молодость наша молодецкая,
Ты куды-жо прошла?
Куды прокатиласе?
Ты со мной, молодость.
Со́ мной не простиласе!
Навезалась, братцы,
Зла худа́ жона,
Жона змѣя лютая.
Я куплю жоны
Платьё цвѣтноё,
А на шеюшку
Шаль турецкую,
А на голоушку
Шапочку нѣмецкую.
Уберу жону—
Жо́ну лучше барыни,
Посажу жону—
Жо́ну во колясочку,

[1]) Срв. Соболевскій III, 416 и слѣд.: №№ 515—516; 521 и 523.

Поведу жону—
Жону въ торгъ на ярманку.
Мнѣ давали за жону
Цѣнушку не малиньку:
Запрошу я за жону
Три копѣечки,—
Мнѣ давали за жону
Три полушечки.
Навежу я на жону
Лучше бѣлой камешокъ,
Я спушшу жону—
Жону въ синё морё:
Пусь плыветъ жона
Сѣрой уточкой
И кукуетъ она
Сѣрой кукушечкой.

58. Поютъ жениху послѣ княжаго стола:

На рѣки на Бронницы
На често́мъ переводи,
Тутъ стояли все кони
И всі кони подъ чавра́мъ *),
Што подъ чаврамъ, подъ чав-
рамъ,
Одинъ конь-то безъ чавра́,
Нехто коня ненаводи.
Наводилъ коня Иванъ,
Наводилъ Микалаевичъ.
Въ поводу коня водилъ,
Онъ пченицею кормилъ
И сытицею **) поилъ.
Изумился младъ есёнъ,
Изумиласе тёшша́,
Передъ зятёмъ стоючи.
Чѣмъ мнѣ зятя дарити?
Подарю ли я зётя́,
Подарю ли я свѣта́
Я тальяньськимъ платочкомъ.
Зять дары не принималъ,
За дары не почиталъ.
Изумился младъ есёнъ,
Изумиласе тешша́,
Передъ зятёмъ стоючи́,
Передъ свѣтомъ стоючи́.
Чѣмъ мнѣ зятя дарити?
Подарю ли я зетя́,
Подарю ли свѣта́
Я своею дитею,
Я Настасьей душею
Михайловною.
Зять дары тутъ принималъ,
За дары онъ почиталъ.
(Послѣ каждаго стиха припѣвъ: «Реди, реди»).

59. Поютъ женатому поѣзжанину за свадебнымъ столомъ:

Не дуй вѣтёръ (2)
Буёнъ холодёнъ.
Не роскачай (2)
Звонки колокола.
Не розмахни (2)
Бѣльчасты полога́.
Не розбуди (2)
У Михайлы жону.
Вечо́ръ жона (2)
Во пиру была,
Утромъ рано (2)
Сына спородила.
Бабушка была (2)
Съ Митрофанья двора,
Кумовья голубья (2)
Все большово лица.
Кумушки-голубушки
Все буярышни.

«Дѣвичьи» пѣсни (поются невѣстѣ).

60. Што по горницамъ-горницамъ,
Што по свѣтлымъ свѣтли-
цамъ
Тутъ ходила, тутъ гуляла
Молодая буярыня,
Да ужъ Марья-то Павловна.
Полежите вы, запанки,
Хоть немножечко времечка,
Хоть немножко-малешинько,
Покуль я молодешинька—
Я схожу во высокъ терёмъ,
Поглежу я въ окошечко:

Во рукахъ она нóсила
На два чепчику (?) бархату,
Двѣ земчужныи запанки.
Положила на блюдечко,
На серебрену торелочку:
Не свѣтетъ ли свѣтéлъ мѣсéцъ,
Да весéлъ ли мой суженой,
Да мой суженой-ряженой,
Олексѣй да Васильевичъ.

Срв. П. Ефименко, Матеріалы по этнограф. Арх. губ. 89: № 12.

61. Ночешну темну ночиньку
Мнѣ не спалось, много видѣлось,
Мнѣ не веселъ сонъ привидѣлсэ:
Росплеталася руса куса,
Выплеталась косоплеточка,
Потерялась ала ленточка.
Прилетаетъ тутъ ясёнъ соколъ,
Ясенъ сóколъ, доброй мóлодецъ,
Петра Яковличъ.
Онъ содилсэ на окошечко
И спускалсэ по цѣпочечки;
А цѣпочка обломиласе,
А Матрена пробудиласе,
Буйну голову повѣсила.

62*). Летѣло стадечко тутъ гусиноё,
А другое лебединоё,
Отстала лебедка отъ лебёдушокъ,
Пристала лебедка къ сѣрымъ гусямъ.
Сталѝ ей лебедку гуси шшипати,
Не шшиплите, гуси сѣрыи,
Не сама я къ вамъ залётала,
Не своёю я охотою;
Завели миня вороны кони,
Кони вороны Семеновы,
Семена Ефимовича.
Сталá я лебедка, стала крычати.

63. Што во теремѣ-теремѣ,
Во высокомъ новомъ теремѣ,
Тутъ сидѣла красна дѣушка,
Овдотьюшка да Ивановна.
Она шила узоръ золотомъ,
Вышивала чистымъ сéребромъ.
Недошивше, узоръ бросила,
Сама слезно заплакала,
Ко родителю пошла—батюшку:
Ты, родитель мой батюшко,
Ты, сударыня родна матушка,
Ино ѣде непріятель мой,
Непріятель доброй мóлодецъ,
Олексѣй Митреичъ!
—Ты сестрица-голубушка,
Носи злато—не снашивай,
Терпи горюшко—не сказывай!
—Охъ ты братецъ мой родниннькой,
Не сносивше злато скосицце,
Не сказавше горё скажецце!

64. По утри рано на зори
Шшолкотáла птащечка на мори;
Сидѣла тамъ Аннушка на камни.
По бережку батюшко гуляё.
Заперайте-ко широки ворота:
Гуляй, гуляй, батюшко, здорово!
Сóйми міня съ камешка съ бѣловó.
У батюшка жалости нéмногó,
Нé снялъ міня съ камешка съ бѣловó.

*) Срв. „Великорусс" 499: № 1651; 529: № 1712; 641: № 2159; 736: № 2361; П. Ефименко, Матеріалы по этногр. Арх. губ. 85: № 1; 93: № 24.

При пѣніи каждый стихъ пѣсни повторяется дважды. Вся пѣсня повторяется 3 раза, причемъ послѣдніе стихи мѣняются. Второй разъ поютъ:

4. По бережку матушка гуляё.

въ 3-ій разъ: 4. По бережку Митюшка гуляё.
5. Гу́ляй, гу́ляй, милой мой, здорово́,
6. Со́йми міня съ камешка съ бѣлово́!
7. У молодца жалости больше всіхъ,
8. Снялъ онъ міня съ камешка съ бѣлово.
9. По́вёлъ міня дѣушку въ свой теремъ.

65 [1]). Огафья-то Пе́тровна
Омманила красныхъ дѣушокъ,
Омманила, обнадѣела [2]),
Говорила, што замужъ не иду,
Замужъ не́йду, въ намастырь пойду,
Красныхъ дѣушокъ съ собой возьму:
Ужо Марьюшку во клюшницы,
Ужъ Онисью въ кашоварницы,
Олёнушку въ посыльницы.
—«Совсімъ я пособраласе
И совсімъ поснаредиласе,—
Не возъ роднаго [3]) влюбиласе,—
Въ Олексѣя Сергѣевича.

66 [4]). Поютъ невѣстѣ передъ баней:
Недолго вьюночку
Надъ горёнкой висѣть,
Недолго Марьюшки
Въ дѣушкахъ сидѣть,
Недолго Павловной
Русу косу плесь.
Ко́са-ль моя косынька,
Русая коса!
Ве́чоръ тібя, косынька,
Матушка плела,
Во парно́й во баёнки
Бо́льша по́дружка:
Она шолко́мъ русу косу
Переплетала,
Жемчужкомъ русу косу
Пере́низала...
Богъ судья, Васильюшко,
Да Михайловичъ (2).
Послалъ сватьюшку
Немилосливу нерозсудливу—
Стали мою ко́сыньку
Рвать-порывать (2)
И стали мою косыньку
На двѣ росплетать (2)
Весь шолчекъ съ русой косы
Повытаскали (2)
Земчужокъ съ русой косы
Повысыпали (2).

76. На проѣзжой уло́чки
Тутъ стояла баёнка,
Земчужна камёнка.
Полки хрустальніи,
Потолокъ—черной соболь (2)
Умывалась въ баёнки
Молодая невѣста (2)
Приходила къ баёнки
Приносила въ баёнку
Троё платьё цвѣтное (2)
Перво платьи́цо
Посли парной баёнки, (2)
Друго платьицо
Ейна кресна мату́шка, (2)
Ко суду Божью ѣхать
Со своимъ со сужо́нымъ.

[1]) Срв. „Великоруссъ“ 527: № 1705; 651: № 2187; 717: № 2319: 761: № 2435; Н. А. Иваницкій, Матеріалы по этногр. Вологодск. губ. 75; П. Ефименко 91: № 17.

[2]) Обнадѣять—вызвать въ комъ надежду.

[3]) Не возъроднаго—въ безроднаго (Гр. Евд.).

[4]) Срв. „Великоруссъ“ 762: № 2440.

68 [1]). Поютъ невѣстѣ-сиротѣ:
Во чистомъ полюшкѣ
Стоитъ бѣлая березушка.
Што на этой на березушки
Много вйтья и пáвитья *),
Много листу широково.
Только нѣту у березушки
Маковóй у ей вершиночки.
Есть у Огафьюшки
Много роду и племени;
Только нѣтъ у Огафьюшки
У ей рóднинькой матушки
(или батюшки).

„Припѣвки“ парнямъ и дѣвушкамъ.

69. Ужо Ванюшка во щи упалъ,
Онъ съ-подъ крошива выглядывае,
Сiбѣ любушку высматривае,
Сiбѣ любушку-голубушку,
Да Овдотью Ивановну.

70[2]). Ужъ Онисья воду носи,
Коромыселъ гнецце;
Вересовой тониinькой,
Што-жъ ты не сломилсэ?
Ужъ ты, Вася, роднинькóй,
Што-жъ ты не женилсэ?
—Кромѣ тя, Онисьинька,
Нехто не полюбилсэ!

71. Ужъ, Огафья, повернись,
Сдѣлай милось—повернись!
Дулась-дулась—повернулась.
Ей купилъ Василей юбку;
Эта юбка не на вѣкъ.—
Огафья доброй человѣкъ.

72. Гдѣ грибы родúлисе́?
Къ намъ на дворъ валúлисе́
Бѣлая бѣля́нка́
Матренушка дворянка;
Рыжикъ, рыжикъ, рыжичóкъ
Ей-то Пётра мужичекъ.

73. Посадить было на саночки
Расхорошу красну дѣушку
Да Марью-тó Павловну;
Поставить на запяточки
Розудала дóбра мóлодца
Якова Осиповича.
Ужо Яшинька возжи берё,
Ужо Осипычъ шолковинькiи;
Шолковы́мъ возжамъ потряхивае,
Да къ воротамъ приворачивае,
Родну матушку выкрыкывае:
«Ты повыди, рóдна матушка,—
Вотъ тѣ клюшница замужница
Слýга вѣрная посылочка»!

74. Подкатилосе лукошечко
Да къ Филипову окошечку.
Ужъ Филипа напоимъ-напоимъ,
Ужо Анну сговоримъ-сговоримъ,
Парасковью отдадимъ-отдадимъ
За таково хорошинькова,
За Михайлу Сергѣёвича.

76 [3]). Верба, верба, вербочкá,
Золотая вѣточка,
Соловейко малинькой,
Игнашинька удалинькой.

---

*) Павитье—вѣточки; витье—вѣтки (Гр. Евд.).

[2]) Срв. „Великоруссъ“ 528: № 1711; 562: № 1864; 580: № 1942; 591: № 1953; 621: № 2082; 761: № 2433; 763: 2446.

[3]) Срв. Соболевскiй III, 327: № 396; «Великоруссъ» 592: № 1959; 598; № 1979; В. Варенцовъ, Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края 157: № 4.

Не рости, верба, во ржи,
Рости въ полѣ на межи.
Вербу вѣтромъ не хватае
И солнышкомъ непекё.
Игнаша ходи по избы,
Тўлопъ рваный до зени [3]).
Люди спрося: чей такой?
Палаша скаже: милой мой!

76. У Онисьи въ домичкѣ
Самоваръ на столичкѣ;
Онисья чашки наливае
И за Осѣй посылае.

77. Въ этой корзины есь много свѣтовъ:
Я ихъ набрала изъ разныхъ садовъ;
Розу, фильянку; и илія есь,—
Можно гле Машиньки
Вьюночикъ сплесь.
Машинька-Машинька,
Какъ вы хороши!
Любитъ тя Фединька
Ото всей души!

Пѣсня искуственнаго происхожденія [1]).

78. Кака веселая бесѣдушка!
Дорогая у насъ дѣвушка,
Да Федосья Максимовна
Она повыше всіхъ посажена,
Погаражѣе всіхъ задумавше.
Не отъ татиньки, не отъ маминьки,
Отъ своево полюбовничка,
Отъ Стёпана Первозваннаго(?).

---

79 [2]). Ужъ ты барыня-сударыня,
Онисья Михайловна!
Отчово-жо ты хороша родилась,
Отчово-жо больнё счаслива?
—Мнѣ нельзя, мать, къ обѣдни ходить,
Мнѣ нельзя Богу молицце:
На міня люди галяццэ [4]),
Всі попы зачитаюцце,
Пономарь съ кону сбиваетце;
Всі міряна про тожо говоря:
Что подай-жо ей, Господи,
Жениха ею хорошаго,
Да Василья Евсѣево!

80. Сонъ идё по лавкамъ,
Дрёма идё по дѣвкамъ.
Всі, всі бѣлéньки,
Всі румененьки;
Марья неуряха,
Грязна рубаха.
Ванюшка заходи,
Брусъ мыла зачоси:
Марьюшка, умойсе,
Павловна, умойсе!
Умойсе побѣлѣе,—
Будешь Вани помилѣе.

81. Послѣ каждой припѣвки, спѣтой парню или дѣвицѣ, поется поздравительная пѣсня. Мущинѣ:

81. Проздравляемъ васъ,
Михайла-Господинъ!
Проздравляемъ, Семеновичъ,
Со своёй со любезною,
Съ Марьей Михайловной! [5]).

---

[1]) Срв. «Великоруссъ» 60: № 320; Можаровскій, Святочныя пѣсни 26; № 19.

[2]) Въ нашихъ матеріалахъ, вообще, очень много стихотвореній, распѣваемыхъ народомъ съ большими или меньшими измѣненіями, въ качествѣ пѣсенъ. Мы печатаемъ только нѣсколько характерныхъ образцовъ (срв. еще № 109 и № 160).

[3]) До зени—до полу (Гр. Евд.).

[4]) Галятся—смотрятъ (Гр. Евд.).

[5]) Срв. „Великоруссъ„ 176: № 677; Соболевскій VII, 49—54: №№ 39—46.

Женатымъ поѣзжанамъ на свадьбѣ еще прибавляютъ:

Нѣтъ поста—
Поцолуй въ уста;
По старому закону—
Двѣнадцать разъ.

82. Дѣвушкѣ:

Проздравляемъ, Онисья-душа,
Проздравляемъ, Михайловна,
Со своимъ со любезнымъ,
Да съ Кирилой Петровичемъ.

10. Свадебныя пѣсни Луцкой вол. Демянскаго уѣзда.

Слѣдующія свадебныя пѣсни записаны А. И. Сергѣевымъ въ дер. Мосылинѣ Луцкой волости въ 1897 году.

83. Жениху поютъ (83—85):

Ты прошшай, прошшай, преславная Москва,
По тебѣ была не малая тоска.
По твоёму горю не можиться,
Во деревни жить не хочиться:
Во деревни молодежь не хорошъ,
Въ нашимъ городѣ робята хороши,
Всихъ получше у насъ Кочюшка,
Покрасивіи—Ивановичъ.
Милъ по го́ринки похаживаитъ,
На любезную посматриваитъ,
На любезную на Аннушку,
Да на Анну Гаригорьевну.

Срв. Соболевскій V, 590: № 758.

84[1]). Поютъ жениху, когда ѣдутъ къ вѣнцу:

Соловей, мой соловей,
Залетная пташечка!
Гдѣ леталъ полетывалъ?
— По чистому полюшку,
Изъ садика во садокъ,
Изъ те́рима въ теремокъ,
На красная вишанья,
На черну смородину.
Онъ и къ Марьи подъ окно,
Къ Стёпановной подъ высоко:
Ты и Марья, отвори,
Степановна, отшани!
— Я бы рада отворить,—
Бо́юсь-бо́юсь батиньки,
Упасаюсь маминьки.
Николай-то разсердился,
Ивановичъ разсердился
Съ-подъ окошка воротился.
Какъ и Марья вcaseплакнула,
Степановна вскрикнула:
Николай, ты воротись,
Ивановичъ, оглянись!
— Я бы радъ бы воротиться,
До́бра коня не сдержать;
Буйный вѣтиръ шляпу рвё,
Желтымъ пескомъ въ гла́зы вьетъ.

(Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ай люли, съ повтореніемъ послѣдняго слова въ стихѣ).

85. Поютъ жениху по пріѣздѣ отъ вѣнца:

а. Соколъ мой соколовичъ,
Василій да Ивановичъ,
в. Спросилъ онъ у батюшки,
У родимой матушки:

[1]) Срв. „Великоруссъ„ 604 № 2005.

б. Залетная пташечка!
Гдѣ леталъ-полетывалъ?
— По чистому полюшку,
По лужкамъ зеленаимъ,
По травамъ шолковаимъ;
Поималъ лебедушку,
Лебедушку бѣлую,
Марью да Стёпановну.
Привелъ ко свому двору,
Къ высокому териму.

г. «Родимай мой батюшка,
Государыня матушка!
Люба-ль вамъ невѣстушка,
Невѣстушка-ластушка?»
— Рожоная дитятко!
Была-бы тебѣ люба́,
А намъ-то любёшинька,
Ми́ла и милёшинька,
Марья да Степановна.
(При пѣніи каждый стихъ повторяется)

86. Невѣстѣ поютъ:
Передъ воротамъ-то озеро,
Передъ широкіимъ ро́зливши.
На етомъ на озери островъ,
На етомъ на острови куста-шикъ,
На етомъ на кусташки пру-ташикъ,
На етомъ на пруташки ка́-лина,
На етой на калины малина,
На етой на малины соловей сиди,
Ѣхалъ тутъ Василій съ по-ѣздомъ,
Ѣхалъ тутъ Ивановичъ съ бо́льшимъ.
Стенулъ онъ по соловью пле-тачкой:
«Ни сиди, соловьюшка, полети,
Доставай Марьюшку въ те-рему,
Доставай Степановну въ вы-сокомъ;
Чтобы Марьюшка не спала́,
Чтобъ Степановна не дремала,
Шила-бы платочки-то золо-томъ,
Выводила круги чистымъ се-ребромъ,
Дарила-бы Василья-то съ по-ѣздомъ,
Дарила-бъ Ивановича съ боль-шаимъ.

(При пѣніи, послѣднее слово каждаго стиха повторяется; если же въ этомъ словѣ менѣе 3 слоговъ, то повторяются два послѣднихъ слова, напр. «Соловей сиди»).

88 [1]. Заросла наша любимая тропа
Частымъ ельничкомъ - берез-ничкамъ,
Молодымъ горькимъ о с н я ж-н и ч к о м ъ.
Дорогая наша гостьшка,
Катерина Александровна!
Зачимъ пьяна напивалась,
На ково, душа, надѣилася?
Начита́ла (?) на мила дружка,
На мила дружка на Васиньку,
На Василья да Петровича.
— Я надѣилась на Господа,
Ужъ вы слуги мои вѣрны кучора́
Запрягайти-ка во́рона коня,
Посадити Алексѣя въ кучёра:
У насъ Лешинька хорошь-таки-хорошь,
Онъ жолтымъ кудрямъ на ба-рина похожъ-таки-похожъ,

[1]) Срв. Можаровскій, Святочныя пѣсни, 17, № 4.

88. Красная ягодка изюмчистая,
Бѣла яблачка налимчистая—
По бѣлу́ блюду́ ката́итца,
На медъ-сахаръ разсыпаитца.
Ни на чтожъ тибя царь полюбилъ,
А царица пожаловала,
На сертукъ сукна пожаловала,
Алексѣю на желеточку.
Поцолую ету дѣвачку.
Мы поѣдимъ въ чужи дальни города,
Искать сужину-ряжинаю.
Наша сужина сряженая
За столомъ сиди посажи́ная
Съ краснаимъ дѣвушкамъ,
Что и Лиза Тимофеевна.

№ 89. Жениху и невѣстѣ вмѣстѣ: (№№ 89—93).

Что и Ваничка орётъ-таки-орётъ,
А соха въ землю нейдётъ-таки-нейдётъ.
Что и Машинька прошла-таки-прошла,
А соха въ землю пошла-таки-пошла.

90. Я и Лизыньку
Да за Лешиньку.
Сподвеля́, сподвеля́,
Сподвеля́ она брана́.
Чу́фель на́фель во фатле́й,
Во фатле́й матле́й подле́й.

91. На го́рачки на со́пачки
Огонь горитъ;
Огонь горитъ,
Животъ болитъ.
У ково болитъ?
—У Лёшиньки.
По комъ болитъ?
—Лизыньки.

92[1]). Тутъ и рѣчка. тутъ и мосъ,
Тутъ и новай пиревосъ.
Тутъ и никто не ха́живалъ,
Никово́ не важивалъ.
Тутъ и Миша проходилъ,
Свою Олю проводилъ.
Онъ, провёдши, цыловалъ,
За сисёнки брикоталъ.
Ты миня состарила,
Бизъ порто́къ оставила·

93. Коромысилъ то́нинькій,
Тонкій вирёсо́винькій,
Чёво-жъ ты ни сломился?
Душинька ты Лешинька,
Чёво-жъ ты ни женился?
—Окро́ми тибя, Лизынька,
Никто не полюбился.
(См. выше 70).

11. Нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ изъ разныхъ мѣстностей.

94. «Зоря». Поется передъ свадьбой, когда невѣста возвращается изъ бани.—Записана: В. Ѳедоровымъ въ Самокражской вол. Новгор. у. (дер. Озеревъ).

Вотъ мы выйдемте. сестрицы,
Мы на Божій свѣтъ, на буеръ вѣтеръ,
На буе́ръ вѣтеръ, на лютой морозъ.
Вотъ мы скопимся, сестрицы, въ одно мѣстечко,
Въ одно мѣстечко—во единый кругъ,
Понаправимте, сестрицы, звонки голосы,
Понадумаемъ, сестрицы, жалки причеты.
У старыхъ старушекъ печки топятся,
А молоды молодицы за водой пошли,

[1]) Срв. «Великоруссъ» 616: № 2058; 587: № 1935.

А души красныя дѣвицы—головы чесать.
Только мнѣ, доброй молоденькой,
Не своя-то вольная волюшка.
Куды, волюшка, подѣвалася?
— Во темномъ лѣсу заблудилася,
Въ шелковой травѣ запуталася,
Во черной грязи замаралася,
Во быстрой рѣкѣ умывалася *).

95. Что до «жалкихъ причетовъ», «надумывать» которые собираются въ предъидущей пѣснѣ подруги невѣсты, то мы имѣемъ всего лишь одинъ отрывокъ ихъ, записанный г. Васиьевымъ въ Недашецкой волости Тихвинскаго уѣзда. Здѣсь (дер. Красницы) эти причеты называются также скугоренье.

Мать обращается къ своей дочери-невѣстѣ:

Ты поѣшь, роженое,
Ты поѣшь-ка, ты покушай-ка
Со своимъ милымъ подруженькамъ.
Ужъ я вижу, молодехонька,
Что у тя ложечка сухохонька,
Ломотокъ у тя цѣлехонекъ.
Я хожу-то отъ родиньица
Отъ великаго желаньица:
Что ни жалко скорыхъ ножинекъ,
Что своихъ да слабыхъ рученекъ.

96. Запись П. Большакова въ Пожарской волости Крестецкаго уѣзда:

Растопись-топись баёнка,
Разгорись-горись каменка,
Ты разсыпься скамчугъ(?) жемчугъ
По серебряному блюдечку.
Ты расплачься-ка, Катя-душа,
Передъ батюшкой стоячи,
Передъ матушкой плакучи,
Благословенія просячи:
Благослови-ка, родимый батюшка,
И родимая-то матушка,
Чтобы въ путь да въ дороженьку,
Что со добрымъ-то молодцемъ (имя),
Что ко матушкѣ ко Божьей церкви,
Златъ вѣнецъ принимать,
Златымъ перстнемъ обручаться,
Чудёнъ хрёсъ цѣловать,
Во добромъ здравьи
Хоцу хъ матери стать.

97. Запись П. Башкирова въ Тихвинскомъ у. (с. Щебенецъ):

а. По рѣкѣ-то много струй бѣжятъ,
Какъ одной-то струи нѣтъ какъ нѣтъ:

в. За скобу онъ принимается,
Дубова дверь открывается,
И входитъ родный батюшка,
Въ правой рукѣ несетъ образы

*) Названіе этой пѣсни «Зоря» нужно, вѣроятно, выводить отъ припѣва ея, о которомъ, однако, записавшій пѣсню ничего не говоритъ (возможно, что припѣвъ забылся). Срв. припѣвъ къ свадебной пѣснѣ въ «Великоруссѣ» Шейна 587: № 1936.

б. У Василисы нѣту батюшки,
Какъ у Митривны да рóднаго.
Подъ окошечкомъ-то стукнуло́,
У сѣней колечко брякнуло...
По ступенечкамъ вздымается,
По ступенечкамъ вздымается,

г. Благословить да молодешиньку
Ко злату вѣнцу,
Отъ злата вѣнца къ Ивану-князю.
Молодую-то боярыню,
Василису-то свѣтъ Митріевну.

98[1]). Въ томже селѣ Щебенецъ:

Не яръ камень по горницѣ катался,
Не скатившись по блюду разсыпался,—
Еще Митрій-то жениться сподоблялся,
Еще Ивановичъ да снаряжался.
Его матушка сподобляла,
Хорошо да русы волосы чесала,
Словесами ему наказала:
«Ты поѣдешь, милъ дитятко, жениться,

Ти умѣютъ красны дѣвки пѣсни пѣть,
Ти хорошую невѣсту припѣвати,
Тебѣ Аннушкой называти,
Ти Ивановной величати.
Не дари-ко не рублемъ и не полтиной,
Подари-ко аленькимъ платочкомъ,
Съ правой рученьки перстенечкомъ.

Въ варіантѣ изъ Пожарской вол. Крестецкаго уѣзда:

1. Какъ ни тропочка тропится,
2. Ни соломушка ломится,
3. Какъ N молодецъ женицы собиралсы
5. Его матушка собирала

Послѣ 6: Алой лендочкой завязала.
14. А подари ихъ низкіимъ поклономъ
15. А N (невѣста) буде и тебя поцолуе.

99[2]). Запись Вл. Яковлева въ Пожарской вол. Крестец. у (дер. Новая).

Пойду-ль, выйду-ль я
Во зеленой садъ гулять.
Сорву-ль, вырву-ль я
Съ травки алинькой цвѣтокъ.
Завяжу этотъ цвитокъ
Въ калинкоровой платокъ.
Ни ростё цвитокъ, ни вянё,
У мялово серце ноё,
Тута Марья выходила,
Черну шляпу выносила,
Шляпу стряхывала,
Путь указывала:

У мила дружка,
У Ивана молодца,
У Ивана молодца
У Васильевича.
Онъ сидлаё коня
Сириди пути-двора,
Коня вороново,
Кругомъ кованово.
Хороши пригожи
Дѣвки высушили,
Что повынули румянецъ
Изъ бѣлово лица,

[1]) Срв. Н. Иваницкій, Матеріалы по этногр. Вологодской губ. 93.
[2]) Срв. «Великоруссъ» 603: № 2003; Соболевскій V, 219—224: №№ 284—290.

Ты поѣдешь по путямъ,
По большіимъ диривнямъ,
Во большіихъ во диревняхъ ни
застаивайсе,
На хорошихъ, на пригожихъ
ни засматривайсе.

Что изъ бѣлово лица,
Съ Ивана молодца,
Съ Ивана молодца
Съ Васильевича.

(Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: «Калинка моя, малинка моя».—«Какое же нравоученіе можно вывести изъ этой пѣсни?» спрашиваю я у дружки свадьбы.—А нравоученьё. можно вывесь тако,—отвѣчаетъ дружка: что жаниху, значитъ, наставленье не оченно заглядывать на дѣвокъ и быть повѣрнѣе жонки. Вл. Яковл.).

100. Запись П. Башкирова въ Тихвинскомъ уѣздѣ (с. Щебенецъ):

Какъ у чарочки у серебряной
Золотой есть вѣнече;
У Петра-то свѣтъ Васильевича
Дорогой есть обычай:
Гдѣ ни пьетъ, гдѣ ни ѣстъ,—
Домой ѣдетъ ночевать:

Ужъ ты, Аннушка, встрѣчай,
Душа Ивановна, встрѣчай!
--Не досугъ, сударь, встрѣчать: (2)
Ужъ я сына си качаю (2),
Перемѣны себѣ чаю—
Семиласковой невѣстки.

Срв. выше № 54.

12. Пляска.

Вас. Рысаковъ сообщаетъ изъ дер. Новое Дахино Крестецкаго уѣзда (въ 1897 г.): «Лѣтомъ, въ престольные праздники къ намъ въ деревню пріѣзжаютъ гости. Около 12 часовъ дня начинается гулянье: дѣвицы по 2—3 и больше въ рядъ ходятъ взадъ и впередъ по деревнѣ; ребята гуляютъ съ гармоніями: одинъ играетъ, а поютъ подъ гармонію пѣсни, коротенькія, въ родѣ:

Тальянка нова съ Бологова,
Свесели сердце мое!

Иногда ребята и дѣвицы собираются у чьего-нибудь крыльца и здѣсь начинаютъ различные танцы. Ребята большею частію пляшутъ «русскаго», причемъ пляшущій поетъ пѣсню-частушку, напр.:

101. Пляши, Матвѣй,
Ни жалѣй лаптей!

Матка лыкъ надеретъ,
Батька новыхъ наплететъ.

Танцуютъ еще кадриль, которая у насъ въ самомъ широкомъ употребленіи и считается за самый интересный танцъ. Изрѣдка танцуютъ польку, а также лансье, но этотъ послѣдній танцъ рѣдко кто изъ ребятъ знаетъ».

Здѣсь особенно интересно сообщеніе, что «возгласы или припѣвы, произносимые во время плясокъ плясуномъ или плясуньей» (въ «Великоруссѣ» Шейна, стр. 173—175, ихъ приведено 27 нуме-

ровъ) называются въ народѣ «частушками». Высказанное нами раньше мнѣніе, что прототипами самыхъ модныхъ въ настоящее время въ деревнѣ пѣсенокъ-частушекъ являются «мелкія плясовыя пѣсни» (см. Д. Зеленинъ, Новыя вѣянія въ народной поэзіи, стр. 7, прим. и его-же, Пѣсни деревенской молодежи, стр. 78) находитъ себѣ новые подтвержденіе.

Плясовыя пѣсни въ нашихъ матеріалахъ имѣются, но онѣ записаны безъ всякихъ отмѣтокъ объ обстановкѣ ихъ исполненія, почему и будутъ помѣщены нами въ рубрику «пѣсенъ безъ особыхъ наименованій».

13. Дѣтскія пѣсенки.

Всѣ Записаны г. Широкимъ въ Любытинской волости Боровическаго уѣзда:

102. Идетъ кисынька изъ кухни,
У кисы глаза распухли.
О чемъ, кисынька, ты плачешь?
—Какъ же мнѣ не плакать:
Поваръ пѣночку слизалъ,
Да на кошечку сказалъ;
Кошку били, били, били,
Кошкѣ хвостикъ отрубили.

103. Боярская дочь
По двору ходила,
За бочки хоронилась,
Шапочка-татарочка
Бѣгала по лавочкамъ
Задкомъ-передкомъ
На боярскій дворъ.
У нашего боярина
Трои вороты
Тесомъ обшиты.
Кошка вскочила—
Тесъ проломила;
Коза прошла—
На рогахъ унесла.
Выбѣжалъ дѣтинка,
Выхватилъ дубинку—
Хвать козу по рогамъ:
Коза кверху ногамъ!

104[1]. Дамки, дамки, дамочки,
Ѣли дѣвки пранички,
А старье-то сухарье,
А робята булку.
Водку пили, булку ѣли—
Гулять захотѣли.
Мой мужъ-то не дюжь:
Всё лежитъ на печкѣ;
Дай Богъ, кабы сдохъ:
Я поставлю свѣчку.
Свѣчка-то сальна,
Я пойду во спальну;
Во спаленкѣ купчикъ,
Сизенькій голубчикъ.

105. Ходилъ сонъ по лавкамъ,
Глядѣлъ онъ по дѣвкамъ:
Всѣ дѣвки бѣленьки,
Всѣ румяненьки,—
Одна неумоя,
Сидитъ, какъ судомая.
Настéнька, умойся,
Будь побѣлѣе,
Будь порумянѣе!
Срв. выше № 80.

---

[1] Срв. „Великоруссъ" 57: № 295; Соболевскій VII, 251—254: № 279—283.

106. Баба яга,
Костяная нога!
У тя носъ стрючкомъ,
Борода крючкомъ,
Губы ящикомъ.

107. Староста,
Разсуди наши дѣла!
—А каки ваши дѣла?
Сидѣлъ на пню,
Хлебалъ рѣпню;
Староста! разсуди пожалуйста!

108 Ужъ ты тетка Палагея,
Вышла замужъ за лакея;
Думала за барина,
Попала за татарина.
Подошелъ ко мнѣ татаринъ,
Меня по уху ударилъ;
Я татарина за грудь,
Потащилъ его на судъ.
Ужъ ты, баринъ, ты татаринъ,
Ты нерусской человѣкъ!
Кошку сожралъ, хвостъ оставилъ,
На тарелочкѣ понесъ.

109. По саду, садочку
Тачку я катала;
Желтенькимъ цвѣточкамъ
Дорожку усыпала.
Высыплю цвѣточки,
Навью я вѣночковъ,
Да пойду въ свѣтлицу
Ко своей сестрицѣ:
Какъ она проснется—
Взглянетъ, улыбнется,
Подыметъ рученки,
Заблестятъ глазенки.

Эта пѣсенка, какъ кажется, искусственнаго происхожденія: искусственна на нашъ взглядъ, и № 102.

110. (Запись Вас. Иванова въ недашецкой вол. Тихвинск. у.)
Тпруни-тпруни, у Петруни
Была сивая кобыла;
Заскочила въ игородъ,
Съила гряду огурцовъ.
Двѣ косыночки оставь,
Миня къ бабушки доставь.
2. Ина дивушка сказала:
Гди ты, дивушка, была?
—Я у бабушки была.
„Что ти бабушка дала?
—Ступу, лопату, корову горбату,
Овинъ съ овсомъ, кобеля съ хвостомъ.
3. а. Катерина-барыня, сядь-ко на бочку,
Отдай свою дочку за нашево князя,
У нашего князя двои хоромы,
Тесомъ крыты, шелкомъ шиты.
Кошка шла, тесъ уронила;
Шла коза, на рогахъ снесла;
Пришелъ овинъ, нарубилъ дубинъ,
4. Кто не идé, кто нейдé,
Борона попомъ зове.
—Ужъ ты попушка попокъ,
Что ты ѣдешь безъ портокъ?
—Я поиду на торги,
Я куплю себѣ портки,
Портки строченыя,
Недостроченныя.
Дамъ я любушкѣ строчить,
Тараканамъ источить.
Тараканы точуны́,
Мухи лятухи,
Кумары лятýны,
Питухи зобуны,
Курицы кладухи.
5. а. Микитушка иде, бороду бріё,
Самъ-то на кобылы,
Жена-то на коровы,
Дитя-то на котятахъ,

3. б. Козу хлопъ по рогамъ,—
Коза кверху ногамъ.
Пойду къ старосты скожу:
Мини выстриги козу,

5. б. Слуги на козлятахъ,
Тимошка на кошки
Туды-же по дорожки.

Здѣсь собрано по крайней мѣрѣ пять дѣтскихъ пѣсенокъ. Изъ нихъ 1-ю срв. А. Можаровскій, Изъ жизни крестьянскихъ дѣтей. Этнограф. матеріалы (Каз. 1882) 64: № 5; П. Ефименко 118: № 5; 3-ю—„Великоруссъ“ 22: № 102).

14. Пѣсни безъ особыхъ наименованій.

111. Печатаемъ въ двухъ варіантахъ: 1) запись А. Барулина въ Валдайскомъ у., дер. Боръ и 2) запись А. Трошнева въ Филипогорской вол. Демянскаго уѣзда.

1 (Валд. у.).

Не по морюшку лебедушка плыветъ,
Не ко мнѣ ли родна матушка идетъ?
Поглядѣть-то на несчастнаго меня,
Какъ живу-то во чужихъ я во людяхъ:
Не по плису, не по бархоту хожу
Черезъ золото я слезушки роню...
Протекала Волга-матушка рѣка,
Сколь широкая рѣчка глубокая,
Потопилися болота и луга...
Становилися некрутейки въ кружокъ
Какъ одинъ-то размолоденькій некрутъ,
Онъ по закружкамъ ходилъ гулять,
Онъ товарищей себѣ искать:
Вы, товарищи, братцы мои,
Не пойдете-ль по билетику домой?
Не снесете-ль моей маменьки поклонъ,
Моему батеньки особенный другой?
Всѣмъ братенничкамъ по шапки мѣховой,
Всѣмъ сестрицамъ по ленты голубой,
Моей жены разгрубный разговоръ:
Не изъ-за ней ли я въ солдатушки пошелъ?!

2 (Демянск. у.).

Что ни по рѣченьки лебедушка плыветъ,
Ни къ мому-ли горю матушка идетъ?
«Ты поди-поди, родимая моя, сюда,
Посмотри-тко на несчастнаго на миня,
Какъ я маюся, во чужихъ людяхъ живу,
Ни по плису, ни по бархату хожу,
Черезъ матушку (?) я горючи слезы лью.

Всѣ рекрутики собравши въ кругъ,
А я мальчикъ все по за́кругу гулялъ,
Себѣ товарища искалъ:
Ты, товарищъ, братецъ мой,
Ни съ одной ли ты деревенки со мной,
Не свезешь ли моей матушкѣ поклонъ,
Всенижающій, большой.
А моей жены всезаочно ничего:
Изъ-за ей ли я въ солдатушки пошелъ!

112. (Запись Гр. Евдокимова въ Селогорской вол. Новгор. у.).

Ты ребинушка,
Роскудрявая!
Ты когда взошла,
Когда выросла?
Я весной взошла,
Лѣтомъ выросла,
По зорямъ цвѣла,
Сонцомъ вызрѣла.
Подъ тобою ли,
Подъ ребиною,
Тамъ не цвѣтъ свѣтетъ,
Не огонь горитъ,—
Тамъ гори серцо
Молодецкоѐ;
Молодецкое,
Атаманьсьское,
Объ одной душѣ,
Душѣ-дѣвицѣ.
Красна дѣвица
Дочь купечецка.
—Вы, друзья мои,
Вы, пріятели!
Сослужите мнѣ
Службу вѣрную,
Службу вѣрную,
Безотвѣтную.
Вы сходите-ко
На то кладбищо,
Вы разройте-тко
Мать-сыру землю;
Вы откройте-тко
Гробову доску,
Вы достаньте-тко
Красну дѣвушку,
Красну дѣвушку,
Дочь купечецку.

Срв. Соболевскій V, 561—563: №№ 720—721.

113. (Записана Гр. Евдокимовымъ тамъ же).

Сяду, сяду край оконца
Проти яснаго сонца;
Проти яснаго сонца,
Выглядаю чорноморца.
Чорноморецъ, вижу, ѣде,
Семерыхъ коней веде,
А восьмово вороново,
Для дружка милово.
Стали кони на повати (?),
Стала во́да прибывати (2),
Чорноморца утопати.
Вижу на морѣ сѣдельцо:
Потонуло мое серцо,
Вижу на морѣ платочикъ:
Потонулъ милой дружочикъ.

114. (Запись В. Өедорова въ Само́кражской волости Новгородскаго уѣзда).

Красота ты, красота, молодецкая простота!
Изсушила дѣвчоно́чка удало́ва молодца:
Она повывела румянецъ изъ его бѣла лица.

Пойду я съ горя въ чисто поле, во зеленые луга,
Я развѣю грусть-тоску по зеленому лужку:
Ты расти-расти, кручина! выростай, моя печаль!
Ты не сохни, не вянь, все цвѣтамъ разсыпай.
Во саду много вишенья, винограду зрѣлаго,
Виноградъ зрѣло́й на вѣткѣ, соловей поетъ во клѣткѣ.
Слушалъ я, перенималъ, подъ кустомъ сидѣлъ-дремалъ.
Изъ-подъ кустика ишелъ и высокъ теремъ нашелъ;
Дивовался я тому, что никово́ нѣтъ въ терему:
Много зеркаловъ, картинъ, а я молодецъ одинъ.
Вотъ я сяду молодецъ на тесовую кровать,
На тесовую кровать—буду плакать и рыдать,
Буду плакать-горевать: не воротится-ль опять...
Милой катится, катится, какъ соколичекъ летитъ,
Какъ соколикъ дорогой,—съ ручки перстень золотой.

Нѣкоторые стихи этой пѣсни отдаютъ чѣмъ-то искусственнымъ Близкій варіантъ ея у Варенцова, Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края 75: № 25.

115. (Недашецкая вол. Тихвинск. у.; запись В. Иванова).

Старину скажу,
Побывальщинку.
Ой-да сынъ на матушкѣ,
Онъ дрова возилъ.
Ой-да родну матушку
Въ корешокъ запрегъ,
А молодую жену
Да на пристяжечку.
Ой-да ты вези,
Родная матушка!
Ой-да ты, молодая жена,
Вези съ поднаровочкой!
Ой-да Тверской-Ямской
Ѣхалъ миленькій;
Ѣхалъ миленькій,
Да онъ на троечкѣ;
Онъ на троечкѣ,
Да на воронинькой;
На воронинькой,
Да съ колокольчикомъ.

У Соболевскаго VII, 95: № 90 приводится только одинъ варіантъ изъ Кирши Данилова. Можно еще указать на сказкі А. Н. Аѳанасьева (3. изд.) II, 384: № 232.

116. У Троицы подъ горою
Торгуетъ Онтонъ золою.
Приходили къ Онтону съ Дону
Покупать сковороды и заслоны.
Безъ заслонъ кошки мекушки *)
Съ печки повытаскивали.
Не оставили великомученицы-лисицы,
Краснопѣвцу-зайцу,
Пустынножителю-медвѣдю.
(Селогорская вол. Новгор. у.).

117. (Нивская вол. Старорусскаго у.).

Наши дни коротки:
Выпьемъ что-ли водки?
Наливай четверту!
Пьемъ мы взачастую

*) Мякушки—лепешки (Гр. Евдок.).

Что тутъ долго спорить,
Выпьемъ и вдругоредь.
Пусть себѣ жена и дѣти,—
Выпьемъ мы и по третей!
Всѣ печали къ чорту:
Пятую, шестую.
Седьмую подносятъ—
Ночевать насъ просятъ.
А восьмую выпьемъ—
Ляжемъ и не пикнемъ.

15. Заговоры.

1 (118). «На прису́ху»; запись *А. Киселева* въ Новинской вол. Тихвинскаго у. (дер. Новинка).

Стану я, добрый молодецъ, не благословлясь, пойду, не перекрестясь, изъ избы въ избу не дверямъ, изъ двора не воротамъ, и пойду въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ стоятъ и три, и два, и одинъ бѣсъ: бѣсъ-Сава, бѣсъ-Колдунъ, бѣсъ-Асаулъ. И я сойдусь поближе молодецъ (имя) и поклонюсь пониже. Вы, тредевять бѣсовъ, три, два и одинъ бѣсъ-Сава, бѣсъ-Колдунъ и бѣсъ-Асаулъ! и какъ вы служили Ироду царю, и такъ послужите мнѣ добру молодцу (имя). Пойдите по городамъ и деревнямъ и сбирайте тоску и сухоту со звѣрей и съ птицъ, и съ птицы, и съ рыбы, и со всякаго званія людей. И снесите ту тоску и сухоту на дѣвицу (имя) въ ясныя очи, во черныя брови, въ румяное лицо, въ сахарныя уста, во горячую кровь, во черную печень, во тридевять жилъ и одну жилу становую, въ подпятную, чтобы дѣвица не могла жить, ни быть ни день по солнцу, ни ночью по мѣсяцу. Какъ младенецъ безъ материна молока жить не можетъ, такъ бы дѣвица (имя) и какъ безъ воды жить не можетъ ни въ которую пору, такъ безъ добра молодца (имя его).

Есть во чистомъ полѣ дубъ Сорочинской и подъ тымъ дубомъ Сорочинскимъ есть тридевять дѣвицъ. Изъ-подъ того дуба Сорочинскаго выходитъ баба яга и поджигаетъ тридевять костровъ дубовыхъ дровъ. И коль жарко и коль ярко разгоралось тридевять костровъ дубовыхъ, то столь ярко и столь жарко разгоралась бы дѣвица (имя): разгорались бы ея ясныя очи и черныя брови и румяное лицо, сахарныя уста, ретивое сердце и горячая кровь, черная печень, семьдесятъ жилъ и семьдесятъ одна, и семьдесятъ одинъ суставъ; чтобы дѣвица (имя) безъ добра молодца (имя) не могла бы съ себя тоски и сухоты снять, въ па́рной банѣ париться не могла-бы, въ чистомъ полѣ разгуляться, прѣснымъ молокомъ нахлебаться, на постелѣ отоспаться, въ бесѣдѣ отсидѣться. И тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ. А замокъ замкну и ключъ снесу въ акеанъ-море, подъ латырь-камень.

Срв. почти тожественный заговоръ у *П. Ефименка* 142: № 15 (списанъ со старинной рукописи). Здѣсь слиты въ одно цѣлое два разныхъ заговора. Въ первомъ бѣсы призываются собрать «тоску и сухоту» въ животномъ царствѣ и снести ее на дѣвицу. Сравнить съ нимъ можно № 3 (стр. 425 во II т. «Записокъ И. Р. Георг. Общ.)

въ извѣстномъ собраніи «Великорусскихъ заклинаній» Л. Майкова, гдѣ ту же роль исполняютъ вѣтры.—Второй заговоръ, гдѣ съ любовною страстію сравнивается ярко пылающій огонь, срв. съ № 5 того же собранія (ibid.), 426); *П. Ефименко*, матеріалы по этногр. Арх. губ. 141: № 6.

№ 2 (119). «Отъ змѣя» (отъ укушенія змѣи). Запись *Гр. Евдокимова* въ Сологорской вол. Новгородскаго уѣзда.

«Я рабъ Божій (N) лягу благословясь, стану перекрестясь, пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле по пути по дороги, зайду на окіянь-море; на окіяни морѣ стоитъ ракитовъ кустъ; во ракитовомъ кусту сидитъ змѣица-рагаденица, т. е. самка; брала три прута желѣзны, безчадно своихъ дѣтей била. «Милыи дѣти, я васъ гулять отпушшала, гдѣ добрыи люди не ходятъ, гдѣ милыи животы не гуляютъ»!

Я рабъ Божій (N) уговариваю отъ черново га́да, отъ сѣрово гада, отъ пестрово гада, отъ сизово гада, отъ голубово гада, отъ сивово гада, отъ бѣлово гада, отъ красново гада, отъ лихово гада (съ гребнемъ, свистунъ), отъ дворовово гада и отъ всѣхъ змѣёвъ и отъ всѣхъ гадовъ и отъ мѣденицы. Аминь».

Знахарь или знахарка читаетъ этотъ стихъ трижды (причемъ, какъ и вообще при заговорахъ, говоритъ отъ имени больного) надъ водой, въ которую кладется красный круглый камешекъ; потомъ умываетъ этою водою больное мѣсто и обводитъ камнемъ около ранки.—Отъ укушенія полосатаго гада заговариваютъ впродолженіе недѣли, по два раза въ день, а отъ другихъ—всего раза два или три.

Приведенный заговоръ я понимаю такимъ образомъ: знахарь предвидитъ и рисуетъ картину того, какъ змѣя-мать «унимаетъ» своихъ дѣтенышей, ожалившихъ данное лице. Просьба о томъ же встрѣчается въ другихъ заговорахъ (см. у Л. Майкова въ дополненіи: ibid. 447).

№ 3 (120). Заговоръ «отъ крови» (прекращающій кровотеченіе изъ раны). Запись *А. Барсова* въ Нивской вол. Старорусскаго уѣзда. Рана смазывается смоченнымъ «рижскимъ бальзамомъ» лошадинымъ пометомъ, надъ чѣмъ и читается стихъ:

«Благослови, Господи, руду заговорити у раба Божія (N) въ малѣ, малѣ по смерти мѣсяцѣ, ползуща (?), змѣющи пьютъ руду и сокровицу. Небо зинетъ, земля ржаетъ; св. Яковъ, хватай копья, затыкай, замыкай раны: не пухло-бы, не болѣло-бы, не щемило-бы, не шла-бы руда и сукровица. Аминь и св. Духа аминь. Укроти, Господи, кровь твою, жилы твои и ключи твои. Аминь и св. Духа аминь»!

№ 4 (121). «Отъ крови» (Сологорской вол. Новгор. у.).

«На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ камень латырь. На томъ камнѣ сидитъ красная дѣвица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, зашиваетъ раны кровавыя. Булатъ прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань»!

Срв. у Л. Майкова № 146 (стр. 479), *П. Ефименко* 211: №№ 62, 63, 66.

№ 5 (122). Тамъ же. «На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ сидятъ двѣ дѣвицы, родныи сестрицы; прядутъ оны пряжу. Пряжа, ты рвися, кровь, утомися. Аминь». Читается трижды; передъ и послѣ чтенія совершается крестное знаменіе. Въ заключеніе нужно плюнуть.

Срв. у Л. Майкова № 144 (стр. 478), *П. Ефименко* 211: № 59.

№ 6 (123). «Обходъ». Запись А. Киселевъ въ Новинской вол. Тихвинскаго уѣзда. Читается пастухомъ въ Егорьевъ день при обходѣ скотины (подробности см. выше, въ гл. VII, № 5).

«Священно-мученику Власію и Модевству, святому великомученику Георгію и святымъ евангелистамъ Христовымъ. Стану я, рабъ Божій, благословясь, и пойду, перекрестясь, изъ избы въ избу, изъ воротъ въ ворота. Я, рабъ-пастырь, умоюсь утренней росой, перетрусь я молодымъ мѣсяцемъ, утрусь я, р. Б., пастырь частымъ звѣздамъ, и стану на восходъ лицомъ и на западъ хребтомъ надъ сыру землю и помолюсь я, р. Б., самому Господу Богу Іисусу Христу, Его Пресвятой матери, святому Ильи пророку, Михаилу Архангелу и всѣмъ небеснымъ силамъ, и ангелу Улилу и Саваилу Шихоногу и царю Господу. Свыше пѣсни или пѣнія поставь мѣдную, вторую булатную, третью стѣну каменную; проведи рѣку огненную съ востока до запада, до самой бездны, съ земли до неба и до Господня престола, вышиной тридевять саженъ въ землю, чтобы моего возлюбленнаго живота христіанскаго не видалъ-бы звѣрь.

Помоли, Господи, мѣденицкихъ кобелей, чтобы прогоняли дикихъ звѣрей и (? при?) праздности моей.

Дай, Господи, апостолу Петру и Павлу взяти его ключи и одежду нетлѣнную. Какъ люди человѣка не видя, такъ-бы не видалъ-бы звѣрь моего скота христіанскаго. Коль кропокъ (? крѣпокъ?) камень не втечетъ въ море, не льется, не крошится,—столь крѣпокъ и кругъ моего коровьяго стада, стада живота христіанскаго снынѣ и до вѣку. Аминь, аминь, аминь.

Да постави, истинный Христосъ, царь небесный, кругъ моего скота тынъ мѣдный, заборы булатны, чтобы моего возлюбленнаго живота христіанскаго не видалъ-бы звѣрь. Катится мой скотъ при горѣ горой, при травѣ травой, при камнѣ камнемъ, при лѣсѣ пеньемъ, снынѣ до вѣку. Аминь.

Гокъ (?) святымъ мученикамъ, гокъ святымъ мученикамъ запрестольнымъ иконамъ! просимъ и молимъ: спасите коровъ и быковъ, нетелей и поднетелей, комлатыхъ и рогатыхъ, быковъ кладеныхъ въ новѣ мѣсяцѣ приведенныхъ, бурыхъ, красныхъ, бѣлыхъ, сивыхъ, краснопестрыхъ, горнопестрыхъ, бѣлоголовыхъ, бѣлохребтыхъ, красносвѣтлыхъ, бѣлопахихъ, бѣлыхъ горноухихъ, красныхъ, горнобурыхъ, свѣтлосивыхъ. Отцы наши вселенскіе, чудотворцы, спасите, сохраните отъ бредучаго медвѣдя, отъ сѣраго волка, отъ красной

лисицы, отъ горной соболицы, отъ рыса, рысихи, отъ рака ракальи, отъ щеннихъ дѣтей, отъ змѣя ползучаго, отъ встрѣчнаго и поперечнаго, отъ колдуна киловатаго и отъ дѣвки чорноглазки, и отъ злого человѣка, портежника и пакостника, и отъ всякой чумы и падежа, снынѣ и до вѣку. Аминь.

Замну въ воскъ дикихъ звѣрей и въ мохъ: ѣшьте вы зелену траву и пейте болотню воду, ломайте пеньё и колодье: тамъ нѣтъ ни пуль, ни ядеръ. Я замну и ключи въ море опущу, и вы, мои любезныя, гуляйте въ зеленыхъ лугахъ, въ лѣсныхъ дубравахъ. Бѣгите и спѣшите, какъ къ отцу духовному! Какъ муравьи собираются къ царю муравьинному, такъ и мои возлюбленныя шли, плелися, велися по закату солнца. Телята, не отставайте по голосу пастыря Снынѣ и до вѣку. Аминь.

Заключается у кепа (?) раба пастыря. Кто подумаетъ на раба-пастыря, тому портежнику или пакостнику, злому человѣку, изъ моря воду выпить, камни проглотить. хвою вычистить. Снынѣ до вѣку. Аминь. Кто подумаетъ на раба-пастыря, у того языкъ вытягиваетъ (?) и жилы порвутся. Мои зубы—замокъ, мой языкъ ключи замну снынѣ до вѣку. Аминь. Да воскреснетъ Богъ, расточатся враги Его, да бѣжатъ отъ лица огня,—тако да погибнутъ иртиницы (? эретницы ?) отъ лица Господня. Аминь. Замну пяти и тридевяти замками. Ключи въ море опущу. Аминь».

Срв. у Л. Майкова № 285 (стр. 530 и слѣд.); П. Ефименко 166 и слѣд.: № 1—9; 20.

7 (124). «Отъ глаза». Записано въ Селогорской вол. Новгор. уѣзда. Знахарка кладетъ въ воду «велико-четвержную» соль (см. выше гл. VII, № 8) и трижды читаетъ надъ чашкой слѣдующій стихъ. Водой этой больной долженъ окатиться и умыться. Окачиваться нужно на порогѣ, и никакъ не на вѣтру; нельзя даже въ тотъ день выходить на улицу (а лучше всего—уснуть). Если во время чтенія заговора кто-нибудь войдетъ въ комнату, то такой заговоръ тоже считается недѣйствительнымъ.

«Я рабъ Божій (имя) лягу благословясь, стану перекрестясь, пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле по пути по дороги; зайду на кіянь-море. У кіяни-моря стоитъ дубъ и на дубу сидятъ два андела—хранители Господни, просятъ и молятъ саму матушку Пресвяту Богородицу. И я р. Б. (N) молю васъ андели-хранители Господни: помолите и попросите Царицу Небесную, Пресвяту Богородицу о рабѣ Божіемъ N (или: о животѣ такой-то шерсти) отъ черново глаза, отъ бѣлово глаза, отъ сѣрово глаза, отъ голубово глаза, отъ жолтово глаза, отъ карево глаза, отъ сизово глаза и отъ всѣхъ злыхъ и ненавистныхъ людей. Аминь.

Срв. у Л. Майкова № 209 (стр. 498); П. Ефименко 219: № 102.

8 (125). Отъ чирья. (Недашецкая вол. Тихвинск. у.; запись Дм. Васильева). Ворожея указываетъ на безымянный палецъ и шепчетъ: «Какъ у этого пальца имени нету, такъ на моемъ тили

для пупышки миста ниту», благословляетъ три раза и чуть-чуть надавитъ больное мѣсто.

Срв. у Д. Зеленина въ «Сборникѣ II Отд. р. яз. и слов. И. А. Наукъ» т. LXXVI, 166, украсть.

9 (126). Чтобы испортить ружье. (Селогорск. вол.). «Не стрѣлокъ стрѣляетъ, а чортъ мешень подставляетъ»; сказать эти слова и плюнуть «на испашку», т. е. черезъ лѣвое плечо. (По повѣрью, плюнуть черезъ лѣвое плечо значитъ сдѣлать угодное чорту).

10 (127). «Отварачивается» ружье (исправляется; ibid.). Ружье, заправляемое рябиновыми листьями, портежу не подвергается; точно также нельзя испортить и ружье, промываемое «великочетвержкой» см. выше: гл. VII, № 8) водой. Старые охотники обыкновенно такъ и поступаютъ. Если же, почему-либо, предосторожности не были приняты, и ружье испортили, то читается заговоръ:

«Стану я р. Б. (N) рано благословясь и пойду, перекрестясь, изъ избы въ избу, изъ сѣней въ сѣни, со двора во дворъ, въ чистое поле къ Ердани рѣки, ко святой воды. Въ Ердани рѣки самъ Господь крестился, а съ само́во Исуса сбѣгала и стекала светая вода; такъ бы съ моей Марьи (?) пищели сбѣгалъ и стекалъ портежъ и призоръ, съ огнистово за́мка, съ березова станка, съ железмустово шимпала, съ ярово пороха, съ свинистой дроби и со всякой крови (птичьей или звѣриной); била-бъ, пробивала, да какъ бы не подхитрить и не подмудрить и не спортить не на стрѣлу, не на гулу, не колдуну не колдуницы, не ученику не ученицы, не жолтому не жолтучему, не смуглому не смуглучему, не бѣлому не бѣлолицему, не красному не красивому, не отъ бабы босоногой, не отъ дѣвки голоногой, не отъ стриженово, не отъ бритово, не отъ дѣда плѣшивово, не отъ своего товарища, не отъ самово себя (N); била-бъ пробивала, рвала-бъ прорывала безъ уступу безповоротно: не уходу, не улету. Какъ утвердилъ Господь небо и землю, такъ утверди и мой заговоръ по сей день, по сей часъ. Аминь».

Срв. у Майкова № 314 (стр. 551).

11 (128). «Чтобы столъ ходилъ» (Новинская вол. Тихвинскаго уѣзда).

«Выйду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ есть камень. На камню дѣвица. Сидитъ гадаетъ и меня заставляетъ. Столъ, скажи мнѣ сущую правду, что́ я тебѣ не скажу».

16. Духовные стихи.

2. (129; № 1 см. въ гл. V). О страшномъ судѣ (запись А. И. Сергѣева въ Луцкой вол. Демянскаго у., въ 1897 г.).

а. Грядите, невѣсты,
Въ чертоги принебесны;
Грядите успѣшно
Душою свѣтлой

в. За дверьми́ поставитъ.
Начнутъ и онѣ проситься:
Нельзя-ль и намъ
Тамъ помѣститься,

б. Въ небесный градъ
Для всѣхъ на бракъ.
Женихъ тамъ ожидаетъ,
На бракъ всѣхъ принимаетъ.
На брачномъ пирѣ
Будутъ сидѣть въ порфирѣ.
Порфиры даны царски
Видомъ прекрасны.
Онъ—рукъ творецъ,
Онъ всѣмъ отецъ;
Онъ тамъ обвѣнчаетъ,
На бракъ всѣхъ примѣчаетъ—
Премудрыхъ этихъ дѣвицъ,
Да прекрасныхъ лицъ.
Будутъ собраны
Лицомъ къ лицу,
И всѣ къ одному Отцу.
Онъ тамъ васъ снарядитъ
И близъ себя посадитъ,
Гдѣ херувимы воспѣваютъ
И серафимы прославляютъ.
А лѣнивыхъ дѣвъ оставитъ,

г. Въ числѣ этихъ дѣвъ,
Безъ добрыхъ дѣлъ?
Женихъ имъ отвѣчаетъ
(На бракъ этихъ дѣвицъ не примѣчаетъ):
Идите вы, дѣвы,
Съ такимъ дѣломъ
Отсюда прочь!
Теперь ужъ ночь;
У меня сидящихъ
Пиръ полный;
Въ числѣ дѣвъ
Набранъ довольно:
Со мной пируютъ
И ликуютъ здѣсь
Во вѣкъ весь.
Сведите лѣнивыхъ дѣвъ ко аду!
Будь тамъ вѣчно гладу,
Гдѣ пламень горящій
Лютѣйшихъ мукъ
И бѣсовскихъ мукъ.

Не хлыстовская ли импровизація? У П. Безсонова, среди многочисленныхъ стиховъ о страшномъ судѣ нѣтъ совсѣмъ пересказовъ евангельской притчи о женихѣ и дѣвахъ, какимъ является нашъ настоящій стихъ.

3. (130) «Заздравный стихъ», записанный Н. Евстигнѣевымъ со словъ нищаго-слѣпца Боровическаго уѣзда:

Мы должны́ Богу моли́ти,
Христа милости просити,
За N здоровья,
За весь домъ за блаадатный.
Спаси, Господи, помилуй,
Самъ Христосъ Богъ царь небёсный,
Миколай чудотворецъ,
Христіянскій заступникъ!
Заступа́й рабо́въ, поми́луй
При путяхъ, при дорожкахъ,
На чужой дально́й сторонкѣ,
Родительскимъ блаасловленіемъ,
Нашимъ нищенскимъ молитвамъ
Подай вамъ, Господи,
Добрава здоровьица,
Душамъ спа́сенье,
Многая лѣта!

Срв. у П. Безсонова I, 34 (№ 14).

4. (131). Запись Гр. Евдокимова въ Селогорской вол. Новгородск. у.

а. Идетъ старецъ по дорожки,
Черноризой по широкой;
Онъ идетъ—слезно плачетъ.
Попадалъ Господь настрѣчу:

в. Со слезамъ Богу молися;
Ты проси у Бога бури:
Чтобъ послалъ-бы Господь бурю,

— А узналъ-ли, чтó думаетъ Государь? «Узналъ».—Ну, что-жи я думаю? «А вотъ что ты думаишь: ты думаишь, что я безпечный попъ, а я вовси не ёнъ, а я отставной панамарь, пьяница; попъ жи нисравненно знаитъ больши миня, онъ бы тибя въ щель загналъ». Тымъ все и кончилось.

2 (154). «Сказка про Езопа» (записана тамъ же).

Жилъ въ давніе время богатый господинъ графъ. Жена у ёво была графскаго потомства и тоже очень богатая. Графу было не упáкать (т. е. не унаровить) и слова сказать своей жоны́: разсердится она и уѣдитъ изъ мызы въ городъ, гдѣ живетъ въ гостинницы недѣли двѣ. Въ тое время помѣщики одинъ другому перепродавали крестьянъ. Графъ тоже купилъ читырехъ чиловѣковъ: двоихъ мужчинъ и двоихъ женшинъ. Когда онъ привелъ ихъ домой, то каждаго спрашивалъ: какимъ римесломъ онъ занимался. Одного изъ ихъ звали Езопомъ. Графъ спросилъ ёво: «чимъ ты занимался?» Тотъ отвѣтилъ, что онъ придумникъ. Графъ сказалъ, что онъ ёму надобинъ. Второй мужшина былъ портной, а одна дѣвушка кормила птицъ. Вси оны остались жить въ помѣсьи этого графа.

Посли сего графъ нахвасталъ своей жоны, что онъ купилъ читырехъ рабочихъ, изъ которыхъ мушшина былъ очень красивый, а звала ёво Езопомъ. Жоны захотѣлось полюбоваться такимъ красавицимъ. Графъ призвалъ ёво въ комнату къ себѣ. Но Езопъ былъ, наоборотъ, некрасивый и очень неуклюжій: носъ у ёго былъ большой, горбатый, волосы дубóмъ. Жена графа, увидавъ такого красавица, очинь разсердилась на своего мужа и, по своиму обычію, приказала запрячь лошадей и уѣхала въ городъ. Езопъ, узнавъ это, выпросилъ у графа триста рублевъ денегъ и уѣхалъ въ тотъ же городъ, наказавъ графу не брать жену, пока онъ не пріѣдитъ изъ города, несмотря на то, что она будетъ давать сорокъ тысичъ рублей. Пріѣхавъ въ городь, Езопъ нашелъ тую самаю квартеру, гдѣ все пристаетъ жена графа, и расположился на томжи дворѣ. Затѣмъ пошелъ на ярманку, сталъ покупать тамъ дичи и носить её на дворъ. Жена графа увидала это. Она узнала Езопа и спросила у ёго: «куда-жи ты забираишь дичь?» Езопъ отвѣтилъ ей: какъ куда? разви вы и не знаити, что мужъ вашъ женится, беретъ жену съ сорока тысичамъ придáннаго. Вотъ я бёру дичи на сварьбу». Жена графа испугалась и стала Езопа просить, чтобы онъ поѣхалъ домой и упросилъ ейнаго мужа взять стараю жену, т. е. ею́. Но Езопъ отказался, сказавъ: «это не моё дѣло». Графиня поскорѣе снарядилась и поѣхала домой упрашивать мужа. Пріѣхавъ въ свою мызу, ёна явилась къ мужу, стала пиредъ имъ на колѣни и начала ёго просить, чтобъ онъ не женился на другой, а взялъ ею, и при этомъ давала сорокъ тысичъ рублей. Графъ вздумалъ, что это продѣлалъ Езопъ, и улыбнулся. При этомъ ёнъ вспомнилъ, чтó ёму наказывалъ Езопъ, и сказалъ жены: «я безъ Езопа не могу рѣшить дѣла». Въ скоромъ времени пріѣхалъ и Езопъ. Онъ и свёлъ графиню съ мужемъ. Гра-

финя отдала мужу сорокъ тысячъ рублей и съ этого времени стала во всемъ послушна ёму и уже болѣе ни уѣжжала въ городъ на дви недѣли.

№ 3 (155; записана тамже). Въ одной деревни жилъ мужикъ съ женою. Дѣтей у нихъ не было, а жили они очень бѣдно. Захотѣлось имъ узнать, гдѣ можно найтить богатства. Въ тое время и въ тойжи деревни жилъ колдунъ. Къ этому-то колдуну и пришелъ мужикъ, узнать отъ его, гдѣ можно найтить богатство. Колдунъ пасадилъ его подъ жерны, въ жеронки положилъ иглу и началъ ихъ вертѣть, а жерны и говорятъ: «въ Питири добро, въ Питири добро». Мужикъ, узнавъ, что добро можно найтить въ Питири, продалъ все свое остальное имѣніе, купилъ у колдуна тыи жеронки и отправился, вмѣстѣ съ женою, въ Питеръ. Прибыли они туда и, не найдя мѣста, деньги свои всѣ поиссорили (т. е. истратили). Однажды имъ вздумалось опять погадать. Мужикъ сѣлъ подъ жорны, а баба стала ихъ вертѣть. Жеронки прямо и говорятъ: «какъ тамъ, такъ и тутъ». Это означаетъ, что какъ дома они не нажили богатства, такъ и въ Питири. Послѣ этого мужикъ бросилъ жерны въ Неву и, не наживя въ Питири добра, Христовымъ иминимъ съ женою отправился домой.

№ 4 (156). Запись А. Трошнева въ Ильиногорск. вол. Демянск. у.

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ да былъ крестьянинъ Иванъ. Во всемъ счастливъ былъ Иванъ, да вотъ одна бѣда: жена у него такая была лѣнивая, что день и ночь только и дѣло у ней было — лежать на печкѣ. «Худая трава изъ поля вонъ». Такъ сдѣлалъ и Иванъ: однажды, во время крѣпкаго сна, взялъ свою жену съ печки, положилъ на телѣгу и сонную отвезъ въ поле, прежде обмазавши и обливши ее съ ногъ до головы дегтемъ. Самъ уѣхалъ домой. Проснувшись, жена осмотрѣлась и думаетъ про себя: я-ли? Приходитъ въ деревню, подъ окно къ Ивану, и спрашиваетъ своего мужа: «Иванъ, а́ Иванъ! дома-ли Агафья?» — Дома, отвѣчаетъ тотъ. «Ну, такъ значитъ не я», подумала про себя Агафья и ушла.

Шла, шла путемъ-дорогою. Застигла ночь. Надо ночевать, а гдѣ? Увидѣла Агафья старую мельницу и забралась туда. Не успѣла она улечься, какъ вдругъ слышитъ: приходятъ разбойники, садятся за столъ и начинаютъ дѣлить свои доходы: тебѣ столько-то, тебѣ столько-то. «А мнѣ-то?» закричала Агафья, да какъ выскочитъ изъ-за угла. А мало того, что она была въ дегтю, а еще обвалялась гдѣ-то въ перьяхъ, и была немного краше чорта. Разбойники перепугались, бросились бѣжать. Агафья, не будь плоха, ухватила самого атамана за полы. Тому нечего дѣлать, отдалъ ей всѣ деньги и говоритъ: «Милостивая государыня! подождите здѣсь: мы вамъ еще принесемъ денегъ и борова». Агафья не согласилась оставаться. Тогда атаманъ далъ ей орѣховъ, привелъ къ церкви и оставилъ ее здѣсь, обѣщая принести ей борова.

Утромъ, часовъ въ пять, пономарь пошелъ звонить къ утрени. И вдругъ слышитъ: кто-то орѣхи щелкаетъ. Взяло любопытство посмотрѣть туда: ахнулъ, да бѣжать. Прибѣгаетъ въ попыхахъ къ священнику и разсказываетъ обо всемъ. Священникъ былъ боленъ, идти не можетъ. Послали за дьякономъ, и понесли его къ церкви на носилкахъ. Подходятъ. Агафья думаетъ, что несутъ борова, и спрашиваетъ: «идете?»—Идемъ. «Несете?»—Несемъ. «А я догрызаю» (т. е. орѣхи). Тѣ бросили священника, а сами бѣжать.

Агафья пошла въ свою деревню съ деньгами и говоритъ ему: «я съ деньгами». Мужъ отвѣтилъ: «и худую давай сюда». Съ тѣхъ поръ стали они жить мирно и богато.

№ 5 (157). «Легенда о скупомъ» (Записано А. Барулинымъ въ Валдайскомъ у.).

«Въ одномъ бѣдномъ селѣ жилъ купецъ. Доходу имѣлъ онъ отъ торговли мало, а скупость-то въ немъ была большая. Наскучило ему торговать, вотъ и задумалъ онъ бросить свою торговлю. Зналъ онъ немного докторскую часть, и пошелъ въ городъ народъ лѣчить Взялъ съ собой въ дорогу два пирога — одинъ съ картофелемъ, а другой съ капустой. Когда купецъ вышелъ на перекрестокъ, попался ему на пути старичекъ; они и отправились вмѣстѣ народъ лѣчить. Въ городѣ же въ это время было много опасныхъ больныхъ.

Незамѣтно, въ разговорѣ, прошли они до самаго города не ѣвши. Дошли до рѣчки, гдѣ и порѣшили переночевать. Купецъ сѣлъ отдѣльно отъ старика и началъ ѣсть свои пироги, а самъ думаетъ: «что́ старикъ будетъ ѣсть? у него и невидно ничего съ собой» У купца осталось полъ-пирога на завтра. Старичекъ вынулъ изъ кармана въ платкѣ просфирочку, половину съѣлъ, а половину опять въ платокъ завернулъ и положилъ возлѣ себя. Легли спать. Купцу и вздумалось попробовать пшеничнаго (пироги-то у него были ржаные), онъ взялъ тихонько, да и съѣлъ просфирочку, а платокъ бросилъ рядомъ. Утромъ старичекъ и спрашиваетъ: «кто-то у меня просфирочку съѣлъ; не ты ли, докторъ»? А «докторъ» и отвѣчаетъ: «что ты? Это у меня свово полпирога осталось,—куда мнѣ твоя просфирка»?

Вотъ, пошли они черезъ рѣчку въ бродъ. Старикъ идетъ неглубоко, а купецъ началъ уходить все глубже и глубже въ воду. Старичекъ съ берегу и говоритъ: «не ты-ли просфирочку-то съѣлъ?»—Нѣтъ, говоритъ, вотъ видишь: въ воды теперь, лгать нечево, не бралъ! Наконецъ, выбрались они на берегъ и пошли въ городъ. Тамъ скоро нашли больного, отъ котораго доктора отказались, и взялись его вылѣчить. Купецъ спрашиваетъ: «кто будетъ лѣчить: ты или я?»—Все равно, я буду, а ты золото обирай! Купецъ на это согласился. Старикъ велѣлъ принести воды, и двое докторовъ заперлись съ больнымъ въ комнатѣ. Старикъ разрѣзалъ больного, перемылъ и опять сложилъ, какъ было. Купецъ испугался: видитъ, что бѣды не миновать. А старичекъ взялъ открылъ дверь, да и говоритъ; «теперь больной здоровъ». Пришелъ хозяинъ и увидѣлъ, что сынъ

его здоровъ сталъ; открылъ онъ сундукъ съ золотомъ и велитъ брать докторамъ, сколько они хотятъ. Купецъ наклалъ полны карманы себѣ, а старичекъ взялъ всего полгорсточки. Купецъ началъ бранить его, зачѣмъ тотъ мало бралъ: «съ тобой, говоритъ, работать, такъ по міру находишься! зачѣмъ бралъ мало золота?!»

Больныхъ по городу лѣчили они успѣшно, и все такимъ-же образомъ: разрѣжутъ и промоютъ. Купецъ все больше и больше сердился на старика, зачѣмъ тотъ за работу мало беретъ; да кстати онъ насмотрѣлся, какъ лѣчитъ старикъ. Въ это время заболѣлъ у вельможи сынъ; купецъ и взялся вылѣчить его безъ старика. Попросилъ воды, разрѣзалъ его, сложилъ—и видитъ, что не сростается; хотѣлъ убѣжать, да его не пустили и приговорили на висѣлицу. Когда его привели, то старикъ и спрашиваетъ: «не ты-ли мою просфирочку съѣлъ?» Купецъ отвѣчаетъ: «видишь, смерть на вороту; чего мнѣ теперь врать, не ѣлъ»... Старикъ попросилъ, чтобы купца не вѣшали; сказалъ, что сынъ вельможи здоровъ, и дѣйствительно, сейчасъ-же прислали сказать, что больной выздоровѣлъ. Купца освободили.

Старикъ говоритъ купцу: «у тебя теперь золота много,—пойдемъ по домамъ!» Купецъ на это согласился. Пошли дорóгой; старикъ идетъ легонько: у него золота немного, а купецъ насилу плетется Пришли опять къ рѣчкѣ; старикъ перешелъ напередъ и сѣлъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ просфирочку ѣлъ. Купецъ въ рѣкѣ началъ захлебываться. Старикъ опять спрашиваетъ: «не ты-ли, докторъ, просфирочку съѣлъ?» — Нѣтъ, я не ѣлъ; самъ видишь, что я въ водѣ стою, лгать не буду! — Перешелъ и купецъ рѣчку, и пошли они дальше. Дошли до перекрестка, гдѣ встрѣтились. Старикъ говоритъ: «вѣдь, мы лѣчили-то вмѣстѣ: давай, и золото раздѣлимъ пополамъ»— Да, эво ты какой! самъ не хотѣлъ брать, а теперь дѣлить хочешь!— Но старикъ не отступалъ и высыпалъ на землю столько золота, что у купца столько и не было. Купецъ думалъ—думалъ, да и бросилъ свой мѣшокъ съ золотомъ на землю: «ну, ужъ будь по твоему! давай дѣлить!»

Старикъ раздѣлилъ золото на три кучи. Купецъ и говоритъ «вѣдь, насъ двое, для чего-жъ ты разложилъ золото на три кучи?!» Старикъ въ отвѣтъ: «должно быть, тотъ былъ горазъ голодный, кто просфирочку съѣлъ: пусть и тому будетъ золото». Купецъ и говоритъ: «а развѣ ты и правду не видалъ, какъ я ее съѣлъ? Должно быть, крѣпко спалъ! Просфирку я съѣлъ, и потому это золото мнѣ».—Ну, говоритъ старикъ, хорошо, что ты сознался: не будешь отвѣчать за это на томъ свѣтѣ. А третью-то кучку возьми ужъ себѣ. Придешь домой, брось скупиться, исправь церковь въ селѣ своемъ и береги нищихъ». Купецъ поклялся, что онъ исполнитъ все. Покамѣстъ онъ убиралъ золото, старикъ скрылся. И позналъ купецъ, что отъ зависти и скупости онъ Божьимъ чудомъ избавленъ.

№ 6 (158) «Небылица» (записано г. Григорьевымъ въ Апраксинской вол. Новгородск. у.).

«Въ одной деревнѣ жилъ мужичекъ. Дѣтей-то у него не было а третій былъ дуракъ. Вотъ этотъ дуракъ на босу ногу топоръ обувалъ, на морѣ пахать собирался. А на морѣ осиновое дупло, и въ дуплѣ жареные цыплята пищатъ. Вотъ, онъ руку сунулъ, рука не лѣзетъ; ногу сунулъ, и нога не лѣзетъ; голову сунулъ, и голова не лѣзетъ. Разсердился, и влѣзъ самъ весь. Влѣзъ, съѣлъ цыплятъ, а вылѣзть и не можетъ. Сбѣгалъ въ деревню за топоромъ, разрубилъ дупло и вылѣзъ. Идетъ домой дорóгой, а ноги-то стороной идутъ. И видитъ, лаетъ заборъ изъ-подъ собаки. Вотъ, онъ вытащилъ сани изъ-подъ кнута, да хлесь суку; а кобель-то и издохъ. Идетъ дальше. Глядитъ: двѣнадцать волковъ, и оба бѣлые. Вотъ онъ сѣлъ отъ нихъ, а они легли, да за нимъ. Прибѣжалъ въ болото. Видитъ: въ болотѣ журавль тонетъ,—хвостъ завязилъ. Хвостъ вытащитъ, носъ завязитъ; носъ вытащитъ, хвостъ завязитъ. Ему журавля стало жаль, и онъ пошелъ его тащить. Идетъ и видитъ: ворона на клочу сохнетъ. «А чтó ворона сохнетъ?!» Бросилъ въ воду, и вотъ, ворона мокнетъ. «А чтó ворона мокнетъ?!» Вытащилъ, бросилъ на клочъ, и вотъ, ворона сохнетъ. «А, чтó ворона сохнетъ?!» и т. д.

Освободилъ журавля, идетъ назадъ. Подходитъ къ нему рѣчка А у рѣчки монахи. Тотъ монахъ, и другой монахъ, — оба монаха этотъ монахъ, и тотъ монахъ, оба монаха. Одинъ монахъ подошелъ къ рѣкѣ, сѣлъ на колоду, бултыхъ въ воду. Мокъ, мокъ — вымокъ кисъ, кисъ—выкисъ; лѣзъ, лѣзъ—вылѣзъ. Сѣлъ на колоду, бу-у...лтыхъ въ воду. Вымокъ, выкисъ, вылѣзъ, сѣлъ на колоду, бултыхъ въ воду, и т. д., безъ конца.

№ 7 (159). Запись С. Горбачева въ Боровическ. у.

«Вотъ тамъ, на югѣ, живутъ такіе же крестьяне, какъ и мы, только постройка у нихъ нѣсколько иначе. У насъ избушки изъ бревенъ и крыши наклонныя, а тамъ избушки каменныя, а крыши плоскія и обложены дерномъ, на которомъ выростаетъ даже трава.

Вотъ въ одной такой избушкѣ жилъ крестьянинъ съ женою и дѣтьми. Крестьянинъ утромъ обыкновенно вставалъ и уходилъ на работу, а жена оставалась дома, по хозяйству. Она и скотъ уберетъ во время, да въ поле прогонитъ, и обѣдъ принесетъ мужу, и дѣтей накормитъ. Но мужичекъ не понималъ работы женской. Онъ думалъ, что жена цѣлый день сидитъ безъ дѣла; а онъ на дѣлѣ, такъ можно, значитъ, на нее покричать и помытариться ею. Вотъ, она встала рано утромъ и говоритъ мужу: «оставайся дома и стряпай за меня, а я пойду на работу въ поле». Баба взяла косу и отправилась на работу.

Мужъ затопилъ печку и сталъ приготовлять кашу къ обѣду, а въ печку поставилъ пойло коровѣ. Приготовивъ кашу, онъ принесъ сметану изъ погреба и сталъ ее мѣшать въ масло. Послѣ долгаго труда, мужику захотѣлось пить. Онъ побѣжалъ съ чашкою въ по-

гребъ за пивомъ. Поставилъ тамъ чашку подъ кранъ и сталъ цѣдить пиво; вдругъ слышитъ: свинья ворвалась въ избу. Мужикъ бросился спасать сметану и забылъ завернуть кранъ у бочки. Пока онъ выгонялъ свинью, пиво все вытекло изъ бочки, только и осталась мужичку одна чашка пива.

Пошелъ мужикъ въ избу варить кашу. А воды нѣтъ. Что дѣлать? пошелъ на колодецъ за водою, а горшокъ привязалъ къ спинѣ, чтобы ребятишки (а то опять свинья) не пролили-бы сметану. Наклонился онъ за ведромъ, а сметана-то и вылилась ему на плечи. Наконецъ, налилъ въ горшокъ для каши воды и поставилъ его на ошестокъ печи, да, увидавъ пойло, вспомнилъ про корову. Пока онъ ее еще поилъ, въ поле гнать уже было поздно. Что дѣлать? не успѣлъ. Видитъ мужикъ, что на крышѣ трава хорошая; придѣлалъ мостикъ и взогналъ корову на крышу; а чтобы она не ушла, привязалъ за рога веревку и спустилъ ее въ трубу въ хату, а тамъ привязалъ конецъ себѣ за поясъ. Корова стала пастись на крышѣ, а мужикъ продолжаетъ стряпать. Корова ходила у самаго края крыши, оступилась и повалилась на землю. Мужикъ не успѣлъ поставить и каши въ печь какъ его веревка втянула въ трубу.

Обѣду надо быть давно, а мужъ все не несетъ женѣ обѣдать Она оставила работу и пошла спровѣдать хозяина. На ея глазахъ упала и корова съ избы. Жена поспѣшила обрѣзать веревку. Корова, слава Богу, не ушиблась, встала и пошла. Хозяинъ же свалился на ошестокъ и попалъ головою въ кашу. Войдя въ избу, хозяйка вывела мужа изъ жалкаго положенія. На распросы жены о томъ, какъ онъ попалъ головою въ горшокъ съ кашей, мужикъ отвѣчалъ: «зачѣмъ ты, дура, обрѣзала веревку, вотъ я и свалился въ кашу».

№ 8 (160). Запись А. Трошнева въ Демянскомъ уѣздѣ.

Расхамрилась и попрапала,
И хватала, что́ попало:
Кто ухватомъ, кто съ безмѣномъ,
Кто съ осиновымъ полѣномъ.
Били Ѳомку, колотили,
Съ мозгомъ голову смѣсили.
Послѣ Ѳомку догоняли,
Чиво не было, утняли.
Ты скажи, Ѳома, на тово,
Ина кто тибя обидилъ.
Ты ково-же въ глазы видилъ.
А Ѳомушка утвѣчаетъ:
«Пускай черти примѣчаютъ».
И къ свояку постучалъ,
И такую рѣчь диржалъ:
А своякъ-то утвичаетъ:
«Самъ ты чево дѣлаишь?»
—Такъ я же въ озирѣ напьюсь,
Водяныихъ ни боюсь!
Ѳома съ плоту наклонился,
Енъ и въ водушку ввалился.
И зашло такое дѣло:
Да нашли въ озеркѣ тѣло.
И судьи наизжали,
Тѣло судномъ споднимали;
И начали Ѳому качать,
И возвратили жизнь опять.
Состроили Ѳомы домъ
Со краснымъ окномъ.
Я подъ окошичкомъ сидѣлъ
И папиросочку курилъ;

«Ты подай, своякъ, напиться,
Штобы мнѣ не потопиться».

Искра пала на солому,
И ни живáти тому дому.

(Записавшій сообщаетъ: «Пѣсню эту пѣлъ мнѣ старикъ, сидящій у воротъ большой дороги. Не совсѣмъ правильно записалъ, потому-что старикъ три раза пѣлъ, а слова говорилъ различно».—Въ «пѣснѣ» этой много сомнительнаго).

Сообщено Д. Зеленинымъ.

Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи.

(Читано въ отдѣленіи этнографіи 8-го октября 1904 года).

Народное присловье можно опредѣлить, какъ прозвище, относящееся не къ единичному лицу, а къ группѣ лицъ, составляющей собою географическое или этнографическое цѣлое. Такъ, по крайней мѣрѣ, понимали этотъ терминъ собиратели памятниковъ русскаго народнаго творчества Снегиревъ, Сахаровъ, Даль и др. Что же касается народной терминологіи, то она вообще неопредѣленна. То, что мы назвали присловьемъ, въ народѣ извѣстно подъ разными именами: присловье, поговорка, побасенка, прибаутка и т. п.

Присловье чаще всего заключается въ одномъ или двухъ словахъ. Напримѣръ: торопчане мезговники: примѣшиваютъ къ мукѣ мезгу, березовое подкорье; курскіе абротьники (воронежск.), т. е. конокрады; костромичи — тамойники: говорятъ «тамой» вмѣсто «тамъ;» орловцы — проломленныя головки. Или же присловье выражается цѣлымъ предложеніемъ. «Дуга пьяная: семь кабаковъ, одна церковь». «Рыльцы свищшуть—лошадей ищшуть, абаянцы гудуть — лошадей вядуть» (воронежское, о томже конокрадствѣ курянъ).

Иногда присловье-прозвище является, т. е., экстрактомъ цѣлаго анекдота. Котелянъ (Вятской губ.) прозываютъ: гоголи и турки. Первое изъ этихъ присловій основано на народномъ анекдотѣ о томъ, какъ котеляне нѣкогда молились плывшей по р. Вяткѣ въ вешную воводь гоголѣ, т. е. лѣсной каршѣ (кокорѣ); второе основано на дѣйствительномъ событіи изъ временъ послѣдней турецкой войны, когда жители с. Молотникова Котельническаго уѣзда приняли артель рабочихъ за турокъ и вышли сражаться съ ними. Съ другой стороны, присловье — прозвище распространяется иногда въ цѣлый анекдотъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный анекдотъ о томъ, какъ пошехонцы (respons. вятчане, вологодцы и др.) мѣсили въ проруби толокно, необходимо признать простымъ развитіемъ прозвища толоконники, т. е. любители толокна, каковыми являются почти всѣ сѣверные великоруссы. Въ другихъ случаяхъ трудно бываетъ рѣшить, присловье ли распространилось въ анекдотъ или, наоборотъ, анекдотъ сократился въ присловье. Вообще же, присловье необхо-

димо разсматривать въ связи съ народными анекдотами. Присловье принадлежитъ къ области поэзіи, а не прозы; оно любитъ образность, фигурность выраженія, охотно пользуется двусмысленными оборотами рѣчи. Не даромъ русскій народъ говоритъ: «Голая рѣчь не пословица». Рамки простого прозвища—присловья оказываются слишкомъ узкими для такихъ требованій, и присловье охотно распространяется въ анекдотъ, гдѣ и для фантазіи больше простора.

Собиратели произведеній русской народной словесности помѣщали обыкновенно присловья въ число пословицъ и поговорокъ, очевидно, въ виду близости внѣшней формы тѣхъ и другихъ. Такъ сдѣлали Снегиревъ, Буслаевъ, Даль и др. Только у Сахарова, въ «сказаніяхъ русскаго народа» присловья выдѣлены особо.

Самое богатое собраніе великорусскихъ народныхъ присловій мы находимъ въ сборникѣ пословицъ В. И. Даля, въ главѣ: «Русь—родина.» Но на полноту это собраніе претендовать ничуть не можетъ. Въ нашемъ собраніи имѣется въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, въ три раза больше присловій, чѣмъ у Даля. Собраніе наше составилось, какъ изъ моихъ личныхъ записей, такъ и изъ сообщеній моихъ знакомыхъ, особенно-же товарищей моихъ по университету; наконецъ, изъ данныхъ провинціальной печати. Но и свое собраніе я отнюдь не считаю полнымъ, да оно и продолжаетъ постепенно пополняться.

То, что мы согласились называть присловьемъ, существуетъ у очень многихъ народовъ, какъ индоевропейскихъ, такъ и прочихъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. У древнихъ грековъ имя беотіецъ, т. е. житель смежной съ Аттикою области Беотіи, было синонимомъ «тупицы, дурака» и выраженіе: глупъ какъ беотіецъ ходило въ качествѣ пословицы. У италійцевъ подобною же репутаціею пользовались жители гор. Ателлы; отъ имени этого города выводятъ (Момзенъ и др.) и названіе популярнаго въ древнемъ Римѣ вида драматической поэзіи fabulae atellanae, съ ихъ четырмя постоянными типами, (pappus, machus, bucco и doscendus), соперничавшими другъ съ другомъ по своей глупости и тупости. Въ Германіи роль нашихъ пошехонцевъ играютъ швабы и гессенцы. Тѣхъ и другихъ зовутъ слѣпородами: «blinde Hundehessen; blinder Hesse». У поляковъ слѣпородами же зовутъ мазуровъ: ślepy mazur. У сербовъ присловьями можно назвать извѣстные термины, которыми широко воспользовалась славянская филологія для дѣленія сербскихъ говоровъ штокавци (т. е. произносящіе што = что), чакавци и кайкавци; у словаковъ сотаки. У болгаръ — имена македонскихъ «трибъ»: мыяци, поленци, піянцы и др. (См. ст. Верковичъ въ Трудахъ Этногр. Отдѣла III, 3—18).

Изъ не-индоевропейскихъ народовъ съ обиліемъ присловій мы встрѣчаемся у финновъ въ частности у эстовъ; напримѣръ, извѣстные псковскіе сетукезы (setukeset) русское полувѣрцы; mujlki, *какимъ именемъ прозываютъ* юрьевскіе эсты феллинскихъ (значеніе

слова уже утратилось). Кромѣ того, масса прозвищъ для жителей отдѣльныхъ деревень. У финляндцевъ мнѣ извѣстно прозвище прихода Пáрикала Выборгской губерніи: х а́ б а д а́ с к у, т. е. «кислый карманъ» или «кислокарманники».

Что до русскихъ присловій, то съ ними мы сталкиваемся на первыхъ же страницахъ нашей лѣтописи. У Нестора (Лаврент. сп. s. a. 984) читаемъ: «и побѣди Родимичѣ Волъчій хвостъ; тѣмъ и Русь корятся Родимичемъ, глаголюще: П и щ а н ь ц и в о л ъ ч ь я х в о с т а б ѣ г а ю т ъ». Надъ новгородцами въ 1016 г. ихъ противники, кіевляне, смѣются: «что придосте с хромцемъ симь, а вы п л о т н и ц и суще? а приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ». Ростовцы аттестуютъ владимірцевъ въ 1175 году: «то суть нащи холопи к а м е н ь н и ц и» (т. е. каменщики).

Подобно всѣмъ другимъ народно-поэтическимъ произведеніямъ, присловья имѣютъ свою литературную исторію. Мотивы присловій подвергались вліянію другихъ произведеній народнаго генія и, въ свою очередь, вліяли на эти послѣднія. Они переходили отъ однихъ народовъ къ другимъ; подвергались вліянію книжной письменности и такъ или иначе отражались въ этой послѣдней. Къ сожалѣнію, разысканія въ области литературной исторіи народныхъ присловій крайне трудны, если только вообще возможны. Дѣло въ томъ, что мотивы присловій развиты очень слабо, въ нихъ слишкомъ мало подробностей, по которымъ только и можно разрѣшить удовлетворительно хотя-бы, напримѣръ, вопросъ о заимствованіи. Въ книжной письменности присловья отразились всего менѣе, въ виду чего пришлая судьба народныхъ присловій для насъ крайне темна.

Въ русской научной литературѣ мы имѣемъ прекрасный образецъ разысканія въ области литературной исторіи присловій. Это маленькое изслѣдованіе А. Потебни о прозвищѣ с л ѣ п о р о д ы. (Русскій филологич. Вѣстн. IV, 168 изслѣд.). Въ своей статьѣ Потебня привлекъ очень богатый сравнительный матеріалъ, но къ окончательному выводу не пришелъ, закончивъ свою статью словами: «въ подобныхъ вопросахъ лучше найти далѣе голаго и неудовлетворительнаго «сравни», чѣмъ вдаться въ шаблонныя объясненія по теоріи исконной туземности сказокъ, или по теоріи ихъ заимствованія литературнымъ путемъ отъ Будистовъ черезъ Монголовъ или Арабовъ и Турокъ»

Въ нашу настоящую задачу не входитъ изслѣдованіе литературной исторіи великорусскихъ присловій. Мы имѣемъ въ виду присловья только какъ этнографическій матеріалъ; почему сейчасъ-же и перейдемъ къ вопросу о томъ, чтó можетъ извлечь этнографъ изъ великорусскихъ присловій.

I.

Первоначально остановимся на томъ, к а к і я и м е н н о э т н о г р а ф и ч е с к і я е д и н и ц ы я в л я ю т с я н о с и т е л я м и великорусскихъ н а р о д н ы х ъ п р и с л о в і й, мишенью прозвищъ?

Изучая великорусскія присловья-прозвища, мы прежде всего убѣждаемся, что онѣ даются новымъ переселенцамъ въ извѣстную мѣстность, со стороны прежнихъ, старыхъ жителей данной области.

Появленіе въ такихъ случаяхъ прозвищъ-присловій психологически вполнѣ понятно. Нужно-же какъ-нибудь называть новыхъ сосѣдей, необходимо окрестить ихъ какимъ-либо именемъ. Еще Богъ знаетъ, какъ они сами-то себя называютъ; а скорѣе всего и никакъ не называютъ, точнѣе: называютъ общимъ именемъ, какое даетъ себѣ великоруссъ, гдѣ бы онъ ни находился, это: хрестьянинъ. Въ особомъ имени для своихъ, для самихъ себя великоруссъ не нуждается, довольствуясь однимъ указаніемъ на свою христіанскую вѣру: хрестьянинъ. Но вѣдь новые поселенцы — не «свои», а чужіе. Мало того, что они незнакомые, не родня; у нихъ все не «наше»: и говорятъ-то они не по-нашему, и одѣваются-то иначе; все у нихъ не «наше». (При замѣчательномъ однообразіи деревенскаго быта, даже мелкія отличія въ одеждѣ, пищѣ, говорѣ и т. п. кажутся рѣзкими и обращаютъ на себя особое вниманіе).

Такъ дается новымъ сосѣдямъ кличка. Далеко не всегда она имѣетъ насмѣшливый оттѣнокъ. Вообще-же, содержаніе или характеръ возникшей такимъ образомъ новой клички всецѣло опредѣляется тѣмъ, какъ поведутъ себя новые сосѣди, на новомъ мѣстѣ. Заживутъ они богато, заслужатъ уваженіе, и ихъ прозвище сдѣлается синонимомъ уважаемыхъ богатѣевъ; выйдутъ изъ нихъ лѣнтяи, лежебоки, голь перекатная, и прозвище получитъ новое, бранное уже, значеніе «тунеядца». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно будетъ развиваться и распространяться: обогащаться насмѣшливыми разсказами изъ быта новыхъ сосѣдей, новыми прозвищами, созданными въ параллель къ первому, и т. п. Тоже самое происходитъ, если новые сосѣди, переселившіеся изъ какого-нибудь «медвѣжьяго угла» окажутся слишкомъ «сѣрыми», ничего не видавшими, неразвязными и недалекими.

Съ своей стороны и переселенцы, осмотрѣвшись и обжившись на новомъ мѣстѣ, даютъ какую-нибудь кличку своимъ сосѣдямъ — прежнимъ, кореннымъ жителямъ данной мѣстности, причемъ иногда отплачиваютъ за свое прозвище.

Вотъ примѣры: Коренные сибиряки новыхъ переселенцевъ въ Сибирь полупрезрительно называютъ посельгóй (а также Расейцами). Полупрезрительное значеніе эта кличка получила, конечно, прежде всего потому, что переселенцы въ Сибири оказываются всегда бѣднѣе и, особенно, грязнѣе практичныхъ и крайне чистоплотныхъ «челдоновъ» *).

Въ югозападныхъ уѣздахъ Вятской губерніи, Яранскомъ и Уржумскомъ (а также въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губ.), позд-

*) Посельга, въ отместку, зоветъ сибиряковъ челдонами (сообщ. Д. А. Макаренко).

нѣйшіе переселенцы извѣстны подъ именемъ починовцевъ, т. е. жителей починковъ, новыхъ, начинающихся деревень. Само по себѣ названіе это ничего обиднаго въ себѣ не заключаетъ; но оно, получило насмѣшливое значеніе въ виду того, что починовцы, переселенцы изъ центральныхъ уѣздовъ Вятской губерніи, оказались гораздо болѣе «сѣрыми», не-цивилизованными и вялыми по сравненію съ бойкими яранцами-красносанцами (т. е. форсунами, франтами) и уржумцами.

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи поселившіеся здѣсь (въ Троицкихъ и Усень-Ивановскомъ заводахъ) еще въ половинѣ XVIII в. старообрядцы прозвали переведенныхъ сюда помѣщиками тульскихъ крестьянъ надызáми (отъ слова нады́сь «намедни»).

Въ Костромскомъ уѣздѣ жители дер. Билькова, переведенные сюда помѣщикомъ изъ Орловской губерніи, получили прозвище молдавáна за свой своеобразный говоръ.

Въ Воронежской губерніи точно такимъ-же образомъ возникли извѣстныя клички: цуканы́ и талагáи. Талагаи—старинные жители края, цуканы—болѣе новые, еще помнящіе о своихъ переселеніяхъ изъ Московской, Орловской и нѣкоторыхъ другихъ губерній. Цуканъ собственно означаетъ «цокающій», т. е. произносящій *ц* вмѣсто *ч*. Между тѣмъ, бóльшая часть воронежскихъ цукановъ не цокаетъ, да и никогда не цокала. Очевидно, цокала только первая группа позднѣйшихъ переселенцевъ въ Воронежскую губернію, которыхъ старые жители, нынѣшніе талагаи, и окрестили, справедливо, цуканами. Потомъ этотъ терминъ распространился и на всѣхъ прочихъ переселенцевъ, хотя они и не цокали. Цуканы, въ отместку, прозвали не-цукановъ талагáями, чтó нужно переводить: «талалакающіе, бормочущіе, неясно говорящіе». Замѣчательно, что здѣсь эти новые переселенцы оказались досужѣе, дошлѣе прежнихъ жителей, и ихъ кличка цуканы въ настоящее время не только не имѣетъ насмѣшливаго значенія, а напротивъ, звучитъ почти какъ похвала. Напротивъ, талагай сдѣлалось синонимомъ «шута, неуча».

Такимъ образомъ, при помощи народныхъ прозвищъ-присловій мы легко устанавливаемъ цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ этнографическихъ группъ, на которыя дѣлится великорусское племя. Говорить о значеніи для этнографа такой установки было-бы излишне: съ нея должно начинаться всякое этнографическое и діалектологическое изученіе извѣстной мѣстности. Безъ такой установки нельзя говорить о границахъ отдѣльныхъ говоровъ, о вліяніи ихъ другъ на друга, равно какъ и объ этнографическихъ вліяніяхъ: о заимствованіяхъ тѣхъ или иныхъ чертъ быта жителями одной мѣстности отъ жителей другой.

Установка этихъ мелкихъ этнографическихъ группъ—одна изъ трудныхъ задачъ этнографа и діалектолога, особенно если извѣстная группа живетъ разбросанно (каковы, напр., саяны, цуканы, талагаи, надызы и т. п.). И трудность этой задачи съ каждымъ годомъ уве-

личивается, въ виду того что особенности народнаго быта и говора быстро сглаживаются подъ вліяніемъ городской и фабричной «цивилизаціи», а частыя передвиженія и переселенія народныхъ массъ путаютъ и мѣшаютъ всякія этнографическія границы.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, основаніемъ для дѣленія послужили географическіе признаки, о чемъ говорятъ уже самые термины: степь, горы, заволжье, полѣсье. Но географическій принципъ далеко не проведенъ послѣдовательно и даже нарушается почти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (напр. въ степь включена часть горъ и т. п.).

Точно также не проведенъ сколько-нибудь послѣдовательно принципъ историческій, въ смыслѣ стараго дѣленія русскаго государства на удѣлы. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ нашихъ историковъ видятъ въ народныхъ присловьяхъ «отголосокъ старинной удѣльной разрозненности и враждебности городовъ» (В. С. Борзаковскій, Исторія тверскаго княжества. Спб. 1878, стр. 59). Нѣкоторыя изъ нашихъ группъ, дѣйствительно, совпадаютъ съ предѣлами древнихъ удѣльныхъ княжествъ, но сравнительно очень немногія. Вообще же, массу прозвищъ-присловій мы встрѣчаемъ въ такихъ областяхъ, гдѣ удѣловъ никогда и не было.

Одинъ только принципъ выдержанъ въ указанномъ нами дѣленіи народомъ самого себя, а именно—принципъ этнографическій: по отличительнымъ особенностямъ говора и быта. Принципъ этотъ нисколько не противорѣчитъ дѣленію на фонѣ колонизаціонныхъ передвиженій, какого рода дѣленіе въ однихъ случаяхъ для насъ несомнѣнно, въ другихъ—мы имѣемъ всѣ данныя его предполагать.

II.

Великорусскія присловья не ограничиваются однимъ дѣленіемъ народа на этнографическія группы, а даютъ намъ также и характеристики этихъ группъ. Однѣ изъ этихъ характеристикъ касаются особенностей говора, другія—особенностей быта. Остановимся прежде всего на первыхъ.

Русскіе діалектологи отчасти уже пользуются народными присловьями для своихъ цѣлей. По крайней мѣрѣ, акад. А. И. Соболевскій въ свой «Опытъ русской діалектологіи» включилъ не меньше 15 народныхъ присловій-прозвищъ. Въ изданныхъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи программахъ наукъ для собиранія особенностей народныхъ говоровъ имѣются соотвѣтствующіе вопросы о народныхъ присловьяхъ, относящихся до говора.

Мы здѣсь коротко укажемъ, какія именно особенности говоровъ нашли себѣ отраженіе въ великорусскихъ присловьяхъ.

Изъ фонетическихъ особенностей великорусскихъ говоровъ шире всего отразилось цоканье, т. е. произношеніе ц вмѣсто ч: въ Мещерской сторонѣ Рязанской губ. цóки; въ Воронежской губ. (см.

выше), въ Щигровскомъ и Старооскольскомъ у. у. Курской (Вѣстникъ Европы 1888, сентябрь, стр. 206, ст. Н. Добротворскаго), въ Тверской губ. (Сахаровъ и Даль), въ с. Краишевкѣ Аткарскаго у. (М. Е. Соколовъ, Былины, историч., военныя пѣсни, записанныя въ Саратовск. губ. Петровскъ. 1896, стр. III *) — цуканы́; вятчанъ сарапульцы дразнятъ «цокъ-цокъ».

Кромѣ того, цокающихъ, равно какъ и чокающихъ передразниваютъ особыми присловьями-поговорками; напримѣръ, старичанъ: «Алексѣй Васильицъ, дай-ко мнѣ сенлёцки, кожичи»; котелязъ: «ликё, зайчи-тѣ на рёлки какъ толкунчі толку́ччя», и т. п.

Произношеніе ѣ какъ і высмѣивается въ присловьяхъ по адресу ладожанъ: «ла́доськой бісъ», «хліба ніту, сіна ніту, сміхъ какой!» или: «хліба, сіна ніту, въ Ладогу къ обіду (разумѣется: поспѣваемъ) іеть шти съ празуминтамъ» (Живая Старина 1898, стр. 406).

Шепелеватое произношеніе самарокъ, которыя, подражая уральскимъ казачкамъ, произносятъ ш вмѣсто с и ж вмѣсто з, передразниваютъ: «я шама шама́рка, шемрафанъ шъ оборкой»; жителей Туринской волости Тобольской губ.: турнишка швайка (т. е. свайка тѣ точать веретена изъ сваекъ; Ж. Старина 1899, 516).

Мягкое произношеніе звука ш: «низовскіе подшібы» — прозвище жителей Липчинской вол. Тобольской губ. (вмѣстѣ и по поводу склонности липчинскихъ жителей браниться словами: подшіба эдака, чтобъ тебя подшибло! (Ж. Старина 1899, 505).

Сьядкоязыкіе въ Обдорскомъ краѣ и на Колымѣ — произносящіе вмѣсто л и р йотъ; тоже кьясносе́и (т. е. красноселы) — жители с. Краснаго Костромской губ. *).

Кромѣ того, въ присловьяхъ, относящихся до быта или характера извѣстнаго населенія, почти всегда передразнивается и говоръ послѣдняго. Напр., присловье влагаетъ въ уста незлобивыхъ домосѣдовъ-вятчанъ такую характеристику: «мы вячьки робята хвачьки, семеро одново не боимся, а одинъ на одинъ, такъ и котомоцки отдадимъ!» Или надъ вологодскими тотьмяками смѣются: «печенца на спицкахъ»: тѣ продаютъ жареную коровью печень, развѣшивая ее на деревянныхъ спицахъ и закликая покупателей приведенными словами.

Морфологическія особенности говоровъ также нашли себѣ отраженіе въ присловьяхъ (хотя тутъ, собственно, народъ имѣетъ въ виду лексику, а не морфологію). Рязанцевъ и тамбовцевъ называютъ ягутками, по поводу ихъ произношенія: яго (его), причемъ про рязанцевъ говорятъ (нижегороды), что это „старые ягутки", а тамбовцы — новые. Ягуны — бѣлоруссы (отъ яho); кромѣ того ягуны

*) Краишевцевъ зовутъ также: рычи; по Соколову, это обрусѣлые мещеряки.

*) Они же кьясноязыкіе, а по промыслу черносеребренники: во всемъ полное сходство съ Устюжанами. Не оттуда ли переселились? и не было прежде въ говорѣ устюжанъ такого-же сладкоязычія, за которое они и могли-бы получить свою кличку „красноязыкіе".

(„егунье“ Лукьянова) имѣются въ Бѣлогородскомъ у. и около гор. Кромъ (Ж. Старина 1890, 128). Кагуны (отъ „каго“) въ Воронежской губ. Кагай (отъ произношенія: каго́, яго́)въ с. Щеголёкъ Суджанскаго уѣзда и часть жителей с. Знаменскаго Курской губерніи (М. Г. Халанскій, народные говоры Курской губ., стр. 303 и 274). Въ с. Болховцѣ Бѣлградскаго у. той же губерніи различаются чигоки (произносятъ: чиhо́ „чего“) и чагоки (чяго́); о первыхъ существуетъ даже анекдотъ, какъ они „прачиго́кали“ св. Николая въ Бѣлгородѣ, т. е. занимались чаепитьемъ въ гостинницѣ въ то время, когда совершался обычный въ Бѣлгородѣ крестный ходъ съ иконою св. Николая, утѣшая себя словами «ничиго» да «ничиго, щще успѣимъ». (Ibid. 44 и 34).

Очень возможно, что названіе саяны' также происходитъ отъ произношенія формы дат. пад. мѣстоим. сае („себѣ“). Такого мнѣнія держался еще покойный Потебня. Въ подтвержденіе его говоритъ и слышанная проф. Халанскимъ въ Курскѣ фраза, передразнивающая саянку: „эй, ты, саэ, маэ, либедикъ!“ Однако въ настоящее время формы сае, табѣ у саяновъ уже не извѣстны (проф. Халанскій, ibid. 38).

Изъ лексическихъ особенностей имѣется въ виду своеобразное произношеніе часто употребительныхъ словъ, а также излюбленныя словечки. Воронежское щекуны́ (они-же талагаи): произносятъ що вмѣсто что; вятчане «щекалы», «штё да поштё» (тоже самое). Вятчане же ошшо́ки (ошшо́—еще). Сибиряки—колдыки́ (въ Бузулуцк. у; колды́—когда). Костромичи—тамо́йники (тамой—тамъ). Въ Галичѣ Костромскомъ и въ Буѣ пари́ (отъ обычнаго обращенія парь, т. е. парень). Белебеевскіе надызи́ (нады́сь—намедни). Енисейцы—сквозники: они ѣздятъ по р. Енисею „на сквозь“, т. е. до Туруханска (Д. Кузнецовъ въ «Томск. губ. Вѣд.» 1863 г., 143). Сургутчане «коровъ тропкать», т. е. доить (ibid 142). Нарымцы—ляги: по поводу частаго употребленія ими слова ляга, слова, заимствованнаго отъ остяковъ и непереводимаго на русскій языкъ (ibid.).

Иногда изъ говора сосѣдней мѣстности берется цѣлая фра́за, состоящая изъ мѣстныхъ, непонятныхъ сосѣдямъ, словъ, и ходитъ въ качествѣ загадки. Мною записана въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губ. такая загадка: сноха говоритъ свекрови: «ерзу́н' отъ ёрзать» (т. е.: горшокъ кипитъ), та отвѣчаетъ: «возьми шелепе́нь, да и лопе́нь!» (т. е. «возьми ухватъ и выставь его). У Даля (Словарь I, XXXIII) приводится кирилловское «Шурка, постановь селезнякъ на бабурку, а сама полѣзай наверёхъ!» т. е: Сашка, поставь горшокъ на загнетку, а сама полѣзай на чердакъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, мы встрѣчаемся съ утрировкою лексическихъ особенностей мѣстнаго говора: многія слова въ этихъ загадкахъ нарочно выдуманы, а въ дѣйствительности никѣмъ неупотребляются.

Излюбленныя частицы также даютъ поводъ къ присловьямъ. Тйкалка,—такъ называютъ болховитяне жиздринскихъ крестьянъ за частое употребленіе послѣдними частицы ти (Сборникъ II отд. А. Н. т. 68, стр. 42). Надъ ростовцами смѣются: «въ Ростовѣ-тѣ, на соборѣ-тѣ, воронъ-тѣ, галокъ-тѣ!». Надъ нижегородцами; „чай—примѣчай!“ (любимая ихъ частица чай, у молодежи: чать, что́ и по всему среднему поволожью, напр. въ Кузьмодемьянскѣ).

Нѣкоторыя присловья имѣютъ въ виду общую манеру произношенія. Напр. тихоплевцы Свіяжскаго у. гнусари; устьничане тюменскаго округа голосянку тянутъ: говорятъ вяло и растягаютъ Ж. С. 99, 490); тверскіе купцали частобáи. Сюда-же, вѣроятно, относится упомянутое выше прозвище саратовскихъ крашпевцевъ рычи, а также, быть можетъ, прозвище сибиряковъ—челдо́ны (срв. орловское толдонить—«болтать толковать».

У Сахарова приводится одно присловье, въ которомъ отразился искуственный языкъ костромскихъ галичанъ. Это: «городъ Галивонь, озеро Миронь, а люди кривичи». Сахаровъ, видимо, не зналъ, что это просто-на-просто слова елманскаго искуственнаго языка, который употребляется галицкими торговцами и рыбаками; онъ замѣчаетъ: „Галичанъ наши дѣды называли кривичами, по ихъ хитрости и оборотливости въ торговыхъ дѣлахъ“. Изъ «картинъ Россіи» П. П. Свиньина (Спб, 1839, стр. 157 прим.). мы узнаемъ, что «Галичъ называется по Елмански Галивонь, озеро Галицкое Неронъ, а Галичане по Елмански кривита». Тотъ же Свиньинъ замѣчаетъ: «нѣтъ ли здѣсь намека на кривичей, можетъ быть, зашедшихъ сюда изъ окрестностей Смоленска?» Это послѣднее объясненіе кажется намъ болѣе правдоподобнымъ, нежели объясненіе Сахарова, если рѣчь идетъ о самомъ происхожденіи елманскаго слова кривита. Но въ присловьи, безспорно, имѣются въ виду люди, живущіе кривдой, и главная соль присловья въ томъ, что оно даетъ характеристику плутоватыхъ галичанъ, выраженную ихъ-же собственными словами.

Наконецъ, присловья и сами по себѣ очень интересны въ лексическомъ отношеніи. Здѣсь мы встрѣчаемся съ массою своеобразныхъ словъ; одни изъ нихъ загадочны по своему этимологическому происхожденію, напр. челдо́ны, саяны́; другія поражаютъ своеобразіемъ своей структуры. Въ прекрасной статьѣ Д. Кузнецова о сибирскихъ присловьяхъ (Томск. губ. Вѣд. 1863 г., № 25). приводится прозвище ялуторовцевъ—брюхоболѣны, въ объясненіе котораго къ ялуторовцамъ пріурочивается извѣстный анекдотъ о томъ, какъ мужику сѣно косить нельзя: животъ болитъ, а идти пиво пить онъ съ удовольствіемъ. Мы не повѣрили бы въ возможность существованія въ народномъ языкѣ столь страннаго образованія, какъ брюхоболѣны, еслы бы сами не слышали изъ устъ народа прозвища уфимцевъ безщлéны; это послѣднее является видоизмѣненіемъ болѣе обычнаго

выраженія «безшлейная Уфа»; въ виду имѣется тотъ фактъ, что уфимскіе башкиры не употребляютъ, при запряжкѣ своихъ лошадей, шлей.

Изъ бытовыхъ отличій присловья касаются оригинальныхъ, а также вообще любимыхъ въ извѣстной мѣстноси кушаній, одежды, промысловъ, антропологическихъ признаковъ, нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ и характера (психологіи) жителей.

Въ однихъ изъ этихъ случаевъ присловья отмѣчаютъ слишкомъ мелкія бытовыя отличія, которыя, безъ того, наблюдатель легко могъ-бы опустить изъ виду. Между тѣмъ, эти мелкія отличія всегда болѣе или менѣе характерны. Въ другихъ случаяхъ присловья сохранили намъ память о чертахъ быта, въ настоящее время уже исчезнувшихъ или, по крайней мѣрѣ, исчезающихъ.

Особенно много присловій относительно оригинальныхъ и любимыхъ кушаній. Укажемъ лишь нѣсколько примѣровъ. Толокóнники, т. е. любители толокна—вóлогодцы, пошехонцы, вятчане. Гушшеѣды—новгородцы; новгородская гушша представляетъ собою родъ каши изъ истолченныхъ въ ступѣ ячменныхъ зеренъ, во многихъ мѣстахъ Россіи она совсѣмъ неизвѣстна, а въ Тверской губерніи имѣетъ обрядовое значеніе: «она варится только въ крещенскую и Рождественскую коляды и въ Великіе Четвергъ и Субботу» (Преображенскій, ibid. 151).

Тястоѣды—заонежане; тясто—родъ кушанья изъ ржаной муки и солода. Саламáтьники—ливенцы и воронежцы: ботвинники—великолучане и бежбатманцы. Калинники—великолучане и цивильцы. Бобовники—холмитяне. Кулажники—казаки около Омска, и т. д. и т. д.

Особенными любителями табаку прослыли устюжане (табачники, рожечники) и торопчане (таботеры); по томуже поводу старовѣры зовутъ Ветлугу поганой стороной. Въ качествѣ большихъ любителей вина прославились городá: Грязóвецъ (пьяная Грязовица), Луга, село Домна Буйскаго уѣзда (пьяная Домна) и нѣкотор. др.

Изъ одежды больше всего отразились различныя особенности въ манерѣ опоясыванія. Одни надѣваютъ поясъ высоко, другіе—низко; у послѣднихъ иногда дѣлается «пазуха», т. е. рубашка на животѣ выдергивается изъ-подъ пояса и напускается широкими складками. Эти варіаціи имѣются въ виду въ присловьяхъ: голопузая Жиздра, голопузая Медынь; воронежскіе долгопузики; вислобрюхая томбота; кособрюхіе рязанцы (у послѣднихъ, какъ плотниковъ всегда топоръ за поясомъ, отчего одна сторона его спускается внизъ).

Лапотники—степняки (см. выше); сермяжники—они-же; напротивъ, красносапцы, т. е. щеголи, франты—яранцы; чарошники, холщевыя голяшки—алтайскіе казаки, которые носятъ чарки и холщевыя шаровары (Этногр. сборн. VI, 48); актоновцы

(с. Антоновка на Волгѣ въ Казанской губ.) выпускные: выпускають на сапоги невыразимые, подобно брюкамъ.

Немало также присловій относительно одежды инородческихъ племенъ.

Изъ многочисленныхъ присловій о промыслахъ отмѣтимъ лишь два-три, относящихся до промысловъ уже исчезнувшихъ. Устюжане слыли черносеребренниками: черневая работа существовала въ Устюгѣ Великомъ издавна, процвѣтала во времена Екатерины Великой; недавно исчезла. Нижегородскіе сергачи—медвѣжатники: водили медвѣдей, что потомъ было запрещено правительствомъ.

Вообще же, присловья этого рода имѣютъ всегда въ виду промыслы, ведущіеся въ данной мѣстности издавна или особенно характерные для данной мѣстности. Въ Сибири тобольцы томцевъ зовутъ муксунниками (вслѣдствіе торговли послѣднихъ муксунами) томцы тобольцевъ—язевниками. Въ основѣ того и другого промысла лежатъ чисто физическія условія, различныя для Тобольска и Томска: «муксуны, поднимаясь каждую весну въ Обь изъ Обской губы, преимущественно идутъ вверхъ по этой рѣкѣ къ устьямъ Томи, а не поворачиваютъ въ Иртышъ, и на пространствѣ Нарымскаго и Томскаго округовъ ловятся въ огромномъ количествѣ», напротивъ, «язи почему-то неохотно и мало поднимаются за муксунами по Оби, а идутъ по Иртушу» («Томскія Губ. Вѣд.» 1863 г., стр. 142).

Антропологическіе признаки также нашли себѣ нѣкоторое, правда слабое, отраженіе въ присловьяхъ. Наиболѣе характерныя въ этомъ отношеніи присловья относятся, что весьма естественно, къ инородцамъ. Извѣстное старинное русское прозвище чудь бѣлоглазая очень вѣрно и мѣтко характеризуетъ финскій типъ. Прекрасна и эта характеристика антропологическаго типа калмыковъ: «ай молодца: широка лица, глаза узенька, носъ пяткой».

По адресу русскихъ. Въ Архангельской губ. Пинега-Мезень толста селезень; А. Подвысоцкій по поводу этого присловья замѣчаетъ: «у пинежскихъ и мезенскихъ женщинъ нижнія оконечности и все туловище весьма толсты и пухлы» (Словарь Арханг. нарѣчія, 122); объясняется это, вѣроятно, родомъ пищи. Пинежане же икотники, кликушки: нигдѣ въ Россіи эта болѣзнь не распространена въ такой мѣрѣ, какъ здѣсь.

Въ Астраханской губерніи воронежскихъ переселенцевъ прозвали долгопўзики (отъ манеры подпоясываться, о чемъ см. ниже). Въ Бессарабіи великорусскихъ старообрядцевъ зовутъ: липованы, въ Херсонской—пилипоны. Въ Сибири извѣстны еще семейскіе (они-же остроголовые) въ Забайкальи, каменьщики въ Алтайскихъ горахъ, и т. д. Все это позднѣйшіе переселенцы.

Въ приведенныхъ нами примѣрахъ отразилась исторія колонизаціи края, но отразилась только отчасти. Присловье говоритъ намъ, что извѣстная группа переселилась сюда въ болѣе позднее время по сравненію съ первыми жителями края, но оно не говоритъ, откуда

именно эти позднѣйшіе переселенцы пришли. Есть, однако, присловья-прозвища, въ которыхъ мы находимъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

Таково, напримѣръ, довольно широко распространенное на великорусской территоріи прозвище поляки, въ значеніи «бѣлоруссы». Поляки имѣются въ Сибири, въ Змѣиногорскомъ округѣ (о нихъ ст. М. Шведовой въ Зап. Зап.-Сиб. отд. Геогр. Общ., кн. XXVI); въ Новгородскомъ уѣздѣ ими населена дер. Глухая Кересть Селогорской вол. (говоръ акающій; прозвище: поляки́). Въ Лукояновскомъ у. Нижегородской губ. переселенцевъ-бѣлоруссовъ прозываютъ: паны. Въ восточной части Бузулуцкаго уѣзда переселенцы изъ-подъ Троицка (они населяютъ села Кинзе́льку и Голубо́вку, деревни Гамалѣевку, Вознесенку и нѣкотор. др.) извѣстны подъ именемъ: сибиряки́. Въ томъ же, а равно и въ другихъ уѣздахъ Самарской губерніи нѣкоторые переселенцы прозываются «тамботой» (т. е. тамбовцами), «пензяками» и т. п., большею частію съ прибавленіемъ эпитетовъ, въ родѣ: толстопя́тая или вислобрюхая томбота́ (отъ одежды).

Безъ этихъ прозвищъ происхожденіе многихъ изъ перечисленныхъ переселенцевъ, можно сказать навѣрняка, уже давно забылось-бы.

Въ другихъ случаяхъ присловье, не сообщая прямо о родинѣ извѣстной группы переселенцевъ, даетъ въ руки изслѣдователю нѣкоторыя данныя для разрѣшенія этого вопроса. Напримѣръ белебеевскіе надызы́, т. е. употребляющіе слово нады́съ «намедни»— безспорно, южно-великоруссы, такъ какъ на сѣверѣ великороссіи это слово совсѣмъ неизвѣстно. При подобныхъ до́гадкахъ, однако, необходима большая осторожность *).

По аналогіи съ приведенными примѣрами можно заключить, что и вся масса прочихъ присловій (мы имѣемъ здѣсь въ виду только присловья, относящіяся до этнографическихъ, а не географическихъ единицъ) нѣкогда имѣла въ виду такъ же новыхъ пересе-

*) Воспользуюсь здѣсь случаемъ, чтобы внести поправку въ слова г. Сахарова, который въ своемъ описаніи говора крестьянъ Ильинской вол. Болховскаго у. (сборникъ отд. русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. 68, стр. 15) увѣряетъ, будто-бы дулебъ (нужно писать черезъ ѣ, такъ какъ иначе произносилось-бы дулёбъ), въ качествѣ нелестной клички жителей гор. Болхова унаслѣдованъ послѣдними изъ Подольскаго края. „Въ этомъ-же краѣ въ древности было Болховское княжество, въ составъ котораго входила и Дулебская земля, давшая Болховитянамъ кличку Дулебовъ“. Редакторъ „Сборника“ не безъ основанія усомнился въ народности этого объясненія, сдѣлавъ подъ строкой примѣчаніе такого рода: „Это сообщеніе весьма любопытно, если оно дѣйствительно основано на народномъ преданіи“. Никакого такого народнаго преданія нѣтъ. Г. Сахаровъ, видимо, основался на изслѣдованіи Рустика (Т. Мартемьянова: городъ Болховъ. Орелъ. 1897. Стр. 79—80), но извратилъ мысли Рустика. Послѣдній пытается объяснить происхожденіе имени городъ Болховъ, причемъ дѣлаетъ весьма правдоподобное предположеніе, что „Болховъ названъ въ честь князей болховскихъ, бояръ Грознаго, именемъ утраченнаго ихъ предками побужскаго удѣла“. „Чужое имя водворилось на Нугрѣ съ своимъ неразлучнымъ спутникомъ кличкой“, хотя вполнѣ возможно, что древніе „дулебы и болховитяне не были согражданами, „сидѣли“ на разныхъ Бугахъ“.

ленцевъ въ извѣстныя области, хотя исторической наукѣ часто ничего опредѣленнаго о движеніи переселеній въ этихъ областяхъ не извѣстно. Не настаивая, однако, на этомъ предположеніи (что всѣ присловья возникли на фонѣ колонизаціонныхъ движеній населенія), мы отмѣтимъ лишь тотъ несомнѣнный фактъ, что всѣ присловья (исключая опять-таки чисто географическія присловья) имѣютъ въ виду особыя этнографическія группы, т. е. группы населенія, отличающіяся одна отъ другой чертами быта и говора. Въ присловьяхъ самъ народъ даетъ намъ этнографическое дѣленіе самого-же себя.

Начавъ съ юга великороссіи, мы встрѣчаемъ прежде всего въ Курской губерніи группы: саяновъ и горюновъ. Саяны географически ничѣмъ не объединены, они живутъ разбросанно въ уѣздахъ Курскомъ и Щигровскомъ. Отъ окружающаго населенія они отличаются и антропологически: своимъ высокимъ ростомъ и дородствомъ (Н. Добротворскій въ «Вѣстникѣ Европы» 1888, сентябрь 209; срв. М. Г. Халанскій, «Народные говоры Курской губерніи», стр. 48 *); эти отличія, впрочемъ, въ послѣднее время сглаживаются. Покойный публицистъ Е. Л. Марковъ признавалъ даже саяновъ «инородцами финскаго племени» (что́ совершенно не вѣрно). Кромѣ того, саяновъ отличаетъ крайне оригинальный костюмъ женщинъ (онъ подробно описанъ проф. Халанскимъ, ibid. 37—38). Г. Добротворскій даже полагалъ, что саяны и называются такъ отъ того, что мѣстныя женщины носятъ сарафаны «саяны» (ibid. 199**). Наконецъ, главнымъ отличіемъ саяновъ является ихъ своеобразный шепелеватый говоръ, подробно изученный проф. М. Г. Халанскимъ (кромѣ цитованной книги см. еще «Русскій Филологич. Вѣстникъ» 1889, I и «Сборникъ II отдѣл. р. яз. и слов. И. Акад. Наукъ» т. 74, стр. 47—48). Проф. Халанскій склоняется къ тому мнѣнію, что саяны—позднѣйшіе насельники въ теперешней мѣстности, пришли сюда не ранѣе XVII в. быть можетъ изъ Псковской области. Такимъ образомъ, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что и это присловье-прозвище возникло такъ же на почвѣ колонизаціонныхъ передвиженій. Въ настоящее время саяны иногда называютъ себя этимъ именемъ съ гордостью (М. Г. Халанскій, Нар. гов. н. г. 48).

Горюны́ живутъ въ Путивльскомъ уѣздѣ той же губерніи

*) Пользуемся случаемъ выразить свою признательность проф. М. Г. Халанскому, который прислалъ намъ, по нашей просьбѣ, корректурные листы этой своей статьи, еще печатающейся въ „Сборникѣ“ Академіи Наукъ.

**) Съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя; доказательства см. у проф. Халанскаго, ibid. 39. Когда, послѣ прочтенія нами настоящаго доклада въ Отдѣленіи Этнографіи г. Макаренко высказалъ тоже самое предположеніе, что̀ и г. Добротворскій, то проф. В. И. Ламанскій, въ возраженіе ему, очень удачно замѣтилъ, между прочимъ, что невѣроятно, чтобы жители цѣлой области. въ томъ числѣ и мущины, получили свое названіе отъ бабьей юбки. Проф. М. Г. Халанскій пишетъ намъ, что, какъ ему сообщалъ проф. Рѣдинъ со словъ г. Вольтера, въ Литвѣ. кажется, есть гдѣ-то частичка населенія, называемая тоже саянами.

Это бывшіе монастырскіе крестьяне. Г. Добротворскій въ своей статьѣ смѣшалъ ихъ съ саянами; но проф. Халанскій (ibid. 36) настаиваетъ на строгомъ отличіи саяновъ отъ горюновъ и считаетъ послѣднихъ аборигенами здѣшней мѣстности.

Въ лѣсныхъ уѣздахъ Калужской губерніи: Мосальскомъ, Козельскомъ и Жиздринскомъ, а также въ западной части Орловской губерніи мы встрѣчаемъ палѣховъ, т. е. жителей полѣсья. Прекрасная характеристика жиздринскаго полѣха, по сравненію съ сосѣдомъ его—болховскимъ дулѣбомъ, дана И. С. Тургеневымъ въ «Запискахъ охотника» (ст. «Хорь и Калинычъ), причемъ Тургеневъ говоритъ о «рѣзкой разницѣ между породой людей въ Орловской губерніи и калужской породой». Трудно предположить, чтобы эта рѣзкая разница явилась плодомъ одного только различія въ природныхъ условій этихъ двухъ смежныхъ областей. По словамъ іеромонаха Леонида, калужскій крестьянинъ, при случайной встрѣчѣ, на базарѣ, въ дорогѣ, съ двухъ словъ узнаетъ «полѣха», причемъ часто, вмѣсто привѣтствія, шлетъ ему присловье: «го, палѣха, поняй!» (т. е. погоняй!): палѣхи, ѣдучи по дорогѣ на пустыхъ саняхъ или телѣгахъ, кричатъ одинъ другому: поняй! чтобы не растянуться и не отстать другъ отъ друга. («Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губ. и калужскіе іерархи. Калуга. 1876, стр. 223—224; см. такъ же «Живая Старина» 1898, 424 прим.).

Въ Орловской губерніи болховскіе дулѣбы такъ же составляютъ особую этнографическую группу. О нихъ ходитъ много насмѣшливыхъ анекдотовъ (см. Рустикъ, Цитован. выше страница 82—83).

Въ Рязанской губерніи различается такъ наз. Мещерская сторона оки (лѣвая) и сторона Рязанская (правая). Жители первой отличаются своимъ цокающимъ говоромъ и извѣстны подъ именемъ: цóки.

Въ Ярославской губерніи выдѣляются этнографическія группы сицкарей и пошехонцевъ. Сицкари живутъ по р. Сити, въ Моложскомъ уѣздѣ, въ т. наз. Си́тчинѣ «Одежда, пріемы, обороты рѣчи—все это, вмѣстѣ взятое, такъ отличительно отъ прочихъ, что за 40 и 50 верстъ отъ мѣста жительства тотчасъ узнаютъ сицкаря» (Этногр. Сборн. I, 65 и слѣд.). Жизнь, однако, дѣлаетъ свое дѣло: въ настоящее время и сицкари быстро «цивилизуются».

Знаменитые пошехонцы, на нашъ взглядъ, не заслужили того множества насмѣшливыхъ анекдотовъ, которое о нихъ извѣстно. Особенно рѣзкихъ отличій въ бытѣ пошехонцевъ нѣтъ; они выдаются своимъ домосѣдствомъ, и только. Есть всѣ основанія полагать, что лубочная литература съиграла очень большую роль въ распространеніи этихъ насмѣшливыхъ анекдотовъ о Пошехоньи. Не безъ вліянія осталось, вѣроятно, и то обстоятельство, что въ пошехонскихъ лѣсахъ, особенно въ т. наз. Мусорѣ и Сóхоти, издавна свили себѣ *гнѣздо раскольники разныхъ* толковъ, неотличающіеся, между про-

чимъ, особенною высотою своихъ нравовъ (извѣстна поговорка: «у насъ въ Сохоти живутъ дѣвки въ похоти». См. Труды Ярославск. губ. стат. ком., т. I, 243 и слѣд.).

Въ Владимірской губерніи выдаются прежде всего жители такъ называемой Опóльщины. Это безлѣсная, но богатая область, обнимающая собою части уѣздовъ Юрьевскаго, Суздальскаго и Владимірскаго, а отчасти Переславскаго и Александровскаго. «Народъ опольный—вольный», говорятъ владимірцы. Дѣйствительно, житель Опольщины выросъ въ достаткѣ, развилъ въ себѣ самостоятельность и предпріимчивость, физическую и нравственную крѣпость.

Полную противоположность представляетъ собою населеніе заклязьминской части губерніи, гдѣ бѣдность природы и историческія условія (особенная тяжесть крѣпостного права) подавили человѣка и способствовали развитію въ немъ одного только качества—лукавства и хитрости. Здѣсь пріютилась такъ назыв. Адовщина (на сѣверѣ Судогодскаго уѣзда). Адовцы—народъ сумрачный, непривѣтливый; живутъ они профессіональнымъ нищенствомъ.

Третья этнографическая группа населенія губерніи; офени извѣстны всѣмъ.

Въ Новгородской губерніи отмѣтимъ уломцевъ и поозёровъ. «Улома желѣзная, а люди каменныя». «Улому къ Петрову дню вѣтромъ шатаетъ». Улома—южная часть Череповскаго у. Жители ея издавна куютъ гвозди. Здѣсь царитъ бѣдность, такъ какъ почва песчаная. Уломцы отличаются замѣчательною выносливостію и рѣдкимъ трудолюбіемъ.

Поозёры—жители береговъ оз. Ильменя, частію въ Новгородскомъ, частію въ Старорусскомъ уѣздахъ. Прозвище Поозёръ въ Новгородской губ. служитъ синонимомъ «необразованнаго, грубаго, мѣшковатаго», а такъ же «драчливаго» человѣка. Поозёры отличаются такъ же своимъ говоромъ.

Въ Тверской губерніи «грубость и необразованность слыветъ подъ названіемъ Тудавщины». (Этногр. сборн. I, 280). Тýдовщина расположена въ западной части Ржевскаго уѣзда, по р. Туду. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ изслѣдователей склонны причислять жителей этой области къ бѣлоруссамъ (Преображенскій, описаніе Тверской губ. въ сельско-хозяйств. отношеніи. Спб. 1854, стр. 78; срв. списки населенныхъ мѣстъ Тверской губ., стр. XXVI). По словамъ Преображенскаго, тудовляне отличаются своими обычаями, а такъ же лексикою. Но сколько-нибудь подробнаго описанія края до сихъ поръ нѣтъ. Намъ извѣстно только, что въ тудовщинѣ сарафанъ называютъ кыстылакъ (Преображенскій), по поводу чего мы можемъ лишь замѣтить, что это же самое названіе касталанъ отмѣчено и въ с. Малыхъ Савкахъ Жиздринскаго у., гдѣ такъ называютъ «въ высшей степени оригинальный верхній женскій нарядъ изъ домашняго узорчатаго полотна въ видѣ балахона» (С.-Петербургск. Вѣдом. 1903, № 282: ст. Ив. Абрамова «Отживающая старина»).

Весь Егонская, какъ называютъ тверитяне бо́льшую часть Весьёгонскаго уѣзда, рѣзко отличается, по увѣренію того-же Преображенскаго (стр. 78) отъ прочаго населенія губерніи антропологически. Преображенскій описываетъ мѣстный типъ крестьянскихъ физіономій въ такихъ словахъ: «глаза довольно узки, носъ совершенно прямъ и довольно великъ; брови прямыя и такъ сходятся надъ носомъ, что съ перваго взгляда представляютъ одну линію; лице овальное, широкое. Типъ этотъ рѣзко отличаетъ весьегонскаго крестьянина отъ жителей южныхъ уѣздовъ губерніи». «У насъ въ Весй такъ какъ на небеси!» передразниваетъ присловье представителей этой Веси Егонской, во множествѣ уходящихъ на промыслы. А что-же не живешь тамъ? «Да не прокормишься».

За недостаткомъ времени ограничимся однимъ указаніемъ еще нѣсколькихъ мелкихъ этнографическихъ группъ, окрещенныхъ также особыми присловьями.

Въ Олонецкой губ. заонежане и каргопольщина (послѣдняя шире Каргопольскаго у.), въ Архангельской губерніи особенно рѣзко выдаются поморы, въ Нижегородской закудёмы; въ Вятской шанчура́та, кука́ра, сивякй, кай, зюздино (см. нашу статью «Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ В. губ.», печатающуюся въ Памятн. Кн. В. Г. на 1905 г.).

Остановимся еще на нѣсколькихъ большихъ этнографическихъ группахъ великорусскаго народа, каковы: степнякй, заво́лжане, нагоряне и др.

Подъ именемъ степи (а въ болѣе древнее время—поля) извѣстна территорія, обнимающая нынѣшнія губерніи: Воронежскую, Тамбовскую, восточную половину Орловской и прилегающіе уѣзды Тульской. Здѣсь нѣкогда ночевали исконные враги русскаго народа, инородцы востока. Въ настоящее время здѣсь обитаютъ мирные домосѣды степняки. Самый терминъ степь, какъ видимъ, чисто географическій, но содержаніе его скорѣе этнографическое, чѣмъ географическое. Въ составъ степи народъ включаетъ, напримѣръ, уѣзды Ефремовскій, Лебедянскій, Елецкій и Ливенскій, хотя въ отношеніи устройства поверхности уѣзды эти вѣрнѣе назвать гористыми, чѣмъ степными. А главное, степнякамъ противополагаются подмосковные, какимъ именемъ зовутъ себя, напримѣръ, даже жители Каширскаго уѣзда (с. Липицы: см. Этнограф. сборн. II, 95). Вмѣсто: степняки говорится и: вохлаки («вохлаки по той сторонѣ Оки»), лапотники, сермяжники, неотёсаные (срв. М. Стаховичъ. Исторія, этнографія и статистика Елецк. у. М. 1858. Стр. 25). Характеристики эти въ общемъ вѣрны: быть можетъ, нигдѣ въ русскомъ народѣ не живутъ такъ грязно, какъ въ этой степи; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ напр. въ Коротоянскомъ, Бобровскомъ, Землянскомъ, нѣтъ совсѣмъ бань. И это—при общей зажиточности степняка, у котораго часто и лѣсу достаточно.

Есть всѣ основанія полагать, что и это прозвище возникло

опять-таки на почвѣ колонизаціонныхъ передвиженій. Москвичи назвали такъ всѣхъ переселенцевъ въ «степную украйну», занятую прежде кочевниками. Характеръ новыхъ поселенцевъ далъ уже потомъ теперешній оттѣнокъ термину степняки; лишь ближе познакомившись съ новымъ населеніемъ степи, москвичи стали выражаться: «нынѣ вохлакй-то позади Оки», т. е. за Окой, за Серпуховымъ и Тулою.

Жители приволжскихъ губерній дѣлятся на заво́лжанъ и нагорянъ. Заволжье лѣсная сторона по лѣвому берегу великой Русской рѣки, особенно въ губерніяхъ Костромской и Нижегородской; Горы—правый берегъ отъ устья р. Оки вплоть до гор. Царицына. Этнографическая физіономія заволжанъ и нагорянъ прекрасно изображена въ извѣстныхъ романахъ Мельникова-Печерскаго «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», а также въ очеркахъ покойнаго Ф. Д. Нефедова «Этнографическія наблюденія на пути по Волгѣ и ея притонамъ» (Труды Этнограф. Отдѣла IV, 40—69).

Изъ большихъ великорусскихъ этнографическихъ группъ можно было бы еще указать на сибиряковъ, вятчанъ и др. Сибирь въ устахъ народа не столько географическій терминъ, сколько этнографическій. Вятчане съ одной стороны и «жители Вятской губ.» съ другой,—это понятія совершенно различныя и ничуть не совпадающія одно съ другимъ.

Багавско русло,—называютъ жителей с. Багаева Свіяжскаго уѣзда за ихъ тучность (А. Можаровскій, Изъ жизни крестьянскихъ дѣтей. Казань. 1882, стр. 91).—Кукаръ на Вяткѣ прозываютъ большоголовыми, если только это не нужно понимать въ смыслѣ «умные».—Носарй, прозвище жителей дер. Носковой, дано-де имъ за большіе носы (Живая Старина 1899, 501); однако не исключена возможность, что тутъ мы имѣемъ своеобразную передѣлку самаго имени деревни.—Ярославцы красавцы *).

Характеристика психологіи народа или части его—одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ этнографіи. Въ этомъ отношеніи присловья могутъ оказать незамѣнимую услугу. При своей тонкой наблюдательности, народъ въ тоже время помнитъ бытовую исторію жителей извѣстной мѣстности за много-много десятилѣтій. Плодъ этой наблюдательности, длящейся десятки и даже сотни лѣтъ, оказывается всегда замѣчательно мѣткимъ и вѣрнымъ.

---

*) Въ состоящей изъ присловій о деревняхъ Томашской волости Кадниковскаго уѣзда пѣснѣ, между прочимъ, поется: «Долгорожи, непригожи—то Антроповскіе рачеглазы, пучеглазы—то Помазовскіе» (Труды Этнографическаго Отдѣла XI, вып. I стр. 9).

Нигдѣ, можетъ быть, не требуется такой осторожности, какая необходима для заключеній объ антропологіи населенія по присловіямъ: семейскіе остроголовые—не по формѣ головы, а по формѣ головного убора (старинная польская чалма), тамбота вислобрюхая—по манерѣ опоясываться, устюжане краснозыкіе—по говору. Иркутчане—одна рука короче—по нравственнымъ качествамъ (плохіе охотники платить долги) и т. д.

Самыми характерными въ этомъ отношеніи оказываются, естественно, присловья, обращенныя по адресу инородцевъ, а также малороссовъ. Но тѣ и другія вообще не входятъ въ рамки нашей настоящей статьи, почему мы и ограничимся только тѣми присловьями, въ которыхъ характеризуются отдѣльныя великорусскія группы.

Склонность къ воровству и разбоямъ, легкость нравовъ, чистоплотность и отсутствіе ея,—вотъ тѣ черты народной психологіи, которыя нашли себѣ болѣе широкое отраженіе въ присловьяхъ.

«Ворами» слывутъ прежде всего мѣстности, населенныя нѣкогда разнаго рода сбродомъ: бѣглымъ и бродячимъ людомъ. Таковы: Вятка, Сибирь и южная «украйна» стараго Московскаго государства. «Вороватость» послѣдней всего памятнѣе народу. «Елецъ всѣмъ ворамъ отецъ, а Ливны всѣмъ ворамъ дивны»; «Орелъ да Кромы первые воры, да и Карачевъ на поддачу»; «рыльцы свишпуть, лошадей ищуть, абаянцы гудуть, лошадей вядуть», «орловскій народъ — проломленныя головки», «кто Рогатое и Становое (села въ Елецкомъ у.) проѣхалъ, тотъ живъ до Москвы», «Тула зипунъ сдула», «мимо Сенкова и Рунова пронеси Богъ здорово, а мимо Баскачь пронесись навскачь» (три села Каширскаго у.), и т. п. Вятчане—«хлыновскіе воры» и т. п. Въ Сибири заудинцы—разбойники и т. п.

Поволжье, гдѣ встарь господствовали разбойники, также иногда вспоминаетъ свою старину. «Люди честные, поволжане», выраженіе это до сихъ поръ звучитъ ироніей и не удивительно: «на Волгѣ жить—ворами слыть». «Въ Хвалынѣ ухорѣзы, въ Сызранѣ головорѣзы», «симбирцы гробокрады», «Татинецъ да Слопинецъ (нижегородскія села) ворамъ кормилецъ», «вязовцы дубинники» (с. Вязовые Свіяжскаго уѣзда) и т. п.

Здѣсь, правда, присловье имѣетъ въ виду не настоящее, а прошлое. Но вѣдь, по русской пословицѣ, «яблочко отъ яблочка недалеко падаетъ».

Легкостью нравовъ прославились валдайскія красавицы (Валдай—старинный торговый пунктъ), пошехонскіе старовѣры и тоже Поволжье, въ частности: Нижній съ слободою Кунавинымъ, старовѣрческій центръ Городецъ, Костромской край, село Богородское и мн. др.

Чистоплюями, въ смыслѣ особенной чистоплотности[1]), слывутъ ярославцы и рыбинцы, которые будтобы «пудъ мыла извели», смывая у сестры родимое пятнышко; также яранцы. По сравненію

[1]) Русскій народъ вообще считаетъ чистоту прежде всего нравственнымъ качествомъ, а не физическимъ. О такомъ его взглядѣ говорятъ уже самые термины. Слово поганый означало, прежде «языческій; оскверненный идольскою кровію» (оно восходитъ, какъ извѣстно, къ лат. paganus). О томже говоритъ извѣстный обычай «святить» нечистые продукты, прибавляя къ нимъ освященной воды. Наконецъ, пословицы, напримѣръ: «съ чистаго не воскреснешь, съ поганаго не растреснешь, «съ погани не умрешь, *а съ чистаго*, какъ съ лубка свернешься».

съ сибирякам всѣ расейцы, даже кержаки (т. е. старовѣры) оказываются грязными, и сибиряки смѣются надъ расейскими: черно лапотница. «Мезенцы чернотропы, сажеѣды»; «мезенски дѣвушки судомойницы»; «Мезень поѣхала», говорится, если кто прольетъ пищу на скатерть. Село Ямбухтино Тетюшскаго у. «немытая посуда». «Запьянскія (р. Пьяна въ Нижегородской губ.) «чупахи».

Нашли себѣ нѣкоторое отраженіе въ присловьяхъ и другія психологическія черты. Такъ, торопчане прославились особеннымъ лукавствомъ и большою страстію къ обманамъ, за что ихъ прозвали: «чортовы-наставныя головы» и «фараонитяне». «Лукавицами» слывутъ и ярославцы [2]). Добродушіе и незлобивость смирныхъ домосѣдовъ вятчанъ и пошехонцевъ подробно изображены въ многочисленныхъ анекдотахъ о тѣхъ и другихъ. Мистическая настроенность крайне суевѣрныхъ котелянъ, готовыхъ всюду видѣть святыню и предметъ поклоненія, выражена въ анекдотѣ о томъ, какъ котеляне молились лѣсной кокорѣ: «матушка Гоголя, спаси нашу Кательничу: отнеси на попову мельничу!», а по варіанту: «Липовая кокора! моли Бога о насъ!»

Занимаясь, уже около четырехъ лѣтъ, собираніемъ и изученіемъ народныхъ присловій и анекдотовъ, я убѣдился, что безсмысленныхъ присловій вообще нѣтъ. Присловья, на первый взглядъ кажущіяся безсмысленными, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются содержательными и характерными. Приведу одинъ этотъ примѣръ, подтверждающій вмѣстѣ и то наше положеніе, что въ присловьяхъ отразились нѣкоторые, вымершіе уже, суевѣрные обряды.

Относительно жителей нѣсколькихъ захолустныхъ мѣстностей присловья увѣряютъ, будтобы жители эти «ловили солнце». Такъ, «кадниковцы боченкомъ солнышко ловили», болховитяне—кузовомъ, рязанцы—мѣшкомъ. На первый взглядъ, полная безсмыслица, что-то въ родѣ «сапоговъ въ смятку». Между тѣмъ, изъ книги іеромонаха Леонида «Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи и калужскіе іеромонахи» (Калуга. 1876), мы узнаемъ о существованіи у калужанъ въ прежнее время суевѣрнаго обряда «загонять солнце подъ Петровъ день» (стр. 222). Къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ обрядѣ въ названной книгѣ нѣтъ; говорится только, что обрядъ этотъ сопровождается особыми пѣснями. Въ другихъ этнографическихъ сочиненіяхъ описанія такого обряда мы также не нашли, а въ настоящее время онъ вымеръ *).

---

[2]) Срв. также выше приведенное присловье о костромскихъ галичанахъ — кривичахъ; это присловье о Демянскѣ: «городъ Деманъ, рѣка Явонь, а народъ-дьяволъ» (Демонъ—старинное имя Демянска); похожее же присловье объ Архангельскѣ: «городъ «Архангельскій», а народъ въ немъ дьявольскій».

*) Мы не знаемъ, имѣетъ ли связь съ этимъ обрядомъ «загонять солнце» обычай «караулить солнце». О послѣднемъ Сахаровъ пишетъ, что въ Тульской губ., и только въ одной Тульской, «подъ Петровъ день караулятъ солнце, какъ оно будетъ играть

63. Дравá. Дрóвы у печки.
64. Дýдка. Пастухъ или лѣсникъ играетъ на дудкѣ.
65. Думы́.
66. Зимля.
67. Зимляника.
68. Змія. а), в).
69. Зубы. а), в), с).
70. Иголка. а), в).
71. Жóлудъ а), в), с).
72. Жукъ навозный.
73. Замокъ.
74. Заслонка. а), в).
75. Изба. Бревна въ избѣ.
76. Кадушка. Вобручи.
77. Кадка и вода.
78. Качанъ. а), в).
79. Квакуха.
80. Квакуха съ циплятыми у крапиви и ястрибъ.
81. Курица.
82. Клёнъ... лёнъ, линъ... клинъ (созвучныя слова).
83. Калабóкъ.
84. Калёсы.
85. Кóлыкылъ.
86. Кальцо.
87. Камáръ.
88. Калёсы, сани, конь.
89. Калодизь. Абодьдя у калодúзи.
90. Кóлыкылъ.
91. Кросна.
92. Кума, кумъ и рябёныкъ.
93. Лаýки двѣ са сталомъ.
94. Лаýки у избѣ.
95. Лапти.
96. Лапти и аборы а), в).
97. Копы.
98. Карова. а), в).
99. Качанъ.
100. Качирьга и гарячая угалья.
101. Кошка.
102. Крали.
103. Камаръ а), в).
104. Канапля, а), в).
105. «Гнётъ» на пянькѣ, якъ пяньку мочуть.
106. Паскóньни.
107. Пинька.
108. Канапля (зярно), ступка, пестикъ или толкачъ а), в).
109. Конь.
110. Запряжка лошади.
111. Лукъ а), в), с).
112. Лучина а), в).
113. Люлька.
114. Люлька на вярёвычкахъ и рябёныкъ 1), 2), 3).
115. Листъ.
116. Лотка.
117. Ложка и миска.
118. Локомотивъ.
119. Лошать, сядло.
120. Лухъ, рика.
121. Макъ.
122. Макъ цвѣтущій.
123. Малина. а), в).
124. Маслабойня.
125. Забивають клúньня у бабу у маслабойни.
126. Мядвѣдь, мядвѣдникъ карова.
127. Вéжи.
128. Мельница.
129. Мельничныи калёсы.
130. Магилки. Пакойники (жмурики).
131. Маланьня́.
132. Марозъ.
133. Мохъ у стинахъ.
134. Мурашка.
135. Мышъ.
136. Мѣсяцъ и нядѣля.
137. Мѣсицы и годъ.
138. Ножнúцы (ножницы) а), в).
139. Неба, мѣсицъ, звѣзды.
140. Нага у лаптёхъ.
141. Плотъ, якъ шастомъ яго двúнишь.
142. Попъ и люди у церькви.
143. Пóисъ.

144. Прорва у пру́ди.
145. Павути́на.
146. Понь въ лясу, у снягу.
147. Пестъ.
148. Печъ.
149. Горячая уга́льля у печки.
150. Печка у бани.
151. Пчила у вулью.
152. Пчила, воскъ, це́ръкау́.
153. Пчила лятить у ву́лій.
154. Пятухъ.
155. Пятухъ, куры. а), в).
156. Ракъ. 1, 2, 3.
157. Рау́цый. Ви́дить роу́ныга.
158. Рожъ.
159. Рыса́. а), в).
160. Рѣпа.
161. Рѣшита.
162. Самуваръ.
163. Сали.
164. Свиданіе съ другими себѣ подобными. см. рау́ный.
165. Свинья́, сарока, вовкъ, сарока прыгаить на зе́ми, да гаво́рить свиньнѣ, што близка вовкъ, кабъ яе́ ни аблупіу нойды.
166. Рукавицы. а), в).
167. Ружжо. а), в), с), д).
168. Рыба а), в), с).
169. Рѣзвины. а), в), с).
170. Саха.
171. Лимяши́. а), в).
172. Саха, дѣу́ка и конь.
173. Саха.
174. Соль чашуки. а), в).
175. Сонъ саро́ка.
176. а) Видъ сороки; несоразмѣрность хвоста съ туловищемъ
в) Сарока астиригать свинью́; та заылась у грязи и ни тя́митъ, што нидале́ча воукъ и падла́жіица якъ бы яе́ увалочь.
с) поэтическое описаніе сороки.
177. Свинья́, мужикъ и гумно.
178. Серпъ.
179. Скрипка а), в), с).
180. Слѣдъ. Поля зимою, Сляды итъ капытъ.
181. Снопы.
182. Снѣхъ.
183. Сабака. Сабака, икъ лажитца спать, пакрутитца памне́тца а), в).
184. Со́ньца. а), в), с), д), е), f).
185. Сонце. Смерть.
186. Сумирки (стиска́ння).
187. Тараканъ (тарака́ння).
188. Тапоръ.
189. Труба.
190. Ухватъ.
191. Хлѣбъ и лапата.
192. Хлѣбъ у диривяннэй квашнѣ а), в).
193. Хмель.
194. Сстоубъ и двѣ куршны у ёмъ, штобъ была на чомъ спать и вѣшать платьтя.
195. Столбъ съ крючкомъ и диркыю для витья вярёвыкъ.
196. Столъ. а), в).
197. Стѣны у хати. Стѣны трескаютъ.
198. Су́чча у стынахъ.
199. Хамутъ.
200. Христоу́ день и постъ вялікій.
201. Цѣпъ. а), в), с).
202. Чиловѣкъ.
203. Купецъ спрашіить у мужика: атчаго чиловѣкъ худъ?
204. Штаны.
205. Языкъ.
206. Языкъ въ роти.
207. Яйцо. а), в).

1. Арѣхъ, арѣшина.

Узлѣзь на мяне,
Паярошъ мине.

35. Виритяно́ бярёзовыя и гребинь кляновый.

Падъ клёнымъ сяжу,
Бярёзыю трясу.

36. «Вирста», стоўбъ вирставэй.

Самя ня видить, другому паказаить.

37. Вязёнка.

Разжаўши касматку,
Тыкъ галыша́.

38. Галава, глаза, уши, ротъ, ноздри.

Гарщонычикъ умёнъ,
Семъ дирычикъ у ёмъ.

39 a. Гаршо́къ.

У нагахъ топчуть
И на агнѣ гарить,
А имя яму «ахъ».
39. в. Ляжить у гарѣ,
Божьива свѣту не видить;
Пришли Адамывы дѣти,
Начали вяртѣти,
На курганъ крутить,
На пича́хъ патамить,
Жазло́мъ яго братися,
Всякъ можить атъ няго питатися.
(с. Дудкино Бѣльск. у. отъ раскольниковъ).

39 c.

Жiў панъ-Капитанъ,
Семъ душъ прапиталъ;
Приходитца пану пумирать,
За вароты выкидать—
На яго люди ни глидять
И сабаки ни идять.

39 d.

Живеть ни чилавѣкъ,
Памреть ни радитель.

39 e.

Прiѣхаў Канстянтинъ
Свое́ войска прапитаў,
Самъ помиръ—
Воювать некаму.

39 f.

Черный цыганъ
Па золыту ѣздить.

40. Гарохъ ссыпаютъ у гаршокъ.

Катилася бирюличка
Па калинываму масточку
У камяннэ́й гарадочекъ.

41. Грабли.

Батька съ сажинь,
Матка съ аршинъ,
Дѣти по каршо́чку.

42. Громъ.

Ряўнуў волъ
На сто горъ,
На тысичу вазяре́й.

43. Груди, грудь женская

а. Круглинька, малинька,
На сталѣ ни бываить,
б. Увесь свѣтъ питаить.
Падъ гарою мядьвѣдь шкуру вало́чить.

44. Ребенокъ проситъ груди:

Прiѣхаў гость бизъ вястей,
Просить мяса бизъ кастей.

45. Грѣхъ.

Ишла баба логымъ,
Сустрѣлася съ Богымъ:
«Божа, Божа,
Дай мнѣ таго,
Чаго у тябе нима».

46. Грядки.

Двѣ сястрички
Пашли у чарнички
И сами пачарнѣли.

47. Гумно.

Матка гладка,
Сыны цакуны,
Дочки пализўхи (ли́зыўки).

48. Гусь.

а).

Бѣлъ, какъ снѣхъ,
Набитъ, какъ мѣхъ,
У домъ идеть,
Какъ жирябецъ нржеть.

b).

На лапатыхъ ходить,
Носымъ ѣсть.

с).

Сѣрыя харомы,
Красныя падворья.

d).

Атчаго гусь плаваить?
Атъ беригу.

е).

Гусь.
Бѣлъ, якъ снѣхъ,
Глабоўть у воду.

49. Двери.

а).

Мизъ двюхъ лисицъ скура висить.

b).

Два стыять,
Два лижать
Пятый ходить,
За пупъ водитъ,
Шастой пѣсинки пяеть.

с.)

Якъ день, такъ и ночь,
Бабу за пупъ тигаютъ.

50. Дежа.

Сама таўста,
Рубаха каротка.

51. День и ночь.

а.

Бѣлая карова
Трасникъ ламала,
Черная карова
Трасникъ падымала.

b.

Черная чирня́ва
Увесь лѣсъ пулумала,
Бѣлая билява
Увесь лѣсъ падымала.

52. Деньги.

У Масквѣ рубють,
Сюды щепки литять.

53. Дярюга.

Туды рохъ и туды рохъ,
Благаслави Бохъ
Зъ бабскихъ нохъ
Да на мяне.

54. Дымъ.

а.

Сѣрая сукно
Тянетца ўвакно.

b.

Бязъ сохъ каравать.

55. Дядо́ўникъ.

а.

Сряди́ агаро́да
Стаитъ урода;

Хто за яго примитца,
Той самъ скривитца.

b.

Сядить урода
Сярёдъ гарода...

c.

Сярёдъ гарода
Стаить ваивода;
Хто примитца—
Рука скривитца.

56. Дятилъ.

Стаить старичокъ,
У яго красный калпачокъ.

57. Жита и салома.

Карова ў пуню,
Хвостъ на пуню.

58. Зярно. Пасѣў.

Загадаю загадку,
Закину за грядку:
Пускай мая загадка
Ляжить да налѣтьтя.

59. Дожъ.

Ждемъ и просимъ уси; а придить уси схуванмся.

60. Дарога и стёжки.

Ляжить сасна
На ўвесь свѣтъ красна
И къ каждыму двару па сучку.

61. Дарóга.

Ляжить рáзя
Разстигнязя:
Якъ устанить,
Дыкъ и нѣбу дастáнить.

62. Дарóгу.

Чаго къ избѣ ни приставимъ.

63. Дравá. Дрóвы у печки.

Палажу скрыльками,
Выну крошками.

64. Дўдка. Пастухъ или лѣсникъ играетъ на дудкѣ.

Ходить кала лѣсу, кричить кукарéку—
Ни курица, ни пятухъ—диривянной носъ.

65. Думы́ (думы) мысли.

Чаго лягчѣй (быстрѣй) на свѣти нѣтъ?
Думóў.

66. Зимля.

Чаво на свѣти багатѣй нѣту?
Зямли.

67. Зимляника.

Сядить паня на пригорку,
Вчарвонымъ каптурку;
Хто идеть, каждый паклонитца.

68. Змiя.

a.

Ишоў па дарóзи—
Ляжить зло у злѣ;
Узяў зло—
И выкинуў зло узъ зла.

Разгадка:

Ишоў ета я па дарози, мима муравейника,
Гляжу: нѣхта балаўшись укинуў змяю
У муравейникъ — я яé аттуда выкинуў кнутомъ.

змiя.

b.

Бягить—сипить.

69. Зубы.

a.

Бѣленькiи куры
Съ паднéбесься глядять.

b.

Бѣленьки курычки съ поличка глидять.

c.

Сѣчки сякуть, диривяшки вязуть,
Андрюшка братъ пуварачивайся.

70. Иголка.

a.

Сининька малинька,
Увесь свѣтъ адиваить.

b.

Синія синява
Весь свѣтъ адиваить.

71. Жóлудъ.

a.

Ишоў я лѣсымъ и падъ лѣсымъ нашоў
Я диряўцó; съ тóга диріўцá два стала
И два чаўна, а пятая шапка.

b.

Пайду ў лѣсъ, высику тялéшъ;
Съ таго тилишá и вѣка и дижа,
И булычка хлѣба.

c.

Пайду у лѣсъ, высику тялéшъ
Ни нана‘ршинъ, ни на щи́калатъ,
Здѣлаю два стала и макитáрку.

72. Жукъ навозный.

Чоринъ да ня воранъ,
Рагатъ да ня быкъ,
Семъ нохъ бизъ капытъ;
Литить, какъ мидвѣдь,
А сядить, какъ капна,
Рыпть какъ свиння.

С. Дудкино Бѣльскаго уѣзда.

73. Замокъ.

Стаить карова,
Дирка гатова;
Пришоу быкъ—
У дирку тыкъ.

74. Заслонка

a.

Лякить воўкъ,
Абсмáлинный бокъ.

b.

Адну казў маимъ—
И ту падымаимъ.

75. Изба. Бревна въ избѣ.

Жóдныму гостю пу пастели.

76. Кадушка. Вобручи.

Дубовыя дубасы́,
Чарвóнныя поясы.
Пасярёдъ тпрўнька.

77. Кадка и вада.

Якъ млада была, стоючи дала;
Стара стала—и, сагнуўшись, ни дастанишь.

78. Качанъ.

a.

Лапикъ на лапику,
Игла ни была.

b.

Антипка ни́зыкъ,
На іомъ сто ризыкъ.

79. Квакуха.

Лятѣла пава,
На бѣлымъ камени пала;
Каминь разбила,

Усихъ мертвыхъ узбудила.

80. Квакуха съ циплятыми ў крапиви и ястрибъ.

Лятѣу Лютыръ,
Сѣў на калютыръ—
Пытаитца у кóхтырки,
Идѣ твае пыхтарки.
—У стрыкали, у гóради.

81. Курица.

У дачкѣ Параши
Сорыкъ рубашикъ—
Вѣтиръ дунить—
Ж...а гола.

82. Клёнъ—лёнъ,
Линъ—клинъ.
(созвучныя слова).

Што ў лѣси, што ў поли,
Што ў води, што ў пруди—
Адно имя.

83. Калабокъ (клўбокъ)

Кругла бязъ вўгла—
За хвостъ ни падымишъ.

84. Калёсы.

Чатыри братцы бигáть,
Другъ друга ни нагóнють:
Два маханькихъ, два бальшихъ.

85. Кóлыкылъ.

Сядить пятухъ на варотахъ
У чарвоныхъ чаботахъ,
Голасъ да нёби.
Косы да земли.

86. Кальцó.

Стаить дѣўка на гарѣ
И дивўитца сваей дирѣ:
«Дира мыя зылытая,
И дѣ мнѣ тябе дѣти
Иль на живоя мяса уздѣти?»

87. Камáръ.

Лятѣу птахъ
Тиризъ Божій дахъ,
Сѣў на тыну,
Запѣў танину:
—Божа мой, Божа,
Надъ всѣми я вóлинъ:
И надъ царями,
И надъ панами,—
Тольки нявóлинъ,
Што бѣлая рыба у мори.

88. Калёсы, сани, конь.

Лятѣли три гáлицы,
Пали-сѣли на мялицы:
Адна кажить:
— Мнѣ ў лѣтку лўччи.—
Другая кажить:
— Мнѣ у зимку лўччи.—
Трéтьтея кажить:
— Мнѣ усё раўно,
Што у лѣтку,
Што у зимку.—

89. Калóдизь. Абóдьдя у калóдизи.

Ѣду, ѣду
На сивымъ дѣду;
Падъизжаю ка браду—
Дѣдъ, лѣзь у ваду.
с. Дудкино Бѣльск. у.

90. Кóлыкылъ.

Крáхнула вўтка
Зá мыримъ чутка;
Сабралися дѣтки
Да ни аднэй матки.

91. Кросна.

Пузамъ тру,
Нагами тру,
Разинитца—уваткнў.

92. Кума, кумъ и рябёныкъ

Два ярлá (арла) арлўють,
Чужóя яéчка балуютъ.

93. Лаўки двѣ са сталомъ.

Двѣ Гапушки,
Третій Гапонъ.

94. Лаўки у избѣ.

Плывутъ щучки,
Морды ў кучки,
А хвасты урозь.

95. Лапти.

Цалую, милую,
Выкину за вакно—
Сабаки ни ядуть.

96. Лапти и аборы.

a) Два вапри, чатыри канцы.
b) Два вапри, чатыри хвосты.

97. Копы.

Усё поля у латкахъ.

98. Карова.

a) Дв́аста бад́аста
Чатыриста хад́аста
Два ́ухтары,
Адинъ м́ахтаръ.
b) Чатыри татырки,
Два тапатырки,
Сёмый вяртѐль.

99. Качанъ.

Антипъ низыкъ—
На нимъ сто ризыкъ.

100. Качирьга и гарячая уга́льля.

Гарбатыя кабыла
Золытымъ званила.

101. Кошка.

Бягить баба съ гуменца,
Тарчить съ ж... палѣнца.

102. Крали.

Падъ припечкай рубяжи,—
Хто вѣдаить, ни кажи.

103. Кама́ръ.

a) Лятить птица,
Носъ яé, якъ спица;
Хто яé забвéть,
Кроў сваю разальлéтъ.
b) Лятѣў тѣнь
Тиризъ Пятроў день,
Сѣў на пень, да и гаво́рить:
Быў я ў Ельни,
Быў я ў Кельни—
И манашикъ ѣў.

104. Канапля.

a) Ни ель, ни сасна—
Карови систра.
b) Стаить Хадо́сьтя,
Растрипаўши вало́сьтя.

105. «Гнётъ» на пянькѣ, якъ пянькў мочуть.

Изъ го́да ў годъ батраку
На шесть нядель работы.

106. Наско́ньни.

Твитёть, растёть,
А зирна нѣтути.

107. Пинька.

Кожа гожа, а кастей сабаки ни ядуть.

108. Канапля (зярно), ступка, пестикъ или толкачъ.

a) Матка гладка,
Батька лысенькій,
Дѣтки выщирки.

b) Канапля, ступка и пестъ.

Мать таўста,
Дѣтки вытрищики,
А батькя гладышъ.

109. Конь.

Хахолъ да махолъ,
Да два сычика.

110. Запряжка лошади.

Саломки пучокъ,
Да клинйнки крючокъ—
Падняўши нагу чокъ.
(с. Дудкино Бѣльск. у.).

111. Лукъ.

а) Сядить Хадóсься,
Распустя валосьтя;
Хто йдеть, усякъ скубнéть.
в) Сядить шýрша
У сями́хъ (или у сямёхъ) шубахъ.
Хто забачить,
тэй заплачить.
с) Сидить дѣдъ
У многимъ платьти адѣтъ.
Хто яво раздиваить,
Тотъ атъ жалысти
Слёзы праливаить.

112 Лучина.

а) Разлажу я пасть—
Никаму ни скласть:
Ни царю, ни царицы,
Ни пупамъ, ни дьякамъ,
Ни намъ, дуракамъ.
в) Бѣлымъ ѣсть,
Чернымъ с...

113. Люлька.

Сярéтъ хаты сала висить.

114. Люлька на вярёвычкахъ и рябёныкъ.

1) Чатыри чатыйрки.
Пятая растанырка.
Шастая живýшка.
2) Висить Кинка
на чатырёхъ жилкахъ.
3) Сярёдъ хаты трибухи висять.

115. Листъ.

Лятѣў панъ,
Нá ваду палъ—
Вады ни ўзмутилъ.

116. Лотка.

Ѣду, ѣду-слѣду нѣту,
Назатъ аглянусь-смерти баюсь.

117. Ложка и миска.

Кругомъ ямы съ качирьгами.

118. Локомотивъ.

Самъ идéть,
Самъ вязéть—
И самъ внизить.

119. Лошать, сядло.

Лѣзу, лѣзу
На зялѣзу,
На мясную гору.

120. Лухъ, рика.

Идéть кривая кривýлица—
Стаить стрыжиный бѣсъ.
— Куда ты идешъ, кривая кривýлица?
— «Якоя табѣ дѣла, стрыжиный бѣсъ?
Куды ни пайду, дарогу знайду.»—

121. Макъ.

Падъ аднымъ калпачкомъ
Семсотъ казачкоў

122. Макъ цвѣтущій

Мой братъ пракуратъ
Скрозо землю прайшоў—
Красну шапычку нашоў.

123. Малина.

а) Чашичка краснинька,
А ложичка бѣлинька.

в) Ишолъ пастухъ и съ пастушкыю,
Нашли лапыть и съ свистушкыю.
Ишолъ Ягоръ и зъ Мариныю,
Нашли чашку и зъ малиныю.

124. Маслабойня.

Прибѣхъ Хвилька,
Забіў шпильку.
Ахъ, Хвилька,
Хараша твая шпилька!
Прибигай паскарѣй,
Забивай пакряпчѣй!

125. Забиваютъ клиньня у бабу у маслабойни.

У гаради у Вязьми
Три баги увязли;
Лятѣў Спасъ—
И тотъ тамъ увязъ.

126. Мядвѣдь, мядвѣдникъ, карова.

Трамбо́нъ, балабо́нъ,
Зъ двара вонъ.
Ма́ршиль пярде́лицу задраў.
(Мядвѣдникъ нучуваў у хызяина, да троху абмишеніўся;—мядвѣдь бизъ присмотра хадіўши, карову мужицкую задраў).

127. Ме́жи.

Усё поля на шнурахъ.

128. Мельница.

Стаить сава на купини,
Трясе́тца—калотитца,
Аба усёмъ свѣти клапо́титца.

129. Мельничныи калёсы.

Два вапря бьютца—дярутца;
Прамизъ ихъ пѣна тяке́ть.

130 Магилки, Пакойники (жму́рики).

Харомы низки,
Сусѣди близки;
Умѣсти живуть,
Адинъ ка днаму ня ходють.

131. Маланьня́.

Бягить Ли́ска
Кала лѣсу близка.

132. Марозъ.

Стаить старикъ у варотахъ,
Ни вялить стыять.

133. Мохъ у стинахъ.

У насъ и у васъ
Парасёныкъ увязъ.

134. Мура́шка

Каторая казяўка сильнѣй усихъ?
— Да, якъ жа ты ни дагадаись-тя?—Мурашка.
Мурашка и льва́ и то сильнѣй.—
— Да, якъ такъ?
— А во пачаму. Мура́шка—упять разъ саломина
Яе болій—и то то́щить у свой муравейникъ.

135. Мышъ.

Мышъ спрашіить у таракана, идѣ кошка.
Вылизла Чу́ра съ пячури и пытаить у Тарато́на.
— Тарато́нъ, Тарато́нъ,
А идѣ Марья Халоўна?—
— На крутэй гарѣ, да на каминный.—

136. Мѣсяцъ и нядѣля.

Двина́цыть гулубе́й,
Питьдисятъ галицъ—

Хто атгадаить—
Добрый малицъ.

137. Мѣсицы и годъ.

Стаить дубъ, а на тымъ дуби
Двина́цыть сучкоў, и кажнымъ сучку
Пу хвами́лiи.

138. Нажни́цы (ножницы).

a) Два канца,
Два кальца,
Пасарёдъ гвоздикъ.
b) Два канца,
Да два кальца,
Пасярёдъ пупъ.

139. Неба, мѣсицъ, звѣзды.

Растялю рагожку,
Пасыплю гарошку,
Пакладу хлѣба крайчикъ.

140. Нага у лаптёхъ.

У линавымъ карытцы
Живоя шивали́тца.

141. Плотъ, якъ шастомъ яго дви́нишь.

Ишоў чилавѣкъ пу масту,
Двинацыть аршинъ у яво кастыль,
Идетъ, папирантца—
Дай нагибантца.

142. Попъ и люди у церькви.

Поўна пуня
Авецъ нагната,
А мизъ ихъ
Баранъ чёрный.

143. Пойсъ.

Днемъ якъ абру́чъ,
Но́ччу якъ вужъ.

144. Прорва у пру́ди.

Ни вялика яма
Вашига полъ-барана,
И кушакъ, и шапка,
И сѣна ахапка—
И, ўсетаки, слабка.

145. Павути́на.

У насъ падъ шкапамъ сита,
Ни руками вита.

146. Пень въ лясу, у снягу.

Стаить ирмакъ,
На тымъ ирмаку каўпакъ,
Ни шитый, ни мытый,
Ни паяркавый.

147. Пестъ.

У нашига Нто́ньки (Анто́ньки).
Сяредина тонка.

148. Печъ.

Што за скатинка:
Зиму ѣсть,
Лѣта спить.
Чимъ ина тёпла?
Крови нѣтъ,
А ся́дь на няго,
Съ мѣста ни пувязе́ть.

149. Горячая уга́льля у печки.

Поўна кали́та
Золытымъ налита.

150. Печка у бани.

Скручина, зверчина—
Бязъ лыкъ сплетина.

151. Пчила у вулью.

Сядить дявица
У темный тюремницы,
Ни знаить ни рубца, ни нитки.

152. Пчила, воскъ, це́рькаў.

Лятѣў птахъ
Ти́рязъ Божжій дахъ;
Сѣў на варотахъ
У чарвонныхъ ботахъ:
— «Божа мой, Божа,
Идѣ мая сила падѣлась:
Ти на огни пагарѣла,
Ти на вадѣ патанула!?»...

153. Пчила лятить увулій.

Па пу́зу, па пу́зу, дый у ди́ричку.

154. Пятухъ.

Два разы́ радіўся,
Ни разу ня кстісу́я—
И чортъ баитца.

155. Пятухъ, куры.

a) Повинъ хлѣў авецъ,
Адинъ баранъ бляе́ть.
b) Стаить хляве́цъ,
Нагнатъ авецъ;
Мизъ тыхъ авецъ
Баранъ бляеть.

156. Ракъ.

1) Идеть у ла́зню чоринъ,
А съ ла́зни красинъ.
2) Ноги ў ноги,
Вусы доўги,
Пы хвасту шлёпъ, шлёпъ.
3) Нохъ многа,
Вусы доўги,
А хвостикымъ пахли́пываить.

157. Роўный. Ви́дить роўныга.

Бохъ ня видить никада,
А царь иныгда,
Пастухъ заўсигда.

158. Рожъ.

Загадаю загадку,
Закину за грядку:
Нихай мыя загадка
Ляжить да налѣтьтя.

159. Рыса́.

a)

Заря зыряла,
Ключи патиряла,
Мѣсицъ увидіў,
Сонца украла.

b)

Катилася зарянка,
Патиряла баранька;
Мѣсицъ увидіў,
Соньца украла.

160. Рѣпа.

Падъ кустомъ, пыдъ курандышкымъ,
Ляжить клубкомъ да ни камушкымъ,
Съ хвастомъ, да ня мышъ.

161. Рѣшито.

Съ липывыга рѣшита муку сѣють:
Съ-падъ липки мяте́лица идеть.

162. Самуваръ.

Пане́нычка сиротычка,
Загарѣлася сярёдачка,
А ў добрага малайца,
Пакатилася съ канца.

163. Сапли.

Мужики топчуть падъ нагами,
А паны носють у карманы.

164. Свиданіе съ другими себѣ подобными (см. роўный).

(Бохъ никада,
А царь инагда,
Пастухъ заўсигда).

165. Свиньня́, саро́ка, вовкъ.

Сарока прыгаить па зе́ми, да гаво́рить
Свиньнѣ, што близка вовкъ, кабъ яе́ ни аблупіў нойды.
Ры́нда ры́ить,
Ско́ка скачить.
— Бирягися, ры́я:
Ку́рманъ ѣдить.—

166. Рукавицы.

a)

Ни на то я тябе браў,
Штобъ съ табою спаў;
А на то я тябе браў,
Штобъ голыя да ў касматыя ѣхала.

b)

Развярнуў касматку
Да тыкъ галыша.

167. Ружжо́.

a)

Што ета за за́гадка,
Што ў трубѣ я́гадка —
Вы́ню, аближу,
Да ипять палажу.

b)

Свинья рупка
Сц...тъ хрупка.

c)

Сухе́й Максимъ
Далёка сц....ть.

d)

Пашлю пысла
Па харошига гасьтя:
Гость ти придить, ти нѣ,
А *пасолъ*, вѣрно, ни при́дить.

168. Рыба.

a)

Пріѣхали каммиса́ры,
Усихъ людей пувизали.

b)

Круть-верть
У чиряпочку смерть.

c)

Скубу ня перьря,
Ѣмъ ни мяса.

169. Рѣзвины.

a)

Шашки—машки́
Двѣ палавинки.

b)

Шы́нкинъ-ми́нкинъ
На́ дви пала́винки.

c)

Шы́нки-брынки
На дви палавинки.

170. Саха.

Стаить попъ ли дарози,
Пашоў пирякстіўся, да и ну...

171. Лимяши́.

a)

Сизыя голуби падъ землёю литають.

b)

Два бра́ты прукура́ты пу подзе́мильлю ходють.

172. Саха, дѣўка и конь.

Дѣўка красна,
Мизъ нохъ ясна,
«Выихала на поля,

Госпади Божа, благаслави!»
Да и но пахать.

173. Саха.

Пришоў Бай:
— «Дѣука, дай!»—
Дѣўка дала—
Кверьху нагу паднила.

174. Соль у чашки.

a)

Круть--верть,
У чиряпо́чку смерть.

b)

За́ мыримъ дуба сякуть—
Наувесь свѣтъ и́верьни литять.

175. Сонъ.

Мяне милый спалюбiў,
Сярёдъ поля завалiў;
Грѣхъ ня грѣхъ, а мнѣ ня хочитца.

176. Саро́ка.

Видъ сороки; несоразмѣрность хвоста съ туловищемъ.

a)

Болiй клѣти заты́чка.

b)

Сарока астиригаить свинью:
та зарылась у грязи и ни тямить, што нидале́ча воўкъ и падла́жiитца, якъ ба яе́ увало́чь:
Рыўка ры́ить,
Стро́чка скачить:
— «Стиряжи́ся, Ры́я:
Хўрманъ ѣдить».—
c) Поэтическое описанiе сороки:
Шатови́ла—батави́ла,
Па нямецки гаварила,
Па русски наварачивала,
Напярёдъ шильца,
Сзаду вильца,
Сверьху сѣрыя суке́нца (черное)
Съиспо́ду бѣлая палатенца.

177. Свинья́, мужикъ и гумно.

Мужикъ пришоў на гумно и увидiў тамъ свинью; вароты атчинiў, свинью вытурiў мятлою и атхлудiў, вароты зачинiу и дамоў пашоў.
Пришоу тала́нда,
Видить: дѣла ниладна;
Iонъ узяў растала́ндiў—
и вы́таландiў;
И домой пашоў.

178. Серпъ.

Гарбати́нькiй канёкъ
Усё поля выиздiў.

179. Скрипка.

a)

Па пузу дарога,
Кала пупа триво́га.

b)

Дитя́та на руки узя́та,
На рукахъ плачить.

c)

У лѣси утя́та,
У клѣти узя́та,
А на рукахъ плачить.

180. Слѣдъ.

Поля зимою. Сляды итъ капытъ.
Усё поля у латкахъ.

181. Снапы́.

У горыди падъ Быхывымъ
Лижать люди падбитыя,
У ихъ морды надбрытыя.

182. Снѣхъ.

Ляжить—маўчить,
Лятить—маўчить,
Якъ изгніе́ть, такъ и заряве́ть.

183. Сабака.

Сабака, икъ лажитца спать, пакрутитца, памнетца на аднымъ мѣсти, а такъ ни ляжить.

a)

Двѣ свѣтють,
Чатыри стелють,
Идна спать ложитца.

b)

У избѣ пирагомъ,
А на дворѣ бараньками.

184. Соньца.

a)

Виси́ть си́та
Круглави́та,
Залато́я,
Павито́я.

b)

А ў го́радѣ, ў гарадѣ,
Тарелачка на вадѣ.
С. Рудня. Ельнинск. у.

c)

Круглинька, бяле́нька,
Усяму свѣту миле́нька.

d)

Пу вадѣ иде́ть—ня плёснить,
По́ лѣсу иде́ть—ня хро́пнить,
Па сало́ми идётъ—ни ша́мнить.

e)

У горыди на Сіяни
Стаить дубъ Виртадубъ;
На тымъ дуби—
Птица—Вирятини́ца,—
Нихто яе́ ни дыстанить:
Ни царь, ни царица,
Ни красная дявица,
Ни добрый молыдицъ.

f)

Стаить дубъ—
Виртаду́бъ;
На тымъ дубу
Сядить птица—
Вертапти́ца;—
Нихто тую птицу
Ни дастанить:
Ни царь, ни царица,
Ни красная дявица,
Ни добрый молыдицъ.

185. Сонце. Смерть.

Стаить дубъ—Виртагубъ,
У етымъ дуби—Виртагуби—
Живе́тъ птица—Вертени́ца.
Нихто яе ни можить убить—
Ни царь, ни царица,
Ни красная дѣвица,
Ни добрый молыдицъ.
с. Дудкино Бѣльск. у.

186. Су́мирки (стиска́ння).

Чарняцы па угламъ сѣли.

187. Тараканъ (тарака́ння).

Падъ нами кверьху нагами.
с. Дудкино Бѣльск. у.

188. Тапоръ.

Кланіитца, кланіитца;
Придить двору—растянитца.

189. Труба.

Скрозь паталокъ
Мужикъ шкуру правалокъ.

190. Ухватъ.

Стаить Анохъ
У синихъ шатано́хъ.

191. Хлѣбъ и лапата.

Карова у пуни,
Хвостъ нарўжи.

192. Хлѣбъ у диривяннэй крашнѣ.

a.

Сярёдъ лѣсу
Квасъ киснить.

b.

Зъ ве́чира заюрю,
Къ свѣту закандры́чу.

193. Хмель.

Якъ радіўся,
Такъ за кій схватіўся.

194. Стоубъ и двѣ куршны́ у ёмъ, штобъ была на чомъ спать и вѣшать платьтя.

Старый старичокъ
У двѣ дудки играить.

195. Столбъ съ крючкомъ и диркыю для витья вярёвыкъ.

У нашига пупа
Сярёдъ пуза яма.

196. Столъ.

a.

Падъ аднымъ бры́лимъ
Чатыри папы.

b.

Падъ аднэю ризыю
Чатыри папы.

197. Стѣны у хати.

Стѣны тре́скаютъ:
Само дѣла дѣлаитца.

198. Су́чча у стинахъ:

Поўна хата
Вирябьёў нагната.

199. Хамутъ.

Саломки кулёкъ,
Во́винки клачокъ,
Падняў нагу,—
Да и чокъ.

200. Христоў день и постъ вяликій.

Стаить мостъ
На симъ вёрстъ;
У канцы маста
Стаить яблынь;
Пустила твѣтъ
На увесь бѣлый свѣтъ.

201. Цѣпъ.

a.

Ишоў я па ту́тыру,
Зайшоў къ Хи́миру:
«Хи́миръ, хи́миръ,
Атдай мае, лапо́ники:
Пайду тятёрь стрилять».

b.

Ми́жда яли́нки,
Ми́жда дубинки,
Висить ласкутъ
Кужуринки.

c.

Братцы—хва́тцы;
Сястрицы—рализу́шки.

202. Чилавѣкъ.

Стаять ви́лы,
На ви́лахъ ночвы,
На ночвахъ грабли,
На грабляхъ сика́лы,
На сика́лахъ мирьга́лье,
На мирьга́лахъ ельникъ,
У ельнику свиньни.

203. Купецъ спрашіить у мужика:

Атчаго чилавѣкъ худъ? Ти атъ таго, што ни дандаитъ.

—Нѣ, гаспадинъ купецъ, нтъ заботъ.

204. Штаны.

Ѣдуть раскараки
На нагакинъ дворъ.

205. Языкъ.

За бѣлыми варатами
Талалай живеть.

206. Языкъ въ роти.

За ельничкымъ, за бярезничкымъ
Талалай скачить.

207. Яйцо.

a.

Ни дирычки, ни канца,
Поўна бочичка винца.

b.

Скрозь стяну вала пякуть.

ГОВОРЪ,

жителей Кокшеньги[1]) Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи.

(По программѣ Императорскаго Географическаго Общества, составленной А. Соболевскимъ).

1. Кокшеньгою называется мѣстность по рѣкѣ Кокшеньгѣ съ ея притоками, впадающей въ р. Устью-правый притокъ Ваги (впад. въ С. Двину). Въ настоящее время въ Кокшеньгѣ около 40 тыс. жителей, которые, считаясь потомками новгородцевъ-колонистовъ, сознаютъ себя очень близкими между собою, «своими», и, дѣйствительно, обладаютъ многими общими чертами внѣшняго облика и душевнаго склада, а также общимъ характеромъ говора, что́ даетъ возможность сразу отличить Кокшаровъ, какъ ихъ называютъ сосѣди и они сами, отъ жителей другихъ частей Тотемскаго у́ѣзда.

Описаніе, относясь, главнымъ образомъ, къ говору жителей центральной части Спасской волости, характеризуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и говоръ всѣхъ Кокшаровъ.

2. Кокшары говорятъ на *о*, при чемъ *о*, за рѣдкими исключеніями, слышится ясно, безъ перехода въ *а* или *у*, хотя въ немногихъ словахъ вмѣсто *о* встрѣчается ясное *у*, какъ напр.: упе́тъ (вм. опять), бульшой (большой), угородъ (огородъ). Слова: конь, попъ, ночь, ого́нь, ро́ю, мо́ю, слѣпо́й, вода́, голова́, о́стровъ, си́льно, ско́лько, а также окончаніе творит. пад. ж. р. (всегда краткое)—берё*зой*, рубашкой и пр. имѣютъ ясное *о*; въ словахъ; середа́, возьми́те (повелит. множ. ч.), лёдъ съ соверш. чистыми ѐ и ѐ; жена́, тепло́ чаще произносятся: жона́, тёпло́; беру́, середа́, возьми́те (повел. накл.) потеря́ть произносятся согласно начертанію, съ яснымъ *е*; послѣднее, какъ и многія другія слова, имѣетъ *е* вмѣсто *я*: потере́ть; беру́ очень рѣдко выговаривается какъ бёру́.

3) Въ словахъ: сапоги́, часы́, жалѣть (произн. жали́ть), вязать, языкъ, визжа́ть *а* и *я* слышатся ясно; но эти звуки ослабляются въ *е* въ словахъ: рябина (произнос. ребина), девять (де́веть), пять (петь), кричать (кричеть) и др.

4. Слова лѣсъ, дѣло, на столѣ, въ избѣ, ко мнѣ, въ домѣ про-

[1]) Прим. Названіе Кокшеньга вм. Кокшеньга, встрѣчающееся на картахъ и въ словаряхъ, не соотвѣтствуетъ мѣстному дѣйствительному.

износятся согласно съ начертаніемъ; но вмѣсто сѣмя, сѣять, пѣсня, краснѣть, мѣдь, сѣть говорятъ: си́мё, сіеть, писня, красни́ть, мидь, сить; въ косв. пад. иногда (предложн.) дѣло имѣетъ *и*, вм. *ѣ*: при дилѣ.

5. *У* слышится ясно вездѣ, напр. въ словахъ: уходи́ть, улета́ть, у меня и проч.; въ дѣтской рѣчи и у взрослыхъ, какъ недостатокъ (съ точки зрѣнія мѣстнаго населенія), можно слышать: по вутру, на вулицѣ и под. (вм. по утру, на улицѣ).

6. Слова: вдова́, взялъ, въ полѣ, въ Москвѣ, овца́, дере́вня, хлѣвъ, дровъ (род. пад.), кровь, любо́вь, московскій, дѣвушка произносятся: вдова́, взяу, фъ по́лѣ, $\frac{\text{в}}{\text{ф}}$ъ Москвѣ, афца́, дере́уня, хлѣфъ, дрофъ, крофъ, любо́фъ, моско́ўськой или моско́уськой, дѣвушка и дѣушка.

7. Друго́й, погиба́ть, сапоги́, го́лубь, густо́й произносятся та́къ же, *г* имѣютъ близкое къ нѣмецк. g; когда́, слѣпо́го (родит. пад.), всегда́ произносятся: коўда́ или коўды, всёўда всёўды (иногде: ковды, всёвды); кругъ, дугъ (род. пад. мн. ч.) выговариваются: крукъ, дукъ.

8. Произношеніе словъ: копе́йка, чайку́, Ва́нька, ове́чка, Са́шка ки́нуть, ки́нуть, ки́слой (ки́слый), деревéнськой (деревенскій), дура́цькой (дурацкій) согласно начертанію, безъ смягченія *к*.

9. Въ словахъ ро́ща, щу́ка, щипа́ть произношеніе соотв. начертанію; ѣзжу, во́зжи, возжа́ться произносятся: йж$\frac{\text{дж}}{\text{здж}}$у или йзджу, вожди и вожжи, вожже́тьсе и вожде́тьсе.

10. Вмѣсто желѣзо, желѣзный говорятъ: золѣзо, золѣзной.

11. Ясныхъ звуковъ ч и ц въ рѣчи почти не встрѣчается; тотъ и другой замѣняются среднимъ между *ч* и *ц* $\left(\frac{\text{ч}}{\text{ц}}\right)$, при чемъ иногда (чаще) ближе къ ц $\left(\frac{\text{ч}}{\text{цц}}\right)$, иногда — къ *ч* $\left(\frac{\text{чч}}{\text{ц}}\right)$. Такъ: $\frac{\text{ч}}{\text{ц}}$е́рковь или $\frac{\text{ч}}{\text{ц}}$ерква, ули$\frac{\text{ч}}{\text{ц}}$а, $\frac{\text{ч}}{\text{цц}}$вѣтъ, молоде$\frac{\text{чч}}{\text{ц}}$ъ, $\frac{\text{чч}}{\text{ц}}$ашка, $\frac{\text{ч}}{\text{цц}}$ово́ (чего́), до$\frac{\text{чч}}{\text{ц}}$ъ, моло$\frac{\text{ч}}{\text{ц}}$ной; вм. что́ говорятъ—що.

12. День, дверь (говорится «двери» и въ единств. числѣ), двѣ, ходи́ть, ти́хо, тёмной (тёмный) выговариваются такъ же, какъ обозначено, согласно съ начерт., съ ясными *д* и *т*.

13. Въ словахъ родно́й, ладно, дня, урядникъ (говорятъ «уредникъ») оба звука *дн* произносятся ясно.

14. Звукъ *л* передъ согласнымъ и въ концѣ слова произносится, какъ короткое *у* (ў) или (рѣже) какъ *в*: быў, знаў, доўго (довго), моу-

чить, вмѣсто былъ, зналъ, долго, молчитъ; но ло́жка, лубокъ, пальцы съ яснымъ *л*.

15. Слова: царь, заря, курю, подарить произносятся: $\frac{ч}{цц}$арь, зоря, ку́рю (и курю́), подарить.

16 и 17. Слова хорошо́, худо́й, хвара́ть, хвосъ (вм. хвостъ), хва́стать, фи́линъ, Фёдоръ, Фили́пъ произносятся согласно съ начертаніемъ. Такъ же точно и:
весе́льё, налью́, свинья́, удивле́ньё, бра́тья, попадья́.

18. Моего́, моему́, хозя́ева, моетъ и др. произносятся: моёво́, моёму́, хозёва, мо́ётъ, но́ётъ, копе́ёкъ, зна́ёшъ, зна́ётъ, зна́*и*те (вм. зна́ете), умі́ёшь (вм. умѣешь), умі́ётъ, умі́ите (умѣете).

19. Формы родит. пад. ед. ч. отъ сл. Москва, рѣпа, одна рука и проч. образуются: Москвы́, рѣпы, одно́й руки́ и одн*ыѐ* руки́, молодо́й и молоды́*е* сестры́, земли́, всей дере́вни.

20. Дательн. и предл. пад. ед. ч. отъ сл. Изба́, рука́, нога́, доро́га, поло́ска, одна́, дѣвка, та ба́ба, печь, грязь (произн. гр*е*зь) образуется: избѣ́ и (къ) и́збѣ, рукѣ́, ногѣ́, доро́гѣ, поло́скѣ, одно́й дѣвкѣ, той ба́бѣ, (на) печѣ́ и (къ) пе́чѣ (а не печи), (на) грезѣ́ и (къ) гре́зѣ.

20а. Въ предл. п. встрѣч. формы: на камню́, на пню́ и пр. (вм. на камнѣ, на пнѣ).

21. Богъ, поро́гъ, верхъ, горохъ, бережо́къ, мой, до́брый въ предложн. пад. един. ч. имѣютъ формы: Бо́гѣ, поро́гѣ, верху́ и (о) ве́рхѣ, горохѣ, бережку́ и (рѣдко) бережкѣ, моёмъ, до́бромъ.

22. Слова: я, ты, онъ, она́, до́брая, большá́я, кака́я въ единств. ч. имѣютъ:

р о д и т. п а д.—меня́, тебя́, ёво́, іе́ (вм. ея), до́брой и до́бр*ые*, большо́й и большіе, како́й и какіе;

д а т е л ь н. п а д.—мнѣ, т*и*бѣ́, ёму́, ей, до́брой, большо́й, како́й;

в и н и т. п а д.—меня, тебя, ёво́, іе́, добрую, большу́ю, каку́ю.

23. Во множественномъ числѣ отъ словъ: солда́тъ (выговар. сауда́тъ), дура́къ, гость, по́ле, жена́, ча́шка, кость, ло́шадь, худо́й, до́брый, я, онъ, тотъ, весь.

д а т е л ь н. п а д.—сауда́тамъ (савда́тамъ), дурака́мъ, гостя́мъ, поля́мъ, жёнамъ, ча́шкамъ, костя́мъ, лошадя́мъ, худы́мъ, до́брымъ, намъ, имъ, тѣмъ, всѣмъ;

т в о р и т е л ь н. п а д.—сав(у)датами, дурака́ми, госте́ми и гостьми́ (гостьми́) жёнами, ча́шками, косте́ми и косьми, лошадя́ми или лошаде́ми и лошадьми́, худы́ми, до́брыми, на́ми, ими, тѣми, всѣми.

п р е д л о ж н. п а д.—сауда́тахъ (савдатахъ), дурака́хъ, гостя́хъ; поля́хъ, жёнахъ и жёна́хъ, ча́шкахъ, костя́хъ, лошадя́хъ, худы́хъ, до́брыхъ, насъ, ихъ, тѣхъ, всѣхъ.

24. Глаголы: иду́, пеку́, жгу, игра́ю, пу́таю, люблю́, хожу́, хочу́, лечу́, сплю имѣютъ формы:

Настоящее время.

Иду	Идémъ	Люблю	Любимъ
Идешь	Идетé	Любишь	Любите
Идетъ	Иду́тъ	Любитъ	Любятъ
Пеку	Пека́мъ	Хожу́	Хóдимъ
Пекёшь и печöшь	Пекитé и печитé	Хóдишь	Хóдите
Пекéтъ	Пеку́тъ	Ходитъ	Хóдятъ
Жгу	Жгёмъ	Хочу́	Хóчёмъ (рѣже хоти́мъ)
Жгёшь и жжёшь	Жгитé	Хóчёшь	Хóчите (рѣдко хотитé)
Жгётъ и жжётъ	Жгутъ	Хóчётъ	Хотя́тъ и хóчутъ
Игра́ю	Играемъ	(Лечу) *личу́*	Лити́мъ
Игра́ёшь	Игра́ите	Лити́шь	Лититé
Игра́ётъ	Игра́ютъ	Лити́тъ	Литя́тъ
Пу́таю	Пу́таёмъ	Сплю	Спимъ
Пу́таёшя	Пу́таите	Спишь	Спитé
Пу́таётъ[1]	Пу́таютъ	Спитъ	Спятъ

Прошед. время: (я, ты, онъ) любилу, шёу и проч., (мы, вы, они) люби́ли, шли и пр.

25. Глаголы: деру́сь, ругаюсь, бьюсь имѣютъ слѣдующ. формы:

Настоящее время.

Деру́сь (се)	Ругаюсь(-се)	Бюсь(-се)
Дерéшьсе	Руга́ишьсе (-иссе)	бьéшьсе
Дерéтсе (-це)	Руга́итсе (-це)	Бьéтсе (-це)
Дерéмсе	Руга́имсе	Бьéмсе
Дере-ри-тéсь	Руга́итесь	Бьитéсь
Деру́тсе (-це)	Руга́ютсе (-це)	Бьютсе (це)

Прошед. время: драусé, ругайсе, би́усе.

26. Неопредѣленное наклоненіе отъ гл. кара́ю, ви́жу, могу́, пеку́, росту́, деру́сь, шля́юсь—карать, видѣть, могчи, пекчи, рости, дратьсе (-це), шлеть(-це).

27. Довольно часто въ именит. падежѣ прибавляются частицы о-тъ, то, та, те; въ винит. п. о-тъ, то, ту; те; въ родит., дат. и предл. пад.—то, ту; въ творит.—то.

Напр.: «Изба-та еще не метена»; «домъ-о-тъ двухъ-этажный»; «гумно-то новое»; «сапоги-те со скрипомъ»; «избу-ту я строиу»; «вымау руки-те и ротъ-отъ да и рожу-ту всю»; прибавь корму-ту, сѣна-то»; «ножомъ-то не идятъ» (не ѣдятъ); «не то, что на улицѣ-то,—

[1]) Къ 24 §. Въ настоящемъ времени третьемъ лицѣ ед. ч. 1-го спряж. встрѣчаются формы: бѣгатъ, дѣлатъ (вм. бѣгаетъ, дѣлаетъ).

и въ дому-ту ничего нѣтъ»; «къ дому-ту бѣжитъ да къ дверямъ-то»...

28. Часто въ повелительномъ накл. и въ настоящ. врем. изъявит. къ окончанію глаголовъ прибавляется частица ко (дай-ко, пойдемъ-ко, возьму-ко), иногда съ присоединеніемъ частицъ су, се, сь («возьми-ко-су, дай-ко-се, отойди-ко-сь и проч.).

29. Пѣвучесть рѣчи съ растягиваньемъ концовъ фразы замѣтна почти повсюду, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, болѣе центральныхъ, частей Спасскаго (общества: Спасское Нижнее, отчасти Спасское Нижнее, б. ч. Едемскаго) и Шевденицкаго приходовъ и отдѣльныхъ деревень въ другихъ, но особенно въ обществахъ: Минскомъ, Заячерѣцкомъ (всего болѣе), Верховскомъ, а также—въ Поцкомъ и Лохотскомъ.

30. Жители обществъ и деревень, гдѣ нѣтъ пѣвучести рѣчи, любятъ передразнивать и вышучивать говоръ другихъ, характеризуя его въ словахъ: изводятъ, поводятъ, стонутъ, канючатъ и проч.; постоянныхъ или опредѣленныхъ прозвищъ для говорящихъ на распѣвъ, однако, не выработано.

Составилъ *М. Едемскій.*

Іюль 1903 г.

Изъ кокшеньгскихъ *) преданій

I. О Чуди.

Между многочисленными и довольно разнообразными преданіями Кокше́ньги одно изъ первыхъ мѣстъ по своей распространенности занимаютъ преданія о чуди. Имя чуди живетъ въ Кокшеньгѣ можно сказать повсемѣстно, въ каждой деревушкѣ, въ каждомъ поселкѣ. Далеко, однако, не вездѣ за этимъ именемъ стоитъ опредѣленное представленіе о чудскомъ племени; иногда слово чуди употребляется просто какъ бранное слово; но, судя по тому, въ какихъ случаяхъ и какими признаками вызывается это прозвище, можно догадываться, что, при всей неопредѣленности, характеръ содержанія этого слова въ прозвищѣ человѣка всегда одинъ и тотъ же: странный, невзрачный, иногда сильно обросшій волосами, иногда съ бѣлыми глазами, нѣсколько дикій.

На ряду съ прозвищемъ «чудь,» примѣняемымъ къ отдѣльнымъ лицамъ, для обозначенія чаще всего только внѣшняго впечатлѣнія отъ человѣка, существуетъ для жителей нѣкоторыхъ деревень кличка «чудь,» присвоенная, стало быть, большей или меньшой группѣ (фамиліи, роду или «природѣ» какъ говорятъ кокшары) населенія, иногда цѣлой деревни, иногда нѣсколькихъ деревень. Причемъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ эта кличка удерживается, въ большинствѣ случаевъ представляются весьма неопредѣленными. Такъ, напримѣръ, почему, положимъ, жителей деревни Подгорной или Игунинской (Спасскаго—Нижняго общества), носящихъ фамилію Батоговыхъ, а также Батоговыхъ близъ лежащихъ деревень Ильинской и Скребихи называютъ чудью?—на этотъ вопросъ мнѣ приходилась выслушивать такого рода пространные и мало что́ выясняющіе отвѣты: «Почему *) чудь-та?.. Да такъ говорятъ; природа ихъ чудская. Вишь онѣ (sic) какіе: не праздника, не воскрисенья не знаютъ, все на роботѣ, либо въ лѣсу; не одинъ человѣкъ въ церквѣ не бываў, стоесь (даже) нехто исусовы молитвы не знаётъ, а не толи що тамъ

---

*) Кокшеньга-мѣстность, въ бассейнѣ рѣки того же названія, тотемскаго уѣзда Волог. губ. Начертаніе сл. Кокшельга согласно съ мѣстнымъ произношеніемъ.

*) Чистыхъ звуковъ ч и ц въ говорѣ нѣтъ; а оба они произносятся или приближаясь къ ч $\left(\frac{ч\ ч}{ц}\right)$ или ц $\left(\frac{ч}{ц\ ц}\right)$ или между ч и ц $\left(\frac{ч}{ц}\right)$ (См. мое описаніе кокшен. говора) Здѣсь я обозначаю $\frac{ч\ ч}{ц}$ через ч и $\frac{ч}{ц\ ц}$ ц

грамотѣ знать, ли жо книгу почитать... А рóбятъ и нѣтъ нечево: все прахомъ идетъ... Извѣстно,—чудь.» Такого рода неясныя указанія на финское просхожденіе, въ видѣ постоянной клички, существуютъ и въ другихъ мѣстахъ Кокшеньги, причемъ на ряду съ кличкою **чудь** держатся и такія, какъ **мордва** (дер. Наумовская, Спасской вол.), **зырь** или **зыряна** и **корела** (дер. 1-я Корелинская или Боярская и 2-я Корелинская или Володино, Поцкаго общ. Спасской вол). Одинъ изъ жителей деревни 1-й Корелинской увѣряетъ что существуетъ преданіе о томъ, что жители обѣихъ Корелинскихъ деревень—подлинные корелы, а въ подтвержденіе справедливости этого преданія приводитъ и названія этихъ деревень, и указанія на нѣкоторыя отличительныя особенности жителей, а именно: свѣтлорусый цвѣтъ волосъ, честность и вмѣстѣ съ тѣмъ злопамятство, сравнительно слабое развитіе умственныхъ способностей; жители этихъ деревень носятъ одну фамилію Девятовскихъ, не встрѣчающуюся больше во всей Кокшеньгѣ, за исключеніемъ одного уголка въ другомъ обществѣ, гдѣ нѣсколько домовъ Девятовскихъ произошли, какъ думаютъ, отъ пріемыша изъ которой нибудь Корелинской деревни.

На ряду съ приведенными указаніями на финское происхожденіе жителей нѣкоторыхъ уголковъ Кокшеньги, живутъ здѣсь въ народѣ преданія, пріуроченныя къ мѣстамъ, въ которыхъ находятъ слѣды старины, подтверждающей эти преданія. Въ числѣ такихъ мѣстъ очень часто фигурируетъ Никольское городище въ Спасской волости, съ которымъ связывается не одинъ рядъ преданій, иногда тѣсно переплетающихся одно съ другимъ. Разсказывается, напримѣръ, какъ здѣсь «наши» защищались отъ «панóвъ» (польско-литовская шайки смутнаго времени), какъ шайка ихъ долгое время наводила здѣсь ужасъ и какъ и какъ удалось избавиться отъ нихъ при помощи чуда: святитель Николай навелъ на «панóвъ» слѣпоту, и показалось имъ, что идутъ они по мосту, а святой завелъ ихъ въ озеро (подъ самымъ обрывомъ городища); тутъ всѣ они и погибли, около сорока человѣкъ.Съ преданіемъ о «панахъ» здѣсь тѣсно связано другое,—о чуди. Обыкновенно при этомъ разсказчикъ, не замѣчая того самъ, переходитъ отъ «панóвъ» къ чуди, впадая въ любопытное противорѣчіе: говоря о томъ, какъ «наши» защищались съ городища, добавляетъ, что и стрилели-то онѣ (они), видно, хорошо, даромъ, що не изъ окýжей,—луки у ихъ бѣли и стрѣлы... дакъ вотъ эти стрѣлы долетали до зыкоськове поля (зыковская—насв. деревни, напротивъ Никольскаго городища черезъ р. Кокшельгу). Разъ въ этомъ полѣ сноповъ коноплѝ (bic) нашите на угородъ нависили; а она, **чудь-та**, и давай **оттулѣ** палѝть въ коноплё-то:—думатъ що нашъ народъ выступиу». Изъ преданія слѣдуетъ, что Никольское городище, на которомъ защищались «наши» отъ польско-литовскихъ шаекъ, раньше того служило когда-то оплотомъ чуди противъ «нашихъ».

Отголоски борьбы «нашихъ» съ чудью сохранились въ преданіяхъ во многихъ приходахъ. Изъ нихъ видно, что заключительный актъ

этой драмы разыгрывался подъ сильнымъ вліяніемъ религіозныхъ мотивовъ. Занятіе мѣстъ новыми поселенцами (славянами) сопровождалось, какъ и въ другихъ областяхъ разселенія, проповѣдью крещенія среди инородцевъ—аборигеновъ. Уступка послѣдними земель, въ виду ихъ большого изобилія, очевидно, еще не вызывала необходимости крайнихъ мѣръ борьбы; зато нежеланіе измѣнить своимъ прежнимъ вѣрованіямъ и обычаямъ вынуждало на отчаянную рѣшимость. До чего доходила эта рѣшимость, видно изъ преданій о чуди Верховскаго и Озерецкаго приходовъ. Не дальше, какъ въ концѣ истекшаго лѣта, пришлось мнѣ, между прочимъ, бесѣдовать съ однимъ изъ старожиловъ Верховскаго общества *), крестьяниномъ В. С. А., который отъ своего дѣда слышалъ много разсказовъ о Кокшенгской старинѣ, о чуди и проч.

— Такъ слыхалъ ты, В. С., о чуди-то? спрашивая я.

— Слыха-ау, какъ не слыхать! Още отъ покойново дѣдушка: онъ доуго жиу-то, дакъ знау это какъ... и родители-те у ёво тожо по доугу жили... Дакъ, это вѣрно,—жила, бутто бы, раньше эта чудь-та... вонъ на томъ мистѣ, гдѣ у насъ Подкустъ, слыхау-ли ты ли нѣтъ-ли,—деревня такая, Игнатовская пишитсе-то... Подкустовцовъ то и топере у насъ все чудаками зовутъ.

— Чудаками, а не чудью?

— Нѣтъ, не чудью, да вѣдь онѣ (они) тожо наши доужно быть, а только, значитъ, живутъ-то, гдѣ чудь жила; дакъ вотъ: «чудаки да чудаки».

— А чуди-то такъ и не осталось?

— Да гдѣ остатьсе то, вишь погибла она вся, до едново чоловѣка.

— Какъ же погибла-то?

— А креститьсе вишь не захотѣла; наши-те заставлели, видно, креститьсе то, дакъ она ужъ задумала лучше погинуть, а не крестилась. Сробили, значитъ, эта чудь-то, такую крышу изъ тёсу на чотырехъ стоубахъ, земли на верхъ-отъ наносили; собрались всѣ подъ эту крышу-ту да стоубы-те взели да подсикли (подрубили), тутъ всѣхъ ихъ и задавило; сорокъ чоловѣкъ всѣхъ-то, говорятъ, было.

— Ничего не находятъ послѣ нихъ?

— Да хто-жъ іе знаётъ, можотъ що и находили... Не давно вотъ, годовъ съ пятокъ какой назадь тому, ограду у часовни (въ деревнѣ-то часовня есть) рóбили, дакъ нашли, выкопали, ухватъ да клюку да горшокъ, тоуда жо, надо быть, и продали А. Д. (кр. дер. Д., торгующій «старьéмъ»), а тотъ куды-то въ Москву, въ музею свезъ.

Мнѣ припомнилось здѣсь упоминаніе объ этой подкустовской часовнѣ, тоже въ связи съ преданіемъ о чуди, въ «Вологодкой Старинѣ» (составл. И. К. Степановскимъ въ 1890 г.), гдѣ говорится,

*) Границы приходовъ и сельск. обществъ почти всегда совпадаютъ; въ мѣстномъ *говорѣ* слово приходъ (и понятіе) замѣняется чаще словомъ волость.

что «обитатели этой деревни (Подкустъ) считаются даже потомками чуди; при деревнѣ существуетъ часовня, построенная въ 1734 г., около которой встрѣчаются иногда человѣческія кости». Эти указанія «Вологодской Старины», въ общемъ согласныя съ вышеприведеннымъ мѣстнымъ преданіемъ, отличаются отъ него, какъ это видно изъ сравненія, тѣмъ, что по нимъ жители дер. Подкуста считаются потомками чуди, а по мѣстному преданію—нѣтъ. Очевидно, «Вол. Ст.» пользовалась преданіемъ изъ другого источника. Жители Подкуста, въ дѣйствительности, не отличаются отъ прочихъ кокшаровъ ни по внѣшности, ни по характеру.

На мой вопросъ—давно-ли жила чудь, В. А. отвѣчалъ: «Давно, какъ не давно! это ощо задоуго до тово́, какъ Босурманъ-отъ жиу на Чигунихѣ (назв. деревни): быу, значитъ, такой бога́той чоловѣкъ, пріѣхау онъ изъ Нова́-города́ и жиу вотъ на Чигунихѣ-то; а на Гусихѣ (назв. деревни) тоуда жо Окуу (Окулъ), тоже видно оттуль жо, поселиусе... Дакъ вотъ онъ (Босурманъ) быу сколь не богатъ то: на семнадцеть церквей большіе колокола завеу, на всѣ приходы въ Кокшеньгѣ-то... дакъ это дауно было ужъ... У насъ на церквѣ бульшое-то колоколо имъ жо было заведено́,—годовъ надо быть ужъ чотыреста назадь тому есть».

Преданіе о чуди Озерецкаго прихода въ общемъ довольно сходны съ верховскими, но имѣютъ и свои любопытныя особенности. Какъ мѣсто обитанія для чуди, чаще всего указывается деревня Ричка (рѣчка). Люди, хорошо знающіе эту деревню (мнѣ лично не удалось побывать здѣсь) увѣряютъ, что въ ней есть нѣсколько семействъ, отличающихся и характеромъ и внѣшнимъ обликомъ отъ типичныхъ кокшаровъ; эти семьи, родственныя между собою, носятъ одну фамилію Ч-ныхъ и считаются потомками чуди; сосѣди ихъ и окрестные жители называютъ ихъ прямо чудью, и сами Ч-ны, повидимому, такую кличку не считаютъ обидною, а принимаютъ какъ родовое прозвище по происхожденію. Отличіе характера Ч-ныхъ заключается, по мнѣнію многихъ, главнымъ образомъ въ томъ, что «наши любятъ все напрямикъ: если что́, то и разругаютсе, а выпьютъ—и подерутсе; задѣу хто, дакъ сейчасъ и здачи жди, а прошло то времё—и все забылось;—а тѣ, чудь-та, не таковы: обидь ёво, дакъ ужъ онъ тибѣ не забудётъ! сразу, можетъ быть, и не посміетъ, а потомъ исподтишка все тибѣ выведётъ»... При злопамятствѣ отличаются выдержкой и въ злопамятствѣ отличаются выдержкой и честностью. Среди Ч-ныхъ почти нѣтъ людей высокаго роста, скорѣе всѣ—средняго, съ лицомъ нѣсколько болѣе смуглымъ, чѣмъ у другихъ кокшаровъ.

По слухамъ, въ одномъ изъ семействъ Ч-ныхъ хранятся остатки древняго (чудскаго?) оружія: одна или двѣ стрѣлы, копьё, а быть можетъ и еще что-нибудь; а Е. Ч-нъ разсказывалъ, что недавно у него было тяжелое старинное желѣзное копье, которое онъ перековалъ на предметы домашняго обихода. Полагаютъ, что такого рода вещи находились или около или въ самыхъ «чудскихъ ямахъ»,

каковыя находятся вблизи этой деревни Ричики. Въ ямахъ находятъ человѣческія кости. Происхожденіе «чудскихъ ямъ»объясняютъ такимъ образомъ, что чудь, не желая подчиниться и принять «нашу» вѣру (христіанство) собиралась семействами, иногда по нѣскольку семействъ, выкапывала въ землѣ довольно просторную и глубокую яму, надъ которой въ уровень съ поверхностью земли настилался потолокъ, поддерживаемый извнутри столбами; на потолокъ наносилась земля; и, подобно тому, кахъ оно было по верховскому преданію, подрубались затѣмъ столбы, рушился потолокъ и погребалъ здѣсь всѣхъ.

«Ужели ужъ такъ боелись онѣ нашей то вѣры»? спрашиваетъ Е. Ч-на, сообщившій это преда̀ніе (крестьянинъ Вл. М. П-ъ).

— «Да боелись-то вишь ли крещенья, а крещеньё-то, имъ говорили, що это—вотъ що: отрубятъ сперва́ руку, ну хоть правую, а потомъ—ногу, лѣвую, а тутъ, значитъ,—другую руку и другую ногу — вотъ онъ крестъ-отъ какой выходиу! Тутъ поневолѣ забоишьсе!»

Не носитъ-ли эта послѣдняя весьма интересная подробность слѣдовъ болѣе поздняго происхожденія, по сравненію съ остальной частью преданія, возникнувъ, положимъ, какъ одна изъ попытокъ объясненія не совсѣмъ понятной впослѣдствіи рѣшимости на такую суровую самоказнь,—разобраться въ этомъ весьма трудно, а прямыхъ указаній на это пока вовсе не имѣется.

Чудскія ямы встрѣчаются еще въ Шебенгскомъ и, вѣроятно, въ другихъ приходахъ Кокшеньги. Но отъ собственно чудскихъ ямъ отличаютъ еще другія, тоже носящія слѣды жилья, и однако имѣющія совсѣмъ другое происхожденіе; это—или разбойничьи пристанища или жилища разнаго рода бѣглецовъ, которые нерѣдко находили себѣ пріютъ въ Кокшеньгѣ даже до самаго послѣдняго времени.

Разсказы о поселеніяхъ бѣглецовъ, ихъ взаимо-отношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ, разбойничьихъ шайкахъ, «панахъ», и под. могутъ составить не безынтересный предметъ особаго сообщенія.

С.-ПБ. 21 Ноября 1894 года.

М. Едемскій.

Дер. ВЕРЕТЯКИНА.

(Орл. г.).

Сватанье.

(записано со словъ крестьянки Дарьи Глотовой).

Заслышатъ про дѣвочку, свекровь отправляется посмотрѣть ее. Понравится, приходитъ домой и говоритъ: «Ну сынокъ мнѣ дѣвка нравится, а какъ тебѣ—не могу знать».

Черезъ нѣсколько дней отправляются отецъ, мать жениха и женихъ. Женихъ можетъ посмотрѣть невѣсту и въ лицо и вслѣдъ только издали. Понравится, говоритъ: «ну матушка, дай Богъ часъ!» Возвращаются домой.

Вечеромъ, часовъ въ девять, берутъ водку, сзываютъ родню, идутъ свататься. Придутъ, водку поставятъ на столъ. Невѣста должна идти убираться въ сосѣднюю хату. Провожаютъ ее 2—3 молодыхъ женщины; онѣ пособляютъ ей одѣваться.

Отецъ и мать невѣсты приглашаютъ абапольныхъ [1]) своихъ родныхъ, постарше, выпить и закусить. Мать идетъ къ сосѣду и спрашиваетъ: «готова ли, Мáрѳушка? Невѣста отвѣчаетъ:—готова. Молодыя женщины ведутъ ее въ хату.

Войдя въ хату, невѣста кланяется всѣмъ три раза и становится къ сторонкѣ. Тогда входитъ женихъ, который, до этого времени, сидѣлъ въ куту, [2]) становится рядомъ съ невѣстой и тоже 3 раза кланяется.

Его спрашиваютъ: «нравится ли тебѣ Мáрѳушка? Онъ отвѣчаетъ;» какъ батюшкѣ съ матушкой, такъ и мнѣ. Тотъ же самый вопросъ предлагаютъ невѣстѣ; она даетъ тотъ же отвѣтъ. При чемъ женихъ отвѣчаетъ смѣлымъ, громкимъ голосомъ, а невѣста—тихимъ голоскомъ. Тогда ихъ благословляютъ: снимаютъ икону, кладутъ корвегу хлѣба на столъ, стелятъ полушубокъ на земь. Отецъ беретъ икону въ руки, благословляетъ. Женихъ съ невѣстой 3 раза кланяются въ ноги и цѣлуютъ икону. Потомъ икону беретъ мать, благословляетъ. Женихъ съ невѣстой опять три раза кланяются и цѣлуютъ икону.—Тогда невѣстѣ даютъ тарелку въ руки, на тарелкѣ двѣ рюмки. У жениха въ рукахъ бутылка съ водкой. Онъ наливаетъ въ рюмки и подноситъ отцу и матери невѣсты. Невѣста же выноситъ дары (рушники) отцу и матери жениховымъ. Отецъ съ матерью выпиваютъ по рюмочкѣ и говорятъ; горькя! Женихъ съ невѣстой кланяются и цѣлуются.

Поцѣлуются тройче, (3 раза) поклонятся вобѣмъ (обоимъ) и отправляются въ пуньку [1]).

Тамъ ставятъ на полъ дежу [2]) накрываютъ бѣлымъ настольникомъ [3]), сыпятъ орѣхóвъ и подсолнуховъ. Усадивши жениха съ невѣстой, родители

---

[1]) Абапольный—близкій.
[2]) Кутъ—холодная хата.
[1]) Пунька.—плетеная клѣть, въ которой лѣтомъ помѣщаютъ молодыхъ.
[2]) Дежа.—кадка, въ которой ставятъ тѣсто.
[3]) Настольникъ,—скатерть.

отправляются въ хату, пьютъ $^1/_4$ водки, закусываютъ только хлѣбъ-соль и гуляютъ.

Попивши водку, поднимаютъ молодыхъ гдѣ пуньки выходятъ за ворота и превожаютъ на «до свиданье».

На другой день женихова мать съ отцомъ посылаютъ въ городъ «по водку,» опохмѣлить сватовъ.

Привозятъ $^1/_4$ водки, отливаютъ 2 бутылки и ѣдутъ къ сватамъ «поправить головы».

Ѣдутъ отецъ съ матерью, а женихъ остается дома.

Привезенную водку выпиваютъ игрицы [1]). «Невѣста должна сидѣть вдали, за пяльцами и шить; ни выпить, ни закусить, она не смѣетъ, совѣстится.

Выпьютъ, закусятъ, собираются домой. Уходя, объясняютъ, что черезъ 7—9 дёнъ будетъ обѣдъ. Говорятъ такъ: «Будетъ обѣдъ, а много ли денегъ привезете? Отвѣчаютъ:—А сколько съ людей, столько и съ насъ, — мы платимъ.»

Обѣдъ этотъ называется охмѣлки.

Накунѣ, вечеромъ, отправляются къ невѣстинымъ роднымъ и подаютъ повѣстъ [2]), при томъ берутъ 1 бут. водки и кусокъ ветчины. Придутъ и погостить [3]) ихъ.

Погостёвши, женихъ собираетъ у себя свою родню и готовитъ полный обѣдъ: 2 ведра водки, 3 окорока, пекетъ 70 пироговъ оржаныхъ, варитъ чугунъ каши, беретъ махотку масла фунта 3. Приглашаетъ родни человѣкъ 12; запрягаютъ 3 лошади въ повозки.

На первую повозку кладутъ харчъ, или капиталъ; на вторую и на третью садится родня и ѣдутъ къ невѣстѣ въ домъ.

Пріѣхавъ, вносятъ все въ хату, становятъ на лавки, подъ заднее окно. Если невѣстиной родни человѣкъ пять, становятъ на столъ закуску фунтовъ отъ пяти, 1 бут. водки, кладутъ на пáру (на двоихъ) одинъ пирогъ, подносятъ два раза по 2 стакана водки, а въ третій по одному; потомъ просятъ «благодарить покорниче.» Они встаютъ, молятся Богу и благодарятъ.

Тогда поднимаютъ все, что они не доѣли и прибираютъ въ свои кошёлки.

Подобрамши, выкладываютъ 70 пироговъ на одинъ столъ, ставятъ 2 окорока по 20 ф. на другой, а на третій—говядину—тамъ родня дальняя и угощеніе малое. Распоряжается невѣстинъ отецъ. Гдѣ харчъ побольше, получше, тамъ породнѣй родня.

Жениховъ отецъ убираетъ столъ, а невѣстинъ обходитъ по деревнѣ, собираетъ родню. Управившись съ дѣлами, садятся за столъ. Вводятъ молодыя игрицы невѣсту съ сосѣдняго двора въ хату. Подходитъ женихъ, беретъ ее за ручку, 3 раза покланяются. Невѣстѣ даютъ въ руки тарелку. На тарелкѣ стаканъ и рюмка. Женихъ наливаетъ водку. Подходятъ жениховъ отецъ и мать. Отецъ беретъ стаканъ, мать—рюмку. Выпиваютъ и говорятъ: «горька!» Женихъ съ невѣстой поклонятся, поцѣлуются.

Наливаютъ по второй. Выпиваютъ, смотрятъ на потолокъ и говорятъ: «а что это у васъ паутина виситъ!» Женихъ съ невѣстой кланяются и цѣлуются. Наливаютъ третьей. Выпиваютъ. Женихова матя говоритъ старику: «а гдѣ это ты бралъ водку? говорилъ сладкая, а она горькая!» Женихъ съ невѣстой кланяются и цѣлуются. Тогда ставятъ стаканъ и рюмку на тарелку. Выходитъ невѣстина мать, подноситъ рушники и говоритъ: «Сваточекъ, свашенька! нате утритесь!» Старики берутъ рушники, утираются и цѣлуются. Старуха говоритъ: «Старикъ, а надо за дары заплатить»! Старикъ отвѣчаетъ: «Я за тебя, а ты

[1]) Игрицы.—дѣвушки, которыя поютъ.
[2]) Подавать повѣстъ—оповѣстить, извѣстить, увѣдомить.
[3]) *Погостить—угощая* покормить.

за себя; нѣшто ѣхала безъ денегъ!» Старуха.—«Я на тебя понадѣялась.» Старикъ достаетъ 1 рубль и платитъ за дары. Отходятъ прочь. Тогда подзываютъ однихъ за другими: брата женихова съ женой, сестру съ мужемъ тетку съ дядей—и всѣхъ передарятъ.

Жениха съ невѣстой ведутъ въ пунькю, опрокидываютъ дежу, накрываютъ бѣлымъ настольникомъ. Невѣста сыплетъ подсолнуховъ угостить жениха.

Родители за столомъ, въ хатѣ, начинаютъ пить, ѣсть, гулять. Мать жениха беретъ $^1/_2$ бутылки водки, заранѣе сготовленнаго курёночка и идетъ въ пунькю. Становитъ куреночка на дежку и говоритъ: «Ну дѣтки, выпейте и закусите; вотъ вамъ куреночекъ, а я пойду съ Богомъ отъ васъ. Женихъ съ невѣстой остаются одни.

Женихъ беретъ куренка, ломаетъ его; потомъ беретъ $^1/_2$ б. водки, наливаетъ въ стаканъ и, поднося невѣстѣ, смѣлымъ голосомъ говоритъ: «Будь здорова!

Невѣста тихенькимъ голоскомъ отвѣчаетъ «Кушайте на здоровье.» Женихъ для смѣлости выпиваетъ цѣлый стаканъ. Наливаетъ еще, подноситъ невѣстѣ. Она беретъ въ руки, отпиваетъ немного.

Женихъ. Что-жъ не пьешь?

Невѣста—Спасибо, я много довольна.

Женихъ. «Да выпей, небось посмѣлѣешь!» Невѣста пьетъ.

Женихъ. Ну, съѣшь же кусочекъ курятинки!

Невѣста беретъ, закусываетъ невесело, робѣетъ, стыдится жениха.

Женихъ. Что же ты стыдишься? я не стыжусь, пью, закусываю. (Они, говорятъ закусáю.)

Невѣста (тихо.) Нѣтъ, и я закусаю.

Всего куренка не съѣли, входитъ женихова мать: «Чтожъ, дѣточки, не съѣли? Дѣточка, Мáроушка, чего жъ робѣешь, небось не пропадешь!» Ставитъ передъ ними кашу съ коровьимъ масломъ и говоритъ: «Ну, дѣтки выпейте кушайте, а я пойду въ хату гостей угощать: тамъ пьютъ и ѣдять.

Когда женихово угощенье прикончится, отецъ и мать его прибираютъ все со стола; изъ 70 пироговъ останется штукъ 10.

Тогда невѣстина мать и отецъ садятъ жениховыхъ отца и мать и родню, которая съ ими пріѣхала за столъ, стелятъ свои настольники, становятъ [1]), фунтовъ 15—20 ветчины, 2 бут. водки. Два раза подносятъ по два стакана, а въ третій по одному. На второе—куренка, а на 3-е бублики и яблоки на закусочку.

Когда выпьютъ, закусятъ, Богу помолятся, поблагодарятъ, собираются ѣхать домой. Выводятъ жениха съ невѣстой изъ пуньки. Отецъ и мать жениха выносятъ изъ хаты лозбянiи [1]), плятури, боченки—все кладутъ на повозки, подходятъ къ невѣстиной роднѣ, прощаются, цѣлуются и назначаютъ день свадьбы.

Во время раздачи даровъ поютъ:

Во лузяхъ калинушку споломили,
А въ теремѣ Мáроушку сговорили
Да за молодаго Васильюшку!
А во лузяхъ да калинушку
Соловушко щелокчетъ.
Не онъ садилъ, не онъ поливалъ,
Однако щелокчетъ.
Садилъ Боже, поливалъ дождекъ,
Однако щелокчетъ.

Въ теремѣ Васильюшка
Мáроушку цѣлуетъ.
Не онъ кормилъ, не онъ поилъ.
Однако цѣлуетъ.
Кормилъ батюшка,
А поила матушка,—
Однако цѣлуетъ.

* * *

[1]) Кадушки съ крышками, а иногда и замками, въ которыя кладутъ харчъ.

У воротъ конопелькя
Тонка, высокенькя,
Натой конопелькѣ
Сидятъ пташки дробны.
Сидятъ пташки дробны,
Пеютъ пѣсни ровны.
Поютъ, воспѣваютъ
Марсу отъ батюшки,
Припѣваютъ къ лютому свекору!

(тоже къ лютой свякровьи.)

Былка—чернобылка
А въ полѣ стояла.
Шаталось, моталась,
Къ межѣ преклонялась:
«Межа ль моя, меженька!
«Скажи мнѣ всю правду.
«Какова зима будетъ?
«И люты морозы?
«И люты морозы,
«И снѣги глубоки?
— Былка—чернобылка,
Постоишъ, развѣдаешь
Какова зима будетъ
И люты морозы.

***

Красная Ма́роушка
Всю ночь не спа́ла,
Съ батюшкой говорила:
«Государь мой, батюшка!
«Каковъ свекоръ будетъ?
«И люта свякровья?
— Красная Ма́роушка!
Поживешь, развѣдаешь
Каковъ свекоръ будетъ
И люта свякровья.

Да летитъ, летитъ черная галка
Рѣзвѐнькя,
Оглянется—ясмёнъ соколъ
Близѐнькя.
«Не налетай ты, ясмёнъ соколъ
На мене
«Охъ, на мене, на черную
Галушку.
«Ищи себѣ такову галку.
Что мене,
«Ищи себѣ такова перья,
Какъ на мнѣ!
— Вы́леталъ либо пять лѣсовъ.
Либо шесть,
Не нашелъ я такой галки,
Что тебе,
Не нашелъ же такихъ перьевъ.
Что въ тебе.

***

Бѣгитъ, бѣгитъ Мароушка
Рѣзвенькя,
Оглянется—Васильюшка
Близенькя:
«Не набѣгай, Васильюшка,
На мене,
«Охъ на мене, на красную
Мароушку.
«Ищи такову дѣвку,
Что мене,
«Ищи такову косу,
Что въ мене.
— Взыскалъ я либо пять городовъ,
Либо шесть.
Не нашелъ же я такой дѣвки,
Какъ тебе,
Не нашелъ же я таковой косы,
Что въ тебе,
Красной Ма́роушки!

На обѣдѣ.

Несправедливая калинушка!
Ты сказала: я не буду расцвѣтать!
Ты сказала: я не буду листъ пущать!

***

Несправедливая, ой, Ма́роушка!
Ты сказала: я замужъ не пойду!
Говорила: въ монастырь я пойду,
За собою двухъ подружекъ повяду.
Первую—ключницею,
Другую—послушницею,
А сама буду игуменьшею.

***

И въ ночи́ было, въ полу́ночи,
Солетались ещи голуби,
Сизы голуби залётные,
Добры молодцы заѣзжіе:
«Государыня—матушка!
«Привяти-ка си Васильюшку,
— Да, дитё ль мое, дитятко!
Мое сердце не обернется,
Животъ кровью обливается.

Не величка пташечка
Съ синя моря перелетывала,

Еще перепархивала.
Сѣла пташечка середи моря
    На камушку,
Запѣла пташечка человѣчьимъ
    Голосомъ,
Человѣчьимъ голосомъ, ребячьимъ
    Посвистомъ.

Мимо саду зеляно́ва
Ясмёнъ соколъ пролетаетъ,
Про зязюлечку спрашиваетъ:
«Тутъ-ли моя зязюлечка?
«Здѣсь-ли моя ясмённая?
— Она тута—гнѣздечко вьетъ,
Она тута шелко́вая.
Ей пташечки помогаютъ,
Да по пёрышку прикладаютъ.

* *
*

Мимо саду зеляно́ва
Васильюшка проѣзжаетъ,
Про Ма́рѳушку спрашиваетъ:
«Тутъ-ли моя Ма́рѳушка?
«Здѣсь-ли моя Григорьевна?
— Она тута—ширинки шьетъ,
Ей кумушки помогаютъ,
По ниточки прикладаютъ.

Жила была черная кона въ бору.
Ночь моя осенняя, темная!
Наказывала она черному соболю:
Ночь моя осенняя, темная!
«Да, бывай, бывай, черный соболь,
«По ранней зорюшкѣ!
Ночь моя осенняя, темная!
— Охъ, я радъ бы побывалъ—
У тебе лѣсы тёмны!
Ночь моя осенняя, темная!
У тебе лѣсы тёмны,
Перелѣсочки часты.
Ночь моя осенняя, темная!
«Охъ, ужъ я табе угожу—
«Темныя лѣса посѣку!»
Ночь моя осенняя, темная!

* *
*

Жила, была Ма́рѳушка у батюшки.
Ночь моя осенняя, видная!
«Да, бывай, бывай, Васильюшка,
«Въ воскрёсный день, рано́.
Ночь моя осенняя, видная!
— Я бы радъ былъ побывать—
У тебе батюшка грозёнъ,
Воротечки позапёръ!
Ночь моя осенняя, видная!
«Охъ, ужъ я табе угожу—
«Воротечки отопру.
Ночь моя осенняя, видная!
«Воротечки отопру,
«Да на теремъ привяду.
Ночь моя осенняя, видная!
«Да на теремъ привяду—
«Зелянымъ виномъ угощу!
Ночь моя осенняя, видная!

Свадьба.

Записано со словъ раннихъ свахъ деревень Горбуновки, Веретякиной, Моревой и Трубичиной.

Свадебный поѣздъ, или красный поѣздъ составляютъ: женихъ, невѣста, двѣ свахи: ранняя и поздняя, дружко, поддружья, остальные гости—поѣзжане. Всѣмъ заправляютъ дружко и ранняя сваха.

Съ утра, въ день свадьбы, мать собираетъ жениха къ вѣнцу въ холодной хатѣ. Она беретъ свято́й воды, обрызгиваетъ всю одежду, которую долженъ надѣть женихъ. Женихъ, надѣвая каждую вещь, крестится. Когда одѣнется, идетъ по деревнѣ собирать родню. Родня собирается постепенно. Каждый приходящій изъ родныхъ приноситъ хлѣбъ-соль. Кто-нибудь изъ родныхъ привозитъ вѣтку *).

Когда всѣ родные соберутся, садятся за столъ. Отецъ жениха, поочередно подходитъ къ каждому, подноситъ стаканчикъ. Тѣ берутъ, крестятся и говорятъ: «Благослови Гос-

*) Сосновая вѣтка о 6-ти концахъ, вся убранная куколками, завѣской, бусами. У средней куклы, подъ сарафаномъ подвязанъ колокольчикъ; изъ подъ завѣски—рушникъ. Вѣтка служитъ украшеніемъ свадебнаго стола. Когда ѣдутъ къ вѣнцу, ее берутъ съ собою и помахиваютъ ею въ воздухѣ. Колокольчикъ звенитъ—душу веселитъ. Чѣмъ свадьба богаче, тѣмъ вѣтокъ больше.

поди», или: «Что задумали-загадали —соверши Господи!» или: «Господи благослови! Дай Богъ часъ!»

Въ это время на столъ ставятъ борщъ, ветчину, которую нарѣзаютъ на деревянныхъ тарелкахъ кусками. Ржаныя лепешки положены заранѣе. На послѣднее подаютъ гречневую кашу съ масломъ (коровьимъ). Раннюю и позднюю сваху, если онѣ изъ постороннихъ, тоже сажаютъ за этотъ столъ, иначе имъ за цѣлый день не попадетъ въ ротъ ни маковой росинки, кромѣ водки.

Покушаютъ, помолятся Богу, встаютъ изъ-за стола и благодарятъ хозяевъ. Ранняя сваха приговариваетъ:

Гдѣ наша куховарочка,
Что намъ ѣсть подавала?
На ей шуба—люба,
Жерелье боброво,
Сама черноброва.

Поѣзжане, родственники и знакомые, участвующіе въ свадебномъ поѣздѣ, исключая стариковъ, переходятъ въ холодную хату. Тутъ они выбираютъ дружка, потомъ «подгоняютъ дружка подъ присягу». Дружко обходитъ всѣхъ и подноситъ по стаканчику водки. Потомъ беретъ сковороду, кладетъ ее посреди хаты на полъ; въ уголъ ставится столъ съ иконой и святой водой.

Дружко спрашиваетъ поѣзжанъ, будутъ-ли они его слушаться во всемъ во время свадьбы? Они отвѣчаютъ, что будутъ исполнять все, что онъ только прикажетъ. Тогда всѣ поочередно подходятъ и становятся правой ногой на сковороду, каждый дѣлаетъ пожеланіе, чтобы свадьбу гулять въ добромъ здоровьѣ, чтобъ никто не обидѣлъ и вообще, чтобъ ничего дурнаго не случилось, потомъ прикладываются къ иконѣ и кропятся святой водой. Послѣ этого дружко раздаетъ поѣзжанамъ по кусочку коровьяго масла. Они маслятъ головы, причесываются. Входитъ мать жениха, приноситъ нѣсколько рушниковъ.

Первый рушникъ дается жениху, потомъ дружку, потомъ поддружьямъ. Каждый изъ нихъ навязываетъ рушникъ на рукавъ, поверхъ свиты. Свахи, тутъ же, сверхъ повойниковъ надѣваютъ бѣлую кисею, въ 3 арш. длиной, закалываютъ подъ подбородкомъ, концы же прихватываютъ поясомъ. Когда всѣ готовы, молятся Богу. Ранняя сваха читаетъ вслухъ «Христосъ Воскресе» 3 раза и «Отче нашъ». Потомъ дружко опять обноситъ всѣхъ водкой. Ранняя сваха беретъ блюдечко съ хмѣлемъ, кусочекъ коровьяго масла, пучекъ красныхъ нитокъ и гребешокъ и всѣ переходятъ въ теплую хату.

Дверь въ теплую хату затворена. Дружко стучитъ:

«Хозяинъ, благослови въ хату войтить!

— Войдите (входятъ).

«Благослови за столъ сѣсть! Благослови хлѣба-соли покушать а въ вомѣ радости послушать!»

Тоже самое повторяетъ ранняя сваха.

Хозяинъ отвѣчаетъ: «Благослови Господи! что задумали, загадали— соверши Господи!» Входятъ.

д. Горбуновка.

Погнулися сѣни,
Какъ бояре сѣли.
Да не такъ-то погнутся,
Какъ меду напьются,
Да вина наберутся,
Сахару наѣдятся.

Выпиваютъ по стаканчику водки и слегка закусываютъ

Господь, Іисусъ Христосъ!
«Сляти съ небесъ
«Къ Василью во дворъ,
«Къ Мароѣ въ терёмъ.
— Я самъ не слячу,
Ангела сошлю,
Свадьбу соберу,
Василья жаню.

———

(д. Веретякина.)

Васильюшка по двору ходитъ,
И ходя, горюетъ:
«Кто ся за мною
«Въ дружкахъ поѣдетъ?
Да Ягорей—Богъ молоть: [1])
— Не горюй, Васильюшка!
Я за тобой въ дружкахъ поѣду.

* *
*

[1]) Видоизмѣненное «мовитъ»

Васильюшка по двору ходитъ,
И ходя, горюетъ:
«Кто ся за мною
«Въ дядькахъ поѣдетъ?.
А Ягорій —Богъ молоть: [2])
— Я за тобою въ дядькахъ поѣду.

* * *

Васильюшка по двору ходитъ,
И ходя, горюетъ:
«Кто ся за мною
«Въ свахахъ поѣдетъ?
Пречистая Мать молоть:
— Не горюй, Васильюшка!
Я за тобой въ сватахъ поѣду.

д. Трубичина.

За церковью, за нѣмецкою,
Я тамъ былъ и я тамъ видѣлъ,
И никаму я не скажу...
Собирается голубей стадо
Въ полетъ летѣть за голубкою.

За церковью, за нѣмецкою,
Я тамъ былъ, и я тамъ видѣлъ,
И никому я не скажу...
Всѣ голуби и пьютъ, и ѣдятъ
Веселó сидятъ;
А два голубя не пьютъ, не ѣдятъ
И не весело судятъ.

За церковью, за нѣмецкою,
Я тамъ былъ, и я тамъ видѣлъ
И никому я не скажу:
Собирается бояръ полчокъ
За дѣвкою, за красною.
Всѣ бояре тамъ и пьютъ, и ѣдятъ,
И весело сидятъ.

* * *

За церковью, за нѣмецкою,
Я тамъ былъ, и я тамъ видѣлъ
И всѣмъ людямъ раскажу:
Одинъ парень не пьетъ, не ѣстъ,
И не веселъ сидитъ.
Я тамъ былъ и всѣмъ людямъ раз-
скажу!

(д. Веретякина.)

И не конь копытòмъ прозвонилъ.
Собирайтесь, солетайтесь, соколы!
Соѣзжайтесь, бояре!
Станемъ думушку думать:
А игдѣ съ полкамъ намъ стоять?
— Станемъ съ полкомъ, подъ город-
комъ.
Подъ Каменною стѣною.

(д. Трубичина.)

Горошекъ мой, бѣленькій!
Хорошо тебя сѣять
При пути, при дорожкѣ
И при ясномъ солнышкѣ.
Да молоденькій, младъ Васильюшка!
Хорошо тебя жанить
При роду, и при племени
И при родимомъ батюшкѣ.

Когда всѣ встанутъ изъ-за стола, всѣ молятся, потомъ снимаютъ икону и начинаютъ благословлять:

д. Веретякина.

Не хмѣлевое перышко
Со небесъ солетаетъ,
Противъ терема панетъ [*]).
«Пань, пань, Васильюшка,
«Батюшкѣ да въ ножечки!
— Благослови мене, батюшка!
Ой на Божій судъ пойтить,
Подъ вѣнцомъ сустоять,
Божій хрестъ цѣловать.
«Со Богомъ, со Богомъ, дитятко,
«Со Богомъ, мое милое!
(Тоже къ матушкѣ).

Дверь хаты все время затворена.

Первыми благословляютъ отецъ съ матерью, потомъ братъ съ женою,

---

[2]) Молоть—измѣнившееся молвитъ.

[*]) Панетъ—упадетъ.

сестра съ мужемъ и т. д. Женихъ дѣлаетъ 3 поклона, цѣлуетъ икону, благословляющихъ и хлѣбъ-соль. Послѣднимъ подносятъ груднаго ребенка, которому онъ тоже долженъ поклониться и поцѣловать. Ребенокъ изображаетъ собою Ангела, посланнаго съ небесъ.

После благословенія.

«Далёко-ль, младъ Васильюшка,
У Василья батюшка спрашиваетъ:
«Да, младъ Василій, собрался?
— Въ дорогу, батюшка, въ дорогу!
Пожелай мнѣ подмогу:
Пятьдесятъ коней вороныхъ,
Три каретушки золотыхъ,
Два кучера молодыхъ,
Двѣ свашеньки раннихъ.

—

с. Морева.

Ладо мое ладо!
Что въ теремѣ сдучала.
Такъ мать сына учила:
Ладо мое ладо! да, дитя мое, дитятко!
Ладо мое ладо! чадо́ мое милое!
Ладо мое ладо! будетъ теща выходить,
Ладо мое ладо! чару вина выносить,
Ладо мое ладо! этой чары не спивай,
Ладо мое ладо! вылей коню на гриву,
Ладо мое ладо! вылей подъ правое копыто.
Ладо мое ладо! Стой, моя грива, колесомъ!
Ладо мое ладо! Копытечко купчикомъ
Ладо мое ладо! Васильюшка хлопчикомъ.

—

Когда благословеніе окончено, всѣ еще разъ молятся.

Дружокъ подходитъ къ двери, дѣлаетъ палочкой крестъ, говоря: «Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа»; такъ 3 раза. Тогда дверь отворяется и весь собравшійся народъ выходитъ на дворъ, гдѣ стоятъ подводы, чтобы ѣхать къ невѣстѣ.

Дружокъ выноситъ сковороду, на которой приносилась присяга, а ранняя сваха—блюдечко съ хмѣлемъ.

Начинаютъ обходить свадебный поѣздъ кругомъ. Дружокъ идетъ впереди, ранняя сваха за нимъ, осѣвая хмѣлемъ весь свадебный поѣздъ и лошадей. Поютъ:

г. Горбуновка.

Ранняя сваха
Съ дружилою ходить,
Хмѣле́мъ осѣваеть
А всѣхъ князей, бояръ,
А весь красный поѣздъ.

Когда обходъ кончился, дружокъ бросаетъ сковороду на повѣть (на крышу), какъ говорятъ, чтобъ молодайка скорѣй къ дому привыкала.

д. Горбуновка.

Ой, подъ лѣсомъ, подъ высокимъ,
Дружилушка траву косить,
Ранняя сваха траву носить
И коня ко́рмить:
«Ѣшь, мой коня, наѣдайся,
«Студяной воды напивайся!
«Быть тее, коня, въ дорозѣ,
«Въ большомъ у возѣ,
«Везть тее, коня, тяжелый возъ—
«Золоту карету, раннюю сваху».

—

Усаживаются на повозки, трогаются, помолясь Богу.

с. Морева.

Летитъ соко́лъ,
Звенитъ колоко́лъ.
Отъ дуба зеле́наго, яро́ва
Ѣдетъ Васильюшка.
Отъ дома, отъ дома,
Отъ батькина подворья.

—

д. Горбуновка.

Не стой, верба, зли дорози,
Пущай, верба, семьсотъ вѣтокъ,
Будутъ ѣхать семьсотъ бояръ.
Всѣмъ боярамъ по вербочкѣ.
Дружилушкѣ не досталась.
Дружилушкѣ—ранняя сваха,
Поцѣлуетъ онъ ее.

* * *

Не стой, верба, зли дорози,
Пущай, верба, семьсотъ вѣтокъ,

Будутъ ѣхать семьсотъ бояръ.
Всѣмъ боярамъ по вербочкѣ.
Васильюшкѣ не досталась.
Васильюшкѣ—млада Ма́рѳушка,
Поцѣлуетъ онъ ее.

———

Подъѣзжаютъ къ двору невѣсты. Невѣста должна сидѣть подъ окномъ, пригорюнившись, въ ожиданіи жениха.

У невѣсты въ хатѣ. Дверь заперта.

д. Веретякина.

Сидѣла, ой Ма́рѳушка, за столомъ,
Со́брала подружекъ къ батькѣ во дворъ.
Посо́дила подружекъ всѣхъ за столъ,
А сама сѣла выше всѣхъ,
Покло́нила головку ниже всѣхъ.
«Головка моя, бѣдная!
«Всѣ мои подружки увъ вянкахъ,
«Що у шолковыхъ платкахъ.
«Одна моя головка безъ вянка,
«Що безъ шолкова платка!

———

Сидѣла, ой Ма́рѳушка за столомъ,
Поко́тила вяночекъ по столу:
«Примай, батюшка, вяночекъ,
«Желтой рутовки *) цвяточекъ!
— Право, дитятко, не присну,
Съ тоски, съ печали—не могу,
Что я тее, молоду, выдаю,
Молодешенькю заключу
Что за молодаго Васильюшку.

———

д. Веретякина.

Искорка моя, ой Ма́рѳушка!
Пала искорка батюшкѣ въ ножки:
«Хануй **) меня, батюшка,
«Весь день до вечера.
«Завтра бы хановали,
«Да некого будеть.
«Хуть буду, не буду
«Да въ лютова свёкора.

———

*) Рутовка раст. Thalictrum или Лупута.
**) Хановать—ласкать.

д. Веретякина.

Сидѣла Ма́рѳушка за столомъ,
Просилася изъ застолья:
«Выкупи меня, батюшка, съ няволи,
— Что давать, дитятко, что давать?
«Сто рублей, батюшка, сто рублей!
— Посиди, мое дитятко, въ няволѣ,
Пущай полежатъ мои сто рублей въ каморѣ.

* * *

Сидѣла Ма́рѳушка за столомъ,
Просилася изъ застолья:
«Выкупи меня, матушка, съ няволи!
— Что давать, дитятко, что давать?
«Сто ширинъ, моя матушка,сто ширинъ *)!
— Посиди, мое дитятко, въ няволѣ,
Пущай полежатъ мои сто ширинъ въ сундуку.

———

д. Веретякина.

Со́брала Ма́рѳушка подружекъ
Батькѣ въ дворъ.
Слуга была слуга, ой Ма́рѳушка!
Она съ терема не сходила.
Только было сошла
Въ зелёнъ садъ гулять,
Игры послуша́ть.
«Да вы, игры, игры!
«Играйте вѣрнѣй,
«Чтобъ было веселѣй
«И мнѣ и батюшкѣ,
«И мо́имъ подружкамъ
«И старымъ старушкамъ.

———

д. Круглая.

Невеличка зязюлечка *)
На ракитѣ сидѣла,
Хотѣла ракитушку споломити,
Зеленую наклонити.
А оно не поломила,
Только наклонила.
Хотѣла Ма́рѳушка
Батюшку взвесялити.

*) Ширинка употребляется въ смыслѣ рушника.
*) Зязюлечка—ласкательное, маленькая птичка.

А оно не взвеселила,
Только разслязила.

д. Трубичина.

У Григорья на дворѣ
Стóяла яблонь на коврѣ,
Яблонь моя, садовáя—
Скорлупа золотая!
Мáрѳушка скору колупала,
На блюдечко клала,
На теремъ носила,
Бояръ чествовала:
«Бояре, дворяне!
«Да вы пейте, вы ѣшьте,
«А батюшку не воюйте,
«Да меня съ собою не б рите.
— Красная Мáрѳушка!
Попьемъ, поѣдимъ,
А батюшку завоюемъ,
Тебя съ собой возьмемъ!

У двора невѣсты.

с. Морево.

Возлѣ тестева двора
Все луга и болота,
И все горы крутыя.
Ужъ дорого дати,
Да казакóвъ наняти,
Горы раскопати,
Мáрѳушку съ собою взяти.

д. Горбуновка.

Подлеталъ ясмёнъ соколъ
Подъ зелёнъ садочекъ,
Высвистывалъ, да выманивалъ
Соколку съ собою.
«Ясмёнъ-соколка!
«Полетимъ со мною.
— Ясмёнъ-соколу!
А мнѣ бъ не хотѣлось!»

***

Подъѣзжаетъ Васильюшка
Подъ тестя дворочекъ.
Выкликиваетъ да выманиваетъ
Мáрѳушку съ собою:
«Красная Мáрѳушка!
«Поѣдемъ со мною.»
—«Молодой Васильюшка!
«Хучь любится, ай не любится—
«Поѣдемъ со мною!»
Слѣзаютъ съ повозокъ, всходятъ во дворъ.

д. Горбуновка.

Прилетѣли на нашу рѣчку
Семь селезнёвъ,
Посадилися эля бережку
Всѣ рядóмъ,
Поставили селезня
Перядóмъ.
«Выходи, сѣра вумушка,
«Съ трости вонъ!
«Обознавай, косатая,
«Я—твой!
— Охъ, то-то мой впередъ плыветъ,
Косицы вьетъ,
Охъ, то-то мой селяденюшко
Косатый!

***

Пріѣхали къ Григорью во дворъ
Много бояръ,
Постанóвились противъ терема
Всѣ рядóмъ,
Поставили Васильюшку
Перядóмъ,
Выкликивали Мáрѳушку
Изъ терема вонъ:
«Охъ, выходи, Мáрѳушка,
«Съ терема вонъ!
«Обознавай, Григорьевна,
«Какой твой!
— Охъ, то-то мой—впередъ стоитъ
Онъ кудри вьетъ;
Охъ, то-то мой—Васильюшка
Молодой!

д. Веретякина.

По терему Мáрѳушка гуляла
Золотою чепкою звонила,
Родимаго батюшку будила:
«Встань,встань,батюшка,пробудись—
«Много-ли князей, бояръ, на дворѣ?
«Хорошъ-ли Васильюшка на конѣ?
— Хорошъ, хорошъ, дитятко, еще пригожъ,

На личико—бѣлъ, румянъ, чернобровъ.
Сказали намъ люди про яво,
Что подъ нимъ конь не яво;
На скоцочкѣ—шапочка-татарочка
Брата яво.

———

д. Горбуновка.

Ма́роушка по горенкѣ гуляла,
Каленые орѣшки щелкала,
Скорлупочки въ окошко бросала,
Васильюшкѣ да на кудерчики попала.
Васильюшка оглянулся, усмѣхнулся:
«Вотъ-то я тее, Ма́роушка, отъ смѣшечки
Отсмѣю;
«Вотъ я тее отъ батюшки
Отвяду;
«Вотъ я тее къ лютому свекору
Приведу—
«Къ лютому свекору, Васильеву
Батюшкѣ.

———

Въ сѣнцахъ у невѣсты.

д. Веретякина.

Ладо мое ладо!
Васильюшка по полю ѣздить—
Дорогу шукаеть *).
Пахучій мой василечекъ,
Молодой Васильюшка!
А въ село вкатился,
Про тестевъ дворъ спрашиваеть.
Пахучій мой василёчекъ,—
Молодой Васильюшка!
На дворъ ѣдеть—
Золотымъ кольцомъ катится
Пахучій мой василёчекъ
Молодой Васильюшка!
А когда въ сѣнцы идётъ—
Валвеночки **) стелятся,
паахучій мой василечекъ—
Молодой Васильюшка!
А въ избу идеть—
Василечки запахли.
За столъ садится—

*) Шукаетъ—ищетъ.
**) Валвеночки — первоначально, надо полагать, было барвеночки; теперь видоизмѣнилось.

Князомъ бояромъ рядится!

———

Дверь у невѣсты все время заперта. Тамъ поютъ.

с. Морева.

Охъ, сѣнцы, сѣнцы-задверцы!
Ткала Ма́роушка красенцы *)
Слезками просѣску **) смочила,
Золотыми перстнями сомшила ***).

Приходитъ же къ ней батюшка:
«Полно, Ма́роушка, красна ткать.
«Ходи, мое дитятко, за столъ сядь.
— Становитя столы—я пойду,
Стялите скатерти—я сяду.

———

Дружко подходитъ къ двери, стучитъ 3 раза, говоря: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Изъ хаты отвѣчаютъ: На аминѣ спасибо!

Дружко. Есть-ли въ этомъ домѣ благодатномъ отецъ посаженный, мать посаженная.
Отецъ посаженный,
Мать посаженная,
Мужи честны,
Жены хвальны,
Игрицы дѣвицы
Каравайницы—мастерицы,
Горшечныя пагубницы?
Благословите дружку хороброму,
Поддружью хорошему
Съ молодымъ княземъ
И раннею свахою въ благодатный домъ вступить (3 раза).

Отвѣчаютъ: Богъ благослови!

По третьему разу дверь отворяютъ, выходитъ теща въ полушубкѣ, овчиной вверхъ; съ нею женщины. Въ рукахъ у нея икона; у женщинъ — хлѣбъ-соль и на тарелкѣ рушникъ. Теща подходитъ къ жениху, благословляетъ его.

*) Красенцы—красивая красная ткань.
**) Просѣска—выдернутая ткань, приготовленная для мережки или для вышиванья.
***) Сомшить—спутать шерсть, шелкъ нитки.

Женихъ крестится, цѣлуетъ икону. Теща надѣваетъ на него крестъ, а рущникъ кладетъ ему за пазуху.

(д. Горбуновка)

«Кто жъ тее, Васильюшка,
Да ширинину вышилъ?
— Шила мнѣ, вышивала мнѣ,
Красная Мароушка.
«И гдѣ брала?—На бору ирвала,
Шалкóмъ вышивала.

Дружокъ входитъ въ хату, затворяетъ за собою дверь и идетъ окупать мѣсто для жениха.

За столомъ сидитъ невѣста, по бокамъ дѣвушки и мальчикъ съ осколкомъ (палочкой). Дружокъ крестится, наливаетъ въ стаканчикъ водки, обноситъ всѣхъ и говоритъ:

«Ну, вылязайте вонъ!»

Мальчикъ грозитъ ему осколкомъ и говоритъ, указывая на столъ: «4 угла—4 рубля, пятый столъ—денюшки на столъ!»

Дружокъ, показывая плеть:
«А вó потошкомъ!»
Мальчикъ, показывая осколокъ:
«А вó у меня есть!

Тогда дружокъ достаетъ пятакъ и кладетъ на столъ.

орошъ, братенко, хорошъ!—
Продалъ сястру за грошъ!

Дружокъ подноситъ всѣмъ водки и начинаетъ торговать косу невѣсты у дѣвушекъ. Онѣ назначаютъ 100 р. Дружокъ даетъ 3 коп. на двухъ и торгъ конченъ.

Выходите, дѣвушки!
Очищайте мѣстушко,
Гдѣ боярамъ садиться
Съ краснымъ поѣздомъ,
Съ молодымъ дружилою.

Дѣвушки и мальчикъ выходятъ изъ за стола, остается одна невѣста.

Дружокъ выходитъ въ сѣни, кланяется всему поѣзду, зоветъ жениха и поѣзжанъ. Всѣ входятъ въ хату.

Потихонько, бояре!
Помаленько, дворяне!
Да новыя сѣнюшки гнутся,
Да хотятъ подломиться.

Женижа сажаютъ за столъ рядомъ съ невѣстой. Разсаживаются и поѣзжане. Свахи стоятъ. Зажигаютъ свѣчи, молятся Богу.

(д. Горбуновка)

Ой, гуси, гуси—лебяди!
Всѣ съ озера слетѣли.
Одна гусыня засталáсь
И та гусаку досталáсь.
Охъ, дѣвки, дѣвки красныя!
Всѣ съ терема сбѣжали.
Одна Мáроушка засталáсь
И та Васильюшкѣ досталáсь.

Дружокъ наливаетъ въ стаканчикъ водки, подноситъ жениху, и спрашиваетъ:

«Кому подносишь?»

Женихъ отвѣчаетъ: Мароѣ Григорьевнѣ.

Отпиваетъ немного самъ и подноситъ невѣстѣ.

Тогда стаканчикъ съ водкой передаютъ невѣстѣ.

Дружко спрашиваетъ:

«Кому подносишь?»

Невѣста, поднося жениху, отвѣчаетъ: «Василію Митричу.»

Такъ до трехъ разъ.

Перепьются [1]), поцѣлуются, садятся за столъ тихо, смирно.

Дружокъ выкликаетъ сваху и свата:

«Свашенька, сватокъ!
«Блааслови въ хату войтить,
«Блааслови за столъ сѣсть!
«Блааслови хлѣба—соли покушать
И своему дѣтищу косу порушить. [2])

Тоже самое повторяетъ ранняя сваха. Сватъ и сваха отвѣчаютъ:

— Богъ блааслови!

Тогда дружокъ сбиваетъ съ невѣсты платокъ посошкомъ.

Сваха этотъ платокъ беретъ и надѣваетъ себѣ на голову. Затягиваетъ:

(д. Горбуновка)

Пречистая Матерь!
Не стой за стяной.
Ходи къ намъ въ хату,
Научи нашу сваху
Косý расплетать—
На двое закладать.
Киньтеся, бояре,
Къ новому торгу:

[1]) Перепиться—поочередно пригубиться.
[2]) Косу порушить—расплесть кончикъ косы.

Купите, бояре,
Да рогильнаго масла,
Чѣмъ гладить, чѣмъ маслить
Васильюшкины кудри
А Ма́рѳушкину косу!

Ранняя сваха развязываетъ платокъ; тамъ—блюдечко. На блюдечкѣ, въ кисейкѣ, кусочекъ коровьяго масла, гребешокъ, пучекъ красныхъ нитокъ и немного хмѣлю.

Когда въ пѣснѣ упоминаютъ о рогильномъ маслѣ, она беретъ масло, проводитъ поочередно по головамъ жениха и нѣвесты. Потомъ также проводитъ гребешкомъ, красными нитками и, послѣ всего, осѣваетъ хмѣлемъ.

Киньтеся, бояре,
Кы новому торгу:
Купите, бояре,
Гребень—гребешочекъ,
Чѣмъ чесать, чѣмъ гладить
Васильюшкины кудри
Ма́рѳушкину косу!

* *
*

Киньтеся, бояре,
Въ темные лѣса.
Щипите и рвитя
Ярова хмѣля́,
Чѣмъ сѣять, чѣмъ вѣять
Васильюшкины кудри,
Ма́рѳушкину косу.

Расплетаетъ кончикъ косы.

д. Горбуновка.

Кленъ—да не деревцо!
Смородина—да не ягода!
Мы кленъ поломали,
Смородину ощипали.
То ль была да не дѣвица?
Красная, ой, Ма́рѳушка?
У ей была да не косушка,
У ей была да не русая,
Шалко́мъ заплетёна,
А золотомъ перевита,
Серебромъ пересыпана.
Пріѣхала свашенька
Съ чужой стороне,
Стала мою косушку расплетывать,
Ясное золото развивывать.

Расплела кончикъ косы.

(д. Горбуновка)

Трубили трубы
По ранней зарѣ.
Плакала Ма́рѳушка
По русой косѣ:
«Охъ, свѣтъ, моя русая коса!
«Вечоръ матушка плела,
«Слезьми облила.
«Пріѣхала свашенька—
«Да не милостивая,
«Да не жалостливая!
«Стала косушку и рвать,
И метать,—
Расплетывать.

(д. Трубичина.)

Рано, рано, по зарѣ,
Вечоръ матушка ко́су плела,
И слезми облила:
«Я жъ тее, дочечка, говорила,
«Что не плесть да русую косу кружками;
«Пріѣдетъ Васильюшка съ дружками
«И расплететъ да русую косу съ кружками.

Сидитъ за столомъ, кушаютъ. Женихъ съ невѣстой не ѣдятъ·

(д. Трубичина)

Да на Марту мѣсяцу
А выпала да порошица.
По тэй порошицѣ
Марѳины братья играли.
Немножко поиграли,
Проиграли Ма́рѳушку
Да на винной чарочкѣ,
На сахарномъ кусочку,
И на сладкомъ мядо́чку.
Пойдемъ, послушаемъ,
Да, что люди гово́рютъ,
Да чьяго батьку бро́нять?
И Марѳинаго бро́нять,
А Васильева похваляютъ.

* *
*

Да на Марту мѣсяцу
А выпала да порошица.
По тэй порошицѣ
Васильевы братья играли.

Немножко поиграли,
А много выиграли—
Выиграли Ма́рѳушку
Да на винной чарочкѣ,
На сахарномъ кусочку,
И на сладкомъ мядочку.
«Пойдетъ, послушаемъ,
«Да чего люди гово́рютъ?
«Да чьяго батьку бронятъ?
«Да чьяго похваляютъ?
— Марѳушкинаго бро́нять.
А Васильева—похваля́ютъ!

(д. Трубичина.)

Подаютъ другое блюдо.

(д. Морева.)

Изъ Кіева вѣсти
Несутъ на столъ ѣсти,
Съ лукомъ, съ чахраномъ,
И съ доброй приправой.

(д. Морева.)

Скакалъ голубчикъ по скамьѣ,
По колѣница ножки въ золотѣ,
По заводи крылья въ се́ребрѣ.
Онъ подскакивалъ подъ окошко,
Онъ разспрашивалъ Ма́рѳушку:
«Скажи, Марѳушка, кто тебѣ милъ—
милой?
— Мнѣ милъ—милой—батюшка.
«Не правда твоя, Марѳушка!
«И не вѣрно слово сказала.

***

Скакалъ голубчикъ по скамьѣ
По колѣница ножки въ золотѣ,
По заводи крылья въ се́ребрѣ.
Онъ подскакивалъ подъ окошко,
Онъ разспрашивалъ Марѳушку:
«Скажи, Марѳушка, кто тебѣ милъ—
милой?
— Мнѣ милъ—мила—матушка.
«Не правда твоя, Марѳушка!
«И не вѣрно слово сказала.

***

Скакалъ голубчикъ по скамьѣ,
По коленца ножки въ золотѣ,
По заводи крылья въ се́ребрѣ.
Онъ подскакивалъ подъ окошко,
Онъ разспрашивалъ Ма́рѳушку:
«Скажи, Ма́рѳушка, кто тебѣ милъ—
милой?
— Мнѣ милъ—милой—Васильюшка!
«Вотъ правда твоя, Марѳушка!
Вѣрно слово сказала.

Когда покушали, встаютъ изъ за стола, молятся Богу, благодарятъ хозяевъ.

Тогда прибираютъ все со стола, снимаютъ икону и начинаютъ благословлять, держась того же порядка, каковъ былъ у жениха.

Если у невѣсты есть отецъ съ матерью:

д. Веретекина.

Не хмѣлевое перышко
Съ небесъ солетаетъ,
Противъ терема панетъ: [1])
«Пань, пань Марѳушка
«Батюшкѣ да въ ножечки:
— Благослови мене, батюшка,
Ой на Божій судъ пойтить,
Подъ вѣнцомъ постоять,
Божій хрестъ цѣловать!
«Со Богомъ, со Богомъ, дитятко,
«Со Богомъ, мое милое!

(тоже къ матушкѣ.)

Если у невѣсты нѣтъ отца:

(д. Веретякина)

Растопися банюшка,
Разгорися каменка!
Вы разсыпься бялой земчугъ
По серебряну блюдечку;
Да, распачься ой Ма́рѳушка,
По отцу передъ матерью.

Если у невѣсты нѣтъ матери:

(д. Веретякина)

Много, много у сыромъ дубѣ,

[1]) Глаголъ упасть, или падать. При спряженіи говорятъ: упанешь пань,

Много вѣтвьевъ, много полувѣтвьевъ,
Только нѣту-ти макушечки.

* * *

Много, много у Máроушки,
Много роду, много племени,
Только нѣту-ти родной матушки!

Если у невѣсты нѣтъ ни отца, ни матери:

(д. Веретякина.)

Да вы, братья родимые!
Ступайте къ соборной церкви.
Вы ударьте въ большой колоколъ:
«Разступися, сырая мать—земля!
«Раскопися гробовая доска!
«Подымися, моя родная матушка:
«Благослови меня, матушка!
«Охъ, на Божiй судъ пойтить,
«Подъ вѣнцомъ сустоять,
«Божiй хрестъ цѣловать!
— Со Богомъ, съ Богомъ, дитятко,
Со Богомъ, мое милое!

Послѣ благословенiя.

(д. Горбуновка.)

Шелко́вая ниточка
Къ стѣнкѣ льнетъ.
Красная Máроушка
Челомъ батюшкѣ бьетъ:
«Спасибо тое, батюшка,
«Что я у тае сидѣла,—
«Гладкую головушку гладила,
«Дробную косушку виплетала.

Дружко беретъ жениха съ невѣстой за руки и выводитъ на дворъ:

(д. Горбуновка)

Охъ, по двору́, двору́
Двору широко́му
Хо́дила тамъ курушка
Съ своими писклятками. [1])

[1]) Писклята—цыплята.

Откель ни взялся
Черный воронище,
Большой коршунище—
Уловилъ нашу курушку.
Не жаль намъ курушки,
Жаль, жаль пискляточекъ.
Что маленьки остались.
Некому кормить будетъ.
Некому перядо́мъ ходить.

Охъ по двору́ двору́,
Двору широко́му,
Хо́дила тамъ Мароушка
Съ своими подружками.
Откель ни взялся
Молодой Васильюшка
Взялъ нашу Máроушку
За правую за ручечку,
За золотые перстеня.
Не жалъ намъ Máроушки,
Жаль, жаль намъ батюшки,
Жаль, жаль намъ матушки,
Что старенькi остались.
Да некому кормить будетъ!
Да некому перядо́мъ ходить!
Перядомъ, охъ Мароушка!
Перядомъ, охъ Григорьевна!
И въ рукахъ шириница,
На личикѣ слезяница,
Подшёлъ Васильюшка,
Вырвалъ шириницу,
Утеръ слезяницу.

д. Трубилина.

Теща отдастъ дѣвку.

Да, ляти пѣтухъ черезъ рѣку!
Вотъ тее, мамашечка, да невѣстка до вѣку.
Куда знаешь, туда посылаешь.
Къ чему знаешь—къ тому приставляешь.

Получили дѣвку, ждутъ постели.

д. Горбуновка.

Сваты наши, сваты,
Сваты да богатые!

Охъ, дали намъ дѣвку,
Отдайте постелькю,
Дерюжки у кружки,
Шитыя подушки.
Дайте хоть у ряды—
Мы тѣмъ будемъ рады.
Дайте хоть у сосны—
Мы тѣмъ будемъ чёстны.

с. Морева.

Несутъ постель.

Со каменья—
Да вода текётъ,
Со терема—
Да платье несуть.
Платье атласное,
И дѣвка прекрасная.
«Охъ, чье это платьице
«Рано съ торгу несенó
«Къ обѣднѣ спѣшено?
«Съ подъ атласа,
«Съ подъ бархата,
«Съ подъ яснаго золота?
— Ой, Мароино платьице
Рано съ торгу несено,
Къ обѣденкѣ спѣшено—
Съ подъ атласа,
Съ подъ бархата,
Съ подъ яснаго золота!

Женихъ съ невѣстой и весь поѣздъ садятся на повозки, молятся Богу, кланяются на всѣ стороны. Народъ тоже кланяется и говоритъ: «Дай Богъ часъ!»

Съѣзжаютъ съ двора въ такомъ порядкѣ:

1) свахи и бабы,
2) бабы,
3) мужики,
4) женихъ съ невѣстой,
5) ранняя сваха съ поздней,
6) ребятишки,
7) дружка (сзади всѣхъ).

д. Горбуновка.

Съѣхала Мáроушка со двора,
Солóмила березу до верхá.
«Стой, моя береза, безъ верхá!
«Живи, мой батюшка, безъ мене!
«Безъ мене, что безъ красной Мáроушки!

На околицѣ свадебный поѣздъ задерживаютъ, не пропускаютъ, спрашиваютъ водки.

Дружко слѣзаетъ, достаетъ $^1/_4$ водки, поитъ; тогда околицу отпираютъ и поѣздъ трогается.

с. Морева.

Не стой, верба, зли дороги,
Не пущай, верба, семьсотъ вѣтокъ.
Семьсотъ вѣтокъ и четыре.
Будутъ ѣхать семьсотъ бояръ,
Будутъ тебя сѣчь, рубить,
Сѣчь, рубить и съ кóреня валить.

Съѣхали съ двора, стали кружкомъ, поплясали, трогаются:

д. Веретякина.

Эй, ухъ! моя дубровушка!
Эй, ухъ! моя зеленая!
«Чего ты рано зашумѣла?
— Охъ, не сама жъ я зашумѣла,
Шумнули мною буйные вѣтры.
Красная Мароушка!
«Чего рано замужъ ишла?
— Не сама я замужъ ишла,
Отдаетъ мене милъ батюшка
За младова Васильюшку.

Чьи это кони со двора сорвалися
Напивши, наѣвши,
Овса покушавши,
И бояръ почествовавши?

д. Горбуновка.

Гонитъ мѣсяцъ за балакóю[1]),
Гонитъ отецъ за дочкóю:
«Постой, дочя, отдай ключи!
— Не гонись, батюшка, воротися—

[1]) За балакою—измѣнившееся за облакомъ.

Твои ключи всѣ нашлися.
Во святлицѣ, на скамьицѣ,
У меньшой сястрицы!

———

(тоже къ матушкѣ).

———

Подъѣзжаютъ къ церкви. Становятся поодаль, слѣзаютъ съ повозокъ:

с. Морева.

Пріѣхали подолнечки
Съ подолу [2]).
Привезли они свою игру
Съ собою.
Заставили дружичушку
По нѣмецкому играть,
Заставили раннюю сваху
По нѣмецкому скакать.
Не взумѣлъ же дружилушка
По нѣмецкому играть;
Не взумѣла ранняя сваха
По нѣмецкому скакать.
Пріѣхали подолнечки
Съ подолу,
Привезли они свою игру
Съ собою.
Заставили Васильюшку
По нѣмецкому играть,
Заставили Мáрѳушку
По нѣмецкому скакать.
И взумѣлъ Васильюшка
По нѣмецкому играть,
И взумѣла Марѳушка
По нѣмецкому скакать.

———

с. Морева.

Не стойте бояре,
Топчите мураву!
Промежъ бояръ сваха—
Гордая, спѣсивая.
Ступнечка не ступитъ,
И слова не промолвитъ.
Хотя жъ она ступитъ—
На атласъ, да на бархатъ.
Хотя слово молвитъ—
Не съ нами,—съ боярами,
Съ молодомыми дружками,

[2]) Подолъ—низкое мѣсто, близъ рѣки.

Съ своимъ краснымъ поѣздомъ,
Что съ раннею свахою.

———

с. Морева.

На рѣчкѣ, на Дунаю [1])
Лелемъ—ю!
Ранняя сваха чары мыла
Лелемъ—ю!
Полоскала, распускала,
Лелемъ—ю!
Распускавши, взмолвила:
«И плывите вы, мои чары
Лелемъ—ю!
«Вдоль по Дунаю.
Лелемъ—ю!
«Вдоль по Дунаю,
«Къ зеленому саду.
Лелемъ—ю!
«Къ Божьему суду,
«Ко вѣнчанью.
Лелемъ—ю!
«Ко вѣнчанью,
«Къ обручанью
Лелемъ—ю!
«Я за вами скоро буду,
«Скоро буду къ Божьему суду.
Лелемъ—ю!
«Я въ пятницу не поспѣла,
«А въ субботу не посмѣла
Лелемъ—ю!
«Въ воскресный день рано буду
«Къ Божьему суду, ко вѣчанью.
Лелемъ—ю!

———

с. Морева.

Гордая, спѣсивая свашенька
Да не знала, что съ гордостью дѣлать.
Затѣяла тары-бары боръ пахать
И успахала пашенушку журавлемъ,
И усѣяла чистое поле жемчугóмъ,
И увѣшала дубровушку атласомъ,
Помочила калиновый листъ перстнями,
Погатила утопкую гать конами.
Будетъ ѣхать Васильюшку съ поѣздóмъ:

[1]) Упоминая Дунай, Донъ, они разумѣютъ большую рѣку. На это указывалъ Костомаровъ въ Очеркахъ жизни Великорусскаго народа.

«Заяснися чистое поле жемчугомъ!
«Закрашися бубровушку атласомъ!
«Зазвените калиновы мосты перстнями!
«Загремите тонкія гати конами.

с. Морева.

Во ржи, во ржи,
Да по папоритѣ,
Перепелка кричитъ.
Да моломенькая,
Да хорошенькая!
Мечелъ[1]) перепелка,
А оно—свашенька,
А оно—ранняя!
Перевозъ проситъ:
«Первязи меня
«На ту сторону.
«Да на той сторонѣ
«По обычилось мнѣ.
«Пообычился мнѣ
«Дружилинъ шатеръ—
«Хорошо снаряженъ,
«Девяти верховъ,
«Десятая маковка.
Зеленая китайка
Безъ солнца сіяетъ.
Свякоръ батюшка
Безвинно журитъ,
Не знаю за что,
За какуя бѣду,
За провинность мою—
Провинилась ему.

с. Морева.

Черезъ рѣченьку тонка доска лежала.
По досточкѣ, ой, Мароушка гуляла
Смирненько.
На Васильюшку взирала.
Васильюшка оглянулся,
Усмѣхнулся.
«У кого-ся, охъ Мароушка хороша?
— Васильюшка, у меня матушка
Еще лучше.
Меня матушка въ пятницу родила.
А въ субботу въ пеленочки свивала
Въ воскрёсный день къ обѣдни носили.

Пріѣзжаетъ или приходитъ священникъ. Входятъ въ церковь, вѣнчаются. Послѣ вѣнца—молебенъ.

Выйдя изъ церкви, заходятъ въ сторожку. Сваха начинаетъ расплетать невѣстѣ косу «на чистую» (полностію). Два или три раза даетъ жениху расплесть. Женихъ говоритъ: «Господь благослови! и передаетъ ранней свахѣ. Она крестится, молится, заплетаетъ косу «на двое», надѣваетъ повойникъ и повязываетъ шелковымъ платкомъ. Сверхъ всего надѣвается бѣлая кисея, какъ у свахъ. Въ руки дается икона, которой благославляли.

Крестьяне д. Веретякиной приходомъ къ собору г. Дмитровска. Передъ тѣмъ, какъ садиться на повозки:

д. Веретякина.

Спасибо, спасибо
Соборному попу!
Двухъ вѣнчалъ,
Немножно взялъ.
Спасибо, спасибо!

Крестьяне д. Горбуновки приходомъ къ Казанской церкви г. Дмитровска.

д. Горбуновка.

Спасибо, спасибо
Горбуновскому попу!
Двухъ вѣнчалъ,
Немножко взялъ.
Спасибо, спасибо!

д. Морева.

Вылеталъ ясенъ соколъ
Съ подъ крыльца.
Выходилъ Васильюшка
Съ подъ вѣнца.
Выводилъ Мароушку
За ручку:
Съ муки—пеляницу
Съ дѣвки - молодицу.

д. Горбуновка.

У кого-ся такая Мароушка удалась?
По плечики вся въ золото увилась:
Кисточки, да монисточка
До пояса,

[1]) Мечелъ—думалъ.
[2]) Пообычилось—понравилось.

Шитая ширинипа
До земи.

—

Садятся на повозки ѣхать къ жениху.
Эй, ухъ! моя дубровушка!
Эй, ухъ! моя зеленая!
Чего ты рано зашумѣла?
— Не сама я зашумѣла,
Шумнули мною буйные вѣтры.
«Красная Мареушка!
«Чего рано замужъ пшла?
— Не сама я замужъ пшла,
Отдалъ мене милъ батюшка
За младого Васильюшку.

———

Передъ пріѣздомъ молодыхъ разводятъ на загнеткѣ [1]) огонь. Когда свадебный поѣздъ подъѣзжаетъ къ двору, женщина выбѣгаетъ изъ хаты, захвативъ на сковородкѣ горящихъ угольковъ, кладетъ у подворотни, и весь свадебный поѣздъ переѣзжаетъ черезъ этотъ горячій уголь.

Дѣлается это затѣмъ, чтобы оградить молодыхъ и весь красный поѣздъ отъ всякаго худа, отъ всякой порчи.

Подъѣзжая къ двору жениха.

д. Морева.

Охъ на дворѣ, дворѣ,
Дворѣ Васильевѣ,
Тамъ стоитъ столбецъ
То́ченый, позоло́ченный.
Зли того столба,
Зли точенаго,—
Тамъ золото́ кольцо,
Зли того кольца
Стоитъ конь потёнъ,
Стоитъ конь потенъ
Подъ шитымъ ковромъ,
Подъ шитымъ ковромъ,
Подъ зеленымъ сукномъ.

[1]) Загнетка, предпечье, куда сгребается жаръ.

Входятъ въ сѣнцы.

д. Морева.

Вышла, повытекла
Сударыня—матушка:
«Дитятко, Васильюшка!
«Съ чего у тебя конь потёнъ,
«Подъ шитымъ ковромъ,
«Подъ зеленымъ сукномъ?
— Сударыня—матушка!
Далеко́ конь былъ,
Тяжело конь везъ:
Золоту каретушку,
Золоту каретушку—
Маѳу Григорьевну.

Встрѣчаетъ молодыхъ въ сѣняхъ свекровь въ вывернутомъ полушубкѣ съ иконою и хлѣбомъ—солью.

д. Круглая.

Не далеко ѣздили,
А дородну привязли,
И гла́дка—что ла́вка,
И то́лста—что со́сна,
А бѣ́ла—что береза,
А кра́сна—что зорька;
А я́сна—что солнце!

———

Входя въ хату.

д. Морева.

Ой, на избѣ зилье [1]),
А въ избѣ веселье.
Свякоръ весялится,
Ждится да корыстушка,—
Молодая да невѣстушка.

*

Ой, на избѣ зилье,
А въ избѣ весилье,
Свякровья веселится,
Ждится да корыстушка
Молодая да невѣстушка.

———

Войдя въ хату, молятся Богу. Молодыхъ ставятъ за столъ. Чтобъ всѣ слышали, что невѣста не нѣма, можетъ подавать голосъ, дружко наливаетъ стаканъ водки, подноситъ жениху и спрашиваетъ: «Васильюшка, кому подносишь?

— Мареѣ Григорьевнѣ.

Дружко подаетъ стаканъ невѣстѣ, спрашиваетъ:

[1]) Зилье—трава.

«Ма́рѳушка, кому подносишь?
— Василію Митричу.

Подносся другъ другу, по немногу отпиваютъ. Вопросъ этотъ дружко повторяетъ 3 раза. Молодайка теперь отвѣчаетъ смѣлѣй. Тогда выкликаютъ свекра и свекровь поздравлять молодыхъ. Молодые стоятъ за столомъ. Свекоръ и свекровь пьютъ и говорятъ: «Горькя!» или «муха безъ муха!» или: «въ стаканѣ порошина въ полтора аршина!» Молодые кланяются и цѣлуются. Такимъ манеромъ подходитъ вся семья и поѣзжане.

д. Морева.

Лебеди, лебеди!
«А и гдѣ вы бывали?
«А что вы видали?
— Да, бывали, бывали
На синемъ озерѣ.
Да, видали, видали
Бѣлую лебедушку
Ма́рѳушку.
«А что вы не взяли?
— Да, хоть мы не взяли,
Мы ее назначали,
Свой знакъ наложили:
Крылья обломали,
Перья ощипали.

* * *

Да, бояре, дворяне!
«А и гдѣ вы бывали?
«А что вы видали?
«У Григорья на дворѣ?
— У Григорья на дворѣ
Красную, ой, Ма́рѳушка.
«А что вы не взяли?
— Мы ее назначали.
Мы ее назначали,
Свой знакъ положили:—
Косы расплетали,
На двое[1]) заплетали.

———

д. Морева.

Рябая перепелушка!
«А гдѣ день дневала?
— Да я день-то дневала
На городѣ, въ ометѣ.
Я ночь ночевать буду
Въ яровой соломѣ.

* * *

Красная, ой, Ма́рѳушка!
«А гдѣ день дневала?
«Гдѣ день дневала?
«Гдѣ ночь ночевать будешь?
— Я ночь ночевать буду
Да у лютаго свекора
И у лютаго свекора
И у лютой свякровьи.

———

Садятся за столъ.

с. Морево.

Охъ, моя лящиночка[2])
Чему была невеличка?
— Хоть я невеличка,
Да я лѣсу большаго.
О лѣсу большого.
Куста зеленóго,
Листа широкóго.
Охъ, наша, охъ, Ма́рѳушка!
«Чего была невеличенька?
— Хоть я невеличка,
Да я роду добраго,
Батюшки да богатаго,
Матушки досужей.

———

с. Морева.

Охъ, зоричка, да заря!
Наша Ма́рѳушка!
Обошла сталёнъ городъ тучёю,
И вдарила въ воротечки грозою,
И пустилася сильнымъ, дробнымъ
Дождичкомъ.
Подошла же она рѣчи́цею
Подъ терёмъ,
Увсходила да утёною
На терёмъ,
Садилася княгинею
За столомъ.
Вывѣдывала свекровой
Всей правды:
Да непой, непой некъли,
Лютъ свекóръ,
Не пропойникъ ли?
Не пропьетъ же онъ
Да меня, молоду,
На меду!

[1]) Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу. Женщины—въ двѣ косы.

[2]) Лѣсной орѣшникъ.

Не ночують ли свои дѣти
По людя́мъ?
Содержить ли челядушекъ
А въ домѣ?

Въ котлѣ, котлѣ—
Золотое донышко
А у Васильюшки—
Молодая женушка,
Свѣтъ Ма́рѳушка!

Ой, вы, люди, люди!
Курочка квыкчеть,
Пѣтушокъ воспѣваеть,
На насѣсточку съ курочкой
поспѣваетъ.

Ай вы, люди, слѣпы?
Ай, вамъ высадило?—
Марѳушка Васильюшкѣ
Бочекъ протолкала—
Въ клѣточку спать звала.

Собираются вести молодыхъ спать въ пуньку. Ведутъ дружокъ и ранняя сваха.

Сваха кладетъ на приготовленную постельку подстилку; на подстилку—перинку, 3 подушки; дружко усаживаетъ жениха на постель, а молодая снимаетъ ему сапогъ съ правой ноги. Въ сапогъ кладется какая нибудь монета, которая и достается молодой. Даютъ маленькое наставленье, дѣлаютъ доброе пожеланіе, затворяютъ дверь и уходятъ

Идя къ пунькѣ:

д. Горбуновка.

Вижу я, вижу,
Что вядутъ меня въ хату.
Рада я, рада,
Что велика громада
А насъ подманила,
Съ однимъ спать положила.

Орѣхова клѣтка
Цѣлованьемъ срублена!
Милымъ—миłованье!
Частое цѣлованье!

Выходя изъ пуньки:

Сусѣди, сусѣди!
Идите, поглядите!
Мы такъ не гуляли—
Молодыхъ спать поклали,
И съ честью, съ хвалою,
Съ пивомъ, и съ медомъ
Съ тёртыми калачами.

Собираются въ хату, продолжаютъ.

с. Морево.

По лугамъ, лугамъ вода ишла,
По подлужечью стежечка.
По стежечкѣ Ма́рѳушка ишла,
Съ луговою водою говорила:
«Водице моя, луговая!
«Отмыла мене отъ батюшки,
«Примыла мене къ свекору,
«Къ Васильеву батюшкѣ.

* * *

По лугамъ, лугамъ—вода ишла,
По подлужечью-стежечка.
По стежечкѣ Ма́рѳушка ишла,
Съ луговою водой говорила:
«Водица моя, луговая!
«Отмыла мене отъ матушки,
«Примыла мене къ свякровьѣ
«Къ Васильевой матушкѣ.

д. Трубичина.

Рано, рано, по зарѣ
Мы что, Ма́рѳушка, говорили:
«Да, не ходи ты, Марѳушка, по воды,
«На проруби два голубя «гули»
«Они тебя отъ батюшки отгули,
«И къ лютому свекору привяли.

(Тоже отъ матушки).

д. Трубичина.

Рано, рано, по зарѣ
Щевелили ластушки, соловьи,
Да по бережку цвѣтики расцвяли.
По цвѣтикамъ батюшка гуляеть:
«Да, гуляй, гуляй, батюшка, здорово;
«Свяди меня съ камушка бялова!
Охъ, у батюшки-то жалости немного
Не свеиъ меня съ камушка бялова.

* * *

Рано, рано, по зарѣ
Щевелили ластушки, соловьи.
Да по бережку цвѣти расцвяли.
По цвѣтикамъ Васильюшка гуляетъ.

«Да, гуляй, гуляй, Васильюшка, здорово,
Сведи меня съ камушка бялова!
А въ Васильюшкѣ-то жалости премного,
Онъ свелъ меня съ камушка бялово!

Скакальныя пѣсни

называются такъ потому, что подъ эти пѣсни пляшутъ, или, говоря ихъ языкомъ, скачутъ. Поются онѣ во время обѣда. Когда невѣстина родня обѣдаетъ, женихова поетъ и пляшетъ; потомъ женихова садится за обѣдъ, невѣстины поютъ и пляшутъ.

д. Веретякина.

А у слободкѣ, у въ маленькой
Жаръ, жаръ!
Мимо ѣхалъ да Васильюшка.
Охъ, Ма́рѳушка жаль, жаль!
Она вышла, выходила рано
За вороты,
Обронила, потеряла, кружевныя
Верботы [1]).
Ахъ, и всѣ мои миновались
Дѣвичьи хлопоты!
Обронила, потеряла съ рукъ
Золотъ перетень.
А и всѣ жъ мои миновались
Всѣ дѣвичьи пѣсни!
Обронила, потеряла—
Тобольныя иглы.
А всѣ жъ мои миновались
Всѣ дѣвичьи игры!

д. Веретякина.

На рѣчкѣ, на быстрой—
Тамъ новая пристань.
Дѣвка рубашки мыла,
Звонко колотила,
Часто полоскала,
Круто выжимала,
Да на бережку слала.
На высокомъ курганѣ
Молодой панъ гуляетъ.
Молодой панъ гуляетъ!
Да на ворономъ коню—
Сядло парчево́е,
Стремена золотыя,
Повода шелковы́я.
Да на пану рубашечка,
Да ни пану бѣла́я
Тонка́—льняная.
Да не матушка ткала,
Да не се́стрица пряла.
Шила, вышивала
Да купеческая дочка.
Подъ окномъ сѣдя,
Но святёлъ мѣсяцъ глѣдя.
То мѣсяцъ, то звѣздочки,
То красныя зори.
Зо́ри, ой, Марѳушка!
Зо́ри, ой, Григорьевна!
Мѣсяцъ, да Васильюшка!
Мѣсяцъ-да Митріевичъ!

с. Волконскъ.

За рѣчкою, за рѣкою,
За быстрою, за Волгою,
Заросъ мой ленъ весь правою,
Лопушистою лабодою.
Красныя дѣвушки ленъ пололи,
Бѣлыя ручушки кололи.
Одна дѣвушка не полола,
Бѣлыхъ ручушекъ не колола.
На съ молодцемъ простояла:
На немножечко простояла:
А всего же на три мѣсяца,
3 свѣтлые!
Первый мѣсяцъ свѣтлый, свѣтлый—
Василь, Василь Митріевичъ!
Другой мѣсяцъ свѣтлый, свѣтлый—
Василь, Василь Митріевичъ!
Третій мѣсяцъ свѣтлый, свѣтлый—
Василь, Василь Митріевичъ!
На немножко простояла,
А всего три зорюшка, три ясныя:
Первая зорюшка ясная, ясная—
Марѳа, Марѳа Григорьевна!
Другая зорюшка ясная, ясная—
Марѳа, Марѳа Григорьевна!
Третья зорюшка ясная, ясная—
Марѳа, Марѳа Григорьевна!

д. Веретякина.

Унывало, унывало
Матушкино сердце.
«За что оно унывало?
— Свое чадо провожало
А въ Цареву службу,
Въ Государеву нужду.
Бо́льшая сестра—
Коня выводила.
А середняя сестра—
Сядло выносила.
А меньшая сестра—
На коня садила.

---

[1]) Верботы—оборки нарукавахъ.

А жана моя, горемычная,
Жана моя несчастная—
После выходила—
На плеть выносила,
Про все распросила:
«Да, другъ мой, бѣленькій
«Да, голубчикъ бѣленькій
«Да, когда жъ ты къ намъ будешь
«Изъ Царёвой службы,
«Съ Государевой нужды?
—Когда на морѣ, морѣ,
Да бѣлый камень выйдеть,
Серяди моря станеть,
Ракитовый кустъ вырастеть,
Соловой гнядо совьеть,
Яичекъ нанесеть,
И дѣтокъ вывядеть,
На синее море пустить—
Тогда я къ вамъ буду.

д. Веретякина.

Молодой казаченка,
Да наѣздникъ лихой,
Собирался на битву —
Прощался съ сямьей.
На прощаньи сказалъ:
Съ жаной молодой,
При прощаньѣ сказалъ:
«Будь, жана, вярна!
Жена мужу отвѣчала:
«Да по гробъ жизни—никогда!

* * *

Три года казаченокъ
Бился со врагомъ.
Онъ, бивши, рубивши,
Сбирался домой.

* * *

При пути, при дорожкѣ—
Родитель ишёлъ:
«Здорово, родитель!
«Жива ли семья?
—Всѣ живы, здоровы,
Да бяда случилась.
Бяда небольшая:
Жана сына родила.
Сынъ слова не взмолвилъ,
Залился слязой.
Мать сына встрѣчала
Съ иконой святой.
Жана мужа встрѣчала
Съ горючей слязой.
Мать сына просила:
«Прости, сынъ, жану!
Тебя, мать, прощаю,
Да жану—никогда!

* * *

Выхватилъ свою легку саблю,
Съ своей легкой ножны,
Снялъ женѣ головку
Да по бѣлыя плечи.
Увскочилъ въ спальню:
Колыбелька виситъ,
Да малое дитё плачеть:
„Нѣту-ти матери,
„Отецъ—не родной!
„Остался малютка
„Совсѣмъ сиротой.

д. Веретякина.

А въ кустѣ, въ кустѣ калиновомъ,
А въ другомъ кустѣ малиновомъ,
Собирается добрый молодéцъ:
Да не холостъ, не женатъ,
Да бялой, кудроватъ.
Молодой женѣ приказываетъ:
„Молода жона, накорми коня изъ коробочки!
„Напой, ворона́, изъ вядёрочки!
Молода жена не послушаласв, понатурилась—
Повела коня на синее море.
Да синее море всколыхнулось,
Да бѣлая рыбушка встрепехнулась,
Молода боярыня испужалась:
„Какъ-то мнѣ быть?
„Какъ къ двору придтить?
„Какъ свекру сказать, свякры матушкѣ,
„Да милому ладушкѣ! (мужу).

д. Веретякина.

Возлѣ рѣчки, возлѣ гати,
Выростала трава-мята.
Пуховита, духовита,
Сладкой водочкой налита.
Красная дѣвушка, Кули́на,
Своихъ дѣлъ не утаила

И Ванюшу полюбила.
Къ огороду проводила,
Мимо саду зеляно́ва,
Мимо батюшки роднова:
„Мой батюшка на слуху спить,
„Моя матушка на повѣти,
„А я, молода, на привѣтѣ!

* * *

Заздучали, загрючали—
Знать Ванюшечку поймали,
Ручки, ножки поломали
Головушку проломили...
Въ чистое поле вывозили,
Подъ мяжою положили.
Дѣвки по́ лужку гуляли,
Это диво дивовали:
„Охъ, что жъ это за диво!
„Подъ мяжой лежитъ дѣтина.
„Подъ мяжой лежитъ дѣтина,
„Ой, Ванюша-сиротина!
„Онъ обувши, опрянувши *),
„Подпоясавши, у шапкѣ,
„На рукахъ яво перчатки
„Чтобы любили дѣвчатки.

д. Веретякина.

Подъ крыльцомъ дѣвки стояли,
Рукавомъ парню махали.
Не простому, холостому—
Ахвицеру молодому.
Ахвицеръ молодой!
Проводи меня домой,
До горенки до ново́й,
До широкихъ до воротъ,
До точеныхъ до верей.

* * *

Гляну, гляну, молода,
Вдоль по улицѣ конецъ—
Идётъ добрый молодецъ.
А въ рукахъ несетъ указъ,
Ни про дѣвокъ, ни про насъ.
Про солдатскихъ то́ женъ.
Какъ солдатскія-то жены
Многовольничаютъ,
Продовольничаютъ.
Растощейки, разношейки!
Растащили всѣ двора
И старушечьи крупы.

д. Веретякина.

Какъ за рѣчкою мужикъ.
Онъ не бѣденъ, не богатъ;
У яво нѣту ничаво:
Ни кола, ни двора,
Ни скотинки живота.
Только есть у яво
Одинъ сѣренькій котокъ—
Кучеревяненькій лобокъ.
Какъ повадился котокъ,
Черезъ рѣчку, на тотъ бокъ,
Ко солдатской, ко вдовѣ,
Ко маіоровой жанѣ,
По сметану, по творогъ.
Уловили кота
Посередь живота.
Какъ и били кота
А въ чятыре кнута,
А въ чятыре пляти:
„Да и вотъ, табе, котъ!
„И сметана, и творогъ!

д. Трубичина.

Супротивъ нашихъ воротъ
Разыграю хороводъ,
Супротивъ батюшкиныхъ.
Батюшка ко двору зоветъ,
Родненькій ко двору зоветъ.
Я не иду, нейду ко двору,
Я не слухаю батюшки,
И не боюся матушки.
„Государь, мой батюшка,
„Ты сострой мнѣ горницу
„Со стякломъ да на улицу,
„Со другимъ на синё море,
„Съ третьимъ на чисто́ поле.

д. Трубичиной.

Пошелъ Ванька да на улицу.
Онъ заигралъ а въ дудочку,
А въ дудочку, а въ калиновую:
„Ты поиграй, мой милый другъ!
„Позабавь меня, молоду!
„А у меня, молодешеньки,
„Старый мужъ, да не подъ ровню.
„Старъ, да на улицу не ходить,
„И меня, молоду, не пускаетъ.
„Хоть и пуститъ—пригрустить,

*) Опрянувши (одѣтъ).

„Самъ за мною вслѣдъ бѣгить:
—Воротись, моя женушка!
Воротись, моя барыня!
Ну, чего тобе надобно:
Либо рыбки-бѣлорыбицы?
А другой—севрюжинки?
„Мнѣ ничо́го не надобно,
„Только Ваньки съ балалайкой
„Да Микитки со скрипицей!

д. Трубичиной.

Другъ ты мой, другъ ты мой!
Да наливная ягода!
Сушилъ милый три года,
А я яво четыре.
Съ этой тоски, кручины,
Пойду, молода, въ тёмный лѣсъ
Сорву, молода, кленовъ листъ.
Напишу, молода, грамоту
По бѣлому бархату.
Пошлю эту грамоту
Въ Орелъ-городъ батюшкѣ:
„Сударикъ мой, батюшка!
„Да, вели жъ ты мнѣ поиграть,
„И шуточки пошутить!
—Играй, играй, дитятко,
Играй, мое милое!
Когда старость нападеть,
Игра на умъ не пойдеть,
За люлею сидючи
И малыхъ дѣтей качавши:
„Люли, люли, дитятко!
„Люли жъ, мое милое!
„У тебе нѣту-ти батюшки,
„А у мене—милаго дружка—
„Да Ванюши дружка!

д. Горбуновки.

Эй, ухъ! вы, бабочки,
Бабеночки мои!
Эй, ухъ! придите,
Посидите у мене!
Разсудите мое горе и печаль.
Почему этой бабёночки мнѣ жаль?
Жаль бабёночки, жаль молоденькой!
Она прежде полюбовницей была.
Вы скажите, кого любитъ безъ мене.
Она не́ любитъ—сподманиваеть.
Твоя краска въ моемъ лицу горить
И по тебѣ, милой, сердечушко щемить.
Охъ, щемить, болить, побаливаеть.
Засталáся въ новой горенкѣ одна.
Какъ я выйду за новы́я ворота?
Стану, гляну—вдоль по улицѣ мятель.
Вдоль по улицѣ мятелица мятеть,
За мятелицей Колпаница*) идеть,
Подъ полою разну музыку несеть.
Я заставлю разну музыку играть,
Сама пойду безотвѣтно танцовать.
Танцовала-приговаривала,
Чеботами приколачивала.
„Охъ вы, бѣлицы, румяницы мои!
„Дорогія, некупленыя,
„На бѣло́ лицо напудреныя!

д. Круглой.

А у насъ на улицѣ Ямской, Ямской,
Тамъ ѣхалъ бурмистръ молодой.
Подъ бурмистромъ конь вороной.
Лошадь-конь спотыкается,
Красная дѣвушка усмѣхается.
„Ты не смѣйся, красна дѣвица, душа!
„Насмѣю тае отъ смѣшки у глаза.
„Напою дѣвку пьяне́шенькю.
„Я пьяне́шенькю, хмяльне́шенькю.
„И положу дѣвку за бочку спать.
„Прикажу я молодымъ чумачкамъ:
„Вы, чумачки молоденькіе!
„Караульте полюбовницу мою.
„Когда спитъ—не будитя ее,
„А проснеться—похмѣлитя ее,
„И до двора проводитя ее.
„Чтобы дѣвка не шаталась,
„Чтобы люди не смѣялись,
„Отцу, матери не сказывали
„Роду, племени не объявливали,
„Какъ дознается мать и отецъ,
„Разобьеть намъ гульбы конецъ!

д. Круглая.

Ахъ, Ванька, разудалая голова:
Меня мать породила,
Малолѣтнимъ жанила.
Жена мужа не взлюбила,
Съ кроватушки повалила,
Ручку съ ногами сломила.

*) Колпаница—которая всѣмъ кружитъ головы.

Стала маменька жалѣть,
Стала ноженьки лячить.
„Чѣмъ мнѣ ноженьки лячить?
„Либо ярою мукою,
„Или сальною свѣчою?
Не лячи меня, мать родная,
Не жалѣй же ты мене;
Ручки, ножки не полегчають.

д. Круглая.

Болитъ больно головушка,
Чуеть, ноеть сердечушко,
Что немножко мнѣ жить
Съ милымъ дружкомъ.
Что и скорому быть
Проважаньицу,
Да и дальнему
Разставаньицу.
Провожала я дружка,
Я далёко, далекó, я до города.
А съ города до самой Москвѣ.
Серяди Москвѣ становились.
Всѣ московскіе купцы сдивовались.
„Да и кто это, съ кѣмъ распрощается?
„Не но мужъ-ли съ жаной?
„Или братецъ съ сястрой?
„Или милъ другъ съ любезной?

После ужина народъ расходится по домамъ.

На другой день, ранняя сваха идетъ поднимать молодыхъ. Отворяетъ дверь, говоря: „Ну, дѣтки! живы, здоровы! такъ одѣвайтесь, умывайтесь, идите въ хату, молитесь Богу. Выходя:
Сусѣди, сусѣди!
Идите, глядите—
Мы такъ не гуляли,
Молодыхъ поднимали,
И съ честью, съ хвалою,
Со всею роднею.

с. Волконскъ.

На улицѣ мятель мятеть,
Къ Иванушкѣ народъ идеть
Молодыхъ глядѣть.
Съ кажной думки по полушкѣ,
Съ кажной дѣвушки по денюшкѣ.
Барыня барина содирала—
Полтину денегъ дала.

Всѣ родные и гости собираются продолжать пиръ.

с. Волконскъ.

Гули, гули, мои голуби!
Лятитя въ мою сторону,
Скажите моему батюшкѣ
Челобитьице.

Что я, млада, завоевана,
Обапола *) темной ночи.
Съ вечера была дявицею,
Съ полуночи молодицею,
Къ бѣлу свѣту да невѣсткою.

с. Морева.

По пригорью бѣлъ заюшка
Туился.
Ѣздилъ Васильюшка по городу
Хвалился.
Я теперь, князе, бояре,
Женился,
Взялъ за себя молодую княгиню,
Охъ, княгиню молодую—
Ма́рѳушку!

с. Морево.

Свякровья радуется:

Охъ, на дворѣ мятель
Перепархиваеть,
Васильева матушка
Подскакиваеть.
„Охъ, радость моя!
„Да невѣстка у меня!
Пойду въ терёмъ—
Да теремъ вытоплёнъ,
Теремъ вытоплёнъ,
А еще выметёнъ.
Гляну въ ведерцы—
Водицы полны́;
Гляну на крючки—
Висятъ рушнички.

*) Обапола—въ данномъ случаѣ раньше, или около.

Пришла весна,
Напряла краснá *).
Есть съ кѣмъ собирать!
Пришло лѣто,
Зародило жито—
Есть съ кѣмъ жито жать!

———

д. Горбуновка.

А всходила тучá громовая,
Высыпала крупа золотая.
Взраднулася Васильева матушка.
„Есть съ кѣмъ у меня
„Крупу подбирать!
„Пришла вясна,
„Напряла краснá—
„Есть съ кѣмъ собирать!
„Пришло лѣто,
„Зародило жито—
„Есть съ кѣмъ жито жать!
„Глянула назадъ,
„Снопы лежать—
„Есть съ кѣмъ собирать!

———

д. Горбуновка.

Жалоба матери.

А всходила тучá громовая,
Высыпала крупа золотая.
Остужилась, взгородилась
Мáроушкина матушка:
„Не съ кѣмъ мнѣ
„Крупу подбирать!
„Пришла вясна,
„Напряла краснá—
„Не съ кѣмъ собирать!
„Пришло лѣто,
„Зародило жито—
„Не съ кѣмъ жито жать!

———

с. Морево.

Охъ, Мáроушка да на батюшку
Съ жалобой:
Да не жалостливъ мой батюшка
До мене!
„Засталися мои цвѣтики
Всѣ въ тебѣ.

*) *Краснá—деревенскій холстъ.*

„Увставай, мой батюшка, раненько,
„Поливай мои цвѣтики частенько,
„Утренними да вечерними зарями,
„Послѣ того да горючими слезами.
„Прикрывай, мой батюшка, камкóю *),
„Посля того печалію, тоскою.

———

(Тоже къ матушкѣ).

д. Горбуновка.

На дубу голубокъ погуркивалъ.
Мáроушка батюшку оплакивала,
Мáроушка батюшкѣ наказывала:
„Сударикъ мой, батюшка!
„Прибудь ты ко мнѣ,
„Отвѣдай *) мене,
„На чужой сторонѣ,
„У чужова батюшки.
„Чужой батюшка
„Безвинно журитъ,
„Не знаю за что,
„За какуя бяду.
„За какуя бяду?
„За провиность мою?

———

Пріѣзжаютъ мать и отецъ молодайки съ дарами.

Прилетѣли двѣ ластушки
Съ крылами.
Пріѣхали двѣ свашеньки
Съ дарами,
Съ шитыми, шолкóвыми
платками.

———

Собираютъ народъ. Вводятъ молодыхъ въ хату, ставятъ около стола. Входятъ свекровъ со свекоромъ. Молодая даритъ свекрови шаль; свекру—рушникъ. Они кладутъ на тарелку деньги.

Когда дарятъ свекора.

с. Морево.

Не гнѣвайся, да мой батюшка,
На долгіе дары.

*) Камкá—шелковая матерія.
*) Отвѣдать употреблено въ смыслѣ провѣдать.

У мене мать стара,
Сестра мала,
А я, молоде́нька,
Не умѣючи пряла,
Не знаючи ткала
И все лѣто бялила.
Пришла негодина—
Часомъ раздарила.
Я свекру—платокъ
Съ одинъ локотокъ;
Свекры—полотенце,
По пятамъ волокется
Деверьямъ по платочку,
Невѣсткамъ—ширинки,
А заловкамъ по лендѣ.

Когда, по бѣдности, даровъ нѣтъ.

с. Морева.

Ма́рѳушка козловъ стережала,
Григорьевна даровъ не напряла.
Не шуркайте [1]), не гашаркайте [2])
За нею.
Охъ, за нею, да за залетной пташечкой,
Да, нехай она у насъ хорошенько привыкнетъ.

Потомъ задариваетъ всю родню: кому — платочекъ, кому — ширинку, кому — ленту. Кто платитъ деньги, кто приноситъ птицу, кто что, и благодарятъ.

Честны́, хвальны́ зелены луга
Травами!
Честна, хвальна наша Ма́рѳушка
Дарами!

с. Морева.

Гули, гули, пчелы
Къ улью припадали.
Плакала Ма́рѳушка,
Къ сундуку припадала:
„Да я зиму пряла,
„Да недѣли ткала,
„Все лѣто бялила.
„Пришла негодина
„Вѣсь міръ пердарила.

---

[1]) Шуркать—нападать, корить.
[2]) *Гашаркать*—то же значеніе, но *употреблено для усиленія*.

д. Горбуновка.

Въ этой пѣснѣ одновременно упомянуты, Донъ, Дунай. Дунай понадобился для сохраненія размѣра стиха. Какъ Донъ, такъ и Дунай—для указанія большой рѣки вообще, какъ указано въ очеркахъ жизни Великорусскаго народа Костомарова.

Возлѣ Дону, калинова вѣтка стояла,
Стежечка лежала.
По стежечкѣ Ма́рѳушка гуляла,
Калинову вѣтку ломала,
На Дунай-рѣку бросала:
„Тонетъ ли калинова вѣтка
На водѣ?
„Тужитъ ли мой батюшка
Обо мнѣ?
„Вотъ не тонетъ калинова вѣтка
На водѣ!
„Не тужитъ мой батюшка
Обо мнѣ!

(Тоже къ матушкѣ).

Послѣ раздачи даровъ, собираютъ княжой столъ. Это обѣдъ тестя и тещи, которые поятъ и кормятъ міръ, т. е. всю собравшуюся родню и гостей. За столомъ сидитъ молодаго родня; молодайкина въ это время поетъ пѣсни и пляшетъ.

Когда этотъ обѣдъ оконченъ, собираютъ вновь молодаго обѣдъ. Тогда за столъ садится родня молодайки, а родня молодаго поетъ и пляшетъ.

Молодые за этими обѣдами не сидятъ. Ихъ отводятъ отдѣльно въ пуньку и подаютъ, что́ получше.

Когда оба эти обѣда кончатся, вводятъ малодыхъ въ хату — Богу молиться. Сваты и гости „бьютъ горшки“. Хозяйка старается заблаговременно прибрать подъ замокъ, что́ получше, а то ничего не оставятъ, все побьютъ.

Побивши горшки идутъ „воду выливать“.

Садясь за обѣдъ.

с. Морево.

Столы мои, столочки!
Гости мои, гостечки!
Какъ мы съ вами сойдемся,
Горѣлочки напьемся!

д. Любощь.

У нашего свата
Веселая хата.
Весь кутъ играетъ,
Свата забавляетъ:
А утки—въ дудки,
А гуси—въ гусли,
А овцы—въ донцы,
А коровы—въ треноги,
Бараны—въ органы
Козлы—въ барабаны
А гдѣ куры—дуры?
Не умѣютъ играти,
Свата забавляти.

Если дружко подноситъ мало водки, начинаютъ корить его и раннюю сваху.

с. Морево.

На дворѣ склизко,
У воротъ мокро.
Вотъ диво!
Еще диво, впередъ диво будетъ!

* * *

Дружилушка съ коня упалъ!
Съ коня упалъ—кожухъ порвалъ!
Вотъ диво! изъ дивъ диво!
И впередъ диво будетъ,
Кожухъ порвалъ!

* * *

Что не взмолвилась ранняя сваха:
„Охъ, не тужи, дружилушка!
Вотъ диво!
„Свиней побьешь—кожухъ сошьешь.

———

с. Морево.

Дѣвки дружка били,
Въ подполье садили,
Въ подполье садили,
Ступой наложили.

———

с. Морево.

У нашего дружка
Перемѣнное платье:
То куль, то рогожа,
То бабья панева!

* * *

У нашего дружка
Свита лыкомъ шита,
Лыкомъ шита,
Соломой набита.

———

с. Морево.

Не сама сваха пляшетъ—
Вошь подъѣдаетъ!

———

Дружко подноситъ водки.
Начинаютъ хвалить.

с. Морево.

Хорошъ нашъ дружило!
Виномъ напоило.
Виномъ, медомъ напоило,
Гостей похвалило.

———

У нашего дружилы,
У нашего дружка
Составленъ терёмъ.
Онъ весь побѣлёнъ,
Столы постáвлены,
Скóмья приготовлены:
И съ честью, и съ славою,
Съ своимъ краснымъ поѣздомъ,
Съ молодымъ дружилою,
Со раннею свахою.

———

„Выливать воду“ выходятъ изъ хаты въ такомъ порядкѣ:
1. Дружокъ—съ кочергою.
2. Подружья—съ емками.
3. Дядька—съ помеломъ.
4. Одинъ изъ поѣзжанъ наряжается въ бабій нарядъ (или наоборотъ), садится верхомъ на лошадь и ѣдетъ къ колодцу; за нимъ ранняя сваха.

Ранняя сваха беретъ ведра коромыслами на плечо.

Коромысло обвязываетъ рушникомъ.

Рядомъ съ ранней свахой идетъ молодайка и ея родня. Рянняя сваха, молодайка и ея родня идутъ „невесело“, „пріятненькія“. Молодайка „не смигнетъ“, идетъ „угорюнивши“. Родня со стороны жениха и весь поѣздъ веселы, идутъ и пляшутъ.

Передъ выходомъ изъ хаты.

д. Круглая.

Не жалостливъ мой батюшка
До мене.
Отдалъ мене, младешеньку,
Отъ сее.
Ничо́ю жъ я на чужбинушкѣ
Да не знаю!
—А я жъ тее, мое дитятко, поучаю:
„Будешь ты идить рано воды́,
„Будеть стоять стариковъ караводъ.
„Ты, мое дитятко, подойди-ка
Тихохонькя,
„Ты покло́нися
Низёхонькя:
„Оны скажутъ: „вумное, да разумное
Дитятко!
„Вумнаго да разумнаго батюшки,
„Вумной да разумной матушки.

——

д. Горбуновка.

„Умное, да разумное дитятко!
„Пойди жъ ты, мое дитятко,
„А въ скляни́цу, по водицу.
„Будеть стоять стариковъ полчокъ.
„Подойди ты, мое дитятко, близенько,
„Покло́нися, мое дитятко, низенько.
„А люди скажуть, что ученое дитятко
„Умнаго да разумнаго батюшки,
„Умненькой да разумненькой матушки.

——

Вышли.

д. Горбуновка.

Наша молодица
Пошла по водицу—
Съ новыми ведрами,
Съ толстыми бёдрами,
Съ шитыми платна́ми [1]).

——

[1]) *Платна—рушники.*

Когда сваха зачерпнетъ воды, у нея вырываютъ ведро и обливаютъ народъ.

Сусѣди, сусѣди!
Приблизьтеся что-ли!
Ититя что-ли!

Народъ воды не даетъ, требуетъ водки. Дружко подноситъ.

Въ другой разъ зачерпываютъ, опять разливаютъ.

Въ третій разъ одно ведро выливаютъ подъ пятникъ [1]), а другое несутъ „къ двору“. Несетъ ранняя сваха. Не доходя немного, передаетъ молодайкѣ. Она вноситъ въ хату, становитъ ведро на столъ.

Молодая свякровья
Семь дёнъ не умывалась,
По загрядью [2]) валялась,
Воды дожидалась.

Молодайка черпаетъ по кружкѣ и подаетъ поочередно.

Кто прихлебнетъ, даетъ деньги, по 1 к. и по 2.

Набирается около рубля. Это составляетъ собственность молодайки.

Нѣкоторые, ради шутки, вмѣсто денегъ бросаютъ черепки. Это вызываетъ общій смѣхъ.

Охъ, ца броду, броду́,
Пилъ сивый конь воду́.
Онъ пьетъ, выпиваетъ,
Копытами выбиваетъ,
Хвостомъ выметаетъ;
На гору взбѣгаетъ,
На повода наступаетъ.
Повода шелко́вые,
Груздиля [3]) желѣзны!
Васильевъ батюшка коня похваляетъ:
О, чтобъ тобе, коня, пилось, ѣлось,
И бодро бѣгалось!
Привезъ ты мнѣ, коня,
Гостя дорогова:
Въ полѣ работницу.
Въ полѣ—работницу
Въ домѣ—куковницу [4]),
Гостямъ—привѣтницу.

* * *

[1]) Пятникъ—мѣсто гдѣ отворяются ворота, или, какъ они говорятъ, «открута́ются».

[2]) Загрядье—дома на краю верха русской печи, въ видѣ порожка, за который хватаются рукой, влезая на печь.

[3]) Груздиля—удила на конской уздѣ.

[4]) Куковница—хозяйка.

Охъ, на броду́, броду́
Пилъ сивой конь воду́.
Онъ пьетъ, выпиваетъ,
Копытами выбиваетъ,
Хвостомъ выметаетъ
На гору взбѣгаетъ
На повода наступаетъ
Повода шелко́вые,
Груздиля желѣзныя!
Мареинъ батюшка коня проклинаетъ.
„О, чтобъ тобе, ко́ня,
„Не пилось, не ѣлось,
„И не бодро бѣгалось!
„Отвезъ ты мнѣ, ко́ня,
„Гостя дорогова:
„Въ полѣ—работницу,
„Въ домѣ—куковницу
„Гостямъ—привѣтницу.

———

Опять садятся за столъ. На столъ ставятъ пироги, жареное. Всѣхъ обносятъ. Подносятъ водку:

д. Веретякина.

„Кто ся у насъ умная головка?
—Умная головка—Васильюшка
Митріевичъ!
„Обернись ко мнѣ лицомъ,—
„Вотъ тее чарочка съ винцомъ!

* * *

„Кто ся у насъ умная головка?
—Умная головка—Ма́реушка
Григорьевна!
„Обернись ко мнѣ лицомъ,—
„Вотъ тее чарочка съ винцомъ!

———

д. Веретякина.

Чарочка моя, расписанная!
„Кому чару пить—
„Тому здраву быть.
—Пити чару Ма́реушкѣ.
„Да ты выпей, умница,
„Ты выкушай, разумница.
„На здоровье, Мареушка!
„На здоровье, Григорьевна!
„Отъ бережка до донушка,
„Чтобъ не болѣла головушка.
„Наши чары золотыя,
„Пивовары молодые,
„Пиво сыченое,
„Наливчатое.

———

д. Веретякина.

Въ лугахъ, въ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ—
Тамъ стоитъ дубокъ
Зеленешенькій,
Веселешенькій!
Ой, на дубчику
Два голубчика.
Они цѣлуются
И милуются;
Правымъ крылышкомъ
Обнимаются.
„Свѣтъ, голубушка!
„Да, свѣтъ, бѣлая!
„Я хочу тебя,
„Свѣтъ, покинути.
„Я хочу лятѣть
„У чисто поле:
„Пошаницу клевать,
„Куко́ль выбирать.
„Принесу тобе
„Да два зернушка:
„Пошаничное,
„Куколичное.

* * *

Ай, у теремъ, а въ висо́комъ,
Тамъ сидитъ Василій Митревичъ,
Со Мареою, со Григорьевною.
Они цѣлуются и милуются,
Правой ручкою обнимаются,
Шалковымъ платочкомъ утираются.
„Свѣтъ Ма́реушка!
„Свѣтъ Григорьевна!
„Я хочу тебе, свѣтъ, покинути.
„Я хочу ѣха́ть во Китай—городъ,
„Торго́мъ торговать,
„Шолки́ закупать.
„Коверъ выпивать,
„Коня одѣвать:
„Коня сиваго, сивогриваго,
„Бѣлокопытаго!

———

д. Круглая.

Луги ль мои зеленые!
Всѣ ли мои луги сукрашены

И тра́вами и муравами,
И земчужными ро́сами?
Всѣ ль мои гости вобратые,
Вобратые, собратые,
Вобратые, собратые вчествованы?
Хлѣбомъ-солью укормлены?
Зеляны́мъ виномъ упоены?

———

Когда все покушали.

Сваточки, сваточки!
Прошу васъ не гнѣваться,
Какова хлѣбъ-соль была.

Молятся Богу, выходятъ изъ за стола.

Сѣли сваты, сѣли,
Всего быка съѣли—
Съ рогами, съ ногами,
Со всей головою.
Да, побойтесь Бога!
Не съѣшьте друговъ!

———

Посыплю горошку,
Укажу сватамъ дорошку!

* * *

А еще не пора.
Свашенька добра,
Велитъ ночевать,
Омѣтъ начинать.
Посѣю я ленъ, ленъ,
Пора гостямъ вонъ, вонъ!
На что было звати,
Коли вонъ высылати!

Сваты уходятъ, ихъ провожаютъ:

Въ огородѣ яблонь расцвѣтаетъ,
Васильюшко сватовъ провожаетъ
И съ честью, съ хвалою,
Со всею роднею.
Съ пивомъ, съ медами
И съ мягкими калачами.

———

На прощанье всѣ перецѣлуются и уходятъ.

Накрываютъ семейскій обѣдъ или ужинъ, какъ придется по времени.

———

Черезъ нѣсколько дней молодайка „ѣдетъ въ отво́ды" къ матери. Тамъ ей даютъ для пряжи донце, гребень, самопрядку и сундукъ съ ея добро́мъ.

Кукушки.

Подъ Троицынъ день, съ вечера, плетутъ вѣнки изъ листьевъ подорѣшника, а въ Троицынъ день всѣ, начиная съ дѣтей и, кончая сѣдыми стариками, всѣ надѣваютъ эти вѣночки на головы: мущины сверхъ картузовъ, по околышу, а женщины сверхъ повойниковъ и идутъ такъ къ обѣднѣ.

Въ Троицынъ же день, желающіе вить вѣнки и крестить кукушекъ, собираются въ хату къ какой-нибудь вдовѣ, дѣлаютъ складчину: скидываются по 10 коп. на водку; каждая должна принесть по 5 яицъ, кусокъ мяса, вятловку (маленькую чашечку) крупъ, сальца. Кромѣ того, каждая должна принесть охапочку хвороста.

На Духовъ день, когда всѣ собрались къ вдовѣ, садятся въ кружокъ, берутъ сковороду, поджариваютъ сальца, варитъ яичницу, и отдѣльно въ махоточкѣ кашицу.

Когда все готово—пьютъ водку, закусываютъ и идутъ хороводомъ на лужокъ, подъ ракитку.—Тамъ, изъ вѣтокъ ракитки плетутъ вѣнки и вѣшаютъ на нихъ кресты, или платки, или ленты.

Двое (парень-ли съ дѣвушкой, дѣвушка-ли съ дѣвушкой—это безразлично) берутъ вѣнокъ въ руки, становятся другъ противъ друга и поютъ:

д. Веретякина.

Благослови Троица
Намъ въ лѣсъ пойтить,
Намъ вянки завить.
Ты, кукушечка ряба,
Да кому-жъ ты кума,
Да еще кумушка,
Да еще голубушка?

поютъ и черезъ вѣнокъ цѣлуются. Это называется «покумиться». При этомъ мѣняются или крестами, или платками, или лентами.

д. Горбуновка.

„Кукушечка ряба!
„Кому жъ ты кума?
„Кому жъ ты душа?
—Я—кума Марьюшкѣ,
Я—душа Марьюшкѣ
Ой, лели!
Я—кумушка,
Подруженька вамъ,
Пойдемъ въ лѣсъ
Вяночки вить
На свою головушку
На свою гряливую [1]).
Лелемъ я!

д. Горбуновка.

Марьюшка!
Пойдемъ вянки завивать.
Поло́тной [2]) кружила
По миломъ тужила:
„Свѣтъ мой, миленькій,
„Голубчикъ бѣленькій!
„Какъ намъ быти?
„Кого любити?
„Поѣхалъ мой милый
„А въ торгъ торговать
„Съ молодыми людями
„Съ прежними друзьями.

д. Веретякина.

Подъ лѣсомъ, подъ лѣсомъ,
Подъ темнымъ, зеленымъ.
Тамъ наши ребята
Паше́ньки пахали—
Въ четыре сошонки,
Пятая боронка,
Шестая простая
И та не гуляла—
Бѣлъ лёнъ разсѣвала,
Приговоръ приговаривала:
„Расти, мой ляночекъ!
„И тонокъ и дологъ,
„И бѣлъ, что ковыла,
„И крѣпка, что жила.
Сталъ ленъ выростать,
А я горевать:
„Съ кѣмъ мнѣ бѣлъ ленъ брать?
Золотое коренье?
А свекоръ-то скажетъ:
—Да, невѣстка, невѣстка!
Сноха молодая!
Пойдемъ лянокъ брать,
Ковыль выстилать.
„Ой, чортова брача [1]),
„Подъ мяжою лежа
„Лихорадка дережа!
„А вдаритъ,—подыметъ
„Объ сырую землю,
„Объ желтые пяски,
„Не давай молодкѣ тоски!

д. Веретякина.

Подъ дубцомъ сѣдила дѣвка
Съ молодцомъ,
Накинувши рукава.
Какъ на молодцу калтанъ
Зеленѣется,
Какъ на дѣвушкѣ рубашечка
Бѣлѣется.
Съ чаво су́ха, съ чаво вяла
Подкошённая трава?
Съ чаво пьяна, весела
То Васюткина жана?
Василій, господчикъ!
„Не бей меня въ бѣлый день,
„Не смяши добрыхъ людей.
„Прибей меня въ ночи́
„При лучинѣ, при свячи́,
„При семеюшкѣ своей,
„Что при матушкѣ родней.

д. Веретякина.

Не гуркой, мой сизенькій горкунокъ,
Не давай тоски, печали
Моему животу,
Да моимъ яснымъ очамъ.
Мои ясны вочи
Не даютъ спокой но́чи
Съ милымъ дружкомъ гулять.
Я со горя, со тоски
Пойду въ чистое поле,
Я раскину бѣлъ шатеръ

[1]) Гряливая—охотница до улицы, шутливая.
[2]) Поло́тно—бумажная или льняная ткань.

[1]) Брача—по Далю скрипка. Вѣроятно свекоръ долженъ говорить тоненькимъ, вкрадчивымъ голосомъ, на подобіе скрипки.

При дорожкѣ при большой,
При широкой, столбовой.
Какъ по тэй-то, по дорожкѣ
Добрый молодецъ ишёлъ,
Добрый холостой ишелъ:
„Охъ ты, мо́лодецъ, молодчина!
„Заѣзжай ко мнѣ ты въ гости.
„Я въ головушкѣ поищу,
„Черныя кудри расчяшу!
Я искать не наискала,
Добра молодца приспала
На своихъ бѣлыхъ рукахъ,
На кисейныхъ рукавахъ.
Какъ заставила дявица
Мо́лодца пѣшаго ходить,
Въ рукахъ тросточку носить—
Трость серебряную, подзолоченую.
Какъ и люди косить,
А онъ трости носить,
Какъ и люди пахать,
А онъ тростью махать.

д. Горбуновка.

Послѣднiй часъ разлуки
Съ тобою, мой милой!
Я вижу, кромѣ скуки,
Ни втѣхи никакой.
Одна была утѣха—
Милъ плакать не велѣлъ.
Ходила-бъ я въ садочку,
Гуляла-бъ въ зеляномъ,
Искала-бъ я слядочка,
Гдѣ милъ гулялъ со мной.
Садилась подъ кусточкомъ,
На мягкую траву.
Сидятъ два голубочка
На яблонкѣ въ саду.
Одна изъ нихъ порхнула
На бѣлу грудь мою.
А я, молоденька, всплакнула
По миломъ, по своемъ.
А гдѣ-жъ моя отрада,
Мой миленькiй дружокъ
Сережа—пастушекъ?
Ходилъ Сережа по круту беряжочку
Сыграй, Сережа,— серебряный
рожокъ!

д. Горбуновка.

Прощай жисть, моя ты радость!
Тебѣ больше милой не видать!
Буду я помнить твои взоры,
Твой веселый, милый разговоръ.
Темная ноченька... мене не спится,
Самъ я не знаю, мальчикъ почему?
Красная дѣвушка мене сказала:
„За мной, мальчикъ, не гонись!
„Если погониться, мальчикъ, за
мною,
„То потеряешь свой спокой!
Слышу я, вижу... майскiй день прекрасный
Шли мы купаться, мы съ тобой.
Шли купаться, прогуляться
По зелененькимъ да лужкамъ.
Мы садились на лужочку,
На шелко́вой на травѣ,
Вдругъ да случилась на морѣ нягода
Сбила милаго волной.
Намъ давно съ тобой было растаться,
Тее жъ больше милой не видать.

Весь вечеръ Духова дня онѣ проводятъ въ ближайшемъ лѣсу: играютъ въ прятки, въ жмурки, грызутъ подсолнухи, веселятся.

Потомъ бросаютъ вѣнки въ рѣку. Если вѣнокъ бросаетъ дѣвушка и онъ не потонетъ, значитъ она выйдетъ замужъ въ этомъ году; если потонетъ—умретъ.

Навеселившись вволю, по домамъ расходятся ночью.

Пословицы, поговорки, крылатыя слова, примѣты и повѣрья, собранныя въ слободѣ Сагунахъ, Острогожскаго уѣзда.

Въ видѣ предисловія по поводу собранныхъ мною пословицъ, поговорокъ, крылатыхъ словъ и примѣтъ считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ.

Толчкомъ къ собиранію ихъ послужилъ трудъ А. С. Ермолова «Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ», въ предисловіи къ которому авторомъ было выражено приглашеніе—продолжать собирать подобнаго рода матерьялъ. Это приглашеніе меня, какъ деревенскаго обывателя и завѣдывающаго въ то же время народными публичными чтеніями въ деревнѣ, заинтересовало и обратило мое вниманіе въ эту сторону.

Въ результатѣ получился предлагаемый матерьялъ. Онъ собирался исподволь и, по мѣрѣ накопленія, отсылался А. С. Ермолову для использованія имъ въ его цѣляхъ. По миновеніи въ немъ надобности, А. С. Ермоловъ возвратилъ мнѣ его обратно и, въ виду того, что имъ не весь матерьялъ использованъ для его работы и въ то же время представляетъ извѣстный интересъ, онъ выразилъ при этомъ сожалѣніе, если «этотъ матерьялъ останется подъ спудомъ». Это побудило меня приготовить къ печати находящійся въ моемъ распоряженіи матерьялъ. Для этой цѣли я далъ ему нѣкоторую группировку. Эта послѣдняя не представляетъ собою строго проведенный планъ. Рубрики, мною установленныя, исключительно назначены для удобства и облегченія эксплуатаціи этого матеріала. Въ силу этого, въ особыя рубрики «Луна» и «Дни недѣли» я выдѣлилъ примѣты, характеризующія по понятіямъ народа, вліяніе луны и о счастливыхъ и несчастливыхъ дняхъ. Я не постѣснялся при этомъ повторностью ихъ или заимствованіемъ ихъ изъ другихъ рубрикъ, такъ какъ лунѣ и днямъ недѣли придается народомъ громадное значеніе въ житейскомъ обиходѣ. Это замѣтно даже на моемъ небольшомъ сборникѣ поговорокъ и примѣтъ, заимствованныхъ изъ раіона малаго масштаба. Я полагаю, подобный пріемъ, безъ ущерба для дѣла, лишь облегчаетъ пользованіе матерьяломъ.

Собираніе этого матерьяла производилось главнымъ образомъ на мѣстѣ, въ слободѣ Сагунахъ, Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда и, помимо меня, чрезъ народныхъ учительницъ и грамотныхъ крестьянъ слободы Сагуновъ.

Острогожскій уѣздъ населенъ по преимуществу малороссами. Великороссы встрѣчаются въ уѣздѣ лишь оазисами и потому не представляютъ господствующій элементъ въ данной мѣстности. Къ сожалѣнію, я не располагаю по данному вопросу новѣйшими статистическими данными и потому не могу выразить ни въ абсолютныхъ, ни въ процентныхъ отношеніяхъ группировку этихъ двухъ народностей, а старыми данными нѣтъ никакого резона пользоваться по ихъ устарѣлости.

Малороссы говорятъ на «хохлацкомъ языкѣ» съ особымъ оттѣнкомъ. Этотъ оттѣнокъ, подъ вліяніемъ школы и книги, постепенно ослабѣваетъ, вѣрнѣе—растворяется въ общерусскомъ говорѣ. У крестьянъ-хохловъ нашей мѣстности, въ силу этого вліянія, слишкомъ замѣтно подражаніе въ своей рѣчи книжному языку. Не рѣдкость, поэтому, встрѣтишь въ разговорѣ мѣстнаго

хохла и литературное выраженіе, и чисто произнесенное иностранное слово. Довольно часто вырывается изъ устъ говорящаго хохла чисто русскія выраженія, въ особенности если онъ, считающій себя выше окружающей толпы, говоритъ съ «цуцкимъ», т. е. съ представителемъ изъ привеллигированныхъ сословій. Между прочимъ, для ознакомленія и характеристики мѣстнаго чисто хохлацкаго выговора я могу указать на «Расказъ про хахлацьку свальбу», и на пѣсни, собранныя въ сл. Щучьей, Острогожскаго уѣзда, записанныя по звуковому способу. (См. Дикаревъ — Воронежскій Этнографическій Сборникъ 1891 годъ).

Я записывалъ свой матеріалъ въ томъ видѣ, какъ онъ формулированъ на мѣстѣ и циркулируетъ въ обиходѣ. Мнѣ приходилось volens-nolens устанавливать граматическую связь и устранять излишнія, ничего не говорящія дополненія, т. е. такъ сказать, держать корректуру, особенно въ записанныхъ крестьянами примѣтахъ, такъ какъ послѣдніе въ своихъ записяхъ часто не связывали свои мысли, соединяли ихъ часто механически и подчасъ выражались на «разныхъ языкахъ», т. е. по хохлацки и по русски *). При корректурѣ, само собою разумѣется, всегда удерживались характерныя или мѣстныя, если они встрѣчались, выраженія.

При собираніи предлагаемаго матерьяла я не преслѣдовалъ никакихъ спеціальныхъ цѣлей, а просто записывалъ то, что являлось, съ этнографической точки зрѣнія, въ томъ или другомъ смыслѣ характернымъ или крылатымъ. На эту характерность по преимуществу устремлено было мое вниманіе, этимъ опредѣлялось цѣнность записи.

При записи также не придерживался опредѣленнаго способа, граматическаго или звукового: иногда записывалось такъ, какъ говорятъ на мѣстномъ patois, иногда на смѣшанномъ, т. е. на мѣстномъ и книжномъ, тѣмъ болѣе послѣдняго способа придерживался, что большинство поговорокъ и примѣтъ пришлось записать въ средѣ культурныхъ людей. На основаніи этого, мною записанъ матерьялъ, какъ на русскомъ, такъ и на малороссійскомъ языкѣ и группировка по этимъ элементамъ мною не была проведена, т. е. не отдѣлены русскія отъ малорусскихъ.

---

*) Для иллюстраціи привожу образчики крестьянскихъ записей съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника въ томъ видѣ, какъ онѣ были мнѣ доставлены.

«Если хочешь поссорить мужа и жену, которые живутъ въ мирѣ и согласіи — нужно взять щепотку земли изъ подъ того и изъ подъ другого и бросить эту землю на тѣхъ собакъ, которые грызутся и потомъ разогнать ихъ вслѣдствіе этого даные мужъ и жена станутъ грызться т. е. ссориться и совсѣмъ разойдутся.

Если хочешъ чтобъ любили хлоэці — поймай жабу положи ее въ кувшинъ и отнеси въ лѣсъ и тамъ поставь въ муравейникъ, муравьи съѣдятъ всю жабу останется отъ нея одинъ крючекъ и вотъ, этимъ крючкомъ кого зацѣпишь, тотъ уже непремѣнно будетъ любить, здѣлать все это нужно ночью.

Если болитъ рука перевязать гарусомъ изъ свадьбы или косникомъ изъ дѣвичьей косы.

Бодай я на соби хреста не бачевъ.
Бодай ты живый бувь, да недыхавь.
Работа дураквъ любэ.

Это образчики грамотныхъ и въ общемъ правильно пишущихъ по-русски. Теперь приведу другіе.

Вотъ Старыя Людь говорятъ, что у читвѣръ Было солнце укругу до полудня то будетъ чирздень Годына.

Опять Солнце у столбахъ что это Будетъ жара На месность.

У насъ старые люди вотъ что говорятъ если ѣдетъ или идетъ куда нибудь на заработки или сѣять или похать кудабъ то не ишелъ или не ѣхалъ, то если встрѣтится изъ людей кто порожнемъ или съ порожними ведрами или съ чѣмъ нибудь порожнимъ то удачи не будетъ хоть даже и вернись.

И еще вотъ что можно корову узнать что она отелить, какъ же узнать вотъ какъ: видишъ, что корова уже значить передъ тѣмъ что скоро будетъ телиться то нужно смотрѣть на её фостъ если фостъ вкрученный какъ матуза (матузка?) то отелитъ бечка если жъ расчесанный фостъ то отелитъ телушку и точный предметъ.

Быть можетъ, покажется страннымъ мое заявленіе о томъ, что большая часть матерьяла собрано въ средѣ культурной или деревенской аристократіи. Но это фактъ. Эта старина еще живетъ въ данной средѣ, она всосана съ молокомъ матери, прикрыта авторитетомъ бабушки, ею руководятся или ее принимаютъ къ свѣдѣнію въ различныхъ житейскихъ положеніяхъ. Эта мудрость еще не умерла, но живетъ, живетъ и имѣетъ силу такую же въ хоромахъ, какъ и въ лачугѣ. Разливаясь въ тысячахъ мѣстностей, выражаясь въ безчисленномъ разнообразіи индивидуальностей, жизнь выводитъ одинъ общій, такъ сказать узоръ на фонѣ этого разнообразія, подводитъ къ одному общему знаменателю, къ вѣковой мудрости. Собранный матерьялъ безусловно представляетъ живой неизсякаемый умственный капиталъ, душу въ житейскомъ обиходѣ деревни. Стоило только мнѣ обратить свое вниманіе въ сторону извѣстнаго рода явленій, какъ я могъ, не затрудняясь, черпать полною горстью то, что мнѣ нужно было, можно сказать—не выходя изъ своей комнаты да припоминая лишь изъ своего дѣтства. Встрѣтишь ли духовнаго, встрѣтишь помѣщика или просто крестьянина, такъ и бьетъ ключемъ остроумія, ироніи, тонкостью оттѣнковъ народная вѣковая мудрость. Вотъ во время приведена пословица, тутъ кстати сказана поговорка, здѣсь ядовито пущено крылатое слово и на ряду высказана примѣта, повѣрье или суевѣріе. Словомъ, на каждомъ шагу въ обычномъ, даже мимолетномъ, разговорѣ встрѣчаешь ту или другую поговорку, ссылку на ту или другую примѣту. Безъ этихъ мѣткихъ, а нерѣдко жесткихъ своею мѣткостью выраженій не обойдется. Это сама жизнь! Въ этомъ отношеніи безсильно книжное вліяніе, не изъ книгъ черпается въ деревнѣ мудрость, а берется изъ этого наслѣдственнаго капитала. Руководствуются не новымъ, а берутъ примѣры изъ старины, авторитетомъ пользуется сѣдое, стародавнее, прожитое, авторитетомъ подчасъ весьма солиднымъ и непреложнымъ. Вотъ почему деревня такъ медленно прегрессируетъ и представляетъ, по картинному выраженію поэта, вѣковую тишину. Подъ властью вѣковой мудрости, живой старины, проходитъ личная жизнь, лишь просачиваясь сквозь нея, выступая лишь въ блѣдныхъ краскахъ на фонѣ сѣдой и давно прожитой жизни. Подобное отношеніе новаго къ старому создаетъ, такъ сказать, устойчивое равновѣсіе, прочное положеніе и незыблемость деревенской жизни. Въ этомъ богатомъ наслѣдственномъ капиталѣ растворяется, какъ капля въ морѣ, личное индивидуальное богатство, лишь незамѣтными струйками входя въ общеумственный капиталъ. Только отшелушивъ индивидуальное, мудрость личности пріобрѣтаетъ значеніе вѣковой.

Само собою разумѣется, предлагаемый матерьялъ не исчерпываетъ всего того, чѣмъ живетъ окружающая мѣстность. Онъ представляетъ самую незначительную часть этого цѣлаго: за короткій промежутокъ и по богатству не зарегистрируешь всей вѣковой неписанной мудрости. Но въ той небольшой части, которую я собралъ, өтотъ матерьялъ представляетъ, по моему мнѣнію, извѣстную цѣнность, дающую право на вниманіе къ нему. Къ сожалѣнію, живя въ деревнѣ, я не имѣю возможности его свѣрить съ данными, другими лицами собранными, и потому, навѣрное можетъ встрѣтиться повторность, запись уже записаннаго: подобное обстоятельство оправдывается, съ одной стороны, неимѣніемъ подходящихъ справокъ, съ другой—существованіемъ повторно записанныхъ поговорокъ, какъ законнорожденныхъ въ данной мѣстности, тѣмъ болѣе, что предлагаемый матерьялъ—матерьялъ сырой.

Я долженъ еще сказать относительно тѣхъ поговорокъ и примѣтъ, гдѣ встрѣчаются неупотребительныя въ печати слова. Я безусловно не могъ выбросить ихъ по слѣдующимъ причинамъ.

1) Въ жизни, въ деревнѣ, «крѣпкія словца» сплошь и рядомъ пестрятъ разговорную рѣчь, какъ у крестьянъ, такъ и у не-крестьянъ. Крестьяне не стѣсняются даже женщинъ. Безъ крѣпкаго словца у деревенскаго обывателя, когда онъ говоритъ «подушамъ», рѣчь не въ рѣчь; крѣпкое словцо это argumentum vis. Слѣдовательно, выбрасывать ихъ значитъ—изъять изъ сферы

изслѣдованій цѣлый рядъ поговорокъ и примѣтъ, характеризующихъ житейскій обиходъ съ извѣстной стороны.

2) Неупотребительныя слова въ печати въ деревенской обиходной жизни преставляютъ самое заурядное, естественное явленіе, не шокирующее никого изъ присутствующихъ. Такъ реченія «сукинъ-сынъ», «срака» считаются далеко приличнѣе реченія «чертъ». Если для другаго уха первыя реченія диссонируютъ, то для насъ, деревенскихъ обывателей, это обычно, мы иначе не можемъ выразиться, не заикаясь. Такъ, встрѣчаешь «деревенскаго аристократа или интеллигента» и удивленно слышишь: изъ его устъ срывается то или другое слово, ужъ совсѣмъ въ печати неудобное.

3) Какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, такъ изъ данной поговорки не выбросить неудобное въ печати реченіе, ибо въ противномъ случаѣ теряется ея соль, отпадаетъ специфическая характерность и получается тогда вмѣсто остраго, крылатого слова нѣчто блѣдное, плоское, не остроумное,—лишь бранное слово.

Неудобныя въ печати слова встрѣчаются главнымъ образомъ въ крестьянскихъ записяхъ. Крестьянскій житейскій обиходъ, гдѣ жизнь проявляется въ общемъ въ грубыхъ формахъ, не прикрытыхъ фиговымъ листомъ, даетъ массу подобныхъ данныхъ и умъ человѣческій синтизируетъ этотъ матерьялъ и закрѣпляетъ въ памяти, тонкимъ и мѣткимъ выраженіемъ, подчасъ крайне не приличнымъ, житейскія отношенія, построенныя на грубыхъ началахъ. Но въ этомъ ужъ сама жизнь виновата, а не авторы безымянные, не мудрость житейская. Мудрость получается лишь изъ тѣхъ матерьяловъ, надъ которыми оперируетъ умъ человѣческій. Не вина жъ его въ томъ, что онъ грубо выражаетъ наблюденныя данныя, когда они грубо проявляются въ грубыхъ и неприличныхъ (небонтонныхъ) формахъ.

Охарактеризовавъ предлагаемый матерьялъ съ разныхъ сторонъ, я закончилъ свою работу. Sapienti sat.

А. Общаго характера.

Ажъ, волосця дыбомъ стало.
Ахъ-ти! малина!
Батько отробе, або мате отпряде, або такъ пропаде.
Бисовъ кацапъ. (Бранное выраженіе по адресу великороссовъ).
Было время—ѣдала жопа сѣмя; а теперь толкутъ, да не даютъ.
Было всяко: было на конѣ, было и пѣшкомъ.
Бьется, какъ рыба объ ледъ.
Бѣжи за батькомъ, тамъ твоя матка.
Вали чернымъ до горы.
Въ дорогѣ, бабушка, и веревочка пригодится.
Велика птица, да мала синица.
Велика спица въ колесницѣ.
Веселье—не работа, заника́нье—не дѣло (ника́нье—не дѣло).
Вертится, какъ говно въ ополовнику.
Взялъ лычко, отдай ремешокъ.
Винъ зна, де раки зимуются (зимуютъ).
Воръ воруетъ не для прибыли, а для своей гибели.
Вотъ еще не было, да случилось (Саратов. губ.).
Гдѣ загубилъ, тамъ и ищи.

Глухой услышалъ, слѣпой увидѣлъ, какъ голопузому за пазуху яйцо положилъ.
Годъ на годъ не приходится.
Горя мало—пройдетъ.
Говори, что знаешь; балакай, что хочешь.
Горькому вездѣ горько.
Грай, або гроши отдай.
Грай, а то музыку побью.
Гусь—сударыня канка (индѣйка).
Гусь свиньѣ не товарищъ.
Дай в цибаркѣ воду, погляжу на свою рожу.
Диду, диду!.. срать йду.
Дожився до мату, нѣтъ ни денегъ, ни табаку (ни трубки, ни табаку).
Дорога́ своя голова.
Драка була не мала: оборвали волосця до гола.
Думалъ-думалъ: ажъ умъ раскорячился.
Думаю-раздумаю: не быть дѣлу такъ.
Дураку законъ не писанъ.
Дурный по саму сраку.
Дывись у сраку, якъ у узеркало.
Дѣло не чертъ, въ воду не уйдетъ.
Если днемъ сонъ увидишь, ни къ чему: куда день, туда сонъ.
Если днемъ сонъ приснится, то исполненіе его до семи часовъ вечера; если до этого времени не сбудется, то ужъ никогда не сбудется.
Если свиснишь около дома, то лучше свисни кому въ ухо. Jak masz swistać kolo domu, lepiej swisniesz w ucho komu.
Если сонъ увидишь въ полуночь, то этотъ сонъ предвѣщательный.
Если собака воетъ, то слѣдуетъ сапогъ или башмакъ перевернуть вверхъ подошвою; собака перестанетъ выть.
Если у человѣка носъ искрывленный, свидѣтельствуетъ объ умѣ его.
Есть, да не про вашу честь.
Иголку слѣдуетъ носить въ картузѣ или на груди, никто не обидитъ.
Изъ грязи, да въ князи.
Изъ-подъ смѣха люди живутъ (бываютъ).
Забилъ глузды.
За жито (чужое?) спина бита.
Закотылося сердце, якъ у куцей собаки хвистъ.
За подарокъ нуженъ отдарокъ.
За правду очи повилазили.
Запроторять туда, гдѣ козамъ рога правятъ.
Запѣлъ соловьемъ, кончилъ кукушкой.
За слабымъ послѣднія слова.
Заслѣпитъ мнѣ, да заслѣпитъ и моему свату.
Заслѣпило мнѣ, заслѣпитъ и людямъ.
За царя Панька, якъ була земля тонка.
За чужую сраку чинить драку.
Знаю кружало, гдѣ говно лежало.
Зробывъ смихъ и лыхо.
Зѣрь (звѣрь?) въ глаза вступилъ.
Казавъ—насыри въ казанъ, не послухавъ да два набухавъ.
Кто захочетъ собаку ударить, тотъ и палку найдетъ.
Какъ плюнуть—это сдѣлать.
Какъ свиньѣ на небо не глядѣть, такъ понять это.
Кто старое вспомнитъ, тому глазъ вонъ.

Колись мы старцивъ водили, а теперь насъ старцы водять.
Куда конь съ копытомъ, туда ракъ съ клешней.
Либо (альбо) грудь въ крестахъ, либо (альбо) голова въ кустахъ.
Люди похожи на людей, а сами обручи набиваютъ.
Лѣзетъ теля, куда не веля (велять?)
Малый, въ сраку воды налый.
Мать твою курву.
Меньше отрубить, легче несть.
Милый, не зѣвай, на ходу поспѣвай.
Много спать—мало знать.
Молодо, зелено—гулять велѣно.
Молчи да дышь, такъ будетъ барышъ.
Морда краснѣйся, дуракъ не смѣйся.
Мы, не спѣша, вѣкъ проживемъ.
Надо смотрѣть, а прежде треба дивитца.
Надувся, какъ сычъ на крупу.
На кутніи засмѣешься.
Напередъ батька на шибиницу не бѣжи.
Написано перомъ, не вырубишь топоромъ.
Напывся, ажъ .р.ть не бачи.
Насыдали, якъ воши на очкуръ.
На силу разлупавъ.
На старости надо къ людямъ привыкать.
Насыры своему батьку.
На чесьбѣ (?) сорока сидѣла.
Не даромъ бабы брешуть: когда начнуть что казать, то и случится.
Не займайте голяка, его долынка така.
Не за ту тянешь, пер..ть станешь.
Не куетъ, не мелетъ.
Не мечтай, мой другъ, высоко, самому себѣ на вредъ.
Не нищіе, а того ищемъ.
Не по коню, а по оглоблямъ.
Не рука сыну крестьянскому калачъ ѣсть.
Не такъ сталося, якъ желалося.
Не такъ спляшетъ, якъ скоморохъ.
Не только барыни нравиться, но и лакею долженъ понравиться.
Не спы въ сергахъ, позолота живо скочетъ.
Нехай сучка, а не собачка (кобелекъ ?)
Нехай (авось, пусть)—недобрый человѣкъ.
Не читай много, а то зачитаешься—съ ума спятишь.
Не ще дня бредня.
Ни бѣсъ, ни выхухоль.
Ни тпру, ни бе, ни ме, ни кукареку.
Ни въ тынъ, ни въ ворота, прости, Господи.
Нихто не поможе, якъ милый Боже.
Ноги въ теплемъ, голова въ холодѣ, брюхо въ голодѣ.
Ныдежъ то бьютъ, якъ по голови.
Нысы гостинцы, говна въ хутынци.
Нѣтъ.—Кабель—твой дѣдъ.
Оглянись, коза, на свои рога.
Однимъ мvромъ мазаны.
Ой! горилочка, матиночка моя, я жъ умру, ты останешься.
Ой! ну, тебе.
Ой! оlэ, поймавъ, да малэ.
Ой! цюре-брате, не втерплю.

Онъ вызвонится.
Оно и не хрюкаетъ.
Отъ бѣды подъ горшкомъ не схоронишься.
Отдай нищимъ, а соби ни съ чимъ.
Отвага пиво-вино пьетъ, отвага и кандалы третъ.
Охотника не выленить, невольника не заставить.
Пердунъ-дудка, на гори бутка.
Пиди въ сраку за раками.
Писарь захочетъ-саму правду опорочетъ (Саратов. губ.).
Плюнь ему вичи, а винъ тоби въ сраку двичи.
Побиливъ, якъ наче черезъ три факи тянутый.
Подаришь—поѣхалъ въ Парижъ, а остался одинъ купишь.
Попавъ въ купци—винъ не чоловикъ.
По хамуту не тужи, а объ оброткѣ потужи.
Правдой не задразнишься.
Придетъ время—будетъ дѣло.

Привыкла собака за возомъ бѣжать и отъ саней не отстанетъ (и за санями побѣжитъ).

Проспи до обидъ, приснится мидвидь.
Противъ косого на кривому, де погребъ въ яму ввалився.
Про это Арина на базарѣ говорила.
Псарь не вѣдаетъ, что царь дѣлаетъ.
Пусть лежитъ—оно не проситъ хлѣба.

Пьемъ водку, пьемъ вино, если нѣтъ, такъ воду. Не смѣняемъ ни начто мы свою свободу.

Работа дуракивъ любе.
Работаетъ черезъ пень-колоду.
Радъ якъ собака цибули.
Радый, шо дурный, дакъ и хвалиця.
Садись крипенько, держись тугенько.
Съ богомъ, Параска, коли люди трапились.
Свисти (вали), кургузка, семь верстъ до Курска.
Сказалъ, якъ чертъ въ воду (лужу) перднулъ.
Съ дураками хитраго ничего не уваришь.
Сиди, Фекла, пока не смеркло.
Сигодня писне, завтра писне, чертъ его засне.
Сзаду (съ потылицы) умъ-не умъ, спереди (со лба)—умъ.
Сказало лихо—добра не будетъ.
Скрекеке; шо таке? Шо-сь! Де ты взявъ? Дьяконъ давъ.
Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.
Се цвитъ, ягоды ще нѣтъ.
Служить—такъ не картавить, а картавить—такъ не служить
Слѣпъ слѣпца учатъ, оба зги не видятъ (не бачатъ).
Скучать не время, тосковать не удовольствіе (Саратов. губ).

Смѣйся, варваръ, смѣйся надо мною. Богъ тебя накажетъ горькою судьбою.

Снѣгъ бѣлый, да не вкусенъ.
Собака брешетъ—вѣтеръ носитъ.
Сова спитъ, а курей бачитъ.
Солдатъ носомъ ткнетъ и воду пьетъ.
Со мной этого сроду не было.
Соннаго добудешься, лукаваго дошлешься.
Сыдитъ, лупае очима, якъ пидстрѣлена сова.
Сытое брюхо на ученье тупо.

Такъ раззявитъ ротъ, что го..о видать.
Татъ и такъ—пышки въ макъ.
Такъ, такъ—перетакивать не буду.
Третья хата отъ Кандрата.
Той з-за моря, той з-за Десны, черти до миста знисли.
Трусъ въ карты не играетъ.
Ты его пхаешь въ рай, а онъ жо..й объ край.
Ты мазепа (бранное выраженіе по адресу малороссовъ, за послѣдніе двадцать пять лѣтъ выходитъ изъ употребленія).
Тю! дурне сало.
У безпутнаго одинъ путь, а у путнаго много ихъ.
Удастся—пиво—не удастся диво.
Уменъ, какъ попъ Семенъ, продалъ книги, купилъ карты.
У тебя выходитъ, что на вербѣ груши растутъ.
Хай тоби всячина.
Хай тому икнется, якъ собака съ тыну оборвется.
Хлибъ да силъ; сгрибъ—да и сивъ.
Хоть бейте, хоть ругайте, а деньги лишь отдайте.
Хоть голый, да правый.
Хоть старый, да дорого стою.
Хоть у кручу кинь—еще хуже.
Хоть ѣсть нечего, за то жить весело.
Хотѣлъ ремень разжится, да собаки лыки поѣли.
Хуже горькой рѣдьки.
Цюцю, всратый, иди въ дружки.
Чего не станетъ, батько достанетъ: чего не буде, мати добуде.
Чертъ ему не братъ, какъ посмотришь.
Чертова мазница (бранное выраженіе по адресу малороссовъ).
Чертова рула (бранное выраженіе по адресу великороссовъ).
Что полюбится, то и рубится.
Что съ воза упало, то пропало.
Чужимъ кануномъ своихъ родичей поминать.
Чѣмъ бы дитя не тѣшилось, лишь бы не плакало.
Шей-пошивай, не задерживай.
Шобъ тоби распузырило.
Шо мале, шо велике—на одномъ полозу ѣдуть.
Ще тиля въ гузни, а вінъ съ довбней носится.
Яковъ панъ, таковъ крамъ *).
Якъ по дилу, такъ оно къ дилу.
Якъ съ ранку, такъ и до станку.
Якъ хороший, всыри его.

Б. Религіозно-бытоваго характера.

Богъ создалъ овцу, чертъ—козу при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда Богъ сотворилъ овцу, чертъ, видя это и позавидовавъ, сказалъ: я лучше сдѣлаю. Вылипивши по своему образу, онъ какъ ни старался не могъ дать жизни. Богъ, видя его безполезныя старанія, сжалился и вдунулъ душу

*) Jakies pan, taki kram.

овочью. Такимъ образомъ явилась коза и вотъ почему она съ одной стороны похожа на черта, а съ другой—на овцу *).

Летучая мышь произошла по слѣдующей причинѣ: простая мышь, если укуситъ священную пасху, станетъ летучею и будетъ жить въ томъ домѣ.

Богъ съ нимъ, Христосъ съ нимъ.

Бога не гнѣви, черта не дразни.

Бога не забывай, да и черта не гнѣви.

Что ступила—согрѣшила; единъ Богъ безъ грѣха.

Якій Богъ наказавъ, той и помилуе (выручитъ).

Чернымъ словомъ не ругайся, Богъ накажетъ.

Воробьевъ уничтожать не грѣхъ, ибо они, когда Христа распяли, кричали: «живъ, живъ»... поэтому воробьевъ называютъ иначе жидами, христопродавцами.

Если праведный человѣкъ, на второй день послѣ рожденія луны увидитъ ее.

Когда мощи открываются, этотъ святой въ теченіи 40 дней, пребываетъ на землѣ и творитъ въ это время чудеса, а черезъ 40 дней онъ возносится на небо.

Богоявленская вода не зацвѣтаетъ т. е. не портится, (разумѣется, въ чистомъ сосудѣ).

Былъ у Бога, былъ у святаго, а креста не видалъ.

Бодай я на соби креста (хреста) не бачивъ.

Крестись—андроны ѣдутъ.

Кто библію всю прочтетъ—съ ума сойдетъ.

Если больнаго пособоруютъ и онъ выздоровѣетъ, тогда онъ не долженъ становиться босою ногою на землю.

Если за причастишься, плевать цѣлый день нельзя, грѣхъ: причастье выплюешь.

Если радуга является, страшный судъ не скоро будетъ.

Кто чѣмъ больше даетъ денегъ (милостыню), тотъ на томъ свѣтѣ будетъ больше имѣть денегъ.

Кто душится, на томъ свѣтѣ будетъ вонять, смердѣть.

Если, не умываючи, идетъ за какимъ нибудь дѣломъ, на томъ свѣтѣ будетъ лизать языкомъ ж..у.

Если сильные раскаты грома, надо, перекрестивъ окно евангеліемъ три раза, поставить его раскрытымъ на востокъ, громъ утихнетъ.

Если сильная молнія и сильные раскаты грома, чтобы утихли и не принесли вреда, надо читать, крестясь: «святъ, святъ, Господь-Саваофъ».

Когда отъѣзжаютъ, обыкновенно помолившись предъ образами, садятся всѣ домашніе на нѣсколько минутъ, дабы удачно совершить поѣздку или чтобы не поломалось что-либо въ дорогѣ.

Чтобы выиграть, то садясь за карточный столъ, надо туловищемъ сдѣлать на спинкѣ стула крестное знаменіе.

Хоть вѣрь, хоть не вѣрь, а домовые существуютъ.

Замокъ поцѣловать у церкви въ утринѣ на Пасху, тогда увидишь вѣдьму.

Вечеръ подъ Екатерины (24 ноября) и на Екатерину—время ворожбы (гаданья). (Кіев. губ.).

Не лѣзь въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ.

Праздникъ, праздникъ—дѣдъ бабу дразнитъ.

Боится, какъ чертъ ладона.

Такой чертъ мнѣ не хорошъ.

Только чертъ бѣденъ.

---

*) Варіантъ: чертъ съ Богомъ поспорилъ, кто изъ нихъ лучше сотворитъ. Богъ сотворилъ овцу, *а чертъ—козу*, но только не могъ дать души и т. д.

Чѣмъ чертъ не шутитъ—можетъ случиться (статься).

Черты его батька знали.

Поймавъ чертова батька.

Каламуте, якъ чертъ у озери.

Будетъ чертей стѣснять.

Здѣсь самъ чертъ голову сломитъ.

Чертъ мира не любитъ, кого-либо да сбудетъ.

Покойнаго черта внуки.

Якъ чертъ въ суху грушу.

Ни въ тынъ, ни въ ворота, коли чертъ съ болота.

Не вси попа знаютъ, но величаютъ.

Изъ тѣхъ чиновъ, которые дрались изъ-за блиновъ.

Это поповскіе карманы.

Ты попъ, а я мужикъ, что́ намъ вѣшаться? мѣшокъ туда, мѣшокъ сюда продай сажень.

«Паки, паки»!.. разорвали попа собаки, если-бъ не дьячки, разорвали бы въ (на) клочки.

Что ни попъ, то у..ъ, онъ такъ не пройдетъ.

Грѣхъ-смѣхъ.

Грѣхъ въ мѣхъ, спасенье въ торбу,

Вотъ двѣнадцатый грѣхъ.

Молчи глуха—меньше грѣха.

Молчи лишина (личина?), коли не согрѣшила.

Мертвецу нельзя переходить дорогу, особенно знакомому.

Кумъ (крестный отецъ) имѣетъ право ругать кума (отца крестника), но послѣдній не можетъ ругать перваго.

Съ кумомъ грѣхъ ругаться (со стороны кумы).

Въ постъ грѣхъ съ женой спать.

Ломать столъ грѣхъ т. е. вставать раньше другихъ изъ-за стола или если старшій не всталъ.

Въ воду (лужу) мочиться грѣшно.

На вѣтеръ мочиться грѣхъ.

Голубей грѣхъ стрѣлять или рѣзать: Божья птица.

Отъ Рождества до Крещенія бить (охотиться) птицъ и звѣрей нельзя—грѣхъ.

На Кутью (сочельникъ) охотится грѣхъ, съ охотникомъ несчастье случится.

Въ понедѣльникъ нельзя сорочки мыть.

Въ пятницу нельзя прясть.

Въ пятницу не только нельзя прясть, но даже имѣть въ хатѣ коноплель.

На падаль грѣхъ плевать, а то будешь на томъ свѣтѣ лизать ее.

Вечеромъ грѣхъ выносить изъ хаты золу и соръ.

Вечеромъ надо подметать и прибирать комнату, чтобы Божья Матерь или ангелы, когда посѣтятъ, могли ходить по чистому и не наколоть себѣ ногъ о соръ.

Если убить бѣшеную собаку, тѣмъ самымъ спасешь 10 душъ отъ грѣха.

Если гадюку убить коржомъ, простится 12 грѣховъ.

Подъ Крещенье, когда ложишься спать, надо прочитать два раза «Отче нашп» и «Богородице Дѣво радуйся», а затѣмъ сразу предыдущія двѣ молитвы и «Вѣрую» и, не разговаривая послѣ того ни съ кѣмъ, лечь спать Если сонъ приснится, то это сонъ роковой, предвѣщательный.

Отъ враговъ надо читать постоянно 34-й псаломъ (Суди Господи обидящія мя, побори борющія мя).

Отъ холеры надо носить на шеѣ въ видѣ ладонки написанный 90-й *псаломъ (Живый въ* помощи Вышняго).

Когда ѣдешь по улицѣ и нападутъ собаки, то читай 67-й псаломъ (Да воскреснетъ Богъ), онѣ отстанутъ.

Ахъ, туды твою душу въ ребра.

Ахъ, туды твою мать.

Вѣчная память—свѣчка да ладонъ.

Когда умретъ человѣкъ, надо по душѣ позвонить.

Когда наряжаютъ покойника, заворачиваютъ въ платокъ гривну и затыкаютъ подъ поясъ: «на тімъ світі откупишься отъ гріхівъ.

Взадъ не даютъ имя родившемуся.

Воронъ гнѣзда не вьетъ, дѣвка косы не плететъ (25 марта).

Подъ Тройцу становится осина на воротахъ (при воротахъ) отъ вѣдьмы.

Клечень изъ осины ставятъ на воротахъ или у кошары, чтобы вѣдьма не ходила и не причиняла вреда.

Дай Богъ нашему теляти вовка заляжати, полякаты, поймаmы.

На твою молитву и кошка не разсердится.

Громъ не грянетъ мужикъ, не перекрестится.

В) Болѣзнь.

Какая ни есть боль, все же боль.

Пустая хворь, то бабья хворь (Саратов. губ.).

Не умеръ Данило, голушка задавила (удавила).

Высокосныя годъ несчастливый: въ немъ люди сильно заболѣваютъ.

Если вишни зацвѣтутъ въ другой разъ, то предъ холерой (болѣзнью).

Если снѣгъ падаетъ, когда съ деревьевъ не спали листья, то усиленной болѣзнью (дифтеритъ, скарлатина и пр.).

Перейдешь дорогу, когда несутъ мертвеца, заболѣешь.

Больной послѣ полуночи чувствуетъ себя хуже.

Когда имена лысыхъ считаютъ для того, чтобъ морозъ ослабѣлъ, голова у нихъ болитъ.

Если мѣсяцъ съ крестомъ увидишь во снѣ, къ избавленію отъ напасти, болѣзни и пр.

Если прольется на столъ прованское масло, предвѣщаетъ опасную болѣзнь.

Если мыши пищатъ въ хатѣ, то предъ несчастьемъ, или болѣзнію.

Если пособоруютъ больнаго, то онъ вскорѣ умретъ, не выздоровѣетъ.

Если больной человѣкъ, то, если воронъ часто летаетъ и крячетъ, скоро больной помретъ.

На Рождество или Пасху войдетъ въ хату кто-либо изъ чужихъ, если первою женщина, весь годъ будутъ хворать бабы въ той хатѣ и въ томъ году.

Если зѣваешь, слѣдуетъ крестить ротъ во избѣжаніи порчи, болѣзни, нечистой силы.

Чего о другомъ здоровьи хлопочешь, хлопочи о своемъ.

Выпила хавронья про свое здоровье.

Если жилы ѣсть, будутъ густые волосы.

Попалась муха (въ ротъ), не испортитъ брюха.

Чтобы не сглазить, когда впервые увидишь выздоровѣвшаго человѣка и когда выражаешь удивленіе по поводу его выздоровленія, надо посмотрѣть на потолокъ.

Чтобы предотвратить сглазъ, нужно взглянуть на ногти своихъ пальцевъ, затѣмъ на потолокъ (икону), и поплевать три раза на землю.

Для того, чтобы рука не млѣла, нужно надѣть мѣдное кольцо на средній палецъ.

Когда рука заболѣетъ, «разведется» по мѣстному выраженію, то надо взять гарусиной, у честной, вышедшей замужъ, бабѣ и перевязать ею руку.

Въ чистый четвергъ, пришедши со «страстей», сѣсть на порогѣ и на веретенѣ спрясть нитку навпаки (напротивъ) и этой ниткой перевязывать руку или ногу, если заболитъ или «разовьется».

Если болитъ рука, перевязывать гарусомъ изъ свадебнаго наряда или косникомъ изъ дѣвичьей косы.

Если летучая мышь сядетъ на человѣка, то мѣсто, гдѣ она сѣла, усохнеть (заболѣетъ).

Если на пальцахъ задирается кожа («чертъ лыко деретъ»), надо или мочею человѣческою смочить или черниломъ три крестика написать на больномъ пальцѣ—пройдетъ.

Глазá лѣчатъ мочею человѣческою.

У кого заѣды, надо надѣть узду и взять въ ротъ удила.

Отъ икоты: иковка, иковка! поди до воды, кого нибудь напади; хоть коня, хоть вола, хоть того, хто напова. Три раза надо читать.

Мочиться на огонь нельзя, «огникъ« будетъ.

Съ огнища нельзя брать обгорѣлыхъ полѣньевъ, будетъ «огникъ».

Отъ зубной боли обувать лѣвую ногу, а правую разувать.

Отъ зубной боли, когда діаконъ скажетъ «тѣло Христово пріимите»; надо сказать: «а вы зубы больные занимите»·

Отъ зубной боли прочитать «Отче нашъ», а затѣмъ слѣдующія слова: Ясный мѣсяць на небѣ, зеленый дубъ на острови, синій камень у мори-якъ сіи три братцы у листы соберутся, тоди у раба Божіи (имя рекъ) зубы не будутъ болѣть. Написать эти слова на клочкѣ бумаги и носить на шеѣ. При выходѣ изъ хаты ворожеи, не говорить «спасибо», а иначе все пропало.

На свадьбѣ непремѣнно надо вѣшать пучки ржи (такъ называемая «покраса»), послѣ свадьбы снимаютъ ихъ и кладутъ на чердакъ, бережливо сохраняя для лѣченія отъ всякой болѣзни: если заболитъ голова или рука, тогда варятъ эту рожь и обмываютъ больныя мѣста. «Покраса» имѣетъ такое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если невѣста до свадьбы не имѣла сношеній съ мужчиной; если же она имѣла сношенія, эту «покрасу» выбрасываютъ на улицу, ибо она (покраса) такого дѣйствія не имѣетъ.

Отъ зубной боли надо одѣвать лѣвую сторону, а раздѣвать правую.

Янтарь носятъ на шеѣ, чтобы не имѣть желтизны на лицѣ.

Услышавшій весною первый громъ долженъ лѣзть подъ возъ и подымать его поясницей, чтобъ не болѣла спина (поясница).

Отъ запора мочи, надо найдти сучекъ съ дыркою и помочиться черезъ него,—болѣзнь пройдетъ!

Отъ поноса надо употреблять отваръ льнянаго сѣмени.

Отъ водянки употребляются черные тараканы.

Отъ антонова огня надо употреблять секретъ отъ впервые менструирущей дѣвушки.

Раздайся народъ, лихоманка (лихорадка) беретъ.

Передъ заходомъ нельзя ложиться спать, иначе лихорадка будетъ.

Отъ щуки лихорадка бываетъ.

Не теши на порогѣ, а то лихорадка нападетъ.

Отъ лихорадки надо увидать въ первый разъ гусенятъ, сосчитать ихъ

и связать столько узловъ узловъ, сколько гусенятъ и дать больному развязать эти узелки. Если развяжетъ ихъ, то лихорадка пройдетъ.

Отъ лихорадки, надо одѣвать лѣвую сторону, а раздѣвать правую.

Отъ крапивной лихорадки, надо той щеткой въ сухомъ видѣ, которою бѣлятъ хату, потерѣть по тѣлу и перебросить черезъ голову назадъ: лихорадка пройдетъ.

Отъ холеры надо носить на шеѣ въ видѣ ладонки написанный 60-ый псаломъ («живый въ помощи Вышняго»).

На вѣтеръ мочиться нельзя,—получить болѣзнь (триперъ).

Отъ укуса тарантуха (тарантулъ), надо укушеное мѣсто помазать тарантуловымъ масломъ; (оно приготовляется такъ: ловится тарантулъ, помѣщается въ сосудъ, наливается олива (деревяное масло), когда онъ издохнетъ въ этомъ маслѣ, тогда оно готово къ употребленію).

Тарантулово масло также употребляется для излѣченія отъ сибирки (сибирской язвы или вѣрнѣе—злокачественнаго прища).

Отъ сибирской язвы употребляется распластанная лягушка (разрѣзанная).

Отъ укуса собаки, если рана затяжная, средство поймать (больной самъ долженъ) воробья распластать его и мясо долженъ прикладывать къ ранѣ, рана заживетъ.

Чирей (вередъ) можетъ обводитъ (для излѣченія) мизинцемъ только первый сынъ или первая дочь.

Если у кого на лицѣ угри, всякій разъ мѣняя бѣлье, нужно вытирать лицо сорочкой и непремѣнно задней стороною, чтобы всѣ угри съ лица перешли на спину.

Отъ прищей на лицѣ надо, когда сорочку перемѣняешь, утереться предварительно ею и затѣмъ надѣть, прищей не будетъ.

Отъ бородавокъ средство—голубиная кровь.

Отъ бородавокъ: сколько бородавокъ есть, столько нужно сдѣлать надрѣзовъ на палкѣ и выбросить ее на дорогу, кто первый подыметъ, на того они и перейдутъ.

Отъ бородавокъ: надо перевязать девять разъ бородавку суровою ниткою и этихъ девять узловъ выбросить—бородавки пройдутъ.

Мертвецу нельзя дорогу переходить, будутъ наросты на костяхъ.

Если есть наросты на костяхъ, то для излѣченія ихъ надо о пятку мертвеца подавить этимъ наростомъ—разойдется, пропадетъ.

Если на то мѣсто, гдѣ мочиться, насыпать жару, то у того человѣка будутъ нарывы на половыхъ органахъ.

Если есть у кого нарывы на тѣлѣ, то другой долженъ взять палку и, сколько нарывовъ, сдѣлать столько намѣтокъ на палкѣ, притрогиваясь послѣдней къ кажному нарыву, а затѣмъ бросить эту палку на бездорожье (на распутье), нарывы пройдутъ.

Обоженное мѣсто на тѣлѣ, когда кожа шелушится, надо потерѣть сукномъ или кошемиромъ, шелуха съ кожи слѣзетъ.

Гдѣ смитье (выброшенный соръ) не ступай ногою, нечисть нападетъ.

Гдѣ качалась лошадь или собака, не ступай ногой, то мѣсто обходи (нечисть нападетъ.

Нельзя становиться на то мѣсто, гдѣ покачалась лошадь, будетъ лишай. Если нечаянно кто перешелъ черезъ подобное мѣсто, долженъ обернуться и плюнуть три раза (или перекреститься).

Нельзя переступать черезъ коромысло, лишай нападетъ.

Вѣникомъ бить нельза,—короста нападетъ.

Отъ цибули (лука) опухоль опадаетъ.

Если у человѣка большая рана, то для залѣченія этой раны въ три дня надо сдѣлать слѣдующее: взять бумаги, свернуть въ трубку, налить туда деревянаго масла и настругать изъ свѣчи желтаго воску и луку (по глазомѣру)

и затѣмъ взять свѣчу, предварительно зажегши ее и прокипятить этотъ составъ три раза въ трубкѣ. Послѣ этого мазью этою мазать рану.

Незначительный порѣзъ на тѣлѣ лечится мочею человѣческою.

«Сорвать поперекъ» (болѣзнь поясницы у мужчинъ) бабѣ ворожеѣ надо взять мужчину за кожу спины (за очкуръ), когда онъ ляжетъ на землю ницъ противъ восхода солнца и стряхнуть (поднять и опустить три раза), затѣмъ придавить три раза колѣнкой и, поднявши юбку, голой задницей поползать по спинѣ.

Чтобы дитя было здорово и не разборчиво въ пищѣ, надо давать ему въ первый день его рожденія соску изъ ржанаго жеваннаго хлѣба.

Становиться ребенку на столъ нельзя,—рости не будетъ.

Если ребенокъ ляжетъ на полу, то черезъ него нельзя переступать—не будетъ рости.

Если поднять маленькаго ребенка выше головы, не будетъ спать ночью.

Если ребенокъ мочится ночью въ постели, протягиваютъ сквозь хомутъ.

Если ребенокъ ночью вскакиваетъ съ постели и бѣжитъ, то слѣдуетъ въ его ростъ надъ головой провертѣть и вбить колышекъ въ дверномъ ушакѣ.

Если ребенокъ не спитъ, носятъ подъ куръ и протягиваютъ черезъ подпоры подъ плетнемъ.

Найденный рубль крестовикъ пользуетъ отъ болѣзней коровъ.

Громовая стрѣла пользуетъ отъ болѣзней скота.

Когда лошадь засѣкается, лучшее лѣкарство человѣческая моча.

Майки (шпанскія мухи) необходимо въ хлѣбѣ давать собакѣ, чтобы она не бѣсилась.

Благовѣщенскую золу сохраняютъ для капусты и другихъ огородныхъ растеній, когда онѣ портятся, то посыпаютъ ихъ этою золою.

Нельзя давать зашивать или починять на себѣ одежду, иначе память зашьютъ.

Въ субботу подъ воскресенье надо перемѣнять бѣлье.

Г) Смерть.

И пить будемъ, и гулять будемъ, и смерть придетъ, помирать будемъ.

Хоть круть, хоть верть, а въ черепочку смерть.

Бодай ты живый бувъ, да недыхавъ.

Хоть плачь, хочь бранись, а смерти не избѣжишь.

Какъ ни ликуешь—гроба не минуешь.

Умирать, не на возъ класться.

Если при крещеніи послѣ постриженія, закаченные въ воскъ волоса и брошеные въ купель тонутъ, скоро помретъ новорожденный.

Если больной проситъ постелить ему на полу,—къ смерти.

Когда мертвецъ въ домѣ, то надо открыть окна.

Подъ столъ, на которомъ лежитъ покойникъ положить кусокъ хлѣба съ солью, въ этомъ году никто изъ семьи не умретъ.

Послѣ умершаго постель, гдѣ онъ лежалъ и одежда, въ которую одѣтъ былъ, надо вынесть на дворъ, и тамъ онѣ должны пролежать три дня, тогда только можно вносить въ хату.

Послѣ умершаго выносятъ постель его наверхъ хаты и до 40 дней нельзя оттуда ее брать.

Въ моментъ выноса покойника изъ дома надо посыпать (обязательно сыпать) житомъ (рожью) въ той комнатѣ, гдѣ умеръ онъ; по словамъ однихъ—для того, чтобы въ той семьѣ больше никто не умеръ, по словамъ другихъ—*для счастливой и веселой* жизни послѣ покойника.

Когда выносятъ покойника изъ хаты, подъ покуть бросаютъ горсть жита (ржи), чтобы остальные жили.

Вынося покойника изъ двора, ворота должно отворить изъ пятки, а ту сторону, которая отворялась, завязать. Пришедши съ кладбища, всѣ домашніе должны заглянуть въ дижу, въ которой мѣсятъ хлѣбъ, чтобы не бызо страшно ночью.

Если ходить въ одномъ башмакѣ и сапогѣ, кто-нибудь изъ родныхъ умретъ.

Если кошка перебѣжитъ дорогу, къ потерѣ близкаго человѣка.

Если заяцъ перебѣжитъ дорогу, къ потерѣ близкаго человѣка.

Коли дятель долбитъ въ передній уголъ, къ смерти въ томъ домѣ или къ смерти близкаго родственника.

Если во снѣ увидишь зубъ выпавшимъ съ кровью, къ смерти близкаго родственника.

Если во снѣ увидишь кровь—къ смерти близкаго родственника.

Если у покойника мягкія руки, значитъ кто нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ вскорости умретъ.

Если покойникъ смотритъ однимъ глазомъ или если у него одна нога твердая, а другая помягче на ощупь, вскорѣ послѣ него умрелъ кто-либо изъ родныхъ.

Если черви объѣдятъ листья и послѣ того они вновь выростуть, то кто-нибудь изъ родственниковъ умретъ.

Чтобы мертвецъ не разлагался, запаху не было, надо положить ножъ подъ тотъ столъ, гдѣ положено тѣло мортвеца.

Во время вѣнчанія, если свѣча одного сгоритъ больше, тотъ раньше умретъ.

Если вѣнчальныя свѣчи сгораютъ одинаково, то разомъ умирать.

Въ понедѣльникъ не слѣдуетъ вѣнчаться, ибо или мужъ или жена вскорѣ умретъ.

На богатый вечеръ подъ Новый годъ послѣ ужина складываютъ въ миску ложки рядомъ, замѣчая. гдѣ чья ложка лежитъ. Утромъ смотрятъ: чья ложка перевернулась, тотъ скорѣе всѣхъ умретъ.

Если не спится ночью взрослому или молодому (ребенку), то по близости находится мертвецъ.

13 человѣкъ, если сядутъ за одинъ столъ, то въ томъ году одинъ изъ нихъ умретъ.

Кончикъ носа чешется къ покойнику.

Кому скоро умирать, у того кончикъ носа будетъ раздвоенъ, что можно ощупать пальцемъ.

Переносье чешется, о мертвомъ говоритъ.

Если потеряешь съ себя поясъ, то въ томъ году умирать.

Трехъ огней нельзя зажигать въ комнатѣ, иначе къ несчастью или къ смерти въ томъ домѣ.

Разбитое зеркало не слѣдуетъ имѣть въ домѣ, предвѣщаетъ смерть.

Если съ потолка упадетъ что-либо на голову, то ожидаетъ того человѣка скорая смерть.

Если мебель трескается или лопается, предвѣшаетъ смерть.

Двоимъ нельзя мести комнату, иначе потеряешь кого-либо изъ своихъ.

Нельзя ложиться на столъ. это къ мертвецу.

Если собака воетъ на домъ, то къ покойнику.

Если собака воетъ, опустивъ голову внизъ, это къ чьей-нибуть смерти.

Если летучая мышь влетитъ въ комнату, къ мертвецу.

Когда кричитъ курица пѣтухомъ и ноги у ней холодныя,—къ смерти.

Если филинъ кричитъ «поховавъ», непремѣнно къ смерти.

Если филинъ бьется въ окно, къ смерти.

Если сычъ сядетъ и кричитъ на трубѣ хаты, предвѣщаетъ или покойника или опустѣніе дома.

Если удодъ влетитъ въ комнату, къ мертвецу.

Если три раза отъ ружья представлялась опасность смерти, причемъ избѣжалъ третью—роковую, тогда смѣло обращайся съ ружьемъ—смерти отъ него не пріймешь.

Д) Личнаго характера.

1) Счастье, удача.

Если на Новый Годъ что-либо случилось съ человѣкомъ, то будетъ случаться съ нимъ цѣлый годъ.

Когда крестятъ рѣзваго мальчика, ему предстоитъ въ жизни счастье.

Когда пекутъ булочки (маленькіе хлѣбцы), въ одну изъ нихъ вкладываютъ монету, а затѣмъ раздаютъ дѣтямъ, кто изъ нихъ будетъ счастливымъ, тотъ и возметъ булочку съ монетою.

Если задумаешь какое-либо дѣло, то подъ Крещенье съ прочтеніемъ молитвъ два раза «Отче нашъ» и «Богородице Дѣво радуйся». а затѣмъ сразу предыдущихъ двухъ молитвъ и «Вѣрую», не разговаривая послѣ тóго не съ кѣмъ, лечь спать. Долженъ присниться розовый цвѣтъ—къ удачѣ.

Если соловья услышишь раньше кукушки, счастливо проведешь лѣто.

Вставай съ постели правою ногою, счастье и удача весь день.

Обувать всегда нужно правую ногу, будетъ счастье.

Если тебя встрѣчаютъ съ полнымъ, къ счастью и благополучію; если съ пустыми, наоборотъ.

Бабѣ не слѣдуетъ переходить дорогу встрѣчному мужчинѣ для удачи или счастья.

Если на встрѣчу красная корова, къ благополучію.

Если что изъ посуды бьется, къ добру.

Идя на охоту, надо посмотрѣтъ на бабью ляжку—къ удачѣ (старая польская примѣта).

Если правое ухо горитъ—хвалятъ.

Кончикъ носа чешется—къ выпивкѣ.

Если лѣвая бровь чешется,—хвалятъ.

Задница чешется—хвалятъ.

Если нечаянно локтемъ ударишься, значитъ тебя хвалятъ.

Если лѣвый глазъ чешется, къ радости.

Кончикъ носа чешится, въ чести быть.

Если стаканъ чая разольешь, будешь чѣмъ то удивленъ.

Если вечеромъ увидишь паука спускающагося, получишь пріятное извѣстіе.

Если паукъ спустится съ потолка черный, получишь пріятное письмо; если рыжій,—непріятное.

Если о комъ вспоминаютъ, такъ ему икается.

Посуду разбить—къ счастью.

Если заяцъ, перебѣгая дорогу, бѣжитъ въ пазуху, это не принесетъ несчастья, а если изъ пазухи,—несчастье.

Если ѣдешь или идешь куда, да перебѣжитъ дорогу волкъ или лисица, къ счастью; если заяцъ, къ несчастью.

Когда собираешься въ дальнюю дорогу и на долгое время, да забудешь взять съ собою приготовленную для пути вещь, значитъ возвратишься благополучно домой.

Если двое, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ, идутъ вмѣстѣ, то на перекрестьи (на перекрестныхъ дорогахъ) они должны взять другъ друга за руки, говоря при этомъ «вспомни меня», тогда они будутъ каждый разъ вспоминать другъ друга, если имъ, каждому въ отдѣльности, встрѣтится перекрестье.

Когда садишься играть въ карты, денегъ не считать—къ выигрышу.

Чтобы лучшая карта шла (для выигрыша) не садись первымъ и третьимъ, а садись вторымъ.

2. Несчастье, неудача.

Лыхо ходитъ не по досци, а по добрымъ людямъ.

Если «чертъ справляетъ свадьбу» (вихрь пылевой), надо бросить ножъ въ вихрь, увидишь кровь и избѣгнешь несчастье.

Когда вихрь пылевой идетъ («чертъ свадьбу справляетъ»), надо креститься и сторониться его, а то несчастье постигнетъ тебя.

Въ тотъ день, когда «память мученику» нельзя предпринимать ничего важнаго.

Встрѣча съ попомъ—къ несчастью.

Встрѣча съ покойникомъ, къ несчастью.

Въ воскресенье нельзя обрѣзать ногти, счастья и денегъ не будетъ.

Въ понедѣльникъ нельзя предпринимать ничего, ибо неудача послѣдуетъ.

Въ пятницу нельзя начинать учиться или идти въ школу, плохо будешь учиться.

Во время ученья нельзя ѣсть, а то заѣшь выученное.

Если учишь по книгѣ, то долженъ ее закрывать, въ противномъ случаѣ позабудешь.

Если правый глазъ чешется—плакать.

Если правая бровь чешется, гудятъ или бранятъ.

Если лѣвое ухо горитъ—корятъ.

Если лѣвой ногой встанешь съ постели, къ несчастью.

Разбить зеркало, разбить жизнь, т. е. передъ большимъ несчастьемъ.

Зеркало разбить, къ несчастью.

Если баба съ пустыми руками на встрѣчу, къ несчастью; если съ полными, къ счастью и удачѣ.

Съ пустыми ведрами перейдетъ дорогу, къ неудачѣ (польская).

Если баба перешла дорогу, къ несчастью.

Если баба перешла въ субботу—къ неудачѣ.

Баба встрѣтится съ мокрыми сорочками, несчастье будетъ.

Если собака воетъ, надо сказать «на свою голову», несчастья не будетъ.

Если собака испражняется на воротахъ, къ несчастью.

Если собака ночью воетъ, передъ несчастьемъ.

Если кошка мочится или испражняется въ хатѣ, передъ несчастьемъ.

Если заяцъ перебѣжитъ путь, къ несчастью.

Если заяцъ или кошка перебѣгаетъ путь, къ неудачѣ (польская примѣта; заяцъ къ меньшей неудачѣ, кошка или лисица къ большей).

Если лисица перебѣжитъ дорогу, къ несчастью.

Если куры садясь на „сѣдало“ кудахчутъ, будетъ несчастье. Чтобы предотвратить его, баба должна подойдти къ курнику и, поднявши подолъ повыше, показать курамъ сраку.

Если увидишь одну сороку, къ несчастiю.

Если кукушку услышишь раньше соловья, несчастливо проведешь лѣто, (прокукуешь).

Если идешь за какимъ-либо дѣломъ, не слѣдуетъ возвращаться, иначе неудача.

Если идешь куда нибудь и спросятъ—куда? къ неудачѣ (ужъ закудыкалъ).

Если хочешь ѣхать куда-либо и въ то время въ хату войдетъ баба, не будетъ счастья.

Поясъ или подвязку потеряешь, въ домѣ случится убыль.

Если увидишь паука утромъ спускающагося, предвѣщаетъ печальное извѣстіе.

Икаешь, значитъ—кто-то ругаетъ или вспоминаетъ.

---

3. Ворожба.

Въ понедѣльникъ на масляницѣ замѣтить первый вареникъ свареный, засушить и взять за пазуху на „страсти", вѣдьма, которая будетъ въ церкви, подойдетъ и будетъ спрашивать, что у тебя за пазухой?

Если украдетъ что-либо воръ, достать изъ воды двѣ жабы и жарить ихъ въ порожнемъ горшкѣ, воръ придетъ самъ и сознается.

Въ среду нельзя разговаривать про вѣдьмъ, потому что онѣ про это узнаютъ и тогда ночью могутъ пугать, превратившись въ собаку.

Поймать ящерицу, отрѣзать ей хвостъ и бросить на землю, въ то время, когда ящирица будетъ кувыркаться (извиваться) нужно продѣлать все, что угодно,—напр. снять штаны и сорочку и бѣгать на четверенькахъ или какія угодно тѣлодвиженія, перегибанія до тѣхъ поръ, пока ящерица перестанетъ шевелиться; затѣмъ одѣвшись и, взявши ящерицу, идти домой (продѣлать это надо въ полѣ). Высушивши ящерицу, стереть ее въ порошокъ. Если высыпать на землю этотъ порошокъ, то всякій, кто будетъ стоять или ходить по немъ, будетъ невольно продѣлывать то же самое, что продѣлывалось надъ ящерицей.

Если затеряешь вещь, то взять нитку и перевязать ножку стола: вещь найдется.

Если потеряешь вещь на дворѣ и когда ищешь ее и при этомъ находишь что-либо отмѣнное или хоть приблизительно похожее на утерянную вещь, это признакъ, что вещь утерянная найдется.

Сбудется ли задуманное, надо хлѣбъ посадить въ печь, обвить на-крестъ шелковою ниткою. Если сгоритъ она, не сбудется; если не сгоритъ—сбудется.

Исполнится-ли желаемое, надо взять вѣтку вишни осенью или зимою поставить въ воду въ тепломъ мѣстѣ, черезъ три дня перемѣнить воду. Если черезъ двѣнадцать дней вишня разцвѣтетъ, то исполнится; если нѣтъ—то не исполнится.

Когда въ ухѣ зазвенитъ, надо спросить, въ какомъ, въ правомъ или въ лѣвомъ; если спрашиваемый отгадаетъ, то исполнится задуманное при этомъ.

Будетъ ли удачно предпринятое дѣло, надо въ 10 часовъ вечера подойти къ колодцу, набрать воды въ чашку, не говоря ни слова съ встрѣчнымъ, какъ туда, такъ и обратно и не оглядываясь, придти домой поставить, закрывши чашку, въ уголъ. Если вода прибудетъ, ожидаетъ удача, если нѣтъ—наоборотъ.

Если желаешь узнать, удачно-ли будетъ задуманное дѣло, быстро помотать руками и свисти ихъ: если пальцы столкнутся сразу, къ удачѣ; наоборотъ—къ неудачѣ.

---

4. Ссора и оклеветанье.

Соль коли на столъ разсыпана, къ ссорѣ.

Если ножикъ лежитъ на столѣ лезвіемъ вверхъ, то къ ссорѣ.

Если бумагой вытирать столъ, ссора будетъ.

Если лежатъ ключи на столѣ, ссора будетъ.

Черезъ порогъ нельзя видаться, къ ссорѣ.

Если во снѣ увидишь пожаръ, къ ссорѣ.

Дарить „на память" предметъ остроконечный нельзя—къ ссорѣ.

Обмѣнившіеся „на память" металическим вещами, крупно поссорятся и разойдутся послѣ.

День Благовѣщенья день несчастный,—ссоры, скандалы и всякія недоразумѣнія происходятъ.

Сорочку нельзя надѣвать въ понедѣльникъ, напраслина будетъ.

Нельзя скатертью утираться въ понедѣльникъ, напраслина будетъ.

Если по ошибкѣ надѣнешь на-выворотъ сорочку или одежду, будетъ напраслина (будешь битъ).

Сидѣть на порогѣ, напраслина будетъ.

Нельзя обметать человѣка, иначе будутъ „оминать" его (обходить).

Надѣть платье на изнанку, предъ клеветою.

Если юбка спадетъ—къ наговору, къ нареканію.

На порогѣ хаты не садись, ибо пойдутъ о тебѣ неблагопріятные слухи.

---

5. Гость.

Къ сосѣду на веселую бесѣду.

Хороша была бесѣда—напились и подрались.

При угощеніи домохозяинъ долженъ выпить, а затѣмъ ужъ гость (у крестьянъ).

Когда водкой угощаешь, долженъ подносить правой рукой, чтобы выразить желаніе угостить; лѣвой, значитъ, нѣтъ желанія угостить.

Какъ ни говори, какъ ни хвали, а все таки со двора гони.

Какіе хорошіе гости ни были, будутъ еще хуже.

Если искры вылетаютъ изъ печи, къ гостямъ; если часто—къ скорымъ гостямъ.

Если чаинка попадается въ стаканъ или чашку и плаваетъ, къ гостямъ.

Если во время обѣда упадетъ вилка, гостья будетъ; если ножъ, то гость.

Если хлѣбъ падаетъ со стола, кто-то спѣшитъ.

Если поперхнешься во время ѣды или питья, значитъ—кто-то спѣшитъ къ тебѣ.

Забыта вилка, значитъ—гость будетъ (именно женщина).

Если свѣча невзначай потушена при снятіи нагорѣвшаго фителя, къ гостямъ.

Кошка умывается, къ гостямъ.

Если кошка сидитъ на комини и умывается лапой, будутъ гости и, смотря какой лапой, съ той стороны и гостей надо ждать.

Когда кошка умывается, надо взять за лапку. Если лапка теплая, то къ прибытію или пріѣзду родныхъ. Для того чтббы узнать какого пола родственникъ, то взять кошку три раза мордочкой поталкать въ дверь и опустить на полъ. Если хвостъ подыметъ—мужчина будетъ; напротивъ, опуститъ хвостъ—женщина.

Если кошка умывается, то гость будетъ чужой, если лапка холодная; если горячая, то родственникъ.

Если пѣтухъ закричитъ на порогѣ, къ гостямъ.

Если пѣтухъ поетъ на крыльцѣ или около него—къ гостямъ.

Если сорока скрыгочетъ на хати, къ гостямъ.

Если двѣ сороки увидишь, къ гостямъ.

Если какая другая птица бьется въ окно, предвѣщаетъ гостя.

---

6. Различнаго характера.

Видно по кулю, что четверть муки.

Не мое засыпалось, не мое и мелется.

На горячую паляницу всякъ побѣжитъ.

Хорошо не проходишь, ласо не проѣсы.

Завтра стряпать, руками ляпать.

Якъ бы робыть гуртомъ, а исты одному.

Что за обѣдъ, коли каши нѣтъ.

Молчи язычку, кашку будешь исты.

Не досолъ на столѣ, пересолъ на спинѣ.

Премудрость во щахъ, а сила въ капустѣ.

Живи будемъ добудемъ, а не добудемъ—такъ пробудемъ.

Живемъ—не горюемъ, хлѣба не купуемъ, а зъ базару кормимся.

Добрый вечеръ! ѣсть нечего. Были вишни да й те давно вышли.

Если на ногтяхъ руки появляются бѣлыя пятнушки—къ обновкѣ (къ новой одеждѣ).

Нельзя на Благовѣщеніе надѣвать новую одежду; въ противномъ случаѣ, ее порвешь или испортишь.

Живъ не живъ, а поѣду въ Рыбное (г. Острогожскъ).

Деньги вечеромъ получать, не имѣть денегъ.

Чтобы никто никогда не укралъ денегъ, нужно всякій разъ, когда получаешь деньги, плевать въ кошелекъ.

Если шапку будешь класть на столъ, денегъ не будетъ.

Обрѣзать ногти слѣдуетъ въ пятницу (какъ евреи) или во вторникъ, тогда будутъ держаться деньги.

Джикъ! давай деньги, а то потеряешь.

Правая рука чешется,—отдавать деньги.

Лѣвая рука чешется,—получать деньги.

Съ панами водиться, ж..ой въ крапиву садиться.

Жиды къ саморяпамъ, черти къ дворянамъ не прикосаются.

Смотри въ оба.

Вылупилъ глаза, какъ баранъ.

Ни въ тикъ не догнавъ.

На пты, шобъ дивовались такіе дураки, якъ ты.

Е. Семейнаго характера.

Съ рожденіемъ луны человѣкъ мѣняется существомъ своимъ; если это женщина, то становится мужчиною и наоборотъ; отъ этого явилось на свѣтѣ двухполое существо (гермофродитъ) (польск. примѣта).

У гермофродита нѣтъ усовъ (польск. пр.).

Разъ батько не благословилъ, не оставайся на родительскомъ мѣстѣ, несчастье будетъ.

Батько мій, а я другій.

На батьку и воду возили, а сыну страшно и хамутъ показать.

Бый твоего батька съ горы каминюкой.

За батьковой головой поливай, какъ водой.

Батько горный, мате горна, а ты, сорока-карповна, ще краще.

Породила мама, да не приняла сырая яма.

Старикъ обѣдняетъ, зять поможетъ.

Рвалъ грибы—стала баба.

На двое бабка сказала.

Баба черту-помощница.

Баба хитрѣй черта.

Гдѣ чертъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ.

У бабы семьдесятъ семь думушекъ, у мужчины одна.

Въ карты не везетъ, въ любви везетъ.

Если въ карты везетъ, въ любви не везетъ.

Влюбился, якъ чертъ въ сухую грушу.

Отъ одной спички нельзя закуривать—женщины не будутъ любить.

Прикуривать отъ папиросы нельзя: молодые люди не будутъ любить.

Съ дѣвками водиться—черту поклониться.

За дѣвками бѣгать, добра не набѣгать.

Дѣвки любятъ деньги.

Вона ему противна, якъ старцу гривна.

Понравится сатана́, лучше яснаго сокола́.

Если правый глазъ чешется, къ свиданію.

Если правая бровь чешется, къ свиданію съ мужчиною.

Если лѣвая бровь чешется, къ свиданію съ женщиною.

Дѣвка должна прійдти къ стогу и выдернуть колосокъ. Если колосокъ попадется съ зерномъ, выйдетъ замужъ за богатаго.

Дѣвка должна прійдти къ дровамъ и, если возметъ дубину съ сучьями, выйдетъ замужъ за богатаго.

Выйдетъ-ли дѣвка замужъ, она должна идти задомъ до дривотни и взять, сколько можно въ одну руку, полинякъ; если выйдетъ парно, то скоро выйдетъ замужъ.

Волькомеріи нельзя держать въ домѣ, если есть дѣвушка, она тогда не выйдетъ замужъ.

Если вытереть подоломъ тарелку, освободить себя отъ чаръ и пр.

Если гадаешь подъ Крещенье о своей судьбѣ (о суженной), она должна присниться.

Если кто желаетъ видѣть кого, нужно взять ложку и сжечь ее, приговаривая: приходи (имя рекъ) скоро (сегодня)—мнѣ скучно, тогда онъ или она явится.

Подъ день трехъ крулей въ полночь, ложась спать, дѣвушка должна прочитать молитвы: „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво радуйся“ и „Вѣрую“, а затѣмъ обратиться къ нимъ съ словами: скажите мнѣ о моей судьбѣ (три раза), тогда приснится суженный.

Если дѣвка будетъ утирать лицо пидточкою (нижняя часть сорочки женской. Обыкновенно она шьется изъ двухъ частей: верхняя изъ лучшаго полотна, а нижняя—изъ худшаго), не будутъ любить хлопци.

Если хочешь, чтобы любили хлопци, поймай жабу (лягушку) положи ее въ кувшинъ и отнеси въ лѣсъ и тамъ поставъ въ муравейникъ. Муравьи съѣдятъ всю жабу, останется отъ нея одинъ крючекъ. Возьми, и вотъ этимъ

крючкомъ кого зацѣпишь, тотъ ужъ непремѣнно будетъ любить; сдѣлать все это нужно ночью.

Влюбленная женщина въ обществѣ повидается съ мужчиною (предметомъ любви) послѣ всѣхъ.

Въ тотъ день когда память мученику, нельзя идти свататься.

Паукъ если спустится надъ головой дѣвичьей, старосты прiѣдутъ.

Когда свадьба въ домѣ, окна должны быть открыты.

Если увидишь три сороки или болѣе, къ свадьбѣ.

Надо взять восковую свѣчу довольно длинную, прилѣпить ее къ притолкѣ свитильней внизъ и зажечь. Когда при горѣнiи она начнетъ издавать нѣкоторые звуки, и дымъ приметъ видъ хваты, той дѣвушкѣ выходить замужъ.

Если до Рождества вышла замужъ, это „настоящiй товаръ", если по Крещенiи, то выборошки, бракъ.

Начнешь жениться, и ночь не спится.

Если собака укуситъ, укушенному въ этомъ году жениться.

Если дѣвушка поетъ за столомъ (обѣдомъ), мужъ у ней будетъ дуракъ.

Когда невѣста идетъ къ вѣнцу, должна со стола стянуть скатерть, чтобы за собою потянуть и своихъ сестеръ.

Если невѣста скроетъ отъ родителей мужа, что уже вступила въ связь съ мужчиною, тогда постигнетъ этотъ домъ несчастье.

Если невѣста вступила въ связь съ мужчиною и ухитрилась скрыть это, выдастъ себя за честную, непремѣнно послѣ свадьбы будетъ вскорѣ несчастье или ей самой или мужу (лошадь или быкъ издохнетъ и пр.). Вообще если послѣ свадьбы случится что-либо недоброе, вся вина падаетъ на молодую.

Если у свекра есть пчелы, невѣсту не слѣдуетъ покрывать, дабы не покрыть и пчелъ (т. е. не уничтожить).

Женихъ спутываетъ клубокъ шелковыхъ нитокъ и передаетъ своей невѣстѣ. Если она распутаетъ этотъ клубокъ, тогда она считается достойной своего жениха; если нѣтъ женихъ отказывается. (Польская примѣта).

Молодымъ стелятъ подъ ноги шубу, когда они возвращаются отъ вѣнца, чтобы они жили богато.

Новобрачные должны стоять у аналоя близко другъ къ другу, чтобы никто не могъ устроить распри и интриги въ ихъ жизни.

Новобрачные, идя отъ вѣнца, должны потянуть за собой коверъ, чтобы барышни выходили замужъ.

Когда невѣста слѣпитъ каравай, зажигаетъ двѣ свѣчи, ставитъ въ каравай и сажаетъ его въ печку. Чья свѣча скорѣе потухнетъ, тотъ скорѣе изъ новобрачныхъ умретъ.

Если во время вѣнчанiя невѣста сожметъ сильнѣе руку жениха, она будетъ властвовать; если женихъ—наоборотъ.

Если женихъ первый на коверъ станетъ, онъ будетъ верховодить въ домѣ.

Если невѣста первая станетъ на коверъ въ церкви, она будетъ верховодить мужемъ.

Новобрачныхъ въ первую ночь кладутъ на ржанной соломѣ (околоть, старновка) для того, чтобы прибытокъ былъ въ хозяйствѣ (этотъ обычай удерживается и у крестьянъ считающими себя болѣе образованными. Только здѣсь подъ перину кладутъ ржаную солому).

Когда молодые идутъ отъ вѣнца, цвѣты у молодой срываютъ для скораго выхода замужъ.

Когда покрываютъ послѣ вѣнца невѣсту, этимъ покрываломъ нужно махнуть въ сторону дѣвушекъ, чтобы ихъ скорѣе покрывали.

Если хлопецъ любитъ дивчину, а она не любитъ его, то съ-подъ правой ноги нужно взять земли да зашить себѣ въ очкуръ, тогда будетъ любить.

Если выйдешь замужъ, а мужъ не любитъ, да грѣхъ сдѣлаетъ, то водою, въ которой мыто голубиное гнѣздо, нужно смыть голову, тогда онъ полюбитъ.

Мѣняться кольцами даже до замужества нельзя—къ несчастью.

Вѣнчальное кольцо не слѣдуетъ никому давать примѣривать, въ противномъ случаѣ—будутъ происходить постоянныя ссоры и непріятности между супругами.

Запоздреватѣлъ хлѣбъ, значитъ—хорошъ, значитъ—и хозяйка хороша.

Если у мужа бочка пшена, то и жинка умна.

Если правый сапогъ обуетъ впередъ жена, борщъ будетъ добрійшій.

Повернуся, и столчу, и блинцивъ напечу.

Ой, сыпъ сыровецъ, да крыши опеньки, ты вродилась на работу, ни на вытрибеньки.

Ой, сыпъ сыровецъ, да крыши опеньки, нанялася я на плясъ, да на вытребенки.

Не до поросятъ, коли матку смолятъ.

Рада мама за пана, да панъ не беретъ.

Всякая гнида идетъ за Демида.

Зачѣмъ жениться, коли чужая ложится.

Ты—Татьяна, да голосъ не ея.

Если сѣлъ за столъ съ одного конца, съ того и вставай, если съ другаго, будешь женатъ два раза.

Если вмѣсто вилки и ножа подадутъ два ножа, значитъ—придется два раза жениться.

Послѣ вѣнца поправится.

Спарувавъ, да черту подарувавъ.

Семьянинъ, а дитя безъ гузна.

Не ложись съ бабой съ лѣваго бока, чтобы не родилась дѣвочка.

Когда совокупляешься съ женой, держи лѣвую ногу круче, сынъ будетъ.

Женатый долженъ покупать изъ предметовъ домашняго обихода непремѣнно по парно (стаканы, рюмки и пр.).

Знай сметку, люби жену и сосѣдку.

Не свисти въ комнатѣ, а то жена будетъ безъ...

У кого лысая кобыла, у того жена блядь.

У кого пегая лошадь, жена броситъ.

Не кумись и не сватайся, не цалуй въ жопу, да не лакомся.

Покумиться—поссориться.

Не для зятя собаки, а для своего дитяти (дѣлается).

Подальше отъ хаты, шобъ не зносыла съ хаты (на счетъ поселившагося у тестя зятя).

Подали отъ двора, шобъ не зносыла со двора.

Не давно со двора, уже и вошь сняла.

Надумалась баба про дивера, шо добрый бувъ.

Роды стараются скрывать отъ другихъ, ибо роженица мучается за каждаго человѣка, который узнаетъ о ея родахъ.

Если филинъ кричитъ „повывъ", къ новорожденному.

Если беременная баба обмочетъ свою рубаху спереди—сынъ будетъ.

Если сзади обмочетъ сорочку беременная баба, дочка родится.

Беременная женщина, если румянная, бодрая и веселая, родитъ мальчика; если, наоборотъ, то дѣвочку.

Когда беременную женщину спросить, кого она родитъ, сына или дочь, то, если она засмѣется, родится дѣвочка, если разсердится, то мальчикъ.

Если мать увидитъ свое дитя маленькимъ—къ несчастію съ послѣднимъ.

Если ребенка отлучитъ мать отъ груди и затѣмъ снова приметъ къ груди, этотъ человѣкъ будетъ глазливый.

Если *родится ребенокъ*, нельзя въ тотъ день давать нищему, будетъ несчастье.

Если новорожденные дѣти умираютъ, тогда отецъ, когда въ томъ надобность, долженъ брать кумомъ встрѣчнаго человѣка.

Если на отца похожъ ребенокъ, онъ будетъ несчастливымъ и наоборотъ.

Если мужъ съ женою мирно и ладно живутъ, то чтобы устроить между ними ссору, надо найдти вѣникъ на улицѣ (деркачъ) и замазать его въ въ каминъ.

Если хочешь поссорить мужа и жену, которые живутъ въ мирѣ и согласіи, нужно взять щепотку земли изъ-подъ того и изъ подъ другаго и бросить эту землю на тѣхъ собакъ, которыя грызутся и потомъ разогнать ихъ; вслѣдствіи этого мужъ и жена станутъ грызться, т. е. ссориться и совсѣмъ разойдутся.

Для ссоры между мужемъ и женою, надо взять зубъ собачій, шерсти и уголь и зашить въ подушку, когда они изъ подъ вѣнца лягутъ спать.

Если на покосѣ приснится косарю, что онъ вступилъ въ связь съ чужою женою, онъ тогда порѣжетъ палецъ косою или что-либо другое непріятное съ нимъ случится.

Передъ извозомъ нельзя спать вмѣстѣ съ женою, въ противномъ случаѣ лѣтомъ или ось поломается, или чека потеряется, зимою завертни порвутся.

Не зря люди кажутъ (брешутъ): коли дивчина черезъ поригъ перелизе, топорище влизе.

Что у матки, что у дочки одинаковы,—другъ другу не вирилы, взялы личкомъ помирялы.

Да вже жъ въ діло йде, въ дно пре, въ стинки тре—такъ намъ съ знего не стрѣлять (совѣтъ матери—по адресу неспособности мужской).

Ж. Хозяйство.

1. Домъ.

Ходи хата, ходи печь, хозяину негдѣ лечь.

Наша хата не кабакъ, кто въ шапкѣ тотъ дуракъ.

Чужая хата хуже ката.

Въ тотъ день, когда „память мученику“ нельзя начинать строить хату.

День считается праздничнымъ, когда стаскиваютъ сволокъ въ новой хатѣ, при чемъ по окончаніи работы могорычъ (выпивка).

Когда вновь строится домъ, то, если наступитъ время встаскивать и устанавливать сволокъ, перевязываютъ плотниковъ, какъ на свадьбѣ, платками, а хозяинъ и хозяйка кладутъ подъ сволокъ деньги: хозяинъ подъ передній уголъ или съ правой стороны, хозяйка—съ лѣвой.

Если ушаки вставляются въ дверь или окно, слѣдуетъ толстымъ концомъ внизъ; въ противномъ случаѣ переведется домъ (не ладно будетъ).

Во вновь построенномъ домѣ долженъ кто-нибудь умереть. Поэтому для того, чтобы войдти въ домъ, впускаютъ пѣтуха и кота подъ день входа. Одинъ изъ нихъ вскорости долженъ погибнуть, и тѣмъ самымъ отвратить отъ домохозяина смерть или гибель.

Построивши новую хату (избу), нужно бросить черезъ порогъ кошку на ночь, а затѣмъ можно ужъ и семейству войдти, потому что всякая бѣда окончится на кошкѣ.

Если грушу положить подъ хату, когда строятъ ее, грусть будетъ.

Если хату ставятъ на томъ мѣстѣ, гдѣ печка была, печаль будетъ.

Домъ не строй на бывшихъ воротахъ, хозяйство будетъ скрипѣть такъ, *какъ ворота* скрипятъ.

Если сгоритъ изба, не слѣдуетъ на старомъ мѣстѣ ставить ее, дабы въ другой разъ не сгорѣла.

2. Пожаръ.

Въ 7 часовъ вечера, если на церковныхъ часахъ случайно пробьетъ разомъ два раза безъ перевыва, къ пожару. (Тамбов. губ).

Если красный кочетъ постоянно поетъ на воротахъ, къ пожару.

Пожаръ отъ грозы слѣдуетъ тушить молокомъ.

Если случится пожаръ послѣ грома (грозы), лѣтомъ пожаровъ не будетъ.

Если пожаръ случится до грому, все лѣто пожары будутъ.

Отъ грозы сгораетъ одна хата или сарай—больше не тронетъ.

Если голуби будутъ находиться въ какомъ-либо строеніи, послѣднее не сгоритъ.

Когда курица пѣтухомъ поетъ, при чемъ если у нея ноги горячія, къ пожару.

3. Купля и продажа.

Купецъ-стрѣлецъ.

Не покорить—не купить.

Купилъ—пріобрѣлъ, продалъ—потерялъ.

Для удачной торговли или привлеченія покупателей слѣдуетъ вбить при входѣ подкову.

Если первый покупатель покупаетъ за деньги, къ удачной торговлѣ.

Если полѣно выскочитъ изъ грубки во время топлива, къ покупателю, и чѣмъ больше, тѣмъ къ болѣе крупному покупателю.

Лишь бы купчая была, не отпердится отъ меня.

Если купить вечеромъ, надо и брать вечеромъ иначе неудача т. е. не оправдается покупка.

Если купишь скотину вечеромъ, не бери ее вечеромъ, оставь до утра—иначе убытокъ.

Если происходитъ покупка домашнихъ животныхъ, продавецъ долженъ поводъ передать съ снизу, а покупатель сверху брать, затѣмъ покупатель долженъ взять земли горсть и этою землею погладить по спинѣ проданнаго животнаго для того, чтобы въ руку шло и не уходило со двора.

Если купишь кого да нибудь изъ животнаго (корову, лошадь и пр.), какъ только приведешь въ свой домъ, высчится, тогда хоть заразъ и продавай—не пойдетъ у дило. Если высерется пойдетъ въ руку.

При продажѣ-купли лошади нужно передать купившему изъ полы въ полу, чтобы въ руку пошла.

Купившему лошадь надо дать на „поводокъ".

Если купленная лошадь испражняется въ ясли, не идетъ въ руку.

Если купленная и только что поставленная къ стойлу лошадь испражняется у стойла—идетъ въ руку.

Если при продажѣ лошади жалѣешь ее, то долженъ узду отдать покупателю на все время, пока она будетъ у покупателя и послѣдній не продасть ее.

Если купишь лошадь, приведешь домой и пробудетъ дня 2 — 3 смотришь—у ней грива плетется, значитъ—это лошадь по двору идетъ.

Если же купишь лощадь съ закрученной гривой подержишь у себя недѣлю времени и грива расплетается (раскрутилась), значитъ—по двору не идетъ; хоть чѣмъ не корми, она будетъ худою.

Если купить корову на ярмаркѣ, какъ только отдашь деньги, испражнится она, счастье будетъ, въ руку пойдетъ.

Если купишь и приведещь корову домой, жинка должна на воротахъ

скинуть поясъ съ юбки и перевести корову черезъ поясъ, тогда сама корова будетъ ходить домой, (то же надо продѣлать съ волами, конемъ, свиньями).

Если корова помочится при покупкѣ, дѣло плохо, тогда въ руку не пойдетъ.

Купивши корову, протягиваютъ поясъ на воротахъ и переводятъ ее черезъ поясъ, чтобы по двору пошла.

При покупкѣ коровы надо выдоить немного молока въ ладонь, затѣмъ потереть ладони: если молоко будетъ тянуться при разнятіи ладоней, корова хороша на сборъ молока и масла.

Если купленная корова, когда ее отгонятъ въ череду, утикаетъ (уходитъ) изъ череды домой или въ поле, надо взять свяченую (освященную) вербу (вербное воскресенье) и отогнать ею корову въ череду, а вербу бросить: тогда корова не будетъ убѣгать изъ череды.

Купившему корову, и приведшему къ себѣ слѣдуетъ корову въ воротахъ провести черезъ поясъ и дать зерна затѣмъ, чтобы она не уходила отъ новаго владѣльца.

Домовой бьетъ черезъ руки т. е. если жалѣетъ человѣкъ по проданной скотинѣ.

Своего скоро продашь, а чужаго не скоро купишь.

4) Сельское и домашнее.

Наше хозяйство крестьянское, что зипунъ, одну дыру сдѣлаешь, весь зипунъ испортишь, потому дальше пойдетъ отъ этой дыры рвань (Саратов. губ.).

Душу изъ деревни взяли, а закона не дали. (Саратов. губ.).

Послѣ войны должна быть передѣлка земли.

Въ тотъ день, когда „память мученику" нельзя выѣзжать сѣять.

Посѣялъ подъ рало, оно тебѣ и удрало.

Кто съ орѣхами пахаетъ, тотъ хлѣба не доѣдаетъ.

Хорошо на печи пахать, да круто заворачивать.

Кобель лохматъ тепло ему, мужикъ богатъ добро ему.

Получилъ бѣдный пятакъ, иди такъ.

Домовой душитъ хозяина, если въ хатѣ, къ бѣдности; если въ огородѣ или саду, къ богатству.

Если во снѣ увидишь спѣлое жито (рожь) предвѣщаетъ богатство.

На Рождество или Пасху, если войдетъ въ хату кто-либо изъ чужихъ, первымъ мужчина, будетъ благополучно.

Если тебя встрѣтятъ только что вынутымъ изъ печи хлѣбомъ, сулитъ богатство. (польск. прим.).

Если бьется посуда къ благополучію.

Свистѣть въ комнатѣ нельзя, ибо высвистишь хозяйство *).

Нельзя бросать соръ въ печку, бросаешь свое благосостояніе.

Слѣдуетъ перевязывать столбы воротъ послѣ выноса мертвеца, дабы хозяйство не ушло.

Если летучая мышь влетитъ въ домъ, недо ее задушить вѣнчальнымъ кольцомъ и трупъ хранить въ домѣ, тогда скоро разбогатѣешь. (Еврейская примѣта).

Если дятель стучитъ въ стѣну, предвѣщаетъ переселеніе, выходъ изъ того дома.

Когда сычъ кричитъ на амбарѣ, или на хатѣ, или на какомъ-либо хлѣвѣ, то, если одинъ хозяинъ, то онъ переведется совсѣмъ; если два (напр. два брата), то разойдутся или подѣлятся вскорости.

---

*) Jak masz swistać kol domu, lepies swisnij w ucho komu.

Если удодъ кричитъ на хатѣ или стучитъ въ окно, предвѣщаетъ разрушеніе.

Если заведутся въ хатѣ черные тараканы, на богатство: если же на цвѣтъ рыжіе, на бѣдность.

Звирина чуетъ, что хозяину лихо будетъ (относительно воя собакъ).

Если сундукъ скрипитъ, къ перемѣнѣ квартиры.

Если двери начали скрипѣть, предвѣщаетъ выѣздъ.

Если сверчекъ кричитъ въ комнатѣ, предвѣщаетъ выѣздъ.

Въ среду ничего не слѣдуетъ начинать, переѣзжать на квартиру, долго не будешь тамъ жить.

Если нанять прислугу въ среду, долго не будетъ служить.

Въ тотъ день, когда „память мученику" нельзя поступать въ работники.

Греблю не прерывай, она не такъ запружена.

Смотри, какъ жито (рожь) зацвѣтетъ: если снизу къ верху, то цѣна хлѣбу сначала будетъ низкая, а затѣмъ будетъ подыматься; если сверху къ низу, то цѣна высокая, а затѣмъ будетъ понижаться.

Если „волчекъ" (у москалей) рыба букаетъ семь разъ, четверть будетъ стоить 7 рублей. Словомъ сколько разъ букаетъ, столько рублей будетъ стоить четверть ржи.

Если мыши вредятъ верхніе снопы, будетъ цѣна на хлѣбъ высокая.

Если мыши ѣдятъ хлѣвъ печеный снизу вверхъ, цѣна на хлѣбъ будетъ повышаться.

Если ровно мыши ѣдятъ хлѣбъ, цѣна будетъ ровная.

Если мыши ѣдятъ хлѣбъ печеный сверху внизъ, то цѣна на хлѣбъ будетъ понижаться.

Скотина, когда стоитъ, всегда поворачивается задомъ къ солнцу или къ вѣтру.

Къ чему быкъ привыкъ, то въ череди реве.

Хоть яловая, да телись.

Корова не хороша на сборъ молока и масла, если у нея хвостъ шиломъ.

Корова хороша на сборъ молока и масла, если у нея въ хвостѣ рѣпица булавашкою и луска желтая.

Если у тельной коровы хвостъ закручивается веревочкой—къ бычку.

Если у тельной коровы хвостъ растрепывается—къ телкѣ.

Теленка только что родившагося, надо въ хату вносить обернутаго соломой или сѣномъ, чтобы онъ скорѣе приступилъ къ ѣдѣ, не брухался и не жевалъ тряпокъ.

Если родится теленокъ, нельзя давать нищему въ тотъ день, будетъ несчастье.

Во время грозы молоко скисается.

Нельзя лить молоко въ ложку, ибо тогда корова уменьшитъ удой (количество молока).

Нельзя крошить ножемъ хлѣбъ въ молоко, корова будетъ хворать.

Когда кипятятъ молоко, нельзя допускать, чтобы оно сбѣгло на жаръ, у коровы, тогда убавится молоко.

Когда колотятъ (сбиваютъ) масло, нельзя никому смотрѣть, потому что оно плохо всбивается отъ того.

Если молока въ кувшинѣ принесутъ подарокъ, то по возвращеніи надо въ кувшинъ положить кусокъ хлѣба и щопочку соли, дабы молоко не портилось у коровы.

Хохлы (малороссы), когда продаютъ молоко, солятъ его, дабы тѣмъ устранить порчу молока.

Если женщина переступитъ черезъ оглоблю, лошади тяжело будетъ.

Заяцъ или кошка перебѣжитъ черезъ дорогу, перекинется возъ.

После водосвятія (6 янв.) въ прорубь втыкаютъ кнутъ, чтобы лошади шли ко двору.

Если у лошади грива заплетается (завивается), въ руку идетъ (домовой принимаетъ).

Если лошадь ложится по срединѣ конюшни, въ руку идетъ.

Если лошадь ложится къ стѣнѣ, не идетъ въ руку (домовой не принимаетъ).

Если лошадь качаясь переворачивается съ боку на бокъ, при чемъ бьетъ копытомъ объ копыто, считается сильною. Слабая только на одномъ боку качается.

Сзади посмотрѣть на лошадь, можно узнать характеръ ея (я бачу характеръ, по какимъ признакамъ не сказано).

У наровистой лошади передніе зубы (рѣзцы) кривые.

Чѣмъ не наравистѣй лошадь, тѣмъ больше барыша отъ ней.

Чтобы овцы не заболѣвали отъ оспы, надо въ кашарѣ посыпать конопляной половой.

Отъ тучной свиньи жирныя поросята *).

Если гуска съ яйцами, но не несется, протягиваютъ сквозь хомутъ.

Кутью становятъ на покутъ на сѣнѣ. Когда садятся за столъ, то старшій садится на порогѣ въ разодранномъ полушубкѣ и шапкѣ и квохчетъ, чтобы квочки садились хорошо и цыплята были хохлатые и чубатые.

На кутью слѣдуетъ ставить на сѣно узваръ и, когда вносятъ сѣно въ избу, слѣдуетъ закудахтать, чтобы куры неслись.

Чтобы раньше квочки садились, первыхъ засѣвальщиковъ на Новый годъ просятъ присѣсть у порога или на лавку.

Надо класть въ поповскую шапку или шляпу тѣ яйца, которыя надлежитъ класть подъ насѣдку—для удачнаго высиживанія.

Когда у пѣтуха толстый гребешокъ, куры плохо несутъ яйца.

Если курица съ яйцами, но не несется, протягиваютъ сквозь штаны.

Когда куры садятся на яйца для высиживанія, нельзя въ печи запекать яйца, иначе подъ насѣдкой будутъ запекшіяся яйца.

Если на Благовѣщенье курица или гусь снесетъ яйцо, изъ послѣдняго высиживается уродъ или колѣка.

Украсть надо палку у старцевъ (нищихъ) и заткнуть въ голубятню, чтобы голуби водились.

Втыкаютъ въ прорубь (6 янв.) палку, чтобы голуби или пчелы плодились.

Найти въ полѣ чеку, или положить или воткнуть въ голубятню, чтобы голуби водились

Во время садки огородныхъ растеній не надо ѣсть, въ противномъ случаѣ червь будетъ ѣсть или портить.

На бахчахъ или огородахъ нельзя ѣсть, въ противномъ случаѣ нападутъ на бахчи или огородъ птицы.

На пасѣкѣ нельзя ѣсть.

Съ пасѣки матокъ и пчелы не давать, иначе рои не будутъ садиться, станутъ улетать.

Жирна пчела роивъ не ма; худа, треба труда, а середня, знай—яка средня. Также: Ж. пч. роивъ мало бува;... тр. богацько тр.... знай, яко бува.

Въ какое время дня улей (пчелы) играетъ, въ то же время дня дастъ роя, хотя черезъ нѣсколько дней.

За два, богацко за три дня до Ивана Купалы появляется медъ или послѣ въ такой же періодъ.

Если у собаки небо черное, три черныхъ волоска подъ бородой (подъ

*) Od tłustei swini tłuste prosienta.

нижней челюстью) и на переднихъ ногахъ выше ступни по одному когтю, то собака эта волка беретъ, бросается на волка.

Если цѣпная собака сбѣжитъ со двора и не возвращается нѣсколько дней во дворъ, надо въ хатнюю трубу позвать или покричать, произнося ея кличку, она вернется.

Если собака воетъ, опустивъ голову внизъ, на свою голову, на свою, погибель.

Осеньчуки (т. е. родившіяся осенью или въ октябрѣ животныя: собаки, лошади) грому боятся.

Чтобы сослать клоповъ, надо посадить двухъ на рясу священника, когда онъ приходитъ въ домъ съ молитвою, приговаривая: „куда попы, туда и клопы".

Отъ свѣжей могилы взять горсть земли и посыпать тѣ мѣста, гдѣ водятся тараканы—они пропадутъ, при этомъ читается молитва (текстъ ея мнѣ не извѣстенъ).

Отъ таракановъ: послѣ ужина собрать крошки и выбросить за окно, приговаривая: „тараканы-цвиркуны, идите на веселье да на пиръ, вотъ вамъ на дорогу харчи.

Въ рождественскій мясоѣдъ волки ходятъ стаями по столько штукъ, сколько недѣль рождественскаго мясоѣда.

Сколько рождественскаго мясоѣда недѣль, столько будетъ волчатъ отъ данной самки, при чемъ изъ дѣтенышей одна самка, а остальные самцы.

Если охотникъ пирдитъ, пропирдитъ охоту, т. е. неудача.

Если охотникъ мочится предъ выходомъ на охоту, къ неудачѣ.

Если охотникъ испражняется предъ выходомъ на охоту, къ удачѣ.

Когда охотникъ идетъ на охоту, для удачи надо не пожелать ему удачи.

Когда охотникъ идетъ на охоту, для удачи надо сказать ему,—ни пера-ни пуху.

Гончая качается предъ охотой, къ удачѣ (на матерого зайца).

Встрѣча съ попомъ для охотника, къ удачѣ.

Когда пекутъ куличи, въ то время, когда ихъ сажаютъ въ печку, запираютъ дверь въ сѣняхъ, чтобы не вошелъ кто-либо чужой, иначе куличи будутъ неудачные.

Если хлѣбъ посаженный въ печь треснетъ пополамъ, къ несчастью.

Если курица пѣтухомъ поетъ, къ несчастью въ домѣ (пожаръ, смерть), къ убытку въ хозяйствѣ.

Бѣлый цыпленокъ появится, къ убытку въ хозяйствѣ.

Если ѣдешь съ клажей, да перейдетъ дорогу женщина, обязательно: или обламается, или потеряешь что, или лошадь захвораетъ (такъ вже не минется).

Если курица поетъ пѣтухомъ, нужно взять ее и мѣрить отъ покутя до порога, переворачивая черезъ голову и черезъ хвостъ; если придется на порогѣ хвостомъ, отрубить хвостъ, а если головой отрубить голову, а то будетъ какая-либо причина.

Во время обѣда на Рождество или на Пасху нельзя пить, кто не пьетъ, тому не захочется воды, когда ее негдѣ взять: въ дорогѣ или въ полѣ во время работы.

Кто квасное ѣстъ, тотъ издаетъ очень непріятный запахъ.

До Спасовки мясо нельзя хранить, пóтомъ отзывается, послѣ Спасовки мясо гоже въ прокъ, ибо скотина не потѣетъ и мясо не портится.

На кривое дерево и козы скачутъ *).

Если дятелъ долбитъ въ дерево (которое растетъ), то къ смерти дерева т. е. оно засохнетъ.

---

*) Na pochyłe drzewo i kozy skaczą.

3. Погода.

1. По звѣздамъ.

Если млечный путь на небѣ полонъ звѣздъ и свѣтлъ-ведро.

Темные круги около звѣздъ предвѣщаетъ дождь, а красные и бѣлые—ведро.

Когда кажутся будто звѣзды бѣгутъ, вѣтеръ будетъ.

Если около большей части звѣздъ круги кажутся темнаго, земнаго и блѣднаго цвѣта, будетъ дождь.

Если звѣзды испускаютъ длинные лучи замѣтно въ одну сторону, чѣмъ въ другую, жди вѣтра.

Если подъ 1 февраля ясно и зоряно, весна будетъ ранняя.

Зори пляшутъ—къ годинѣ.

Когда зори будутъ рѣдки и „надуты", предсказываетъ дождь.

Если лѣтомъ на небѣ видно мало звѣздъ, къ ненастью.

Если звѣзды блестятъ ярко лѣтомъ, предвѣщаетъ зной, а зимой—стужу.

2. По солнцу.

Если солнце восходитъ изъ-за тучи, къ дождю.

Если вечеромъ солнце заходитъ за тучу, то къ дождю на слѣдующій день.

Если солнце до полудня въ кругу, то черезъ день будетъ година.

Если солнце въ столбахъ, будетъ жара на данную мѣстность.

Когда солнце свѣтитъ сквозь дождь, значитъ—перемѣна погоды.

Какъ солнце заходитъ желтыми лучами за хмару (тучу), то предсказуетъ на завтра (или скоро) дождь.

Если червонѣетъ западъ солнца, пророчествуетъ, что завтрешній день возсіяетъ чистый; а если зарумянится востокъ, стужа и непогода будетъ сегодня (Г. С. Сковорода).

3. По лунѣ.

Если мѣсяцъ „надутъ" къ непогодѣ.

За три дня до рожденія луны или послѣ рожденія ея всегда бываетъ перемѣна погоды.

Если молодикъ бѣлый и простой, будетъ година.

Если у молодика рожки крутые, къ непогодѣ; если пологіе, къ годинѣ.

Мѣсяцъ молодикъ рожками въ гору, къ непогодѣ; если простой, къ годинѣ.

Если выпадетъ снѣгъ въ новолуніе, онъ скоро растаетъ.

Если молодикъ обмывается дождемъ, весь мѣсяцъ будетъ дождливымъ.

Если молодикъ обмывается вѣтромъ, будетъ весь мѣсяцъ вѣтреннымъ.

Послѣ рожденія луны черезъ 7 дней перемѣна погоды.

За три дня передъ полнолуніемъ перемѣна погоды.

Передъ ущербомъ за три дня перемѣна погоды.

Около мѣсяца столбы—къ морозу.

4. По общимъ признакамъ.

Если зоря погоритъ утромъ или вечеромъ, къ вѣтру.

Если зоря ранняя погорить (будетъ красная), показуетъ съ обѣда дождь.

Если вечерняя зоря будетъ красная (погоритъ), то будетъ на завтра вѣтеръ.

Если ясный и чистый воздухъ, будетъ ведро.

Когда въ воздухѣ отдаленные предметы кажутся въ увеличиномъ видѣ, будетъ дождь.

Если пойдетъ паръ изъ земли лѣтомъ, то къ дождю на ночь или только роса.

Взять луковицу и вынуть изъ нея 12 чашечекъ по числу мѣсяцевъ; насыпать въ нихъ соли и поставить на окно на ночь подъ Новый Годъ. Какъ къ заутрени зазвонятъ, то пересмотрѣть эти чашечки. Въ какой чашечкѣ и какъ (степень) отвлажила соль или нѣтъ, тотъ мѣсяцъ будетъ влажный, дождливый или сухой.

По погодѣ: декабрь, январь, февраль соотвѣтствуютъ іюню, іюлю, августу, мартъ же, апрѣлъ и май соотвѣтствуютъ сентябрю, октябрю, ноябрю и наоборотъ (Обл. Войс. Донс.).

Изъ большой тучи малый дождь *).

Какова погода 26 марта, такова она будетъ 26 сентября и наоборотъ.

Какова погода 29 марта, такова 29 сентября и наоборотъ.

Какова погода 30 марта, такова 30 сентября и наоборотъ.

Какова погода 1 апрѣля, такова и 1 октября и наоборотъ.

Если 20 ноября снѣгъ шелъ, то 20 мая пойдетъ дождь.

Если 21 ноября снѣгъ съ крупой, то 21 мая дождь съ градомъ.

Съ какого числа въ октябрѣ пойдетъ година, съ того числа весна откроется въ апрѣлѣ.

Если лѣтомъ паритъ, то къ грозѣ.

Если сильная молнія и сильные раскаты грома, то, чтобы утихли и не принесли вреда, надо читать молитву «святъ святъ, Господь Саваофъ».

Если сильные раскаты грома, надо, перекрестивъ евангеліемъ три раза, поставить его раскрытымъ на востокъ, громъ утихнетъ.

При сильной грозѣ громъ разражается тремя сильными ударами.

Если зарницы являются въ засуху, это признакъ къ еще бо́льшей засухѣ.

Если на Срѣтенье будетъ переметывать дорогу, зима протяжная.

Если окидь (снѣгъ выпавшій въ весеннюю пору) не упала на прилетную птицу, снѣгъ хотя небольшой долженъ выпасть и быть морозамъ.

Если 25 марта на Благовѣщенье будетъ година (ясно), такъ будетъ и на Свѣтлое Воскресенье.

Если выпадетъ снѣгъ, а деревья не сбросили листьями, скоро растаетъ.

Если на Богослова (26 сент.) снѣгъ, то зима ляжетъ на Михайловъ день (7 ноября).

Если печь или грубка вытоплена съ вечера, на утро, если предъ морозомъ, зола потухнетъ, если предъ оттепелью, въ золѣ будетъ жаръ.

Если зола разжеврится, къ годинѣ.

Если баба затопляетъ печку и въ это время загудитъ въ трубѣ, къ бурѣ.

Когда самоваръ зимою гудитъ, къ морозу.

Во время годины дымъ стелится по землѣ, будетъ скоро дождь.

Если дымъ растелается, къ оттепели.

Если дымъ изъ трубы столбомъ, къ морозу.

Если окна начинаютъ потѣть при двойныхъ рамахъ, къ усиленію мороза.

Если стекло въ окнѣ весною довольно сильно нагрѣвается отъ солнечныхъ лучей, значитъ—тепло уже наступитъ.

---

*) Z wielkiej chmury mały deszcz.

Если подъ горячимъ полумискомъ вспотѣетъ столъ, будетъ дождь.

Если пузыри вскакиваютъ на водѣ во время дождя, то послѣдній усилится и продолжится.

Машина кричитъ къ перемѣнѣ погоды: зимою—къ снѣгу; лѣтомъ—къ дождю.

Какъ стоитъ съ сѣвернаго края стѣною хмара (туча) весною, весна будетъ теплая.

Если лѣтомъ ночью не было росы, днемъ будетъ дождь.

Во время дождя будетъ разгодиниваться, то обязательно будетъ година.

Если во время годины лѣтомъ ходятъ „молоди“ (тающія облака), то съ обѣда будетъ дождь.

5. По вѣтру.

Если на Семенъ день (1 сент.) вѣтеръ будетъ изъ южнаго края, будетъ зима гнилая или теплая.

Вѣтеръ гудитъ въ трубѣ, къ морозу.

Отъ куда вѣтеръ на Покровъ, оттуда начнутся морозы.

Если во время годины лѣтомъ вѣтеръ ворочается, година перемѣнится къ дождю.

Если весною пылевые вихри схватываются по дорогѣ, то надо ожидать засуху.

Если вихри лѣтомъ—къ засухѣ.

Во время лѣта вѣтеръ съ востока къ засухѣ.

Если 22 ноября дулъ вѣтеръ съ 5 и снѣжокъ мотросилъ (моросилъ), то 22 мая будетъ вѣтеръ и пасмурно съ юга, дождь побрызгаетъ.

Если 23 ноября мотросилъ снѣгъ и вѣтеръ съ сѣвера, то 23 мая будетъ вѣтеръ съ сѣвера и дождь побрызгаетъ.

6. По человѣку.

Если во снѣ увидишь мертвеца, къ непогодѣ.

Написать сорокъ именъ лысыхъ, морозъ будетъ.

Посчитать три раза по 9 лысыхъ, морозъ лопнетъ, при чемъ послѣ имени каждаго лысаго говоритъ: „морозъ пересядься“.

Когда дѣтишки на проталинахъ играютъ и ложатся животомъ на землю, къ ранней и теплой веснѣ.

7. По животнымъ.

Если лошади выходятъ на бугоръ, къ перемѣнѣ погоды, къ оттепели. (Обл. В. Дон.).

Если лошади собираются косяками въ лощину, къ непогодѣ, къ метели (Обл. В. Дон.).

Лошадь лѣтомъ фыркаетъ, къ дождю.

Если лошадь прискаетъ—на вьюгу.

Быки принюхиваются—къ дождю.

Свиньи визжатъ—къ дождю.

Если свинья тащитъ солому, къ холоду.

Если собака качается на дворѣ, къ вѣтру и въ какую сторону головой, съ той будетъ вѣтеръ.

Собака по снѣгу качается—на оттепель.

Собака въ крюкъ гнется—на холодъ.

Кошка траву ѣстъ—передъ дождемъ.

Если кошка скребетъ дверь когтями—къ сильному вѣтру.

Если кошка растянется по полу, къ теплу.
Если кошка свернется калачикомъ въ комнатѣ—къ морозу, къ холоду.
Если кошка лѣзетъ въ печку грѣться, къ холоду.
Если кошка скребетъ когтями дерево—къ вѣтру.

8. По птицамъ.

Птица домашняя рано садится на нашестъ, къ морозу и чѣмъ выше, тѣмъ къ большому морозу.

Гуси крыльями хлопаютъ на оттепель.
Гуси носы подъ крылья прячутъ на холодъ.
Гуси келгикаютъ (гогочутъ), къ дождю.
Утки крыльями хлопаютъ, кахкаютъ, къ дождю.

Если пѣтухъ запѣлъ раньше 9 часовъ вечера, лѣтомъ—къ дождю; зимою къ оттепели или перемѣнѣ погоды.

Какъ горобци (воробей) чвиринчатъ, къ дождю.
Если ласточка летаетъ низко, къ дождю.
Если перепелъ закричитъ въ клѣткѣ, къ дождю.
Павлинъ кричитъ, къ дождю.
Воронъ летитъ на вѣтеръ и кракаетъ, къ дождю.
Ворóны каркаютъ—къ дождю.
Зимою ворóны летаютъ и кружатся стаей, къ метели.
Грачи летятъ стаями—къ дождю.
Если галки большой стаей летаютъ, къ ненастью.
Если галичь (галки) кружатся, къ ненастью.
Если галичь садится на деревьяхъ высоко, къ морозу.
Если галичь садится на деревьяхъ низко, къ оттепели.
Если журавли весною прилетѣли, наступитъ непремѣнно тепло.

Если весною журавли летятъ низко—на холодное лѣто, если высоко—на жаркое.

Если журавли осенью отлетѣли, морозы наступятъ.

Если низко журавли летятъ осенью, то зима теплая; если высоко, то зима холодная.

9. По земноводнымъ.

Коли лягушка заквакала весною, то гроза уже была.
Лягушки лѣтомъ усиленно квакаютъ предъ дождемъ.

10. По насѣкомымъ.

Какъ жукъ летитъ и жужжитъ, будетъ весна или осень теплая.

Если черви красные волосатые (волосъ) лазятъ по землѣ, передъ засухой.

Если паукъ вечеромъ сидитъ на паутинѣ, предъ засушливымъ лѣтомъ.
Если паукъ прячется въ свою нору, предъ дождемъ.
Если осенью летаетъ паутина, къ теплу.
Если муха начинаетъ кусаться рано, ранняя зима.

Если зимою мухи начинаютъ летать въ комнатѣ,—къ оттепели,—къ теплу.

Если комарь летаетъ въ комнатѣ зимой—къ оттепели.
Передъ засухой пчелы становятся злѣе, чаще жалятъ.
Желтые оси появляются предъ сухимъ годомъ.
Сверкунъ за двѣ недѣли до Ильи засвирчитъ, зима ранняя.

11. По растеніямъ.

Дуброва почернѣла—къ оттепели.

Дуброва шумитъ, къ перемѣнѣ погоды.

Зимою лѣсъ почернѣлъ, къ оттепели или бури.

Если доски на крыльцѣ скрипятъ, къ усиленію мороза.

Если канатъ повисаетъ—къ погодѣ.

I. Погода въ примѣненіи къ сельскому хозяйству.

Если на Новый Годъ постучать въ дерево груши или яблони, на этомъ деревѣ будетъ обильный урожай.

На Новый Годъ постучать топоромъ о стволъ плодоваго дерева, будетъ на немъ сильный урожай.

Если заряно на Новый Годъ, то будетъ пшеница ранняя лучшею, а поздняя худшею; а если зори будутъ „надуты“, то будетъ пшеница поздняя лучшею.

Если ясно на Новый Годъ, то годъ прекрасный.

Если дождь на Новый Годъ, то солома рябовата.

На Новый Годъ пасмурно, будетъ пшеница зановитая (зана).

1 января, если до обѣда будетъ пасмурно, а послѣ обѣда ясно—поздній сѣвъ лучше; если наоборотъ,—то хуже.

Если подъ Новый Годъ заряно ночью, то горохъ уродится.

Если на Голодную Кутью метелю ясно, то пчелы будутъ хорошо роиться.

На Голодную Кутью былъ снѣгъ, будетъ гречка.

Если на Крещенье будетъ снѣгъ, показуетъ, что годъ будетъ урожайный.

Если на Крещенье подымаются сильные вихри, то къ хорошему роенію пчелъ.

Во время первой мятели снѣгъ ложится не плотно къ постройкамъ къ урожаю, если плотно—къ неурожаю.

Если зима гнилая, то ячмень уродится.

Если съ крыши капаетъ, охотнику надо собираться на охоту на слѣдующій день по зайцевъ.

Если на сплошной недѣли будетъ снѣгъ или дождь, будетъ урожай на все, но особенно хорошій на просо и гречиху.

Если на масляницу идетъ снѣгъ, будетъ урожай гречихи.

Если на Евдокію (1 марта) ясно, годъ прекрасный; если пасмурно, годъ плохой.

Если на сорокъ Святыхъ малъ морозъ, то урожай на просо.

Если въ пятницу страстную хмарно, то хлѣбъ будетъ съ бурьяномъ.

Если подъ страстную пятницу заряно, пшеница будетъ зернистая.

На Благовѣщеніе солнечный день, пшеница уродится.

На Благовѣщеніе, если звѣздъ мало на небѣ, то яицъ мало будетъ.

Если первый громъ на S, къ урожаю.

Если первый громъ на N, къ неурожаю.

Сушить одежду, чтобы она не портилась, надо, когда рожь только зацвѣтетъ.

Если зарницы лѣтомъ (молнія безъ грому), будетъ неурожай орѣховъ.

На Мокрицы (16 іюля), если дождь, сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ хорошъ будетъ.

На Илью, если въ обѣденную пору хмарки, къ урожаю.

Если желедка *) (гололедица) будетъ осенью, т. е. въ ноябрѣ, то сулитъ урожайный годъ.

---

*) Подъ желедкою здѣсь разумѣется то физическое явленіе, когда при наступленіи тумана деревья покрываются ледяною корою въ отличіе отъ подобнаго явленія, когда ледяною корою покрываются деревья и другіе предметы вслѣдствіе дождя.

Если весною пылевые вихри схвачиваются по дорогѣ, къ неурожаю.
Если скотина перебираетъ въ кормѣ, къ урожаю.
Если скотина ѣстъ все, къ неурожаю.
Если мыши выгребаютъ изъ закрома зерна, неурожай будетъ.
Если соловей запѣлъ на голыя деревья, то неурожай на садовину.
Если журавли летятъ на югъ по одиночкѣ, къ голодному году.
Если журавли летятъ на S попарно, къ урожаю.
Если журавли летятъ по семи паръ—къ сильному урожаю.
Коли куры начнуть нестись въ ноябрѣ или въ декабрѣ, къ неурожаю.
Дождь сквозь солнце (т. е. когда солнце свѣтитъ) вредный для растительности.
Если на вишневомъ деревѣ осенью листъ бываетъ красный просто, какъ окрашеный, то вишни уродятся.
Если до Петрова дня просо будетъ съ ложку, то попадешь и въ ложку.
Если сильный урожай орѣховъ, къ голодному году.
Послѣ войны три года не будетъ урожая.
Не радѣй большому посѣву, а радѣй хорошему урожаю.
Кто поздно будетъ сѣять хлѣбъ, у того не будетъ хлѣба.
Если поздно сѣять пшеницу, солома будетъ низенькая, а зерно будетъ хорошо.
Если поздно сѣять ячмень не будетъ не якъ, у трубочку пойдетъ (позасукуется).
Кто сѣетъ жито рано, у того будетъ жито; кто поздно, у того не будетъ жита.
Будетъ тому человѣку урожай. кто будетъ рано сѣять пшеницу и наоборотъ.

И. Луна.

Если праведный человѣкъ, на второй день послѣ новолунія онъ увидитъ луну.
Около мѣсяца столбы—будутъ морозы.
Если мѣсяцъ „надутъ" къ непогодѣ.
За три дня до рожденія луны или послѣ рожденія ея всегда бываетъ перемѣна погоды.
Если молодикъ бѣлый и простой, будетъ година.
Если у молодика рожки крутые, къ непогодѣ; если пологіе, къ годинѣ.
Мѣсяцъ молодикъ рожками въ гору къ непогодѣ; если простой къ годинѣ.
Если молодикъ обмывается дождемъ, весь мѣсяцъ будетъ дождливымъ.
Если молодикъ обмывается вѣтромъ, будетъ весь вѣтреннымъ.
Собаки бѣсятся на новолуніи.
Если выпадаетъ снѣгъ въ новолуніе, онъ скоро растаетъ.
Постройку надо начинать послѣ новолунія въ тотъ день, когда въ святыхъ значится „преподобный"; если домъ, то счастье будетъ, если сарай, то скотъ будетъ жирнымъ.
Къ благополучію дома, когда мажутъ его на молодикѣ.
Въ новолуніе нельзя солить огурцовъ или капусту; ибо они скоро попортятся.
Если на новомъ мѣсяцѣ зарѣзать кабана, то мясо это будетъ не вкусно и подвергнется скорой порчѣ.
Въ новолуніе надо подстригать волосы для лучшаго ращенія ихъ.
Въ новолуніе порѣзъ или рана не скоро заживетъ.
Если въ новолуніе родится дитя, оно будетъ болѣзненно или скоро умретъ.
Если впервые увидишь луну послѣ ея рожденія, надо въ это время или имѣть копейку или поцѣловать мужчину для счастья.

Если слѣва увидишь мѣсяцъ въ новолуніе, къ несчастью или неудачѣ.

Если съ правой стороны увидишь мѣсяцъ впервые въ новолуніе, къ счастью и удачѣ.

Если увидишь въ первый разъ молодой мѣсяцъ и сейчасъ кого-либо поцѣлуешь, получишь подарокъ.

Въ новолуніе, когда впервые увидишь луну, надо имѣть въ карманѣ какую-либо монету, весь мѣсяцъ будешь имѣть деньги.

Съ лѣвой стороны увидишь молодикъ, весь мѣсяцъ не будетъ денегъ.

На новомъ мѣсяцѣ выиграть въ карты, къ счастью, будешь получать пользу или будетъ удача въ этомъ мѣсяцѣ.

На новомъ мѣсяцѣ проиграть въ карты, къ несчастью, не будешь имѣть прибыли въ этомъ мѣсяцѣ.

Послѣ рожденія луны черезъ 7 дней перемѣна погоды.

За три дня передъ полнолуніемъ перемѣна погоды.

Предъ ущербомъ за три дня перемѣна погоды.

Собаки бѣсятся на ущербѣ.

Кормленнаго кабана надо рѣзать на старомъ мѣсяцѣ, сало не будетъ портится—червь не будетъ заводиться.

Рубить дерево слѣдуетъ на старомъ мѣсяцѣ—червь не будетъ точить его.

Если подсвѣтить дитя въ люлкѣ мѣсяцъ, оно не будетъ спать.

Нельзя ложиться спать, если луна свѣтитъ прямо въ лицо, лунатикомъ сдѣлаешься.

На луну нельзя показывать пальцемъ, иначе въ рукахъ не будетъ ничего держаться или будетъ биться.

Если садиться въ карты играть, для выигриша садись такъ, чтобы луна была сзади тебя; если съ боку, то къ проигрышу.

Для выигрыша въ карты садись противъ луны.

Съ рожденіемъ луны человѣкъ мѣняется существомъ своимъ: если это женщина становится мужчиною и наоборотъ, отъ этого явилось на свѣтѣ двухполое существо (гермофродитъ).

К. Дни недѣли.

Въ воскресенье нельзя обрѣзать ногти, счастья и денегъ не будетъ. (польск. примѣта).

Въ понедѣльникъ нельзя скатертью утираться, напраслина будетъ.

Въ понедѣльникъ нельзя предпринимать ничего, ибо неудача послѣдуетъ.

Въ понедѣльникъ сорочку нельзя надѣвать, напраслина будетъ.

Въ понедѣльникъ нельзя сорочки мыть.

Въ понедѣльникъ не слѣдуетъ вѣнчаться, ибо или мужъ, или жена вскорѣ умрутъ.

Въ понедѣльникъ на масляницѣ замѣтить первый вареникъ сваренный, засушить и взять за пазуху на „страсти“, вѣдьма, которая будетъ въ церкви, подойдетъ и будетъ спрашивать, что у тебя за пазухой.

Во вторникъ слѣдуетъ обрѣзать ногти, будутъ водиться деньги (польск. примѣта).

Въ среду нельзя разговаривать про вѣдьмъ потому что онѣ про это узнаютъ и тогда ночью могутъ пугать, превратившись въ собаку.

Въ среду ничего не слѣдуетъ начинать,—переѣхать на квартиру въ среду, долго не будешь тамъ жить.

Если нанять прислугу въ среду, долго не будетъ служить.

Въ чистый четвергъ, пришедши со „страстей“, сѣсть на порогѣ и на веретенѣ спрясть нитку навпаки (напротивъ) и этой ниткой перевязывать руку или ногу, если заболитъ или разовьется.

Если подъ страстную пятницу заряно, пшеница будетъ зернистая.

Если въ пятницу страстную хмарно, то хлѣбъ будетъ съ бурьяномъ.

Въ пятницу нельзя начинать учиться или идти въ школу, плохо будетъ учиться.

Обрѣзать ногти слѣдуетъ въ пятницу (какъ евреи), будутъ держаться деньги. (польская примѣта).

Въ пятницу нельзя прясть.

Въ пятницу не только нельзя прясть, но даже имѣть въ хатѣ конопель.

Въ субботу подъ воскресенье надо перемѣнять бѣлье.

Дополненія.

Къ „А".

Ахъ, черти безмозглые!
Балацько балакать, да ничего слухать.
Богъ не дастъ, свинья не съѣстъ.
Бѣжи да не сказывай, гдѣ былъ.
Виновата хата, что полюбила Игната.
Во́но маленьке, та велика в'ему сила.
Въ старину ѣздили на стригуну.
Докипитъ у сироти въ животи.
Дурака не займай и самъ себя не каляй.
Дуракъ думкою богатъ.
Ерунда на постномъ маслѣ.
Захочешь ..ать, портки скинешь.
Знай нашихъ, почитай плѣшивыхъ.
Знайка по дорожкѣ бѣжитъ, а незнайка на печкѣ лежитъ.
И ты, другъ-пріятель, довбешь у сердце, якъ ятель.
Когда есть, такъ и ж..ѣ честь.
Кузьму, казавъ чертъ, возьму.
Коли по поламъ, по поламъ казать.
Люди не свиньи—поѣдятъ все.
Лысый подрался съ крысой.
Масло въ печи погасло.
На головѣ не держался, на хвостѣ нечего держаться.
Надо знать честь и утирать бороду.
Не захотѣла песья кость лежать на блюдѣ, такъ валяйся на смитнику.
Нельзя козля, а стару козу можно.
Не отъ насъ атласъ.
Не оттого оголѣли, что сладко поѣли, а такъ голь напала.
Не спѣши на тотъ свѣтъ, тамъ кабаковъ нѣтъ.
Не хочешь черта лысова.
Не хо́чу—съѣшь соро́чу.
Ни ила душа чесноку и смердити не будетъ.
Нужда рубашку найдетъ.
Ну-ка, бабина внука.
Она (водка) мьякенька, только намъ, старикамъ.
Отъ жиру собаки бѣсятся.
Пошелъ уже жениться.
Разскажешь до Уразовой, а до N ближе.
Сердитый, давно не битый.
Стара стала, слаба стала.
Тай жалобно жъ, хай ему бисъ.

Твоя тетка три дня лыса, семь верстъ довга.
Тыкъ-мыкъ и больше ничего.
Уму не постижимо.
У попа нѣтъ сдачи, у портнаго нѣтъ отдачи.
Хай ему грецъ.
Хлибъ да силъ! сидай, раззувайся да жуй онучи.
Хоть сци ему въ глаза, онъ все говоритъ Божья роса.
Хоть черта дай ему въ зубы, онъ все свое.
Чертовъ дуракъ.
Чія бъ рычала, а твоя молчала.
Что родится въ домѣ, то годится для дому.
Что тамъ объ томъ говорить, чего не варить.
Чудаки покойники, умерли да глядятъ.
Это еще на водѣ вилами писано.
Это ужасу подобно.

Къ «Б».

Когда зазвонятъ въ церкви къ «Достойно есть и праведно», надо креститься.

Когда зазвонятъ въ церкви къ церковной службѣ, слѣдуетъ креститься.

Мимо кладбища, если идешь или ѣдешь, надо креститься.

Во время грозы на порогѣ стоять нельзя—грѣхъ большой.

Если на перекрестье не перекрестишься, страшный грѣхъ.

Снимать съ себя портретъ грѣхъ.

Матерямъ яблоки нельзя до 2 Спаса (Преображеніе) начинать ѣсть, ибо на томъ свѣтѣ ихъ дѣтямъ не дадутъ ихъ.

Надо ходить и старому и малому смотрѣть на мертвеца.

Если мертвеца проносятъ мимо хаты, то въ окно нельзя смотрѣть, а надо выходить за ворота на улицу.

Къ «В».

Отъ простуды: смазывается керосиномъ больное мѣсто противъ огня.

Чтобы прекратить иканіе, надо испугать икающаго (внезапно его окликнуть).

Какъ только начинаешь косить жито и въ первый разъ махнешь косой, то тотъ пучекъ жита, который скосишь, подоткни подъ поперекъ и затѣмъ выбрось, поперекъ (поясница) не будетъ болѣть.

«Разогнать» золотуху керосиномъ.

Отъ ячменя на глазу (нарывъ на вѣкахъ), надо показать больному шишъ.

Керосинъ употребляется отъ вшей.

Черезъ семь лѣтъ мѣняется вкусъ.

Остриженные волоса нельзя бросать на вѣтеръ, голова будетъ болѣть.

Къ «Г».

Смерть найдетъ причину.

Когда женщина только начнетъ умирать, тогда лишь слѣдуетъ вынимать серьги изъ ушей.

Къ «Д».

1) Кто родится въ сорочкѣ, тотъ будетъ счастливымъ.

Если кто родится весь въ волосахъ, тотъ будетъ счастливымъ.

Если на груди или на рукахъ волоса густые и рослые, тотъ человѣкъ будетъ богатымъ.

Женщина, у которой половой органъ оброс густо (сильно) волосами, можетъ переходить дорогу, это къ счастью. Если замѣтишь по этому поводу, она всегда отвѣтитъ: будетъ тоби таке счастье, якъ у мене.

2) Если самоваръ гудитъ, къ несчастью.

Женщина, у которой половой органъ надѣленъ слабо волосами, переходитъ дорогу, къ несчастью, и такія женщины обыкновенно не переходятъ ее.

Къ «Е».

Молодыхъ любятъ за привѣтъ, а старыхъ за деньги.

Бабѣ сто лѣтъ а ...дѣ семь только лѣтъ.

Исаія ликуй, а ты, дѣвка, больше не тоскуй.

Надо ходить и старому и малому смотрѣть на свадьбу.

Та женщина, которая ладно живетъ съ своимъ мужемъ, должна приколоть невѣстѣ вѣнокъ подъ фату. По возвращеніи отъ вѣнца, невѣста сама этотъ вѣнокъ должна зашить въ подушку, чтобъ такъ ладно и любовно жить.

Если невѣста собирается къ вѣнцу, то ей подъ лифъ всовывается «цилушка» т. е. отрѣзанный краешекъ отъ цѣлаго хлѣба и золотой подъ пятку, къ богатству и благополучію.

Если невѣста убирается къ вѣнцу, ей слѣдуетъ одному изъ ближайшихъ родственниковъ положить въ башмакъ подъ пятку золотой *), для благополучія и счастья.

Новобрачнымъ въ церкви подъ коверъ подъ 4 угла кладутъ золотые для благополучія и счастья.

Послѣ вѣнца, когда молодые возвращаются въ домъ невѣсты, они должны вступать въ домъ черезъ мѣхъ въ какое-бы то ни было время года.

Новобрачной даютъ хлѣба краюшку, чтобъ мужъ любилъ свою жену.

Нехай не женится, на плидъ гарный.

Къ «Ж».

2) Если на Вербное Воскресеніе, когда раздаютъ вербу освященную, поднять обломки ея и воткнуть въ самый верхъ какого-либо зданія, отъ грома оно не сгоритъ, хотя-бы было поражено, и отъ другихъ причинъ не погибнетъ.

2) Если купишь лошадь и введешь ее во дворъ, надо смотрѣть, куда она взглянетъ. Если въ садъ, то ко двору, если на ворота, не ко двору.

4) Въ старину пахали на печи цѣлину да ще на стригуну.

Хозяйскій глазъ всюду долженъ быть.

Безъ хозяина товаръ плачетъ.

Чужая вша, если за воротникъ не securityлизе, не разбогатиешь.

Чѣмъ пахнетъ портянка, тѣмъ и хозяинъ ея.

Нашему пахарю ...да замисто сахарю.

Если корова испорчена вѣдьмою, надо воткнуть ножъ въ доенку (послѣднія были деревянныя), вѣдьма придетъ.

Чтобъ свиньи водились, надо обуваться и одѣваться на постели.

На разсадкѣ нельзя рвать капусту въ борщъ, хотя бы были головки, ибо тогда червякъ будетъ ѣсть капусту въ огородѣ.

Нельзя брать за хвостъ собаку или кошку, иначе она въ хатѣ будетъ испражняться.

Чтобы измѣнить ходъ пчелы, надо полить керосиномъ ту мѣстность, въ направленіи которой она дѣлаетъ ходъ.

---

*) или серебряный рубль.

Для того, чтобы пчелы не засѣкали другъ друга, тотъ бурьянъ, который растетъ, въ пасѣкѣ не поли между ульями.

Чтобъ дробь летѣла въ цѣль, надо послюнявить (смочить слюною) дробь и зарядить ею.

Къ «I».

Если на Петра и Павла дождь, то жито уродится.

Если сверчекъ кричитъ, время пахать подъ рожь.

Къ «К».

Въ понедѣльникъ не слѣдуетъ говорить про вѣдьмъ, ибо онѣ про это узнаютъ непремѣнно.

Дебрскія эпическія пѣсни *).

(Изъ сборника Дьиновскаго).

Б. Пѣсни, пріуроченныя къ особымъ днямъ и временамъ года по календарю.

I.

Песни Божиħарски или зимны.

1.

Шетал Марко из гора зелена, из гора зелена;
Що шетало три дни и три ноħи, три дни...
Нигде ли, се водица не нашло, водица...
Ни за себе, ни за брза коня, ни за брза...
Љуто кълнет Марко Кралевиħе, Марко...
«Бог те убил, зелена горице, зелена...
Од върше те слана попарило, слана...
Од коренье-те огонь изгорело, огонь...
Що си шетал три дни и три ноħи, три...
Нигде ли се водица не найде, водица...
Ни за себе . . . . . »
Изговори зелена горица, зелена...
«Ай ти тебе, незнана делио, незнана...
Нель пойди си горе у планина, горе...
Тамо имать дванаесь клучеви, дванаесь...
Одкључисе си дванаесеть чешмы, дванаесеть»...
— Богъ я убил Стойна самовило, Стойна...
Що заклјучи дванаесеть чешма, дванаесеть чешма!—
Послѣ стиха: Изговари зелена горице—есть еще:
«Не кълни ме, мене зелена горица, зелена...
Ток кълни я Стойна самовила, Стойна...
Вмѣсто: «Дванаесь клјучеви», другіе поютъ: «Седомдесеть».

---

*) См. «Живая Старина» годъ IX, вып. I, отд. II, 113—129; вып. II, отд. II, 236—250; годъ XII, вып. III и IV, отд. II, 429—436; годъ XIII, отд. II, 228—235.

Зид ми зиздае деветь майстори,
Деня зиздай го, а ноћа паћай,
Се зачудіе деветь майстори,
Се зачудіе, се облежіе:
«Що да клаеме темель да бидеть?»

Далѣе слѣдуетъ то, что въ сербской пѣснѣ «Зиданье Скадра», только сжато, вкратцѣ, и вмѣсто Мрнявчичей являются мастера и одинъ Марко, который не выдалъ тайны, и его жена была замурована (4 Ястреб. тоже, стр. 455).

3.

Сълнце зайде, мрак по поле падно.
Во двор седит четири јотрви;
Ред се редит четири јотрви;
Ред се редит на вода да одит.
Ред е падна Варгиде невесте,
Не отида Варгида на вода;
Ток отиде варгидина майка,
Тамо найде варгидини друшки.
Изговори варгидини друшки:
«Що си дошла, варгидина майко?
Камо ти я Варгида на вода?»
Одговари варгидина майка:
«Ай ви вами, варгидини друшки!
Синойка ми Варгида умрела
Вода носа, за душа да дава (месо)». (Я. 177 и 454).

4.

Два брата ся милно милувае,
От милости во еднуш се жениле.
Ми зедое две кучки йотръви
Изедее и се разделие,
На далеку кућо направиле.
Между кући Дунав наврънее,
По край Дунав тръски насадие.
Се найдое на Дунав на вода,
Се найдое и се разговарае.
Постар-от помале я клънит:
Да би дал Бог помала йотръва,
Да стигнат до девет синове,
От девет-то еден да останет
И него на войска да пратит,
Пръва пушка во него да пукнет.
Помал-от постара клънет:

Да би дал Бог, постара йотръва
Да стигнет до девет ћери,
От девет една да останет
И за нея домазет да земет?

5.

Що се белеѣт во оная страна?
Иль е бел облак, иль бела могла?
Или грутка, грутка снегова?
Или е овчар со рудо стадо?
— Ни е бел облак, ни бела могла,
Ни ми е грутка, грутка снегова,
Ни ми е овчар со рудо стадо;
Ток ми е было болен Янкула:
Болен Янкула под чадор лежит,
Под чадор лежит, жеден водица.
Туе прелета пиле соколе,
Во уста носит студена вода,
Под рудо гърло люта ракія,
Под десно крило пресно ябълко,
Под лево крило пресна погача,
Да го понадит болен Янкула.
Му изговори болен Янкула:
«Да ай ти тебе, пиле соколе!
Да що ми добре ти наметуваш?»
Му одговори пиле соколе:
— Да ни ти тебе, болен Янкула,
Как да ти добре не паметува:
Кога гореше димна-та гора,
Ты ме извади от силан огонь».

6.

Вино пиет дванаест кралеви,
Слуга им е Секула-детенце:
Едно поти чаши преплънуват,
Едни поти праздна им я дават.
Изговори Марко Кралевић:
«Ай ти тебе, Секула-детенце!
А ли ти си азно доброяло,
А ли ти се вино доточило?»
— Ай ти тебе, Марко Кралевић!
Ни то ми се азно доброяло,
Ни то ми се вино доточило;
Токо ми се мене дожалило.
Чекајући вулко твои приятели.

Ти имаше вулко до три слуги
И си ги ожени;
Мене вулко не думаш да жениш
Момичица ил' некаква вдовица.

7.

Велика е болна лежала,
Никому не си кажала;
Тольку Велика кажала
На наймала та сестричо:
«Сестриче лепо, убаво!
Трчи, выкай ми го лудо-то,
Трчи, выкай ми го младо-то;
Дал зноет, дал паметуват,
Кога си бефме малечки,
На една черешна качени,
На една ветка стоефме,
Од една гранка зобофме,
Лепы си песны пеѣфме;
Я да му реча два речи,
Два речи до два изгора».

8.

Лежал Петро деветь годины,
Що искинал до деветь постелы,
Що искръшил до деветь миндеры,
Ис коски му трева изникнала,
Из трево му зміи пролазиле.
Го прашала Петрова-та майка:
«Кажи, Петро, що греови имаш?»
—Ѣо ти кажа малко как ѣо ти не кажа·
Кога си бех дете Ажамия,
Кога одех в гора арамия;
Тамо найдох 30 деліи
И исекох косай по косая.
Си навалих еден силен огон
И нафрьлях сите да изгорит.»
А майка му го проклина:
«Лежи, Петро, колку що си ложал!»

9.

Заспал, задремал свети Никола
Меѓу два пота, меѓу два друме;
Меѓу два друме, два манстира.

Ту е помина света неделја,
Въ роцы носит сребрено котле,
А в котлето светена вода
А во вода-то, кърс и босилек,
Да го пощърпат свети Никола.

10.

— Ей брате, брате, свети Никола,
Що си заспало меѓу два пота,
Меѓу два пота, меѓу два друма?
«Ей сестро, сестро, света Неделја!
Мърва си легноф, голем сон видоф:
Беше излегло едино дърво,
Едино дърво на среде земя,
А на върше-то ветки-парови,
Ветки-парови Божьи Анѓели».

У Ястребова окончаніе иначе (стр. 453).

Шчо ми имаше до манастирон,
Имаше једно дрво високо,
А на дрво-то широки ветки,
А на корен-от проклети оси,
На врв имашеројовни пчели.
Брате ле, свети Никола!
Проклети оси—проклети турци,
Ројовни пчели—Божјі рисјани.

Есеньны.

1.

Ох планинѣ що сте огръдене? О планинѣ
Шчо сте, що сте повеноле? що сте.
Да ли огонь вамъ ве изгорело, да ли,
Да ли коса вамъ ве покосила? да ли,
Отговори висока планина, отговори:
Ни то огонь мене изгорело, ни то,
Ни то коса мене покосила;
Саде мене мошке уядиле, саде,
Што си ошле овцы по туѓине, што си ошле,
Што крепале личнине базике, што крепале.
Што запрела врева од овчара; што запрела.
Това мене мошке уядило, това мене.
Токо имамъ надеждъ на Господа, токо имам.

И си чекамъ свети Ђеорђин пролетног, и си чекам,
Да ми доетъ руди бели овцы: да ми доетъ.
Со оние калеми яблънца, со оние.
Да си пасет трева детелина, да си пасет.
Тие да пасет, я да се веселђо и веселђо.
Тога дойди ти що мене прашат, тога дойди,
Да ме видиш, како ђо са бида, да ме видиш.

2.

Кого ми беше тешка скопія:
Мали те деца пепель макађ,
Пепель макађ, леб го чинеђ;
Средните лјуди камен тълчеђ,
Камень тълчеђ, брашно правеђ;
Стари-те лјуди в гора одеђ,
В гора' одеђ, Бога молеђ.

II.

Песни свети Іовански.

1.

Обложила се Струмка невеста,
Обложила се с младо ратайче:
Кои ђа си станетъ изутро рано,
Да ми е поет гора в планини,
Да ми пожнеет голема нива.
Облог си клала Струмка невеста,
Облог си клала мошко-но дете.
Облог си дало младо ратайче,
Облог си дало брза-та коня,
Облог си дало тенка-та пушка,
Облог си дало чефте пищчоли.
От си стала Струмка невеста,
От си станала изутро рано;
Ми е отишла горе в планина,
Горе в планина, в голема нива;
Си пожнеяла голема нива,
Ея пожнеяла и се вратила.
Си го стретила младо ратайче,
Коде ми одит горе в планина,
Горе в планина, в голема нива.
Тога му велит Струмка невеста:
Коде ли одиш, младо ратайче?
Я су си была горе в планина,
Су пожнеяла голема нива.
От си се врати, младо ратайче,
Облог си дало бърза-та коня,

Бърза-та коня, тенка-та пушка,
Тенка-та пушка, чиф-те пищоли.

Се пеяла спротъ водопоет, тога оделе у кумъ-отъ на гости саде можи.

2.

Зафалил се строк босилекъ в градина, в градина:
«Що ми имать по-убаво од мене, од мене?
Без мене се света вода не светит, не светит».

* * *

Зафалила се бела лоза од лойзе, од лойзе:
«Що ми имать по-убаво од мене, од мене?
Безъ мене се летурѣія не служит, не служит».

* * *

Зафали се клас пченица од нива, од нива:
«Що ми имать поубаво од мене, од мене?
Без мене се света църква не отварат, не отварат.»

* * *

Зафалила се ройна пчела в улянникъ, в улянник:
«Що ми имать по-убаво од мене, од мене?
Без мене се света църква не отварат, не отварат».

3.

Радувай се домаћине,
Добри гости що ти дошле.
Добри гости що ти дошле,
Добар абер ти донесле.
Добар абер ти донесле:
Се-то стадо се изягнило;
Се-то стадо се изягнило,
Се ягоица калешати.
Повторяютъ первые 5 стиховъ и затѣмъ:
Се эргеле се ождребило,
Се ждребиня путоноги.

4.

Надвела се света Дева Марія, Марія;
Над нея се шестокрили Анѣели, Анѣели.

Изговори света Дева Марія, Марія:
«Ай ви вами шестокрили Анђели, Анђели!
Нель пойдите в земни кледи комнени, комнени;
Наточите две здравицы винены, винены;
Позовите свет' Іована зимнего, зимнего;
Послужите свет' Ђорђія пролетен, пролетен;
Послужите свет' Илія в стред лета, в стред лета;
Позовите свети Петра летнего, летнего.
Све му войска свет Іовану заигра, заигра;
Све му цвеће свет Ђорђію распула, распула
Све му цвеће свети Петру повена, повена,
Све му войска свет Илію повена, повена.
Еще добавленье:
Се му войска светъ Ђорђію заигра, заигра;
И Іордана, що не течет, затече, затече;
Литурђія, що не служит, заслужи, заслужи;
И цвеће-то, що не пулит, запули, запули,
И пилца-та, що не пеђт, пеће, пеће. (Я. 84).

Въ другомъ спискѣ эта пѣсня означена такъ: На Василица (ќога месувеет леб-от), и въ послѣднемъ стихѣ вм. Иліи стоитъ Петръ; а вм. послѣдняго повена стоитъ: почрькне.

5.

Не плашите се Божьи Рисяни:
Сам свети Іован в куħа дошол.
Сам свети Іован заире носит,
Заире носит—бела пченица,
Бела пченица, шесторедица.

* * *

Первые два стиха повторяются и затѣмъ:

Заире носит три бочви вино,
Три бочви вино, бочва ракія.

* * *

Заире носит триста-ни овни,
Триста-ни овцы, се алакліи. (Я. 88).

Въ другомъ спискѣ:

Бела пченица, црьно вино.
Црьвено вино, лута ракия
Не уплашисе, ток зарадви се.

III.

Лазарски песни.

1.

Две ми сълнца сбълснае
Од висока планина,
Во майкины пазувы;
Не ми быле две сълнца,
Токъ ми быле два брата·
Майка имать два сына,
Два ѓердана ковала,
Два ми венца завила,
Две невесты донесла.

2.

Обложилсе, Лазаре, Дамян юнак
С ясно сълнце, Лазаре, с месечина:
Ак претече, Лазаре, Дамян юнак,
Да му земет, Лазаре, сълнцу сестра
И месецу, месецу братучеда;
Ак претечет, Лазаре, ясно сълнце,
Да му земет, Лазаре, бърза коня.
Кога сълнце, Лазаре, по ридови,
Дамян юнак, Лазаре, на стрет земя;
Кога сълнце, Лазаре, на стрет земя,
Дамян юнак, Лазаре, во дворови.
Пак му зеде, Лазаре, сълнцу сестра
И месецу, месецу братучеда. (Я. 109).

3.

Приде, дойде, Лазаре, Лазарица,
До ови петок, Лазаре, до други от,
До собота, Лазаре, до неделја.

4.

Мори—Миро невесто,
Нель затвори порты-те;
Нель затвори порты-те,
Да н'излезет ярти-те;
Да н'излезет ярти-те,
Да н'изеѣт Лазар-от.
«Не е Лазар като-день,
Ток по еднуш в година.»

5.

Мори-Миро невесто, йо Лазаре, невесто,
Ни невести найдофме, ой Лазаре, найдофме;
Овде лани дойдофме, ой Лазаре, дойдофме;
Ни метени дворови, ой Лазаре, дворови;
Ни редени столови, ой Лазаре, столови;
Година-ва дойдофме, ой Лазаре, дойдофме;
И невеста найдофме, ой Лазаре, найдофме,
И метени дворови, ой Лазаре, дворови,
И редени столови, ой Лазаре, столови.

6.

Що стоите, синови, що гледате?
Нель земите, синови, лок и стрела,
Да пойдите, синови, в честа гора;
Сосечите, синови, довлечите,
Направите, синови, мос' на река,
Да поминет, синови, Лазарки-те.

7.

Смиль юначе, Лазаре, смиль гайтанче, ой Лазаре!
Смиль ти капет, Лазаре, над очи-те, йо Лазаре!
«Ако капет, Лазорки, нека капет, йо Лазаре!
Кои му е, Лазорки, закапена, йо Лазаре»!

8.

На свршена девойка.

Зуничица, Лазаре, у майчица, йо Лазаре!
Зунила я, Лазаре, китила я, йо Лазаре!
Пратила я на водица, йо Лазаре!
Кеси дошла, Лазаре, од водица, йо Лазаре!
Ток си нашла, Лазаре, свекървица, йо Лазаре!

9.

На терзія (шивар).

Шіет, шіет, Лазаре, терзія, йо Лазаре, терзія.
Во шарена одая, Лазаре, одая, йо Лазаре, одая,
На шарена постеля, Лазаре, йо Лазаре, постеля.

10.

На невесто, що имать дете.

Имаш, имаш, невесто, мошко дете,
Промени го, невесто, нареди го,
Извади-го, невесто, на парты-то,
Ћа поминет, невесто, Лазаркы-те,
Кои ћа го, невесто, беэндисат,
Попова-та (ћерка), невесто наймала-та.
Промени го во црвено,
Опаши го со зелено. (Я. 110).

11.

На момче за вршење.

Майка имат юнака *);
Юнак ми е за вршење.
Айде да го завршимо (или: женимо).
Коя да му вршиме?
Коя му е прилика?
Менда му е прилика,
Нея ћа му вршиме.

12.

Елен пливат по море, йо Лазаре, по море,
Златни му со рогови, йо Лазаре, рогови,
На рогови тронови, йо Лазаре, тронови,
На тронови постелја, йо Лазаре, постелја,
На постелја девойка, йо Лазаре, девойка,
Девойки ми седеше, йо Лазаре, седеше,
На ђерђеф си везеше, йо Лазаре, везеше,

У Ястреб. въ этой пѣснѣ (Неженатому парню стр. 110) послѣдніе два стиха читаются такъ:

На рогови пиргови,
На пиргови тронови.

---

*) Овде юнак не женат.

IV.

Песни великдenски или пролетны.

1.

Кинисала ми, кинисала ми
Дивна Елена,
Да ми е одит, да ми е одит
Из дивна гора,
Се променила, се променила*),
Во ново руво;
Во бело руво, во бело руво
Во девоячинско.
На главе **) клала, на главе клала,
Се невестинско;
Се невестинско, се невестинско,
Од книга дарпна:
Од книга дарпна, од книга дарпна,
Стребрена игла;
Се опашала, се опашала
Со струмен ***) гайтан.
Ветор повея, ветор повея,
Гора слелея.
Гора слелея, гора слелея,
Дарпна жугомоте.
Дарпна жугомоте, дарпна жугомоте,
Игла стрепоте.
Игла стрепоте, игла стрепоте,
Гайтан с' одзуни.
Ми я дочула, ми я дочула
Самовила-та.
Самовила-та, самовила-та
Од трећа гора,
Ми я однесла, ми я однесла
Дома на дворье.
Ми я узела, ми я узела
Сноа за брата.
Е одредила, е одредила
Тешка работа.
Тешка работа, тешка работа,
Жито да сѣет ****),

*) Се променати (2) в девойкинске.
**) На глава.
***) У Ястребова (стр. 125): струнен, и далѣе:
На глава клада од книга дарпна,
А на дарпна-та стребрена игла.
****) Второй стихъ повторяется.

Руво да прашит,
Саћа да метет,
Лице да црнит.
Що ми стояла
Нема, немачки,
До три годины.
Жито сеѣше,
Руво светеше,
Саћи метеше.
Лико светеше (или: светлеше).
Ми изговори
Самовила-та:
«Да я сврщиме
Звезда деница;
Стройка прати е
И я дадо е.
Я донесое я
Дома на дворѣ,
Да ми излеза
Дивна Елена,
С китка борина.
Ми изговори
Звезда деница:
«Да ай ти тебе,
Дивна Елена!
Ако си нема,
А не и слепа,
Тя изгореѣ
Тенки-те прсти».
Е одговори
Дивна Елена:
«Да ой ти тебе,
Звездо денице!
На коня седиш,
Од коне зборвеш.
Я несу нема,
Ни пак си слепа.
Прва година
Атер си имаф
На мили свекор;
Втора година
Атер си имаф
Миле свекърве.
Трећа година
Атер си имаф
Мили деверу,
Ми е вратiе
Звезде деници.

Въ одномъ изъ имѣющихся у насъ списковъ пѣсня эта является совсѣмъ короткою въ слѣдующемъ видѣ:

2.

Кинисала ми, кинисала ми дивна Елена,
Кинисала ми, кинисала ми из дивна гора
Да я стретие (2) клети чифути,
Да я зедое (2) дома на дворѣ.
Си я кладое (2) в тешка работа,
Тешка работа (2), саћи да метет;
Саћи метеше (2), лице светеше,
И я кладое (2) тешка работа,
Тешка работа (2), жито да сеет.
Жито сееше (2). лице светлеше.

У Ястребова-же всего 8 стиховъ, при чемъ оканчивается стихомъ: «Дарина жугамоте, игла стрепоте».

3.

Що си повенал, Тързко моряне,
По планина та?
Даль ты о жальба, Тързко моряне,
За бела цвѣта?
Дека я дале, Тързко моряне,
Далек на далек.
Далек на далек, Тързко моряне,
Дур в Моріово.
Дур в Моріово, Тързко моряне,
За Моріовче.
За Моріовче, Тързко моряне,
За оризарче.
«Не ми е жальба, дружино верна,
За бела цвета.
Дека я дале, дружино верна,
Далек на далек.
Далек на далек, дружино верна,
Дур в Моріово.
Дур в Моріово, дружино верна,
За Моріовче.
За Моріовче, дружино верна,
За оризарче.
Так ми е жальба, дружино верна,
За приħія-та,
За приħія-та, дружино верна,
Сурія, овцы;
Сурія, овцы, дружино верна,
Со се овчари.
Эргеле каны, дружино верна,
Со се коняри.

(Я. 133—134).

4.

Не гази цвеħе, Стале овчаре,
Токо бери го.
«И да го бера, Цвето девойко,
Кой ħа го носит?
Да я си има, Цвето девойко,
Лоша невеста».
— Остави лоша, Стало овчаре,
У земи арна. —

«Как се оставит, Цвето девойко,
Що се узело?
Тая си имать, Цвето девойко,
Голема рада.
Голема рада, Цвета девойко,
Татко и майка.
Татко и майко, Цвето девойко,
И деветь браћа.
И деветь браћа, Цвето девойко,
И осомь снои,
И осомь снои, Цвето девойко,
Седомь внучиня.

5.

Не оди в гора, църно Арапине,
Не суши гора.
Не суши гора, църно Арапине,
Суво ти сърце.
Ке те прилегат, църно Арапине,
Тебе за мене;
Тольку прилегат, църно Арапине,
Църно—но ягне.
Църно-но ягне, църно Арапине,
Во бело стадо.
Толјку прилегат, църно Арапине,
Тебе за мене.

(Я. 141).

6.

Зацвиле-л ми е, (2)
Млад челебія.
На Никополе (2).
Край тифко море.
Ми го дочула (2),
Стара му майка.
«Ей сыне, сыне (2),
Ей мили сыне!
Защо ми цвилищ (2),
Ей мили сыне,
На Никополе (2)
Край тифко море?»

— Как да не цвила (2),
    Ей стара майко!
Що су догледал (2),
    До две девойке.
Нива женѣе (2),
    Бела пченица.
Бела пченица (2),
    Шесторедица.
Лебец яде ѣ (2),
    Суви корчицы,
Сольца мокае (2),
    По солища-та.
Вода піеѣ (2)
    По барища-та.
В лице стоеѣ (2),
    Белы-цървены.
А я що има (2)
    Млада невеста?
Деня и ноħи (2),
    На диван седит;
Лебец си ядет (2)
    Бела симида;
Сольца си макат (2)
    Бела шеħера;
Водо си піет (2)
    Цървено вино;
А въ лице стоит (2)
    Жълта—зелена. —

(Ястреб. 133).

7.

Лелей горо, що 'си повенало?—лелей горо,
Да-ли ми те огонь изгорело?—да-ли ми те,
Или ми те слано попарило? или ми те,
Коренѣ-то огонь изгорело, коренѣ-то,
Вршиня-та слана попарило вршиня-то,
Парови-то секира исекла—парови-те.

8.

Вила не да вито оро
Извила го на планина;
На планина на рамнина,
Со нейзины си другачки.

Другачки е завидое
На нейзино бело руво,
Бело руво копринено:
«Блазе тебе, бела Неда,
На твое-то бело руво,
Бело руво копринено!
Да-ли ти го татко купил?
Да-ли ти го майка прела?
Да-ли ти го снои ткале?
Да-ли ти го браћа шиле?»
— Нито ми го татко купил,
Нито ми го майка прела,
Нито ми го снои ткале,
Нито ми го браћа шиле.
Пречиста су послушала;
Ристоса су подржала.
Пречиста ме дарувала
Три кошульи копринени,
Три мафрами сърмосани.

Каждый стихъ повторяется. — (Я. 124).

9.

Кумеле, куме, ран бел босилек!
Повелай, куме, силно раненѣ.
Я го повела, не се повелатъ,
Се то село силно весело,
Самъ свети Иля повелатъ.

10.

Изыде-зайде, изыде-зайде
Темерут облак,
Темерут облак, темерут облак
Из ведро небо.
Не ми е было, не ми е было
Темерут облак,
Ток ми е было, ток ми е было
Младо Угринче.
Младо Угринче, младо Угринче
Со деветь коны
Со деветь коны, со деветь коны,
Се товарени.
Се товарени, се товарени
Темян и восок,
Темян и восок, темян и восок,
Свила и коприна.

Свила и коприна, свила и коприна,
Ширит—клабудан.
Темян и восок, темян и восок
По манастыри.
Свила и коприна, свила и коприна
По девойкы-те.
Ширит-клабудан, ширит-клабудан
По невесты-те.

* * *

Варiантъ.

Прочул се идет и Андо базирян,
Андо базирян и от базиряньство;
Що ми тераше и девет гемiй,
Девет гемiй и се товарени,
Се товарени и темян и восок,
Темян и восок, свила-коприна.
Темян кя дават по манастири,
Восок кя дават по свети црькви,
Свила кя дават по невести-те,
А коприна-та по девойки-те,
А да ми везит тенки кошули.

* * *

11.

Станала ми Марковица
Сутро и рано во неделя,
Во неделя на Велик-ден,
Да ми одит на причема.
Си измила руса глава,
Се промени Марковица.
В оцо ми се променило?
Се во руво великденско,
Се во руво, се во бело.
А на глава що си кладе?
До два венца дробен бисер. [1])
А на грло що си кладе?
Два ѓрдани оковани.

---

[1]) Эта пѣсня находится у насъ въ трехъ видахъ, а въ одномъ изъ нихъ относительно одѣянья имѣется такой варiантъ.

А на главѣ що ми клало?
Ясно сълнце од небеси.
А по поли що ми клало
Дробкы звезды од небеси.

А на поли що си кладе?
Се од небо дробны звѣзды
Дробны звезды од небеси.
Си кинисa да си одит
До сред гора, до зелена,
А сретіе араміи.
Е зедое ясно сълнце,
Ясно сълнце од глава-та.
Е зедое месечина,
Месечина од гърло-то.
Е зедое дробны звезды,
Дробны звезды од небеси.
Е зедое мошко дете.

У Ястребова (стр. 124). она гораздо короче послѣ первыхъ трехъ стиховъ, слѣдующій:

Во шчо ми се променило?
Се во руво копринено,
И на уста наредило
До два венца дробен бисер.
Кинисала да ми одит,
Да ми одит на прическа.
Нашчог је се заслушуват:
Коньски тропот, турски шопот.
Излегое клети турци,
Имъ зедое мошко дете,
Навалие силен огон,
Испекоје мошко дете.

* * *

12.

Заблеяла ми овца рогуша,
Заблеяла ми на върф планина:
«Оф леле и ле дури до Бога!
Дури ми беше овчар неженат,
Трева си пасеф по планинѣ-то,
Вода си піеф по извори-те,
Сольца си макаф по солища-та,
Сенка ми държеф под жри-те.
Откако ми се овчар ожени,
Трева си паса по бунища-та,

Вода си пія по браздища-та [1]),
Сольца ми мака по градища-то [2]),
Сенка ми държа под плотища-то».

13.

Невен викат од градина: Дивойче, дивойче!
Невен викат од градина: Дилберче!
Не бери ме, не кити ме, дивойче!
Не праћай ме по момчиня,
Момчиня ме лошо носит,
Лошо носит под фесови,
Не праћай ме дивойки,
Девойка ме лошо носит,
Весь-день, весь-день по пояси,
А на вечер под лизгавье.
Не праћай ме по невесты,
Невеста ме лошо носит,
Весь-день, весь-день под гърла-та,
Под гърла-та, по дарпны-те.

14.

Масо мори, цръноoко,
Върти оро, коге мене.
Жити твои-те цръни очи,
«Гиди море, бре будало!
— Не клъни ме въ цръни очи,
Та да би й ђердосала».
Масо моме цръноoко,
Върти оро, коге мене.
Жити твои-то бело лико.—
«Оре лудо, ты будало!
Не клъни ме въ бело лико,
Та да би го ђердосала».
Масо мори, цръноoко,
Върти оро, тоде мене,
Жити твои-та тенга стафа (тенка стаса).
...«Та да била ђердосала!»

---

[1]) У Ястребова (стр. 124) барища-то.
[2]) Потища-то, последняго стиха нѣтъ.

Прибавлено: «За гръло-то не е пишано»; значитъ и объ немъ въ снѣ пѣлось, но вся она не записана. Вообще это рукопись плохая и отъ го въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теряется смыслъ, и нѣтъ послѣдова-тьности; такъ: мори и моме, коге и тоде. Гиди вѣроятно, же что ћиди въ другихъ пѣсняхъ; а жити—не знаемъ; также не жемъ объяснить слово—масо.

15.

Лелей, Яно Малешовско (2)
        Дей, Яно, де! (повторяется послѣ каждаго стиха).
Еднуш дойдоф в ваше село,
В ваше село Малешево,
Се погодиф на добор день,
На добор день, день Велик-день;
День Велик-день, день Ђурђев—день,
Тебе дома те не найдоф.

16.

Ток те найдоф в стред село-то,
Туе найдоф до три ора:
Първо оро од момчиня,
Второ оро од девойки,
Треће оро од невесты
        Дей, Яно, дей!
Страм ме беше да се вата...

———

17.

Господе, вишен Господе! створи ме мене пресгори,
Как сиво бело гулапче, да летко дани от лета,
Во наше-то мало бахчиче, на црьвен-от трендофил
На црьвен-от трендофил, на зелен-от парафил;
Лепи ти песни са пея, люто да клето проклъна;
Туе дает майка ми, майка ми со се татка ми.

———

18.

Седнала Деспа край Дунав
И со Дунава зборвеше,
И го Дунава клънеше:
«Дунаве, бели Вардаре!
И що ми го брата удави?!»

— Деспа-но; момо, Деспано!
Брат ти кабаот имаше,
На доборденчок Великдень,
Кога во црьков одее,
И брат ти сватови берепе;
Кога от (?) обедна *) клепае,
Брат ти го Дунав газеше.
И го Дунав раздели
На дванаест разделби,
На 13 утоки (Я. 223, совсѣмъ другой смыслъ).

19.

Седит моме само на потица, седит моме,
И си чекат негова дружина,—и си чекат.
Поминае пролѣтни кечи:—поминае
«Помози Бог, моме завьршено!»— помози Бог.
На час моме на нози се найде,—на час моме
Не подаде студена-на вода, не подаде.
Ток подаде црьвено-но вино: ток подаде
Поминае пролетни терзіи—поминае.
Послѣ: Поминае майсторите.—

20.

Ђурђевденска песна.

Да, море, Ђурђе, млад Ђурђе,
Да кой ти рече, да доеш?—
«Мене ми рече Велик-день:
Брго да доеш по мене;
Брго да доеш по мене,
Со шума й трева пред тебе.
Со шума й трева пред тебе,
Со Солунцы—те по тебе.

Сообщилъ П. Ровинскій.

---

*) 1 Я. Кога попови клопаје.

Свадебные причеты,

записанные крестьяниномъ (Волог. г., Грязов. у.) **часто бывавшимъ сватомъ** *).

Сваребныи обычаи; начинъ сварбы дело ведется такъ, деревѣнской обычай: начало свата, я Иванъ, придумалосъ мне сходи́тъ отъ невесты къ жениху; и думаю самъ себе: дело ето зделаю, девку эту высватаю за етова парня; онъ возметъ е́ё, она поидетъ заево съ радосью; потому что и ведутъ знакомцво оне межъ собои; захватываю лоханъ подумывалникомъ и сажусъ на лавку вдолъ половицъ и захватываю сколко могу половицъ; и́ пошелъ я сватомъ, прихожу я вь дере́вню, иду визбу и сажусъ на лавку и приведсвую словами: господи благослови, хозяинъ незабрани и хозяюшка тоже, сель я на лавку, тоже ноги роши́ряю вдолъ половичъ и приветсвую словами: при́шолъ я квамъ сватомъ о такой то девицы и хвалю е́ё, что девка у́мная, хорошая; рукоделная, наполнюю работу начисто ловка, надо вамъ е́ё взять, я высватаю вамъ заетова молотца, приеждяите толко невесту смотритъ, всо у ее стъ наряду и билья и рубахъ много, да и дадутъ вамъ приданова корову, овцу, земли купленои, нето денегъ на сварбу. Прихожу я къ кневесте и къ родителямъ невести́нымъ и говорю всемъ, что севодне квамъ, жени́хъ приедетъ, такойто паренъ хорошои, умнои и родители тоже умные, уйхъ и житъя много скота и построики и заведенья всякова много, отецъ и мать мне говоритъ: высватай пожалуста, за хлопоты вамъ заплатимъ; невеста мне шепчетъ: высватаи, постараисо пожалуста, я вамъ подарю за хлопоты: и дали две нови́ны, и подарю 2 полотенца самые хорошые, непожалею нечево вамъ.

Женихъ отецъ и мать приеждяиютъ невесту смотритъ и родня сестри́ зятовья и дяди иле тетки.

Лошадей ставятъ на чужую повить.

Невесту наряжаютъ всамое лучее платье, выводятъ осеретъ пола и садятъ на стулъ и даютъ пряху прясъ; вето время все смотрятъ на невесту и на пряжу, каково предетъ, вся родня женихова и положатъ веретенцо на полавшни́къ. Она идетъ и беретъ и целуетъ жениха и уходитъ, потомъ идутъ вгорницу именье гледитъ у невесты, чтобы было что носить и всундукахъ билье и рубашки́, чтобы было чемъ подаритъ женихову родню; есле всо покажетсо то, зовутъ невестину родню места гледи́тъ; ксибе, непокажетсо, не зовутъ, в ето время невеста посылаетъ своихъ таварокъ женихову лошатъ мохомъ корми́тъ; есле лошатъ станетъ мохъ ести́, то жени́хъ возметъ взамужъ невесту, есле неестъ, то дело в розъ розоидется;

---

*) Сохранено правописаніе подлинника, разставлены лишь знаки препинанія и не вездѣ удержано краткое на *и*, очень часто смущавшее автора, *о* вм. jo, *ё b* и *г*. Здѣсь много эпитетовъ и сравненій—хорошій матеріалъ для народной піитики *ы* и *и* часто безразлично, *ы* и *и*.

Невеста вето время надеваетъ другое платье и садитсо за столъ, угошяетъ чаемъ гостеи и почуетъ что естъ на столе.

Невестина родня сбираетсо кь жениху места смотритъ, приеждяютъ и ставятъ лошадей водле избы, идутъ в домъ и смотрятъ скотъ на дворе, в горнице одежу и всу постройку, идутъ вонбаръ, многоле хлеба, есле всо покажется, то и дело, ведутъ лошадеи, поднимаютъ на повитъ и сена даютъ и розговоръ ведутъ о приданомъ, какое посулили с невестои, все перепишутъ да и богу помолятсо и сядятсо за столъ и угошаютъ ихъ и поятъ до пьяна и едутъ домои с песнямъ. и невеста стричаитъ своихъ родителей и ревитъ и причетъ идотъ со своими девицами;

Образовка у невесты,—отецъ и мать невесты дадутъ благословенье молодымъ да и сядятъ женихову родню за столъ и почуютъ ихъ; вето время невеста вкуте, причетъ ведутъ:

Причеты вь день образовки у невесты.

№ 1-й причетъ.

Испугалосоу молоды, испугало(сь) у зелены мое серцо ретывое, подогнулисо у молоды мои ноженки резвые, опустилисо рученки белые, покатилась у молоды, покатилась у зелены моя буйная голова, она смоихъ могучихъ плечъ, у меня выкатилсо белой свѣтъ измоихъ ясныхъ очей.

№ 2-й. Причетъ.

Я стояла жо молода, я стояла жо зелена серетъ светлой светлицы, серетъ столовой горницы сочужимъ чужевичемъ, щужимъ сыномъ отетскимъ, згрозой молодетскую, невозвидяла молода, невозвидяла зелена я свету-то белова и краснова солнишка родимова батюшка и родимые матушки, присвятой богородицы и свичи воскояровой.

№ 3-й. Причетъ.

Неключикиле брякнюли, незамочкиле щолкнули, по рукамъ ударили, запоручили сударь-батюшко и родимая матушка, оне свою руку, правую запоруки закрепткие, зазамки вековешные. Я спрошу, молодешенка, я спрошу, зеленешенкя, государя-то батюшка и государони матушки: ты скажи, сударь батюшко и родимая матушка, ужъ ты чемъ будешь выкупать ты свою руку правую, у тебя нетъ, сударь батюшко, коня восто рублей и другова вотысечу, нетъ не злата не серебра, нетъ нескатнова жемчугу. Я сама знаю молода, я сама знаю зелена выкупать свою руку правую, моей буйной головой, моей волей волною, моей негой нежною, моей дивьей красотой.

№ 4-й. Причетъ.

Попрошу я, молодешенка, попрошу я, зеленешенка, государя-то батюшка и государоню-то матушку, соколочковъ мылыхъ братцовъ и всего роду племени; ты послушайко, батюшка и родимая матушка, я обчемъ буду просити, я пониску кланятсо ниже пояса шолкова до полу тесовова, несадите, сударь батюшко, вы чужихъ приеждихъ гостей щужой далной стороны, со злодейки проклятые, за столы дубовые и за скатерки браные и за ества сахарные и за питья медвяные, нечести, сударь батюшко и родимая матушка, чужихъ приеждихъ гостей ихъ пивомъ-то пьянимы, виномъ-то зеленымъ, непойте ихъ допьяна, некормите ихъ досыта, отошетчи имъ некланяитеся ниже пояса шолковова, неназывайте ихъ по имени и не величайте по отетеству, чтобы имъ непоказалосо, чтобы ненагянулосо, ети гости все бы расердилисо, дабы взятъ воротилисо.

№ 5-й. Причетъ.

Попрошу я, молодешенка, попрошу я, зеленешенка, государя-то батюшка и государоню матушку, соколочковъ родныхъ братцовъ и всего роду племени—вы садите дорогихъ гостей за столы дубовые и за скатерки браные и за ества сахарные и за питья медьяные, вы честите, сударь батюшко и родимая матушка, ихъ честите, ихъ почуите пивомъ пьяными и виномъ-то зеленымъ, вы напоите ихъ допьяна, накормите ихъ досыта, отошетчи имъ кланяитеся ниже пояса шолковова, до полу тесовова и называите ихъ всехъ по имени и вечаите всѣхъ по отечеству, чтобы имъ показалосо, чтобы имъ поглянулосо, чтобы не было молоде, чтобы не было зелене мне укору великова, на чужой далной стороне и на злодейке проклятою, отъ чужова отца матери, отъ чужова чужевина, чужова сына отътецкова и отъ грозы молодетские.

Утромъ до сидинъ стола такой обычай: Мать невесту закрываетъ платкомъ и надеваетъ хорошои нарятъ, йдетъ на улицу причитать, то-есъ красоватсо.

№ 6-й. Причетъ.

Сподругами своими.

Вы глядите, ясны очи, посветлой свитлице, по столовой горнице, возслезахъ, неслезытесо, зслезы, прочъ откатитесо, мне дайте увидети голосочку услишети отъ родимые матушки. Ты послушайко, матушка, я обчемъ буду просити и пониску кланятсо, ниже пояса шелковова и до полу тесовова, ты пошлушайко, матушка, моей прозбы великие, ты возми золоты ключи во свои руки белые, ты сходи, родная матушка, всою новую горонку, отопри-ко, матушка, окованную корьбью, принеси-ко, родна матушка, принеси-ко, болшую шаль, ты не ту шаль нарядную, принеси шаль печалную, попоидико, родна матушка, ко мне вкутъ да подокошечко, вгоремышное местечко, призакрой-ко, родна

матушка, мою буйную голову, ты мою волю-волную, ты мою негу нежную, ты мою дивью красоту, дивичье украшеньецо и чесное похваленьецо, тебе богъ судитъ, матушка, за меня молодешенку; за меня зеленешенку, ты начто расердилясо, ты нашо роспрогневалясо на меня молодешенку, на меня зеленешенку, ужъ я что-жо, матушка, много нагрубила я, много надосадила, ты закрыла, родимая матушка, мою буйную голову, мою волю волную и мою негу нежную и мою дивью красоту, отняла ты, родна матушка, у меня молодешеньки, у меня зеленешенки, половину свету белова. Вы гледите ясны очи, вы по светлои свитлице, по столовои горнице, ужъ вы дайте увидети, голосочку услишети о родимые матушки, ты послушаико, родна матушка, я о чемъ буду просейтй, тебе понискy клянятсо, ниже ше(л)кова пояса до полу тесовова, со причотамъ со разними, зголосамъ заунывными и со слезамъ со горючими; ты послушай, родимая, моеи прозбы великие, моеи докуки тяжелые, ты сходи, родна матушка, всвою нову горонку, принеси, родная матушка, мое цветное платьецо, цветное, подвинешное; ужъ даи мне наредитсо мне вотсветное платьецо, на роду ту мне невпервой разъ, вкрасныхъ девушкахъ впослѣднiй разъ.

№ 7-й. Причетъ.

Попрошу я, молодешенка, попрошу я, зеленешенка, своихъ подружокъ голубушокъ: вы сходите, подруженки, вы сходите, голубушки, волеса водремучйе, поглedите, подруженки и поднимите, голубушки, вы моей дивьей красоты полесамъ подремучими, по древамъ по зеленымъ, по березамъ кужлявымъ, что моя дивия красота куда небутъ неприклониласо; ищо сходите, подруженки, ищо сходите, голубушки, вополя ты вочистые, вороздолья широкие, волуга зеленые, тамъ не росте ле трава шелковая, нецвету ле цветы разоревые, надсвѣтахъ налазоревыхъ несиди ле моя дивья красота? вы возмите, подруженки, вы возмите, голубушки, вы мою дивью красоту на свои руки белые, наперстенья злачоные, принесите, подруженки, пренесите, голубушки, вы мою дивью красоту комне, восветлую светлицу и востоловую горницу, вы поставте, подруженки, вы поставте голубушки, вы мою дивью красоту серетъ светлои светлицы и столовои горницы на столы вы дубовые.

№ 8-й. Причетъ.

Вамъ спасибо, подруженки, вамъ спасибо, голубушки, вы послушались, подруженки, вы послушались, голубушки, вы меня, молодешенки, вы меня, зелоношенки, вы сходили, подруженки, вы сходили, голубушки, за моей дивьей красотой, вы мою дивью красоту вы болно баско нaредили, разнымъ лентамъ увисили, вамъ спасибо, голубушки, побеспокоились, подруженки, побезпокоились, голубушки, обомне, молодешенке, обомне, зелоношенке, по моей дивьей красоте не попомлили, подруженки, непопомлили, голубушки, моей досады великие и словечушка грубова, досажала я, молода, досажала я, зелена,

вамъ, подрушки голубушки, несума я несразума всо со горя со кручими, (sic) со печали великие.

№ 9-й. Причетъ. Невеста наряжаетсо, идетъ на улицу причитать со своимъ девицамъ.

Благослови, боже господи, присвятая богородита (sic) надеватъ молодешенке, надеватъ зеленешенке, мне свое платье цветное, цветное подвинешное на родуда мне невпервый(sic) разъ, вкрасныхъ девушкахъ последный разъ; вы раздаитесъ, подруженки, роступитесъ, голубушки, вы дайте мне путь дороженку, хоть одну мне половочку мне вити да выступити серетъ светлой светлицы, серетъ столовой горницы, вы негнитеся, половочки, неломитесъ, переводочки, что не я тяжела иду, тяжело у меня, у молоды, тяжело у меня, у зелены, что мое горо, крючина и печаль та великая и тоска та непомерная; погляжу я, молодешенка, погляжу я, зеленешенка, я по всой светлой светлице по столовой горнице, я ище болше погляжу на свою дивью красоту, что моя дивья красота что болно баско нарежона, разнымъ лентамъ увешона, она стойтъ, наклониласо на меня расердиласо, она безветру шатаетсо, бездождя уливается, она своймъ горючимъ слезамъ. Погледи, сударъ батушко и родимая матушка и соколочки родны братцы и сестрицы голубушкй, на мою волю волную, на мою негу нежную и на мою дивью красоту и на меня, молодешенку, и на меня, зеленешенку, водушахъ красныхъ девушкахъ, восталные впоследные во своей воле волную, восвое неге нежные, восвоей дивьей красоте. Ты скажи, сударь батюшко и родимыя матушка, поплечуле цветно платьецо, мне клицуле дивья красота; я сама знаю молода, я сама знаю зелена, мне поплечу цветно платьецо, мнеклицу дивья красота; тебе, тебе спасибо, родной батюшко и родимая матушка, вамъ наскруте хорошою наряжалъ меня батушко и родимая матушка; нежалелъ родной батюшко и родимая матушка своей золотой казны, опушали меня молоду, опушали меня зелену, меня полетнымъ празничкомъ, погуляшимъ, ярманкамъ меня сподружкамъ голубушкамъ, голубушкамъ, содушамъ краснымъ девушкамъ, солебедушкамъ белими: ты поди, нашо дитятко, ты поди разгуляесо, поди, разглуздаесо восвоеи воле волною, восвоеи неге нежною, восвоей дивьей красоте, восвоемъ цветномъ платьеце. Мне топере молодешенке, мне топере зеленешенке, мне отходить воля волная, мне отходить нега нежная, мне носить скруту некогда, ходитъ вскруте некуда; что придетъ пора времечко, придутъ летные празнйчки и гуляшые ярманки, я пойду молодешенка, я пойду зеленешенкя, я обълетнихъ празничкахъ, обгулящйхъ ярмангахъ, я пойду непостарому, я пойду непопрежнему, я пойду подьневолная, я пойду подугрозная, попрошу я, молодешенка, попрошу я, зеленешенкя, родимова батюшка и родимые матушки: ты позволко, родной батюшко и родимая матушка, мне выти да выступити вонъ исветлой свитлицы намоста накалиновы, накрилечушко красное, наширокую улицу мне со своей волей волною, со своей негой нежною и со своей дйвьей

красотой, мне сподружкамъ голубушкамъ и содушамъ краснымъ девушкамъ походить, покрасоватсо поширокой поулочке, восталние впоследние, во своей воле волною, во своей неге нежною и во своей дивьей красоте; погляжу я, молода, погляжу я, зелена, поширокой улице подеревне, какъ погороду, подомамъ, какъ потеремамъ погляжу я, молода, погляжу я, зелена, на поля ты начистые, нароздолья широкие, налуга назеленые, налеса надремучие. Волесахъ то водремучихъ тамъ поютъ, поютъ птички, тамъ кокуютъ кокушечки, тамъ горюютъ горюшечки обомне, о молодешенке, обомне зеленешенке, объ мое воле волною, о моей неге нежною, о моей дивьей красоте: ты иди, красна девица, ты иди помалешенку, ты иди потыхошенку, несрони, красна девица, сьсебя дивью красоту и свою волю волною и свою дивью красоту и свою негу нежною; те спасибо же, те спасибо же, батюшко, и родимая матушка, ужъ дали мне молоде, ужъ дали мне зелене походить, покрасоватсо поширокои поулице и проеждой улице со своей волей волною, со своей негой нежною, со своей дивией красотой.

Женихъ приеждяетъ кневестѣ до перваго стола згостинцамъ, сорехамъ, канфетамъ и пряникамъ, раза 3 иле 5 его угошаютъ отецъ и мать, и невеста и розговоръ ведутъ одне невеста и женихъ свой.

Первои столъ у невесты. Женихова вся родня приеждяетъ къ невесте, стричяютъ и сядятъ всехъ за столы, народъ идетъ весъ гледитъ наприеждихъ, какъ сядутъ за столы, то мужики стучатъ у окна, идутъ визбу и подходятъ къ столу и приветствуютъ слова и просятъ на рогоску на вино: князъ молодои, дружа чесной, сватъ и тысечкоп и вестъ (sic) поезъ чесной, пожалуйте намъ на рогоску, что мы вамъ стерегли и берегли невесту отъ всякова лихова человека. Мужикамъ даютъ на вино и кричатъ ура.

Потомъ подходятъ маленкие ребята и просятъ на мечъ со словамъ; тоже даютъ денегъ на мечъ. Кричатъ ура у стола. Потомъ девицы наряжаютъ елку свечамъ и лентамъ и бусамъ и колцамъ и подаютъ на столъ напротивъ жениха, приветствутъ слова жениху: князъ молодои, дружена чесной и вестъ поездъ чесной, изволте надивью красоту поглядитъ да её окупитъ да и взятъ воротитъ; вето время переносятъ и ставятъ передъ кажнова и блюдо и просятъ денегъ за красоту, имъ кладутъ, на блудо, кто сколко положитъ.

Етиже девицы делаютъ заица, наряжаютъ тоже и ставятъ на столъ тоже со словамъ и ставятъ блюдо передъ кажнова, тоже денегъ кладутъ, кто сколко положитъ;

Потомъ подходятъ бабы кстолу и просятъ на молчанъ у всѣхъ поеждянъ и у жениха просятъ, приветствуютъ слова, ставятъ блюдо кричатъ, гаманятъ и приведствуютъ слова: князъ молодои, друженкя чесной, позволте намъ на молчанъ, что мы про невесту нечево не говорили худова за ёё слова, закладали, ее на умъ наставляли и влюди опушали. Невеста после стола даритъ женихову родню полотенцамъ и платкамъ, ей денегъ кладутъ на блюдо за дары, кто сколько положитъ.

Обносятъ пивомъ и виномъ ково даритъ. Невеста последный даръ жениху даритъ и целуетъ и закриваетсо и ревитъ причетамъ.

После стола идетъ женихъ и друшка подносятъ невесте зеркало, на зеркале полусапожки, чулки, гребенъ, косоплетки вголову и гостинцы. Вето время причеты идутъ у девицъ.

Свата ругаютъ во причетахъ, что сосваталъ невесту за зениха.

Въ денъ стола смотринъ идутъ причеты у девицъ, у бабъ

№ 10,

Прострилыло у молоды, прострилило у зелены мое сердцо ретывое, не гуси не лебеди стиста поля налетали, кнамъ шли да наѣхали кнамъ чужи да дороги гости чужои далнои стороны, со злодеики плоклятые; они заговорили, заграели, какъ вороны заграели, какъ собаки залаели, оне долго збиралисо, сколотья наряжалисо, оне влапти обувалисо, наихъ лапти ти ивовые, оборы ты липовые, у ихъ кони ти чалые, нанихъ збруя то мочалная, уихъ сани да пошовни, уихъ влюдяхъ напрошаны, нанихъуголья то вожены.

№ 11,

Не обесуте, добри люди, вы меня, молодешенку, вы меня, зелоношенку, несума я слово молвила да несума я слово сказала, вы скоро сбиралисо, вы ужъ баско наряжалисо, навасъ тулупи енотовы, везитки суконые, кушаки шовковые, навасъ сапоги ти козловые, шабки бобровые.

№ 12,

Тебе богъ судитъ, батюшко и родимая матушка, заменя молодешенку, заменя зеленешенку, ты пустилъ жо чужихъ гостей, ты восветлую светлицу, во столовую горницу, непоставилъ ты, батюшко, кворотамъ ты придворничка, кворотамъ притворничка. Попрошу я, молодешенка, попрошу я, залоношенкя, я родимова батюшка и родимые матушки, соколочковъ мылыхъ братцовъ, всего роду и племени: вы стричайте жо дорогигъ гостей стюжуе далной стороны, созлодеики проклятые, вы садите жо дорогигъ гостей застолы дубовые, заскатерки браные, заяства ти сахарные, запитья медьяные, вы честите же ихъ да почуйте ихъ пивомъ то пьянымь и виномъ то зеленымь, ихъ напоите доньяна, накормите ихъ досыта, отошечи имъ кланяйтосъ ниже шовкова пояса, донолу тесовова, называите всехъ поимени, величайте всехъ поотечеству, чтобы имъ поглянулосо, чтобы имъ показалосо, чтобы небыло мне молоде, чтобы небыло зелене мне укору то великова на чужой то далной стороне, на злодикѣ то проклятою, отъ чужова отца матери, отъ чужова чужевина, чужа сына отетцкова и отъ грозы молодетскіе.

№ 13-й.

Я спрошу, молодешенькя, я спрошу, зеленошенка, я родимова батюшка и родимые матушки: ушъ что жо у васъ за празничекъ, у васъ что же за пи́рованье, на что пиво наварено, зелено вино накуплено, у васъ на что же гости созваны, у васъ гости гостейкамъ щужой далнои стороны, созлодійки проклятые, эти гости неждяные, ети гости незваные, ето мои да супостатели. Отъ чевоже, сударъ батюшко и родимая матушка, усжедеито дядюшокъ и усжедокъ тотюшокъ, уихъ нетутко празничка, уихъ нетутко пированья, уихъ пиво то неварено изелено вино некуплено, уихъ нечево то ненастряпано, все чины да ненаготовлены, уихъ гости да несозваны да инегостенки уподружокъ голубушокъ, уихъ горя крючины и печали великие. Я сама знаю, молода, я сама знаю, зелена, я згоря до добираюсо да со крючины догадаюсо, что родимой батюшко и родимая матушка наварили то пива пьянова накупили зелена вина на мое горо кручину, напечалъ великую.

№ 14-й.

Тебе богъ судитъ, батюшко и родимая матушка заменя, молодешенку, заменя, зеленешенку, начто жо росердилисъ вы, начто роспрогневались наменя, молодешенку, наменя, зеленешенку; ужъ я много нагрубкла и словамъ надосадила, видно дела неделала и роботы нероботала, ужъ выдно сусекъ хлеба выела и другои роспроворила: я колодецъ воды выпила и другой нася вилпла, выдно ходила все, гуляла по суседямъ всо ходила, уподружокъ всо сидела, видно на то меня росердилисо, на меня роспрогневались родимой то батюшка и родимая матушка.

№ 15-й.

Погляжу я, молодешенкя, погляжу я, зеленешенкя, я посветлои свитлице, постоловои горнице, застолы дубовые и заскатерки браные, заества ти сахарные и запитья медовые, я да повсемѣ да дорогимъ гостямъ, все гости пьютъ да идятъ, что одинъ гостъ неньетъ неестъ что чужой доброй молодецъ онъ повисилъ буйную голову, потупилъ очи ясные востолы дубовые и воскатерки браные, воества сахарные и вопитья медьяные; онъ думаетъ думушку крепткую про меня молодешенку, про меня зеленешенку. Я не пара, не ровнюшка, я не пара хорошая, не ровня великая, у меня нетъ иминья богачества, нетъ не злата и серебра, нескатнова жемчугу. Ему пара и ровнюшка вогороде Саратовѣ у купца дочъ богатая, у её много иминья богачества, много злата и серебра и скатнова жемчугу.

№ 16-й.

Ты невисъ, доброй молодецъ, ты свою буйную голову, не тупи очи ясные востолы водубовые и воскатерки браные и воястве сахарные

и вопитья медьяные, ты недумай думу да крепткую, тебе наша да подруженка, тебе да наша да голубушка, тебе пара да и ровнюшка, тебе и пара да хорошая, у насъ она умна да и разумная, у насъ неспесивая, она у насъ негорливая, у насъ она уважителная, со всемъ людми обходителная, буйной головой поклоныявая, ретивымъ серцомъ покорлива, наязыкъ да говорлива.

№ 17-й.

Попрошу я, молодешенка, попрошу я, зеленошенка, своихъ подружокъ голубушокъ: подойдите, подруженки, подойдите, голубушки, костоламъ дубовыми и коскатеркамъ браными, вы коествамъ сахарными, вы спросите, подруженки, вы спросите, голубушки, вы спросите да дорогихъ гостей, вы да спросите да дорогихъ гостей, вы да спросите добрыхъ людеи про чужова чужевина, чужова сына отецкова, прогрозу молодетскую, некуриле да доброи да молодецъ табаку ту да проклятова, онъ да не ходиле воцаревъ кабакъ, онъ не пьеле да зелена вина доброи молодецъ, онъ не пропъеле доброи молодецъ, онъ сменя, молодешенки, онъ сменя зеленешенки не пропьеле онъ сменя платья цветнова, ненасидитсо бы молоде, ненасидитсо бы зелене мне упереднова окошечка, ненастоятсо бы молоде, ненагледитсо бы зелене мне да вь переднее да окошечко, вьнеметское стеколишко, ненастоятсо бы молоде, ненастоятсо бы зелене мне укровати тесовые.

После стола смотринъ женихъ идетъ вкутъ сосватомъ згостинцамъ и девицы причитаютъ жениху и свату причеты:

№ 18-й.

Тебе нечесъ красной девице, тебе целовать добра молодсца, тебе чужова чужевина, тебе сына отецкова и отъ грозы молодетские пригосударе то батюшке и природимои матушке, при соколочкахъ мылыхъ братцахъ, при сестрицахъ голубушкахъ, тебе присемъ роду племене и при подружкахъ голубушкахъ, придушахъ, красныхъ девушкахъ, восвоеи воле волною, восвоей неге нежною, восвоеи дивьеи красоте, восвоейсветлой светлице, востоловоито горнице что несини ти новые, что подомной подломилисо, подогнулисъ у молоды, подогнулисъ у зеляны мои ноги ти резвые, опустилисъ у молоды, опустилисъ у зелены мои руки ти белые, покатилось у молоды, покатилосъ у зелены моя буиная голова она съ моихъ могучихъ плечъ, у меня выкатилсо белои светъ изъ моихъ ясныхъ очеи, нестена да белокаменая надомнои расыпалосо, росыпалосъ у молоды, росыпалосъ у зелены мое горо кручина и печалъ та великая и тоска та непомерная.

№ 19-й.

Попрошу я, молодешенка, попрошу я, зеленошенка, я подружокъ голубушокъ ушъ вы встанте, подруженки, ужъ вы встанте, голубушки, выстенои тобелокаменой, непушаите, подруженки, непущаите, голу-

бушки, вы чужова чужевина, чужа сына отетскова и грозу молодетскую комнѣ вкутъ да подокошечко, въ горемышное местечко.

№ 20-й.

Недалеко во чистомъ поле сырои дубъ загораетсо угосударя то батюшка и государони матушки, у ихъ восветлой то светлице и востолово то горнице, подпереднимъ то окошечкомъ, божеи сутъ сочиняетсо у меня, молодешенки, у меня, зелоношенки, у меня вькуте подокошечкомъ дивеи векъ коротаетсо.

№ 21-й.

Ушъ ты, сватушко вежливой, вежливой да очесливои, соловеи ты упевяивой, голубокъ ты уговорливой, отца матери умнова роду, племени почетнова, твое леккое имечко и хорошое отечество, ты смело больно подступаесо, болно блиско погвигаесо комне вькутъ да подокошечко и вгоремышное местечко, небоисо ты, сватушко, моего горя кручева ипечали великие итоски непомерние; уменя горо кручина, какъ огонъ да полимя обождотъ да опалйтъ, отьменя горо отвалитсо и ктибе да привяжитсо; ты спросилсоле, сватушко, государя то батюшка и государони матушкй исоколочковъ мылыхъ братцовъ исестрицъ голубушокъ, ушъ какъ сватуто своднику ушъ три чарья вь голову и четвертой подгорлишко вьместо краснова солнишка, ужъ какъ свату то своднику напече заблудитисо, скрозъ напилника провалитисо, ему щамъ обваритисо, ужъ бы свату своднику наповите заблудитисо, скрозъ повити провалитисо, утя детки бы родилисо давлюди негодилисо, педьдесятъ те сыновей ищездесятъ бы дочерей, сыновей те неженивать и дочерей те невыдавыватъ.

№ 22-й.

Попрошу, молодешенкя, попрошу, зеленошенка, я родимова батюшка и родимую матушку: провожаите дорогигъ гостей вы чужие далнои стороны, созлодеики проклятые, проводите да дорогигъ да гостей далекимъ далекошенко поконецъ поля чистаго и роздолья широкова, провожайте, имъ кланейтесъ ниже пояса шолкова, называите ихъ всехъ поимени и величайте всѣхъ поотечеству, чтобы имъ показалосо, чтобы имъ погланулосъ, чтобы мне, молоде, чтобы мне, зелене, мне укору великова (не было) отъ чужова отъца матери, отъ чужова чужевина, чужова, сына отетскава отъ грозы молодетские.

№ 23-й.

Ты красуися, дивья красота идивичье украшеньетцо, тебе недолго красоватцо, негодочекъ годовати, незима те зимовати, невесна красоватисо, тебе нелетико топлое и страда сенокосная инелетние празнички

пнегулящие ярманки, не недилюшка сидити, недругая вышивати, толко одна ночка начевати, итойта коротошенка заодинъ часъ покажетсо, заодну минуту незнатъ, ходя проходити незнатъ, сидя просидети, незнатъ ложа проложати, незнатъ дума продуматй мне сродимымто батюшкомъ и сродимои то матушкой, мне совсемъ родомъ племенемъ, просвою волю волную, просвою негу нежную, просвою дивью красоту; ты скажи, сударъ батюшко и родимая матушка, мне куда молодешенке, мне куда зеленешенке, мне куды положитъ будотъ мне свою дивью красоту? я возму, молодешенкя, я возму, зеленешенкя, я свою дивью красоту на свои руки белые и на перстенья злаченые, я положу дивью красоту, я серетъ крилечушка краснова, я отошечи постою и отошечи я погляжу на свою дивью красоту, ей не место не мѣстечко, не место виковишное; какъ ета пора проидетъ, ето время минуетсо, все часи прочасуютсо и все денги проденуютсо и проидотъ горо кручина и придотъ пора времечко, что поидутъ люди добрые и суседи дядюшки и сусетки тотушкй оне кродимомуто батюшку и кродимой то матушке во светлую светлицу и во столовую горницу, затопчутъ дивью красоту онѣ да своймъ да резвымъ ногамъ. Я возму, молодешенкя, я возму, зелоношенкя, я свою дивью красоту на свои руки белые и на перстенья злачоные, я положу дивью красоту серетъ широкіе улочки, серетъ дорожки проеждие, отошечи я постою, отошечи я погляжу на свою дивью красоту, ей не место не местечко и не место вековишное. Какъ та пора проидетъ, ето времо минуетсо, все часы прочасуютсо, все денги проденуютсо и придетъ пора времечко, все суседи ти дядюшки, они опустятъ добрыхъ коней на широкую улочку, они затопчутъ добры кони, оне мою дивью красоту. Я возму, молодешенкя, я возму, зеленешенкя, я свою дивью красоту на свой руки белые, на перстенья злаченые, понесу дивью красоту во леса во дремучие, положу дивью красоту на березу кужлявую, отошечи я постою, отошечи я погляжу на свою дивью красоту, ей не место не местечко, не место вековишное какъ ета вся пора проидетъ, ето времо минуетсо, все часы прочасуютсо, все денги проденуютсо, придотъ пора времечко и придетъ весна красная, какъ поидутъ людй добрые и молотцы ти хорошые стопорами со вострыми, оне срубятъ березонку, оне срубятъ куждрявую, упадетъ дивья красота, она на мать сиру землю, я возму, молодешенкя, я возму, зелоношенкя, я свою дивью красоту на свои руки белые, на перстенья злачёные, понесу дивью красоту на траву ня шолковую, на цветы на лазоревы, отошечи я постою, отошечи я погляжу на свою дивью красоту, всо не место не мистечко и не место вековйшное, какъ ета вся пора проидетъ, ето времо минуетсо, все часы прочасуютсо, что придотъ, что пора времечко придотъ лето топлоо и страда сенокосная, поидутъ люди добрые и подружки голубушки со косами со ригами, подкосятъ шелкову траву, все светочки лазоревы, упадетъ дивья красота она на мать сыру землю; я возму, я возму, молодошенка, я возму, зелоношенка, я свою дивью красоту на свои руки белые, на перстенья злаченые, понесу дивью красоту, понесу во чисто поло, во роздолье широкое, я положу дивью

красоту на пшеницу белояровую, отошечи я постою, отошечи я погляжу на свою дивью красоту, ей не место не местечко, не место вековышное, какъ ета вся пора проидетъ, ето времо минуетсо, все часы прочасуютсо, что придотъ пора времечко, придетъ робота наполная, поидутъ люди добрые, все суседи и суседушки со серпамъ со зубатыми, подожнутъ люди добрые мне пшеницу белояровую и упадотъ дивья красота она на мать сыру землю; я возму, молодешенкя, я возму, зелоношенка, я, свою дивью красоту на свои руки белые и на перстенья злачоные, понесу дивью красоту я на реченку быструю, опощу дивью красоту по етой по быстрои реке, по свежои ключевои воде, ты пливи дивья красота, ты пливы по быстрой рике, по свежой да ключевой воде ты пливи по малешинку, ты пливы по тихошенку, приплывы дивья красота въ славный горотъ во вологду, пливы дивья красота кь дивичью ко манастиру, какъ поидетъ старица она на риченку быструю, за свежои да ключевои водой она свредрамъ дубовымй да скоромысломъ кипаристовымъ, она первои разъ почерпотъ, нечево она не вычерпотъ, она второй разъ почерпнотъ дивью красоту, вычерптнотъ что возметъ дивью красоту что на свои руки бѣлые, она станетъ жо спрашывать, она станетъ жо выведыватъ, ето чья дивья красота, ето чьево отца матери, чьево роду племенй и какои жо волости и чьево уезду и чьё души девицы; отъвичала еи дивья красота: я уезду грезовицы, я волости, Авнескои, я отца матерй умнова роду, племенй почетнова, душй красной девицы что Марьи Митревни.

Причеты утромъ, когда невеста збираетцо къ винцу, и причитаютъ.

№ 24-й.

Ушъ что красна девица долго спишъ, не просыпаесо, буженья дожидаесо, отъ родимова батюшка и отъ родимые матушкй не слыхала ты, молода, не слыхала ты, зелена, на зоре ты на утрянои, на росвите белова дня прилетала птичка пташечка, горогоркая кокушечка, что садиласъ птичка пташечка на переднее окошечко, спереднова дана красное, со краснова да на кутное, прошибала птичка пташечка она неметское стеколышко, причиталя птичка пташечка, горогоркая кокушечка причетамъ то разнымй голосамъ то заунывными, со слезамъ со горючими, говорила птичка пташечка горогоркая кокушечка: ушъ что, красна девица, ушъ что, лебедь белая, долго спишъ, насыпаесо, буженья дожидаесо, проспала, красная девица, ты свою волю волную и свою негу нежную и свою дивью красоту и дивичье украшеньетцо и чесное похваленьецо, всю жизъ ты да хорошую, ты житье славно дивичье. Говорила птичка пташечка и горегоркая кокушечка: ушъ ты, спи красна дѣвица, насыпайсъ лебедь белая восталныевъ последные, во свое воле волною, во свое неге нежною и во свое дивьеи красоте, во своей светлой светлице, во столовои горнице у родимова батюшка и у родимые матушки, у соколочковъ мылыхъ братцовъ, у сестрицъ

у голубушокъ, отоидетъ воля волная, отоидетъ нега нежная и улититъ дивья красота, не видатъ будетъ молоде, не видатъ будетъ зелене ужъ воли то волные, ужъ неги то нежные, мне своей дивьеи красоты, мне жйтья то да дивичья, все жйтье переминится, будетъ жизъ переменая на чужой далной стороне, на злодепке проклятою.

№ 25-й.

Благослови, боже господи, присвятая богородица, мне вставатъ молодошенке, мне вставатъ зеленошенке, мне спостели то сомяхтие и созголовья то высокова, исьподояла то топлова на свои ноги резвые на чулочки бумажные, на башмачки сафьяные и на полы тесовые и на переводы дубовые.

№ 26-й.

Вы гледите, ясни очи, вы по светлои светлице и по столовои горнице, во слезахъ неслезытесо, слезы прочъ откатитесо, ужъ дайте мне увидети, голосочку ушлишети мне отъ подружки голубушки: ты послушай, подруженка, ты послушай, голубушка, моеи прозбы великие и докуки тяжелые; я обчемъ буду просити и по ниску буду кланятсо ниже пояса шолкова и до полу ту тесовова, со причетамъ со разными, зголосамъ заунывными, со слезамъ со горючими; ты возми жо, подруженка, ты возми, жо голубушка, возми ведра дубовые и коромысло кленовое, ты сходи жо, подруженка, ты сходи жо, голубушка ты на реченку быструю за свежои ключевои водои, пренесико, подруженка, пренесико, голубушка, мне воды то ключевою хошъ одну мне капелку, мне умытъ молодошенке, мне умитъ зелоношенке, мне свое лицо белое восвоеи воле волною, восвоеи неге нежною, восвоеи дивьеи красоте, во своеи светлои светлице и востоловои горнице, у родимова батюшка и у родимые матушки, во сталные впоследние, водушахъ красныхъ девушкахъ; умываисъ, красна девушка, умываисъ помалешенку, ты несмой, красна девушка, ты собя волю волнюю, ты себя негу нежную, ты собя дивью красоту; попрошу, молодошенка, попрошу я, зеленешенкя, я родимую матушку: ты сходи, родна матушка ты вьсвою нову горонку, пренеси ты, родимая, мне тонко полотенечко утеретцо мне, молоде, утеретцо мне, зелене, востались во последные, во своеи воле волную, во свое неге нежную, во своеи дивьеи красоте; утирайсъ, мое дитятко, утйрасъ помалешенку, утирасъ потихошенку несотри, мое дитятко, ты сьбя волю волную, ты себя негу нежную, ты свою дивью красоту. Те спасибо же, матушка, те спасибо же, родимая, пренесла жо, родная матушка, ты тонко полотенечко, я утерласъ жо, молода, я утерласъ, зелена, на роду я невпервыи разъ, вкрасныхъ девушкахъ да последный разъ.

№ 27-й.

Вы гледите, ясны очи, во слезахъ, неслезытесъ слезы, прочъ откатитесъ, ужъ даите мне увидети, голосочку ушлишети отъ родимова батушка, ты послушаи, ко батюшко, я обчемъ буду просити и понеску буду кланятсо ниже шелкова пояса, до полу тесовова, ты сходи, сударъ батюшко, ты (въ) свою новую горонку, пренеси, сударъ батюшко, ты свичу воскоярову, ты возми, сударъ батушко, лучиночки трешинку, ты огонкя искорку засвити, сударъ батюшко, ты свичу воскояровую передъ присвятую богородицу, ужи дай мне помолитисо, ушъ дай мне поклонитисо восвоеи воле волною, восвоеи неге нежную, восвоей дивьей красоте, восвоеи светлои свитлице и во столовои горнице, во восталные во постедные (sic) у родимова батюшка и у родимые матушки.

№ 28-й.

Я первои поклонъ положу я миколе то светителю, я другои поклонъ положу я присвятои богородице, я третеи поклонъ положу я спасу то все милостивому, я еще поклонъ положу за родимова батюшка, я еще поклонъ положу за родимую матушку, я еще поклонъ положу за матушку кросную, я еще поклонъ положу за соколочковъ милыхъ братцовъ, я еше поклонъ положу за сестрицъ то голубушокъ, еще поклонъ положу за себя молодешенкю, за себя зелонешенку, что бы далъ мне господи на чужои далной стороне таланты стясье великое.

№ 29-й.

Вы послушайте, подруженки, вы послушайте, голубушки, что я скажу вамъ, подруженки, что я скажу вамъ, голубушки, про себя молодешенку, про себя зеленешенку, мне севоднешная ноченкя малымъ мало спалосо, восне много видялосъ, мне привидялсо страшной сонъ, первои сонъ видяла, что на круту гору ходила, тажелу ношу носила я другои сонъ видяла—наетои крутой горе тамъ лежитъ серъ горючъ каменъ, какъ етова камешку тутъ шипица колючая и крапива жогучая, осока резучая, какъ наетомъ на камешке тутъ сидитъ младъ ясонъ соколъ, онъ вкоктяхъ да держйтъ утицу, я третеи сонъ видяла—я влесу бы заблудиласо и втраве бы заплеталасо, я росойбы омочиласо; я еще сонъ видяла—подходила бы молода, подходила бы зелена, подходила бы кобыстрои реке, заходила бы молода заходила бы, зелена, я вориченку быструю по свои груди белые, росыпалосъ у молоды, росыпалосъ у зелены моя бы руса, коса поетои быстрои реке, пооднои волосиночке; попрошу жо я молода, попрошу я зелена васъ, подружкй голубушкй, росудите, подруженки, росудите голубушкй, ушъ вы етотъ мои страшной сонъ, мне кчему же много наснилосо, мне кьчему же навидялосъ. Мы росудимъ, подруженкя, мы

росудимъ, голубушка, етотъ мы страсной сонъ пословечушку роскажомъ: не во сне те навидялосъ, всо воявъ показалосо, на круту гору ходила, тяжелу ношу носила ты, ты свое горо кручину и печаль ты великую и тоску ты непомерную на крутой горе видела: тутъ лежитъ горючъ серъ каменъ: ето неродной свекоръ батюшко, какъ кругъ етова камешка тутъ шипица колючая,—то неродная свекровъ матушка, тутъ крапива, жегучея ето деверья, милое братья, тутъ осока резучая—ето щековатые золовушки; ты дошипичи дотронесо, ты сипичей у колесо до крапивы дотронесо, ты крапивой обождесо, ты доосоки дотронесо, ты осокой обрезесо, какъ наетомъ накамешке тутъ сидитъ младъ ясонъ соколъ чужой доброй молодецъ, онъ вкоктяхъ держалъ утицу, онъ тебя молодешенку, онъ тебя зеленошенку. Вамъ спасибо, подруженки, вамъ спасибо, голубушкй, росудили подруженки, росудйлй голубушки ушъ мой страшной сонъ.

№ 30-й.

Вы гледите ясны очи возслезахъ, незслезитосо слезы, слезы прочъ откатитесо, мне даите увидети, голосочку услишети от подружки голубушки: ты послушайко подруженка, ты послушай голубушка моей прозбы великие идокуки тяжелые, я обчемъ буду просити и понискy буду те кланятсо ниже пояса шолкова идополу тесовова, ты возми жо, подруженка, ты возми жо, голубушка, гребешокъ ты черепяховой, росплети жо, подруженкя, росплетижо, голубушко, ты мою русу косу рощеши жо, подруженкя, рошеши жо, голубушка, ты мою жо буйную голову, нещесы жо, подруженкя, нещесы, голубушка, ты сьменя волю волнюю, ты сменя негу нежную, мою дивью красоту, ты чеши помалешенку, ты чеши потихошенку, уплети жо, подруженкя, уплети жо, голубушка, ты мою жо русу косонку, тебе богъ судитъ, подруженкя, тебе богъ судитъ, голубушка, заменя молодешенку, заменя зеленошенку, ты смело подступаесо, ты къ моей буйной голове, къ моей русой косе, ты къ моей дивьей красоте, ты къ моей воле волнюю, ты къ моей неге нежною, ты спросиласъ ле, подруженка, ты спросиласъ ле, голубушка, ты родимова батюшка и родимие матушки, видно позволилъ жо родимой батюшко и родимая матушка у меня росплести русу косонку и рощесатъ буйную голову, те спасибо, подруженкя, те спасибо же, голубушка, учесала буйну голову, уплела русу косонку, ты красуйся дивья красота, ты катайсо руса коса по моимъ могучимъ плечамъ справова плеча да налевое, солевова да на правое, закатисъ, руса коса, моему ретиву серцу, усерца да коса да заржавеетъ.

№ 31-й.

Благослови, боже господи, присвятая богородица, мне вставатъ, мне вставатъ, молодешенке, мне вставатъ, зелоношенке, мне збрушатные лавочки, отстены тесу белова, на свои ноги резвые, кануу-

лочки бумажные, на башмачки сафьяные, на полы тесовые, на переводы дубовые, вы роздайтеся, подруженки, вы роздаитесъ, голубушки, вы ушъ дайте, подруженки, ужъ даите, голубушки, ушъмне пудъ (путь) да дороженку, мне ходитъ удну половочку, мне выти да выступити серетъ светлой светлицы, серетъ столовоп горницы, вы негнитесъ половочки неломитесъ, переводочки, что нея тежола иду, что тяжело жо умолоды, что тяжело жо узелены, мое горо да кручйна и печалъ та великая и тоска та непомерная, погледи жо, сударъ батюшко и родимая матушка, что нехорошое древечко во вашей комнате да виростало, что неяблонъ кужлявая что вь саду роскачаласо, что нелисья бумажные пополу ростилаютсо, ваше сердешное дитятко передвамъ убиваетсо, наеи цветное платьецо дополовъ дотыкаетсо, убиваюсъ я, молода, убиваюсъ я зелена, передъ государомъ то батюшкомъ и передо государонои матушкой сопричотамъ, со разными зголосами заунывными, сослезамъ согоручйми, я прошу увасъ, батюшко и родимая матушка, я неиминья богачества, неболшова приданова, я незлата и нежемчугу и коня то восто рублей и другова вотысечу, толко прошу я увасъ, родимово бятюшко и родимую матушку, у васъ благословенья великова отъ жаланя ретиго серца мне ваше благословеньетсо мне болно надобно, и оно спадобилось начужую дальную сторону и назлодійку плоклятую, что ваше благословеньетцо наогне негорящее, на воде нетопящее и влесу незаблюдящее, истемна леса виведотъ, изводы меня нынесотъ, изъогня меня викинотъ,—вамъ спасибо, родители, навашемъ благословеньетце, наградили молодешенку, наградили зеленошенку меня благословеньемъ великймй.

№ 32-й.

Я отъ березку остала и къ другому я непристала, мне, приставатъ, мне приставатъ было зелене, мне коетому березку, мне кродимому батюшку; мне неместо немистечко, неместо вековишное; мне пристатъ было молоде, мне пристатъ было зелене, мне коетому местечку иберешку, мне кродимои матушке; мне неместо неместечко, мне неместо вековышное; мне пристатъ было молоде мне пристатъ было зелене, мне коетому берешку ушъ мне кросноп матушке; мне неместо немистечко, мне неместо вековишное; мне пристатъ было молоде, мне пристатъ было зелене, мне котому берешку ксоколочкамъ милымъ братцамъ; мне неместо не мистечко и неместо вековишное; мне пристатъ било молоде, мне пристатъ было зелене, мне коетоберешку, косестрицамъ голубушкамъ; мне не место немистичко и не место вековишное; мне пристати било молоде, мне пристатъ било зелене, мне кьетому берешку, мне кьподружкамъ голубушкамъ; мне неместо немистечко и не место вековйшное; я осталасъ жо молода, я осталасъ жо желена, я одна одиношенкя середи моря синова нагоручемъ на камешке, приставатъ надо молоде, приставатъ надо зелене *мне кь* чужай далнои стороне икьзлодиіке проклятую, мне къ чу-

жому отъцу матере, мне къ чужому кь чужевину, къ чужому сыну отетскому игрозе молодетскую, тутъ мне место и мистечко и место вековишное.

№ 33-й.

Попрошу я молодешенкя, попрошу я зеленошенкя, я родимова батушка и родимие матушки кь (какъ) приедутъ дороги гостй сь чужой далнои стороны созлодийки проклятые, непушаите, сударъ батюшко и родимая матушка, непущайте да дорогигъ гостеи вы чужихъ незнакомыхъ людей, вы моихъ супостателей, вы восветлую светлицу-востоловую горницу, вы поставте жо, батюшко, кьворотамъ притворничка, кь дверямъ притворничка, вы заприто жо, батюшко все ворота широкие вы запорамъ то крепткими, вы замкамъ то железными.

№ 34-й.

Прострилило умолоды, прострилило узелены мое серцо ретивое невеснале дапришла красная, неводале подьдлелияла, что нерыбале щучина, видно, подворотенку вышибла, пропустила да чужихъ гостей она лихихъ супостателовъ, ети гости немылые, етй гости постылые, ети гостй неждяные, ети гости незваные, оне смело подступилисо, оне силои вломилисо, оне вь светлую светлицу и встоловую горницу.

Женихъ приеждяетъ заневестои кьвинцу, дружка идетъ состоканомъ вкутъ кьневесте, причеты идутъ.

№ 35-й.

Ушъ ты, друженкя вежливои, вежливой да очесливой, ты смело подступаесо, блиско подвигаесо комне вкутъ подокошечко, вьгоремышное местечко, ты спросилсо ле, друженькя, родимова батюшка и родимые матушки и соколочковъ мылыхъ братцевъ и сестрицъ то голубушокъ, я непью пива пьянова, нехочу зелена вина, я беспива пьяношенкя, безвина я зелоношенкя, болитъ буиная голова, стемитъ серцо ретивое безморозу трескучева.

Пропиваетъ девица дружке невесту исядятъ застолъ невесту збратомъ, дружка устола стоитъ, невеста и братъ застоломъ сидитъ, родня женихова вся стоитъ наполу, потомъ братъ дружке загатки загадываетъ, если неодьганетъ, покладетъ встоканъ денегъ, отганетъ-некладетъ, жениха садятъ застолъ кьневесте ивыводять вонъ ехатъ квинцу, женихъ садитъ невесту вь сани, самъ идотъ на свою лошадъ, а девицы провожаютъ квинцу исядутъ налошатъ сневестои ипричитаютъ причеты:

№ 36-й.

Тебе богъ судитъ, подруженкя, тебя богъ судитъ, голубушка, заменя молодешенку, заменя зеленошенку, начто росердиласо ты, начто роспрогневаласъ наменя, молодешенку, наменя, зеленешенку, ушъ кинуласъ, подруженка, ушъ ты кинуласъ, голубушка, настаканъ пива пьянова, надругои зелена вина, пропила ты, подруженкя, пропила ты, голубушка, ты мою буйную голову, ты мою волю волную, ты мою негу нежную, ты мою дивью красоту, проминяла, продруженкя, проминяла, голубушка, ты меня, молодошенку, ты меня, зеленошенку, застоканъ пива пьянова, задругой зелена вина.

№ 37-й.

Вы гледите, ясны очи, вослезахъ неслезитесо, слезы прочъ откатитесо, ушъ даите мне увидети, голосочку мне услишети отъ соколочка мила братца, подоиди, соколочикъ милъ братъ, комне вкутъ подо шечко, вьгоремышное местечко, ты послушаи жо, милъ братъ, моеи прозбы великие и докуки тяжелые, я обчемъ буду просити ипониску буду кланятсо ниже шелкова пояса, дополу тесовова, сопричетамъ со разными, зголосамъ заунывными, сослезамъ согоручими, ты сходи, соколъ братъ, волеса водремучие, излови, соколъ милои братъ, соловья птицу певчую, пренеси, соколъ милои братъ, всвою светлую светлицу, востоловую горницу, посажу, молодошенкя, посажу, зеленошенкя, соловья птицу певчую во кованую коробью, увезу, молодошенкя, увезу, зелоношенкя, соловья птицу певчую начужую далню сторону, назлодиіку проклятою, я поставлю жо, молода, я поставлю жо, зелена окованую коробью подькроватъ тесовую, накажу я, молода, накажу я зелена, соловью птйце певчему, чтобъ будилъ соловей птица что меня молодешенку, что меня зеленешенку поутрамъ да ранешенко досвекора буженья, досвекровины крыченья идомуженья стипанья, начужои то далнои стороне, назлодйіке плоклятою, тамъ людитй вострые, тамои люди ти хитрые, та мои людити взгискателны говорятъ непонашему, дело делаютъ непоздешнему, всяко слово переговорятъ на чужойто на стороне, тамои естъ церковъ божествена, несютко [1]) и риченкя быстрая естъ икрасное солнышко тамъ естъ свитолъ мѣсецъ есо ичастые звоздочкй, я сама знаю молода, я сама знаю зелена тамои церковъ божествена, она нетакъ будотъ миловатъ, тамои риченкя быстрая, она да нестолъ бело мытъ станотъ, тамой красное солнышко, оно нестолъ тепло гритъ будетъ, тамо и да свитолъ мѣсецъ, онъ нестолъ да свйтйтъ да свйтйтъ будотъ, тамой частые звездвочки, оне нестолъ будутъ ястввны.

№ 38-й.

Благослови, боже господи, присвятая богородйца надеватъ платье цветное подвинешное, я спрошу, молодешенкя, я спрошу, зело-

---

[1]) Несюшко—срвн. нов. ссуды—сюда. Есюшко или ссутко д. б. тутъ.

ношенкя, васъ подружки голубушкй, вы куди собыраито, вы куды сняряжаито вы меня, молодешенку, вы меня, зеленошенку, вы вкакому же празничку, накакую жо ярманку? наслуху нету ярманкй у насъ вродне нету празничкя, я сама знаю, молода, я сама знаю, зелена, я згоря да збираюсо, скрючины догадаюсо, собирають подруженки, собйраютъ голубушкй оне меня молодешенкю, оне меня зеленешенку, оне вопутъ водороженку, оне коцеркве божественой, подвйнцы подзлачоные.

№ 39-й.

Я спрошу, молодешенкя, я спрошу, зеленешенкя, соколочка мйла братца: ты скажй, соколъ милъ братъ, тебе на что, милой братъ, тебе моя рука правая, тебе начто снадобйласо, у меня на правой руке не писма написаны, неузоры вышйваны, у меня на правой руке у меня горо и крючина и печаль-то великая й тоска-то непомерная.

№ 40-й.

Попрошу я, молодешенкя, попрошу я, зеленешенкя, соколочка мила братца: ты непокидайсо, дорогой мой братъ, на стаканъ пива пьянова и надругой зелена вйна, непропей, соколъ мйлъ братъ, ты мою буйну голову, ты мою волю волную, ты мою негу нежную, ты мою дивью красоту, не продай, соколъ милъ братъ, ты чужймъ гостямъ на рукй, ты чужому чужевину не одай меня навекй.

№ 41-й.

Тебе богъ судитъ, мйлой братъ, за меня, молодешенку, за меня, зеленешенку, непослушалсо, дорогой мой братъ, ты меня, молодешенкй, меня, зелоношенкй, ужъ ты кйнулсо, дорогой мой братъ, на стаканъ пива пьянова на другой зелена вина.

№ 42-й.

Не бери, доброй молодецъ, ты мою руку правую, у меня во первой руке три ножа да все вострые, три булавки булатные, ты ножамъ-то обрежосо, ты булавкамъ уколесо.

№ 43-й.

Подоидомто, подруженки, подоидомто мы, голубушки, ко столу-то дубовому, ушъ мы спросймъ, подруженки, ушъ мы спросимъ, голубушки: ты скажи-жо, подруженка, ты скажй-жо, голубушка, у тя нежмоле, подруженкя, у тя нежмоле, голубушка, у тя чужой доброй молодецъ твои ноги резвые ко поламъ ко тесовымй, ище нежмоле, подруженкя, еще нежмоле, голубушка, онъ твою руку правую ко перстеньямъ злачоными.

№ 44-й.

Тебе богъ судитъ, матушка, за меня, молодешенку, за меня, зелоношенку, холодно ты натопила, ты свою светлую светлйцу, натопйла ты, родимая, ты дровамъ-то осйновымъ, пожалела ты, матушка, ты дровъ-то берозовыхъ, у насъ во светлой светлице холоднымъ холодношенко, прищипало у молоды, прищипало у зелены на мои ногй резвые ко поламъ ко тесовымй, признобило у молоды, признобило у зелены, мой руки белые ко перстеньямъ злачоными.

№ 45-й.

Те спаси боже, батюшко и родимая матушка, вамъ на хлебе на соле, на вашой дробродителе, воспоили вы, скормили вы меня, молодешенку, вы меня, зеленешенку, смалыхъ летъ да довозрасту, берегли меня молоду, берегли меня зелену, вы ответру отвихоря, вы открастова солнышка, отъ частова дождичка, чтобы меня не дуло буйнымъ ветромъ, не пекло бы краснымъ солнышкомъ, немочило частымъ дождичкомъ, немогли вы уберечи, немогли вы устеречи вы меня молодошенку, вы меня зелоношенку, отъ чужие далной стороны и одъ злодйіки проклятые.

№ 46-й.

Отъстаетъ лебетъ белая остада лебединова, пристаетъ лебетъ белая костаду серымъ гусямъ, начелй гуси стйпати, начала лебетъ кричатй, нещипийте, серы госй, не сама къ вамъ залйтела, вы несмйтесъ, добры люди, не сама я квамъ собои пришла, занесло, занесло меня погодушкой, погодою неспособною да тучой грозною, завезли меня, молоду, завезли меня, зелену, добры да кони насаняхъ надубовыхъ на чужую дальню сторону, назлодйку плоклятую.

№ 47-й.

Попрошу, молодешенкя, попрошу я, зеленешенка, соколочка мила братца: ушъ ты йтъ помалешенку, ты йтъ потихошенку, ты доржи, соколъ милъ братъ, своево добра коня завождечки шолковые, заузду тесмяную, заудила тй злачоные, ушъ дай мне наглядитйсо, ушъ дай мне наглядитйсо, дай мне насмотрйтйсо подеревне какъ погороду подомамъ, какъ потеремамъ восталные впоследнйе, восвоеи воле волною, во своеи неге нежною, восвоеи дйвьей красоте, несрони, соколъ мйлъ братъ, ты сменя волю волнюю, ты сменя негу нежную, ты сьменя дивью красоту.

№ 48-й.

Попрошу, молодешенкя, попрошу, зелоношенкя, я тебя, соколъ мйлой братъ, недоржи, соколъ мйлой братъ, своево ты добра коня, чтобы

роскакалисъ добры коній, роскатилійсъ дубовы сани, мне остатсо бы молоде, мне остатсо бы зелене, народимой настороне у родймова батюшка и у родимые матушкй, мне сподружкамъ голубушкамъ, содушамъ краснымъ девушкамъ, восвоеи воле волною, восвоеи неге нежною, восвоеи дйвьей красоте, восвоеи светлой светлице, во столовой горнице.

Проводили невесту къ винцу; девицы идутъ вдомъ кродителямъ невесты спричотамъ, ихъ невесты родители стричаютъ и спрашываютъ проводили ли свою подруженку и сядятъ девицъ за столъ и почуютъ что есть и благодарятъ родйтели за причетъ.

№ 49-й.

Намъ несмитъ подсупйтйсо, намъ несмитъ подьевитйсо, намъ ко светлой светлйце и костоловой горнице, намъ безподружки голубушки, проводили подруженку, проводили голубушку далекимъ далекошенко, поконецъ поля чйстова и роздолья широкова, посылала подруженкя, посылала голубушка она родимому батюшку и родимой-то матушке челобитье, нйской поклонъ.

Песнй поютъ осмотринахъ, когда женихъ сидитъ за столомъ со своеи родней, невеста вкутй здевицами весъ столъ; прйчйтаюте и песни поютъ весъ столъ, пока неотойдетъ етй две статьи и делаютъ толко вкуте вопричетахъ невеста и ревитъ издевицами.

1-я песня поется протяжно и все тоже едакъ поютъ: Какъ не было ветровъ, какъ вдругъ повеялй не было гусеи, вдругъ налеталй, не было гостей, вдругъ наехалй, подломйлй да сини новенкйе, роступйлй да золотую царю, росквйвйлй да душу девицу роскрасавицу, розговорилъ да разудалой молодецъ: ты неплачъ да раздуша да красавица, сени новыя перестроить велю, золоту царю перелить прйкажу, я буду тебе я наместо сокола, я наместо яснова, я разбужу тебя поряняе соловья, поряняе певчева.

2-я песня. Ужъ цветы-ле, мой цветйкй, вы цветы мои лазоревы, васъ много было насеяно, болно много уродилосо, вы душй-ле красной девицы извасъ не было изменщицы, проевилася изменйщйца что душа-ле красна девица, она сказала, что замужъ неиду, она сказала, что вманастйрь поиду, всехъ подруженокъ собой возму, я которую воклюшнйцы, я другую воприслужныцы, подстригусъ сама выгумчешй (sic.), ушъ что душе помстйлосо, вдобра молодца влюбиласо.

3-я песня. Вы гуси-ле мои лебедй, вы куды-жо ночесъ леталй? ушъ мы леталй, леталй насйно моро плаватй, ушъ что же тамъ видялй? ушъ мы видели, видели тамъ бела лебетъ купаетсо, свежои водой умываетсо, ушъ что же ее невзелй, ушъ мы невзели невзелй, ушъ мы ее подпримйтилй, право крылышко заломйлй, вонъ идотъ да погубителъ мой, вонъ идотъ да погубителняца, вонъ идотъ да розыми рукй, вонъ идотъ да росплетй косу погубителъ мои батюшко, погубителнца вонъ матушка, розымй жо рукй, тысечкой, росплетай жо косу, свахонкя.

4-я песня. Приходилъ жо вечоръ сватушко копереднему окошечку, вызывалъ жо родня батюшка, онъ родймую матушку, нахвалилъ онъ чужую сторону, на чужой-то далной стороне трй поля да пшена насияны, мидяной росой поливаны, виноградомъ огорожена, у чужова-то чужевина, у ево есть прйширокой дворъ, деветъ саженъ споловиною, осеретъ двора горница она вся да розукрашена зеркалами розувешена, одна девица да промовиласо, красавица проговорйлась: побывалъ бы ветой стороне, посиделъ бы вновой горнице, приходилъ жо другой сватушко копереднему окошечку, вызывалъ жо родна батюшка, вызывалъ жо родну матушку, онъ нахаялъ жо далню сторону: на чужой-то далной стороне три поля горя насияны, горючимъ слезамъ поливаны, огородомъ огорожены, у чужова чужевйна, у ево да приузенкйі дворъ, три саженй споловиною, осеретъ етова дворйка стоитъ баня некрытая, она вся да развалиласо, побревошку роскатиласо, околитъ тебе, сватушко тебе безгробу и бесь савану и бесвичекъ и безладану.

5-я песня. Мне севоднешная ноченка мне малымъ да мало спалосо, мне восне да много видяласо, мне пустая та да хоромйна, угли прочъ да овалилйсо, бровна да врозъ роскатйлисо, на печйсте котищо сидйтъ, пополу ту ходитъ гусина, поворончйкамъ да голубй, что по лавочкамъ да ласточки, на окошке младъ да ясонъ соколъ, онъ вкоктяхъ да держйтъ утицу; родимая моя матушка, росуди-ко мой страшной сонъ; ты, дйто да мое милое, росужу я да твой страшной сонъ по словечушку, роскажу невосне те навидялосъ, всо вовьявъ показалосо те, пустая та хоромина тебе чужая, тйбе чужая далня сторона, угли прочъ отвалилисо-отецъ матъ оступилисо, бровна врозъ роскатилисо-все подружки оступилисо, напечисте котищо лежитъ-ето свокоръ батюшко, пополу ту ходитъ гусина-ето свекровь матушка поворончикамъ голуби-ето деверья милые братья, полавочкамъ ласточки-ето щековатые золовушки, на окошке младъ соколъ-ето чужой доброй молодецъ, онъ вкоктяхъ да держитъ утицу-ето тебя молодешенку.

Обычай такой вдеревне у насъ когда невесту последней день садятъ збратомъ застолъ, дружка подходитъ ко столу и позываетъ невестиныхъ родителей и приведствуетъ слова родителямъ: вы чада милова имерека молодово воспойли, воскормилй, хорошо ево водйлй вметкалиныхъ рубашкахъ, вполковыхъ поясочкахъ ты, родймая матушка, 40 недилъ воутроба носйла и 65 неделъ белымъ грудямъ сосила, велите итй набелой дворъ братъ ворона коня, надеватъ уздечку тесмяную, накладатъ седелцо черкаское, братъ плетку шелковую, ехатъ божьей церкве помолйтсо, у отца духовнова благословйтсо. Тутъ подносятъ стаканъ вина на столъ и ставятъ прямо дружкй. Ему невесты братъ загатки загадываетъ:

1-я загадка: почему суда ехалй; огатка: пополубовной поклатке жениха и невесты и родителей ихныхъ.

2-я загадка; пожалуйте, друженкя, утку сморя, гуся споля; отьгадка: хлебъ и солъ, настоле подаютъ.

Севодне день несереда, наша невеста непоидетъ бесеребра; дружка денегъ кладетъ встоканъ и серебра, сколко кто положитъ; у моей сестрицы пополтине косйца, одна русая коса стойтъ рубъ серебра, опять денегъ кладутъ встоканъ.

3-я загатка: кто вьждешномъ доме неродйлсо; огатка: женихъ.

4-я загатка: кто краше краснова солнышка ймйляе светлова месеца, миляе отца и матери; отгатка богъ.

5-я загадка. Живои мортвова бйлъ, мортвои отъ жйвова крйчалъ, живои болше бйлъ, мортвои боле кричалъ; отьгатка: благовестъ колокола.

6-я загадка. У насъ изба очетире угла, княза нетъ; отьгатка: дружка виводйть жениха и садитъ застолъ сневестой рядомъ.

7-я загадка. Братъ невесты говоритъ дружке: мы квамъ едемъ кьтакому и босому и нагому и беспояса; отгатка: едутъ кьцеркве егореи великомученыкъ онъ, неимеетъ одежи.

8-я загатка. Я заделъ запенъ заколоду, заболшую березу; дружка овигаетъ столъ и выводитъ невесту женихомъ и едутъ къ винцу; конецъ сварбе.

Г. Грязовецъ, Авнеской волости деревня Кроптева.

И. В. Волковъ. 1902 г.

Свадебная плачня.

(Новг. г. Новг. у.)

Когда ударятъ по рукамъ, невѣста «плачетъ кра́соту».

Пойду бѣдна молодёхонька *).
Я по свѣтлой своей свѣтлицѣ,
Я по новенькоей горницѣ,
По батюшкову строеньицу,
Я по матушкиному украшеньицу.
Сидячи горя не смыкати,
Горячихъ слёзъ не выронить.
Поглядите, мои родненьки,
Моя сударынька, ро́дна матушка
И сестрицы, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
На меня на молодёхоньку,
На мою на красну красоту,
На дѣво́чью вольну волюшку,
Что по прежнему-ль красуется,
Что по прежнему-ль вольничаетъ.
На моей буйной головушкѣ?
Какъ моя то красна красота
Да дѣво́чья вольна волюшка
Поспугавши, посполохавши,
Почернѣе грязи черныя,
Потемнѣе ночки тёмныя.

2.

Послѣ рукобитья невѣста плачетъ:

Что не стукъ стучитъ во теремы,
Что не громъ гремитъ на улицѣ,
Какъ ударили по бѣлымъ рукамъ,
Прозадумали, просватали
Меня бѣдну молодёхоньку **).

*) Или: сиротиночка.
**) *Сиротиночку.*

Какъ за нашимъ дубовымъ столамъ
Сидятъ чужіе то чужатели
Да злодѣи непріятели.

Тутъ за третьей пищей выкликаютъ невѣсту къ столу помлониться идадутъ бо́льшей подружкѣ штофъ вина, а невѣстѣ—рюмку, вотъ поздравитъ, наливаетъ вина рюмку и выкликаетъ природу женихову. Сватъ выкликаетъ мать невѣстину, невѣста всѣмъ подноситъ вокругъ стола, полштофъ поставитъ, поклонится, пойдетъ къ печкѣ за занавѣску и плачетъ:

Повернусь я поскорёхонько,
Пойду бѣдна молодёхонька
Я ко родненькоей матушкѣ;
Моя родненькая матушка,
Какъ за нашимъ дубовымъ столамъ,
Да за пишшамъ то за сахарнымъ,
Да за блюдечкамъ за палевымъ
Сидятъ чужіе чужатели;
Они не взёмши надсмѣхаются,
Надо мной бѣдной ломаются.

3.

На другой день послѣ рукобитья утромъ невѣста встаетъ и садится плакать.

Сяду молодёхонька
На тесову нову лавочку
Подъ коситчасто окошечко,
Отворю бѣдна горюшица
Я окошечко немножечко,
Я стехаенки меншатаго,
Поспушшу бѣдна молодёшенька
Я свой тоненькой тускло́й голосъ
По подъ лѣсью, по подъ небесью,
Я пониже по подъ зе́мелью,
Я ко матушки къ Божьей церкви,
На оградушку высокую,
На могилушку глыбокую
И ко звону колокольнему,
Ко читаньицу Господнему.
Завѣяли-бъ вѣтры буйные,
Разнесли бы пески желтые,
Поразступись ты, мать сыра земля,
Пооткройся, гробова доска,
Прогляни, кормилецъ батюшка,
Ты своимъ то, очамъ яснымъ,

Проговори устамъ печальнымъ
Со мной бѣдной сиротиночкой.
Ты, кормилецъ родной батюшка,
Подойди ка, мой кровиночка,
На мою на горьку свадебку
Ко мнѣ бѣдной сиротиночкѣ.
Не прошу отъ тебя, мой кровиночка,
Я ни минья *) ни богачества,
Ни, сердешной, золотой казны,
Я ни платьица ни свѣтнаго,
Я ни окрутушки хорошеей.
Подойди, кормилецъ батюшка,
Благословить меня сиротиночку
Отъ родимья ретивá сердца.

4.

Потомъ мать сядетъ:

Ты жедобна моя дитятка,
Ты скажи, мое роженое,
Тебѣ спалось ли ночка тёмная?

Она плачетъ:

Моя родненькая матушка,
Мнѣ вся тёмна ночь не спалося;
На бѣломъ свѣтѝ уснула я,
Вотъ я видѣла сиротушка
Что будто передъ нашимъ окошечкомъ
Да стояла сладка яблонька;
Какъ отъ этоей отъ яблоньки
Откатилось красно яблочко;
Знать не яблочко откатилося—
Это я, бѣднá сироточка
На злодѣй чужу сторонушку
Отлечу, родная матушка.
Моя родненькая матушка,
Сидячи горя не смыкати,
Горячихъ слёзъ не выронить.
Пойду, бѣдна сиротиночка,
Я по свѣтлой своей свѣтлицѣ,
Я по новенькой горницѣ,
Родна батюшка строеньице,
Родной матушки украшеньице;
Поглядите ко, мои родненьки,

*) т. е. имѣнья.

Вси сусѣди и сусѣдушки
И сусѣдски милы дѣтушки,
На крáсненьку мою крáсоту,
На дѣвóчью то вольну волюшку,
Что по прежнему ль красуется,
Что по прежнему ль вольнúчаетъ.
Какъ обневолили власти грозныя
Молодимъ меня молодёхоньку,
Еще не дали мни ка бѣдноей
Пособраться съ силой могучеей,
Ни сносить алыихъ ленточекъ,
Сволочить мнѣ красной крáсоты
Да дѣвичьей вольной волюшки.

Подойдетъ къ другой женщинѣ:

Ты, сосѣдушка, голубушка,
Приклони буйну головушку
Ко мнѣ бѣдноей сиротушкѣ,
Разскажи ка мнѣ ка бѣдноей,
Какъ чужателей улаживать.

5.

Байня.

Пóдружки байню станутъ топить, стопятъ байню, придутъ, станутъ отца да мать звать въ байню. Станетъ плакать пóдружка бóльшая:

Не сердитесь ко, не гнѣвайтесь,
Не про васъ баенка топлена,
Ключевая вода ношена;
Я топила парну баенку
Про сестрицу про голубушку;
Я—треми дровамъ, всё разныимъ:
Я первымъ дровамъ малиновымъ,
Я другимъ дровамъ калиновымъ,
Я третьимъ дровамъ берёзовымъ.
Ты поди, моя голубушка,
Ты во парную во баенку,
Ты во парну въ умывальнюю.
Съ нашей горенки до баенки
Всё мосточки понамощены—
Всё мосточки то малиновы,
Перекладинки калиновы.
Я носила въ парну баенку
Я носила ключеву водý
Я съ трёхъ ключевъ кипучиихъ,

Я съ трёхъ рѣченекъ бѣгучиихъ.
Какъ по нашей рѣчкѣ быстроей
Еще ѣхалъ добрый молодецъ
Да во лёгонькой во лодочкѣ,
Говорилъ мни ка горюшичѣ,
Что увезу у васъ красну красоту,
Уведу у васъ красну дѣвушку.
Я стояла, не боялася,
Говорила, не стыдилася,
Что не увезть у насъ красной кра́соты,
Не увезть у насъ красной дѣвушки:
У дверей стоятъ придвернички,
У воротъ стоятъ привратнички,
Какъ у баенки въ прибайничкѣ,
Въ нашей новенькоей горенкѣ
Да стоятъ то братцы родненьки.

Когда идётъ невѣста съ байни, то плачетъ:

Мои миленьки подруженьки,
Вы сестрицы, мои голубушки,
Звали бѣдну молодёхоньку
Меня въ парну нову баенку,
Что ты поди, наша голубушка,
Ты во парненькую баенку.
Потъ мой, сестрица родненька,
Со бѣла лица горячи́ слезы,
Съ ретива сердца кручинушку,
Потъ мыла, потъ парила,
Свою красненькую кра́соту
Да дѣво́чью вольну волюшку,
Поставила горюшица
Свою красненькую кра́соту
Я во парноей во баенкѣ,
На шелковоемъ на вѣнчикѣ,
На косисчастомъ окошечкѣ.
Не спасибо, милы по́дружки;
Говорили мни ка бѣдноей:—
Съ нашей горенки до баенки
Всё мосточки то намощены;
Ужъ я шла, бѣдна горюшица,
По колѣнъ я снѣга бѣлова.
Вы не вѣйте, вѣтры буйные,
Не снесите съ молодёхонькой,
Съ моей буйноей головушки
Не снесите красну кра́соту;

Что не долго то не долгичко,
Мнѣ немножко поры времячка
Красоваться въ красной красоты
Да вольни́чать вольной волюшки.

Придётъ домой, съ матерью станетъ плакать. Мать голоситъ:

Ты жедобно моё дитятко,
Ты жедобное, роженое,
Ты скажи, моя голубушка,
Какъ была во парной баенкѣ?
Поотмыла ль, лебедь бѣлая,
Со бѣла́ лица горячи́ слезы́,
Съ ретива́ сердца́ кручинушку—
Су великую печалюшку?

Она ей отвѣчаетъ:

Моя родненькая матушка,
Не отмыла я горячи́ слезы́
Съ ретива́ сердца́ кручинушки,
Поотмыла, пооставила
Свою кра́сненькую кра́соту.

Пойдетъ тогда къ брату:

Ужъ ты, братецъ мой, ясёнъ соколъ,
Ты голубчикъ нашъ хорошенькой,
Ты поди во парну баенку,
Ты во парну, въ умывальнюю.
Какъ во парноей во баенкѣ,
На косисчастомъ окошечкѣ,
На шелковоемъ на вѣнчикѣ
Ты возьмитко, братецъродненькой,
Мою кра́сненькую кра́соту
Да дѣво́чью вольну во́люшку,
Ты снеси, голубчикъ бѣленькой,
Ты снеси на во чисто́ поле́,
Въ чисто поле далекошенько,
Ты повѣсь, голубчикъ бѣленькой,
Мою кра́сненькую кра́соту
На кудрявую берёзинку:
Пусть ко кра́сота красуется,
Вольна волюшка вольни́чаетъ,
Еще тутъ, голубчикъ бѣленькой,
Еще тутъ-то ей не мѣстечко:
Ты снеси, голубчикъ бѣленькой,
Ты на путь, на ту дороженьку,
Куды ходитъ бѣдной горюшицѣ

Отъ злодѣевъ, отъ чужателей,
Со злодѣй-чужой сторонушки.
Пусть замоетъ гряземъ черныимъ,
Заплыветъ песочкомъ желтыимъ;
Какъ будетъ мнѣ ко бѣдноей
Будетъ жисть мнѣ хорошая,
Заростетъ моя кра́сна кра́сота
Заростётъ она муравой-травой,
Зацвѣтутъ цвѣточки аленьки.

6.

Предъ вѣнчаніемъ у себя невѣста плачетъ подружкамъ:

Вы, сестрицы мои, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Вы касаты мои ласточки,
Не пускайте къ молодёхонькѣ
Да чужихъ то чужателей
Да злодѣевъ непріятелей;
Ужъ какъ этыи чужатели
Да злодѣи непріятели.
Вы сестрицы мои, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Не кидайтесь, мои голубушки,
Не на ихны слова ласковы,
Не на ихну золоту́ казну́
Не на ихно платье свѣтное—
Золота́ казна съ людей добыта,
Вороны́ кони пonаняты,
Платье свѣтно съ людей занято.

Сообщ. *К. Лавровъ* *).

*) Студ. СПБ. Дух. Ак. если не ошибаюсь, кажется 90-хъ гг.

Въ бытность мою преподавателемъ въ Акад. я обыкновенно просилъ студентовъ уроженцевъ и жителей уѣздныхъ записывать пѣсни сказки, и вообще заниматься наблюденіями этнографическими. Какъ болѣе близкіе къ народу, эти студенты, по большей части уроженцы уѣздные всегда казались мнѣ болѣе способными и приготовленными, чѣмъ студенты университета, по большей части жители и уроженцы городскіе, къ изученію народнаго быта и мѣстныхъ говоровъ. Они, всегда почти отличались чистымъ мѣстнымъ говоромъ. Въ этомъ отношеніи даже экзамены въ Академіи были всегда поучительны и занимательны.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпуски III и IV

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія В. О. Пасторъ, Фонтанка, № 94.
1905.

Печатано по распоряженію Совета Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Обряды духоборцевъ.

Десятаго мая 1899 г. въ г. Константинополѣ я сѣлъ на англійскій пароходъ «Lake Huron», на бортѣ котораго уже находилось 2318 русскихъ крестьянъ. Это была четвертая и послѣдняя партія духоборцевъ, выселявшихся изъ Россіи въ Канаду. Начиная съ этого дня мнѣ пришлось прожить съ духоборцами самой тѣсной жизнью вплоть до 27 января 1900 г. т. е. почти десять мѣсяцевъ. За это время я неоднократно наблюдалъ духоборческіе обряды и обычаи. Въ эти же мѣсяцы мнѣ удалось записать довольно много различныхъ псалмовъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и принаровленныхъ къ тѣмъ или другимъ праздникамъ, похоронамъ и пр.

Кромѣ этихъ наблюденій и записей я имѣю въ своемъ распоряженіи: 1) «Описаніе обрядовъ сущей вѣры христіанской отъ начатія жизни древней, поученія святыхъ отцовъ церкви Божіей и познаніе истины Господа нашего Іисуса Христа»,—рукопись духоборца И. П. Обросимова, которая была имъ написана, по моей просьбѣ, въ 1898 г. на островѣ Кипрѣ. 2) «Краткое изъясненіе богомоленія»—замѣтки И. М. Трегубова, посѣщавшаго духоборцевъ на Кавказѣ во время ихъ ссылки по грузинскимъ и осетинскимъ ауламъ. 3) «Записку о духоборцахъ, составленную съ ихъ словъ и на основаніи одной ихъ рукописи»—И. М. Трегубовымъ, въ которой есть три страницы, посвященныя обрядамъ духоборцевъ и въ 4) «Животную Книгу» духоборцевъ, записанную мною въ Канадѣ, въ которой я нашелъ достаточно много необходимыхъ указаній.—Имѣя весь этотъ матеріалъ въ своихъ рукахъ, я считаю для себя возможнымъ сдѣлать подробное сообщеніе объ «обрядахъ и обычаяхъ духоборцевъ».

Мы разсмотримъ здѣсь: 1) обрядъ ежедневнаго моленія; 2) обрядъ богомоленія или «литургіи; 3) обрядъ похоронный; 4) обрядъ свадебный; 5) обрядъ при рожденіи младенца.

I.

Обрядъ ежедневнаго моленія.

а) Утромъ, возставъ отъ сна.

Утромъ, возставъ отъ сна, духоборцы, чисто вымывшись, становятся здѣсь же въ хатѣ на моленіе.

Опустивъ руки во всю ихъ длину и взявшись пальцами рука въ руку,—духоборцы сосредоточенно шепчутъ про себя различные, какіе полагаются, псалмы.

Я замѣтилъ, что съ опущенными руками стоятъ обыкновенно только мужчины. Женщины и дѣти,—какъ мальчики такъ и дѣвочки, становятся на молитву «поджавши» руки т. е. скрестивъ ихъ подъ грудью на животѣ. Этому скрещенію рукъ подъ грудью на животѣ, очевидно, придается извѣстное значеніе, что можно видѣть хотя бы изъ того, что матери всегда зорко слѣдятъ за своими малолѣтками и если кто изъ нихъ читаетъ псаломъ не поджавъ руки, то мать всегда замѣтитъ ребенку: «подожми ручки», а совсѣмъ маленькимъ, только начинающимъ членораздѣльно лепетать, мать обязательно сама покажетъ, какъ это нужно сдѣлать.

Взрослые духоборцы и духоборки читаютъ псалмы на ежедневномъ моленіи про себя; дѣти же обоего пола, до возраста подростковъ, т. е. лѣтъ до двѣнадцати, читаютъ псалмы вслухъ, при чемъ всѣ ошибки при чтеніи тщательно исправляются обыкновенно матерью, бабушкой или старшей сестрой. Отецъ или вообще кто либо изъ мужчинъ рѣдко занимается обученіемъ псалмовъ. Эта обязанность по преимуществу лежитъ на женщинахъ.

Утреннее моленіе обыкновенно начинается словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа».[1])

Потомъ читается одинъ изъ слѣдующихъ псалмовъ по желанію. Нѣкоторые читаютъ ихъ всѣ подрядъ. «Господи, благодарю Тебя отъ всего сердца моего, что Ты меня здраво и невредимо воздвигъ отъ сна моего, разогналъ темноту ночную, осіялъ меня радостнымъ свѣтомъ дня сего; молю Тебя усердно моей вѣрой, прошу Тебя, разгони темноту невѣдѣнія моего. Отъ страстей моихъ просвѣти мой умъ и волю свѣтомъ Твоимъ, святой Твоей благодатью. Одари меня, Господи, раба Твоего, чтобы я на дѣло, отъ Тебя назначенное мнѣ, поспѣшилъ съ полной охотой моей, взыскивалъ бы я въ тайномъ святомъ законѣ Твоемъ; всегда призывалъ бы я тайное святое имя Твое и за-

---

[1]) Въ „Животной книгѣ" духоборцевъ, — (см. 11 псаломъ, 117 стр. рукописи), — на этотъ счетъ есть указаніе. Въ вопросоотвѣтномъ псалмѣ „Кто васъ отсель поведетъ?.." въ 42 вопросѣ и отвѣтѣ говорится:

„В. Какая у васъ первая молитва?

О. Во имя Отца и Сына и святого Духа".

конъ Твой; сподоби меня, Господи, на сей день безъ грѣха. Богу нашему слава». Этотъ псаломъ читается всѣми обязательно. Въ «Животной книгѣ» въ вопросоотвѣтномъ псалмѣ «Почему вы называетесь христіане,»—(см. 25 стр. рукописи),—въ 72 вопросѣ спрашивается:

«В. Отъ сна встаете, какія молитвы читаете?

О. Господи, благодарю Тебя отъ всего сердца моего, что Ты меня здраво и невредимо воздвигъ отъ сна, разогналъ темноту ночную.

Кромѣ этого псалма по утрамъ также читаютъ: 1) «молитву Господню», почти безъ всякихъ измѣненій. 2) псаломъ: «Стану[1]) я помолясь, пойду благословясь, въ дверцы, въ воротца, въ дальнія далевицы. Крестъ на мнѣ, крестъ во мнѣ, крестъ передо мной, самъ Господь Богъ со мной. Ангелы по сторонамъ стоятъ, соблюдаютъ раба Божьяго (такого-то) отъ звѣря, отъ птицы, отъ колдуна, отъ колдуницы, отъ еретника, отъ еретницы, отъ бѣды, отъ напасти, какъ бы намъ не принять напрасную смерть. Богу нашему слава».

Дѣти обыкновенно читаютъ одинъ изъ слѣдующихъ маленькихъ «псаломчиковъ:» «Ложилась, молилась, вставала, благословлялась, утренней росой умывалась, Божьей пеленой утиралась[2]). Богу нашему слава». Или «Отче нашъ, Богъ предвѣчный, судья праведный. Богу нашему слава». Или: «Богъ боговъ, Господень глаголъ, силенъ и крѣпокъ, всему міру начальникъ. Богу нашему слава». Или: «Ты Богъ нашъ, а мы Твои. Мы прійдемъ къ Тебѣ, а Ты помилуй насъ. Богу нашему слава». Есть и еще, подобные приведеннымъ маленькіе «дѣтскіе псаломчики». Нѣкоторые особенно богомольные изъ духоборцевъ и духоборокъ, читаютъ кромѣ приведенныхъ утреннихъ псалмовъ, что либо просто изъ «Животной книги», такъ напримѣръ «Сонъ Пресвятой Богородицы», или какой либо обыкновенный псаломъ.

Окончивъ чтеніе псалмовъ, каждый изъ духоборцевъ или духоборокъ, обращается къ присутствующимъ въ хатѣ съ вопросомъ:

— Здорово ночевали?

— Слава Богу,—отвѣчаютъ присутствующіе съ поклономъ.—Какъ ты себѣ?[3])—спрашиваетъ кто либо изъ нихъ вопрошавшаго.

— Слава Богу,—отвѣчаетъ тотъ, кланяется и продолжаетъ:—«съ добрымъ утромъ!».

— Спаси Господи—(кланяются),—также и тебѣ.

— Спаси Господи. (кланяется).—Христосъ воскресъ!—продолжаетъ онъ же.

— Во истинныхъ людяхъ воскресъ. Какъ вѣрнымъ явился, такъ и нонѣ съ нами есть.

Послѣ этого вопрошавшій принимается за свои дѣла.

---

1) Нѣкоторые духоборцы читаютъ: „встану я — помолюсь, пойду — благословлюсь... и т. д.“.

2) Если читаетъ мальчикъ, то онъ, конечно, все согласуетъ въ мужскомъ родѣ.

3) Я замѣтилъ что многіе духоборцы, здороваясь, всегда говорятъ на „вы“, даже съ самыми близкими имъ людьми. Но это необязательно.

Надо замѣтить, что вся эта процедура часто сокращается, по желанію здоровающагося и въ этихъ сокращеніяхъ нѣтъ никакой опредѣленной формы. Каждый говоритъ то изъ «утренняго привѣтствія», что сочтетъ нужнымъ. Но мнѣ приходилось видѣть большія семьи, гдѣ весь духоборческій обрядъ тщательно сохраняется, и исполняется и тамъ положительно всѣ, отъ мала до велика,—привѣтствовали наступленія дня согласно полной формы обряда и эти привѣтствія затягивались на все утро. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ я наблюдалъ, что утреннее привѣтствіе высказывается только главой семьи, или вообще только стариками. Здѣсь не лишнее будетъ сказать, что какъ утреннее, такъ и всѣ другія привѣтствія обыкновенно сопровождаются многократными глубокими, медленными поясными поклонами. Поклону вообще духоборцы придаютъ очень большое значеніе, подразумѣвая подъ нимъ «даръ Божій» [1]), а потому передать поклонъ домашнимъ и прочимъ считается необходимымъ и хорошимъ поступкомъ. Если кто-либо передастъ поклонъ черезъ другого духобора, то на слова «передавайте поклонъ (такому-то)», или «вашему семейству», духоборцы обыкновенно отвѣчаютъ: «по вашему желанію будемъ передавать».

б) Моленіе передъ ѣдой.

Передъ всякой ѣдой (завтракъ, обѣдъ, ужинъ, чай,)—вообще передъ той ѣдой, гдѣ подается хлѣбъ, духоборцы читаютъ молитву.

Когда всѣ сѣли за столъ, нарѣзали хлѣбъ, и хозяйка подала первое блюдо[2]), то хозяинъ, иногда хозяйка или вообще кто либо изъ старшихъ спрашиваетъ:

— Всѣ собрались?—и если оказывается, что всѣ и все готово, то онъ уже говоритъ:

— „Извольте молиться!» или «Молитесь!».

Тогда всѣ поднимаются, также поджимаютъ руки и шепчутъ нижеслѣдующую молитву. (Дѣти читаютъ вслухъ).

«Господи, благослови, на Тебя, Отче уповаемъ; Ты даешь намъ пищу во благо и время, отверзаешь твердою рукой Своей, наполняешь все душевное благоволеніе. Благослови Господи, хлѣбъ-соль кушать»[3]).

«Молитва передъ ѣдой» имѣетъ версію сильно распространенную. Она начинается словами: «Слава Тебѣ, Господи, слава Царю небесному. Отче, Господи, на Тебя уповаемъ, что Ты намъ пищу даваешь за

---

1) На разсмотреніи значенія поклона человѣка, человѣку по ученію духоборцевъ, мы подробнѣй остановимся ниже въ отдѣлѣ „обрядъ богомоленія“ или „литургія“.

2) Очень часто, въ особенности народные обѣды и ужины, у духоборцевъ начинаютс съ чая съ хлѣбомъ. Послѣ чая подаютъ борщъ или супъ и т. д.

3) См. „Животная книга“, (рукопись) Псаломъ 293. Ср. съ молитвой „передъ обѣдомъ и ужиномъ“: „Очи всѣхъ на Тя, Господи и т. д.“ (См. „Молитвословъ“, 3-е изд. Спб. 1890 г., стр. 23).

4) См. „Животная книга“ (рукопись). Псаломъ 294.

благое время, отверзаешь щедрую руку, наполняешь всякое душевное наше благоволеніе. Благослови, Господи, пить и ѣсть намъ рабамъ и рабынямъ.

Эта версія, какъ я замѣтилъ, читается въ Канадѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ сѣвернаго участка іоратонскаго района. Она извѣстна также и въ другихъ районахъ духоборцевъ, но читается рѣже первой версіи.

Послѣ прочтенія молитвы всѣ садятся и принимаются за ѣду. Ѣдятъ обыкновенно изъ общей чашки.

в) Моленіе послѣ ѣды.

Когда трапеза окончена всѣми, духоборцы встаютъ и читаютъ слѣдующую молитву: «Слава Тебѣ, Господи, слава Царю небесному. Благодарю Тебѣ, Господи Христе Боже нашъ, яко Ты, Господи, насытилъ насъ земными своими благами; не лиши меня, Господи, небеснаго своего царствія. Спаси, Господи, зá хлѣбъ, зá соль, за милость Божью труждающихъ и питающихъ, милость творяющихъ [1]), страждущихъ за имя Господне, за свидѣтельство Іисуса Христа, за слово Божіе. Спаси Господи. Богу нашему слава»[2]).

Послѣ прочтенія этой молитвы всѣ кланяются, и если это были не свои домашніе, то обыкновенно благодарятъ вслухъ хозяевъ и куховарокъ, говоря имъ; «за хлѣбъ, за соль, спаси, Господи!» Если изъ за стола встаютъ только свои домашніе, то и они произносятъ вслухъ: «спаси, Господи!»

г) Моленіе на сонъ грядущій.

Послѣ того, какъ женщины постелятъ всѣмъ постели, духоборцы становятся на молитву также, какъ и утромъ, возставъ отъ сна.

На сонъ грядущій они обыкновенно читаютъ слѣдующую молитву: «Ангелъ мой хранитель, храни мою душу, крѣпи мое сердце, все помышленіе; дай же мнѣ Владыко, на сонъ грядущій, тѣло на упокой, душу на спасеніе [3]), уста на моленіе, еже пѣть твою Пре-

---

1) Слова „милость творяющимъ“ были включены духоборцами въ эту молитву въ 1897 г., когда они, гонимые и сосланные въ кавказскіе аулы, стали получать „милостыню“— пожертвованія отъ неизвѣстныхъ людей, имъ сочувствовавшихъ.

2) См. 311 псаломъ „Животной книги“, ср. съ молитвой послѣ обѣда и ужина: „Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ и т. д.“ („Молитвословъ“ 3-е изд. Спб. 1890 г. стр. 23).

3) Въ вопросоотвѣтномъ псалмѣ „Почему вы называетесь христіане?“ въ 71 вопросѣ и отвѣтѣ говорится:

71 В. Когда спать ложитесь какія молитвы читаете?

О. Дай же мнѣ, Владыко, на сонъ грядущій, тѣло мое на упокой, душѣ моей на спасеніе. (См. 2-й псаломъ „Животной книги“).

Очевидно, начало вышеприводимаго псалма: „Ангелъ мой хранитель и т. д.“ было приложено къ псалму „Дай же мнѣ, Владыко и т. д.“ Послѣ созданія псалма „Почему вы называетесь христіане?“

святую Богородицу. Святъ Господи помилуй насъ; врагъ — сатана, откачнися отъ меня, нѣтъ тебѣ дѣла до меня; на мнѣ Спаса рука, Богородицкій замокъ; крестъ на мнѣ, крестъ во мнѣ, крестъ передомной,—Господь Богъ со мной. Богу нашему слава» [1]).

Кромѣ этого псалма читаютъ и другіе, спеціально приспособленные къ вечерней молитвѣ на сонъ грядущій. Приведу ихъ здѣсь. Читаютъ псаломъ: «Иду я, раба Божья, по пути Господнему, во Христово, а ты, врагъ сатана, откачнися отъ меня, у меня есть оборона отъ тебя. Самъ Господь Богъ народился, во Іорданѣ крестился. Крестъ на мнѣ и крестъ во мнѣ, крестъ передо-мной, самъ Господь Богъ со мной [2]). Богу нашему слава [3]). Какъ видимъ, этотъ псаломъ является варіацией предыдущаго, но духоборцы считаютъ его самостоятельнымъ псалмомъ.

Читаютъ также: «Услышь Господи, молитву мою, создай, Господи, милость свою. Молитва съ постомъ, Богъ съ помощью; ангелъ на отверженіе, рабу Божьему на спасеніе. Богу нашему слава» Еще читаютъ: «Ложится, раба Божья, спать отъ Духа святого, отъ печати Христовой. А ты, врагъ—сатана, откачнись отъ меня. У меня есть оборона отъ тебя, три листа написано: Петръ, Павелъ, Никита мученикъ. Они за насъ Бога молятъ, за Христа душу мучатъ; ангелъ сохраняетъ, ангелъ соблюдаетъ, ангелъ святой ризой покрываетъ Богу нашему слава [4]).

Читается еще слѣдующій небольшой псаломъ: «Спокойной ночи

---

1) См. 299 псаломъ „Животной книги“

2) См. 300 псаломъ „Животной книги“

3) См. 250 псаломъ „Животной книги“.

4) Какъ извѣстно, „крестное знаменіе“ духоборцы не только не возлагаютъ, но относятся къ нему съ большимъ пренебреженіемъ. „Мухъ гоняетъ“, „чиститъ пуговицы“—такъ говорятъ они про православныхъ, и вообще про людей всѣхъ тѣхъ вѣроисповѣданій, гдѣ введеніе въ обрядъ крестное знамя. Упоминаніе во всѣхъ этихъ трехъ псалмахъ „креста“ „на мнѣ“ „во мнѣ“ и „передо мной“ несомнѣнно перешло къ нимъ отъ православнаго населенія вмѣстѣ съ тѣми духоборцами, которые отпали отъ православія. Подобная молитва встрѣчается, напримѣръ, у православныхъ малороссовъ. Сами духоборцы это троекратное упоминаніе „креста“ объясняютъ иносказательно, „духовно“. „Крестъ на мнѣ“ — это значитъ что они, какъ и всѣ истинно вѣрующіе христіане, — находятся подъ дѣйствіемъ постояннаго преслѣдованія со стороны „слугъ дьявола“ — власть имущихъ и духовенства. Выраженіе „Крестъ во мнѣ“ они понимаютъ такъ: человѣкъ несовершененъ, постоянно подпадаетъ подъ тотъ или другой соблазнъ жизни, дѣлаетъ грѣхъ; христіанину подобаетъ всегда давать самому себѣ отчетъ въ своей жизни и каяться передъ своей совѣстью во всемъ грѣховномъ, содѣланнымъ имъ, а потому истинный духоборецъ всегда чувствуетъ тяжесть „креста“ личной жизни, который обрѣтается въ немъ самомъ, въ его совѣсти, въ его сознаніи. „Крестъ передо мной“—это значитъ, что и въ будущемъ истиннаго христіанина, духоборцы ожидаютъ гоненія, преслѣдованія за „правду и истинность“ и объ этомъ всегда надо помнить. Всѣ эти „три креста“ жизни вѣчные спутники „праведныхъ, людей, „роди избраннаго“ до самыхъ „послѣднихъ“ дней, до наступленія „Царствія Божія на землѣ“, до пришествія новыхъ порядковъ на землю, вполнѣ справедливыхъ и свободныхъ.

прекрасныя мысли, радостныя вѣсти. Дай Богъ сну, счастья, талану; испущу свой духъ во святыя руки. Богу нашему слава» [1]).

Дѣти обыкновенно читаютъ: «Ты Богъ мой, я рабъ Твой. Ты меня не покинешь, а я Тебя не забуду. Богу нашему слава [2]). Они также читаютъ: «Ложитесь спать отъ Духа Святого, печаль Господня, рука отъ крѣпкаго замка. Богу нашему слава» [3])

Среди женщинъ сильно распространенъ слѣдующій псаломъ, называемый также «вечерней молитвой»: «Ангелъ мой хранитель, сохрани и помилуй во всякій день, во всякій часъ отъ наглости, скоропостижной смерти, отъ скорби, болѣзни, отъ бѣды, отъ напасти, отъ напраслины, отъ вольной пожогѣ, отъ водяного потопа, отъ буйнаго вѣтра, отъ звѣря лютаго, отъ худого разума, отъ худого помышленія, Господи, сохрани и помилуй. Богу нашему слава» [4]).

Также читаютъ слѣдующій псаломъ: «Ангелъ Божій, сторожъ добрый, стереги меня до полночи, а Пречистая Мать до свѣта, а Христосъ небесный до вѣка. Богу нашему слава [5]).

Еще читаютъ: «Крестомъ Богу молюсь, матушкѣ Пресвятой Богородицѣ объявлюсь. Матушка Пресвятая Богородица, сбереги меня съ вечера до полночи, ангелъ до свѣта, Іисусъ Христосъ до вѣка. Страхъ слалъ, страхъ въ головѣ клалъ, страхомъ ограждался, святой пеленой покрывался. Богу нашему слава» [6]). Нѣкоторые также читаютъ слѣдующую «вечерню молитву»: «Прости меня, Господи, простите меня, всѣ святые Его; блаженные, праведные и милостивые родители; прости меня, Мать Пресвятая Богородица, защити меня своею рукой, своею крѣпкою стѣной. Всѣ святые ангелы, архангелы, возбудите меня въ этотъ часъ. Петюшкѣ» [7]) пошли, Господи, здоровьица, всѣмъ страдающимъ за имя Господнее, за свидѣтельство Іисуса Христа и пошли, Господи, здоровьица всему ихнему семейству, а меня, Господи, прости и мать сырая земля. Богу нашему слава» [8]).

Многіе любятъ читать также слѣдующій псаломъ, представляющій изъ себя краткую варіацію извѣстнаго апокрифа «Сна Пресвятой Богородицы». «Огонь погасъ, Господь при насъ. Лягу я спать,— три ангела въ головахъ. Первый ангелъ засыпаетъ, второй ангелъ развѣщаетъ, третій ангелъ Господа Бога развеселяетъ. Ишла Мати Марія въ городъ Ерусалимъ; шла—походила, легла—пріуснула; при-

[1]) См. 302 псаломъ „Животной книги“.

[2]) См. 303 псаломъ „Животной книги“.

[3]) См. 304 псаломъ „Животной книги“.

[4]) См. 305 псаломъ „Животной книги“.

[5]) См. 306 псаломъ „Животной книги“.

[6]) См. 307 псаломъ „Животной книги“.

[7]) Петру Васильевичу Веригину—духоборческому руководителю, который былъ послѣднія пятнадцать лѣтъ, вплоть до осени 1902 г., въ ссылкѣ въ различныхъ мѣстахъ Архангельской губ., а послѣднія пять лѣтъ прожилъ въ ссылкѣ въ селеніи Обдорскъ, Тобольской губерніи.

[8]) См. 309 псаломъ „Животной книги“.

видѣлся ей сонъ; причудилось: на той древѣ купаресной жиды Христа распинали, на его святую головушку терновый вѣнецъ надѣвали, святую кровь проливали. Стала Мати плакать и рыдать, къ сырой землѣ припадать. Кто этотъ списокъ будетъ знать или у себя въ домѣ держать, —тому будетъ счастье въ пути и въ дорогѣ, откоръ (sic) отъ скорби, отъ огня, отъ пожара, отъ человѣченскаго слова. Богу нашему слава» [1]).

Прочтя тѣ или другіе изъ выше указанныхъ псалмовъ, духоборецъ или духоборка начинаютъ прощаться съ присутствующими, при чемъ мною было неоднократно замѣчено, что какъ здороваются по утрамъ согласно обряду, такъ прощаются по вечерамъ, обыкновенно больше мужчины, женщины же, хотя и являются наилучшими хранительницами псалмовъ, гораздо менѣе точны въ обрядахъ и обычаяхъ.

Прощаніе на сонъ грядущій состоитъ въ слѣдующемъ:

Отчитавши псалмы, отходящій ко сну говоритъ:

— Здорово дневали?

— Слава Богу,—отвѣчаютъ ему присутствующіе и спрашиваютъ въ свою очередь:—«Какъ вы себѣ передневали»?

— Слава Богу,—слѣдуетъ отвѣтъ отходящаго ко сну, и онъ уже продолжаетъ:—«Спокойной вамъ ночи».

— Спаси Господи, также и тебѣ пріятнаго сна, — отвѣчаютъ ему.

— Спаси Господи, — благодаритъ первый и тѣмъ прощаніе на сонъ грядущій окончено. Здѣсь намъ для точности приходится повторить то, что мы уже говорили относительно утренняго привѣтствія, именно, что весь этотъ обрядъ продѣлывается далеко не всѣми и многіе ложатся спать, прочтя какой-либо маленькій псаломчикъ и попращаясь съ окружающими словами: «Спокойной ночи», но есть, повторяемъ, и такія самыя, гдѣ весь этотъ духоборческій церемоніалъ совершается въ точности каждымъ изъ членовъ семьи.

II.

Обрядъ богомоленія „или литургіи“.

а) Что такое духоборческая церковь.

Духоборецъ Иванъ Парамоновичъ Обросимовъ,—нынѣ умершій,— на поставленное ему мною вопросы объ духоборческой «церкви», «праздникахъ» и «моленіи» отвѣтилъ мнѣ цѣлой рукописью, озагла-

[1]) См. 357 псаломъ „Животной книги“.

вленною имъ: «Описаніе обрядовъ сущей вѣры христіанской отъ начатія жизни древней, поученіе святыхъ отцовъ церкви Божіей и познаніе истины Господа нашего Іисуса Христа».

Въ ней есть нѣкоторые пробѣлы по отношенію духоборческой догматики и обрядности, почему мы, частью приводя ее здѣсь, будемъ дополнять всѣми тѣми свѣдѣніями, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи.

«Господь небеса творилъ съ пѣніемъ,—такъ начинаетъ свою рукопись И. П. Обросимовъ,—и утвердилъ ихъ словомъ своимъ; потомъ сотворилъ церковь съ Отцомъ своимъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ,—какъ видно изъ святого Евангелія, когда Господь Іисусъ Христосъ собралъ апостоловъ отъ двѣнадцати до семидесяти и построилъ изъ нихъ святую церковь. А мы нынѣ въ нее ходимъ и приносимъ тѣ жертвы, которыя приносили предки наши. А такъ какъ мы произошли отъ родовъ израильскихъ, путешественныхъ, то и три отрока—Ананія, Азарія и Мисаилъ—это предки наши, указатели постановленія обрядности сущей вѣры христіанской [1]). Это съ тѣхъ временъ основывается въ живыхъ источникахъ — благочестивое житіе, въ поющихъ и глаголающихъ. А какъ поющій и глаголающій передаютъ изъ рода въ родъ, то до сего дня передается то же слово, какое имъ было передано Спасителемъ міра.

Мы именуемся христіане, потому что познаемъ слова Христовы и стараемся выполнять ихъ.

Церковь у насъ построена не въ горахъ, не въ бревнахъ, не въ каменныхъ стѣнахъ [2]). Наша церковь построена въ

---

1) Въ духоборческихъ псалмахъ, составляющихъ „Животную книгу", — есть очень много указаній, объясняющихъ все вышеписанное И. Обросимовымъ. Но такъ какъ одно звено духоборческаго ученія тѣсно связано о всѣми остальными, то мы въ описаніяхъ „обрядовъ" приведемъ поясненія изъ „Животной книги" самыя необходимыя, оставляя подробное изложеніе духоборческаго ученіи до другой самостоятельной статьи.

2) Въ псалмѣ: „Что вы за люди?" встрѣчаемъ вопросъ:

22. В. Почему вы не ходите въ нашу церковь христіанскую, въ великороссійскую отчего она вамъ противна?

О. Совѣсть наша не желаетъ. Божества и святости въ ней не чаетъ, спасенія не заключаетъ, потому что она есть тлѣнная, не вѣчная.

Въ псалмѣ: „Почему вы называетесь христіане (духоборцы)?—есть вопросъ:

61. В. Почему вы въ нашу церковь не ходите, образовъ не почитаете?

О. Лучше мнѣ неявственно видѣть единымъ окомъ, ни ежели въ отдѣлку быть слѣпымъ.

Въ псалмѣ: „Чѣмъ вы Бога молите?" говорится:

6. В. Ходите ли вы въ церковь?

О. Ходимъ.

7. В. Въ которую? Грекороссійскую?

О. Нѣтъ.

8. В. Почему же вы въ нее не ходите?

О. Мы въ ней святости не чаемъ, божества не заключаемъ. Она подобна огню и гнилости, всякой тлѣнности. Кто ее благотворитъ, тотъ самъ съ ней въ огнѣ сгоритъ. Символъ вѣры — вашъ сунодъ. Попы ваши — волки. (Варіація: Церкви ваши — синодъ; попы ваши—волхвы).

душахъ и сердцахъ человѣческихъ, возлюбившихъ его и вѣрующихъ въ Него, и еще которые вѣрно служатъ Богу [1]).

Внѣшняя церковь у насъ обыкновенный домъ, какъ и всѣ прочіе дома. Приходимъ на собранія по воскреснымъ днямъ и еще есть праздники годовые: Рождество Христово, Крещеніе Господа Іисуса Криста и Благовѣщеніе, Пасха—великій день Іисуса Христа, Святая Троица и Успеніе Пресвятой Богородицы.

Эти праздники мы празднуемъ, а прочіе нѣтъ.

б) Праздники.

Въ виду того, что «праздники» играютъ большую роль въ жизни духоборцевъ вообще и въ частности въ «богослуженіи», мы посвятимъ имъ отдѣльную главу.

Среди духоборцевъ распространено особое разъясненіе праздниковъ. Оно такъ и называется: «Праздники». Многіе это разъясненіе знаютъ наизусть, у нѣкоторыхъ я встрѣчалъ его въ писанномъ видѣ, Это разъясненіе мною было списано съ рукописи, хранившейся у духоборца И. Ѳоминова. На Кавказѣ онъ жилъ въ селеніи Троицкомъ, Ахалкалакскаго уѣзда, Тифлисской губерніи. Въ Канадѣ онъ живетъ на сѣверномъ участкѣ іорктонскихъ поселеній, въ селеніи Новотроицкомъ.

Вотъ это разъясненіе.

Праздники.

1) Двадцать пятаго марта—Благовѣщеніе. Архангелъ Гавріилъ благовѣстилъ Матери Божіей, что она родитъ сына Божьяго.

2) Двацать пятаго декабря — Рождество Христово. Празднуемъ въ честь и славу Господа нашего Іисуса Христа, даже и во всѣ дни живота нашего.

3) Шестого января — крещеніе, называется Богоявленіе. Сынъ Бога—Духъ явился на сына человѣченскаго.

4) Пасха. Первый день—Воскресеніе. Второй день—Вознесеніе. Третій день—апостоламъ явленіе въ Ерусалимѣ.

5) Троица—Господь строится въ родѣ праведныхъ, значитъ въ апостолахъ своихъ. Первый день—Іисусъ Христосъ явился апостоламъ; второй день—престолъ строилъ, далъ имъ премудрость и власть мертвыхъ воскресить, слѣпымъ зракъ давать. Третій день—помолившись, апостолы пошли проповѣдовать во имя святой Троицы: Отца и Сына и Святого Духа.

---

9. В. А въ которую же вы церковь ходите?

О. Мы ходимъ въ единую, соборную, апостольскую церкву, въ которую собираются двое—трое глаголять во имя Господне, Азъ посреди нихъ, Богъ пребываетъ; гдѣ одинъ глаголетъ во имя Господне азъ, и въ немъ Богъ пребываетъ.

[1]) Догматическое обоснованіе вопроса „что такое церковь?“ — по духоборческому понятію, у И. П. Обросимова приведено не совсѣмъ полно.

6) Двадцать девятаго іюня—мученики Петръ и Павелъ. Празднуетъ въ честь насъ.

7) Перваго октября. Покровъ Матери Божіей. День послѣ кончины—память Пресвятой Богородицы. Она была и есть Покровительница всякому миру.

8) Восьмого ноября. Михайловъ день. Мы его празднуемъ въ духѣ Господа—тысячу правителей. (?)».

Мы видимъ, что это разъясненіе не совсѣмъ сходится съ показаніемъ И. Обросимова. Въ немъ прибавлены праздники: 1) Петра и Павла, 2) Покровъ Божьей Матери и 3) Михайловъ день и почему-то пропущенъ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы. Мы предполагаемъ, что праздникъ «Покрова Пресвятой Богородицы», упомянутый въ разъясненіи, соотвѣтствуетъ «Успенію Пресвятой Богородицы» (по И. Обросимову)—ибо и тотъ и другой теперь празднуется въ память умершей руководительницы духоборческой Лукерьи Васильевны Калмыковой [1]). Ранѣе онъ праздновался въ память умершихъ женъ руководителей духоборческихъ, а также и въ память Маріи, матери Іисуса Христа, который по понятіямъ духоборцевъ,—былъ только однимъ изъ духоборцевъ,—пострадавшимъ за истину, почему онъ и его мать достойны воспоминанія потомковъ.

Надо вообще замѣтить, что у духоборцевъ, кромѣ основныхъ праздниковъ, выше перечисленныхъ, могутъ быть устанавливаемы новые или упраздняемы старые. Такъ, напримѣръ, праздникъ Петра и Павла празднуется въ честь и память ихъ руководителей, уже умершаго Петра Ларіоновича Калмыкова и теперешняго Петра Васильевича Веригина. Къ этому же дню, какъ извѣстно, былъ пріуроченъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ жизни послѣднихъ годовъ духоборцевъ большой партіи,—именно всеобщее сожженіе оружія.

Михайловъ день установленъ неизвѣстно почему. Приводимое выше поясненіе тоже не разъясняетъ намъ этого. Духоборцы говорили мнѣ, что навѣрное былъ какой либо Михайла — хорошій человѣкъ, память о которомъ рѣшили чтить и впредь.

Теперь они о немъ ничего не знаютъ, а потому и праздновать этотъ день не хотятъ. Дѣйствительно въ 1899 г. духоборцы села Михайловка—(Канада, сѣверный участокъ іорктонскихъ поселеній)—праздновали этотъ день по привычкѣ, а сосѣднія селенія, напримѣръ, селеніе Успеніе, Троицкое, Новотроицкое — не праздновали. Точно также духоборцы большой партій уничтожили праздникъ Николинъ день, какъ только начались, послѣ сожженія оружія, послѣднія кавказскія гоненія.

Духоборцы, между прочимъ, говорили мнѣ, что очень можетъ быть, что они установятъ праздникъ въ память переселенія ихъ съ

[1]) День смерти Лукерьи Васильевны—15 декабря—тоже весьма чтится духоборцами. Они этотъ день не называютъ праздникомъ, однако совершаютъ богомоленіе и не производятъ никакихъ работъ.

Кавказа въ Канаду и тогда на богослуженіи въ этотъ день будутъ поминать Льва Николаевича Толстого, какъ человѣка, оказавшаго имъ громадную помощь въ этомъ дѣлѣ, а также и всѣхъ тѣхъ, кто посѣщалъ ихъ на Кавказѣ во время гоненій и кто сопровождалъ ихъ при переселеніи и устраивалъ на мѣстахъ новаго поселенія.

Духоборцы празднуютъ также еженедѣльно обычный праздникъ воскресеніе.

в) Богомоленіе или литургія [1]).

«Избранный домъ для моленія, — пишетъ далѣе И. П. Обросимовъ,— хозяинъ его убираетъ для собранія народа.

Приходящій для моленія входитъ въ домъ и говоритъ: «славенъ Богъ прославился». Въ отвѣтъ ему говорятъ: «велико имя Господне и слава Его по всей землѣ». Тогда (вошедшій) проходитъ и становится по порядку въ сторону востока. Также и женщины входящія, произносятъ тѣ же слова и становятся къ сторонѣ западной [2]). Потомъ начинаютъ читать псалмы; прежде мужчины читаютъ, а потомъ женщины читаютъ по порядку, каждый псаломъ отъ псалма порознь».

Иванъ Обросимовъ опускаетъ нѣкоторыя интересныя подробности, которыя мнѣ пришлось наблюдать самому на моленіяхъ духоборцевъ. Мы дополнимъ ихъ здѣсь.

Прежде всего, надо отмѣтить, что дѣти, пришедшіе по своей волѣ на моленіе, тоже читаютъ псалмы въ той очереди, какъ они стоятъ на моленіи—(мальчики среди мужчинъ, дѣвочки среди женщинъ). Если уже начали читать женщины—послѣ мужчинъ, —и въ это время войдетъ взрослый мужчина или мальчикъ то послѣ того, какъ читающая женшина кончитъ читать псаломъ, продолжаетъ чтеніе не ея сосѣдка, а вновь вошедшій мужчина—духоборецъ, взрослый или мальчикъ—это все равно. Если вошедшій пришелъ въ то время, когда читается псаломъ, то онъ стоитъ у двери и дожидается конца псалма; потомъ привѣтствуетъ собраніе вышеупомянутыми словами и послѣ этого становится въ рядъ и чтеніе псалмовъ возобновляется. Если чтецъ ошибается, его всегда поправляетъ тотъ, кто знаетъ этотъ псаломъ; но если чтецъ скажетъ, что онъ «читаетъ» такъ, какъ прочелъ, то ему отвѣтятъ: «ну что-жъ читай такъ, какъ знаешь». Эта—та свобода чтенія «такъ, какъ знаешь» и породила множество варіацій одного и того-же псалма, при чемъ иногда совершенно исказившихъ смыслъ первоисточника.

Если вновь вошедшій начнетъ читать тотъ псаломъ, который

---

[1]) Большинство духоборцевъ обрядъ общественнаго богомоленія такъ и называютъ „моленіемъ" или „богомоленіемъ", иногда „богослуженіемъ", часто просто про богомоленіе говорятъ: „идемъ кланяться"; нерѣдко приходилось слышать, что богомоленіе называется „литургіей". Это-же опредѣленіе встрѣчается въ псалмахъ.

[2]) Это раздѣленіе мужчинъ отъ женщинъ духоборцы объясняютъ тѣмъ, что „мужчина *старше* передъ женщиной", потому мужщины и становятся на востокъ.

уже читали до него, то ему скажутъ, что этотъ уже прочтенъ, и онъ долженъ будетъ читать другой.

«Чтеніе псалмовъ,—говорится въ рукописи записанной со словъ духоборца,—«изъясненіе богомоленія»,—означаетъ то, что мы ставимъ свѣчи неугасимыя. «Свѣча горитъ во храминѣ, а святая молитва въ разумѣ». (Изъ пунктовъ: «съ кѣмъ Господь небеса творилъ?» Каждый читаетъ свой особенный псаломъ: если одинъ поставилъ свѣчу, то другой не долженъ ставить ту-же самую, а долженъ ставить другую».

Если-же случится такъ, что весь запасъ псалмовъ вновь вошедшаго уже исчерпанъ, то онъ можетъ прочесть, какой самъ захочетъ.

«Вопросы и отвѣты» обыкновенно не читаются на моленіи. Прочитаны они могутъ быть только въ томъ случаѣ, если желающій прочесть скажетъ: «хочу подтвердить». Тогда онъ начинаетъ читать, и всѣ его ошибки ему поправятъ, такъ какъ въ «вопросоотвѣтныхъ» псалмахъ версій не допускается, хотя они de facto и существуютъ.

Ходить на моленія вообще не обязательно. Въ воскресеніе на моленіи присутствуетъ обыкновенно немного народа. Ни грудныхъ дѣтей, ни даже малышей лѣтъ до 7—8, я никогда не видѣлъ на моленіяхъ:—ихъ всегда оставляютъ дома. Также на моленіяхъ рѣдко показываются старики.

Передъ моленіемъ не полагается ни пить, ни ѣсть.

Съ моленія можно уйти не дождавшись конца. Уходящій отдаетъ остающимся глубокій поклонъ, — ему отвѣчаютъ тѣмъ-же, — и онъ уходитъ. Но уйти и опять прійти,—это считается неприличнымъ и обыкновенно никогда никѣмъ не дѣлается. Сидѣть во время моленія нельзя ни въ коемъ случаѣ.

Молящіеся стоятъ на моленіи сосредоточенно, задумчиво. Руки или «поджимаютъ» подъ грудью или вытягиваютъ ихъ внизъ во всю длину, соединяя пальцами.

На моленіе мужчины и женщины надѣваютъ лучшія одежды, при чемъ женщины имѣютъ на головѣ вмѣсто обыкновенной круглой цвѣтной шапочки, особенный головной уборъ, вродѣ кички, покрытой цвѣтнымъ платкомъ. Костюмъ мужчинъ не измѣняется, они только надѣваютъ все чистое и новое.

«По прочтеніи (псалмовъ),—продолжаетъ И. Обросимовъ,—начинаютъ пѣть [1]); съ порядка второй мужчина подходитъ къ первому, берутся рука за руку и кланяются братъ брату три раза. Передъ поклономъ говорятъ: «на семъ мѣстѣ поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу». Потомъ цѣлуются и становятся рядомъ и даютъ четвертый поклонъ женщинамъ. Подходитъ третій съ порядка, и такъ перейдутъ до послѣдняго. Каждый даетъ четвертый поклонъ женщинамъ. Это въ память Пресвятой Богородицы Дѣвы Маріи. Затѣмъ

---

1) Поютъ всегда три псалма, выборъ псалмовъ для пѣнія произвольный кромѣ праздничныхъ дней о которыхъ мы уже говорили выше. Въ эти праздничные дни поютъ особые псалмы, установленные разъ и навсегда.

начинаютъ женщины тѣмъ-же порядкомъ, какъ мужчины; онѣ даютъ четвертый поклонъ мужчинамъ,—это въ память брата Іоанна».

Эта часть моленія,—кратко вышеописанная И. Обросимовымъ,—называется «поклоненіемъ». Духоборцы считаютъ ее самой главной частью изъ всего богомоленія. Самое «поклоненіе» весьма оригинально и его необходимо описать подробно.

Взявшись рука за руку [1]), «покланяющіеся» кланяются другъ другу въ плечо глубокимъ поясным поклономъ два раза, въ тактъ качая,—кверху и внизъ,—руки другъ друга. Въ это время тотъ, который началъ «наклоненіе», напримѣръ второй отъ края — первому шопотомъ говоритъ тому, съ кѣмъ кланяется: «на семъ мѣстѣ покланяемся Отцу и Сыну и Святому Духу». Его товарищъ по поклоненію также шопотомъ отвѣчаетъ ему: «по нашему желанію былъ Богъ и будетъ»,—и тутъ же поклоняющіеся цѣлуются [2]) и еще разъ кланяются другъ другу. Послѣ этого тотъ, который кланялся, поворачивается къ женщинамъ, и они оба отдаютъ имъ глубокій поклонъ. Женщины кланяются въ отвѣтъ.

Въ вопросоотвѣтныхъ духоборческихъ псалмахъ есть, между прочими, такой вопросъ:

В. Кому ты четвертый поклонъ отдаешь? (т. е. поклонъ женщинамъ).

О. Поклоняемся во образъ Матери Пресвятой Богородицы [3]).

Женщины продѣлываютъ совершенно то же самое, что и мужчины. Также произносятъ онѣ шопотомъ тотъ-же вопросъ и отвѣтъ, также цѣлуются между собой и потомъ кланяющіяся отдаютъ глубокій поклонъ мужчинамъ. Мужчины также отвѣчаютъ поклономъ.

Этотъ женскій поклонъ мужчинамъ тоже имѣетъ свой смыслъ. Кланяющаяся мужчинамъ женщина, отдаетъ поклонъ, въ лицѣ мужчинъ, «Іоанну Богослову, другу и брату Христову».

Чтобы понять символическое значеніе этого самаго главнаго и обязательнаго духоборческаго обряда, необходимо знать прежде всего, что разумѣваютъ духоборцы подъ словами «во имя Отца Сына и Святого Духа».

Въ вопросоотвѣтномъ псалмѣ «что Вы за люди?..» на вопросъ.

В. Въ какой силѣ существо состоитъ Пресвятой Троицы, какъ оную утверждаете?

Духоборцы отвѣчаютъ:

---

1) «За руку берутся со смысломъ,—пишетъ авторъ „изъясненія богомоленія“,—сплетшіе въ любви, во благости, возвышеніемъ разума—опознать Тайнаго Бога Отца и Христа, въ немъ же есть судъ, сокровище и разумъ его сокровенный. (Съ „пунктовъ“ „что ты за человѣкъ?“)».

2) «Цѣлуемся, — пишетъ тотъ же авторъ, — въ знакъ: „лобзаемся лобзаніемъ вѣчной любви“ (Съ „пунктовъ“ „во трехъ лицахъ Господь пребываетъ...“)».

3) О томъ какъ понимаютъ духоборцы такія выраженія, какъ „Мать Пресвятая Богородица“, „Христосъ“, „Іоаннъ“, „Лазарь“ и пр. — мы надѣемся въ скоромъ времени сообщить читателямъ подробно.

О. Пресвятая Троица — существо непостижимое. Въ человѣкѣ утверждается Отецъ-Богъ—память, Сынъ-Богъ—разумъ, Духъ-Богъ—воля, Богъ-Троица—Единъ.

А такъ какъ, по опредѣленію духоборцевъ: «Богъ есть Духъ, Богъ есть человѣкъ», т. е. что предвѣчно существующія божественныя начала: память, разумъ и воля, непостижимо» соединяются въ одномъ лицѣ—въ человѣкѣ,—(почему именно Троица—едина,—то и кланяться человѣку—это значитъ приносить ему «даръ Божій», и такъ какъ Богу можно служить и поклоняться только черезъ человѣка, который есть воплощеніе, сосудъ хранитель предвѣчныхъ, божественныхъ началъ, то и служить человѣку, а черезъ него Богу, можно только «въ Духѣ и Истинѣ», т. е. при помощи человѣческой воли, во имя Истины.

Такъ какъ духоборцы считаютъ себя познавшими «истинннаго Бога живого» т. е. познавшими то живое троичное начало, которое движетъ всѣмъ существомъ человѣка, его поступками, дѣяніями, мыслями, желаніями и пр. то, какъ мы видѣли выше, на слова перваго поклоняющагося: «На семъ мѣстѣ поклоняемся во имя Отца и Сына и Святого Духа», духоборецъ отвѣчаетъ: «по нашему желанію былъ Богъ и будетъ» т. е. что если мы сами захотимъ такъ жить, чтобы всѣ три начала проявлялись въ насъ гармонично, дополняя другъ друга и что если мы всѣ наши поступки будемъ оцѣнивать, прежде чѣмъ совершить ихъ, согласно съ «памятью», «разумомъ» и «волей», то тогда по этому «нашему желанію» «будетъ Богъ», какъ онъ и «былъ», по вѣрѣ духоборцевъ всегда «въ родѣ праведномъ» т. е. среди нихъ, духоборцевъ. Подъ словами «былъ Богъ и будетъ» духоборцы подразумѣваютъ: «была разумная жизнь» и будетъ. Познать эти, такъ сказать, «божественные законы» человѣкъ можетъ посредствомъ «разсужденія», которое и согласуетъ, если оно правильно, всѣ три высшія основы человѣческой жизни: «память», «разумъ» и «волю». Этому высокому, хотя и служебному качеству человѣка духоборцы отдаютъ свое уваженіе въ обрядѣ «моленія» тѣмъ, что «женщины», черезъ которыхъ идетъ, какъ мы увидимъ ниже, — вся благодать на человѣчество, отдавая поклонъ мужчинамъ, отдаютъ ему въ честь «Іоанна Богослова, друга и брата Христова».

Подъ словомъ «Іоаннъ» духоборцы подразумѣваютъ «разсужденіе» [1]). И это «разсужденіе» есть, какъ мы видѣли «другъ и братъ Христовъ». Здѣсь сейчасъ же, конечно, возникается вопросъ, что же такое есть Христосъ?.

Въ одномъ изъ вопросоотвѣтныхъ псалмовъ говорится: «Самъ Іисусъ былъ и есть евангеліе вѣчное, живое» [2]). А «евангеліе» ду-

---

[1]) Въ вопросоотвѣтномъ псалмѣ: «Въ трехъ лицахъ Господь пребываетъ»... На вопросъ: «Что есть Іоаннъ?» такъ и отвѣчаютъ духоборцы: «Іоаннъ есть разсужденіе».

[2]) См. 12 отвѣтъ псалма: «Что вы за люди»...

хоборцы опредѣляютъ такъ: «Евангеліе есть радостная вѣсть отпущенія грѣховъ моихъ, причисленіе меня въ число чадъ Божіихъ [1]). Такъ что въ конечномъ счетѣ получается, что черезъ «разсужденіе», которое является функціей «памяти, разума и воли», человѣкъ сознаетъ — (становится «братомъ и другомъ») — радостную для себя вѣсть объ отпущеніи грѣховъ — (умѣніе воздержаться отъ грѣха) — и причисленіи меня въ число чадъ Божіихъ» т. е. достигаетъ сознанія о праведности жизни.

Такое содержаніе имѣетъ въ себѣ эта часть обряда.

Поклонъ мужчинъ женщинѣ, какъ мы видѣли, отдается «во образъ Матери Пресвятой Богородицы».

На вопросъ православнаго: «Пресвятую дѣву Марію, отъ которой Господь-Богъ взялъ плоть человѣческую, какъ вы ее почитаете?— духоборцы отвѣчаютъ:

О. Мы ее почитаемъ за святую, подражаемъ житію ея. Она же искони дѣва, до днесь есть дѣва, изъ нея же рождается и родился Іисусъ Христосъ [2]).

Такъ говорятъ духоборцы про «Пресвятую дѣву Марію».

Духоборки, замужнія и не замужнія, часто тоже себя называютъ «дѣвями». Въ одномъ изъ псалмовъ этому названію дается слѣдующее разъясненіе:

В. Почему ты дѣва?—спрашиваютъ у дохоборки.

О. Потому я дѣва, что несу путь Божій и дѣло. Подъ киверомъ (подъ вѣнцомъ) не стояла, вѣнца въ рукахъ не держала, попу руку не цѣловала. Потому я дѣва, что помню Божье дѣло [3]).

Такъ говорятъ духоборческіе псалмы про духоборческихъ женщинъ.

Духоборцы смотрятъ на женщину, какъ на «источникъ воды живой» т. е. какъ на то существо, которое рождаетъ человѣка-духоборца, которой «есть чудное, дивное твореніе Божье» [4]).

А такъ какъ только черезъ человѣка познается «сила Божья», то женщина собой «несетъ путь Божій», ибо черезъ нее «рождается и родился Іисусъ Христосъ». Вотъ почему отдавая поклонъ женщинамъ на моленіи, духоборцы смотрятъ на нихъ какъ на «вѣчныхъ дѣвъ», «помнящихъ Божье дѣло», несущихъ въ міръ «путь Божій», а вмѣстѣ съ нимъ торжество «правды и истинности».

Замѣтимъ мимоходомъ, что такое религіозное высокое уваженіе къ женщинѣ реализуется въ обыденной жизни въ весьма гуманное къ ней отношеніе, равное положеніе въ семьѣ и въ общинѣ и даетъ ей полную свободу по отношенію къ браку.

Чтобы закончить толкованіе обряда «богомоленія», необходимо замѣтить, что отвлеченное понятіе Іисуса Христа въ жизни духоборческой облекается въ плоть и кровь.

---

[1]) См. 4 отвѣтъ псалма: «Во трехъ лицахъ Господь пребываетъ».

[2]) См. 6 вопросъ и отвѣтъ псалма: «Что вы за люди»?...

[3]) См. вопросоотвѣтный псаломъ того же наименованія.

[4]) См. 14 отвѣтъ псалма: «Кто твой Богъ»!

Мы уже знаемъ что «память, разумъ и волю» — вотъ основы жизни человѣка по ученію духоборцевъ. Но такъ какъ въ дѣйствительной жизни эти три основныхъ качества сочетаются въ различныхъ комбинаціяхъ, то и среди духоборцевъ, по ихъ ученію, получается нѣкоторое неравенство. Если у человѣка «память, разумъ и воля» достигаютъ такого полнаго гармоническаго состоянія, когда человѣкъ невольно приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе, тогда такой человѣкъ, имѣя «вполнѣ развитую голову», — какъ говорятъ духоборцы, — можетъ достигнуть такого состоянія, когда онъ становится «свыше разумомъ». Такой человѣкъ становится Христомъ, который, какъ мы видѣли выше, «есть Евангеліе вѣчное, живое». Такимъ «Христомъ» можетъ быть, въ сущности, всякій человѣкъ, но у духоборцевъ, въ силу разнородныхъ соціально-политическихъ причинъ, выработалась «Христосъ» династія, другими словами, руководители духоборцевъ стали пріемственно наслѣдовать другъ другу, передавая свою власть отъ отца къ старшему сыну. И только въ послѣднее время эта династія отъ бездѣтной Лукеріи Калмыковой перешла въ другой родъ Веригиныхъ, причемъ Петръ Веригинъ является въ настоящее время ихъ руководителемъ—Христомъ.

Интересно отмѣтить здѣсь, что въ вопросоотвѣтномъ псалмѣ: «Котораго вывода?» есть 25 вопросъ, который гласитъ:

В. Кто у васъ первый?

О. Духоборецъ Христосъ.

Принимая во вниманіе, что объ историческомъ Христѣ духоборцы очень мало что знаютъ, имѣя въ рукахъ много другихъ различныхъ данныхъ, которыя мы готовы опубликовать, мы утверждаемъ здѣсь, что въ этомъ отвѣтѣ надо ставить удареніе на словѣ духоборецъ. И дѣйствительно п е р в ы м ъ среди духоборцевъ всегда былъ, есть и будетъ духоборческій Христосъ—ихъ руководитель.

Продолжаемъ описаніе обряда:

Во время поклоненія хоръ все время поетъ псаломъ. Когда кончаетъ пѣть псаломъ, его вновь прочитываетъ кто-либо изъ пѣвчихъ. Если поклоненіе еще не кончено, то хоръ начинаетъ пѣть новый псаломъ. А также онъ поетъ и въ томъ случаѣ, если еще не было пропѣто трехъ псалмовъ.

Читаютъ всѣ псалмы не спѣша, внятно, раздѣльно.

«Потомъ послѣ чтенія и пѣнія, — пишетъ И. Обросимовъ,—(начинается) поминаніе святыхъ родителей: «Помяни, Господи, Матерь Божію, Пресвятую Богородицу во царствіи своемъ небесномъ. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его и всѣхъ святыхъ, благихъ, милостивыхъ и праведныхъ родителей въ царствіи своемъ небесномъ; прими ихъ, Господи, во слѣдъ отрока Твоего. А насъ прости Господи, Отецъ небесный, не остави насъ милостью своей, прими и насъ, Господи, во слѣдъ рабовъ своихъ и всѣмъ страждущимъ пошли имъ, Господи, здоровья и духа крѣпости». Потомъ дѣлаютъ всѣ вообще земной поклонъ.

2

Приведенное здѣсь И. Обросимовымъ поминовеніе обыкновенно читается тогда, когда на моленіи присутствуютъ посторонніе люди. Въ другое же время, въ присутствіи только духоборцевъ читаютъ такъ: «Помяни, Господи, матушку успенную Божью пресвятую Богородицу въ своемъ царствіи небесномъ (поклонъ). Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его и всѣхъ святыхъ и праведныхъ родителей во своемъ царствіи небесномъ. Помяни, Господи, рабовъ Божіихъ и всѣхъ усопшихъ въ своемъ царствіи небесномъ. А насъ прими, Господи, во слѣдъ отрока рабовъ своихъ. Родимому нашему Петюшкѣ дай ему, Господи, всякаго благополучія и всѣмъ страждущимъ, которые страдаютъ за имя Господне, пошли имъ, Господи, духа и кротости, дай имъ, Господи, крѣпости. А намъ прости, Господи, мать сырая земля». И сейчасъ же всѣ падаютъ на землю. Мы видимъ, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ поминовеніи, поминаются «святые и праведные родители». Подъ этими словами разумѣются всѣ умершіе духоборческіе руководители начиная съ Капустина. «Родимому же нашему Петюшкѣ», т. е. ихъ теперешнему руководителю Петру Васильевичу Веригину, такъ долго жившему въ различныхъ административныхъ ссылкахъ,—духоборцы просятъ у Бога «всякаго благополучія». Когда читается то поминовеніе, которое приводитъ И. Обросимовъ, то «Петюшку» каждый поминаетъ про себя. У духоборцевъ имѣются и другія варіаціи поминанія. Здѣсь будетъ интересно привести псаломъ, который вполнѣ разъясняетъ, кто такіе «святые и праведные родители». Вотъ онъ:

«Прости меня, Господи, Отецъ небесный, Господь милосердный за прошедшіе мои грѣхи—вѣдомые и невѣдомые и за малые и за великіе и за вольные и за невольные, прости меня мать Пресвятая Богородица и ангелъ хранитель и прости меня Господи за предбудущіе мои грѣхи и простите меня всѣ святые, праведные: радость съ радостью[1]), кормилецъ съ кормилушкой[2]) и Васюшка съ Настюнюшкой[3]), Ларюшка съ Малашечкой[4]), Васюшка[5]) съ Онюшкой[6]), простите меня всѣ святые, праведные—родимый нашъ Петюшка[7]), простите меня

---

[1]) Что подразумѣвается подъ словами «радость съ радостью»—духоборцы не объяснили мнѣ.

[2]) Подъ словами: «кормилецъ съ кормилушкой»—духобоицы подразумѣваютъ Савелія Капустина съ женой.

[3]) Подъ словами: «Васюшка съ Настюнюшкой»—сынъ Савелія Капустина, Василій Калмыковъ съ женой.

[4]) Подъ словами: «Ларюшка съ Малашечкой»--сынъ Василія,—Ларіонъ Калмыковъ съ женой.

[5]) Подъ „Васюшкой" духоборцы величаютъ племянника Ларіона Калмыкова--Василія, который былъ неспособенъ къ женитьбѣ; ходилъ въ женской одеждѣ.

[6]) „Онюшка"--, тетка „Васюшки", сестра Ларіона Калмыкова.

[7]) Подъ словами: „родимый нашъ Петюшка"--бездѣтный сынъ Ларіона Петръ, послѣдній изъ династіи Капустина--Калмыковыхъ.

всѣ святые—праведные,—Лушучка наша родимая[1]) и красное солнышко[2]) и ясный мѣсяцъ и частыя звѣздушки и мать сырая земля и прости, Господи, согрѣшающаго, уступи, Господи, умоляющаго, не оставь, Господи, милости своей, прими, Господи, во слѣдъ отрока рабовъ своихъ. Богу нашему слава». Послѣ земного поклона, которымъ заканчивается поминовеніе, начинается «здравствованіе„. «Вставши (отъ поклона),—пишетъ И. Обросимовъ,—говоримъ: «съ праздникомъ, будьте здоровы, съ воскресеніемъ Христовымъ: «Христосъ воскресъ!». Въ отвѣтъ (отвѣчаютъ)! «во истинныхъ Христосъ воскресъ, вѣрнымъ явился тутъ и нынѣ съ нами есть»[3]). Потомъ говорятъ: «здорово ночевали, и оставшимся домашнимъ поклонъ посылали».

Въ отвѣтъ: «спаси Господи, также и вашимъ домашнимъ кланяйтесь». «Затѣмъ прощайте»,—говоритъ каждый выходящій оставшимся. Оставшіеся говорятъ: «доброй ночи, поклонитесь отъ насъ домашнимъ своимъ». И идутъ по домамъ, и конецъ литургіи.

Всѣ эти вопросы, привѣтствія и пожеланія на моленіи обыкновенно задаетъ кто либо изъ старшихъ мужчинъ, какой-либо старикъ, пользующійся нравственнымъ авторитетомъ въ селеніи.

Послѣ мужчинъ тѣ же вопросы предлагаютъ женщины, обращаясь къ «братьямъ».

Послѣ моленія и привѣтствій иногда народъ остается тамъ, гдѣ происходило моленіе и кто либо изъ духоборцевъ ведетъ собесѣдованіе или на общую тему о томъ, какъ нужно жить, или по поводу какого либо частнаго случая, волнующаго духоборцевъ. Собесѣдованіе это иногда продолжается нѣсколько часовъ.

Возвратившись домой съ моленія, каждый духоборецъ привѣтствуетъ своихъ домашнихъ обыкновеннымъ утреннимъ привѣтствіемъ и немного погодя семья садится за обѣдъ.

«Въ воскресенье,—продолжаетъ И. Обросимовъ,—псалмы поютъ не по порядку, а какой вздумается, а въ годовые праздники поются псалмы опредѣленные на каждый праздникъ.

На Рождество Христово поютъ:

«Народился нашъ Спаситель, всѣму міру просвѣтитель. Пойте

---

[1]) Подъ словами „ Лушучка наша родимая“--Лукерью Васильевну Губанову, жену Петра Калмыкова,-единовластную правительницу духоборцевъ, которая управляла всей общиной послѣ смерти ея мужа Петра, управляла она духоборцами съ 1862 г. по 1885 г. Умерла она 15 декабря 1885 г. Этотъ день смерти любимой духоборческой руководительницы духоборцы празднуютъ на Кавказѣ, совершаютъ обрядъ поклоненія на могилахъ всѣхъ ихъ, умершихъ на Кавказѣ, руководителей. Это „поклоненіе на могилахъ“ болѣе сложное, чѣмъ обыкновенное, и мы надѣемся въ скоромъ времени дать и ему подробное описаніе.

[2]) Подъ „краснымъ солнышкомъ“ духоборцы разумѣютъ Петра Васильевича Веригина, теперешняго духоборческаго руководителя и наслѣдника умершей руководительницы, по устному завѣщанію самой Лукерьи Васильевны Калмыковой--Губановой.

[3]) Эти слова очень характерны. Они указываютъ на тотъ же несомнѣнный фактъ, что духоборческій руководитель отождествляется съ названіемъ Христа.

ему, воспойте; всѣ лики во вѣки торжествуйте; ликуйте пророки предъдвѣданья, сущіе съ клядбой[1]) въ раздѣленіи. Грядетъ Спасъ во послѣдній часъ. Пойте ему, воспойте радостно, сладостно воспойте, играйте! Звѣзда грядетъ отъ востока къ новорожденному пророку. Ангелы согласно поютъ веліи гласы любіи. Звѣри поютъ веліи гласы.—пастырямъ чудо явилось. Христосъ ясно поведша; три царя несли предорогіе дары, ладонъ смирну и злато; даруетъ васъ богато Отецъ будущаго вѣка; пришелъ спасти здѣсь убогихъ человѣковъ. Богъ прежде вѣка воплотился и родился. Богу нашему слава»[2]).

И еще другими псалмами повторяется,—продолжаетъ И. Обросимовъ,—двумя, подходящими къ первому».

Эти два, «подходящіе къ первому», псалма, поющіеся на праздникъ Рождества Христова мною записаны въ Канадѣ со словъ духоборки Тани Объѣдковой. (На Кавказѣ она жила въ селеніи Ефремовка, Ахалкалакскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, въ Канадѣ поселилась на сѣверномъ участкѣ іорктонскаго района, въ деревнѣ Михайловка).

Вотъ текстъ этихъ обоихъ псалмовъ: «Въ день Христова рожденія веселимся мы здѣ,—благо намъ вездѣ. Хвалу Богу пѣть начнемъ, полуночь—звѣздѣ. Ангелъ пастырямъ возвѣстилъ вновъ новорожденнаго Бога нашего. Царь-же Иродъ, царь возлился—молоденцевъ упобилъ. Бились. сѣклись и ругались, съ матерьми совокуплялись, яко убійцы—злые разбойники. Кричатъ дѣтки, плачутъ матки, яко на смертнище отъ персей отрывали, разсѣкали и топтали. Жаль-то мнѣ малыхъ, жалостныя мои матки и всѣ мои дѣтки: лягутъ барашки, яко на полѣ собаки. Маткамъ руци заломали и вóлосы дерутъ, а онѣ обмираютъ. Небо гласомъ вопіяетъ: сердечные къ Богу возопіютъ. Богу нашему слава»[3]).

Другой, по счету третій, обязательный псаломъ на праздникъ Рождества Христова, читается такъ:

«Чистая дѣва Марія изо всѣхъ родовъ благочестная! Родила себѣ сына Іисуса. Сама мати благодати, въ рождествѣ твоемъ Христѣ Богъ нашъ. Безпрестано мать рыдаешь, жалостный свой гласъ смущаешь: овый сынъ ты мой возлюбленныи, пресладкіи ты мой есть Іисусъ Христосъ, на кого ты меня, мати, покидаешь; кому я склоню голову свою, кто утѣшитъ печаль мою, печаль мою великую? Іисусъ на крестѣ проречетъ: Нарекаю я тебѣ, мати, Іоанна за сына. Онъ до время тебя не покинетъ: незлобивый есть и бысти. Не рыдай, моя мати, не помышляй меня въ мертвыхъ: я на третій день воскресну, на небеса вознесуся, съ ангелами буду царствовать, а съ праведными ликъ ликовать. Когда ты, моя мати, будешь успенна,

---

[1]) Съ клятвой.

[2]) См. 341 псаломъ Животной Книги.

[3]) *Ст. 344 псаломъ* Животной Книги.

я не ангела но тебя пошлю, а самъ, мати, къ тебѣ сойду, самъ твою душу сповѣдаю. Богу нашему слава» [1]).

На Крещеніе [2]) поютъ:

«Къ водамъ Іорданскимъ, Господи, пришедша, Духъ Святой на него нашедша; свыше гласъ глаголетъ: въ сей день возъявленный креститься хочщетъ сынъ мой возлюбленный. Гряди же, Іоанне, скоро, крестить меня крещеніемъ—хощетъ землю просвѣтить. Речетъ же Іоаннъ: не смѣю, владыка, понеже тебя знаемъ, Бога превелика. Какъ возложу руку на Господа Бога моего? Ты еси содьялъ знаменія многа. Отъ тебя все трепещетъ,—небо и земля; весь родъ человѣченскій отъ рода Адама увидѣвшій море бѣдствій — обратися. Тогда же Іорданъ рѣка вспять возвратися: счастливыя струи рѣки Іордана, въ оной же крестился Богъ отъ Іоанна въ водахъ Іорданскихъ, въ струяхъ престоящихъ. Іоаннъ, слава Богу, крещаше. Склонилъ свою главу Предтечь подъ руку; мы молимъ тебя, блаже, не пошли насъ въ муку. Просимъ тебя, Господи всещедраго, тутъ пекло отбыти, роду христіанскому во царствіе прибыти. Богу нашему слава» [3]).

На Пасху поютъ:

«Несъ Христосъ новыя станія, ангелъ вопіетъ, а Адамъ ликуетъ, въ свѣтлый нашъ праздникъ родъ Адамскій днесь торжествуетъ о немъ. Вчера солнце въ мірѣ разгорается, радостію и согласно пѣсню Христу поютъ. Вчера весь міръ въ бесѣдѣ былъ, днесь радуемся и веселимся. Пасха новая, Христосъ Богъ нашъ, Христосъ Богъ возсталъ, Адама воззвалъ къ утренней зарѣ; смерть поправилъ сиротствомъ, его тѣлесный кимвалъ, словесный кимвалъ, исцѣлилъ сердечный органъ. Жены рано мvроносицы, они искони ходили, Христа искали, свѣтлое тѣло въ гробѣ цѣло зрѣти хотящіе. Свѣтлый ангелъ къ намъ глаголетъ: азъ вамъ вопію радость велію: сынъ Божій возсталъ, Адама воззвалъ, — съ праведными ликами ликуютъ во пресвѣтломъ раю. Апостолы всѣ чтите, неся намъ миръ, явися весь міръ, веселися, неся намъ быти въ немъ, и жить во всемъ мірѣ правдѣ и свѣту. Богу нашему слава» [4]).

На Благовѣщеніе поютъ псаломъ:

«Благовѣствуй земля, радость велія; хвалите небеса Божію славу. Мы рабы твои воспоемъ передъ нимъ; азь я рабъ Твой и всѣ сыны,—рабы твои, возненавидѣлъ еси хранящихъ суети; о путѣ твоемъ, Го-

---

[1]) См. 345 псаломъ «Животной книги».

[2]) Какъ духоборцы понимають слово «крещеніе» будетъ сказано въ статьѣ объ ученіи духоборцевъ. Прим. В. О.

[3]) См. 346 псаломъ «Животной книги».

[4]) См. 353 псаломъ «Животной книги».

споди, скажи мнѣ. Свѣтъ стезямъ моимъ—слово Твое, Господи, научи меня; на истину твою наставь и научи меня, яко ты еси Богъ нашъ и Спасъ нашъ, по Тебѣ терпѣлъ весь день, помяну щедроты Твои, милость твоя отъ вѣка суть, свѣтильникъ ночамъ моимъ. Законъ Твой свѣтъ стезямъ моимъ, слово твое, Господи. Когда внидетъ премудрость во уста мои, тогда я разумѣю пути Твои, Господи; отъ великаго грѣха очищуся, чтобы не обладало мною всякое беззаконіе. Тогда я непороченъ буду; пребуду съ тобой, Господи, во вѣкъ. Богу нашему слава» [1]).

На святую Троицу поютъ:

«Сей день празднуемъ святому неунывному пришествію Христову. Ожидайте, правовѣрные, пришествія Христова; украсьте свѣтильники ваши, встрѣтьте жениха—Христа, познайте его прежде антихриста, всему міру погубителя. Тогда будутъ времена тяжкія и дѣла его лютыя. Онъ же запретитъ Божіе пѣніе, алтарное служеніе; тогда восплачется церковь Христова плачемъ великимъ, воздадутъ гласъ свой ко Христу, Богу, жениху своему. Христосъ Богъ, истинный человѣкъ, Онъ сохранитъ церковь Свою, пошлетъ ангеловъ Своихъ и соберутъ они избранныхъ Его. Тогда возглаголитъ рабамъ своимъ. Для суда узрятъ небеса отверсты и ангеловъ Божіихъ; восхождаша на сына человѣченскаго, предстоящаго окрестъ престола Господняго. Распространиша трубы ангельскія, спусти, Боже, гласъ свой по всей землѣ. Спасеніе роду человѣченскому слышитъ нынѣ званный, избранный—гласъ ангеловъ многихъ, пребывающихъ окрестъ престола Божія. Примите отъ меня небесную силу, помяните мои прежде реченные глаголы, я же отъ начала во пророчествахъ вамъ глаголалъ, а нынѣ во избранныхъ моихъ реку вамъ: явишеся знаменіе веліе мое на небеси, на облацѣхъ, носящихъ животворящій крестъ. Возлаголю вамъ: смотрите вы звѣзду утреннюю. Горе міру отъ соблазна, во слѣдъ Каину ходиша, во лести Валаамовой не приняша ученія Божія, не разумѣша глубины сатанинской, въ невѣріи своемъ погибаютъ въ мукѣ во вѣкъ. Богу нашему слава» [2]).

На Успеніе Пресвятой Богородицы поютъ:

«Чистая дѣва Марія, изъ всѣхъ родовъ благочестная, родила себѣ сына Іисуса, сама мати—благодати въ рождествѣ своемъ Христа Бога жива нашего. Непрестанно мать рыдаешь, жалосливый гласъ свой смущаешь: О, Ты, сынъ мой любезный, сладкій Ты мой Іисусе! На кого ты меня покидаешь, кому въ дозоръ отдаваешь, кому я склоню главу свою и кто утѣшитъ печаль мою? Іисусъ на крестѣ прорекши, Іоанна сыномъ нарекши, нарекай его мать за сына, онъ тебя до время не покинетъ. А когда, мать, будешь успенна, я не

---

[1]) См. 263 псаломъ «Животной книги».
[2] См. 94 псаломъ «Животной книги».

ангеловъ по тебѣ пошлю, а я самъ, мать, по тебѣ сойду, самъ твою душу сповѣдаю. Богу нашему слава» [1]).

Потомъ на этомъ-же праздникѣ читаютъ псаломъ: «Зрѣхъ [2]) много народу, взыйдетъ на гору. Шедшіе съ Нимъ ученики приступили къ Нему. Отверзъ Іисусъ уста свои, учаша (sic) ихъ, глаголетъ: блаженны нищіе духомъ, яко у нихъ есть царствіе небесное, — помяни и насъ, Господи, когда придешь въ царствіе свое. Блаженны плачущіе, яко они утѣшатся,—помяни насъ, Господи, когда придешь во царствіе свое. Блаженны кротціи, яко они наслѣдятъ землю, — помяни насъ, Господи, егда пріидешь во царствіе свое. Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко они насытятся,—помяни насъ, Господи, егда пріидешь во царствіе свое. Блаженны милостивые, яко они помилованы будутъ, — помяни насъ, Господи, егда пріидешь во царствіе свое. Блаженны чистые сердцемъ, яко они Бога узрятъ, — помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіе свое. Блаженны миротворцы, яко они сынами Божьими нарекутся,—помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіе свое. Блаженны изгнанные правды ради,—тѣхъ есть царствіе небесное, — помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіе свое. Блаженны вы, когда васъ будутъ поносить н злословить, радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ. Богу нашему слава» [3]).

Въ рукописи И. П. Обросимова совершенно не указано какіе псалмы читаются на Михайловъ день и на праздникъ Петра и Павла. Въ рукописѣ «изъясненіе богомоленія», упоминается и объ этихъ двухъ праздникахъ.

Въ ней сказано: «На Петровъ день (поется): «Зрѣхъ много народу, взойдетъ на гору...» На Михаила Архангела: «Господи, услыша молитву мою...»

Отсюда видно, что на Петровъ день поется псаломъ тотъ же, что и на Успеніе Пресвятой Богородицы,—(см. выше стр.) Псаломъ, читающійся на праздникѣ Михаила Архангела, слѣдующаго содержанія: «Господи, услыши молитву мою и вопль мой къ Тебѣ да пріидетъ; не отврати лице Свое отъ мене, я же аще день скорблю. Приклони ухо Твое ко мнѣ, я же аще въ день призову Тебя, скоро услыши мене. Исчезоша, яко дымъ, дни мои и кости мои изсушилъ еси, яко сосхощешь. Уязвенъ быхъ, яко трава и аще сердце мое таетъ, аки воскъ, посереди чрева моего. Помилуй мене, Господи, яко скорблю. Душа моя, утроба моя, аще же болѣзнѣетъ животъ мой. Лѣта мои, воздыханія мои, вознеможили мене, нищета и крѣпость моя. Не отстави мене, Господи, во время старости моей, когда оскудѣваетъ крѣпость моя. Призри мене, Господи, и помилуй, яко единаго роду.

---

[1]) См. 345 псаломъ «Животной книги».

[2]) Другіе духоборы читаютъ «Узрѣвъ» и т. д.

[3]) См. 184 псаломъ «Животной книги».

Нищъ есмь азъ; въ скорбѣхъ сердце мое умножилось [1]). Господи, отъ бѣдъ моихъ изведи мене. Помилуй мене, Господи, увысь [2]) смиреніе мое и трудъ мой; отпусти всѣ грѣхи мои, не прилицы мене съ согрѣшниками, содѣлавшими неправду, не погуби мене. Помилуй мене, Господи, виждь смиреніе мое; отъ врагъ моихъ изведи мене, Господи, отъ вратъ смертныхъ. Я же возвѣщаю хвалу Твою во вратѣ дщерей Сіоновыхъ, услышь, Господи, гласъ моленія моего; въ скорбяхъ и печаляхъ моихъ, Господи, не оставь мене, и не отверзи мене и не отрини мене, Боже, Спаситель мой. Мы возрадуемся къ Тебѣ о милости Твоей, яко Ты еси, Господи, призрилъ еси насъ и смирилъ мене во вѣкъ. Богу нашему слава» [3]).

Надо замѣтить, что во время всѣхъ этихъ праздничныхъ «богослуженій», кромѣ обязательныхъ псалмовъ поются и другія по желанію пѣвчихъ, но въ общемъ должно быть пропѣто не менѣе трехъ псалмовъ,

Чтобы закончить главу о духоборческомъ «богомоленіи» намъ еще остается сообщить все то, что говорится о немъ въ духоборческой «Животной книгѣ».

Мы процитируемъ нѣкоторыя мѣста изъ вопросоотвѣтныхъ духоборческихъ псалмовъ, которыя относятся къ этому обряду.

Въ псалмѣ: «Что ты за человѣкъ?» говорится:

44. В. Чего ради вы въ нее ходите? (въ духоборческую «церковь»).

О. Ходимъ для очищенія плоти и для оправданія души [4]) своей и для смиренія всякой гордости, для того, чтобы сплестися въ любви и въ благости; въ возвѣщеніи разума познать тайнаго Бога—Отца и Христа, въ немъ же бо есть суть сокровища и разумъ его сокровененъ.

48. В. Кому вы кланяетесь?

О. Кланяемся мы Отцу и Сыну и Святому Духу, то есть Святой Троицѣ.

Въ псалмѣ: «Съ кѣмъ Господь небеса творилъ?..—говорится:

26. В. Кому вы молитесь?

О. Богу истинному, духомъ истиннымъ.

27. В. Кому вы покланяетесь?

О. Отцу и Сыну и Святому Духу. Надѣемся, яко онъ съ нами былъ, есть и будетъ для очищенія плоти и для отогнанія гордости, въ союзъ любви.

31. В. Какъ у васъ обрядъ церковный; какъ вы правду познаете?

О. Обращеніемъ къ Богу и ко святой его церкви Божьей; слово Божіе—слава вѣчная о царствіи небесномъ.

---

[1]) Варіація: «скорби въ сердцѣ моемъ умножились».

[2]) Слово «увысь» духоборцы пояснили: «умножь». Прим. В. О.

[3]) См. 265 псаломъ «Животной книги».

[4]) Въ псалмѣ „Кому твоя душа подобна" говорится объ этомъ-же такъ: 2) В. Для чего вы собираетесь?

О. Для очищенія храма, для спасенія души.

33. В. Ходите ли вы въ церковь, становите ли свѣчи?

О. Ходимъ въ истинную церковь и становимъ свѣчи неугасимыя; свѣчи горятъ въ храминѣ, и святая молитва въ разумѣ.

54. В. На многихъ ли просвирахъ литургія Божія совершается?

О. На пяти вещахъ.

55. В. Что есть первая вещь и другія?

О. Согласіе православной вѣры; вторая—въ любви не лицемѣрной; третья—въ поученіи правому достоинству; четвертая—въ принятіи въ чистотѣ и въ почитаніи святыхъ тайнъ; пятая—святитель и просвѣтитель, просвѣтился еси въ насъ.

Въ псалмѣ «Что вы за люди?..—говорится:

29. В. Какія молитвы имѣете въ собраніи своемъ?

О. Во первыхъ псаломъ: «Живые въ помощь Вышняго, въ кровь Бога небеснаго...»; второе: «услыши, Господи гласъ мой, егда молимся Тебѣ»... третье: «девять блаженствъ изъ Евангелія, съ прибавленіемъ: «помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіе свое»:..

Въ псалмѣ: «Почему ты называешься христіаниномъ», — говорится:

14. В. За что кланяешься Отцу?

О. За то, что Онъ насъ сотворилъ; а Сыну—что Онъ насъ оживилъ и далъ намъ прозрѣніе, а Духу Святому, — что Онъ свѣтомъ просвѣтилъ.

Въ псалмѣ: «Почему вы называетесь христіане»?... говорится:

42. В. Что вы въ собраніи псалмы поете или нѣтъ?

О. Поемъ.

43. В. Отъ кого вы пѣніе взяли?

О. Отъ Іоанна Богослова, друга — брата Христова, отъ Грома, Громова сына, отъ дѣвственника, наперсника, ученика возлюбленнаго.

44. В. Какъ вы одинъ на одинъ Богу молитесь?

О. Молится вѣрою и правдою, святой милостью, превозношеніемъ мыслей и сердца къ нашему милостивому Богу.

89. В. Какія въ вашей церкви моленія?

О. Первое моленіе: — смиреніе — безъ труда человѣку спасеніе второе моленіе: — тихій низкій поклонъ, умильный взглядъ, тихій разговоръ.

Въ псалмѣ: «чѣмъ вы Бога молите?...»—сказано:

1. В. Чѣмъ вы Бога молите? [1]).

О. Молитвами.

2. В. Которыми.

[1]) Въ псалмѣ: „Почему ты называешься христіаниномъ?..“ на этотъ же вопросъ отвѣчается такъ:

8. В. Какъ ты молишься?

О. Молюся Богу истинному и духомъ истиннымъ; гласомъ моимъ ко Господу помолюся.

О. Гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ. гласомъ моимъ ко Господу помолюся.

Въ псалмѣ: «Котораго вы вывода?...»—говорится:

1. В. Кому ты наединѣ кланяешься?

О. Душѣ своей, а душа есть образъ Божій.

III.

Обрядъ похоронный.

Когда духоборецъ умираетъ и если онъ еще находится въ сознаніи, то къ нему приходятъ прощаться его родные и знакомые. Умирающій и пришедшіе къ нему просятъ другъ у друга прощеніе въ обидахъ и огорченіяхъ, которыя они наносили другъ другу дѣломъ, словомъ или помышленіемъ.

Умирающій въ сознаніи всегда старается самъ прочесть одну изъ варіаціи «Сна Пресвятой Богородицы», который, какъ говорятъ духоборцы «очень полезенъ для умирающаго», ибо описаніе страданій Христа, умирающаго за правду, облегчаютъ страданія умирающаго человѣка, примиряя его съ мыслью о смерти.

Если умирающій не можетъ отъ слабости самъ читать, то онъ проситъ прочесть «сонъ» кого-либо изъ присутствующихъ.

«Сны Пресвятой Богородицы» всегда заканчиваются словами съ однимъ и тѣмъ же смысломъ. Они разнятся только въ мелочахъ. «Тогда речетъ Самъ Господь Богъ. Іисусъ Христосъ»:—такъ обыкновенно у духоборцевъ заканчивается «сонъ Пресвятой Богородицы»,—«мать моя воистинная, сей сонъ твой праведенъ. Кто твой сей сонъ богородицынъ въ дому своемъ держать будетъ, къ тому дому не прикоснется никакой воръ, ни чиродей лукавый, ни злой человѣкъ. Сія суть слова святыхъ, на сей свѣтъ посланныхъ отъ самого Іисуса Христа. Ну такая же сила,—кто его будетъ читать или слушать, тому человѣку начато отпущеніе грѣховъ отъ Бога. Не прикоснется никакой злой человѣкъ и тотъ человѣкъ въ путь пойдетъ, сей сонъ съ собой возьметъ и того человѣка избавлю на пути отъ грома и молоньи, отъ деревяннаго лома, отъ смерти, наносныхъ вихровъ, отъ нападенія злого человѣка, отъ семиглаваго лютаго змѣя, на моряхъ и на рѣкахъ — отъ потопа воднаго, отъ напрасной смерти. И тотъ человѣкъ пойдетъ въ путь,—и того человѣка избавлю на пути отъ порчи, отъ стрѣлъ летящихъ и ранъ кровавыхъ; и тотъ человѣкъ въ судъ пойдетъ, сей сонъ при себѣ имѣть будетъ, — и тому человѣку судъ будетъ милостивый, такъ какъ отецъ имаетъ чадо свое возлюбить. Еще которой женѣ время чадо свое спородить, сей сонъ при себѣ имѣть будетъ и той женѣ отпустятся мученія, рождоніе будетъ

отъ Бога легкое, и то дитё будетъ благополучно и счастливо отъ Бога. И тотъ человѣкъ пойдетъ за торговлей, или за звѣремъ, или за рыболовствомъ, или на трудъ свой,—сей сонъ съ собой возьметъ,—тому человѣку со вторицею подамъ на всякое изобиліе отъ плодовъ земныхъ. Еще кто твой сей сонъ богородицынъ при смерти своей прочитаетъ или кого заставитъ прочитать, самъ съ любовію послушаетъ,—и того человѣка избавлю отъ муки вѣчной, червей неосыпающихся, тьмы кромѣшной; избавлю отъ грѣховъ, сподоблю въ царствіи небесномъ. — Богу славу держать присно во вѣки вѣковъ. Аминь» [1])

Послѣ прочтенія «сна» надъ умирающимъ читаютъ «О двѣнадцати пятницахъ».

О двѣнадцати пятницахъ.

«Первая пятница—на первой недѣлѣ великаго поста, кто ее спостить[2]), тотъ человѣкъ внезапной смертью не умретъ.

Вторая пятница—предъ Благовѣщеніемъ Пресвятой Богородицы; кто ее спостить, тотъ человѣкъ отъ убожества и скудости сохраненъ будетъ.

Третья пятница—на страстной недѣлѣ; кто ее спостить, тотъ человѣкъ отъ непріятелей сохраненъ будетъ.

Четвертая пятница—предъ Вознесеніемъ Господнимъ; кто ее спостить, тотъ человѣкъ отъ потопленія воды сохраненъ будетъ.

Пятая пятница—предъ сошествіемъ Святого Духа; кто ее спостить, тотъ человѣкъ отъ востраго меча сохраненъ будетъ.

Шестая пятница—предъ рожденіемъ Іоанна Предтечи; кто её спостить, тотъ человѣкъ отъ вѣчной муки избавленъ будетъ.

Седьмая пятница—предъ Иліей пророкомъ; кто ее спостить, тотъ человѣкъ отъ грома и отъ молніи сохраненъ будетъ.

---

[1]) Изъ „Сна Пресвятой Богородицы“ — записаннаго, по моей просьбѣ, однимъ изъ духоборцевъ села Освобожденіе=(Канада, сѣверный участокъ іорктонскихъ поселеній). На Кавказѣ жилъ въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, Тифлисской губ.

[2]) Слова „постъ“, „спостить“ надо понимать духовно. Въ вопросномъ псалмѣ: „Во трехъ лицахъ Господь пребываетъ“, есть вопросъ (17): „Что есть постъ? Совѣтъ: Постъ есть раздѣленіе союза съ неправдою:--отъ устъ роптанія, отъ рукъ убіенія, ото всѣхъ злыхъ дѣлъ воздержи себя“. Въ другомъ вопросномъ же псалмѣ--„Что вы за люди, какой вы вѣры, какого званья ваша секта?“--есть слѣдующіе два вопроса, объясняющіе слова „постъ“, „спостить:“.

Вопросъ 9. Постъ Христовъ,--сорокъ сутокъ,--въ какомъ смыслѣ заключается?

Отвѣтъ. Онъ божествомъ силу свою въ плоти людямъ явилъ.

Вопросъ 10. Вы какой постъ содержите въ плоти и духѣ?

Отвѣтъ. Постъ нашъ плотскій--чистота отъ головы и до ногъ; духомъ держимъ постъ,—кто всѣ дѣла Божіи спостить, (т. е. исполнитъ).

Въ одномъ изъ простыхъ псалмовъ постъ опредѣляется такъ: «постъ—не вздорить не гордиться, Богу молиться, во кротости, во смиреніи».

Прим. В. О.

Восьмая пятница—предъ Блаженіемъ[1]) (?) Господнимъ; кто ее споститъ, того человѣка самъ Господь на рукахъ своихъ при смерти держать будетъ.

Девятая пятница—предъ Успеніемъ Пресвятой Богородицы: кто ее споститъ, тотъ человѣкъ отъ трясовицъ избавленъ будетъ.

Десятая пятница—предъ Кузьмой и Демьяномъ; кто ее споститъ, тотъ человѣкъ отъ великаго грѣха избавленъ будетъ.

Одинадцатая пятница—предъ Рождествомъ Христовымъ; кто ее споститъ, тотъ человѣкъ при смерти своей узритъ Пресвятую Богородицу.

Двѣнадцатая пятница—предъ Богоявленіемъ Господнимъ; кто ее споститъ, того человѣка сама Пресвятая Богородица при смерти держать будетъ.

Еще кто въ сіи дни завѣщанія пребудетъ съ женою своею и зачнется у нихъ дѣтища отъ того дня, тогда онъ будетъ нѣмъ, или слѣпъ, или еретникъ, или клеветникъ, или разбойникъ, или всякому злому дѣлу наставникъ»[2]).

Послѣ прочтенія «двѣнадцати пятницъ». читаютъ надъ духоборцемъ, уже лежащемъ въ агоніи, слѣдующій псаломъ:

«Живый Богу помощи Вышняго[3]), укрой Бога небеснаго. Водворится, речетъ Господь, заступникъ мой еси, прибѣжище мое и Богъ мой, уповаю на него, яко то избавитъ меня отъ сѣти лощи[4]) (?) отъ словесъ мятежныхъ, плечмами (sic) своими осѣнитъ меня: подъ крыломъ его надѣюся: дружіе меня обыйдутъ; истинно убоюся отъ страха ночного, отъ стрѣлы летящей, отъмя отмящей, во тьмѣ преходящей, отъ стращаго бѣса полуденнаго; пойдетъ отъ страны твоей тыща[5]) тьмы во одесную,—къ тебѣ же не приближится, обаче очами своими смотритъ, воздаяніе грѣшнику узритъ, яко Ты, Господи, упованіе мое на Вышняго вся положилъ еси. Не придетъ тебѣ злой раны, не приблизится къ тѣлесамъ твоимъ, яко ангелы заповѣдаютъ тебѣ и сохранятъ тебя во всѣхъ путяхъ твоихъ. На рукахъ тебя возьмутъ, да никогда же преткнеши о камень ногу свою, на аспида—василишка наступишь, попереша льва и змія, яко на Тебя уповаю, избавлю и покрою, яко позналъ имя мое; возоветъ ко мнѣ и услышитъ, съ нимъ же есть скорбь; возьму его и прославлю, долготу дней исполню, явлю ему во спасеніе свое. Богу нашему слава»[6]).

Какъ только послѣднее дыханіе оставитъ духоборца, ему закрываютъ глаза и читаютъ надъ нимъ слѣдующій псаломъ:

---

[1]) Вѣроятно передъ Преображеніемъ.

[2]) Это «сказаніе о двѣнадцати пятницахъ» выписано мною изъ записной книжки духоборца Григорія Рыбина. (село Михайловка, сѣверный участокъ іорквторскаго района Канада).

[3]) Ср. съ девяностымъ псалмомъ «Псалтири».

[4]) Въ псалмѣ Давида сказано: «отъ сѣти ловца».

[5]) Тыща—тысяча. Стращаю бѣса вм. страшущаго. Ред. попереша-попереть.

[6]) См. 278 псаломъ «Животной книги».

«Нынѣ обратисе душа моя ко Господу; отряси скверность отъ ногъ своихъ, измой чисто ложе свое, истреби бодрость свою, истреби все похотѣніе свое, справь повелѣнія Божіи, приступи къ престолу Владычному и воздай гласъ свой къ Творцу—Богу, жениху своему. Господи, Творецъ мой, нынѣ приходитъ конецъ мой; не погуби меня Господи, беззаконіемъ моимъ; предвори меня, Господи, съ избранными своими; прими меня, Отче, къ Себѣ въ грядущемъ, вѣчно славить имя Твое, Господи. Богу нашему слава»[1]).

«Когда помретъ человѣкъ,—пишетъ И. П. Обросимовъ,—хотя и младенецъ, то сходятся братіе и сестры; съ того же часа, какъ помретъ покойникъ и продолжается иногда сутокъ двое, а то и трое, то безоступно читаютъ псалмы и поютъ много разныхъ псалмовъ».

Процедура похоронъ болѣе сложная, чѣмъ описалъ ее выше въ нѣсколькихъ словахъ И. Обросимовъ, а потому мы и остановимся на ней.

Прежде всего къ умершему приходятъ «убирать» его т. е. обмыть и одѣть въ «смертеную» одежду. У каждаго духоборца, со дня его рожденія до самой смерти, всегда хранится такъ называемая «смертёная» одежда т. е. одежда приготовленная на случай смерти. Эта одежда—весь костюмъ,—всегда дѣлается изъ лучшей матеріи, въ обыкновенное время ее не носятъ. Если же за временемъ она попортится то ее пускаютъ въ носку, а на ея мѣсто дѣлаютъ новую. Каждый духоборецъ, уходя въ далекую отлучку, всегда беретъ съ собой «смертёную одежду», дабы если его застигнетъ внезапная смерть въ пути, онъ могъ бы попросить похоронить его въ его «смертёной одеждѣ».

«Смертёную одежду» надѣваютъ также двѣнадцать пѣвчихъ дѣвушекъ, которыя приходитъ къ покойнику, чтобы пѣть и читать надъ нимъ псалмы.

«Обряжаютъ» покойника обыкновенно близкіе ему люди. Обмытаго и одѣтаго въ «смертёную одежду» покойника кладутъ на лавку въ комнатѣ.

Къ этому времени собирается хоръ и начинаетъ пѣть псалмы на особенно заунывный, за душу хватающій мотивъ.

Псалмы поются слѣдующіе:

1) Господи, Вседержитель, слово Отца безначальнаго; самъ Ты совершенный Боже, Іисусе Христе, милосердія ради, безприкладной милости Твоей. Никогда Ты не отлучаешься отъ рабовъ своихъ, но присно съ ними почіешь; не оставь меня, Господи, раба Твоего. Всѣ святые цари, дай же мнѣ достойное радованье спасенія Твоего; просвѣти умъ мой и волю свѣтомъ Твоимъ познанія Евангелія Твоего, душу мою любовью Твоею. Креста Твоего да не убѣжу, тѣло мое безпристрастіемъ Твоимъ украси, мысли мои умили, нози мои сохрани отъ поползновенія. Не погуби меня, Господи, съ беззаконіями моими, ублаги ихъ Господи; не искуси меня, Боже. Видишь сердце

---

[1]) См. 183 псаломъ «Животной Книги».

мое, испытуй меня, всю стезю мою увидишь. Аще видишь, Господи, путь беззаконія во мнѣ, отврати меня отъ него, наставь меня, Господи, на путь свой. Ты еси путь истинный живота вѣчнаго, къ тебѣ славу возсылаю съ Отцомъ безначальнымъ, съ пресвятымъ благимъ животворящимъ духомъ Твоимъ [1]). Богу нашему слава» [2]).

Поютъ также псаломъ;

2) Ты еси, Господи, упованіе мое и желаніе мое, прибѣжище мое, покровитель мой, утѣшитель души моей. Я иду къ Тебѣ, Господи, по милости по Твоей, по желанію своему, во слѣдъ отрока своего, для оправданія души своей, для пречистаго, для пресвѣтлаго житія своего, для вѣчнаго сокровища. Богу нашему слава» [3]).

Третій обязательный псаломъ для пѣнія надъ покойникомъ читается такъ:

«Презри меня Господи, и помилуй; по судьбѣ любящій имя Твое, далъ державу Свою отроку Своему. Спаси сына раба своего, сотвори со мной знаменіе во благѣ; азъ я нынѣ въ скорбяхъ нахожуся, меня печаль пріяла отъ Господа. Оставляющіе законъ Твой всѣ видящіе меня и поругаше (sic) меня. Покиваша головами своими, воздержаша руки къ Богу чуждому; мнѣ сказано оправданіе Твое и знаю мѣсто пришествія Твоего. Азъ я возвѣщаю всѣ чудеса Твои, Богъ нашъ не удержитъ небесами, ниже подъ небесами; Богъ нашъ самъ себѣ мѣсто, пребываетъ самъ въ себѣ, во умномъ естествѣ, въ Божествѣ своемъ; наипаче Господь любитъ жить въ душахъ, во сердцахъ человѣченскихъ, во любящихъ, во вѣрущихъ (sic) Его, аще кто вѣрно служитъ Ему, еще кто имѣетъ церковь нерукотворенну,—мѣсто селенія славы Его. Сице глаголетъ Господь: вы есть церковь Бога живого Азъ вселюся въ васъ и похожду въ васъ, буду вамъ Богъ, а вы будете люди мои, тѣмъ бо вы изыдите, отъ середы ихъ отлучитеся. Тако глаголетъ Господь: къ нечистотѣ ихъ не прикасайтеся, Азъ приму васъ, а буду вамъ Отецъ, а вы будете сыны и дщери. Сице бо убо имущій обѣтованный мой, возлюбленный мой, праведный, очистимся ото всякой скверной плоти ихней, духомъ творящій со святыми со своими. Богу нашему слава» [4]).

Послѣ этихъ трехъ псалмовъ поютъ еще и другіе по выбору самихъ пѣвчихъ [5]). Во время пѣнія въ хату гдѣ лежитъ покойникъ приходятъ односельчане, родные и знакомые проститься съ умершимъ. Входящіе подходятъ и низко кланяются умершему иногда

---

[1]) Ср. этотъ псаломъ съ молитвой св. Антіоха: „Вседержателю, Слово отче, самъ совершенъ сый Іисусе Христе...» (См. „Молитвословъ“ стр. 26, 3-е изд. С.-Петербургъ 1890 г.)

[2]) См. 248 псаломъ „Животной Книги“.

[3]) См. 329 псаломъ „Животной Книги“.

[4]) Отсюда и до конца ср. съ 6 гл. ст. 16, 17 и 18. „Второго посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ“.

[5]) По этому поводу духоборецъ И. Обросимовъ въ своей рукописи замѣчаетъ: „Еще *много другихъ читаютъ и поютъ*,—подходящее“.

прочитывая шопотомъ тотъ или другой псаломъ. Плакать по покойнику считается не только неудобнымъ и неприличнымъ, но даже просто грѣховнымъ поступкомъ, ибо на смерть духоборцы смотрятъ, какъ на избавленіе отъ земныхъ страданій. Вѣря въ «вѣчную жизнь», единую во всемъ, духоборцы въ самомъ фактѣ видимой смерти усматриваютъ переходъ къ новому бытію.

Объ умершемъ духоборцы «жалѣютъ», какъ о человѣкѣ, какъ о сотоварищѣ на жизненномъ пути, но не отчаиваются въ его потери, ибо «духъ его между нами» — говорили они мнѣ, — «а стало быть и онъ съ нами!..»

Пѣніе продолжается почти безпрерывно, иногда смѣняясь чтеніемъ псалмовъ.

Въ это время кто-либо на селѣ изготовляетъ гробъ для покойника въ видѣ обыкновеннаго ящика. Когда гробъ готовъ, его вносятъ въ домъ и въ это время поютъ псаломъ:

«Сойдемся мы, братья, подумаемъ, во единую церковь соборную, апостольскую, сотворимъ мы, братья, радость ангельскую. Съ вечера церковь ограждалася, къ полуночи церковь освѣщалася, къ бѣлу свѣту церковь—на судѣ къ Богу. Прилетали ангелы Божьи по тою душу израительскую; подняли тою душу на пѣніе; понесли тою душу къ самому Христу, къ Богу нашему; встрѣваетъ тою душу самъ Господь Богъ; ты пойди, моя душа, израительская—не лживый пророкъ, ученикъ Христовъ, есть у меня человѣкъ на землѣ такой же какъ я, какъ столбъ до небесъ. Богу нашему слава».

Подъ пѣніе этого псалма покойника кладутъ въ гробъ, и потомъ продолжается пѣніе и чтеніе псалмовъ. На второй или на третій день [1]) покойника въ гробу уносятъ на кладбищѣ.

Когда поднимаютъ гробъ, то поютъ псаломъ: «Зрѣхъ много народу, взыйдетъ на гору...» т. е. тотъ же псаломъ, что и на праздникъ Успеніе Пресвятой Богородицы (см. выше.) и съ этимъ псаломомъ выходятъ изъ дома. Впереди всегда одинъ духоборцевъ несутъ крышку отъ гроба, потомъ самый гробъ несутъ женщины и мужчины, за гробомъ идетъ «сродствія» (родственники), за ними хоръ и провожатые односельчане, друзья и духоборцы окрестныхъ селъ.

У могилы поютъ псаломъ: «Молю Тебя, царю Господи, мой Боже, дай же мнѣ, Боже, въ небесномъ Твоемъ полѣ ложе; Ты бо Творецъ мой, къ Тебѣ прибѣгаемъ, въ Твои руци меня придаваютъ. Дѣва Марія—въ Тебѣ благодать; прошу Тебя, присный, изволь сохранять. Ангелъ мой святой, присный мой хранитель,—въ любви Божьей будешь мнѣ учитель. Аще кто восхощетъ самого себя познать, тотъ да пустится разумомъ искать. Аще кто скоро отъ сна возстанетъ,—Гос-

---

[1]) Одинъ изъ духоборцевъ объяснилъ мнѣ, что на какой день хоронить—(на второй или на третій)—зависитъ отъ того, въ какомъ состояніи находится покойникъ; «если отъ него пошелъ „духъ"—сказалъ мнѣ духоборецъ,—то мы сейчасъ же его хоронимъ, даже на второй день».

пода прославитъ, душу и тѣло, всей жизни здравіе. Отроче блаже, съизмала учися, во всякомъ дѣлѣ Господу молися. Господь стоитъ въ юныхъ, завсегда въ дѣлѣ быша, старые имаютъ покой себѣ жизни. Праздность старыхъ людей повреждаетъ, а молодымъ наипаче во вредъ пребываетъ. Пити въ юнѣ отнюдь гнушайся, на явственный миръ пріобщайся. Многія питія умъ помращаютъ, человѣка ни во-что обращаютъ. Чадо! избытка во всемъ стерегися, въ благомъ разѣ правды держися; сыну глупому не въ помощь богатство, аще не купитъ себѣ мудрости изрядства: ото многихъ словесъ въ грѣхахъ не убѣжиши, всекому себя на посмѣхъ явися. Безчестная слава всѣмъ срамъ сотворяетъ, того бо устрашаться юнымъ подобаетъ; всякъ не держися грѣховной вѣтви, всюду будутъ безъ стыда сидѣти; а вы, юные дѣти, отнюдь въ смѣхъ не лгите, въ томъ бо не будетъ вамъ подъ старость бѣдь имѣти; юности лгати зѣло не потребно, — подъ старость каждому будетъ вредно. Дѣти владычные, въ красотахъ себя не прельщайте, на смерть, судъ, муку, — царствіе присное помышляйте; злое—нечистое каждому человѣку отыметъ силъ лѣтъ его вѣку; аше кто съизмлада драгой своей славы не утратитъ, всюду ему Господь съ честью заплатитъ. Возьметъ радость, гдѣ въ небѣ много, аще не дастъ кому лѣпоты и природы, тотъ да исполнится смысломъ, тотъ день на свободѣ. Старые и юные всему всѣ внемлите, любовью къ Богу умъ, сердце прозрите. Богу нашему слава» [1]).

Подъ пѣніе этого псалма гробъ заколачиваютъ крышкой, опускаютъ въ могилу и засыпаютъ землей. Надъ могилой всегда земля возвышается въ видѣ небольшого холма.

Когда могила засыпана, то поютъ псаломъ:

«Помилуй насъ, Владыко, Боже, на всѣхъ воззри; наложи страхъ свой на всѣ языки; воздвигни руку свою на языки чужды, якожды передъ ними освѣтился еси въ насъ, такожды передъ нами возвеличился еси на нихъ. Да познаютъ Тебя, яко нѣсть Бога, развѣ Тебе. Господи, обнови знаменія, измѣни чудеса; прославь руку и мышцу одесную Твою, воздвигни ярость, излей гнѣвъ, возьми супостата, сотри врага, поспѣши время, помяни клятву; да повѣдаютъ величіе Твоего гнѣва, либо огнемъ поѣдена будетъ вся земля; спасающій озлобляющихъ людей моихъ обрѣтетъ пагубу. Сокрушатъ главы князей вражьихъ, о нихъ же глаголятъ, яко нѣсть, развѣ насъ. Соберися всѣ колѣна Іаковлевы въ наслѣдствіе ихъ, якожды отъ начала помилуетъ Господь людей своихъ, нареченныхъ именемъ Израилевымъ; его уже первенцемъ нарекли еси, — во щедрый градъ Твой святой Ерусалимъ, въ мѣсто покоя Твоего. Исполнится Сіонъ, взятый отъ словесъ Твоихъ и отъ славы Твоей, людямъ Твоимъ дастъ свидѣтельства, сущія отъ начала твари Твоей, воздвигнетъ пророчества сущимъ именемъ Твоимъ; дастъ мзду терпящимъ Твоимъ, пророцы Твои да увѣрятся въ Тебѣ. Услышь, Господи, мольбу молитвенниковъ

---

[1]) См. 159 псаломъ „Животной книги“.

Послѣ того, какъ окончится пѣніе этого псалма, тутъ же у могилы совершается обыкновенное воскресное «богомоленіе». Когда «богомоленіе» окончено, то всѣ сообща возвращаются въ селеніе. Отходя отъ могилы, поютъ псаломъ: «Взирайся съ приближеніемъ смерти, тлѣнный человѣче; какъ вѣкъ твой проходитъ — смерть не далече. Ангелъ твой хранитель тебя возвѣстуетъ, краткую твою жизнь перстомъ показуетъ. Убойся на всякій часъ, рыдай со слезами; скоро солнце шествуетъ отъ востока до запада, текутъ времена и лѣта, благоволенны имъ окомъ убойся въ мощи, отсюда спокайся, посѣтитъ тебя зѣло зло; а ты не ужасайся, держи мечъ безъ отомщенія во своей десницѣ всегда. Сице грядите люди мои, войдите во храмъ святой кротко, смиренно, прилежно молитву Богу возсылайте, на сіе писаніе умильно взирайте, прочитайте усердно, много разслезитесь, ото всякой ревности сердцемъ умилитесь. У Бога есть смерть прелютая, емлетъ человѣка, переселяетъ отъ міра на вѣчное житіе. Богу нашему слава» [1]).

Если кладбише отъ дома умершаго близко, то къ дому подходятъ съ пѣніемъ этого псалма; если же этотъ псаломъ успѣютъ пропѣть, не дойдя до дома, то тогда начинаютъ пѣть псаломъ «Помилуй насъ, Владыко-Боже...», текстъ котораго мы привели выше.

Когда войдутъ въ домъ, то поютъ псаломъ: «Къ кому пойду отъ Тебя, Господа моего, отъ лица Твоего къ кому убѣгу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; сниду во адъ, ты тамо еси. Аще возьму крылья мои рано, вселюсь въ послѣднія моря, тамо рука Твоя не оставитъ меня и удержитъ меня десница Твоя. Къ кому пойду и гдѣ обрящу вѣчный животъ. Аще не въ Тебѣ—Создателѣ моемъ? Къ кому пойду и гдѣ обрящу утѣшеніе, радость, пристанище, покой души моей? Къ кому пойду отъ Тебя, Господи, Боже мой, Ты бо глаголы живота имаши въ себѣ? Ты еси источникъ живота, податель всѣхъ благъ Твоихъ. Возжажда къ Тебѣ душа моя, возжажда къ Тебѣ сердце мое, Боже живота моего. Усладимся пресвятого Твоего имени, пресладкаго Господа моего Іисуса; да ранена будетъ имъ душа моя, да уязвлено будетъ мое сердце, да ничто же будетъ мнѣ любезнѣйше во всемъ житіи моемъ, паче пресвятого Твоего духа. Будутъ сладки словеса Твои гортани моей устамъ моимъ, паче меду оправданія Твоя; вожделенны мнѣ будутъ, Господи, паче злата, каменія честна, много слаще паче меда и сота. Богу нашему слава» [2]).

Пропѣвъ этотъ псаломъ, всѣ садятся за трапезу въ домѣ покойника, а передъ трапезой поютъ псаломъ: «Помилуй насъ, Владыко, Боже, на всѣхъ воззри...», текстъ этого псалма мы привели выше. Послѣ пѣнія псалма читаютъ молитву передъ ѣдой и садятся обѣдать.

За трапезой обыкновенно бесѣдуютъ о покойникѣ, вспоминая

[1]) См. 158 псаломъ «Животной книги».

[2]) См. 335 псаломъ «Животной книги», ср. съ 831 псалмомъ «Псалтири».

его жизнь и дѣятельность. Если въ жизни покойника было что либо выдающееся или поучительное, тогда эти событія вспоминаютъ съ особенной подробностью для поученія и наставленія оставшимся въ живыхъ.

Послѣ трапезы читаютъ молитву «послѣ ѣды» и потомъ поютъ псаломъ: «Помолитеся ко мнѣ, я послушаю васъ; взыщите меня, когда взыщете—меня, обрящете всѣмъ сердцемъ вашимъ, я явлюся къ вамъ, обрящу узниковъ вашихъ, соберу васъ со всѣхъ странъ, отъ всего граду; за меня съгнаны чада мои, сія реку вамъ, заповѣди свои даю вамъ, оправданье свое явлю вамъ. Еще аще кто слово мое соблюдетъ, тотъ во вѣкъ живъ будетъ. Богу нашему слава» [1])

Послѣ этого всѣ посторонніе прощаются съ хозяевами и расходятся по домамъ, и обрядъ погребенія оконченъ.

Еще слѣдуетъ сказать, что черезъ шесть недѣль покойника поминаютъ. Устраиваютъ богомоленіе, какъ въ обыкновенное воскресеніе, и на немъ обязательно поютъ псаломъ: «Господи, услыши молитву мою...» тотъ самый, что и на «Михайловъ день» и текстъ котораго мы уже привели выше. Послѣ богомоленія всѣ, пришедшіе почтить память покойнаго, собираются у его родныхъ и обѣдаютъ и опять вспоминаютъ про житье-бытье умершаго «брата» или «сестры».

IV.

Обрядъ свадебный.

Когда какой-либо парень и дѣвушка изъ духоборцевъ желаютъ жить вмѣстѣ семейной жизнью, они объ этомъ прежде всего объявляютъ своимъ родителямъ. Родители обыкновенно соглашаются, и въ домъ невѣсты въ назначенный вечеръ собираются всѣ ея подруги, родственники и друзья семьи и односельчане. Невѣста, одѣтая въ лучшее платье, тоже находится здѣсь же. Потомъ приходитъ женихъ съ своими друзьями—(отецъ и мать жениха остаются дома). Когда всѣ соберутся, то отецъ невѣсты становится рядомъ съ матерью ея, — противъ нихъ рядомъ съ матерью ея становятся женихъ съ невѣстой, и отецъ невѣсты начинаетъ разспрашивать у нихъ, чего они хотятъ. Тѣ отвѣчаютъ, что хотятъ жить вмѣстѣ, хотятъ жениться. Тогда отецъ спрашиваетъ, любятъ ли они другъ друга? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ имъ говоритъ:—Знаете, дѣти, что если «съ обѣихъ сторонъ любовь, слово — законъ» [2]).

---

[1]) См. 219 псаломъ „Кивотной книги".

[2]) Въ вопросоотвѣтномъ псалмѣ: „Кому твоя душа подобна"? имѣется такой вопросъ о вѣнчаніи:

В. Кто тебя вѣнчаетъ?

О. Самъ Господь, съ честію и славою своею; покорилъ нози наши до подъ нози ногъ своихъ, даетъ намъ вѣнецъ, будетъ намъ яко Отецъ.

Вѣнчающіеся повторяютъ слова: «съ обѣихъ сторонъ любовь, слово—законъ» и тутъ же кланяются въ ноги съ начала отцу невѣсты, потомъ подымаются и трижды цѣлуются съ нимъ, а потомъ матери невѣсты и тоже съ ней трижды цѣлуются. Этимъ въ сущности «свадебный обрядъ» законченъ [1]) Послѣ этого присутствующіе начинаютъ пѣть разнообразные стишки, многіе изъ которыхъ красивы по содержанію. Поются они на мотивъ совершенно отличный отъ псалмовъ, болѣе веселый и очень пріятный для слуха. Молодая пара, по указанію отца невѣсты, въ это время кланяется въ ноги сначала присутствующей всей «сродствіи», какъ со стороны невѣсты, такъ и со стороны жениха, причемъ не пропускаются даже подростки отъ 10 лѣтъ. Потомъ также кланяются всѣмъ болѣе почетнымъ гостямъ «старичкамъ» и «старушкамъ». Послѣ каждаго поклона женихъ и невѣста цѣлуются трижды съ тѣмъ, кому кланялись. Послѣ всѣхъ этихъ поклоновъ отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ отъужинать. Сначала подается чай, а потомъ ужинъ, начиная съ какого-либо супа.

Послѣ ужина всѣ, съ пѣніемъ стишковъ, идутъ въ хату жениха. Гдѣ жениха и невѣсту встрѣчаютъ родители жениха, здороваются, и женихъ и невѣста также кланяются въ ноги отцу, матери и домашнимъ жениха и также цѣлуются. Собравшіеся поютъ стишки, а потомъ всѣ опять садятся за трапезу въ домѣ жениха. Послѣ трапезы также продолжается пѣніе стишковъ, къ полночи гости расходятся, а невѣста остается въ домѣ своего ученика. Надо замѣтить, что родители невѣсты приходятъ въ домъ жениха и участвуютъ въ трапезѣ.

Скажу нѣсколько словъ о главной части обряда;—произнесеніи словъ: «съ обѣихъ сторонъ любовь, слово — законъ». Эта формула обозначаетъ, что до тѣхъ поръ, пока будетъ съ обѣихъ сторонъ любовь, то слово, данное другъ другу—ненарушимо; оно законъ. Но

---

[1]) Въ уже цитированной нами рукописи И. П. Обросимова объ свадебномъ обрядѣ говорится слѣдующее: «А теперь скажемъ, какъ совершаются у насъ браки, скажемъ прежде — бракъ душевный: Бракъ есть дѣло вѣчнаго блаженства. А тѣлесный бракъ у насъ съ согласія другъ съ другомъ между женихомъ и невѣстой и ихъ родителей, съ двухъ сторонъ любовь и благословеніе родителей и ближайшаго родства жениха и невѣсты. По благословенію читаютъ псалмы и поютъ.

По заключеніи брака послушливые дѣти выполняютъ благословеніе родительское и остаются вмѣстѣ навсегда. А нелѣпые дѣти родителямъ непокорные, тѣ разлучаются и женятся на другихъ; но религія не позволяетъ разлучаться и даже такихъ дѣлъ не дѣлать». Къ этому мы должны прибавить, что на тѣхъ духоборческихъ свадьбахъ, на которыхъ намъ пришлось присутствовать псалмы не пѣли, а пѣли только „стишки“. Что же касается разводовъ у духоборцевъ, то И. П. Обросимовъ въ этомъ вопросѣ нѣсколько тенденціозенъ, ибо въ жизни, на самомъ дѣлѣ, вопросъ стоитъ совершенно иначе, и духоборческая религія допускаетъ большую свободу разводовъ. Отрицаніе разводовъ, правда, появилося въ послѣднее время, по инициативѣ Петра Веригина, но это новшество совершенно не привилось.

если случится такъ, что одна сторона разлюбитъ другую на столько, что жить становится трудно, тогда создается вполнѣ законная причина для развода.

Въ виду того, что понятіе о законности и незаконности брака у духоборцевъ связано съ самыми глубинами ихъ ученія, въ виду того, что изъ этого вытекаютъ весьма характерныя, поучительныя и интересныя послѣдствія, о которыхъ надо говорить очень подробно,—мы въ настоящее время, въ этой статьѣ, посвященной нами почти исключительно описанію самого процесса обрядовъ,—не будемъ касаться этого крайне важнаго пункта духоборческаго ученія, надѣясь въ самомъ непродолжительномъ времени подробнѣйшимъ образомъ ознакомить нашихъ читателей и съ съ этой стороной предмета нашего изслѣдовонія.

Чтобы закончить эту статью, мы сообщимъ еще здѣсь объ обрядѣ при рожденіи младенца.

V.

Обрядъ при рожденіи младенца.

Обрядъ при рожденіи младенца столь же не сложенъ, какъ и свадебный,—ему очевидно не придается большаго значенія.

«Родится младенецъ,—пишетъ духоборецъ И. Обросимовъ,—собираются старички и старушки, человѣкъ 5 или 6, дадутъ младенцу имя съ согласія родителей, потомъ прочтутъ псалмы. Поютъ вотъ какъ: Сотворилъ Господь человѣчка-малолѣточка. Малолѣточекъ выростаетъ, онъ по Божію велѣнію поступаетъ: гдѣ бьются, дерутся, онъ туда не ходитъ, гдѣ скачутъ и пляшутъ, онъ туда не смотритъ въ духовную бесѣду прибѣгаетъ, съ нечестивыми глаголъ свой не спущаетъ,—наипаче нечестивыхъ обличаетъ. Горе вамъ, книжники, фарисеи, нечестивые лицемѣры, сами вы и на Божій путь не идете и хотящему заграждаете [1]). Богу нашему слава» [2]).

Прочтеніемъ этого псалма обрядъ при рожденіи младенца кончается.

Между прочимъ замѣтимъ, что у духоборцевъ не принято говорить, что ребенокъ родился, а обыкновенно говорятъ: «у меня нашелся мальчикъ» или «у меня нашлась дѣвочка». Также я замѣтилъ, что вообще не принято говорить на людяхъ о новорожденномъ и родильницѣ.

Фактъ рожденія ребенка проходитъ всегда какъ то нѣсколько скрытно, незамѣченнымъ [3]).

---

[1]) Конецъ ср. съ „Евангеліемъ“ Матвѣя, гл. 23, ст. 13.

[2]) См. 182 псалма „Животной Книги“.

[3]) Это умалчиванье и стыдѣнье замѣчаются, при небрачныхъ дѣтяхъ, и у православ*ныхъ, у старообрядцевъ* и у нашихъ сектантовъ, бракъ признающихъ. Ред.

Въ вопросоотвѣтномъ псалмѣ: «Почему вы называетесь христіане» такъ говорится объ имени новорожденнаго:

83. В. Кто у васъ младенцамъ званіе даетъ?

О. Кто на руки принимаетъ, тотъ и званіе даетъ.

Во всѣхъ псалмахъ мы не встрѣтили болѣе ничего, чтобы говорило объ обрядѣ при рожденіи ребенка.

VI.

Заключеніе.

Въ заключеніе этой нашей статьи мы должны отмѣтить, что къ обрядовой сторонѣ у духоборцевъ мы встрѣтили троякое отношеніе. Самая большая масса. воспитавшаяся исключительно въ духоборческой средѣ, до большой степени уже утеряла то иносказательное аллегорическое, **духовное** пониманіе всѣхъ своихъ обрядовъ. Эта масса смотритъ на обрядовую сторону, какъ на нѣчто безусловно обязательное, безъ чего и жить нельзя и ради чего можно пожертвовать всѣмъ до своей жизни включительно. Здѣсь обрядъ отлился въ опредѣленную форму, занялъ мѣсто обыкновеннаго религіозно-церковнаго ритуала часто утерявшаго всякій смыслъ, но сохраняющагося по традиціи И здѣсь въ этой массѣ, этотъ обрядъ является непроходимой китайской стѣной между внѣшнимъ міромъ и членами духоборческой общины, пробить которую сможетъ только общее культурное развитіе духоборцевъ.

Нѣкоторая часть духоборцевъ, наиболѣе сознательныхъ, и образованныхъ даже въ чисто духоборческомъ смыслѣ т. е.—какъ говорятъ сами духоборцы,—не утерявшихъ «сознаніе своихъ предковъ»,—относятся къ обрядамъ, просто какъ къ образному напоминанію основъ ихъ духоборческаго ученія; на «богомоленія» они смотрятъ, какъ на «повтореніе» псалмовъ, въ которыхъ отчасти разсказана исторія духоборцевъ или изложены тѣ принципы духоборческой вѣры, духоборческаго ученія, которые легли въ основу жизни ихъ общины. Эта часть духоборцевъ, толкуя «духовно», т. е. объясняя аллегоріи, раскрывая внутренній, сокровенный, подразумѣвающійся смыслъ подъ словами псалмовъ, все духоборческое ученіе сводитъ къ поклоненію Богу т. е. высшему, любвеобильному началу, давшему всему жизнь,—«въ духѣ и истинѣ», переводя все это поклоненіе на реальную почву совершенія добрыхъ дѣлъ и на борьбу со зломъ. Именно въ этой то части духоборцевъ, въ ихъ объясненіяхъ псалмовъ, въ ихъ толкованіяхъ всей «Животной Книги» и сохраняется изъ рода въ родъ та интересная и важная для исторіи живая лѣтопись стараго духоборчества, одной изъ сильныхъ вѣтвей средневѣковаго сектанства.

Мы также встрѣтились съ малочисленными элементами новаго наслоенія въ духоборчествѣ которые, совершенно отрицаютъ всякую духоборческую обрядность во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ и объ-

ясняющихъ слова «жить по свободѣ»—значитъ быть внѣ зависимости отъ кого бы то ни было, какъ личной, такъ и въ общественной жизни, а стало быть—быть свободными и отъ всѣхъ религіозныхъ обѣтовъ, обрядовъ и запретовъ, которые, по ихъ мнѣнію, всегда налáгаютъ путы и цѣпи на тѣлу и душу. Въ этой части духоборчества, образовавшейся за послѣднее десятилѣтіе,—мы видимъ тотъ реформаторскій ферментъ, который настойчиво и неуклонно, находясь въ союзѣ со всѣмъ ходомъ жизни современнаго общества,—будетъ разрушать устарѣвшія и отсталыя формы духоборческаго общежитія и всего духоборческаго міровоззрѣнія. Появленіе этихъ элементовъ въ духоборческой средѣ—есть первый признакъ глубокаго процесса разложенія и переформировки вѣками сложившейся всего духоборческаго уклада жизни.

Куда придутъ въ своихъ исканіяхъ эти люди, захваченные бурнымъ потокомъ нашей исторической жизни и борьбы,—мы не знаемъ и даже предугадать не рѣшаемся. Но мы знаемъ только одно, что эти элементы нарушили всѣ установившіяся формы жизни духоборческой общины—привели ее въ движеніе, возбудили мысль, создали новую энергію, почему и являются, по нашему мнѣнію, прогрессивнымъ началомъ тамъ, въ этихъ далекихъ отъ насъ, заброшенныхъ въ сѣверо—западныя канадскія преріи,—русскихъ селеніяхъ съ духоборческимъ народомъ, такъ много выстрадавшимъ на своей коренной родинѣ.

Пожелаемъ же имъ, этимъ новымъ элементамъ духоборческой жизни, полнаго расцвѣта и развитія во имя блага и процвѣтанія культуры и прогресса, во имя торжества свободы человѣческаго духа.

Влад. Ольховскій.

Старина и старообрядцы.

(Поѣздка въ Поморье и Заонежье).

I.

По порученію Отдѣленія Этнографіи, я побывалъ лѣтомъ 1903 г. въ Поморьѣ, Кандалухѣ [1]) на Терскомъ берегу, на Мурманскомъ берегу и въ селеніяхъ Архангельскаго уѣзда, вблизи губернскаго города, а лѣтомъ 1904 года въ Олонецкой губерніи, въ уѣздахъ: Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ и главнымъ образомъ въ Повѣнецкомъ, гдѣ въ селѣ Шуньгѣ даже жилъ, не выѣзжая, полтора мѣсяца. Главной цѣлью поѣздокъ того и другого лѣта были этнографическія работы: записываніе сказокъ, пѣсенъ, преданій, особенностей говора, а также наблюденія надъ жизнью населенія общаго характера. Но занимался я также оба лѣта и отыскиваніемъ среди населенія посѣщенныхъ мной мѣстностей рукописей для 2-го Отдѣленія И. Академіи Наукъ, а лѣтомъ 1904 г., кромѣ того, и пріобрѣтеніемъ этнографической коллекціи для Этнографическаго Отдѣленія Музея Александра III, и отыскиваніемъ и пріобрѣтеніемъ русскихъ древнихъ и старыхъ вещей вообще. Покупка рукописей для Академіи и вещей для Музея дѣло, кажется, простое, но оно требуетъ, однако, столько времени, чтобы купить вещи, а главное отыскать и уговорить владѣльцевъ продать, затѣмъ составить списки, пронумеровать, запаковать экономически и переправить, такъ что времени для работы другого характера, именно для записей—уже и не остается. Но хорошо и то, что хотя поиски мои не пропали даромъ: въ 1903 г. въ Поморьѣ я пріобрѣлъ свыше 60 рукописей, 52 изъ которыхъ поступили въ библіотеку Академіи Наукъ; въ это лѣто въ Олонецкой губерніи рукописей, старопечатныхъ книгъ, гравюръ и акварельныхъ картинъ такъ называемаго «даниловскаго письма» пріобрѣтено мной свыше сотни. Цифры совсѣмъ небольшія, сравнительно съ количествомъ рукописей, привозимыхъ, ежегодно почти, В. И. Срезневскимъ, который лѣтомъ 1903 года изъ Олонецкой губерніи привезъ колоссальное количество рукописей, что-то около 13 пудовъ. Но В. И. Срезневскій ѣздитъ за рукописями исключительно, ѣздитъ въ заранѣе извѣстныя ему мѣстности, пользуясь указаніями о нахожденіи рукописей здѣсь въ Петербургѣ; кромѣ того онъ располагаетъ спеціальными для по-

---

[1]) Селенія по западному берегу Кандалакскаго залива.

купки рукописей весьма значительными въ сравненіи съ моими средствами. Я же никогда не ставилъ покупку рукописей спеціальной цѣлью своихъ поѣздокъ, средства мои на поѣздки обыкновенно до смѣшного малы, вслѣдствіе чего очень часто приходится не покупать рукописи только потому, что за нихъ дорого просятъ. Для музея Александра III-го нынче я привезъ цѣлую коллекцію праздничныхъ преимущественно костюмовъ изъ Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Каргопольскаго уѣздовъ, а также полотенцы, утварь и другія старинныя вещи; въ Поморьѣ для музея мнѣ удалось собрать коллекцію рѣзныхъ и раскрашенныхъ «па́лицъ»—колотушекъ для бѣлья, интересныхъ тѣмъ, что «па́лицы» эти не есть кустарное издѣліе, или даже издѣліе хотя и искусного, но все-же спеціалиста-мастера, столяра или плотника. Каждая палица, собственно орнаментъ на ней есть личное такъ сказать творчество каждаго отдѣльнаго помора, дѣлавшаго палицу зимой, въ свободное отъ промысловъ время, на память, своей женѣ.

Былинъ ни въ Олонецкой губерніи, ни въ Поморьѣ я не записывалъ, да мнѣ и незачѣмъ было дѣлать это послѣ Гильфердинга и А. Д. Григорьева. При поѣздкѣ на Мурманъ, на пароходѣ сказали мнѣ, что въ Колѣ одинъ старикъ знаетъ былины; я обрадовался было, отыскалъ старика, и когда сталъ просить пѣть, онъ отказался и сказалъ, что теперь онъ ничего не поетъ, но дѣйствительно, когда былъ моложе, пѣлъ «Боже царя храни». Ясно, что о былинахъ онъ не имѣлъ понятія.

Въ отношеніи записей сказокъ, преданій и пр. обѣ мои поѣздки нельзя сказать, чтобы были блестящи: сказокъ, во 1-хъ, я записалъ меньше, чѣмъ въ свои поѣздки на Печору, во 2-хъ и сказочниковъ такихъ во истину прекрасныхъ какъ, на Печорѣ, ни въ Поморьѣ, ни въ Олонецкой губ. я не нашолъ. Объясняю это обстоятельство тѣмъ отчасти, что лѣтомъ 1903 года, сдавая экзамены въ Археологическомъ Институтѣ, въ Поморье я попалъ только въ 20-хъ числахъ мая, когда все уже почти мужское населеніе Поморья отправилось на промыселъ трески на Мурманскій берегъ. Поѣздка этого лѣта также не могла состояться раньше 20-го мая въ силу того, что запоздалъ выходомъ мой сборникъ «Печорскихъ былинъ», а съ іюня всѣ олончане уже заняты полевыми работами. Въ іюлѣ 1903 г. попалъ я на Мурманъ, гдѣ собираются на все лѣто поморы, но тамъ былъ тогда разгаръ промысла и во всемъ чуялась такая кипучая жизнь, такая лихорадочная дѣятельность, что о пѣніи поморами былинъ, или о разсказываніи ими сказокъ, нечего было и думать, нельзя было завести и рѣчи. Мурманъ самъ по себѣ, даже по своей природѣ, очень мало похожъ на русскую область, хотя-бы на то же Поморье, съ его прекрасными древними церквами, крайне интересными селеніями, съ ихъ постройками старорусскаго хоромнаго типа.

Присутствіе на Мурманѣ, среди русскихъ поморовъ, шведовъ, норвежцевъ, финляндцевъ, придаетъ Мурману уже совсѣмъ видъ «за-

границы». Впрочемъ иллюзія можетъ длиться только до перваго столкновенія съ порядками, какъ и вездѣ безалаберными,—тутъ ужъ почувствуешь, что это несомнѣнно матушка Россія. Поморы, ежегодно ѣздящіе на Мурманъ, гдѣ имъ всегда приходится, иногда подолгу, имѣть дѣло съ иностранцами, невольно подражаютъ послѣднимъ и въ костюмѣ, и во многомъ другомъ, не смотря на свое старообрядство. Особенно это можно сказать про молодыхъ поморовъ, которые совершенно перестаютъ интересоватся былинами, сказками, старинными пѣснями, и крайне стѣсняются что нибудь разсказывать или пѣть. Поморки же и поморы дряхлые старики, которые не уѣхали изъ дому на Мурманъ, принимали меня сурово, также трудно соглашались разсказывать и пѣть, а то, что они разсказали и спѣли, въ большинствѣ далеко въ качественномъ отношеніи уступало Печорскому.

Суровость женщинъ Поморья и стариковъ я объясняю тѣмъ, что почти сплошь все населеніе Поморья старообрядцы, а старики и женщины въ старообрядчествѣ нетерпимѣе и аскетичнѣе въ дѣлахъ вѣры, чѣмъ всѣ остальные элементы населенія. Кромѣ того, «поморскій расколъ» здѣсь, на мѣстѣ его возникновенія, гораздо суровѣе, чѣмъ, напр., на Печорѣ или положимъ на Мезени. И этому есть свои историческія причины. Старообрядческое Поморье, по своему мѣстоположенію на берегу Онежскаго залива, всегда было несравненно болѣе доступно для архангельскаго-ли, или для Петербургскаго духовнаго начальства, чѣмъ Мезень, Печора, Корела, а это духовное начальство не пріучило нашихъ старообрядцевъ къ довѣрію и откровенности. «Вездѣ цѣпи брячаху, вездѣ вериги звеняху, вездѣ тряски и хомуты Никонову ученію служаху, вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣдницеской повсядневно омочахуся» [1]). Такъ, по образному выраженію старообрядческаго историка, начиналась миссіонерская дѣятельность православнаго духовенства въ Поморскомъ краѣ. «Біеніемъ и ранами, лукавствомъ и коварствомъ злобнымъ, а не апостольскимъ смиреніемъ къ вѣрѣ своей привождаху проповѣдницы Никоновскихъ новинъ,—продолжаетъ тотъ-же историкъ,—и отъ мучительства обліяхуся вся грады кровью, утопаху въ слезахъ села и веси, покрывахуся въ плачи и стонаніи пустыни и дебри» [2]). Разумѣется теперь не брячатъ цѣпи, не трясутся хомуты на дыбахъ и не обливаются кровью старообрядцевъ города; все это, слава Богу, есть только страшное достояніе исторіи народной вѣры въ Россіи, но слезы горечи и обиды зачастую льются и теперь по всему Поморью, да и не по одному ему, а вездѣ, гдѣ живутъ пасынки земли русской,—старообрядцы. Въ Поморьѣ, на Печорѣ, въ Олонецкой губерніи и нынче только и слышишь: то священникъ остановилъ похоронную процессію, съ помощью урядника и понятыхъ занесъ по-

[1]) «Исторія Выговской старообрядческой пустыни». Стр. 25.
[2]) Тамъ-же.

койницу въ церковь и силой, вопреки желанію всѣхъ и предсмертному желанію покойной, отпѣлъ по православному обряду; то разсказываютъ, что урядникъ ночью вломился въ мирный крестьянскій домъ и сдѣлалъ обыскъ, «изловилъ» молящихся Богу странницъ-старушекъ и отправилъ ихъ по этапу. Приведенные въ примѣръ факты, которыхъ множество, подкрѣпленныхъ притомъ переходящими изъ поколѣнія въ поколѣніе историческими примѣрами болѣе серьозныхъ гоненій, конечно не располагаютъ старообрядцевъ къ полной откровенности; въ совершенно невинномъ занятіи, напр. записываніи сказокъ или покупкѣ рукописей, исторически запуганные старообрядцы начинаютъ видѣть какой-то подвохъ, какую-то каверзу или ловушку. Сказки или былины записываются, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, для того—не проговорится-ли въ нихъ человѣкъ объ чемъ нибудь, за что преслѣдуютъ, напр. о царѣ; покупку рукописей многіе объясняютъ тѣмъ, что старину собираютъ въ народѣ, увозятъ въ Петербургъ, а тамъ сжигаютъ,—чтобы совсѣмъ она на бѣломъ свѣтѣ перевелась, а дѣлаютъ это по просьбѣ православныхъ поповъ. Однимъ словомъ, перенося взглядъ свой съ «никоніанскаго» духовенства, какъ зовутъ старообрядцы православныхъ священниковъ, на «никоніанъ» вообще, поморы, а особенно женщины и старики, и къ «никоніанамъ» не духовнымъ, т. е. вообще ко всѣмъ нестарообрядцамъ относятся крайне недовѣрчиво, осторожно, политично. Не сразу вызовешь на откровенность въ Поморьѣ, какъ это всегда, почти было на Печорѣ, гдѣ народъ чрезвычайно довѣрчивый, искренній, простодушный. Въ Поморьѣ-же въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, особенно тѣхъ, гдѣ придерживаются «аристовщины» [1]) меня просто не пускали въ нѣкоторыя избы, не желая имѣть со мной никакихъ дѣлъ и разговоровъ. Но видя сначала въ каждомъ новомъ человѣкѣ непремѣнно врага, человѣка желающаго причинить какое-то горе, старикъ-поморъ или чаще старуха-поморка, какъ только убѣдятся въ незлобливости вашихъ намѣреній,—довѣрію и благодарности, просто только за человѣческое къ нимъ отношеніе, не оскорбляющее грубыми отзывами дорогого для нихъ міра ихъ религіозныхъ вѣрованій — не будетъ конца. Они многое вамъ разскажутъ, все почти покажутъ, уступятъ много

---

[1]) *Аристовщина* одна изъ безпоповщинскихъ сектъ; выродилась она изъ Ѳедосѣевщины; главное отличіе аристовщины отъ послѣдней въ томъ, что аристовцы считаютъ бракъ совершенно лишнимъ установленіемъ, предоставляя отношенія мужчины къ женщинѣ на произволъ каждаго. На практикѣ однако тѣ и другія держатъ себя другъ отъ друга далеко, даже не ѣдятъ и не пьютъ вмѣстѣ. Отношеніе къ свѣтской власти, какъ служащей антихристу—незаконно: истинный христіанинъ долженъ свѣтской власти всячески избѣгать. (А. С. Пругавинъ „Расколъ—Сектанство" стр. 408—414. Въ Поморьѣ, какъ и вездѣ впрочемъ, послѣдователей этой крайне суровой и очень нетерпимой секты очень немного; встрѣчалъ я однако аристовцевъ въ Сумѣ, и чуть-ли не больше всего ихъ въ д. Сухой-наволокъ. Ведя, сами очень суровую жизнь, послѣдователей другихъ сектъ въ Поморьѣ аристовцы называютъ „широкими".

изъ того, что имъ самимъ мило и дорого, напр. какую нибудь рукопись или картину. Но повторяю, сразу этого не достигнуть—для довѣрія нужно время.

Понятно послѣ этого мое удивленіе, когда, попавъ, послѣ первоначальнаго суроваго пріема у старообрядцевъ, въ ихъ-же старообрядческіе скиты [1]) я сразу встрѣтилъ тамъ обратное къ себѣ отношеніе. Въ Пе́ртозерѣ, пробираться куда нужно пѣшкомъ по жердочкамъ, проложеннымъ по мхамъ и болотамъ, не только меня сразу любезно приняли, напоили чаемъ изъ чайника (самоваровъ въ скиту нѣтъ, а изъ чайничка изрѣдка побаловаться чайкомъ, потихоньку другъ отъ дружки, не такъ грѣшно), выводили по кельямъ спасающихся въ скиту старичковъ и старушекъ, но показали всѣ книги, а спать положили въ моленной, хотя настоятеля Ѳедора Александровича и не было дома. Въ Лахту я попалъ подъ мѣстный годовой праздникъ—Петровъ день, и мнѣ разрѣшили присутствовать даже на всенощномъ бдѣніи [2]), которое продолжается дѣйствительно всю ночь, отъ 10 часовъ вечера до 8 часовъ утра; служба идетъ по монастырскому уставу, причемъ изъ книгъ не выбрасывается ни строчки.

Долженъ однако сказать, что довѣрчивость сразу въ скитахъ, отчасти показная: это выработанная многолѣтнимъ опытомъ «ласковость» съ постороннимъ «съ вѣтру» человѣкомъ, чтобы всячески его умаслить и удобрить—пріемъ, къ которому все время жизни раскола должны были прибѣгать всѣ скитскіе жители, особенно-же ихъ заправилы, при своихъ вольныхъ и невольныхъ сношеніяхъ съ гражданскимъ и духовнымъ начальствомъ.

Поди-ко не прими ласково и не выкажъ хоть показного довѣрія какому нибудь становому приставу, а то и уряднику даже и нынче, когда часто просто отъ каприза того и другого зависитъ и то немногое благополучіе, которымъ кой-гдѣ пользуются нынѣ старообрядцы. Кромѣ того, всѣ скитскіе жители и вообще гораздо опытнѣе въ распознаваніи людей и въ опредѣленіи степени вредности ихъ для дѣла «древляго благочестія». Опытность эта въ большой степени присуща скитникамъ, живущимъ въ глуши, на берегу озеръ или посреди болотъ, а какимъ нибудь отдѣльнымъ семьямъ, живущимъ хотя бы и въ бойкихъ селеніяхъ Поморья иногда совершенно недоступная.

То, что́ я сказалъ относительно отсутствія хорошихъ сказочниковъ въ Поморьѣ, въ полной мѣрѣ приложимо къ Повѣнецкому уѣзду, Олонецкой губерніи, гдѣ въ Заонежьѣ и на Выгозерѣ я только и пробовалъ записывать сказки. Пробовалъ я искать хорошихъ сказочниковъ, но тщетно, пробовалъ записывать отъ такихъ, какіе попада-

---

[1]) Пертозерскій скитъ или „Пе́ртозеро", въ 12-ти верстахъ отъ Сумскаго посада; Лахтинскій—„Лахта", верстахъ въ 16-ти отъ г. Архангельска.

[2]) Правда стоя въ прихожей моленной и смотря черезъ стеклянную дверь.

лись, но результаты были таковы, что отбивали всякую охоту къ дальнѣйшей работѣ. Про ту часть Заонежья—Шуньгу, гдѣ я дѣлалъ эти опыты еще Гильфердингъ, «слышалъ, что тамъ едва ли есть былины» [1]). Онъ не поясняетъ почему нѣтъ, однако слышанное было для него до того очевидно, что въ Шуньгу, которая была совсѣмъ на его пути, Гильфердингъ не поѣхалъ. Причина почему область Шуньги была при Гильфердингѣ бѣдна былинами, а теперь сказками—это ярмарка въ Шуньгѣ. До самого послѣдняго времени Шуньга играла такую-же роль въ Олонецкой губерніи и Поморьѣ, какъ Нижній-Новгородъ на востокѣ Европейской Россіи. Шуньга была центромъ поморской торговли; Москва и Варшава, въ особенности Бѣлое море и Петербургъ хорошо знали Шуньгу, и купцы изъ этихъ мѣстъ ѣздили въ нее. Обороты ярмарки въ 60-е годы прошлаго вѣка доходили до 800 тысячь и даже до милліона рублей. Однимъ словомъ, ярмарка въ Шуньгѣ была отнюдь не мѣстная, а областная; относительно-же ярмарокъ можно сказать, что если многолюдіе и праздничное настроеніе, присущія ярмаркѣ небольшой, мѣстной, можетъ служить поддерживающимъ элементомъ для обмѣна жителей былинами, сказками, пѣснями, какъ это я наблюдалъ напр. въ Устьцыльмѣ на Печорѣ, то большія ярмарки, внося слишкомъ много новаго, неизвѣстнаго въ данную область, разрушаютъ такъ сказать невинность воззрѣній народа и обезцѣниваютъ въ глазахъ жителей и то, что̀ въ данной мѣстности по части стараго народнаго творчества существуетъ. А въ Шуньгу, кромѣ какъ изъ вышеуказанныхъ городовъ, пріѣзжали даже изъ-за границы. Поэзія-же народная, былинная-ли, или сказочная требуетъ для своего процвѣтанія и даже просто существованія такъ сказать дѣвственной нетронутости вѣрованій и чувствъ народа.

Если для части Заонежья—Шуньги, ярмарка служила такъ сказать искоренителемъ въ ней сказокъ и былинъ, то и для всего Заонежья вообще есть причина, почему и тамъ едва-ли можетъ быть теперь въ хорошо сохранившемся видѣ все это. Во всемъ Заонежьѣ народъ далеко не то̀, что напр. на Печорѣ или Мезени и даже въ Поморьѣ: народъ въ Заонежьѣ разбитной, бойкій, своимъ видомъ, больше подходящій къ горожанамъ. Этому причина—близость Заонежья къ Петербургу. Въ послѣднемъ почти изъ каждой деревни Заонежья кто нибудь да живетъ, чаще въ приказчикахъ, рѣже въ ремесленникахъ и прислугахъ. Рѣдкій не только мужчина, рѣдкая женщина изъ Заонежья не бывали въ Петербургѣ. А Петербургъ, эта бездонная прорва, высасывая лучшіе соки изъ цѣлой громадной округи на многія сотни верстъ, быстро и рѣзко сглаживаетъ не только внѣшнія этнографическія особенности народа, но развращаетъ и его душу, мѣняетъ область его міровоззрѣній. Заонежанину

[1]) „Олонецкая губ. и ея рапсоды". „Сборн. Отд. русск. языка и слов. И. А. Н." т. 59, стр. 36.

побывавшему въ Петербургѣ, а особенно въ немъ пожившему, неминуемо приходится вкусить легкихъ плодовъ внѣшней трактирной культурности цивилизацiи уличной прессы, «искусства» монопольныхъ, народныхъ развлеченiй комитетовъ обществъ трезвости. А вкусившему ихъ уже нѣтъ ни времени, ни охоты заниматься «такими глупостями какъ былины или сказки», когда въ народномъ домѣ «приставляютъ ужасть какiе интересныя комедiи и оперы», и тамъ же съ открытой сцены, полуголыя женщины поютъ такiе великолѣпные романсы. Происходитъ переворотъ, медленный, постепенный, но все-же исторически неизбѣжный и въ самой деревнѣ. Въ Заонежьѣ не прытко, но твердо работаетъ земство, шумитъ монополька съ ея чайными общества трезвости, многiе крестьяне выписываютъ газеты, гдѣ нынѣшнимъ лѣтомъ зачитывались о войнѣ. Далеко шагнула нынче наша сѣверная деревня со стороны чисто внѣшней культурности: уже три года назадъ на далекой Печорѣ я слышалъ граммофоны, а въ Шуньгѣ собственными глазами я лицезрѣлъ, какъ сыновья мѣстныхъ богачей раскатываются по улицамъ Шуньги на велосипедахъ. Мѣсто-ли тутъ былинамъ?

Совсѣмъ плохо понятна крестьянамъ была моя любознательность къ былинамъ и сказкамъ нынче лѣтомъ: какой особый интересъ можетъ представить былина, когда такъ много захватывающаго въ газетахъ? Что̀ любопытнаго въ былинѣ, гдѣ такъ долго нужно слушать о битвѣ какихъ-то двухъ богатырей, когда въ любомъ нумерѣ «Биржевки» заонежанинъ можетъ вычитать, какъ русскiе японцевъ чистятъ какъ картошку? Уничтожаются люди не десятками, какъ въ былинахъ, а тысячами и десятками тысячъ. «Подъ Портъ-Артуромъ» погибло 17.000 японцевъ—читаетъ сегодня заонежанинъ, а на слѣдующую почту гибель японцевъ въ тысячахъ выражается уже цыфрою сорокъ. Вообще, что̀ въ сравненiи съ ужасами японской войны бѣды былинныхъ героевъ, и что въ сравненiи съ самой интересной, но извѣстной и переизвѣстной былиной, любой нумеръ любой ежедневной газеты? Былины могли храниться, любиться и пѣться до тѣхъ поръ, пока къ нимъ могло существовать такъ сказать религiозное отношенiе, пока мораль, въ нихъ проповѣдуемая, была моралью для тѣхъ, кто былины пѣлъ, пока идеалы героевъ былины почти совпадали съ идеалами лицъ былины пѣвшихъ и взглядъ на жизнь былинныхъ героевъ былъ тожественъ со взглядами пѣвцовъ былинъ. Но когда на верху, въ интеллигенцiи, такъ сказать на чердакѣ жизни являются сверхчеловѣки, смѣло шагающiе по ту сторону добра и зла, внизу, «въ подвалѣ жизни», въ крестьянствѣ, безъ чернильныхъ сраженiй на листахъ газетной бумаги, а въ глубинѣ души народной также происходитъ «переоцѣнка цѣнностей», зависящая можетъ быть просто отъ измѣненiя экономическихъ условiй жизни. Разрушается старая, патрiархальная, основанная на обработкѣ земли и промыслахъ, домашняя жизнь, а съ ней вмѣстѣ и все то, что̀ эту жизнь до нѣкоторой степени красило и удовлетворяло. За-

бываются старыя пѣсни, былины, сказки, потому что уже не могутъ они удовлетворить нарушенную дѣвственность мысли и вѣры современнаго крестьянина. Не удовлетворяясь старыми идеалами, крестьянство жадно ищетъ новыхъ...

II.

Къ борьбѣ старой русской культуры съ чѣмъ-то новымъ, пока еще очень смутно выяснившимся, въ Заонежьѣ примѣшивается еще одинъ очень сильный по вліянію элементъ—это вліяніе на все Заонежье бывшаго старообрядческаго Даниловскаго монастыря, закрытаго 50 лѣтъ назадъ, но все еще очень сильно дѣйствующее. Это вліяніе, примѣшиваясь къ боренію стараго и новаго теченій, дѣлаетъ Заонежье однимъ изъ интереснѣйшихъ мѣстъ въ Руси деревенской. Съ одной стороны Петербургъ съ трактирно-народнодомной цивилизаціей, съ другой ярмарка, правда годъ отъ году падающая; но въ то же время еще живы и послѣдніе могикане знаменитой на сѣверѣ Россіи старообрядческой обители, живы еще лица, видѣвшія его богатство и славу, присутствовавшія при одной изъ безсмысленныхъ жестокостей Николаевской бюрократіи,—при закрытіи центра не только грамотности цѣлаго края, но и центра развитой промышленности, торговли и своеобразнаго народнаго искусства.

Если Поморье наше насквозь такъ сказать пропитано Соловецкимъ монастыремъ [1]), то Заонежье также пропитано, пронизано сколкомъ съ Соловецкаго монастыря—Даниловскимъ монастыремъ, онъ же Выгорецкій скитъ. Вліяніе монастыря или скита, основаннаго дьячкомъ с. Шуньги Данилой Викуличемъ, а прославленнаго знаменитымъ Андреемъ Денисовымъ, на сѣверѣ Россіи огромно и широко. За тысячи верстъ на далекой низовой Печорѣ видѣлъ я слѣды монастыря, этой Москвы сѣверно-русскаго старообрядчества. Великопоженскій скитъ на рѣкѣ Пижмѣ, притокѣ Печоры, сыгравшій въ этомъ краѣ большую роль, возникъ естественнымъ ходомъ вещей, но вознесся онъ и сталъ вліятельнымъ на всю Печору вѣроятно только потому, что пришолъ туда и сталъ во главѣ скита выходецъ изъ Выгорѣцкаго жительства Іоанъ Акиндиновичъ [2]), который ввелъ тамъ Даниловскій уставъ и завелъ сношенія скита со всѣмъ остальнымъ старообрядчествомъ.

---

[1]) Слѣды Соловецкаго монастыря въ Поморьѣ—въ церквахъ, въ книгахъ, въ рукописяхъ, въ надписяхъ на тѣхъ и другихъ, въ названіи урочищъ, въ преданіяхъ.

[2]) Такъ говорится объ немъ въ старообрядческой рукописи: «Помянутый-же Іоанъ Акиндиновичъ, родомъ съ Ростова города. вышедъ сперва староверства ради, еще младъ сый, въ нижегородскія пустыни... и послѣ пришедъ въ Выгорѣцкое жительство... и послѣ съѣха на оную Печеру, по званію тамошнихъ печерскихъ жителей»...

Но чѣмъ ближе къ Повѣнецкому уѣзду Олонецкой губерніи, гдѣ въ 72 верстахъ отъ уѣзднаго города находится разоренная теперь обитель, тѣмъ слѣдовъ ея больше и больше. Въ Поморьѣ вліяніе Даниловскаго монастыря такъ сказать еще борется съ знаменитой на Сѣверѣ православной обителью, Соловецкой; но и тамъ, не смотря на то, что Поморье давнымъ давно обшарено скупщиками старины, я видѣлъ рукописи даниловскаго письма, картины писанныя тамъ-же, орнаменты на рукописяхъ, рѣзьбу на могильныхъ столбикахъ заимствованные изъ Данилова. Въ Заонежьѣ Даниловъ монастырь вліялъ прежде на жизнь, а теперь сохранился въ памятникахъ уже всецѣло. При первомъ-же моемъ знакомствѣ съ Заонежьемъ, слѣды Данилова стали просто кидаться въ глаза все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, и въ концѣ концовъ мнѣ приходилось только удивляться тому повидимому огромному количеству имущества въ иконахъ, книгахъ, рукописяхъ, предметахъ обихода, которые имѣлъ Даниловъ монастырь, до своего окончательнаго паденія въ 1857 году. Большое количество иконъ большой цѣнности и теперь все еще держится въ селеніяхъ Заонежья и Обонежья, не смотря на то, что только самые состоятельные хозяева не продавали иконъ. Продавали иконы возами, десятками возовъ. Какъ только выяснилась выгодность антикварнаго дѣла, скупщики старины потокомъ хлынули на разоренную обитель и вывозили все, что́ было хотя сколько нибудь цѣнно. И все-таки теперь, не смотря на все это, не говоря уже о церквахъ и часовняхъ, во всякомъ мало-мальски зажиточномъ домѣ иногда находится цѣлая коллекція прекрасныхъ, часто унизанныхъ жемчугомъ иконъ, настоящей стоимости которыхъ владѣльцы иногда даже и не подозрѣваютъ, а только почти инстинктивно, до послѣдней возможности стараются не продавать ихъ, какъ материнское или отцовское благословеніе, или потому, что это «досюльщина», «даниловщина», которую по старому очень уважаютъ и цѣнятъ. Въ Заонежьѣ, въ Поморьѣ, на Печорѣ и вообще есть убѣжденіе, что «божество», т. е. иконы не слѣдуетъ продавать—это «послѣднее дѣло», т. е. прибѣгать къ продажѣ иконъ допустимо только въ случаяхъ отчаянной нужды.

Много въ Заонежьѣ изъ Данилова монастыря было и рукописей. 212 рукописей „выголексинской библіотеки“ описалъ г. Е. Барсовъ въ 6-мъ вып. «Лѣтописи занятій Археографической Коммисіи». Но то, что описалъ г. Барсовъ и то, что́ хранится теперь въ архіерейскомъ домѣ въ Петрозаводскѣ, разумѣется жалкіе остатки всего того, что́ было дѣйствительно въ мужскомъ и женскомъ Выгорѣцкихъ скитахъ—въ Даниловѣ и на Färсѣ. Самъ г. Е. Барсовъ говоритъ, что при пріемѣ выголексинской библіотеки въ Петрозаводскѣ, выяснено было только, «какія книги выданы изъ этой библіотеки и на какія есть росписки, а на какія нѣтъ» (стр. 17), а куда рукописи дѣвались, и что́ сдѣлано для ихъ возвращенія въ библіотеку — ни слова.

Зато на эту тему очень опредѣленно говоритъ Майновъ [1]). Его долго не допускали осмотрѣть рукописи архiерейскаго дома, требовали удостовѣренiя въ личности, росписки, подписки и пр. а когда въ библiотеку все-таки допустили, то просили «не воровать книгъ». Странную на первый взглядъ просьбу Майновъ объясняетъ тѣмъ, что «прежнiе изслѣдователи достаточно уже *поисчерпали* этотъ источникъ», «такъ недавно одинъ ученый мужъ занимавшiйся въ той же библiотекѣ потихоньку увезъ нѣсколько крайне интересныхъ рукописей». Впрочемъ, осуждавшiй такой образъ дѣйствiй «господъ экспертовъ отъ науки», Майновъ и самъ сдѣлалъ то же, только явно: на той-же страницѣ онъ говоритъ: «благодаря разнымъ вспомогательнымъ мѣрамъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ, мы получили наконецъ возможность заняться поподробнѣе на досугѣ тѣмъ интереснымъ апокрифическимъ матерiаломъ, который удалось «намъ розыскать въ архiерейской библiотекѣ» т. е. попросту говоря: удалось увезти рукописи домой.

Въ самое послѣднее время, извѣстно намъ, выголексинская библiотека еше разъ весьма основательно «изслѣдована»... А библiотека эта, въ ея первоначальномъ видѣ, тогда еще, когда она хранилась въ Даниловѣ и на Лексѣ, была въ полномъ смыслѣ замѣчательна. Она была такъ богата, что было время, когда едва-ли можно было видѣть гдѣ либо еще такую-же. Духовный писатель конца XVIII в., протоiерей Андрей Iоанновъ (Журавлевъ) «видѣлъ въ рукахъ старообрядцевъ довольно такихъ книгъ, которыя подписаны собственными руками благочестивыхъ особъ царской фамилiи: царевенъ, князей и княгинь, или котораго нибудь архiерея и патрiарха изъ древнихъ россiйскихъ архипастырей [2]). Разумѣется далеко не все изъ этихъ рукописныхъ сокровищъ отобрало строгое начальство, при закрытiи скитовъ въ 1857 году. Самое цѣнное разумѣется припрятано было старообрядцами въ укромныя мѣстечки, а то и продано; и многое изъ этого припрятаннаго попало въ Заонежье, въ Поморье, въ Каргопольщину, въ Москву и Петербургъ, разошлось по всей старообрядческой Руси, по всѣмъ русскимъ книголюбамъ и любителямъ русской старины вообще. Самое цѣнное изъ имѣвшихся въ Выгорѣцкихъ скитахъ иконъ и рукописей было, конечно, не даниловскаго или лексинскаго производства, а производства старорусскаго, а то и древнерусскаго вообще, но и сами Выгорѣцкiе скиты много написали иконъ и рукописей, иногда просто копiй, иногда-же и оригинальныхъ произведенiй. Особенно послѣднее касается конечно рукописей-сочиненiй. «Собственныя сочиненiя выговцевъ могли-бы составить цѣлую библiотеку: по исчисленiю старообрядческаго писателя Павла Любопытнаго, только одинъ Андрей Денисовичъ напи-

---

[1]) В. Н. Майновъ. „Поѣздка въ Обонежьѣ и Корелу“. С.-Петерб. 1874 г. стр. 43—44.

[2]) Андрей Iоанновъ. „Полное историческое извѣстiе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ“ ч. 2, стр. 8.

салъ 106 разныхъ сочиненій, Семенъ Денисовичъ 46, Даніилъ Матвѣевъ 18, Андрей Борисовъ 19». Въ скитахъ были и писательницы: «сестра Гавріила Семенова составила такое похвальное слово своему брату, которое обличаетъ въ ней основательное знаніе тогдашней риторики» [1]). Писательство въ Даниловскомъ монастырѣ, начавшись съ первыхъ годовъ его жизни, непрерывно продолжалось до дня его смерти и разграбленія, и даже послѣ этихъ варварскихъ событій. Скитники и скитницы, разогнанные послѣ закрытія монастыря въ разныя углы преимущественно Заонежья и Поморья, не переставали заниматься тѣмъ, чѣмъ они занимались, живши въ Даниловѣ и на Лексѣ, примѣняли свои знанія даниловскаго искусства и науки и при новыхъ условіяхъ жизни. Небольшой архивъ бумагъ посчастливилось мнѣ пріобрѣсти нынче въ бѣдной деревушкѣ Корельскій Островъ, на Выгозерѣ, гдѣ я былъ проѣздомъ въ Поморье. Нѣсколько довольно интересныхъ рукописей, выписки изъ таковыхъ же и книгъ, письма и, главное, нѣсколько тетрадокъ дневника, писаннаго частью стихами и 3 рисунка собственной работы оставила послѣ себя два года тому назадъ умершая «монастырка» Любовь Степановна Егорова, $^{3}/_{4}$ своей долгой жизни (жила 75 лѣтъ), проведшая въ такой трущобѣ, какъ Корельскій Островъ. Она была дочь послѣдняго большака въ Даниловомъ монастырѣ, Степана Ивановича, пришедшаго туда изъ Каргопольскаго уѣзда въ дѣтствѣ пѣшкомъ; началъ Степ. Иван. пастухомъ, но своими талантами и умомъ достигъ степени большака.

Еще, до своего замужества, живучи въ Даниловѣ, Любовь Степановна, чрезвычайно начитанная изъ монастырской библіотеки, начала вести дневникъ и писать стихи и продолжала это почти всю жизнь, правда чѣмъ ближе къ старости, тѣмъ рѣже и рѣже. Дневникъ ея крайне интересенъ для выясненія тѣхъ настроеній, какія существовали въ Выгорѣцкихъ скитахъ ко времени ихъ закрытія; эти настроенія косвеннымъ образомъ можетъ быть и привели скиты къ упадку, кончившемуся катастрофой 1857 года. Л. С. кромѣ того была мастерица рисовать, вышивать, пѣть стихи по крюковымъ нотамъ; нужно-ли говорить, что всему этому она выучилась въ Даниловѣ [2]).

Кромѣ рукописей, книгъ и иконъ и еще много памятниковъ Выгорѣцкихъ скитовъ другого рода осталось въ Поморьѣ и главнымъ образомъ въ Заонежьѣ. Я говорилъ уже, что среди пріобрѣ-

---

[1]) „Опис. рукопис. и кн. въ Выголексинской библ." стр. 7.

[2]) В. Н. Майновъ видѣлъ Л. С. Егорову, но не въ достаточной степени уразумѣлъ ее и потому нѣсколько небрежно объ ней отзывается: „Старуха, дочь большакова, оказалась отличнымъ знатокомъ лексинскихъ порядковъ, существовавшихъ до разоренія. Много разсказывала интереснаго и въ концѣ концовъ, когда увѣрилась, что я не сыщикъ, притащила мнѣ цѣлую охапку книгъ и рукописей", и пр. „Поѣздка въ Обонежье и Корелу" стр. 165.

тенныхъ мной бумагъ Любовь Степановны находятся 3 рисунка ея работы, одинъ на бумагѣ, другой на пергаменѣ, и третій вышитъ шелкомъ по шерстяной ткани, натянутой на дощечку, вѣроятно служившую крышкой для ящика [1]). Кромѣ этихъ образчиковъ мастерства Л. С., въ самомъ дневникѣ ея, въ одной изъ тетрадокъ находятся двѣ миніатюрки, изображающія ее самое, сдѣланныя также акварелью, по рисунку правда совсѣмъ первобытныя. Два рисунка ея-же работы на бумагѣ, со стихами подъ рисунками, видѣлъ я еще въ двухъ домахъ въ Заонежьѣ.

Въ Даниловѣ, въ близлежащихъ отъ него деревняхъ и селахъ: въ Шолтопорогѣ, Березовкѣ, Тихвинскомъ Бору, Чолмужахъ, въ Повѣнцѣ, въ Шуньгѣ, въ Толвуѣ, въ разныхъ мѣстахъ Поморья: въ Сорокѣ, Шижнѣ, въ Сумѣ видѣлъ я кромѣ иконъ даниловскаго письма, иногда очень искусно написанныхъ, массу портретовъ, сдѣланныхъ акварелью или маслеными красками. Наиболѣе распространены портреты наиболѣе извѣстныхъ большаковъ Данилова монастыря или по одиночкѣ, или по-двое, а иногда всѣ большаки вмѣстѣ, въ видѣ так. наз. «древа благочеснаго». Видалъ я рисунки: общій видъ Данилова и Лексы, птицъ Сирина и Алконоста, и разныя душеполезныя изреченія, вставленныя въ рамы причудливаго и довольно искуссно сдѣланнаго орнамента. Портреты маслеными красками, какъ большаковъ [2]), такъ и просто жителей выгорѣцкихъ скитовъ, наиболѣе хорошо исполнены и рѣзко отличаются отъ акварельныхъ, обыкновенно лу-

---

[1]) Рисунокъ на бумагѣ изображаетъ двухъ дѣвицъ; одна въ красномъ платьѣ съ желтымъ поясомъ сидитъ и протянутой рукой возлагаетъ на голову второй дѣвицы вѣнокъ; вторая дѣвица стоитъ въ зеленомъ платьѣ передъ первой на колѣняхъ, въ рукахъ держитъ тоже вѣнокъ; по бокамъ дѣвицъ кусты съ цвѣтами; земля желтая, гористая. Подъ рисункомъ чернилами стихи:

Смотри на тѣ мѣста,
Въ которыхъ мы съ тобой,
Когда-то счастливо и весело вмѣстѣ жили и пр.
1856 года, декабря 15 Л. Егорова.

Рисунокъ на кускѣ пергамена изображаетъ лѣсъ, въ лѣсу домъ въ два этажа, у дома собака; на полянѣ между двумя деревьями стоятъ двѣ женщины. Внизу стихи въ 8 строкъ, писанные чернилами, рукой Л. С. Егоровой:

О, дружба, жизни украшенье,
Даръ лучшихъ смертныхъ отъ небесъ,
Ты съединяешь разлученныхъ,
Отчаянныхъ миришь съ судьбой,
Улыбку возвращаешь скукѣ.
Душа тобой оживлена,
Не измѣняешь ты разлукѣ
И бѣдствію вѣрна, и т. д.

Вышивка шелкомъ на кускѣ шерсти изображаетъ гору, съ двумя кустами на ней; по бокамъ горы два дома, съ деревьями за ними; поверхъ деревьевъ три птицы; надъ птицами наверху вышивки:, 1851 года августа 18.

[2]) Одинъ портретъ неизвѣстнаго большака, но чуть-ли не послѣдняго: Степана Ивановича, я пріобрѣлъ.

бочныхъ. Послѣдній изъ иконописцевъ и портретистовъ, жившій въ Даниловѣ, извѣстный всѣмъ подъ кличкой Ку́ропать, умеръ всего за полгода, до моего пріѣзда туда, древнимъ старикомъ; иконы его работы вы найдете въ каждой церкви, въ каждой часовнѣ, въ каждомъ домѣ почти въ Даниловѣ и около него. Кромѣ иконъ, Куропать писалъ портреты, расписывалъ яйцы для христосованія на пасхѣ [1]) и пр.

Кромѣ писанія иконъ, картинъ, портретовъ украшенія рукописей рисунками и пр. въ Даниловѣ расписывали красками и предметы обихода: столы, шкафы, сундуки и пр. Я видѣлъ нѣсколько столовъ, росписанныхъ изображеніями птицъ звѣрей, утвари, съ душеполезными надписями вокругъ, но всего любопытнѣе мнѣ показался шкафъ, весь росписанный цвѣтами, звѣрями, птицами, между которыми Сиринъ, очень хорошо исполненный. Всяческія рукодѣлья, иногда очень тонкія процвѣтали въ Даниловѣ монастырѣ: шитье, вышиванье золотомъ, шелкомъ, шерстью и пр. и пр. Мнѣ пришлось пріобрѣсти женскія шелковыя подвязки съ удивительнымъ шитьемъ на нихъ, которое составитъ украшеніе любого музея русской старины и рукодѣлій.

Издѣлія изъ бересты совсѣмъ художественно выдѣлывали въ Даниловѣ; я видѣлъ и отчасти привезъ съ собой табакерки, бурачки для ладана, корзины для рыбы и пр. покрытые рѣзьбой, со слюдой подъ ней, что̀ выходитъ очень красиво. Издѣлія изъ мѣди и се, ребра производились также въ Даниловѣ. «Извѣстно, что Даниловъ долгое время былъ чуть не единственнымъ поставщикомъ иконъ для всѣхъ безпоповцевъ Россіи» говоритъ Майновъ. Иконы и складни въ Даниловѣ дѣлали превосходно, иногда съ ажурными серебренными украшеніями.

Всѣ жители Повѣнецкаго уѣзда и Заонежья обладаютъ прекрасной посудой (тазы, котлы, поливальники, дымила и пр.) изъ красной мѣди, и все это сдѣлано въ Даниловѣ, который вырабатывалъ, говорили Майнову крестьяне, до 300 пуд. въ годъ различныхъ мѣдныхъ издѣлій, а олонецкій губернаторъ въ своемъ «описаніи Выгорѣцкаго общежительства говоритъ, что только за продажу мѣднолитныхъ крестовъ выручалось (въ Даниловѣ) до 5,000 р. въ годъ» [2]) Кресты, створы, пуговицы къ сарафанамъ скитниковъ и скитницъ выдѣлывали въ Даниловѣ и его окрестностяхъ изъ серебра, а въ XVIII вѣкѣ и серебряные рубли даниловскаго производства, прекрасно сдѣланные, извѣстны были всему Сѣверу и ходили дороже казенныхъ серебряныхъ рублей, ибо сдѣланы были изъ чистаго се-

[1]) Я видѣлъ два такихъ яйца: на одномъ акварелью изображенъ охотникъ съ ружьемъ и собакой, стрѣляющій утку; на другомъ—на одной сторонѣ море и корабль, скала, съ выходящимъ изъ-за нее солнцемъ: въ небѣ два горящіе сердца съ крыльями. На другой сторонѣ херувимъ.

[2]) А. С. Пругавинъ. „Расколъ—сектанство“, стр. 359.

ребра [1]). Я лично пріобрѣлъ въ Даниловѣ три желѣзныхъ и три мѣдныхъ печати мѣстнаго производства. Особенно искусно сдѣланы печати мѣдныя, одна изъ нихъ въ видѣ брелока съ загадочными буквами, украшена эмалью голубого, зеленаго и желтаго цвѣтовъ и орнаментомъ XVIII в.

Объ общемъ состояніи Данилова и Лексы офиціальный авторъ «Губернаторское описаніе Выгорѣц кагообщежительства» приводитъ между прочимъ слѣдующія данныя: монастырь въ теченіи времени пріобрѣлъ множество соревнователей и жертвователей, на деньги которыхъ пріобрѣтены библіотека древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, множество дорогихъ старинныхъ иконъ, крестовъ, утвари. Заведены школы для обученія дѣтей обоего пола, учреждены больницы для пользованія больныхъ и призрѣнія престарѣлыхъ; для обеспеченія монастырскаго продовольствія было куплено множество пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель въ Повѣнецкомъ и Каргопольскомъ уѣздовъ—только въ одной окружности общежительства находилось до 14 пашенныхъ дворовъ или припасовъ. На Онежскомъ озерѣ Даниловъ имѣлъ нѣсколько пристаней, изъ которыхъ на одну только Пигматку ежегодно привозили до 10 тыс. пуд. хлѣба; Данилову принадлежатъ 2 лѣсопильныхъ завода, нѣсколько мельницъ, шесть ихъ судовъ ходили по Бѣлому морю и доставляли въ Сороку добытки промышленности; есть свидѣтельство, что даниловцы зачастую бывали на Грумантѣ (Шпицбергенъ), а разъ добрались до Америки. Въ Архангельскѣ монастырь имѣлъ сыроварню и салотопню, въ Петербургѣ подворье; въ селеніи Чаженскомъ Каргопольскаго уѣзда была какъ-бы ферма, которая завѣдывала 13,078 десятинами земли и выкармливала много рогатаго скота. Въ 1835 г. только на своей мельницѣ даниловцы вымалывали до 4,000 четвертей ржи, а весь доходъ выгорѣцкихъ пустынно жителей достигалъ до 200,000 рублей. Но ненужно забывать, что за тотъ годъ и содержали они въ общежительствѣ 1,026 чел. мужчинъ и 1,829 женщинъ, т. е. почти 3,000 человѣкъ. Кромѣ того, говоритъ г. Е. Барсовъ «Окрестные повѣнецкіе корелы во множествѣ работали на этотъ монастырь и кормились отъ него. Для жителей бѣднаго края, житницы выговскихъ пустынниковъ были благодѣятельны во время голода».

И вотъ разорили такой разсадникъ грамотности въ такомъ дикомъ глухомъ краѣ, громадную школу ремеслъ и рукодѣлій тамъ, гдѣ только и могли, что ковырять землю допотопной сохой, да боронить суковаткой; разорили огромное и сложное, прекрасно поставленное хозяйство, которое кормило не только лицъ этимъ хозяйствомъ управлявшихъ и въ немъ работавшихъ, но всегда поддерживало и бѣдное полуголодное окрестное населеніе. Разорили только

---

[1]) В. Н. Майновъ. „Поѣздка въ Обонежье и Корелу" стр. 118—120.

потому, что эту громадную хозяйственно-духовную общину завелъ и возвелъ до совершенства самъ народъ, въ лицѣ своихъ грамотнѣйшихъ представителей-старообрядцевъ, а не насаждалъ ихъ сотнями и тысячами приказовъ и предписаній какой-нибудь Аракчеевъ въ гражданскомъ мундирѣ или духовной рясѣ.

Разорили 150 лѣтъ существовавшую обитель, разогнали жителей, всласть наиздѣваясь надъ тѣмъ, что было всѣмъ мило, свято, дорого, нѣкоторымъ дороже жизни. 7 мая 1857 года, разсказываетъ г. Е. Барсовъ [1]) «выговцы собрались вечеромъ въ часовню на всенощную ко дню Іоанна Богослова. Большакъ вынесъ изъ кельи свою икону, чтобы пѣть передъ ней величаніе: въ это время чиновникъ Смирновъ, со становымъ приставомъ, волостнымъ головой и понятыми, явился въ часовню, объявилъ собравшимся, чтобы прекратили служеніе и вышли вонъ; потомъ запечаталъ часовню и приставилъ къ ней караулъ». Такъ варварски грубо было это сдѣлано. На утро «цѣлыя горы иконъ, крестовъ, книгъ и складней были навалены и увезены неизвѣстно куда». Чиновники нарочно садились на воза, чтобы показать свое презрѣніе къ тому, на чемъ они сидѣли [2]). Сокровища русской старины, отобранныя отъ тѣхъ, кто такъ-же легко разбирался въ нихъ, какъ рыба легко плаваетъ въ водѣ, были доставлены въ Петрозаводскъ, гдѣ встрѣтили полное равнодушіе, если только не сказать презрѣніе глубокихъ невѣждъ. Такъ, напр. принять и обстоятельно описать рукописи и утварь изъ моленной поручено было членамъ мѣстной духовной консисторіи протоіерею магистру Ѳедору Рождественскому, ключарю собора кандидату Іоанну Другову и эконому архіерейскаго дома игумену Наѳанаилу. Лица эти при желаніи все-же могли-бы «обстоятельно», какъ это требовалось на бумагѣ, описать рукописи и утварь, но такъ какъ ни то, ни другое ихъ совершенно неинтересовало, то они и поручили заняться описаніемъ рукописей неокончившему курса семинаріи діакону Ильинскому и пономарю Ухотскому [3]). А затѣмъ В. Н. Майновъ видѣлъ эти жалкіе остатки драгоцѣнной когда-то Выголексинской библіотеки и поразился «печальнымъ зрѣлищемъ» видѣннаго: «книги лежатъ въ сырой комнатѣ и гніютъ отъ сырости; тамъ-же въ углу валяется и нѣсколько иконъ святыхъ, признаваемыхъ православной церковью» [4]). Въ Лексѣ Майновъ побывалъ подъ колокольней и то, что онъ увидалъ тамъ, но его словамъ «могло-бы убить на мѣстѣ библіфила [5]): книги, рукописи, утварь все свалено въ кучу и гніетъ»... Я нынче въ Даниловѣ былъ на коло-

---

[1]) Е. Барсовъ. „Описаніе рукописей въ Выголексинской библіотекѣ“, стр. 13.

[2]) В. Н. Майновъ. „Поѣздка въ Обонежье и Корелу“, стр. 145.

[3]) Е. Барсовъ, стр. 12.

[4]) В. Н. Майновъ, стр. 43.

[5]) Тамъ-же, стр. 155.

кольнѣ и также своими глазами видѣлъ приблизительно воза 2—3 иконъ, когда-то вѣроятно цѣнныхъ, теперь-же уже совершенно испортившихся отъ температурныхъ вліяній.

III.

Здѣсь мнѣ будетъ кстати сказать о гибели нашей русской старины вообще на нашемъ Сѣверѣ, насколько я его знаю, и о томъ, какъ относится къ этой старинѣ и ея гибели съ одной стороны духовенство, съ другой старообрядцы и къ чему это различное отношеніе къ старинѣ ведетъ.

Сѣверъ нашъ богатъ памятниками старины, но особенно богаты ими изъ видѣнныхъ мною мѣстностей, Заонежье и Поморье. Здѣсь много старинныхъ деревянныхъ церквей интереснѣйшей архитектуры, а въ нихъ не мало старыхъ предметовъ церковнаго прихода; въ нѣкоторыхъ церквахъ встрѣчаются и рукописи. Рукописи видалъ я въ церквахъ низовой Печоры, на Мезени, въ Поморьѣ, въ Заонежьѣ, въ Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ. Подробно о рукописяхъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ, здѣсь-же скажу только, что вездѣ почти я видѣлъ къ старымъ русскимъ рукописямъ отъ православныхъ батюшекъ такое отношеніе. Въ рукописяхъ батюшки въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно непонимаютъ, потому рукописей не цѣнятъ, а вслѣдствіи этого легко съ ними и разстаются, если являются желающіе пріобрѣсти ихъ; а если таковыхъ не является, «негодныя» рукописи сваливаются въ такія мѣста, откуда онѣ легко расхищаются или гибнутъ отъ сырости. Въ Оксинѣ на Печорѣ, въ Сумѣ и въ Кандалакшѣ видѣлъ я, какъ рукописи и старопечатныя книги валяются безъ всякаго вниманія среди старыхъ облупившихся иконъ и ломаной утвари и мебели. Знаю я и такой примѣръ: только что кончившій семинарію батюшка пріѣхалъ на мѣсто службы въ одно изъ селеній Поморья. Принимая церковь, въ библіотечномъ шкафу въ алтарѣ онъ увидѣлъ нѣсколько рукописей и старопечатныхъ книгъ: «уберите куда-нибудь эту старовѣрскую дрянь»! сказалъ батюшка. Старовѣрскую «дрянь» убрали и довольно цѣнныя, даже просто въ денежномъ смыслѣ, старопечатныя книги хранятся теперь у одного изъ мѣстныхъ книголюбовъ.

Сказанное въ отношеніи храненія по церквамъ рукописей, цѣликомъ приложимо и по отношенію всей остальной старины, на всемъ нашемъ сѣверѣ. На страницахъ «Живой Старины» (статья «По Чердынскому уѣзду») мнѣ уже приходилось говорить относительно гибели старины въ Чердынскомъ уѣздѣ; тоже самое въ полной мѣрѣ наблюдается и въ Поморьѣ, и на Мезени, и на Печорѣ и въ Заонежьѣ: варварски «реставрируются» старинныя иконы, а реставрація эта состоитъ въ томъ, что не только чистятъ иконы и задѣлываютъ облупившіеся мѣста, но совсѣмъ измѣняютъ цвѣта красокъ, напр., строгій темный тонъ замѣняютъ «веселымъ», обыкно-

венно голубымъ, вмѣсто золота на нимбахъ кладутъ охру, и пр. и пр., а то и совсѣмъ перемазываютъ, какъ это я наблюдалъ на Мезени, во многихъ селахъ Каргопольскаго и Пудожскаго уѣздовъ. Особенно поразилъ меня полный разгромъ всей старины въ церкви Рождества Богородицы въ городѣ Мезени. Удивительно оригинальной внѣшности этой церкви (см. рисунокъ при статьѣ моей въ 3—4 вып. «Живой Старины» за 1902 г.) соотвѣтствовала такая-же и внутренность ея. Но когда я былъ въ Мезени, внутри церкви Рождества Богородицы царилъ хаосъ. Старая обстановка церкви, старыя иконы, иконостасъ съ лѣтописью надъ однимъ изъ ярусовъ иконъ, все это показалось «неприличнымъ нынѣшнему церковному старостѣ мезенскихъ церквей, купцу Ружникову, и вотъ онъ задумалъ перемѣнить всѣ иконы и вообще всю обстановку. Старыя иконы, правда слегка оперхавшія, были вынуты изъ своихъ мѣстъ и замѣнены новыми, но гораздо худшаго качества. Къ полному небреженію, иногда совсѣмъ къ забросу предназначались такія иконы, напр., какъ удивительный рѣзной Георгій, снимокъ съ котораго приводилъ въ восхищеніе знатоковъ старины здѣсь, въ Петербургѣ [1]). То, что я видѣлъ въ обширномъ видѣ въ Мезени, по мелочамъ продѣлывается вездѣ, на всемъ сѣверѣ. Вездѣ есть стремленіе старыя иконы замѣнять новыми, почти всегда худшаго качества, но блистающими свѣжестью и яркостью красокъ; вездѣ стараются сорвать съ кровли церквей оригинальное чешуйчатое покрытіе и замѣнить его простымъ тесомъ или желѣзомъ; башню, когда-то входившую въ «стѣну городовую», сейчасъ-же утилизируютъ и обращаютъ въ хлѣвъ для скота (въ Сумѣ), а если башня совсѣмъ уже разваливается, вмѣсто того чтобы ее поддержать, стараются поскорѣй распилить ее на дрова; старинныя церкви, связанныя даже съ именемъ опредѣленнаго историческаго дѣятеля и даже святаго, если онѣ немного тѣсны, безжалостно разрушаются и на ихъ мѣстѣ строятся новыя, болѣе обширныя (напр. въ Печенгскомъ монастырѣ). Почти всѣ наши священники имѣютъ очень большую склонность къ просторнымъ свѣтлымъ «веселымъ» церквамъ, къ легкимъ, яркимъ, «веселенькимъ» краскамъ, сіяющимъ лакомъ иконамъ, блистающимъ паникадиламъ и пр. и пр. Вкусы вполнѣ естественные и ничего нѣтъ худого, если вкусы эти примѣняются къ вновь строющимся церквамъ. Но когда священникъ съ такими вкусами ко всему свѣтлому, яркому, блестящему попадаетъ на службу въ старую, полутемную древнюю церковь, вся красота которой именно и заключается въ полномъ соотвѣтствіи всей ея внутренней обстановки съ ея величиной и даже темнотой,— старина тогда часто безжалостно изгоняется, въ лучшемъ случаѣ

---

[1]) По моему указанію завѣдующему Епархіальнымъ древне - хранилищемъ въ г. Архангельскѣ, І. М. Сибирцеву, рѣзная икона св. Георгія вытребована изъ Мезенской церкви Рождества Богородицы и находится теперь въ вышеуказанномъ древнехранилищѣ, составляя одинъ изъ лучшихъ №№ его.

обидно игнорируется, и ей предоставляется полный просторъ гибнуть отъ недосмотра и ухода за нею.

Гибель старины, кромѣ своего прямого значенія, на сѣверѣ Россіи имѣетъ еще одну сторону. Старина на сѣверѣ заключается обыкновенно въ церквахъ, и во всемъ къ церквамъ болѣе или менѣе относящемся: въ иконахъ, въ предметахъ церковнаго обихода, въ старопечатныхъ книгахъ, въ рукописяхъ. Крестьяне Архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ прибрежной ея полосы, цѣликомъ почти всѣ старообрядцы; если-же они не старообрядцы, то уже непремѣнно съ сильной приверженностью къ старообрядчеству. Напр., всѣ жители Пустозерской волости на Низовой Печорѣ не только офиціально православные, но и всѣ, за рѣдкими исключеніями, ходятъ въ православную церковь, обращаются за требами къ православному священнику и пр. Но въ то же время они молятся непремѣнно «старымъ» крестомъ, имѣютъ въ домахъ лѣстовки, кадильницы, мѣдныя иконы, исполняютъ нѣкоторые старые обряды, не особенно расположены къ священникамъ и слишкомъ ужъ критически къ нимъ относятся. Такъ и вездѣ: или старообрядцы, или съ сильной приверженностью къ старообрядчеству. Любовь же нашихъ старообрядцевъ къ старинѣ во всѣхъ ея видахъ общеизвѣстна. За старый крестъ, старыя книги, старые обряды въ концѣ XVII-го вѣка люди эти безтрепетно шли на костры, а въ XVIII сами сжигались тысячами, не желая ни іоты уступить изъ того, что́, по ихъ мнѣнію, было освящено тѣмъ только, что́ было старо, было свято древностью. Изъ области вѣры любовь къ старинѣ наши старообрядцы перенесли и во весь укладъ жизни, съ его старыми свычаями и обычаями, со старой обстановкой, старымъ искусствомъ, выражающимся въ иконахъ-ли—предметахъ поклоненія, въ книгахъ-ли—предметахъ воспаренія отъ суеты мірской въ область горнюю; въ предметахъ-ли обихода, простой житейской обстановки. Любовь нашихъ старообрядцевъ къ старинѣ воистину удивительна.

Могу засвидѣтельствовать положительно благоговѣйное отношеніе нашихъ старообрядцевъ къ старымъ иконамъ, книгамъ, рукописямъ. Тщательно хранятся не только цѣлыя книги, рукописи или разбитые экземпляры ихъ, внимательно подбираются обрывки таковыхъ, отдѣльные листы, не имѣющіе значенія части листовъ, и все это обыкновенно собирается вмѣстѣ, сшивается и, заключается въ корки, чтобы лучше хранилось. И такое благоговѣйное отношеніе старообрядца къ старинѣ, какого-бы онъ толка ни былъ безразлично, проглядываетъ и въ отношеніи иконы, и въ отношеніи древней вещи церковнаго обихода, и въ отношеніи стиля церкви, внутренняго ея убранства, покрытія главъ и крыши, самыхъ стѣнъ даже, потому что «святая древность» кладетъ свою неизгладимую печать прелести и на простыя бревна, изъ которыхъ построена церковь.

И вотъ при таковомъ-то любованіи стариной, при такомъ поло-

жительно умиленіи къ ней, старообрядцы, какъ нарочно въ громадномъ большинствѣ священниковъ православныхъ церквей видятъ чуть-ли не враговъ ей, этой старинѣ. Нужно знать, что даже очень упорные старообрядцы, не имѣя никакого общенія съ православной церковью и священниками, все-же не перестаютъ интересоваться сю, даже наоборотъ: еще тщательнѣе, чѣмъ православные прихожане, слѣдятъ старообрядцы за тѣмъ, что́ и какъ происходитъ въ церкви. Поэтому ни одинъ фактъ небрежнаго отношенія къ какой нибудь древней церковной вещи, иконѣ, книгѣ не ускользаетъ отъ вниманія старообрядцевъ. А часто происходятъ случаи не только небрежнаго отношенія, но прямо, иногда ничѣмъ необъяснимой злобы [1]) противъ старины, или по крайней мѣрѣ случаи обиднаго ея игнорированія. Всѣ подобные случаи тотчасъ-же становятся извѣстны среди мѣстныхъ старовѣровъ, горячо обсуждаются, причемъ часто случай простого небрежнаго отношенія, принимаетъ въ глазахъ старообрядцевъ форму намѣреннаго «гоненія старины». Всѣ эти случаи ведутъ къ большему разъединенію двухъ враждующихъ становъ, соединиться которымъ была бы обоюдная польза: священники, особенно молодые, часто просто по неопытности и излишней педантичности и суровости, остаются въ старообрядческихъ приходахъ безъ прихожанъ; а прихожане, т. е. жители глухихъ мѣстъ, каковыми является цѣликомъ вся Архангельская губернія, много теряютъ отъ того, если хоть одинъ культурный человѣкъ, живущій среди нихъ, долженъ почему нибудь отъ нихъ отдаляться.

Кончая свои замѣтки не могу не отозваться на послѣднія вѣсти изъ законодательныхъ сферъ, касающіяся предмета о которомъ я говорилъ здѣсь. Газеты сообщаютъ, что Комитетъ Министровъ въ засѣданіи 25 января «категорически высказался за отмѣну всѣхъ стѣсненій и правовыхъ ограниченій старообрядцевъ, за отмѣну самого закона о преслѣдованіи старообрядцевъ». Наконецъ-то, можно теперь надѣяться, старообрядцы послѣ двухъ съ половиною вѣковъ сначала гоненій, затѣмъ стѣсненій болѣе или менѣе упорныхъ, вздохнутъ свободнѣе, будутъ обладать хоть тѣмъ немногимъ, что́ есть у всѣхъ остальныхъ русскихъ, православныхъ. Радость правда небольшая, но если вспомнить, что́ еще можно сказать вчера старообрядцы не смѣли мечтать и объ этомъ немногомъ, то и это уже шагъ впередъ, ставящій старообрядцевъ въ ряды всѣхъ русскихъ гражданъ, такъ горячо желающихъ полнаго обновленія нашей родины.

25 января 1905 г. *Н. Ончуковъ.*

---

[1]) Въ г. Перми, повидимому священникъ П. В. Кондаковъ напечаталъ «Цѣлебникъ души христіанской» (76 стр.) Возмущаясь тѣмъ, что до сихъ поръ въ народѣ ходятъ списки: Іерусалимскій, о 12 пятницахъ, мученія Кирика и Улиты», авторъ говоритъ: «Самое вѣрное средство избавится отъ нихъ, сжигать ихъ, и прочимъ тоже совѣтывать. Слава Богу нынѣ издано напечатано многое множество книгъ законныхъ, только не лѣнись, читай и твори добрыя дѣла». (стр. 63).

Пѣсни Дмитровскаго уѣзда Орловской губерніи, записанныя В. Н. Добровольскимъ.

При записываніи пѣсенъ часто приходится затрудняться вопросомъ, къ какому отдѣлу отнести тѣ или другія пѣсни.

Въ старину у народа существовало строгое дѣленіе пѣсенъ,—и теперь, гдѣ лучше сохранились древніе обычаи, пѣсни довольно отчетливо пріурочиваются къ праздникамъ или ко времени года, мало того, въ иныхъ мѣстностяхъ, гдѣ уцѣлѣли религіозные обычаи, установленные миѳической стариной, считается грѣхомъ пѣть не во время пѣсню извѣстнаго содержанія.

Разумѣется, подраздѣленіе пѣсни, основывающееся на народномъ обычаѣ, болѣе всего привлекаетъ вниманіе собирателя пѣсенъ: оно вытекаетъ, такъ сказать, изъ самой природы пѣсни, изъ ея внутренняго смысла, строенія, изъ связи ея съ миѳическимъ обрядомъ.

Но собиратель пѣсенъ бываетъ часто недоволенъ собранными у народа свѣдѣніями относительно дѣленія пѣсни: связь между самыми разнообразными пѣснями оказывается совершенно случайною; это бываетъ тогда, когда пѣсня уже потеряла самое существенное, цѣнное, что̀ въ ней есть: свой прежній музыкальный мотивъ, свои миѳическіе и поэтическіе образы. Иногда впрочемъ музыка еще ласкаетъ нашъ слухъ древностію поемаго мотива, а древность содержанія уже умерла бываетъ и наоборотъ.

Стало быть, свѣдѣнія о подраздѣленіи пѣсенъ, добытыя у народа, должны приниматься съ осторожностью и провѣряться содержаніемъ пѣсенъ. Когда я записывалъ пѣсни Дмитровскаго уѣзда, то мнѣ назвали слѣдующіе отдѣлы: 1) святочныя, 2) масляничныя, 3) на «стрѣчныя», 4) гавелишныя, 5) дѣтская игра на Благовѣщенье, 6) величальныя, весеннія, танковыя и скакальныя пѣсни, 7) на Вознесенье, 8) на Духовъ и Троицынъ день, 9) Петровскимъ постомъ, 10) на Ивана Купала, 11) жнивныя, 12) разныя лѣтнія пѣсни.

Лѣтнія пѣсни народъ называетъ то истяжными или стяжными то поддережными.

Истяжныя, не заключая въ себѣ опредѣленнаго содержанія, соотвѣтствуютъ Голоснымъ Смоленской губерніи. Поддережныя, по народному объясненію, такія, подъ музыку которыхъ скакать можно; вѣроятно, названіе «поддережныя» происходитъ отъ слова «поддергивать».

Музыка пѣсенъ, пробуждая игривое расположеніе духа, располагаетъ къ пляскѣ; такъ, когда народъ слышитъ веселую пѣсню, говоритъ: «сами ноги ходятъ».

Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній видно, что раздѣленіе пѣсенъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ цикловое, какъ и въ Смоленской губерніи.

Сравненіемъ выясню нѣкоторыя особенности при этомъ раздѣленіи.

Изъ обрядовыхъ пѣсенъ Смоленской губерніи лучше всего сохранились весеннія и духовскія пѣсни.

У нихъ опредѣленный размѣръ, содержаніе, и поются онѣ въ извѣстное время года.

Припѣвокъ первыхъ ой лалё, лалё послѣ каждой строчки стиха, сопровождаемый второю частью предыдущей строчки послѣ цезуры.

Припѣвокъ духовскихъ пѣсенъ ой лели, лели.

Но только первый припѣвокъ почти исключительно принадлежитъ весеннимъ пѣснямъ; другіе припѣвки перемѣшиваются безразлично въ пѣсняхъ разнообразнаго содержанія; одна и та же пѣсня поется съ различными припѣвками, которые большею частію основаны на игрѣ звуковъ, хотя и бываютъ замысловаты.

Въ юго-восточной части Рославльскаго уѣзда уже встрѣчаются миѳическіе припѣвки, а въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губерніи верстъ на двѣсти южнѣе, мы услышали слѣдующее:

1) что нѣкоторые изъ припѣвковъ народъ называетъ божками, 2) что время употребленія ихъ при извѣстныхъ пѣсняхъ строго и ненарушимо освящалось преданіемъ, 3) что зависѣло отъ обработки полей.

Во многихъ мѣстностяхъ до запашки полей считается грѣхомъ пѣть припѣвокъ «лелимъ»; на Миколу разрѣшается уже припѣвокъ «лелимъ ё» и протяжныя пѣсни.

Жнивныя пѣсни въ Дмитровскомъ уѣздѣ далеко не такъ типичны, какъ спорышневыя и раечныя пѣсни бѣлоруссовъ, однако сохранился слѣдующій обрядъ съ миѳическимъ оттѣнкомъ.

Когда бабы окончательно справятся со жнивомъ, срѣзаютъ оставшіеся колосья, изображающіе изъ себя будто бы бороду Ильи пророка и приговариваютъ при этомъ, чтобы нивка отдала назадъ силу, затраченную на нее: сила еще впередъ работницамъ нужна будетъ «на яровинку и на конапельки».

Въ Смоленской губерніи произносятся только слова, слѣдовательно, существуетъ только поэтическая сторона древняго обычая.

Весеннія пѣсни поются въ Дмитровскомъ уѣздѣ, но типичностью не отличаются: содержаніе ихъ не имѣетъ опредѣленнаго характера.

Одна пѣсня, поемая въ Смоленской губерніи постомъ, пріурочивается въ Дмитровскомъ уѣздѣ къ масляницѣ. Это настоящая весенняя пѣсня:

Галушка ключница,
Атамкни лѣтичка,
Замкни зимушку!..

Что приведенная веснянка въ Орловской губерніи поется ранѣе, очень естественно: тамъ скорѣе наступаетъ весна—въ апрѣлѣ мѣсяцѣ уже овесъ сѣютъ, а въ Смоленской губерніи въ половинѣ мая—посѣвъ запаздываетъ безъ малаго на мѣсяцъ.

На Благовѣщенье у дѣтей опредѣленная игра; она походитъ на танковыя пляски въ южной части Рославльскаго уѣзда.

Какъ уже извѣстно, кривые танки и хороводныя пѣсни, ихъ сопровождающія, имѣютъ миѳическій характеръ; такой же характеръ имѣетъ и дѣтская игра «перцы варотцы».

Въ кружкѣ помѣщается дѣвочка, къ ней подходитъ другая; онѣ объ чомъ то спорятъ, и одна изъ нихъ изгоняетъ изъ кружка хворостиной свою соперницу.

Прикрѣпленіе этой игры къ большому весеннему празднику, сходство съ «уточкою» и другими миѳическими хороводными плясками, наводитъ на мысль о символическомъ значеніи игры—спора весны съ зимой; одна дѣвочка зима, другая весна; весна выигрываетъ споръ и прогоняетъ зиму.

Петровъ день во многихъ мѣстахъ сопровождается интереснымъ обрядомъ, выполняемымъ народомъ сознательно—проводомъ солнца.

На Петровъ день солнце, по Дмитровскому выраженію, «играетъ».

Около этого времени лѣтніе дни отличаются полною прелестью; нѣсколько недѣль спустя они уже начинаютъ уменьшаться понемногу—и вотъ народъ чествуетъ полное развитіе лѣтней природы, красивую игру солнечныхъ лучей, веселыми хороводами.

Хороводы устраиваются вокругъ коня, который образуютъ нѣсколько человѣкъ: четверо несутъ одного, они окутаны соломой и стоятъ такъ, что всѣ вмѣстѣ фигурами изображаютъ коня.

Хороводы Дмитровскаго уѣзда не отличаются большимъ разнообразіемъ въ построеніи, а въ южной части Брянскаго уѣзда они принимаютъ различныя формы: то круга, то расходящихся въ противоположныя стороны полукружій, то кривой линіи (кочерьги).

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ большею частію танки образуютъ кругъ, посреди круга помѣщается одна изъ молодаикъ (по Смоленски—молодухъ, замужнихъ женщинъ); она своими дѣйствіями что нибудь изображаетъ, напримѣръ, какъ ленъ сѣютъ, убираютъ.

Но какія очаровательныя по ловкости и быстротѣ бываютъ движенія хороводницъ!

Въ Лужкахъ я видѣлъ, какъ карагодъ, образуя кругъ, расширялся и съуживался съ необыкновенною быстротой.

Словно сговорившись по командѣ, танцовщицы сбѣгались и разбѣгались, отклонившись назадъ и запрокинувъ свои головы—такъ ласточки быстро несутся около земли, черкая своими крыльями.

Масляница въ тѣхъ мѣстностяхъ Дмитровскаго уѣзда, гдѣ мнѣ приходилось записывать пѣсни не сопровождается обрядами; на югѣ Смоленской губерніи и въ Орловской много пѣсенъ, которыя пріурочиваются къ масляницѣ, есть и приговоры:

—«Масляница курнасейка,
Пратянись харашенька!» —
—«Масляница кургузка,
Бизъ тябе груска!»—

Объясненіе этихъ эпитетовъ мы находимъ въ книгѣ Г. Безсонова «Бѣлорусскія пѣсни„:

— «1 февраля является Трифонъ или Трифунъ, для народа первый изъ тѣхъ типовъ молодаго спутника дѣвушки и весны, которые послѣ воплощаются въ Ѳедорѣ, Тиронѣ и Стратилатѣ, въ Лазарѣ и особенно въ Егорьѣ: вотъ почему ему издревле молятся дѣвушки о женихахъ. Самъ онъ у болгаръ именуется Зарѣзáнъ, съ подрѣзаннымъ носомъ; на югѣ начинаютъ подрѣзывать и готовить вновь «лозы»; на Украинѣ дѣвушки закликаютъ весну: самое Срѣтенье у насъ и у всѣхъ южныхъ славянъ означаетъ срокъ, когда срѣтается зима и лѣто.

У болгаръ встрѣча эта наглядно выражается легендой о встрѣчѣ спутника дѣвушки съ отпразднованной матерью, идущей уже къ очищенію. По сорока дняхъ отъ коляды, очищеніе (februa) должно бы приходиться 1-го февраля; но, не обративъ вниманія на этотъ «старый» праздникъ, Трифонъ пошелъ въ виноградникъ подрѣзывать старыя и готовить новыя лозы (чтó олицетворяется и на роли невѣстъ, зачинающихъ свадьбы); естественно, этотъ первый опытъ вышелъ неудачнымъ: покушавшійся самъ себѣ порѣзалъ носъ».

Такъ какъ миѳическое значеніе масляницы, какъ весенняго праздника, примыкаетъ къ 1-му и 2 февраля, мы объясняемъ себѣ, почему она называется то кургузою, то курнасейкою: на нее перенесены черты Трифона или Трифуна.

Величальныя пѣсни въ Смоленской губерніи почти не встрѣчаются, за исключеніемъ сѣверныхъ и восточныхъ уѣздовъ, гдѣ пѣсни, въ общихъ чертахъ сходныя съ Дмитровскими величальными, причисляются къ зимнимъ или никольскимъ.

А въ Дмитровскомъ уѣздѣ величальныхъ пѣсенъ большое множество; безъ нихъ никогда не обходятся храмовые праздники, которые справляются особенно шумно и торжественно даже въ ущербъ годовымъ.

Между величальными пѣснями попадаются и историческія—эпическій элементъ не разъ встрѣчается въ обрядовыхъ пѣсняхъ.

Въ одной величальной пѣснѣ описывается нашествіе Крымскаго хана.

Сестра Аннушка проситъ своего брата Юрьючку укрыть ее отъ татаръ, а татары уже близко:

«Бѣлыи шатры стыять,
Жаркыи агни гарять,
Сивыи кони ходють».

Запираетъ Аннушку Юрьичка въ каменныхъ палатахъ крѣпко, на-крѣпко:

Дмитровской крестьянской бабѣ сравнительно дается большая воля, а дѣвушекъ въ строгости держатъ.

Замѣчательнѣйшіе изъ Дмитровскихъ свадебныхъ обрядовъ: осмотръ печей, узнаніе невѣсты, повиваніе невѣстиной косы, продолжительные сборы къ отъѣзду подъ вѣнецъ.

За исключеніемъ повиванія, всѣ эти обряды, выражаясь нѣсколько въ другихъ формахъ, существуютъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи. Какое удивительное, напримѣръ, сходство Дмитровскихъ свадебныхъ обрядовъ съ Бѣльскими—подумаешь, что это смежные уѣзды, между тѣмъ какое между ними громадное разстояніе.

Почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ дружко приглашаетъ пѣть грицъ-пѣвицъ; одинаковый ему отвѣтъ:

Богъ благословитъ
Волю творить!

Та же длинная и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно чинная процедура, покамѣстъ всѣмъ участвующимъ въ бесѣдѣ пѣсни пропоютъ, выражаясь народнымъ языкомъ, провеличаютъ ихъ.

Такое же точно впечатлѣніе сходства выносишь, сравнивая лексическія данныя Дмитровскаго уѣзда и сѣверныхъ уѣздовъ Смоленской губерніи.

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ замѣчается умягченное произношеніе звука *к* передъ гласными *а*, *у*, *о*.

Дмитровскій уѣздъ.

Миленьк*е*—(а), маладюшеньк*я* (а), маладешуньк*ю* (у), сватуньк*я* (а), билешаньк*и* (*а*, *о*), сизокрыленьк*е*ва (кава).

Подвинувшись отъ Дмитровска на нѣсколько сотъ верстъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же фонетическимъ закономъ.

Село Дудкино Бѣльскаго уѣзда: уюшичке, кружичке; село Хотьково Сычевскаго уѣзда: маминьке (nominat), баранички (accusat), свашиньки (nominat); Шоптово Б. уѣзда: грѣшнике (accusat).

2, Замѣна е, я—и.

Дмитровскій уѣздъ: либедка, усплакалаcи, сиребриная.

Бѣльскій уѣздъ: сирдишныва, сирдечка, бисѣдушка, либидень бирезa, зимелька, исьменъ (при ясьмёнъ)

Сычевскій уѣздъ: сидѣльца, ихимъ.

Но *я* замѣняется въ сычевскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ твердымъ *е*. Спа́емъ (с. Баскаково Сычевскаго уѣзда).

3) Формы мѣстоименій:

Бѣльскій уѣздъ—іе (ее), всіё.

Дмитровскій уѣздъ—яе, всіё.

4) Суффиксы существительнаго:

Дмитровскій уѣздъ. Митирь.

Дунаево, Бѣльскаго уѣзда. «Я къ дочирь заѣду».

5) Сычевскій и Бѣльскій уѣзды. Частицы та, дю, чу.

Первая частица употребляется часто и въ Дмитровскомъ уѣздѣ, двѣ послѣднія мнѣ рѣдко приходилось слышать.

6) Предлогъ з л я, з л и вмѣсто д л я употребляется въ Дмитровскомъ, Бѣльскомъ и Сычевскомъ уѣздахъ.

Наблюденія надъ народными обычаями и народною пѣснію въ Смоленской губерніи и въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, также наблюденія, сдѣланныя мною въ тѣхъ же мѣстностяхъ надъ народнымъ говоромъ, приводятъ меня къ одному и тому же заключенію, что смежность мѣстностей далеко не всегда служитъ ручательствомъ за сходство поемыхъ пѣсенъ и другихъ этнографическихъ данныхъ.

Такъ, въ наблюдаемыхъ мною мѣстностяхъ сходство лексическихъ данныхъ рука объ руку шло со сходствоъ этнографическихъ фактовъ: нѣкоторые обычаи, замѣченные мною въ Дмитровскомъ уѣздѣ, я могъ наблюдать не въ близкихъ мѣстностяхъ, сохранившихъ оттѣнки бѣлорусскаго нарѣчья, а на сѣверѣ, въ мѣстностяхъ, отличающихся большею правильностью русскаго говора.

Примѣчанія.

Существуетъ ли въ другихъ мѣстностяхъ зооморфическое представленіе солнца?

Не касаясь народныхъ сказокъ, я укажу на слѣдующій обычай, издревле существовавшій въ Порѣчскомъ уѣздѣ: если кто клялся, то иногда, для подтвержденія своихъ словъ, протягивалъ руку чрезъ коня.

Въ тѣхъ же мѣстностяхъ клянутся такъ: клянусь солнцемъ праведнымъ! или «убей мяне соунца провидныя»!

Въ томъ же уѣздѣ, когда солнце свѣтитъ и падаетъ въ то же время дождь, говорятъ:

— «Соунца з у б ы с к а л и т ъ» — (галлицизмъ — le diable bat sa femme).

Въ Смоленской губерніи существуетъ заклятіе: «Парунъ на ускидки тябе надмахни»!

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ — тамъ опасныя мятели — заклинаютъ «зимовою» — убей тибе з и м о в а я!

Невѣста называется «семейкой» (см. Дмитровскія свадебныя пѣсни).

— «Семья въ смыслѣ жены прямо указываетъ на тотъ жизненный народный элементъ, котораго напрасно будутъ искать въ теоріи родоваго быта. Р о д о в о й бытъ коренится родоначальникомъ и ведется по мужской линіи. Равноправность п л е м е н н а г о быта нашла

себѣ соотвѣтствіе въ самой семьѣ, которая придаетъ особенное значеніе вліянію женщины».—Очерки Буслаева. Томъ I. стр. 105.

Въ Смоленской пѣснѣ, проводимой для сравненія съ Дмитровской подъ № 185, припѣвъ «елимъ я».

Припѣвокъ пѣсни очень древній, елимъ я, обратившись въ междометіе или восклицаніе, значитъ то же, что наше ай люли (древне восточное алелуйя или ай лелуя, крикъ торжества и радости, во славу божествъ). Бѣлорусская пѣсня Безсонова. 154 стр.

Пѣсня о 12 братьяхъ Василечкахъ встрѣчается, какъ въ Орловской, такъ и Смоленской губерніи. Вообще распространеніе этой пѣсни самое широкое.

Въ Смоленскихъ пѣсняхъ 4-ро братьевъ изъ Василечковъ царю служатъ, 4 за охотою ходятъ, 4 пашеничку пашутъ. У Василечковъ 4 сестры—все Катерушки.

Повстрѣчались Василечки съ дѣвушкой, не зная, кто она, и уже заспорили за обладаніе плѣнницею—стали на бирочку браться, оказывается вдругъ изъ распросовъ, что это ихъ сестра; выражаясь языкомъ древней былины, Василечки «преужаснулись»:

«А ты жъ наша сястрица,
А ты жъ наша родная!..»

Въ нѣкоторыхъ изводахъ пѣсни, болѣе жестокихъ, изъ 9 братьевъ—три разбойника, сами не зная того, они загубили своего шурина; за смерть мужа ихъ сильно упрекаетъ сестра.

Встрѣча 12 братьевъ съ дѣвушкою распространенный мотивъ славянскихъ сказокъ. Въ одной изъ нихъ словацкой, отличающейся высокою поэзіей, 12 братьевъ встрѣтились съ несчастной дѣвушкой, преслѣдуемой мачехой. Братья поочередно надѣляютъ сироту, а они мѣсяцы—стóитъ имъ махнуть жезломъ—и посыплются цвѣты и плоды, повѣетъ отраднымъ весеннимъ воздухомъ.

Въ пѣснѣ, записанной П. В. Шейномъ, 3. Василли:

Были у бацьки три сына,
А усѣ жъ яны Василли:
Одзинъ кони пасець,
Други лапци пляцець,
Трецп сядиць на камушки,
Дэяржиць козу на рамушки,
Суды махъ и туды махъ,
Ударіў козу по зубахъ.
Пашла коза рыкаючи,
На семь саженъ тягаючи,
И на рынку была,
И гарэлку пила,
И разсадку купила,
Семъ грядъ насадзила,
Якъ удауся качанъ
Выше плоту тарчаў,
Круты боты на нагахъ,
Пистолеты на рукахъ.

Быть можетъ, братья Василечки соотвѣтствуютъ мѣсяцамъ Словацкой сказки.

Число мѣсяцевъ сначала было менѣе 12—времена года служили мѣсяцами.

Каждое время года, каждый мѣсяцъ мѣнялись занятія и про-

мыслы; поэтому, вѣроятно, пѣсня указываетъ на занятія каждаго Василечка.

«Коза въ обрядахъ имѣетъ символическое значеніе». Коза составляетъ непремѣнную принадлежность въ Бѣлоруссіи коляды— коза является со вступленіемъ въ область козла, козьяго рода или такъ называемаго козерога (переходъ отъ декабря въ январь).

Коза, по народнымъ представленіямъ, родитъ все благо, все обиліе плодовъ, и рогъ ея есть рогъ изобилія, какъ у древней Амалфеи».

(Бѣлорусскія пѣсни Безоновъ стр. 48).

Одна, сказочка, записанная мною, имѣетъ, кажется, символическое значеніе, касающееся года и 12 мѣсяцевъ.

Уходитъ юноша въ лѣсъ отъ сѣдого великана, а тотъ, шагомъ идя, кричитъ:

— «Стой, не уйдешь!» Великанъ очутился позади саней на полозьяхъ и сталъ править лошадьми, завозитъ юношу къ разбойникамъ; ихъ 12, всѣ, «какъ одинъ»— похожи совершенно другъ на друга. Поснялъ великанъ по очереди головы разбойникамъ, а все имущество ихъ отдалъ юношѣ. (Ельнинскій уѣздъ Сухой Починокъ).

Въ одной Дмитровской, нынѣ поемой во время большаго запоя (№ 113), женихъ привозитъ въ подарокъ дѣвушкѣ вѣковой вѣнокъ:

его «Буйны вѣтрушки
Ни сдують,
Дробныи дожжички
Ни смочуть,
Лихи людюшки
Ни сымуть».

Такіе же образы мы находимъ въ «Божи Божа», свадебной пѣснѣ Бѣльскаго уѣзда, въ которой воспѣвается прочность и незыбленность брачнаго союза:

— «Ты искуй намъ (Кузьма-Демьянъ)
Сва́дибку,
Што́ба крѣпка—
На́ крѣпка,
Што́ба вѣшна—
На́ вѣшна,
Штоба сонцымъ
Ни ра́зсушивала,
Штоба дождимъ
Ни размачивала,
Штоба вѣтрымъ
Ни ра́скивывала,
Штоба люди
Ни ра́зсказывали.

С. Дунаево.

Или:

Сонцымъ сушить, Божинька—
Ни разсушить, Божинька;
Дождимъ мочить, Божинька—
Ни размочить, Божинька;
Вѣтрымъ дуитъ, Божинька—
Ни раздуить, Божинька;
Люди хулють, Божинька—
Ни расхулють, Божинька.

Переходъ отъ Смоленскаго къ Орловскому нарѣчью. С. Лѣтошники въ юго-восточной части Рославльскаго уѣзда.

1) и вмѣсто е, я

бирезa,		береза, бяреза
пиретнечка		
гаривала		
твиты		
тимну тучу		
родъ - племи		
видеть		
девирилъ		
сибе		

2) и а

чиво	вмѣсто	чаго, чаво

3) Непосредственное смягченіе т

пусьтю	пущу

4) Удареніе.

свекóръ	вмѣсто	свéкыръ
каршýнъ		кóршунъ

Примѣчаніе:

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ ладó, чарý, дитé, пярвóя.

Итакъ, отличіе ударенія болѣе южной полосы состоитъ въ томъ, что оно стоитъ на гласной флексіи или образовательнаго суффикса. У бара сосна тонка висока (встрѣтилось разъ такія ударенія въ сѣвер. великорусскомъ. См. обзоръ звуковыхъ и форма ихъ особен. народ. рус. яз. Колосовъ.

5) Предлогъ зля, зли вмѣсто для

6) Частицы та, ни но (не то, нето), ся (то)

мая та матка	хто-ся са мно
нино тепло	у свахахъ паѣдить?
нино халадно	

Рославльскій уѣздъ.

Ти жаланна мае серца да тябе?

Тесово, Сычевскаго уѣзда.

Ти жаладна твае серца.

Серца да мине?

Дмитровскій уѣздъ.
Измѣненіе гласныхъ.

а	вмѣсто	і (с, ф)
праукрасный		пріукрасный
я		а
якошечка		акошичка
ладя		лада
ярѣшинья		арѣшинья
о (союзъ)		а
(о яе роза- изъ сказки о цвѣткѣ Иванъ да Марья.		а . . .
съ моки (съ муки)		съ муки
о		у
и		а
защибечить		защабечить (с, ф)
е		я
зарежалъ		заряжаў
и		е
чиризъ		черизъ теризъ
ю		е
маладюшенькя		маладешенькя
ё		я
грёкнула		грякнуля
дитё		
е: верибей вешиння ни давемши яравенушка		и: вирябей (б, ф) вишання ни давимши яравинушка
ы		и
трыканый		
и		ы
ярія, пиріярія. изъ нори		изъ норы
ю		и
берюжки		берижки
ю		у
пахачю		пахачу
и		я
либедка		лябёдка
усплакалаcи		усплакалася
накланюси		
сиребрину		
о		у
конушка (сходно съ б)		конушка, куница кунушка
у		о
кагуся		какося
бушуваными		бушоваными

ы	о, а. ы
госпыди	госпыди (б. ф)
у	ю
суда	сюда
э	е
цэркву	церькву
я и ѣ	я
цвяло и цвѣло	цвяло
іў	яў
діўчонку	дяўчонку

Стяженіе гласныхъ.

Дательный

Маріи	вмѣсто	Мáри
Янъ		Іянъ
пріобразился		прибразился

Плавныя.

альн	анл
сальнива	саплива
чолинъ	чолнъ
	чоўнъ (б. ф.)

чолинъ II б. ф. човинъ (чоўнъ, човнъ, човинъ) човинъ.

грялыливая (игривая, веселая)	и-гри-вая
и-мга	мгл-а
	имга (б. ф.)
шалокчить	шелушитъ

Измѣненія согласныхъ.

Ассимиляція.—хс=сс. Дамасскаму пану вмѣсто Дамахскаму
из изъ ш. щиги=шиги (с. ф.), также «шугу» — крикъ на ястреба.

к=х. лекчи=лехчи.
лт=хт. калтанъ=кахтанъ.
ж=з. жабатушка=заботушка
т=ч. слетю=слечу, (непосредственное смягченіе т).
ч=т. чи́ризъ=теризъ (б. ф.)
д=т. здучить=стучить

попядачки

з=г. парози=парога
сш=ш. спасишбаить=спашибаить
мч=ч. минуюмчи=минуючи
кч=ш. шалокчить=шелушитъ.

Въ смоленскомъ уѣздѣ.

х=ш. малёхунькій=малешинькій (см. нар.)
п=ф. Аганьеўна-Агафьеўна (см. нар.)

Удареніе.

дитё
чадо́
чары́

пярво́я—сходно съ Смоленскимъ.

Хотя удареніе на словахъ измѣняется по требованію размѣра пѣсеннаго стиха, однако «чадо́, чары́» въ Смоленскихъ пѣсняхъ мнѣ не попадались.

предъ благовѣщéніемъ-предъ благовѣ́щеніемъ

Силóю-си́лыю.

Склоненіе существительныхъ.

дитё
свекра вмѣсто свекыра (accusativ).
при племени - при племю (въ Смоленской губ. безъ нарощенія ен)
харашо ль тобѣ жанитца
при роду, при племени?
мальчоначку—dativ. мальчоначки (смоленск.)
п. свекровьпия свекровь, свекра см. ф. { недѣля свекры, недѣля сношны (См. у.).
пм. дароженъ дорога.
баро—боръ.
свякровья—свякрова
дитё—дитя.
Ладя -лада.
тятивья—множ. числа именит. падежъ отъ «тетива».
Ат чемеру вм. чемери. Замѣна флексіи женскаго рода флексіей мужескаго рода.
маладэй жанэ - въ Смоленскомъ нарѣчьѣ было бы «маладэй жанѣ».
мальчоначку жалка стала { бѣлорусская форма мальчоначки жалка стала.
Ключми сходно съ бѣлорусской формой
У каравају. Бѣлорусская форма—у каравап
у каравају.
При дарозя и при дарозѣ. Бѣлорусская форма при у дарози.
Два ангиля. Сходно съ бѣлорусской формой Смоленской губерніи.
На всхадили. Сходно съ бѣлорусской формой С. г.
По брату, по се́стри...
У атлася срав. при дарозя=у атласи см. нарѣч.
Атъ устовъ Божьихъ—отъ устъ Божьихъ.

На вакошичку. Также и бѣлорусская форма.
Звѣрьке. Accus singul. вм. звѣрька.
(У) сударики genet singul. вм. сударика.
Караульщичикъ genet plur вм. караульщичкыў
Ангиля—acc.... ангиля (б. ф.).
Свекровьини (genet) журьба свекыра... свекрови (свекровьиня) и свекровьини
Съ лебедими—съ либидями.
Мáри вмѣсто б. ф. Марьи. dativ sing.

Абъ нисчастный сираты (солдаты, недалеко отъ Дмитревскаго уѣзда Курской губерніи).

Предложный падежъ	Родительный падежъ
Абъ несчастный сираты	Сы гарѣ, сы вадѣ

И такъ, встрѣчается смѣшеніе падежей, а именно родительнаго и дательнаго и предложнаго.

сы гарѣ=сы гары.	Падымались буйны вѣтры сы гарѣ.
сы водѣ=сы вады.	Збили чорну шляпу съ галавѣ
	тега, тега, гуся сѣрый, сы вадѣ.

атъ дубрави=атъ дубровы
изъ нари=изъ нары.
acc. снѣжочку ты радила бъ дочку,
што бѣлага снѣжочку.

Форму «снѣжочку» вмѣсто «снѣжочка» я объясняю аналогіей предъид. «дочку». На конь садитца=на коня садитца.

Склоненіе прилагательныхъ.

Аўдотьинэ братьтя. Nom. plur. { Смоленская форма Аудотьины и Аўдотьинэ братьтя.

Залатэй казны.... сходно со Смоленской формой.
маладешинькя вмѣсто маладешинька.
малодешинькю вмѣсто маладешиньку
горькею.... вмѣсто горькую
сизакрыленькева вмѣсто сизакрыленькава.
большуя вмѣсто большую.

На томъ полю, на томъ чистому	вмѣсто	на тымъ полю, на тымъ чистымъ. См. нарѣч.

Дательный вмѣсто предложнаго.

Да на тэй горѣ на крутинь кяй	вмѣсто	Да на тэй горѣ на крутинькой	См. нарѣч.
Падъ горькей асиной.	вмѣсто	надъ горькай асиной.	См. нарѣч.

Сядя присяду на зеленыму саду	сяду я присяду на зялёнымъ саду.	См. н.
черезъ три гарада, гарада високіи	черезъ три гарада, гарада высокыи	

Ярія, пиріярія—ярая, періярая—или по Смоленскому нарѣчью—
ярыя, періярыя

Замѣна широкихъ гласныхъ узкими замѣчается въ сѣверной части Смоленской губерніи, именно въ Сычевскомъ уѣздѣ. Село Хотьково.

Чужихъ жоныкъ любимъ,
А свае забытіи,
Чужи хаты крыимъ
А свае некрытіи.

Глаголъ.

Слетю вм. слечу.
Пахатю вм. захочу.
Шевелѣў—совершенно сходно съ бѣлорусской формой.

Прилетае галубушка наша къ намъ — прилетаиць. Малороссійская форма.

Слова молвилась — прибавленіе частицы ся къ глаголамъ дѣйствительнаго залога.
Бога проситца. См. у.

Узмолать—неопр. наклоненіе.
Поть—повелит. наклоненіе.
Будя—буде.
Спадманууши—спадманіуши (см. ф.).
Чисти—чистить. Идѣ младэй сѣсти,
Бѣлу рыбу чисти?
напьёмся—напьёмся (см. ф.).

Минуючи, Падходючи — минуючи, подходючи

Идѣто мнѣ галубчика
Пасадить будить,
Чѣмъ то мнѣ галубчика
Накармить будить?

(Объ южно-русской описательной формѣ будущаго см. синтаксическія замѣчанія).

Мѣстоименіе.

іонъ, в-онъ=іонъ (б. ф.)
чіяго=чіяго (б. ф.)
на тыхъ ягадкахъ=на тыхъ и на тэхъ (б. ф).
Всіе=усяе (б. ф.)
у кагуся=у каго-та (б. ф.)
тымъ=тымъ (б. ф.) вм. тѣмъ
чиму=чаму
За еты за слава-за етыи за слава (смоленск. нарѣч.)
Атъ тѣхъ слезъ=атъ тыхъ слезъ (смоленск. нарѣч.)

самэй надабны=самэй надаби (смоленск. нарѣч.)

иво яго

те { Богъ тѣ ни любить, тябе
ни свекыръ, ни свякровья

усіе см. выше всіе=усяе (см. ф.)

Числительное.

Аднае мине (acc.) сходно съ См. ф. «аднае мине».

Нарѣчье.

Сухоханьки=сухоханька.

Ужель=няўжлижъ (См.).

Пакель, пакада=пакуль (б. ф.)

Атчиво=атчаго.

Союзъ.

1) ли=или, ли (С. Н.)

Луговой ли падтынной.

Въ Смоленскомъ нарѣчьѣ ли имѣетъ три значенія: 1, предлога «для»—«ли мяне»; 2, «подлѣ»—«ли мосту, ли гати»: 3, союза «или»—въ послѣднемъ значеніи ли употребляется и въ Дмитровскомъ уѣздѣ «Ли» въ смыслѣ частицы см. частицы.

2 Низымъ=пускай, бѣлорусск. «нярушъ».

3 Ни но=не то, не то

«Какава лада будишь,
Какава дастанитца:
Ни но журливая,
Ни но бранливая».

Употребленіе частицы «ни но» начинается уже въ южной части Рославльскаго уѣзда; союзъ этотъ мнѣ не случалось встрѣчать въ сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи; его можно скорѣе передать чрезъ «не то, не то», чѣмъ чрезъ «или», къ которому «ни но» тоже подходитъ близко по значенію.

«Ни но» встрѣчается уже въ Лѣтошникахъ Рославльскаго уѣзда.

Предлогъ.

Зля, зли=для, бѣлорусскому «ли». Зли встрѣчается въ юговосточной части Рославльскаго уѣзда на границѣ съ Брянскимъ уѣздомъ.

Суффиксы.

Павл-еевич-ъ=Павловичъ.

В'сходим-ъ=восходъ; въ См. н. также всходимъ.

Рутв-а=рута.

{ Митріюшка—Митричка (въ Смоленскомъ нарѣчьѣ).
Митріеюшка (Сельцо Солдаы).

прян-ецъ=пряникъ

быгатество=быгатество (въ Смол. нарѣч.).

кустечикъ }
лужичикъ } = лужачикъ.

чилобья=чилаббитика (въ Смоленскомъ нарѣчьѣ)

чуткiи { =чутный (См. н.)
тольки слышна=тольки слышна,
тольки чутке=тольки чутна

Пу падземiю=и См. ф. сходна вмѣсто «по подземелью»

Павликъ=Павлючекъ (С. ф.).

вярьхуша=вярьхушка

Древичка=См. ф. сходна, чаще «древушка».

Митерюшка=Митричка (См. ф.)

Салавеюшка=Саловьюшка.

Лебедекъ=Либядёкъ.

Вирьхавина=вярьхушка.

Зруднавались=Зрадувались

Яр-ивый=яравой.

Частицы при словообразованiи:

по по—хотѣлось (Ср. по-хоть)

по—стрѣльцы

вы—зывать—не въ смыслѣ «вызывать», а называть

обозвать=болѣе въ дурномъ смыслѣ; обозвать кого-нибудь дурнымъ именемъ, обиднымъ.

Частицы:

1) Та

1) Да мы такъ-та здѣлали.

2) Маяго мужа громъ убилъ,
Громъ-та раждэственный,
Маланья хрещенская.

Частица та встрѣчается въ сѣверныхъ и южныхъ уѣздахъ Смоленской губернiи, гдѣ слабѣе оттѣнки бѣлорусскаго нарѣчья.

2) Ли:

Въ саду ли ластуша шивялитъ бращами.
А другой ли подарыкъ
Калачъ да два прянца.

Ли, часто встрѣчающееся въ эпической поэзiи, мнѣ не случалось часто встрѣчать въ Смоленскихъ пѣсняхъ.

3) Ся=то:

«У кагу-ся да Ликсандрушка
Да ты харашa»?

Иногда ся=та, замѣняется та
О хто-йта у насъ харошъ?
Марья въ ета время шила въ пяльцахъ,

4) О ея роза съ галавы на пяльцы упала.

«о»=«а», или, вѣрнѣе, «вотъ, во».

5) Чу, дю, сте—частицы эти мнѣ пришлось слышать отъ извощика, который погонялъ лошадей.
«Чу» въ Бѣльскомъ уѣздѣ обозначаетъ непріятное удивленіе, а «дю» наоборотъ.
Вообще Великоруссъ любитъ оснащать свою рѣчь различными частицами.

Синтаксическія замѣчанія.

1) Предпочтеніе въ согласованіи женскаго рода предъ мужск.
Старая атецъ-мать убиваитца».
2) Часто встрѣчается опущеніе предлога:
«Будимъ ѣхать (чрезъ) баро камянноя»
(къ) «Постель (и) подъизжанть».
3) Употребленіе вы вмѣсто ты для обозначенія нѣжности и витіеватой важности въ торжественную минуту.

(Стилистическое замѣчаніе).

«Быть вамъ, коникъ, у абози,
Вейть вамъ, коникъ, тижалэй возъ,
Тижалэй возъ, раньнюю сваху»!

Въ литературномъ языкѣ въ подобныхъ случаяхъ, наоборотъ, употребляется «ты».

4) Да чиму ета гуляння давяло?
Да пазору да вяликыго стада.
Послѣ предлога «да» слѣдовало бы ожидать «да чаго»; «Да чиму» я объясняю аналогіей съ слѣдующимъ «да позору».
5) Честь ту книгу не прочесть будить (изъ стиха о Голубиной книги).

Мѣстечко Михайловка Курской губерніи.

Южно-великорусская форма. «Уже въ первыхъ памятникахъ славянской письменности, для выраженія будущаго употребляются описательныя формы. Современный великорусскій сохранилъ изъ нихъ немногія. Въ южно-великор. какъ и въ литературномъ, для выраженія будущаго служитъ только сочетаніе буду и стану съ неопр. накл. даннаго спрягаемаго глагола. Это сочетаніе употребляется только въ глаголахъ несовершенныхъ. Въ глаголахъ совершеннаго вида возможно сочетаніе съ неопр. н. только 3 л. ед. ч. н. вр. глагола быть: какъ мнѣ будетъ прити домой не отвѣтить будетъ.
Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Колосова. Тм. III 245.

Ну, ни быть моему батюшки весяло́,
А быть Григорьевыму батюшки весяло́.
Быть весяло вмѣсто быть веселымъ.

(Описательная форма, не встрѣчавшаяся мнѣ въ Смоленскихъ пѣсняхъ):

Кузьма да Димьяна
По сѣнямъ гуляла.

«Дамьянъ», подобно предшествующему «Кузьма», получилъ окончаніе а, и оба существительныя, будучи сочтены за одно цѣлое, приняты за существительное женскаго рода «Кузьми—Димьяни».

Журливая лада (мужъ)
По таргу гуляла,
Плетей закупала».

Въ этомъ случаѣ какъ и въ предъидущемъ, окончаніе «а» преобладающее въ именахъ женскаго рода, беретъ верхъ надъ внутреннимъ значеніемъ лада (въ данномъ случаѣ супруга, а не супруги).
Ни «Дуну ряку», хотя рядомъ упоминается и «Дунай».
Форма «Дуну» объясняется вліяніемъ формы «рѣку».

Эпитеты.

Серца абаротливое=чуткое, отзывчивое, способное любить.

«Я бъ и рада пригалубила яво:
Мое серца ни аберниитца;
Животъ кровью абливаитца,
Въ галавѣ разумъ мишаитца».
«Гуляй, гуляй, добрый молыдицъ;
Нагуляишься, сынакаишься,
Маладэй жинѣ ты привернишься!»

«Абаротливае серца» встрѣчается въ поэзіи Рославльскаго уѣзда, сѣвернѣе въ Смоленской губерніи «серце» съ такимъ эпитетомъ не встрѣчается.

Истяжный лѣсъ лѣсъ ровный, безъ сучьевъ. Выраженіе «истяжный лѣсъ встрѣчается на границѣ съ Курской губерніей. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ «Истягнути умъ крѣпостію своею». Въ одной изъ старинныхъ рукописей «стягнутый умъ»—умъ, «направленный къ одной цѣли, противополагается расколоту уму», уму, двоящемуся въ достиженіи цѣлей, подверженному сомнѣніямъ, разладу.

«Притрепался, притрепавшійся» въ прозаическомъ языкѣ=устать, усталъ (на границѣ съ Курской губерніей).

У дружины Новгородъ-сѣверскаго князя въ Словѣ о Полку Игоревѣ «притрепалися конья».

Перечень эпитетовъ.

(Эпитеты, не встрѣчавшіеся мнѣ въ народной поэзіи Смоленской губерніи, помѣчены звѣздочкой).

лаптищи-кавярзнищи
бѣлая бяреза
горькія асина
кустъ ракитывый
сестракитывъ кустъ
ластуша касастая
далина ширакая
замаримъ калина
шаливый платочикъ
рѣзвы ножуньки
бѣлы ручушки
вяликый крѣпкый разумъ
лютъ марозъ
камянной горатъ
сладка малина
шалковая травка
зелена дуброва
жаркыи агни
бѣлый камушикъ
синія моря
*крутая горка
вишнёвый садъ
залатой чепецъ
*гусакъ чубарый
*гусыня пѣгая
шелковая пеленушка
слуги вѣрные
багровый васильчикъ
метельница подземельница
рутва, жолтый цвѣтъ
галоўка побѣдная
грабавая даска
залатая парча
маладая жана
сивый конь (въ пѣснѣ о Татарахъ)
малиновый кустечикъ
шляпа пуховая
*ялина, сухая вирьховина
дубовая бочка
радимый батюшка
сѣни новыи
касятчатая акошичка
хрустальныя стеколушка
вода свѣжая
гуси сѣрые
вода сычиная
каса русая
залато калечко
*Растворчитаво якошечка
(въ Бѣльскомъ уѣздѣ)
серебрина прагалинка
чорная смародина
аборачки попядачки
долгае дары
винная чарачка
крутоя узгалоўя
тонкая пакрывала
шитая павивала
частыи звѣзды
маладецкая забава
*красная акошичка
*баро калянная
Божій судъ—свадьба
невѣста { саколушка, карыстушка }

жена { закаряха, заваляха, урюмая, мужнинъ законъ }

тисовый столъ
зелино вино
жаботушка—сухота

змѣя въ заговорахъ:
скарапея
скарахыя
дамавая
палявая
ярія, періярія
люта змія черная
зимля нипріемная *
гусиныи лапы абъ 12 галоу
пухотная,
рвотная,
блевотная
ташнотная
валдырная
желтагаловая
гарбатыя лапаты

Сравнительный указатель эпитетовъ, выраженій и образовъ, встрѣчающихся въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губерніи и Смоленской губерніи.

Расканалью распаясывать,
часты пугыуки растегывать,
шалковы плети раздергивать.

Раздѣвать нелюбаго мужа послѣ «воли батюшкиный, нѣги матушкиный» (встрѣч. въ См. п.).

Вырастала трава мята
пухавита-духавита
сладкая водачка налита.

Такой же образъ мяты и въ См. п.

Пришла двору-развсвѣтанть,
Мой младой мужъ уставанть,
Шолку плетку падыманть

Обычный пріемъ суроваго мужа.

Пиришолъ Ликсѣюшка,
Пиривелъ Аўдотьюшку.

Парень переводитъ дѣвушку черезъ рѣку (встрѣч. въ С. п.).

Ходіў гуляў молыдицъ
Нидобре сонъ весилъ.

(Такое выраженіе не встрѣчается въ С. п.).

Калину лумала

Предметъ (вѣрнѣе «примѣты») примѣчала

(встрѣч. и въ См. п.).

Я литала перепелкыю
На чужей старанѣ.
Я искала сабѣ батюшку
На чужей старанѣ.
(Образъ женщины перепелка,
кукушка-тоскующая женщина,—
перепелка,—въ порывѣ страсти
спѣшащая на свиданіе съ любовникомъ).

Стыяла у воротъ сасна
ина скалыхалася;
тамъ и дочь къ атцу
сабиралася,
тримя мылами
умывалася.

(Весенняя пѣсня въ Смоленской губерніи, а въ Дмитровскомъ уѣздѣ еще на масляницѣ поется. Весною природа обмывается весенними водами, дѣвушки различными мылами).

Пасажу я калину, за марямъ калину
А у саду ли падъ игрушію

Калина память въ разлукѣ о любимомъ человѣкѣ, гдѣ и мать плачить, тамъ рѣка ильетца.

(общераспространенная пѣсня, сопоставляющая слезы матери, жены и сестры).

Вымаю рубашечку
Своими горючьми слезми,
Высушу рубашечку
Супрати свояго сердца.

(Такое выраженіе горя встрѣчается и въ Смоленскихъ пѣсняхъ).

Падъ калакольнію
Сядѣу молыдицъ
За нароками;
Никто къ етыму молыйцу
Ни пріищитца

(Моладца изъ неволи выкупаетъ родъ племя. Общераспространенный мотивъ).

Въ Смол. г. на свадьбѣ посаженый отецъ даетъ совѣтъ жениху и невѣстѣ, «другъ друга нубужайте—раненька уставайте»!

Дитё мае дититка,
Чадо мае милыя,
Лажись спать назненьке
А уставай раненьке

Въ См. г. на свадьбѣ посажоный отецъ даетъ совѣтъ жениху и невѣстѣ: «другъ друга побужайте—раненька уставайте!..»

Каба знала маладюшенькя
Я сваю долю, долю горькею
Пра нищастя, пра замужинья...

(Общераспространенный мотивъ).

Данныя для народнаго календаря
Названія различныхъ урочищъ:

а) Лѣсовъ,
б) луговъ,
с) рѣкъ.
Названія дорогъ

Названія травъ.

Названія травъ, употребляющихся въ народной медицинѣ.
Названія животныхъ.
Прозвища, записанныя въ с. Березовкѣ.
Слова, записанныя въ с. Лужкахъ.

Дѣтскія игры:
коза,
шило,
жмурки.
Сказка объ Иванѣ и Марьѣ.
Заговоры:
1) отъ кашля,
2) отъ боли зубовъ,
3) отъ чемери,
4) отъ чемери,
5) отъ червей,
6) отъ змѣи
7) отъ змѣи
8) чтобъ огонь не причинилъ вреда овину
9) отъ золотухи

Духовные стихи.

1) Шолъ Сусъ Христосъ черезъ тридевить небесъ.
2) Раба лажитца спать,
3) Раба лажитца спать на Сіонскихъ горахъ.
4) На гарѣ на Глаголѣ
5) Изъ-за горада изъ-за Кіева
6) Хто Микалая любить

О 12 времянныхъ пятницахъ.

Историческія пѣсни.

1) Сидѣла Аннушка у терими падъ акошкомъ (о татарахъ).
2) Старички мае страдатильнички (объ царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ).

3) Ахъ, съ сила Войскыва (Петръ I).
4) Поля чистая турецкая
5) Збушавалася-й вайна.

6) Взвалнавалася вайна.

Пѣсни цикловыя зимнія.

7) Да калинушка малинушка.

(Протяжная Микольская).

Святочныя.

8) Взыйду, молода, на гару
9) У варотъ дѣўка стыяла
10) Охъ, ты, люба, ты, люба, мая
11) Возли мосту, возли гати
12) Пастрѣльцы Лущанскіе маладцы
13) Вулица, вулица, хто вулицу тарилъ
14) Узыграўся воранъ то съ гары на гару
15) Ну, рибяты, рибятушки
16) Веребей пива варить
17) Ты, и-груня, мая Груня
18) Ты, заря-ль мая, зорюшка
19) По масту, масту, масточку по калинывымъ зеленымъ
20) Какъ Алешка воръ сабака
За ахотыю хадилъ
21) Какъ ѣхала кума
Сы навова гарада
22) Возира, возира
Разливалась ширако
23) Ва кустѣ, кустѣ,
ва калиновымъ
24) Салавей съ какушичкой разгавариваў
25) Дарожинька, мая дарожинька,
Дарожинька широкая
26) Въ однэй печи агонь гарить
масляница
27) Луги—балота вадой залило
28) Охъ, прощай, кума,
прощай, душа
29) Кума мая, душа мая
30) Шли казаки съ—подъ игору
31) Галушка клюшница. 2 февраля
32) Галушка клюшница
33) Во время масляницы—протяжная.
34) Я литала перепалкыю
35) Па улицѣ па широкой
ладо, ладо
36) А ў варотъ, у варотъ
Микалаивыхъ
37) Да луги балотички
Да вада падняла
38) Стаяла сасонушка
у щирыхъ барахъ
39) Стыяла у варотъ сасна,
ина скалыхалася.
40) Ни тяки вада
Зъ горъ да па камушкамъ } на пращенный день.
41) Игруша, игруша,
Зеленый лужокъ } гавельная
42) Краватушку мощу
пистелюшку стелю } Благовѣщенье.
43) Дѣтская игра на Благовѣщенье.

Весенняя.

44) За гораю камянной горадъ
45) Груша мая грушица зелина,
46) Ахъ, да какъ запали мае
путики
47) Цвяли, цвяли а ў поли цвяточки
48) Ты, далина, ты, далина ширакая

49) Стой милъ карагодъ,
Стой ни расхадися
50) Кто двору,
Кто двору
А я двору ни хачу
51) Хадила дѣвушка (величальная танковая)
въ лѣсъ по калину.
52) Рябина, рябина,
Рябина кудрявая.
53) У варотъ, варотъ,
Широкая вулица. (На святой.

54) Я сама себе згубила
Парня палюбила } на Ягорья
55) Э на горки, на горушки,
Два голуба сидять } величальная послѣ святой
56) По саду, саду, саду,
На вишневымъ саду } величальная.
57) На пяску да на камушку (величальная)
58) На вулицы люли,
На широкый люли } величальная танковая.
59) Ва лугахъ, ва лугахъ,
ва зеленыхъ ва лугахъ, } величальная
60) Гасударыня матушка
Па чомъ мене зноишь } величальная
61) Лелимъ по лелимъ (на вознесенье)
Ой выду вытику
Малада да на вулицу
62) Авле, я кукушка кума (духовская)
63) Камарики мои (духовская)
64) Ой, сильна дробна пчела (духовская)
На полетъ вылитала правые.
65) Салавей ты мой салавеюшка (духовская)
66) Да писали, писали
усихъ быярь службу } Духовская
66) Ужъ ты, Улюшка, Ульяна,
пачаму любишь Ивана? } Духовская
67) Лелимъ юлели
у воротъ верба,
верба кудрявая
68) Лелимъ ю лели
Зайди, зайди, мѣсицъ,
Да ни низка—висако.
69) Лелимъ е да березникъ
Зеленъ частый кудрявый
70) Ой вышла я вытекла
Малада да на вулицу.
71) Мима я рощи шла, мима зеленай
72) Кукушечка въ саду кукувала (на Троицынъ день)
73) выйду за вароты,
пасматрю далёко } на Троицынъ день.
74) Па берюжку пахаживала
Чернобыль троўку заламливала } на Троицынъ день.
75) Падъ калокольнію
Сядѣў молыдицъ
За пароками } Петровскимъ постомъ

76) Сяду я на чолинъ поѣду я за моря — Петровскимъ постомъ
77) Пириманушка чорная галушка — Петровскимъ постомъ
78) Охъ, ты, Вулюшка, Вульяна, Маладецкая забава — петровскимъ постомъ
79) Лалье, лальё Засинѣлася морюшка — на Ивана Купала
80) За лясомъ—та, лясомъ, Канюшокъ свищить — купальская.
81) Гуляй, гуляй добрый молыдицъ (послѣ Ивана Купала)
82) Каба знала маладюшенькя (во время жнива)
83) Узыйди мѣсяцъ (во время жнива).
84) Жнивка, жнивка, отдай мою силку

Объ народныхъ обычаяхъ г. Дамани.

Объ увеселеніяхъ молодежи.

Описаніе свадьбы.

Большой запой.

85) Собрамши ложки-тарелки.

Пѣсни во время большаго запоя.

86) Ялина, ялина, сухая вирьховина.
87) Сваявольцы, сваявольцы Натальины братьтя.
88) Ластушка па вешиннямъ летала.
89) Въ саду ли ластуша шивялить брощами.
90) Вила, вила верба съ кориня до верьху.

Хоровойныя:

101) Печка гагочить
102) Кто тебе, каравай, маслить?

Приговоры дружка.

103) О, Госпыди, благаслови
104) Кланилась береза дуброви
105) Чиризъ Донъ достушка лижала (поѣзжанъ величаютъ)
106) Вы зайдитя, тучи грозныя (горявая)

91) Съ-падъ берюжку съ-падъ крутыга протикаить тихой Дунай
91) Сы вечира, вечира, Сы начи было палуначи
92) Цвяло, цвяло вешиння
93) Сидѣлъ павлинъ на грядычки
94) Плакала Натальюшка
95) Ой, сборы, сборы Натальясабралаподружикъ
96) Рутва, рутва, жолтый цвѣтъ
97) Сы вечира питухи кричать
98) Слуга была слуга, Наталья у батюшки
99) Иду, иду па улицы Два двора минуючи Вочи глядятъ
100) Падуй, падуй, вѣтиръ, (хоровойная)
107) Горошикъ мой горошикъ (поѣзжанъ величаютъ) Сы чистага поля
108) Ой, на избѣ зелья
109) У вечари вичаришнички
10) Добрыи сваты атдали намъ дѣўку
11) Ой, поня, поня, батька нашъ
12) Мы у пана были
13) Акимыва матушка
14) Скачи, мати, съ печи
15) У Алексѣя за столомъ
16) Не было вѣтрыў—понавѣила
17) Што у терими зючить

18) Нагнулися сѣни.
19) Ой во пали агни гарять
20) Къ двару подъѣзжають
21) Прилетѣла галубушка наша къ вамъ
22) Ой, вы, дружки, слѣпы
23) Учирашній день да бѣла рыба

Пѣсни с. Дамахи.

24) Прилетѣла да галубушка наша къ намъ

Что значитъ: „платки побрали"

25) Пойду я на улицы
Лодины
26) Да калинушка,
да малинушка
27) да на Марти мѣсицы
28) Прячистая Мати
29) Ой, Божа, Божа
30) Ой, мать мая, матушка
31) Ня на рѣчки тятивыя
32) У Кагуся да Ликсандрушка
33) Скачьтя повивалки
34) Спасиба, спасиба,
да Дамасскаму папу
35) Били дружка дѣвки
36) А у горади цвяты
Харашо добре цвяли

О свадебныхъ обычаяхъ Домахи.

с. Морево:

37) Да на Марти мѣсицы
38) А въ ляску, ляску
39) Повили кукушичку
40) Ой на рѣчки на Дунайки лебеди
41) Вылеталъ ясьменъ саколъ съ-подъ крыльца
42) А пьяница да пропоица
Натальюшкинъ батюшка
43) Прапой прапоица
невѣстинъ батюшка
44) Ишли дѣвки вдоль па улицы съ гульбою
45) Луги маи зеленыи
46) Липушка всю ночь прашумѣла
47) А да ва горницы, во свѣтлицы
48) Какъ и съ вечира вичаришничка
49) На мыльни, на бялильни
50) Рано, рана, по зари
51) Подъ дуброваю.
подъ зеленаю
52) Ступайтя боляри:
не бойтеся ночи
53) Дубровушка зеленая
што ты рани зашумѣла
54) Усплакалси бѣлъ заюшка
падъ кустомъ
55) Ва полю чернабыльникъ агонь гарить, каминь грямить
56) Пабѣдная сиратинушка
па лужочку гуляла
57) Луга мои зеленыи,
чѣмъ вы луги сукрашоны
58) Скачи, мать, съ печи
59) Пагуляйтя, пагуляйтя,
зизваныи гости
60) На двори дожь силенъ
61) Цвяло, цвяло вишанье
62) Плыла, плыла чарочка по меду
63) Пайду я па улици
64) Ѣхала Лисавета со двора
65) Аткатная въ саду яблачка
66) Матка-саколка
67) Не травушка кавылушка шевелѣў
68) Катилася калясычка зъ заморья
69) У насъ ныньчи гадинушка настала
70) Ай, атъ дуба да зеленой дуброви
71) Пріѣхалъ галубчикъ
сы чистаго поля

О крестинахъ.
72) Усшумѣлись буйныи вѣтры (крестинная)
73) У насъ у садику, У насъ у зеленымъ (крестинная)
Лѣтнія
74) Ишолъ казакъ съ Дону
75) Сады мои садочки
76) Я не вѣрила подружки
77) Што жъ ты мальчикъ мальченашикъ што за душинька такой
78) Забурлачила мая галовушка на чужей дальней старонушки
79) На праходи всё бѣлаго дня
80) Што патужуть братцы, пагорюють абъ несчастный сиратѣ
81) А ў Ивановымъ саду Салавей громка паёть
82) Прибылъ прибылъ удалой малойчикъ въ гости да мине
83) На вулицы дожъ, дожъ, падъ гарою туманъ
84) Што балить во молайца галава
85) Да и горькія солдатская женитьба
86) Салавей мой саловьюшка, какъ табѣ ня скушнитца?
87) Ишолъ казакъ съ Дону.
88) Поють дѣўки, поють бабы молыдца винцомъ.
89) Несчастная Машечька зорадиласи
90) Ни съ-за горъ пагодушку вѣтеръ дуитъ
91) Пасѣили дѣвки ленъ
92) Якъ пріѣхалъ мой миленькій съ поля
93) Не у Москвѣ ли я мальчикъ радился
94) Охъ, вы кумушки, вы падружки
95) Катя, Катюше, Катя ягада мая.
96) Гарючи мои слезы покатилиси изъ глазъ
97) Бабеначка зазнобачка тебе ругають па дѣлу
98) Далинка, ты, далинка, моя далинушка
99) И съ-падъ камушка камня бѣлага
100) Гульба мыя, гульба, Давила гульба да дахода (солдатская)
1) Ай давайтика, рабята, давай думать и гадать.
2. Мнѣ ня спитца, ни лякитца. (бурлацкая)
3) Вдоль на рѣчушки силезенюшка плыветъ (бурлацкая)
4) Горы ворабьевскія

Село Морево.

Данныя для народнаго календаря.

1) На первую кутью съ какой стороны неба темно, тамъ урожай.
2) Когда крестъ погружается въ воду во время крещенскаго водосвятія,—гдѣ темно, облачно, тамъ урожай.
3) Рябина сильная, хорошій годъ; рябина плохая, плохой годъ, плохая гречиха.
4) Когда осенью грязь, мужикъ князь.
5) Если на свѣтлое воскресенье дожъ, къ урожаю; если погода, къ неурожаю.
6) Если гололедица на Новый годъ, урожаю не будетъ.

7) Если на Дмитрія Солунскаго нѣтъ снѣгу, то на святой не будетъ снѣгу.
8) Если на Христовъ день, когда съ церкви идутъ, собаки брешутъ, то къ смерти, къ повальной болѣзни.
9) Когда громъ первый загремитъ на сонныхъ, будутъ люди хворать.
10) На Покровъ дожь, на свѣтлый день дожъ, медъ и рожь.
11) Когда сѣять гречиху „обрати вниманіе на глухую крапиву: есть на ней роса—сѣй; а если нѣтъ росы, посѣешь—плохая будетъ гречиха».
12) Аленки сильныя—гречиха сильная.
13) Когда мухи сильныя, на другой годъ зародитъ гречиха.
14) 7 мая сѣй картофель.
15) На колосочкахъ козявки и медъ, на хлѣбѣ тотъ годъ урожай.
16) Когда на Крещенье тепло, голодный годъ; если морозъ, хорошій годъ.
17) Если на Покровъ день „перевернится“ вѣтеръ, холодно будетъ всему міру, „матушка сдуеть усе“. Надо Покрову усердно молиться: Покровъ много даетъ, много атнимаетъ. На Покровъ день буря, урожая не будетъ.
18) На свѣтлый день морозъ, сѣй горохъ—засыплетъ.
19) Если на масляной погоже, годъ будетъ хорошій; если къ загвинью мятель, хорошая примѣта.
20) Если красный день на маслину, замашки и конопли.
21) Если лѣто сухое, зима сухая.
22) Кто Егорія поминаетъ и утромъ и вечеромъ, звѣрь не тронетъ того человѣка.
23) Кто Ивана Крястителя призываетъ, тотъ человѣкъ будетъ благочестивъ.

Названія лѣсовъ. Березовка

Истопочный,
Переростъ,
Аленушкинъ пой,
Асой,
Луньки,
Чичатой,
Паповъ логъ,
Маленькій Плутавицъ,
Тонкій логъ,
Заказецъ,
Дуброва кучиряевская,
Альхи,
Катлы,
Асинникъ,
Шуширыва,
Бахматъ,
Лисій лажокъ,
Азёрки,
Шумакъ,
Свиная,
Гачки,
Хварастинки.

Луги: Березовка.

Тонкай логъ,
Кочки,
Озерища,
Тростникъ,
Алёхъ,
Степъ,
Гримяча,
Вѣдмежій логъ,

Тряски („ровами“ земля обваливается),

Долгій (долгый логъ),

Палитаевскій лажокъ (легенда существуетъ, что въ этомъ логу вѣдьмы слетались),

Микишинъ логъ. Семеновъ логъ.

Парточки (ложокъ).

Казюлька (извилинами ложокъ),

Трябушный (съ одного бока ложокъ и съ другаго, посереды горка),

Груздища (лѣсъ).

Названія рѣкъ: Березовка.

Нерусса. Общерица.
Колодезь. Гнилой калодись.
Ручьи—глубокое мѣсто въ рѣкѣ (виръ)

Гремячъ виръ Проклятый Азанкинъ Падкручій.

„Сажалка, гдѣ пеньку мочатъ: „копаня“.

Кудеярово становище въ глинотскомъ лѣсу; жилъ будтобы въ этомъ становищѣ разбойникъ Кудеяръ и отсюда производилъ свои набѣги на окрестныхъ жителей.

Свинная дорога тянется на огромное количество верстъ, минуя много рѣкъ и селеній; по преданію, дорога эта путь татаръ, которыхъ народъ бранилъ свиньями.

Татарское займище близъ Горякина.

Названіе травъ. Березовка.

Василёкъ
Бѣлоголовникъ
Плакунъ-трава
Рагоза
Початокъ
Полынь
Лапухъ
Матошникъ
Дурманъ
Каровій языкъ
Лабада
Паддарожникъ
Перекати поля
Степница
Кавылъ

Купена--Лупена.
- Дѣвушки считаютъ на ней листки и говорятъ «купена-лупена».
- Если верхній листокъ выйдетъ соотвѣтствующимъ слову «лупена», то не румянятся, говорятъ, что лицо облупится.
- А если послѣднему листку отвѣчаетъ слово «купена», то румянятся.
- Вообще этотъ цвѣтокъ вреденъ для кожи.

Павялица
Чернабыль
Горчакъ
Собачки

Сергибосъ—употребляется въ пищу, какъ лакомство; трава одного семейства съ сурѣпицей.

Увольля.

Баранчикъ весною употребляется въ пищу.

Деревня Березовка Дмитровскаго уѣзда.

Названія травъ, употребляющихся въ народной медицинѣ.

1) Собачки—(bigens trepartita) отъ подвала.

2) Макрушница (grattiola officinalis) отъ нарывовъ.

3) Грызная трава (rubus saxatialis) отъ грызи.

4) Червотошный (bigens cernua) отъ червей у скотины посыпать сухой истолченной въ порошокъ травой.

5) Anterinum—отъ нечисти и каросты.

6) О трехъ пальцахъ трава (vicia sativa) отъ младенческаго.

7) Ярь трава отъ удушья (голубая трава).

8) Матошникъ отъ нарывовъ.

9) Котики отъ глистовъ.

10) Бѣлоголовникъ—въ женскихъ болѣзняхъ.

11) Богородицкая трава «отъ всего хароша».

12) Мохнорыла—отъ поноса.

13) Буковица отъ боли груди.

14) Бухмистикъ отъ нечисти—коросты, купать ребенка въ отварѣ Цвѣты желтые «кувшинка́ми».

15) Заичая кровь (звѣробой)—для настойки водки.

16) Рябина—ягоды томятъ. Пьютъ зарями утромъ и вечеромъ отъ лихорадки.

17) Калина отъ Кашля.

18) Живущая трава. — растетъ кустомъ, листъ у ладо́нку. Отъ порѣзу. Сверху листъ зеленый, снизу бѣлый. Какъ завянетъ грамотка (листъ) какъ миткаль станетъ бѣлая.

Село Дамаха.

19) Натягавицъ — настаиваютъ съ водкой и пьютъ «отъ живота». Ради всякаго здоровья женскаго и мужскаго принадобинъ, нарочно его ищутъ безъ всякой нужды. Растетъ кустомъ.

20) Переполохъ—топятъ его, подкуриваютъ имъ дѣтей.

21) Бягунъ—сушатъ листъ его въ бумагѣ. Отъ порѣзу, листья, какъ иглы. «Злц зямли растеть, нивысокъ.»

Расперстница — растетъ кустомъ, листъ будто объ пяти пальцевъ (а пяти пальцеў).

Золотосичникъ—въ женскихъ болѣзняхъ.

Veronica—съ саломъ толкутъ ее. Трава эта отъ многихъ болѣзній употребляется.

Маслушки — луковица, какъ у чеснока, лиловаго цвѣта, цвѣтокъ одинъ, два листы узенькіе. Сладкая трава (шлюпачками) сластитъ и тянетця.

Журавлиный горохъ — синенькаго цвѣта цвѣтокъ, стручья въ четверть похожъ на «квасулю». Отъ всякихъ болѣзней.

Подружка—трава (Иванъ да Марья) отъ боли головы.

12 травъ — на Ивана Купала, прамежъ вутрени и обѣдни, рвутъ 12 травъ, топятъ ихъ 12 разъ бѣлымъ ключемъ, пьютъ ихъ отъ порчи.

Село Морево. —
Ягодникъ — Въ чай подбавляютъ,—листъ красный какъ на расперстницы, цвѣты бѣленькіе.
Звѣробой—отъ лома костей.
Расходникъ—отъ опухоли.
Матошникъ для вытягиванія гноя.

Названія звѣрей:

Рябчикъ, лисица,
ласточка, волкъ, разарюка—волкъ,
барсукъ, рогаль,—лось, также лось
заяцъ, земляной заикъ—тушканчикъ.

Насѣкомыя:

Камары—муравьи
муравьи—камары
Алёнка—Хрущъ.

Прозвища.

Галанъ (драчунъ).
Машина.
Цубра.

Бридка. (Баба получила это прозвище во время крѣпостнаго права. За кражу она была жестоко наказана; ее вымазали дегтемъ, выкатали въ пуху и водили потомъ по улицѣ, причемъ мальчишки погоняли несчастную хворостиной и называли «бридкой», потому что бабу въ довершеніе всего и оббрили, какъ рекрута; съ тѣхъ поръ и осталось за ней на вѣки названіе «бридка).

Пехтилка.
Скибелка (во время недоумѣнія скоблитъ затылокъ).

Тялушка.

Сабакѣй.

Скрибецъ (безсильный, но задорный, любитъ подраться и при этомъ пускаетъ въ дѣло ногти, «скрябается».

Трищотка.

Пяхтила (толстая).

Хвандѣиха.

Рыжуха.

Грачиха.

Касаротка.

Качаниха.

Сава.

Трипузикъ.

Кошка («чорненькія, плохенькія»).

Малявка (маленькая).

Сарга («неувертка»).

Грязная.

Шипяпиха.

Батусиха.

Шереметиха (на другой день послѣ свадьбы отецъ назвалъ ихъ дѣтки шиpеметки, съ тѣхъ поръ они и называются «шиpеметки»).

Лабада.

Кастрыка (другъ проти друга кричать зѣлъ).

Каривяка (косолапа).

Ашавуракъ.

Зубака (зубы велики).

Чикалка (проворная).

Тигра.

Сарочка, (дробненькая).

Ластычка (тоже).

Теленакъ.

Дроздъ (все пѣсни кричитъ).

Климокъ.

Бурчетъ.

Кученакъ (отъ «качанъ»).

Зеленый (отъ злости зеленѣетъ).

Харахорка.

Хрячокъ.

Птушка.

Шкада.

Квасовъ (не замай, отыйди прочь).

Чижикъ надземельный (сердится молча, у землю глядитъ).

Цыца.

Клыкъ.

Галинястый.

Барана (не разбираетъ, что говоритъ).

Сосудъ—сосудъ для питья особенный.

Старуха | Старухи въ Лужкахъ пѣсенъ не поютъ, только тѣ, которыя Бога не помнятъ, кричатъ до смерти. Пѣнье сопровождаютъ звуками трещотки.

По темному—несправедливо.
Мохти—мочь.
Притрепался—усталъ; можно сравнить выраженіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ «притрепалися сабли».
ищо—еще.
Болушуя—большую.
Лабазливый—заманчивый.
Рыбка лабазлива—рыба для всякаго заманчива.
Камариная качка—муравьиная кочка.
Будумчи—будто бы.
Сѣрникъ—спичка.
Маладайка—молодуха.
Здукаить—стучитъ.
Собить—помогать.
Зли—для.
Паабычитца—понравиться.
Живой та крѣпкій та? живъ—здоровъ?
Истяжный лѣсъ—безъ сучьевъ.

Домаха.

Многія дѣтскія игры не имѣютъ названія; онѣ стоятъ въ связи съ окружающей природой и измѣняются въ различныя времена года: зимою однѣ игры, весною другія.

Зимою валяютъ «бунты» снѣга и отправляютъ ихъ въ Сухиничи. Въ этомъ путешествіи мальчики дерутся снѣжками и особенно раненого въ бою, нпр. у кого у носъ сильно разбитъ, становятъ старшиною. Старшина заставляетъ мальчиковъ снова биться, достается въ бою и старшинѣ.

А то строятъ городъ изъ снѣга. Мальчики раздѣляются на двѣ арміи, въ каждой арміи по царю, по предводителю. Сдѣлавъ городъ изъ снѣгу, мѣряются: кому верхъ достанется,—тѣ турки;—и бьются противники съ турками палками—штыками и комьями снѣга—пулями. Когда подходитъ вечеръ мальчики собираютъ убогихъ, раненыхъ, несутъ ихъ домой, иногда и въ самомъ дѣлѣ раненые есть: разъ одному мальчику выломили ногу. Плѣнныхъ заключаютъ въ темницы, а стѣнки этихъ маленькихъ темницъ изъ снѣга.

Когда начнется весеннее половодье, то радуются сильно мальчики этому половодью: разуются и бѣгаютъ по весеннимъ потокамъ; пускаютъ лодочки по ручейкамъ; загораживаютъ пруды. Растоpопица, грязь, а мальчики, не смотря на все это, съ жадностью дышатъ весеннимъ воздухомъ, плещутся, какъ дикіе гуси въ мутной

водѣ и радуются каждому поступательному завоеванію весенней живительной природы надъ мертвой зимой.

Коза.

Возьмутъ палку, воткнутъ въ землю, повѣсятъ на «ее» шапки, а за корень палки привяжутъ поясокъ, потомъ мѣряются, кому браться за поясокъ, чей верхъ. Потомъ всѣ ребятишки бѣгаютъ вокругъ палки, и каждый схватываетъ съ палки свой картузъ, а тотъ, кто взялся за поясокъ, бьетъ ногою тронувшаго картузъ; получившій ударъ берется за поясокъ. Когда мальчики расхватаютъ шапки, то начинаютъ наказывать мальчиковъ, не устерегшихъ какую либо шапку, допустившихъ взять ее безъ удара: они ведутъ виновнаго за волосы, бьютъ его со всѣхъ сторонъ шапками и приговариваютъ:

—«Зачинаетца авца
Съ лѣвага канца.
Попадай у насъ шапками!
Кого попадешь,
Тотъ будить вадить».

Гнила.

Садятся мальчики въ кругъ, свиваютъ поясъ въ родѣ веревки и мѣряются на бирку за поясъ; чей верхъ, таму «вадить». Мальчикъ, жребій котораго оказался верхнимъ, садится въ кругу своихъ товарищей; товарищъ мальчика, находящійся за спиной его, бьетъ «вожака» свитымъ поясомъ и приговариваетъ:

—«Зачинаетца авца
Съ лѣваго конца.
Пашолъ поясъ въ ходъ!»

Потомъ мальчики «пхаютъ» поясъ подъ ноги незамѣтно для вожака, и вожакъ долженъ розыскивать поясъ; тотъ мальчикъ, у котораго вожакъ найдетъ поясъ, становится вожакомъ и садится въ серединѣ круга; игра снова начинаетца.

Жмурки.

Мальчики берутъ одного изъ своихъ товарищей за руки и ведутъ его въ темный уголъ, «пхаютъ» его туда,—и мальчикъ долженъ непремѣнно поймать пихнувшаго его; пойманный становится «вожакомъ», т. е. главнымъ дѣйствующимъ лицомъ игры. Припѣвокъ къ этой игрѣ такой (его поютъ мальчики, ведущіе въ уголъ «вожака»):

—«Иди у кутъ;
Тамъ деньги куютъ;
Самъ вазьми
И намъ приняси!»

Березовка. Сказка объ Иванѣ и Марьѣ.

Былъ Иванъ да Марья. Узрастали яны у мѣсти. Такъ яны другъ друга любили: уставали у мѣсти, аднимъ палатенцымъ утирались, адною вадою умывались. Иванъ Марьи гаварилъ:—«Я тебе замужъ вазьму».—Ни вазьмешь.—«Если ни вазьму, што живъ ни буду».

Вышила Ивану Марья палатеничка и рубашку. Мать ни пажелала Ивану Марью брать, — присавѣтывала Юлію. Иванъ плакалъ: ни хатѣлъ Юлію брать. Ивану мать гаварила: — «если ни вазьмёшь Юлію, не мой сынъ будешь». — Ѣхать къ винчанію. Иванъ ни садитца у карету. Яму мать гаварила: —ни садися, (т. е. если не сядишь), ни мой сынъ будишь.—Заплакалъ Иванъ, сѣлъ, поѣхалъ. Пріизжаить изъ вѣнчанія, Юліи изъ кареты не хочить вынуть. Мать яму гаварила:—«Если не вынишь, не мой сынъ будишь». Пасадили маладыхъ кушать. Иванъ за слизами ничаво ни мохъ ни пить, ни ѣсть. Патомъ павяли маладыхъ на спакой. Иванъ гаварить: «падай мнѣ чернильницу и бумажку: напишу я сваей мамаши нибальшоя писямцо, штобъ ету рубашку, которую Марья шила, на мене, мертваго, надѣть; штобъ мене пакрыть палатенцемъ, которае Марья вышивала; штобъ маладыхъ юнышіў халастыхъ посабрить, штобъ рибяты ети несли мене харанить; штобъ шли проти Марьинывa дому; штобъ апустили на зеленую траву; ни давелось ей поцѣловать мине, живова,—штобъ пацѣловала мине «мертвова». Патомъ померъ. Мать сполнила яво приказъ. Несуть Ивана харанить мима Марьинывa дому; Марья въ ета время шила въ пяльцахъ. О яе роза съ галавы на пяльцы упала. Марья гаварить:—што такоя, мамаша, у мине роза съ галавы упала?—Ей мамаша гаворить:—«да такъ, можить быть, нялоўка улажила».

— Ахъ, нѣтъ, ета вѣрна майво милыва нясуть!—Выходить на балконъ, Ивана несуть харанить. Марья гаворить: «апуститя майво милыва на зеленую травку! Ни давелось мнѣ живова пацѣлувать, хуть съ мертвымъ прастюся. Сеичасъ и сама памёрла. Марьина мать пиняла Ивановой матери, на што двухъ милыхъ разлучать. Патомъ ихъ умѣсти и схаранили.

Березовка.

Сказка о томъ, какъ невѣстка старалась вооружить противъ золовки своего мужа и ея брата, какъ она зарѣзала мужнинаго соловья, жеребца, напослѣдокъ сына, и наговорила на заловку; потомъ продѣлки хитрой женщины обнаруживаются, и, благодаря волшебнымъ чарамъ, золовка исцѣляется отъ ранъ, нанесенныхъ ей братомъ, и оправдывается.

Заговоры атъ кашлю.

Господи Iсусъ Христосъ! Во имя Отца и Сына и Святому Духу. Воскресенiе Христово, Матушка Пятница, Спаситиль, Матири мая Божiя, я къ Тебѣ пришла на памычъ съ рабою Божею объ кашелю.

Дубъ, дубавикъ, асинокъ, асинь, сайдитись, вазьмитя свой кашиль глазной и налетный атъ раба Божига, няситя вы яго у луга, у балота, у пенья, у калодья: тамъ яму мѣста, тамъ яму мѣста, папить и паѣсть и на мягкихъ пяринахъ паспать.

Ни я тебе атзываю, ни я тябе атвликаю, ни я тябе атдуваю: тебе атзываить и атвликаить и атдуваить сама Мати Божiя на престоли стоючи, сваей пеленой зачичаить.

Отъ боли зубовъ.

Господи Iисусъ Христосъ! Во имя Атца и Сына и Святога Духа. Батюшка мой Никалай Угодникъ, Антонiй Квядосiй, малитя Бога абъ насъ! Мѣсицъ, а, мѣсицъ, былъ ли ты у мяртвыхъ?—Былъ.—А у мяртвыхъ зубы ни балять?—Нѣтъ.—Какъ у мяртвыхъ ни балять, штобъ у раба Божiя ни балѣли, ни щемѣли.

Ни я васъ атзываю, ни я васъ атвликаю и ни я васъ атдуваю Васъ атзываить и васъ атвликаить и атдуваить сама Мати Божiя.

Отъ чемери.

На мори на кiанѣ,
На острымъ кургани,
Тамъ стаить дерива святая,
Купарисывыя,
На томъ святомъ древи
Стаить Гаспоть,
Самъ Iсусъ Христосъ
Съ ангилятами,
Пирядъ ими
Лижать пирилоги;
Приходить къ имъ
Сама Мати Божiя:
—«Перелоги, перелоги,
Падымитись паскарѣй,
Пайдите вы къ рабу Божiю,
Выньтя балѣсть глазную,
Чимярную
Са скатины Божiй (какая шерсть) рыжей...

Отъ чемеру.

На мыри, на кiяни,
На вострымъ кургани,
Лякить котикъ,
Залатой хвостикъ.
Ишолъ Сусъ Христосъ
Съ залатэю палкыю,
Ударилъ кота
Пасирѣдъ живота:
—«Полна тибѣ, котикъ, лижать,
Пара тибѣ бижать,
Со всѣми апосталами
Бога молючи,
Сваимъ духымъ выдуваить,
Залатэю пиляною пакрываить.
Выкатись, чемирь,
Вонъ изъ нутря,
Изъ живата,
Изъ кастей,
Изъ мазжей,
Макавымъ зерномъ,

Чемеръ вынимать!»
Ни я чемиръ выгавариваю,
Ни я выкликаю,
Выгавариваить
Божжія Матирь,
За пристолымъ стоючи,
Изъ темныя лѣса
На топкыя балата,
На чистыя паля,
На зиленыя луга:
Тамъ табѣ папить,
Тамъ табѣ цаѣсть.

От червей (при заломѣ чернобыла).

Ишолъ Сомъ
Самсонъ
Съ лапатами,
Съ гарбатыми,
Червей выгрибать
Изъ свиней.

Отъ казюли.

На мыри, на акіяни, стаитъ дубъ вятвистый карянистый, у етымъ дуби ляжить ярыва руна барана. У томъ у ярыва руни барана лижать три змѣи три сестры: Скарапея, Палагея, Праскавея. Приходитъ къ имъ Мать Божія. Подымайся Скарапея, Палагея, Праскавея, сабирайтя сваихъ дѣтей: палявыхъ, подпалявыхъ; мижавыхъ, падмижавыхъ; лисавыхъ, падлисавыхъ; дарожныхъ, паддарожныхъ; лугавыхъ, падлугавыхъ; дваровыхъ, паддваровыхъ.

Отъ змѣи.

На мари на кіяни,
На вострымъ кургани,
Стаить дубъ саракавецъ.
Падъ томъ дубомъ саракавцомъ
Ляжить камень бѣлый,
На томъ камню бѣлымъ
Ляжить руна ярая,
Другая сѣрая.
Ву томъ руни ярымъ;
Ву томъ руни сѣрымъ,
Ляжить змія скарапея,
А другая Скарахвея.
Ты, змія Скарапея,
Ты, змѣя Скарахвея,
Бѣгитя на поля паскарѣя,
Скликайтя сваихъ дѣтей,
Сыбирайтя сваихъ дѣтей,
Каторая здурила:
Дамавой, палявой,
Лугавой, ли падтынной,
Падмежный, падрубежный,
Съ—падъ калиныва пня,
Гусиныи лапы абъ 12-и галовъ,
Пухотныя, рвотная, блевотная,
Тошнотная, волдырная,
Ясная галава,
Рябая галава,
Желтоголовая,
Рябагаловая,
Желтахвостая,
Или укусила
На закати сонца,
На всхадими сонца,
На обѣди сонца,
На полдня сонца,
На вечерній зари
Изъ нари,
На вутрѣ
Изъ нари,
На обѣди
Изъ нари,
Вынимай сваё
Жила змяиная
Изъ 5 рукъ пальцевъ.

-падъ дубовыга,
·падъ асинывыга,
падъ березывыга,
ı періярія,
иная нернрожииная,
а змія чорная,
ıя ниприемная,

Изъ 5 ногъ пальцевъ,
Изъ тѣла бѣла,
Лзъ лица румяна,
Изъ гарючій крави,
Изъ салодкыга мозгу!

Село Морево.

Чтобъ огонь не причинилъ вреда овину.

авинъ, ты, авиля,
пущай на авинъ пламя!
, гакъ, миряновая мать,

Присвятая Анна,
Ни пущай на авинъ пламя!

От золотухи.

Госпади Ісусъ Христосъ! Ва имя Атца и Сына и Святога Духа! ри мая Божія, я къ Тебѣ пришля ва памычъ съ рабою Божію залатухи. Заря заряница, вынь сваю балѣзнь залатушную, зока всхожія, залатушница расхожія, на всякія разныя цвяты:

ı бѣлавушка,
ıая чернавушка,
я синявушка,
тая желтавушка,
ная зилинавушка,
ı алавушка.
ıя бѣлѣетца,
ıая чернѣетца,

Синія синѣетца,
Жолтая желтѣетца,
Зеленая земнѣетца,
Алая алѣетца.
Слитайтися, всѣ святыи,
Вынимайтя залотушницу,
Глазную, разсыпную
Атъ раба Божія.

Духовные стихи и молитвы. с. Морево.

ъ Сусъ Христосъ
зъ тридевить небѣсъ,

Несъ Сусъ Христосъ
Животворящій хрѣстъ.

лажитца спать,
стомъ хряститца,
нимъ гарадитца,
ъ у рукахъ,
атварящій хрестъ.
лажитца спать
Сіонскыхъ гарахъ,
ангиля у галавахъ стаять.
илъ Божій,

Ангилъ мой.
Хранитель мой,
Сахрани мене, памилуй,
Атъ всякага врага,
Атъ всякага супастата.
Старажи мене
Съ вечера да палночи,—
Съ палночи да бѣлыга свѣту,—
Съ бѣлыга свѣту да канца вѣку!

ажъ добрый,
ажи мине
ечера да полночи

Съ палночи до бѣлыга свѣту,—
Съ бѣлыга свѣта до конца вѣку

На горѣ на Глаголи
Приснился Мати Мáри сонъ,
Такой жа причудный,
Такой жа придивный
Пра нашага Христа Бога,
Пра Яго, пра Сына:
Какъ жиды Суса
Христа распинали
На древи купаресывымъ;
Свѣтъ яго руки,
Свѣтъ яго ноги
Гвоздимъ прабивали,
Напишу етатъ сонъ
На бѣлу липету,
Пашлю етатъ сонъ
Па бѣлыму свѣту:
Па церквямъ,
Па манистырямъ,
Па школьничкамъ,
Па нявольничкамъ,—
Штобъ школьнички знали,
Усяму міру казали.

Михайловка.

Изъ-за города изъ-за Кіева
Васходила тучá сильно грозная;
Изъ той тучи сильно грозной
Выпадала книга Голубинаи,
Немалая книга, невеликая—
Длинны книга сорокъ саженъ,
Поперечины 20 саженъ.
Къ этай ка Книги Галубиной
Саѣзжалися—сабиралися
Соракъ царей, всѣ царевичи,
И соракъ князей всѣ князевичи,
Къ аднаму царю распремудраму
Ка Давыду къ свѣту ко Явсеевичу.
Возгаваривать Валадиміръ князь,
Валадимеровичъ:
—«Вы еси, распремудрай царь,
Давидъ Евсеевичъ,
Распечатывай книгу Галубиною,
«Разскажи ты намъ пра весь бѣлый свѣтъ:
—Атчиво зачалось сонце красная,
Атчаво зачался младъ свителъ мѣсяцъ
И атчиво зачались звѣзды частыи,
Атчиво зачались зори ясныя
И атчаво зачались дожди дробныи,
Атчиво зачались вятры буйныи,
И атчиво зачались ночи темныи?»—
Атвѣтъ держить распремудрый царь
Давидъ Евсеевичъ:
Не магу я ту книгу распечатывать,
Честь ту книгу не прочесть будить,—
Разскажу я вамъ по памяти,
Што па грамати:
Зачався у насъ бѣлый свѣтъ
Атъ Свѣта Духа,

Солнца красная атъ лица иво,
Младъ свѣтилъ мѣсяцъ
Атъ грудей Божьихъ,
Звѣзды частыи атъ ризъ Божьихъ,
Зори ясныи атъ ачей Божьихъ,
Дожди дробныи атъ устовъ Божьихъ,
Вятры буйныи изъ вздыханья,
Ночи тёмныи атъ валосъ Божьихъ».—
Вазгаварить Владимiръ князь
Владимеровичъ:
—«Вы. яси, распремудрый царь
Давидъ Евсеевичъ,
Каторый царь надъ царями царь,
Каторый горадъ гарадамъ мати,
Каторая церква церквамъ мати,
Каторая моря марямъ мати,
Каторая гара гарамъ мати,
Каторый звѣрь звѣрямъ мати,
Которая рыба всѣмъ рыбамъ мати,
Каторая птица всѣмъ птицамъ мати,
Каторая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати,
Каторая древа всѣмъ древамъ мати,
Каторая трава всѣмъ травамъ мати?»—
—У насъ Бѣлый царь надъ царями царь;
Живеть онъ у святой Руси,
Стаить за вѣру христiянскую:
Патаму бѣлый царь надъ царями царь,—
Русалимъ горадъ всѣмъ гарадамъ мати;
Стоить жа вонъ серяди свѣту,
Што на пупъ земли вырастаить,
Патаму Русалимъ горадъ гарадамъ мати.—
Саборъ церковь всѣмъ церквамъ мати;
Ва той церкви ва саборнай
Стаить грабница бѣлакаменная;
Спачивали мощи самаго Христа,
Царя Небеснаго.—
Кiянь море всѣмъ марямъ мати,—
И съ того моря выходила церква муравленая,
Со святымъ Климанымъ Папарымскимъ.—
Хвангоръ гара всѣмъ гарамъ мати:
Прибразился на ней самъ Сусъ Христосъ,
Самъ небесный Богъ.—
Выидрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ мати:
Живеть вонъ на святой гарѣ,
Ходить рогамъ по падземею,
Око ясно сонце по паднебесью,

Пакорна яму мать сыра земля.—
Китра рыба всѣмъ рыбамъ мати;
Аснованъ на ней увесь бѣлый свѣтъ,
Ватвержана на ней мать сыра земля;
Егда эта рыба поварухнетца,
Увесь бѣлый свѣтъ ускалыхнетца.—
Стряхвиль птица всѣмъ птицамъ мати:
Держить моря все падъ крылушкамъ,
Дѣтей платить на бѣламъ камни,
Пьеть и ѣсть изъ синя моря.—
Іердань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати;
Акрестился на ней самъ Сусъ Христосъ
Со святымъ съ Іяномъ со Хрястителемъ;—
Патаму Ердань всѣмъ рѣкамъ мати.—
Купаресъ древа всѣмъ древамъ мати:
На томъ на древа купаресавымъ
Распинали жида самаво Христа,—
Патаму купаресъ древа всѣмъ древамъ мати.—
Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати:
Када былъ Христосъ на распятію,
Мать Божія Багародица слезна плакала,
Слезы рóнила на сыру землю;
Атъ тѣхъ слёзъ атъ пречиставскихъ
Заврадилася мать Плакунъ трава;—
Патаму плакунъ трава всѣмъ травамъ мати.—
Вазгаворить Валадиміръ князь Валодиміровичъ:
—Вы еси распремудрый царь Давидъ Евсеевичъ
Разскозалъ же намъ про увесь бѣлый свѣтъ,
Разскажи-жъ ты, сударь, што ноньче сударь мнѣ мала мала спалася,
Многа у ва снѣ снувидалася:
—Будта два юнаши снувидалася:
Будта два юноша сахадилися,
Вазгаворить распремудрый царь Давидъ Евсеевичъ:
—Не два юнаши сахадилися,
Не два млади подиралися,
Ета кривда съ правдою тигалися.
Кривда правду адалѣть хочеть,
Ажно правда кривду переможила;
Правда пашла на вышь небеса
Къ самаму Христу Царю Небесному,
Владычици Багародици,
Святой Троици нераздѣльный;
Кривда асталась на сырой земли
Старымъ людямъ на пасмѣшенье,

Млодымъ людямъ на поученья.
Славенъ намъ Гасподь праславился,
Вяликая именя Гасподне.
Хто Микалая любить,
Хто яго себѣ у домъ призываить,
Хто ему вѣрно служить,
Таму святой Микалай
На всякій часъ памагаить,
Еще хто къ яму приближдаить
И на помощь къ себѣ призываить,
Еще хто желаетъ яго въ домѣ,
Есть Микалай на земли и на мори,
Вазьмуть яго атъ напасти,
Не дасть яму атъ злыхъ prапасти.
Никалая пастырь сего міра,
Славленъ ва всѣ страны.
Вазьмутъ гласъ варварскіе вравы,
Хатять яго суграждить
И ва пещерѣ спалажить.
Микалай име знаеть малитвы,
Пабѣждалъ свѣтъ за нимъ многія лѣты.
Пабѣждаить и въ гарахъ,
И утѣшаить насъ всѣхъ крестіянъ,
Пабядилъ враговъ нашихъ вовсюды,
Помощникъ атъ скарбей къ намъ прибудить.
Мы жъ тебѣ будемъ праславляти,
Имени твае звеличати Микалая
Мы жъ да тебѣ завсегда праславляемъ,
На помощь къ себѣ призываемъ.
Будь пахваленъ, отче нашъ святитель,
Между кіевскихъ учителевъ,
Міру на вѣки.

Мѣстечко Михайловка
Дмитріевскаго уѣзда
Курской губерніи.

О 12 времянныхъ пятницахъ, которыя постить нужно.

Приходитя вы, братія міряни, вы и послушайтя, што въ нашимъ во славномъ ва горади написано. Написано въ нашимъ гради 12 пятницъ у гаду.

1-я пятница на сырной недѣли на Хвёдаравай. Хто-жъ эту пятницу постить будить съ настомъ изъ малитвами, тотъ челавѣкъ сохраненъ будеть атъ сужденія.

2-я пятница передъ Благовѣщéніемъ. Хто тую пятницу постить будить, тотъ челавѣкъ сахраненъ будить атъ гряховъ умяртвенныхъ.

3-я пятница супрати Христоваго Воскресенія. Хто эту пятницу

пастить будить, тотъ человѣкъ сахраненъ будить атъ скворнасти, атъ болѣзнасти.

4-я пятница супрати Христова Вознесенія. Хто эту пятницу пастить будить, тотъ челавѣкъ сахраненъ будить, атъ нахаловъ, всякія нацасти.

5-я пятница проти Духа Троицы. Хто эту пятницу пастить будить, тотъ челавѣкъ сахраненъ будить атъ вады, заливной смерти.

6-я пятница проти Ильи пророка. Хто эту пятницу пастить будить, тотъ челавѣкъ сахраненъ будить атъ агня, атъ пажара.

7-я пятница проти Успенія Пресвятой Мати Богородицы. Хто эту пятницу будить цастить, сахраненъ будить атъ лихарадки, злой предвѣшнай.

8-я пятница супрати Ивана Предтечи. Хто эту цятницу будить цастить, сохраненъ будить у военныя службы атъ стрѣшныя смерти, убіенства.

9-я цятница проти Кузьмы Демьяна. Хто эту пятницу пастить будить, сахраненъ будить у дарози, атъ заблуднай смерти.

10-я пятница супрати Михаила Архангела Судьи Праведнава. Хто эту пятницу пастить будить, сахраненъ будить атъ звѣря съяденія.

11-я пятница проти Рожества Христова. Хто эту пятницу пастить будить, сахраненъ будить атъ мароза, атъ зябной смерти.

12-я пятница проти Хрященія Ивана Хрястителя Христа Явленнаго. Хто эту пятницу пастить будить, сахранинъ будить мужъ съ жаною, будуть жить у савѣтнасти; а если хто не будить пастить эту пятницу, то народитца у того мужа и жены сынъ: либа воръ, а нѣтъ—разбойникъ, либа надъ нами злымъ начальникамъ будить; мужъ съ жаною не въ савѣтности жить будить. Кагда жъ ины (мужъ и жена) спастятъ пятницу эту, падастъ Господь праукрасный свой рай. Станьте жъ вы, братья міряни, послушайте? Саздавайте милостыню не абсужденнаю, не абгавареннаю!..

Аллилуія.

Историческія пѣсни.

Березовка

Величальная послѣ Пасхи.

Да лелимъ мое, лелимъ,
Сидѣла Аннушка у терема падъ акошкымъ,
У терема пáдъ акошкымъ,
У Юривый головýшки.
Завидѣла Аннушкá
Дáлякó у чистымъ полю:
Бѣлыи шатры стыять,
Жаркыи агни гарять,
Сивыи кони ходють.
—Братецъ Юрьючка,
Кýды жъ то мнѣ дѣтцá,
Куды жъ то мнѣ дѣтца,
Да куда схаранитцá?—
—«Схараню тябе, сястрица,
У каменныхъ палатахъ;
Пасажу тябе, сястрица,
На бѣлымъ камушку,
Пастаулю, сястрица,
Закутаю, сястрица,
Да тридевить дубавыхъ дварей,
Да тридевить камянныхъ палатъ,

Да тредевить залатыхъ замкоу,
Усѣ разамкнулись,
Усѣ развалились.
Атсталась Аннушка́
На бѣлымъ камушку́,
Ударилась Аннушка
Абъ сырой бялой каминь,
Идѣ Аннушка пала́,
Тамъ церквы у пастала́,
Идѣ ручки да ножки,
Тамъ елки—сасонки́,
Идѣ буйная галоука,
Тамъ крутыя горки;
Идѣ русая ко́са,
Тамъ темныи лѣсы́;
Идѣ цвѣтныя платья,
Тамъ зеленый лѣсъ;
Идѣ кроу праливала,
Тамъ синія моря́.

Село Осмонь.

Старички мац, страдатильнички,
Выходитя вы на ву́лицу́
аллали, аллли
Па́слушайтя, што люди говорять
Пра Ивана Васильевича́!
Какъ Иванъ та Ва́сильеви́чъ
Іонъ заду́малъ жа́нитца здѣсь,
Іонъ биреть съ иныхъ та зимѐль,
Іонъ Ма́рью Зя́зюлыуну́,
Мно́га при́даныга бя́реть:
Се́мъ селъ съ при́селачками́,
Га́рада съ пригаро́дачками́,
А Та́тарку съ та́тарченкамъ,
Ди́вяноста ба́ярчинкыу
И—на го́рыду пахах́ивали,
Булаты́—ножи́ната́чивали
Са́рномъ зава́рачивали,
Ха́тять быка свѣжувать
Бальшо́ва али Руда́мазыскага,
Па́лавину иванывскава́,
Падскачилъ та Сенькинъ бра́тъ,
Улавилъ тра́бушинки шма́тъ,
А за и́мъ въ пагонь гна́лись,
За́визали ру́ки—но́ги наза́дъ,
Падлажи́ли падъ ла́вку ли́жа́ть,
Ста́ли ра́спрашивати,—
Іонъ сталъ имъ ра́зсказывати́:
У насъ худыя врі́мина́:
Ку́рица ба́рана радила́,
Ка́черьга яйцо́ снисла́,
Памяло́ раскудахта́лася,
Ухватъ писклятъ выводи́лъ,
Ска́вародинъ за́ писклятами хадилъ,
Хомка рибе́нка ради́лъ,
Па́тапка за́ бабкыю хадилъ,
А Мики́тка ку́мымъ былъ,
А Па́тапка кумою была.
Замкну тябе, сястрица,
За тредевить залатыхъ замко,
Постаулю, сястрица,
Да тридевить караульщичкау»...
Якъ пріѣхау царь Крымско́й
Сы чистыва поля,
Сы чистава поля,
Атъ зяленый дуброви́,
Ударилъ царь крымской
Абъ Юрьины варотики́:
Да тридевить караульщичикъ
Да усѣ разбѣглися,
Да тредевить дубавыхъ дверей
Усѣ раскутались,

Березовка.

Ахъ, съ сила Войскыва
Гусары царя Бѣлыва
Петра первыва,
Во находъ пашли гусары
Усё сы знаменами,
Съ барабанами.
Барабанщики прабили
Па пріунывному,
Жалкія пѣсенки запѣли
Па печальныму,
Па печальныму правѣли:
Иныралъ памёръ,

Инырылыва канёчка
У повадахъ вядуть,
Кована сидѣльца
На кани вязуть,
Сталяноя ружейца
На пличахъ нясуть,
А самаго иныралa
На галавахъ нясуть;
Панясли инырала
Чиризъ три поля,
Чиризъ три поля, чатыри,
И чиризъ темный лѣсъ,
Улажили инырала
Прамезъ трехъ дарогъ:
Прамезъ Курскый,
Прамезъ Тульскый,
Славный Питерскый.

Историческая.

Лужки

Дмитровскаго уѣзда.

Поля чистая турецкая,
Кагда поля мы тябе прайдёмъ
Всѣ пути тваи дароженьки,
Всѣ мѣста славныя, прекрасныя!..
На томъ полю, на томъ чистому,
Мы сайдёмся съ непріятелимъ,
Со такою ардой несчастною,
Со турецкимъ славнымъ корпу-
сомъ!..
На томъ полю, на томъ чистому,
Турки пьяны напивалися,
Промижъ сабою выхвалялися:
—«Мы Расеюшку наскрозь прай-
демъ,
Гарчакова во палонъ вазь-
мёмъ!..»
Гарчаковъ князь разгаваривалъ:
—«Паслужите-ка, ребятушки,
Страявые вы, салдатушки,
Паслужите царю Бѣламу»!

Збушавалася-й война—
Все Хранцузская зимля.
Всю Расіюшку прашла,
Маскву горатъ падашла,
Пу-падъ Бѣлыга царя,
Падъ Платова казака.
Платовъ казакъ анаралъ
Чиризъ законъ пастунилъ,
Себѣ борыду пабрылъ,
У Хранцуза у гастяхъ былъ;
Хранцузъ яго ни вузналъ,
За купчика пачиталъ,
За вабраный столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ,
На падноси паднасилъ,
Гаспоть милысти прасилъ.

Село Шоблыкино

Карачевскаго уѣзда.

Взвалнавалася вална,
Падымаетца вайска,
Вся Хранцузская земля
На бѣлова на царя,
На Платова казака.
Чиризъ законъ казакъ ступалъ,
Себѣ голаву іонъ астригъ,
Себѣ бораду аббрылъ;
У Хранцуза у гастяхъ былъ.
Французъ яго не узналъ,
Са пастели устывалъ,
За бялыи руки бралъ,
Купчинаю узывалъ,
За вабраный столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ,
На падносѣ падавалъ.
—«Выпей рюмку, выпей двѣ,
Скажи правду всее мнѣ
Пра бѣлага пра царя
Пра Платова казака!..
Кабы хто мнѣ яго взналъ,
Таму бъ многа казны далъ»!..
—На што табѣ казну тирять?—
Яго можна такъ узнать:
Іонъ ростамъ невяликъ,
Словна братецъ мнѣ радной—
Мы съ нимъ матушки адной...
За эты за слава
Дарилъ варана коня;
Іонъ за горадъ выѣзжалъ,

Сталъ записачку писать,
Канямъ гриву завизалъ,
Назадъ кони отсылалъ:
—«Ты варона разиня,
Французская карга—
Не успѣла ты, варона,
Яснава сокала лавить»!..

Цикловыя пѣсни.

Село Дамаха.

Протяжная Микольская.

Да калинушка малинушка
Мой бѣлый цвятокъ,
Да виселая да бесѣдушка
Гдѣ батюшка пьеть;
Іонъ пьеть, ни пьеть,
Да галубчикъ мой,
За мной младой шлеть.
А я, млада, младешуньке,
Да замѣшкалася,
Да за гусими, за вутими,
За лебедими,
За вольнаю птицаю
За журюшкаю.
Да журавушка
Па бережку пахаживала,
Кавыль, травку шалковую,
Пащипавала;
Стюденаю да вадицаю
Захлебавала.
Да за рѣчкаю, за быстраю,
Крутая гара;
Да на тэй гарѣ,
На крутенькяй,
Чатыри двора;
У тѣхъ дварахъ,
У дворикахъ,
Чатыри кумы.
Да вы, кумушки,
Падружуньки,
Кумитися вы,
Да кумитися,
Да любитися,—
Любите мине;
Пайдете вы зеленый садъ,—
Вазьмите и мине;
Сарвете па цвѣтику,—
Сарвите и мнѣ:
Пайдете вы къ абѣденки,—
Вазьмите мине;
Савьете вы па вяночку,—
Вы свейте и мнѣ;
Узложите на галовушку,—
Узложьтя и мнѣ;
Пайдете вы на Дуну рѣку,—
Вазьмите жъ мине;
Сваи вѣнки пасметали вы,—
Сбросьте и мой!..
Вси вянки паву сплыли,
(А) Мой патанулъ.
Ср. пѣсню Смоленскаго уѣзда.
Вясѐлая бясѣдушка, идѣ батюшка пьеть...

Пѣсня та поется на «Микольщинѣ» и пирушкахъ.

Березовка.

Святочная.

Взайду, малада, на гару,
Гляну малада, падъ гару;
Тамъ ишли прашли три палка;
Ва первымъ палку палкавой,
Во другомъ миравой,
Ва третимъ палку мой милый.
Заизжай, милый, начивать
На тисовую кравать,
На мяхкыи пярины,
Привяжи каня ка тыну,
Востру сабильку падъ тынокъ!
Ой, рабочіи ани же вары:
Варана каня увяли,
Востру сабильку украли,
Самаго дружка убрали.
Теперь то мнѣ пагулять:
Ручки—ножки ни балять,
Усѣ сустаўчики гаварять.
Деверилушка мужнинъ братъ,
Правади мяне у клѣтку спать,
Правадемши, хуть часъ пастой,

Што ладушка сгаварить:
Кали бить будить,—атыми;
Журить будить,—увайми;
Цѣлавать будить,—прочь атый-
ди.
У варотъ дѣука стыяла,
Рукавомъ дѣука махала
Къ сибѣ парня дажидала
И бялова и румянова
И маіора маладова.
Какъ маіоръ маладой
Часта по таргу ѣзжалъ,
А синь порыхъ закупалъ,
Писталеты зарежалъ,
На Дуну рѣку пущалъ.
На Дунай на ряки
Нѣтъ ни кала, ни двара,
Ни скатины—живата,
Адинъ сѣренькій катокъ,
Кучирявинькій лабокъ.
Какъ спавадился катокъ
На баярскій на дварокъ,
Кы барыни удавы,
Кы маіоравый жаны.
Якъ маіорыва жана
Урадилась хараша,
Катяринушка душа.
Какъ ки етый Катярины
Да три парни прихадили
Иванюши заудалыи:
Адинъ Ванька,
Другей Марка,
Третій самъ Ирмалай.

Березовка святочная.

Охъ, ты, люба, ты, люба мая,
Люба, люба, заудалая галава,
Прихади-ка вичаромъ ка мнѣ,
Погляди-ка, мой сударикъ, на
мине,
Какава жъ я зимою была.
Я зимой была румяна,
Слова краличка написаная,
Вуму-розуму насыпаная.
Ты вяли жъ разувать-раздѣвать,
Часты пугауки растёгывати,
Шилкавы плети раздергывати...
Ни таво-ли ятца-матери дачка,
Штобъ стала разувать-раздѣвать,
Расканалью распаясывать,
Часты пугыуки растегывать,
Шалковы плети раздергивать.

Ср. Смоленскую:

Поздна вечира на вулицы гу-
лянть,
Къ палуначки іонъ дворычку
приходить,
Попирикъ кравати спать ла-
житца
Зативаить младешуньку разу-
вати,
Зяленыи кахтаники раздивати

Святочная Березовка.

Возли мосту, возли гати,
Вырастала трава мята,
Пухавита, духавита,
Сладкая водачка налита.
Салавейка, салавейка
Салавейка маладая.
Дѣвушка па садику гуляла,
Сваю долю праклинала:
—Ты, доля, ты, доля,
Охъ, ты, доля худая!
Хто жинатыга любить,
Халостыва пригалубить?
Какъ жинатый поздна вечира
приходить,
На караватушку лажитца,
Ни абумши, ни адѣмши,
Падпаясамши у шляпи,
Чорная шляпа съ касниками,
Зеленый калпакъ сы кругами.

Примѣчаніе.

Возли мосту, возли гати,
Вырастала трава мята,
Пухавита, духавита,

Сладкая водачка налита.

Мята съ подобными же эпитетами встрѣчается и въ Смоленскихъ пѣсняхъ.

Рождественская.
Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Пастрѣльцы Лущанскіе маладцы
Стрѣляли полю за лисицами,
Убили, убили соракъ лисицъ лисавыхъ,
Два зайца палевыхъ.
Савельюшка гаварить:
Татьянушкѣ шубу шить,
Тимафеевнѣ новую;
Восипушка гаварить:
Аганьюшкѣ шубу шить,
Васильевнѣ новую;
Иванушка гаварить:
Фядорушки шубу шить,
Масеевнѣ новую.

Рождественская.
Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Вулица, вулица,
Хто вулицу тарилъ,
Хто широкую тарилъ?
Тарили улицу широкую
Баяре каретами,
Частыми периметами,
Хрустальнай калясачкай.
У карети Савелій Иванавичъ,
У периметя Осипъ Тарасьевичъ,
Въ хрустальнай калясачки
Иванъ Ефимавичъ.

—

Вулица, вулица,
Хту вулицу тарилъ,
Хто широкую тарилъ?
Тарили улицу широкую
Баярыни каретами,
Частыми периметами,
Хрустальнай калясачкай.
У карети, карети, Татьяна,
Мать Тимафевна,
Въ перемети Аганья Васильевна,
Въ хрустальнай калясачки
Фядора Масеевна.

Святочная Березовка.

Узыграўся воранъ
То съ гары на гару,
Наламалъ желѣзный тынъ,
Расхалолъ дубовый мостъ.
Вешанья—арѣшанья
И ябланка садовая
На пришади стыяла,
И на при солнушку зрѣла,
Ни добре сильна атцвѣла,
Панямногу радила:
Усяго три яблачка,
Усяго три зрѣлыи;
Первыя яблычка—
Яблычка Алексѣюшка,
Зрѣлыя Стихванывичъ;
Другоя яблычка—
Яблычка Андреюшка,
Зрѣлыя Михайлывичъ;
Третія яблычка—
Яблычка Федорушка,
Зрѣлыя Ликсѣевичъ...
(Потомъ такимъ же образомъ величаютъ бабъ).
У саду подъ игрушію
Припаду, паслушаю,
Какъ Алексѣй жану кличитъ:
Душка жанушка Аудотьюшка,
Животикъ Ликсѣевна.
Ну, рибяты, рибятушки,
Ни жинатыи, халастыи,
Вы ни сохнитя, ни балитя,—
Абъ дѣвыкъ Богу малитя:
Вы будитя пажинаты:
И старыи и малыи,
И самыи удалыи,
Нигадяи ніудалыи!—
Маладушки маладыя
У клѣть мужьуё запирали
За три двери, за чатыри,
За три замка залатыи.—

Сама пайду на вулицу,
Играю я да полуночи,
Да палуночи да бѣла свѣту.
Пришла двору—развѣтаить,
Мой младой мужъ уставаить,
Шолку плетку падымаить
На мае тѣла на бѣлóя,
На мое лицо румянóя,
На мае брови ни чарныя,
На мае плечи на бялыя.

Ср. Смоленскую:

А я млада у грибы пашла;
Съ грибоў пришла, я ю пиръ зайшла;
Въ пиру млада всяе ночь была,
— Идѣ жъ ты, жана, всяе ночь была?—
— «Ти ты жъ, мой друхъ, адурачіўся,
Адурачіўся—ни варочіўся:
Всяе ночь за табой спала,
Ручки ножки на тябе клала.

(Поется на пирушкахъ).

Веребей пива варить,
Маладой пива варить,
Вirебей сына женить,
Іонъ усѣхъ пташикъ сабралъ,
Усѣхъ легенькихъ,
Адну саву ни звалъ,
Адну Андреіўну.
Сава таравата:
Сама на пиръ пришла,
Сѣла на зыбычки,
Зайграла у скрипычку.
Вирибей скакать пашолъ,
Маладой папрыгывать,
Савы нагу аттапталъ,
Андреіўну нагу аттапталъ;
Сава надулася,
Ина дамой сабралася,
Дверью грѣкнула,
Варатами скрипнула;
Вирибей у дагонъ пашолъ,
Маладой у дагонъ пашолъ:

—«Варатися, совушка,
Варатися, вдовушка!..»
—Ни тово роду—племени,
Штобъ назадъ варатилась,
Вирибья паслушала:
Вярти тваю голыву
На низнамую сторану

Падъ пень галавою!....
Ты, и—Груня мая, Груня,
Груня ягыда мыя,
Спавадилася Груня
Часта по ваду хадить,
Па задворью ваду лить,
Ка Ляксѣю захадить,
Алексѣюшку будить:
— «Устань, Ликсѣй, прабудися,
На минъ, младу, ни сярдися!...»
— Ой, я, млада, ни сярдитъ:
Люблю тябе, душу,
Трясу тябе, што ю грушу.—

Я заплачу зарыдаю,
Сваяго дружка спавидаю.
Мой милинькій харошъ,
Чернаброў душа пригожъ,
Ко мнѣ ў гостюшки пришолъ,
Да хатушки да навой.
Каравать нова тисава,
Пяринушки пухивы,
Узгалоўица крутоя,
Адіялица тяплоя.

Парень переходитъ черезъ рѣку и переводитъ съ собою дѣвушку.

Ты, заря-ль мая, зорюшка,
Зорюшка вячерняя,
Солнушка усхожія,
Висако усхадила,
Даляко святила
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,

Люблю тябе (какъ) душу,
Трясу тябе, што ю грушу.
Сравненіе это попадается въ пословицѣ очень распространенной:
Люби жану. какъ душу,
А тряси, какъ грушу.

Через синія моря.
На синимъ на мори
Тамъ лижала достычка,
Достычка яловая,
Жердачка кляновая.
Какъ па тэй па достачки
Нихто ни хаживалъ,
Никаво ни важивалъ,
Пиришолъ Ликсѣюшка,
Пиришолъ Стихванывичъ,
Пиривёў Аўдатьюшку,
Пиривёў Ликсѣўну,
Пиривемши цѣлуваў,
Цѣлувамши милуваў.
Другъ ты мой Аўдотьюшка,
Серца мае Алексѣеўна,
Ты мине састарила,
Бизъ ума паставила.
Ты радила бъ сына,
Што бѣлыга сыра;
Ты радила бъ дочку,
Што бѣлага снѣжочку.

Тирязъ рѣчушку калинушка лижала,
А нихто жъ тирязъ рѣчку ни пярейдить
Пиряйшоу пирядхыў дый Масейка,
Пирявёў пирявёў дый Катьку.
По масту, масту, масточку,
Па калинывымъ зеленымъ,
Тамъ ишолъ прашолъ дятинка;
На плячу яго дубинка,
Надъ мышичкый гудочикъ.
Загуди-ка, мой гудочикъ,
На ў весь гарадочикъ!
Выдить Дарья,
Выдить Марья,
Самазванная Алёна,
Сама замужъ назвалася
За пасадскыга сына,
Три недѣли платокъ шила,
На четвертый вышивала,
На пятый атсылала.
Я думала пасадскій,
Ажно с... сынъ дисятской,
Украшинъ, уряжинъ,
Въ чулочкахъ, въ чибаточкахъ,
Въ пистрядиныхъ платочкахъ,
Въ полушолкавый рубашки,
Зеленый кафтанъ на пашки.
Какъ Алешка воръ сабака
Са ахотыю хадилъ,
Сѣрыхъ заюшикъ лавилъ,
Іонъ лунька улавилъ,
Лунька сѣренькава,
Сизакрыленькева.
Ты присядь, присядь, лунекъ,
Присядь, милый живатокъ,
Патихохыньку,
Помалёханьку!
Выпій рюмычку винца,
Па стаканчику пивца,
Пабесѣдавай, лунекъ,
Пабесѣдай, живатокъ,
Патихоханьку,
Помалёханьку!
Нацередъ, мой лунекъ,
Напередъ, живатокъ,
Патихоханьку,
Помалёханьку!
На бачокъ, мой лунекъ,
На бачокъ, живатокъ,
Патихоханьку,
Помалёханьку!
Назадъ, мой лунекъ,
Назадъ, живатокъ,
Патихоханьку,
Памалёханьку!
Распушись, мой лунекъ,
Распушись, живатокъ,
Патихоханьку,
Памалёханьку!
Паубярись, мой лунекъ,
Поубярись, живатокъ,
Патихоханьку,
Памалёханьку!
Подымись, мой лунекъ,
Подымись, живатокъ.

[1]) Въ Смоленскомъ уѣздѣ подобная же пѣсня *поется весною.*

Патихоханьку.
Пamалêханьку!
Стрипянись, мой лунекъ,
Стрипянись, живатокъ,
Патихоханьку,
Памалêханьку!
Палетѣлъ нашъ лунекъ,
Палетѣлъ живатокъ,
У зеленыи луга,
На шалковую траву,
На стюденыю ваду,
На зямчужную расу.
Какъ ѣхала кума
Сы навова гарада,
Станавилася кума
Проти кумыва двара,
Чирядилися ў кумы
Читыри бяды:
Какъ и первая бида
Паламилася дуга,
Дуга êлгавая;
Какъ и другая бѣда
Раскалолися клящи,
Клящи клêнавыи;
Какъ и третія бѣда:
Абарвалися гужи,
Гужи шелкавыи;
Какъ четвертая бѣда:
Да разбился кувшинъ,
Мнѣ не жаль кувшина,—
Жаль теплый вады.
Возира, возира
Разливалась ширако,
Дли бережку глыбако.
Псарь коника паіў,
Самъ малитыўку тваріў,
На гару каня ўзвадіў,
Ки верeюшки привизалъ,
Сударушки приказалъ:
— «Ты, сударушка мыя,
Биряги майго каня,
Каня ворынывa,
Сядло кованыя,
Златыя стримина,
Шалковыя павода!...»
Ва кустѣ, кустѣ
Ва калинывымъ,
Ва другомъ кустѣ,
Ва малинывымъ,
Въ третимъ кустѣ
Во лазуревымъ:
Во калинывымъ
Салавеюшка;
Во малинывымъ
Пирепелушка;
Салавеюшка
Аликсѣюшка:
Пирепелушка
Аўдотьюшка.
Салавей съ какушичкай
Разгивариваў:
— «Палятимъ, какушичка,
Ва мой зеликый садъ!»
Ва маêмъ во садику
Маладецъ гуляў;
Ходіў гуляў молыдицъ
Нидобре іонъ весêлъ.
Какжа мнѣ, молайцу,
Висялому быти?—
Журить—бранитьбатюшка,
Самъ ни знаить за што,
Хочить мине батюшка
Во салдаты атдать,
А мнѣ было моладцу
Не хатѣлася,
Хатѣлось мнѣ моладцу
Хучъ гадокъ пабыть,
Хучъ гадокъ пабыть,
Другой пагулять,
Другой пагулять,
У въ Масквѣ пабывать,
Въ Масквѣ пабывать,
Салдатъ павидать.
Салдатушки батюшки
Па страгу стыять,
Па ружью диржать,
Ружью учатца,
Ружью, ружью учатца,
Слезы катютца,
Дамой просютца,
Къ отцу къ матери,
Къ отцу къ матери,

Къ роду племени, и
Къ малымъ дѣтушкамъ,
Къ маладой жаны.

Березовка святочная.

Дарожинька мая, дарожинька,
Дарожинька широкая,
Што жъ ты, мая дарожинька,
Пыльна зацылилась?
На мнѣ па дарожиньки
Извощачки праѣзжали,
Бушуванами калёсами
Дарожиньке узбивали;
За етыми за извощиками
Салдатъ роту гонють,
За етыми за салдатами
Бяжить, бяжить малодушка,
Ана слезна плачить.
А чомъ ты, малодушка,
А чомъ слезна плачишъ?
— Какъ жа мнѣ, салдатушки,
Какъ жа мнѣ, ни плакать?
Аднъ былъ у мине зиленыи садъ,—
И тотъ засыхаить;
Адинъ былъ у мине салоуюшка,—
И тотъ съ сада вылитаить:
Адинъ былъ у мине любезный другъ,
И тотъ тяперь пакидаить.

Березовка во время святокъ.

Въ аднэй печи агонь гарить,
Въ другей печи жаръ, жаръ.
Мнѣ дружка сердечныва
Мнѣ его жаль, жаль,
А какъ жаль сказать неўвазможна,
Мнѣ на ёмъ тошна.
Сы горя, сы кручины
По саду гуляла,
Калинку лумала,
Предметъ примѣчала,

Примѣчаніе.

Калинку лумала
Примѣты примѣчала.

Выраженіе это часто попадается въ Смоленскихъ пѣсняхъ.

Дружка варачала:
— «Варатись, мой милый другъ,
Варатись, надежа!
Не варотишься, надежа,
Махни хуть рукою,
Ни рукою, ни правою,
Шляпуй пухавэю!
Мая шляпа пухавая
На три поля зьяить,
На вси на чатыри.
Загадаю я загадку,
Изволь атгадати;
Загадаю я другую,
Атгадай любую.
— Съ чего, съ чего кудри вьютца
Съ чего кудри вьютца,
Съ чаво сякутца?—
Съ радысти кудри ўютца,
Съ печали сякутца.
Какъ я съ милымъ савыкатца,
Кудри завиватца;
Охъ, пращай, кума,
Пращай, душа.
Мы ни знаимся,
Ни свыкаимся.
Пра мизъ насъ, кума,
Рѣчка пратикла,
Какъ на тэй ряки
Сизъ гаголъ плыветь
Сы гаголкыю,
Съ гагалятами.
Што сизой гаголъ—
То я горюшка
Авдакимывичъ,
Сизая гаголушка—
То Фрасиньюшка
Матвѣеўна,

Гагалятычки
То ихъ дѣтычки.

—

Примѣчаніе.

Пѣсня поется въ Смоленской губерніи на Микольщинѣ и на крестинахъ.

Ельнцк. уѣздъ Смоленской губерн. Рудня.

Ты кума мая,
Ты душа мая,
Чиризъ тынъ живёмъ
Мы ни знаимся
Ни видаимся;
Прамезъ насъ, кума,
Рика тякеть,
Рѣчка быстрая
Биряжистая,
Па тэй рякѣ силязень плыветь,
Силязень плыветь
Съ сѣра вутицыю
И зъ вутинятками:
Силязенича то Валодичка,
А сѣра вутица то жина яго,
А утинатушки то ихъ дѣтычки
От Авдотьи Тимофѣевой

Березовка во время масляницы.

Кума мыя, душа мыя,
Што мы близка живемъ не знаемся,
Не знаемся, ни знакомимся.
Прамезъ насъ съ тобой ручей тякеть,
Ручей тякеть сяребреный;
На томъ ручьи гаголь плыветь
Сы гаголкыю.
У гогаля залата галава,
У гаголки подзалочиная
Гаголешка... Н...
Гаголушка...
Какъ я съ милымъ развыкатца,
Кудри развиватца,
Савыкалась я съ милымъ
Падъ бѣлай бярезай;
Развыкалась я съ милымъ
Падъ горькай асинай.

Во время масляницы. Солдаты.

Луга балота вадой залило,
Маладую малодушку печаль узила.
Давно, давно я у батюшки была,
Теперь мая дароженька травой зарасла,
Калиною малиною цанависла,
Чорнаю смародинаю панакисла.
Какъ я у гости пахачу, траву патапчу,
Калинаю, малинаю, приламаю,
На крутые бережки пабрасаю,
У радимаго у батюшки пабываю,
Радимому батюшки попеняю:
— Што жъ ты ка мнѣ, батюшка,
Въ гостюшки да не ѣдишь?—
У мене, у маладешеньки, старый старичища,
Іонъ мене любить, а я яго нѣть;
Сапожиньки купить, а я не абую,

Онъ мнѣ шубу сашьеть, а я ее не адѣну;
Къ абѣденки пашлеть, а я не пайду,
Хатя я пайду, и то не аглянусь;
Хочъ аглянусь, и то не усмѣхнусь.

Масляница.

Осмонь.

Березовка.

Во время масляницы.

Шли казаки съ—падъ Избру́,
Ой люли, люли,
Нясли аны ружьи за сабою,
Пустили пожары по дуброви:
Всѣ елки сасонки пригарѣли,
Кучурявая береза причадѣла́,
Салавьиная гнѣздечка вспылых-
нула.
Саловьюшка къ салавейки при-
литайть.
Я табѣ салавейка гаварила:
Ты не вей гнѣзцечка при ў да-
рози́,
Ты свей-ка гнѣздечка при лу-
же́чку,
При калинывымъ малинывымъ
кустечку:
Туды казаки на заходють,
Туды пожарыў ни заносють.

Масляница.

Предчувствіе весны.

Га́лушка клюшница́,
Вы́лити съ за́мырья́,
Вы́ниси два́ клю́ча́,
Два́ клю́ча зало́тый,
За́мкни зи́му хало́дную,
Ата́мкни (лѣта) 2 те́плый,
Вы́пущай тра́ву шо́лковую,
Ра́стила́й расу́ зя́мчужную.
Па́ тэй па травушки
Хо́дили три па́ву́шки,
Три павы́ купавы́.
Пе́рвая па́вушка́,
Первая куповая—
У яснымъ золоти
Друга́я па́вушка́
Другая купавая—
У чистымъ се́ребри;
Тре́тія па́вушка́,
Тре́тія купавая—
Въ атлася у ба́рхати́,
У я́снымъ зо́лати́,
То́жа на Ива́нывá
Та́тьяна Са́мойлывна;
А у чи́стымъ се́рибру́
Тожа на Ти́ха́нывá—
Агафья Хведырывна́,
Въ атлася́ у ба́рхати́
То́жа Ано́й лива́ 2,
Гра́фена Семе́нывá.

Смоленскій уѣздъ.

Галушка клюшница. Также. Ластыўка клюшница. Также поется «пчелычка», поется не масляницей, а великимъ постомъ.

Березовка.

2 февраля.

Галушка клюшница,
Вылети съ-за мыря,
Ахъ и лялё, ладо маё,
Атамкни лѣта,
Ахъ, и лялё, ладо маё,
А зиму замкни,
Ахъ, и ляле, ладо маё!

Во время масляницы, протяжная.

Лужки

Дмитровскаго уѣзда.

Плавала либедка,
Плавала бѣлая,
Семь лѣтъ по марю,
Искала лебедка,
Искала бѣлая,
Лебедя бѣлага.
—«Лебедь мой лебедь,
Лебедь мой бѣлинькій,
Звонкія крылушки,
Рябыя перушки,
Што тебе, лебедёкъ,
Не слыхать стала:
Ай тябе, лебедекъ,
Вадою залила,
Валной забила»?..
Пракричалъ лебядёкъ:
—У, князя на дварѣ
Лавили лебедя,
Рѣзали бѣлаво,
Князевы кучеры;
Щипали лебедя,
Щипали бѣлаво,
Сѣнныя дѣвушки,
На пяринушки
Катяринушки;
Жарили лебедя,
Жарили бѣлава,
Князёвы повары;
Кушали лебедя,
Кушали бѣлава
Князь съ княгинею,
Братъ съ сястрицею.
Сестра братца суправодила
Черезъ три поля,
Поля чистыя,
Черезъ три луга,
Луги зеленые.
Братъ сяструу
Варачалъ двару:
—«Ты вярнись, сестра:
Ны табе имга пала»!—
—Не имга, братецъ—
Журьба свякрова—
И свякровьини.—

На масляницу.

Село Шаблыкино

Корачевскаго уѣзда.

Разлука съ семьёй, родомъ—племенемъ.

Я литала перепелкыю
На чужей старанѣ,
Я искала сабѣ батюшку
На чужей старанѣ;
Тольки я нашла
Стиденую воду у колодези.
Скалыхнися стиденая вода у калодези,
Атклинкнися мой батюшка на чужой старонѣ!
Ни скалыхнулась стиденая вода у калодези,
Не атклинкнулся мой батюшка на чужой старонѣ.
Узыйду я, малада, на крутую гару,
Припану я ка сырэй зямли;
Абалыюся гарячими слезми
Попатѣшу свое ретивоя сердца.

Во время масляницы.

Село Шаблыкино

Корачевскаго уѣзда.

Парень облюбовываетъ себѣ дѣвушку.

На улицѣ на широкой,
Ладо, ладо,
По муравой, па зялёной.
Разосланъ войлакъ,
Каспчатый, перебирчатый,
На войлачку залатое стульца,

Ва стуличку заўдалой моладецъ,
Заўдалой моладецъ Николушка,
Перебираеть красныхъ дѣвокъ.
Усѣ дѣўки харашн—пригажи,
Адна дѣўка палучше всѣхъ,
Лучше всѣхъ и прагожѣй всѣхъ.

Село Домаха.

Свиданіе съ родными, родомъ племенемъ.

А у варотъ, у варотъ,
Микалаивыхъ,
Стаяла древичка,
Тонка да високая,
Листомъ широкая;
Ды на томъ на древичку
Винныя ягадки:
Да на тэхъ на ягадкахъ
Дробныи пташички.
Вышла, павытекла
Красная Ликсандрушка,
Махнула рукавомъ,
Махнула бѣлчатымъ:
—«Охъ, щиги у луги,
Дробныи пташички,
Наклювали вы
Винныя ягадки!..
Мнѣ тыи ягадки
Самэй надабны
Къ батюшки у гости'тить,
Да батюшки гастинцы несть». -

Село Дамаха.

На масляницу.

2.

Свиданіе съ родными, родомъ—племенемъ.

Да луги балотички
Да вада падняла,
Да мине, маладешунькю
Печаль узяла:
Давнымъ я давнешинькя
У батюшки была.
Ужель мая дарожинькя
Травой зарасла,
Калинаю—малинаю
Панависла?!.
Какъ я пахачю,
Траву притапчю,
Калинушку да малинушку
Приламаю,
Охъ, (у) сударики батюшки
Пабываю.

Село Дамаха.

На масляницу.

Стаяла сасонушка
У щирыхъ барахъ,
Да на тэй жа сосонушки
Ясьменъ саколъ,
Да на тэй жа сасонушки
Яны пчелы:
Да сверьху сасонушки
Яры пчелы,
Съ корния сасонушки
Ясьменъ соколъ.
Бронють, бронють сасонушку
Красны дѣвки:
-- «Охъ, штобъ тебе, сасонушку,
Богъ не любилъ»!..
Стыяла у воротъ сасна,
Ина скалыхалася,
Тамъ и дочь къ атцу
Сабиралася,
Тримя мылами
Умывалася,
Тремя да полотнами
Утиралася:
Пярвóя мыличка
Мыла Турецкая,
Другая мыличка
Мыла Маскоўская,
Третія мыличка
Да Бялоцкая;
Съ Турецкага мыличка

Брови чорныя;
Съ Маскоўскаго мыличка
Лицо бѣлыя;
Съ Бялоцкага мыличка
Лицо да румяныя.

На прощенный день.

Село Дамаха.

Ни тяки вада
Зъ горъ да па камушкамъ!
Ни спяши, батюшка,
Ни спяши, родниинькій,
Мине замужъ атдать:
Ды у мине дары
Ни напрядины,
Не павытканы,
Хучъ павытканы,
Ни пабѣлины,
Хучъ пабѣлины,
Ни падарины.

Въ Смоленскихъ пѣсняхъ вмѣсто «ни тяки вада» употребляется выраженіе «ни лялѣй вада»; этимъ выраженіемъ кромѣ движенія воды передается еще оттѣнокъ, какъ вода волнуется. Въ народномъ языкѣ Брянскаго уѣзда встрѣчается выраженіе «вода лялѣить».

Лужки
Дмитровскаго уѣзда.

Гавелишная.

Игруша, игруша,
Зелёный лужокъ,
Вырасти груша
Вотъ этакая!
(поднимаютъ руки вверхъ).
Мы пива напьёмся,
Увсѣ разайдёмся!

Благовѣщеніе.

Село Шаблыкино.
Карачевскаго уѣзда.

Краватушку мащу,
Пастелюшку стелю,
Узгаловьице кладу,
Съ милымъ спать ляжу.
Положу я милаго
Атъ синяго моря,
Атъ чистаго поля,
Сама я, млада, ляжу
Атъ чистаго поля,
Атъ синяго моря.
Падымись, падымись, вѣтиръ,
Са луговъ, сы балотовъ,
Сы чистаго поля
И съ синяго моря!
Скати, скати, вѣтиръ,
Маяго милаго,
Маиго пастылаго!

На Благовѣщеніе.

Собирается кругъ дѣвочекъ, потомъ одна изъ дѣвочекъ беретъ хворостину и бѣгаетъ «вокругъ карагоду», а другая будто бы идетъ къ обѣднѣ, а потомъ садится обѣдать въ кругу: палочка служитъ ей рюмочкой, комочекъ земли хлѣбцемъ.

Вокругъ второй дѣвочки бѣгаетъ карагодъ и кричитъ:

— «Пéрцы варотца»!

Встаетъ, помолится Богу:—«благодаримъ покорно всѣмъ! Што жъ я сама пабѣдила, а гусей ни кармила?»—И «пакличутъ» всѣ:....

— «Те, те, те»!

— Нада жъ ихъ пащупать!.. Пощупаетъ и станетъ сыпать землицы; послѣ этой процедуры входитъ въ кругъ дѣвочка съ хворостиной.—Здрастуй, кумушка!—«Здрастуй!»—Давай панюхаимъ съ та-

бою табачку! Што жъ ты, кумушка, брала у мине деньжонокъ—нескора атдаешь?—«Кума, ни время мае: у мине многа дочерей, раздала сейчасъ»!

— А ты, такая, сякая, обманывать!..

У мине сваи дочери есть...

«Станить съ хварастиный зи ей ганятца, дратца». Карагодъ весь разсыпится и закричитъ:

— «Ахъ, матушка, матушка, убили тебе»!..

Построеніе города.

Березовка Весенняя.

За гарою камянной горадъ
Да ранымъ рано,
За гарою камянной,
Думаль мой,
Наши быяри горыдъ строють,
Ва три стя́ны камянныи,
Четвертую желѣзную,
А пятая макавица,
И ни макау́ки двѣ ластушки,
Вьютъ анѣ гнѣзды
Съ чо́рныва шо́лку,
Пи́рививка залатая,
Пирисыпка зимчужная,
Снясли жъ яны па яичку,
Снясли жъ яны па ядинымъ,
Вывили дѣтыкъ либидиныхъ одналѣтыкъ:
Адно дитё сажоныя,
Другая ражоная;
Сажона Е-а А-а,
Ряжоная Н—ъ, В—ъ.

Березовка Весенняя.

Груша ма́я гру́шица зелина́,
Да ляли, ляли, лялёшаньки, зе́лина́я,
Скольки табѣ гру́шица зе́линой быти,
Ой да ляли ляли лялешоньки зиляной бы,
Да пара табѣ гру́шица за́сыха́ти.
Вышла на игрушицу три бизгодья:
Первая безгодьица́ буйныя вѣтры́,
Другоя безгодьица дробныя до́жжи́,
Третія безго́дьица люты моро́зы́.
Се́рца мае се́рдечка ре́тиво́я,
Ско́льки табѣ се́рдечка ва мнѣ ны́ти́?
Да пара пра милова дружка позабы́ти́.
Ни забу́ду, милый другъ, ни забуду́,
Да пакель мае ножыньки спаты́кну́тца,
Да паке́да ручушки япустютца́,
Тацы прамила дружка позабу́ду́.
Ай, да какъ запали ма́е пу́тики́,
Ой, да зарасла ли мая дарожуньки,
Ой, да куды милый другъ прихáживáлъ,
Ай, да куды, куды милый дру́гъ прихáживалъ,
А сонъ цвѣтная платья прина́шива́лъ.

Ой, да мнѣ пить ни ѣсть ня хочетца́,
Ай, да мнѣ цвѣтная платья няно́ситца́
А да мнѣ работушка на ву́мъ нейдёть,
Ой, да милъ серде́шный другъ самъ нейде́ть,
Да милъ сердешный другъ самъ не йдеть.
Ой ли сы́ вяликыга крѣпкыга разума,
Ой, даляжу спать малада, ми́лъ во снѣ снитца,
Ой, да ва снѣ снитца, ва снѣ грезитца.
Ой, да черезъ три поля съ ми́лымъ ви́дилась,
Ай, да черезъ три поля съ милымъ видилась,
Ой, да черезъ рѣчушку сло́ва мо́лвилась,
Ой, да па табѣ милый чуть жи́ва́ хажу́,
Ой, да толька стѣнь мая шатаитца́,
Во галавѣ разу́мъ миша́етца́,
Ой, рѣзвы ножуньки спа́тыка́ютца́,
Ой, да рѣзвы но́жуньки спа́тыка́ютца́,
Када бѣлы ручушки япущаютца́.
Цвяли, цвяли а у́ поли цвяточки,
Аны стали па́мирка́ти́,
Любилъ парень дяу́чоначку,
Да іонъ сталъ спа́кида́ти́,
За што нашто́ милый спакидаишь.
Нисчасливенькія милыму дарожка,
Да куды милъ паѣха́лъ.
Паѣхалъ ми́лый ва путь, во дорожку,
Да во те́мныи лѣсы́.
Ссяку, срублю за моремъ кали́ну
Падъ самый карянёчикъ,
Завяжу я охъ и за маримъ ка́ли́ну
Я у шаливый плато́чи́къ,
Павязу я за маримъ ка́ли́ну
Я къ и-батюшки у садоче́къ,
Пасажу я́ калину, за маримъ калину,
А у саду ли падъ игрушай;
— „Расти жъ ты мая за маримъ калина
Ты расти жъ ра́зрастайся́,
Живи, мая любезная,
Ты ни абъ чемъ ни́ пича́льси́!
Придить пра́здникъ васкрясенья,
Мы паѣдемъ на́ весе́лья“!

Сельце Березовка.

Дмитровскаго уѣзда.

Весенняя.

Ты́, далина, ты, дали́на, ши́ракая,
А ширака́я,
Ли далинушки рябинушка стыяла,
А ина стыяла,
Дли рябинушки дарожунька лижа́ла,
А ина лижа́ла,
На дарожки дѣўка парня приважала,
Приважала,
А ина пра всё съ милымъ гаварила,
Гаварила,
Пра ядиныя славечка прозабыла,
прозабыла́.
— «Ты поѣдишь, мой милой другъ, тыю службу,
ты услужбу,
Ни жани́ся, мой милой другъ, ни жанися,
Ни бяри-ка ты, милой другъ, себѣ вдоўки,
Ты юдоўки.
Какъ у вдовушки обычай ни дявичій,
Ай ни дявичій,
Ина пастелюшку стелить, сама пла́чить,
Узгалу́йца ускладаить, же рыдаить,
Ина пра прежнія замужества спамина́ить;
«Ахъ, и свѣтъ, ахъ, и свѣтъ, мае прежнія замужества,
Ай, да замужества цалування, милува́ння, обнимання»!..

Село Дамаха.

Скакальная.

Стой, милъ карагодъ,
Стой, ни расходися,
Ой а ли лой,
Падсабляй казати,
Я пайду скакати,
А ў ладони бити,
Да танокъ вывадити!
Да танокъ вывили,
Да вянокъ гранили,—
Пади, батюшка,
У тотъ таночикъ,
Падыми вяночикъ!
Батюшка пашолъ,
Вѣнки ни нашолъ,
Заплакалъ дай пишолъ.

Березовка.

Кто двору,
Кто двору,
А я двору ни хачу,
Съ кѣмъ гуляю ни скажу,
Каво люблю—нійбъявлю.
А ў батюшку у саду

Разліў разливаитца,
Широкая возира;
Па томъ па возиру
Три лебидя плывуть,
Три бѣлыи плывуть:
Первага лебедя
Залотая галовушка;
А у другога лебедя
Серебрена шеичка;
А у третьига лебедя
Зямчужная перьица.

Березовка.

Величальная танковая.

Парень похищаетъ дѣвушку.

Да лéлимъ мае́ лéлимъ,
Хадила дѣвушка въ лѣсъ по калину́,
Па сладку малину́,
На стрѣчу къ дѣвушки
Маладой добрый молыдицъ.
—«Здароў, здароў, дѣвка,
Здароў, здароў, красавица!..
Садись, садись, дѣвка,
Да на ворынава коня,
Дяржись, дяржись, дѣўка,
Дяржись, дяржись, красна,
За молыйцывы плéчий.
Ѣхали поля, ѣхали другоя,
На третьемъ на поли
Стали начувáти,
Шатры распинати.
Ирви, ирви, дѣўка,
Шалковую траўку́,
Лажись, лажись, дѣўка,
Да тъ чистыва поля́,
Атъ зеленой дуброви,
А я добрый молыдицъ
Атъ тёмныва лѣсу́.

Поддережная.

Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Рябина, рябина,
Рябина кудрявая,
Ищо кучарявая,
Што же ты, рябина,
Да невесела стóишь:
Ай тябе, рябина,
Марозамъ убила,
Вѣтрамъ засушила, 2
Дóжжемъ замачила?
Малодка, малодка,
Што ты нявесела ходишъ,
Неманерна ступаишъ:
Ай, у тябе мужа дома нѣта?
Мужа дома нѣту,—
Граза яго дома:
У клѣтки на стѣнки 2
Шалковая плетка
На мѣднымъ калечку;
Шалковая плетка
Всее ночь прахлыстала 2
По маемъ тѣлу бѣламъ,
Па рубашечкѣ тонкой,
Па юпачкѣ долгай...
Да вы, дѣвки, вы, дѣвки,
Дѣвки—зладѣйки, 2
Не пейтя гарѣлки:
Гарѣлачка пьяна
Привела дѣўку къ ямѣ,
Къ ямѣ, у пуню.—
У пуни мякина,
У мякини дятина,
Киваеть, миргаеть,
Палтину даваеть
И семъ рубличковъ сулить
И пряничка суеть.
Не была бъ дѣвка дура
Семь рубликовъ сдула,
Три прянника съѣла,
Ещё захатѣла.—

На святой.

Жидѣвка.

Дѣвушки выбираютъ старшу́ю тонки водить.

У варотъ, варотъ,
Широкая вулица.
Па тэй па вулицы
Дѣвки танки вадили,

Красныя дѣвушки,
Малодыя малодушки,
Скрикнулися, сгаркнулися
Малодыя дѣвушки.
Хто у насъ, хто-та
Упярёдъ танокъ паведеть,
Хто у насъ хто-та
Травку-муравку вытапчеть?
Поведуть всё красныя дѣвушки,
Малодыя малодушки.
Наѣхалъ, наѣхалъ,
Удалой добрый моладецъ,
Ухватилъ, ухватилъ
Всё красную дѣвушку,
Красную дѣвушку,
Малодую малодушку.

На ягорья.

Село Шаблыкино Карачевскаго уѣзда.

Я сама себе згубила
Парня палюбила,
Палюбила неўгадила,
Батюшки я сказала:
Балить у мяне, больна галовушка
Сы буйнаго вѣтру.
Не буенъ вѣтеръ павиваить,
Косы расплетаить;
Изъ-за лѣса, изъ-за сада
Саколъ вылетаить.
Саколикъ мой, саколикъ,
Залетная пташечка,
Ляти-ка, мой саколикъ,
Ва чистое поле,
Чистое поле
При ў далини
Рѣчка пратекала,
Безъ мители, безъ мороза,
Рѣчка замерзала;
Безъ пары, безъ время,
Лядокъ спадламился;
Разлюбезный другъ Ванюша
Сы коники убился;
Іонъ убился, не зашибся,
Только што спужался.

Березовка величальная послѣ святой.

Э на горки, на горушки,
Два голуба сидя́ть,
Пра мезъ себя рѣчь гаваря́ть,
Пра разъудалага молыдца,
лели, лёли,
Пра разъудалага мо́лыдца́
Никалай Никалевича.
Іонъ изволить па горыду гулять,
Палтиный па горыду шибать,
Рублемъ варота атварять,
Сиротушикъ изъ неволи выкупать.
Вы сироты, сиро́тушки,
Вы сироты малехуньки,
Сироты малехуньки,
Пумалитя Христа Бога або мнѣ,
Пра разудалыга молыйца
Микалай Микалаевича!..

Березовка величальная.

По саду, саду, саду,
Па вишневымъ саду,
Да гуляли бояри,
Бальшой ваявода,
Микалай Васильевичъ,
Іонъ судить и ряди́ть,
Въ гусильцы грайть.
Пастель падъизжа́ить,
Катяринушку будить:
— Устань, Катя́ринушка,
Устань, Ахванасьі́уна!..
—«Ни магу, сударь, устать:
Галовушка бали́ть —
Залата чипца ха́тить».—
— Люблю друга, люблю—
Залатой чепецъ ку́плю.—

Березовка величальная.

На пяску да на камушку
Вутышка купалася

Сѣрая паласкалася
У передъ селезень косицы вьётъ,
Касицы вьётъ, маладой завиваить.
Падъ акошечкымъ дѣвушка сабиралася,
Красная снаряжалася,
ДѣвушкаЛиксандрушка,
Красная Свиридоноўна.
Какъ приходить къ Ликсандрушки
Большій братицъ Микалаюшка:
—«Сяетрица мая Ликсандрушка,
У варотъ сваты стыять,
У варотъ сваты стыять,
У варотъ съ хадáтаимъ,
Женихи багáтыи,
Просють придáныва,
Нибальшова да нималыва:
Гусака чубарыва,
Еще гусыню сѣрую,
Еще село съ дéреўнію,
Зеленый садъ сы вешеннимъ.
Братецъ Александрушка,
Ни'тдавай, ни'тказывай,
Пра мене ни сказывай
Пра мае житье бытье,
Пра маё быгатества:
Я сваимъ быгатествамъ
Батюшку састарила,
Матушку сукрушила;
Батюшку съ приданыва,
Матушку съ нырядами.

Березовка.

Двѣ женщины скачутъ, одна присядаетъ и бьетъ въ ладони, другая скачетъ съ поднятой рукой.

Величальная
танковая.

На вулицы люли,
На широкый люли,
Ой хтóй—та у насъ хàрошъ,
Хто та эта у насъ пригожъ?
Владимірушка харошъ,
Никалаюшка пригожъ;
Онъ хóрыша ходить,
Манерна ступаить, 2
Сапогъ ни ламаить,
Сапогъ ни ламаить.
Чулокъ ни мараить;
На конь садитца,
Падъ имъ конь бадритца,
Онъ самъ висялитца.
На улицы ѣдить—
Вся улица стогнить,
Луга зиленѣють;
Въ садъ надъѣзжаить—
Сады разцвѣтають,
Салавьи васпѣвають,
Какушка какуить,
Матушка стричаить,
Вароты атваряить:
Наѣзжай, мае дититка,
Наѣзжай, мае милыя!..

С. Хотьково Сычевского уѣзда

Кáба хто у насъ харошъ,
вой люли, люли.
Нашъ Пéтрушка харошъ,
Васильевичъ пригожъ,
Идѣ мы ужинали,
Идѣ кушали.
Онъ нó двору ходить,
Мáнерна ступаить,
Чйбатоу ни лýмайть,
Чулкоу ни мараить,
Нá коня садитца—
Падъ имъ кóнь бадритца,
Іонъ плетачкой машить,
Падъ имъ конь пляшить,
Со двара съизжайть,
Народъ рáзступайть;
На вулицы ѣдить
Вся вулица стóгнить;
На дарóги ѣдить
Дарóжинька пыльна;

Къ палямъ надъизжа́нть—
Поли ширачѣють,
Къ лугамъ надъизжанть—
Луги зеленѣють;
Къ рѣкамъ падъѣзжанть—
Рѣки разливають;
Ка всамъ падъизжанть—
Авсы высыпають;
Къ садамъ надъизжанть—
Сады разцвѣтають,
И птачки распивають.

Березовка величальная.

Ва лугахъ, ва лугахъ,
Ва зяленыхъ ва лугахъ,
Литалъ голыбъ,
Литалъ сизый
Сы галубышкыю.
У голуба залотая галава,
У галубушки пазалачивпная.
У М. М. маладая жина,
Маладая жена, еще барыня.
Яму люди, яму люди пазавидывали.
Кабы ету маладу жану
Я бы лѣтамъ 2
У калясачки бы вазилъ;
Я зимою 2
У Питенбургскихъ саняхъ,
На ямскихъ лошадяхъ,
Штобъ коники бижали,
Катяринушку утишали.

Березовка величальная.

Гасударыня матушка
На чомъ мине знаишь,
На чомъ признаваишь?
На личику бѣлымъ,
Пу платьтицу твѣтнымъ,
На сапожкамъ сахвяпымъ,
На чулочкамъ бумажнымъ.
Жанись, мае дититка,
Жанись маё милая!
Гасударыня матушка,
На што мнѣ жанитца?
Мине дѣвушки любють,
Малодушки хвалють.

На вознесеніе.

Лелимъ ю лелимъ,
Ой выду, вытику,
Малада, да на вулицу,
Вымачу *), вынису
Салавья за ручушку,
Маладога за перчиты,
Насажу я саловьюшку
На широкый вулицы,
На зеленый муравп.
Салавей защакочить,
Маладой защибелить.
Пайграйтя, дѣвушки,
Пашутитя, красныи.
Не угадать вамъ дѣвушки,
Какава лада будить,
Какава ина дастанитца:
Да ни есть гряльливая,
Да ни есть журливая.
Грялыливая лада
На вулицы играла;
Журливая лада
На торгу гуляла
Плети закупала
На мае тѣла бѣла,
На лицо румяныя.
Сы вечира тѣла,
Што калачъ да была бѣла;
Кы налуночи тѣла,
Што кателъ, пасинѣла,
Ка бѣлу свѣту тѣла,
Што зимля начирнѣла.
За што то та бита,
Ка чаму лада пажурина?
Всё то та за бычую,
За праў за дявочін,
Што на долгу играла,
Да бѣда сыпала.

---

*) Вымучу.

Духовая.

Березовка.

Авле, я кукушка кума,
Авле, я вѣнокъ завила,
Авле, ли по батюшки,
Авле, ли по матушки,
Авле, я по брату по сестри,
Авле, по себѣ маладэй.

Березовка.

Духовская.

Камарики маи,
Вы за што, вы за што,
Кусаитись больна?
Вы скусали, вы мнѣ,
Грудь галовушку маю.
Сы галовушки
Бѣла личушка гарить;
Сы бялога лица
Я ў пастелюшку слигла.
Кабы хто, кабы хто,
Въ маю горинку зайшолъ,
Кабы хто, кабы хто,
Маё горя распазналъ,
Кабы хто, кабы хто,
Назадъ дружка варатилъ.
Варатися, мой другъ,
Варатися, другъ, назадъ.
Бизъ тибе, милый другъ,
Пастеля халадна;
Бизъ тибе, милый другъ,
Патанула у слизахъ.

Лужки,

Дтитровскаго уѣзда.

Духовская.

Ой, сильна, драбна пчела
На палётъ вылитала, 2
Разный цвѣтъ ирвала,
Вела, вела вянокъ
На сваю на галовушку,
На сваю на буйную,
На сваю на косушку,
На сваю на русую.
Младэй, младэй мужъ
Выхадилъ да на улицу;
— Становися возли мине,
Ступай на ножинькю,
Ты ламай маю сапожинку;
Бярись за рученькю,
Ты ламай залотъ перстинь!—

Духовая.

Солдаты.

Салавей ты мой, салавеюшка,
Салавей ты мой, родимый батюшка,
Ты не вей гнѣзда подъ харомами,
Подъ харомами, подъ высокими:
У мене старый мужъ
На рукѣ лежить,
Тижалѣй камушка
Самароднывa.

—

Салавей ты мой, салавеюшка,
Салавей ты мой, родимый батюшка,
Ты не вей гнѣзда падъ горницею,
Падъ горницею, падъ свѣтлицею:
У мене маладой мужъ
На рукѣ лежить,
Лекчи перушка,
Либединага и салавьинага.

—

Село Домаха.

Духовъ день.

Лелимъ ю лели,
Да писали, писали
У сихъ быярь у службу,

Да майго милыва дружка
Упиредъ записали.
У майго милыга друга
Ничаво у сбори нѣту:
Да ни ворана каня,
Да ни кована сѣдла,
Да ни тесьменой узды.
Да я суканьку прадамъ,
Да зелёнаю прадамъ,—
Да миламу каня куплю,
Да миламу варонага;
Сирежечки прадамъ,
Зямчужныя прадамъ,
Да милыму сядло куплю,
Да милыму кованую;
Пакромушку прадамъ,
Шалковую прадамъ,—
Да милыму узду куплю,
Да милыму тесьменную.—
Я сабрала савсѣмъ, снарядила,
Совсѣмъ я сабрала,
Въ службу правадила.

Березовка.

Духовская.

Ухъ ты Ульюшка Ульяна
Пачаму любишь Ивана?
— Я за то люблю Ивана,
Што галовушка кудрява,
Лицо бѣлыя румяна.—
Пратарилъ Ваня дарожку
Къ маяму вакошку;
Пратарёмши, пралажёмши
Перисталъ хадить;
Палажилъ милый худу славу,
Перисталъ любить;
Пусулилъ милый падарыкъ,
Пажалѣлъ принесть.—
Какъ и первый падарыкъ
Связычка баранықъ;
А другой ли падарыкъ
Калачъ да два прянца;
А третій падарыкъ
Золыта калечка,—
Золыта калечка
Ссушила сердечка,
Эта золыта витоя
Ссушила ретивоя.
Распраклятый тотъ на свѣти,
Хто чужихъ жонъ любить:
Какъ чужая шельма жана,
Ина красна и ясна,
Ана къ сучки вcase;
Какъ свая шельма жена,
Закиряха заваляха,
Все мужнинъ законъ.

Село Дамаха.

Духовъ день.

Лелимъ ю лели,
У варотъ верба,
Верба кудрявая.
Падъ вербаю,
Падъ бѣлаю,
На камушку дѣвушка,
Да на бѣлымъ красная,
У рукахъ каня держить,
Братьины кудри чешить,
На Дунай ряку мечить:
— «Плывити, кудирьки,
А внизъ па Дунаю,
Къ крутаму биряжочку,
Къ жолтаму пясочку,—
Цвятите, кудирьки,
На три цвяточка,
На три на лузоревыхъ!..»

Село Дамаха.

Духовъ день.

Лелимъ ю лели,
Зайди, зайди, мѣсицъ,
Да ни низка—висако,
Пріѣдь ка мнѣ, братицъ,
Ни близка, ни далека,
Да скажу табѣ, братецъ, чатыри,
Да чатыри кручины,

Пятый палавину.
Первая кручина
Ладя ни у савѣти;
Другая кручина
Свекаръ те ни любить,
Третія кручина
Ни свекаръ ни свякровья;
Чатверта кручина
16. Да залоуки смутливы;
Пятый палавина
Деверья скрыльнивы.—
Ладя ни у савѣти;—
Да и Богъ яго судить,
Да и добрыи люди
. . . .
. . . .
Да залоуки смутливы;—
Сами у людяхъ будуть,
Да диверья скрыльнивы;—
У самихъ жоны будуть!

16 строчка.

Смоленскій уѣздъ, Хотьково Сыч. уѣзда.

Да залоуки смутливы.
Залоуки—калатуки.
Залоуки вмине смутлянкий.

Село Морево.

На духовъ день.

Лелимъе да березникъ
Зеленъ частый кудрявый,
Частый кучурявый,
Штожъ ты, березничикъ,
Да невесила стóишъ,
Невесила разцвѣташъ?
— Старыи старухи
Вянки завивали,
Вярьхуши ламали,
Паднизки пущали

Село Морево.

Духовъ день.

Ой вышла я вытекла
Малода да на вулицу,
Вынесла да павынесла
Саливья на ручушки.
Салавей защакочить,
Малодой защибечить:
— Ни угадать вамъ, дѣвушки,
Какова лидо будить,
Какова дастанитца:
Нино журливая,
Нино бранливая;
Журливая лида
Па торгу гуляла,
Плетей закупала
На маё тѣла бѣлыя,
Лицо румяноя.
Да сы вечира тѣла
Што снѣгъ была бѣла;
Ка палуночи тѣла
Што кателъ пасинѣла;
Ки бѣлу свѣту тѣла,
Што зимля пачарнѣла.

Село Шаблыкино

Карачевскаго уѣзда.

Когда завиваютъ вѣнки *).
Мима я рощи шла, мима зеленой,
Ничаво я въ рощи ни баялася,—
Тольки я баялась куста ракитавага,
Куста ракитывага, волка сѣрава,
Волка сѣрава, тѣла бѣлава,
Тѣла бѣлава, маладецкива,
Никто къ этому тѣлу,
Никто не пріискиваетца,—
Толька пріискалися да три ластушки,

*) Въ Смоленской губерніи весенняя; другой варьянтъ „гора воробьевская“.

Три ластушки, три касатки,
Три касатыя, три паласатыя:
Первая ластушка — родная матушка,
Другая ластушка-то родная сестра,
Третія ластушка—маладая жена.
Гдѣ и мать плачить, тамъ рѣка ильетца.
Гдѣ сестра плачить, тамъ ручей ильетца,
Гдѣ жена плачеть, тамъ сухая земля,
Сухая земля, вся патрескалась.

На Троицынъ день.

Солдаты.

Кукушечка въ саду кукувала,
Ни доня въ бару взгоревалася,
Взгоревалася доня па милому дружку,
Па миломъ то дружку,
А все па сердешнаму.
Какъ чужія то мужья женамъ челавѣчья *) шлють,
А мой мужъ ни вѣстачки.
Прислалъ мнѣ милой вѣсточку
Да не радастную,
Вѣстачку да не радастную:
Чорную да рубашечку.
Приказалъ мнѣ милой
Да рубашечку вымати,
Билетеньки вымать,
Сухоханьки высушить;
Не въ рѣчки мнѣ яе мыть,
Ни въ калодезю,
Вымаю рубашечку
Сваими гарючьми слезами,
Высушу рубашечку
Супрати сваяго сердца,
Супрати рятиваго,
Для сваего дружка милаго.

*) Челобитье.

На Троицынъ день.

Выйду за вароты,
Пасматрю далека,
Гдѣ луги балоты,
Вазеры глыбоки;
А ва тыхъ вазерахъ
Живеть рыба щука
Бѣлая, билáя
То мая милая,
Па берюжку ходить,
Бѣлу рыбу ловить.
Невадамъ закину,
Бѣлу рыбу выну.
Идѣ младой сѣсти,
Бѣлу рыбу чисти?
Сяду я присяду
На зелёныму саду,
А ящо пириседу
На ту на далину,
На чорну травину,
Куда милъ ни ходить,
Ка мнѣ заходить;
Куда милъ ни ѣдить,
Ка мнѣ заѣдить.
Въ санычки пасадить,
Да горыда пракотить
Горыдъ ни диреўня
Арловской губерніи,
Митровскага ўѣзду,
Сила Асмони,
Волысти Баброва.

На Троицынъ день коня водятъ.

Осмонь.

(Отъ Татьяны Симоновой).
Па берюжку пахаживала
Чернабыль траўку заламливала,
Сы вадѣ гусей заманивала:
— «Тега, тега, гуся сѣрый, са вадѣ!»—
Паганю я гусей сѣрыхъ я дамой

*) Пѣсня встрѣчается въ Смоленской губерніи.

Вы гусюшки наплавалися
Я, млада, принаплакалася,
Наплакалась, нарыгалась, малада:
Давно съ милымъ ни видалась— три гада.
Увидалась радавалась, малада.
Началъ шутычку пашутивати:
За бѣла лицо пахватывати.
Ни хватай мине за бѣлыя лицо:
Мае личушке разгаварчивата,
А я, млада, разгаворчивата,
Мая маминька дагадливая:
Приду двору дагадаитца,
Съ чаво лицо разгараитца:
Либа съ пива, либа съ зелина вина,
Сладки вотычки анисывый.
Тисава кравать расписаная,
Расписана, разрисованая,
Адіяльца теплинькія,
Пяринушки пуховинькія
Сама дѣвка чернабровинькія.

Петровъ день.

Березовка

Петровскимъ постомъ.

Надъ калакольнію
Сядѣу молодицъ
За пароками.
Никто къ етыму молыйцу
Ни прінцитца.
Пріехалися къ молыдцу
Да три ластушки:
Перва ластушка
Радимый батюшка.
А другая ластушка
Радима матушка.
Третія ластушка
Маладая жина.
Шлеть яму батюшка
Сталяной горать.
— Радимый мой батюшка.
Ты мине не выкупишь,
Съ няволи ни выручишъ!—
Шлеть ему матушка
Куньію шубу съ плечъ.
— Радимая матушка,
Ты мине не выкупишъ,
Съ неволи не выручитъ!—
Шлеть ему малада жина
Пригорщи слезъ.
— «Тепер мине выкупили,
Съ неволи выручили».—

Березовки

Петровскимъ постомъ.

Сяду я на чолнинъ,
Паѣду я за моря.
На чорныи ягады.
Я чорную ягадку
У рукахъ нясу,
Зеленую ягадку
Я у рукаўчику:
Я чорную ягадку
Я люту свякру:
Я зялёною ягадку
Радимыму батюшки:
За то яму зелину,
Што отдалъ мине, молыду,
Отдалъ мине, молыду,
На чужую сторону.

Березовка

Петровскимъ постомъ.

Ниприманушка
Чорная галушка
Ниприманивала
Ясныва сокыла.
Ни якъ его нериманивала,
Самъ ка мнѣ саколикъ
Часта летывалъ
Черезъ три поля чистыи,
Черезъ три лѣса тёмныи.
Черезъ три гарада,
Гарада высокіи,
Черезъ три села,
Села частыи.

Пиримanушка
Красная дѣвушка
Пириманивала
Добрыга малайца
Ни я яго пириманивала,—
Онъ самъ ка мнѣ
Часта ѣзживалъ,
Черезъ три поля,
Поля чистыи,
Черезъ три лѣса,
Лѣса тёмныи,
Черезъ три города,
Гарада высокіи,
Черезъ три села,
Села частыи.

Село Морево

После Петроваго дня.

Охъ, ты, Вулюшка Вульяна,
Маладецкая забава!
Ни литай гуля у поля,
Ни замахывай крылушками!
Куда милый другъ задумалъ?
Іонъ задумалъ мила у городъ.
Бизъ агня сердце згарѣла,
Ище бизъ полымя кипѣла.
Сударь батюшка родимый,
Паставь горинку на горки
Краснымъ акошичкамъ на сяло,
Штоба жить была висяло.

Село Морево

На Ивана Купала.

Лальё, лальё,
Засинѣлася морюшка.
Краснѣлися берюжки:
Да на тэмъ на бережкамъ
Ишла дочь къ батюшки
Къ батюшки напивученья,
Къ матушки на паслушенье.
Дитё маё дититка,
Чадó маё милыя,
Лажись спать пазненьке,
А уставай раненьке:
Вотъ будишь миленьке
И свекаръ—свякровьи
И милый ладушки.

VI.

Березовка

Купальская.

За лясомъ-та, лясомъ,
Канюшокъ свищить,
Трехъ каней ищить.
Какъ первый конь,
Калясомъ грива;
А другой конь,
У ва лбѣ звѣзда;
А третій конь,
Далженный хвостъ.—
Калясомъ грива
Микалаивъ конь;
У ва лбѣ звѣзда
Валадиміры́й конь;
Далженный хвостъ
Михайлыў конь.

Село Морево

Протяжная.

Послѣ Ивана Купала.

Гуляй, гуляй, добрый молыдицъ:
Нагуляишься сыпакаишься,
Маладэй жинѣ ты привернишься,
Къ маладэй жинѣ, къ малымъ дѣтушкамъ,
Да вы, братцы маи, вы, таварищи,
Ни ляжить душа къ маладэй жанѣ,—
Прилегла душа ки сасѣдушки,
Ки сусѣдушки, къ красный дѣвушки,
Къ красный дѣвушки, къ Палагеюшки.
Галава ль ты мая галовушка,
Галава мая бурлацкая,
Забурлачила галовушка

Па чужей дальній старонушки.
Старана ль ты мыя старонушка,
Старана мая низнамая,
Ина низнамая—низнакомая,
Низнакомая съ-падъ-Масковная,
Да ни самъ жа я суда зашолъ,—
Завела младца Хмялинушка,
Ни хмялинушка яравинушка,
Ни яравенушка—зиляноя вино.
Зилянo вино кабацкая.
На кабакъ идеть, што макъ твитеть;
Съ кабака идеть, што мать родила.
Іонъ идеть, идеть и шатаитца,
За верeюшку хватаитца:
Вирія мая виреюшка,
Ни валжоная станавлёная,—
Станавили мине плотнички,
Государевы работнички.

Во время жнива.

Село Домаха

Кабы знала, маладюшенькя,
Я свою долю, долю горькаю,
Сваю долю, долю горькаю,
Пра нищастья, пра замужинья:
Ни сидѣла (бъ) долга вечира,
Ни гуляла долга вечира,
Ни капила бъ залатой казны
Залатой казны сиребренай,—
Вышивала бъ сибѣ крылушки,
Чиризъ перушка сиребреная,
А другая падзалочиная.

Во время жнива.

Село Домаха

Узыйди мѣсяцъ
Надъ гарою,
Ой, люли, люли,
Ясныя солнушка
Надъ зарею,
Асвяти младца
При дарозя,
При широкай.
Што младца
Сонъ спасшибаитъ,
Конь, добра лошадь,
Приставаитъ,
Братцы-товарищи
Спакидаютъ.
Ты пастой,
Братъ Христовай,
Я скажу табѣ
Чилобья:
Атцу-матери
Па паклону,
Маладэй жанэ
На удобства,
Малымъ дѣтушкамъ
На сиротства.

Село Дамаха

Какъ дожнутъ бабы нивку, то срѣзаютъ оставленные ими на нивкѣ колосья, представляющіе будто «изъ себя бороду Ильи пророка» при этомъ бабы просятъ, чтобы» жнивка» отдалъ имъ назадъ силу, затраченную на нее.

Смоленскій приговоръ.

— «Вазьмешъ, снапокъ сжаўши, и пакатисься:
Ніука, ніука, атдай мою силку:
Ну, я тибе жала
И силку патиряла».—

Живка, жнивка,
Атдай маю силку
На яравинку,
На авесъ, на грячиху,
На канапельки,
Штобъ мнѣ пастаратца
Канапелекъ пабратца.

Объ народныхъ обычаяхъ села Дамахи.

Когда рожь цвѣтетъ, не бѣлятъ холстовъ.

«Дожжо́вины». Во время засухи хучь какого человѣка обольютъ водою; собирается компанія и обливаетъ водою всѣхъ встрѣчныхъ людей.—«Мы эта дли пользы дѣлаемъ».

Когда появится кликуша и начинаетъ кричать, то ей надѣваютъ на шею хомутъ: «запрягаютъ сатану».

27 мая (харапоны) коноплю сѣютъ.

Когда чужія пчелы нападаютъ на чью либо пасѣку, то затыкаютъ въ ульѣ всѣ дырочки кромѣ одной: въ оставленную дырочку влетаютъ только свои пчелы.

Иногда подбавляютъ къ меду, пищѣ своихъ пчелъ, стручистаго перца и водки, озлобляющаго вещества: свои пчелы, озлобившись, «посѣкутъ» чужихъ.

Чужая пчела раньше всѣхъ прилетаетъ и позже садится; ее посыпаютъ мукою, а потомъ стебаютъ вѣничкомъ.

Объ увеселеніяхъ молодежи.

Ребята не пляшутъ съ дѣвками, а съ молодайками; иногда пляшутъ вмѣстѣ дѣвки и молодайки.

До запашки нельзя пѣть пѣсни съ припѣвомъ «лелимъ».

На святой припѣвокъ если не «лелимъ е», то Христосъ воскресе, на «Миколу» припѣвъ «лелимъ ё», протяжныя пѣсни.

На Троицу танки водятъ, яишницу варятъ, «вотачку бабы пьютъ. вянки завиваютъ, на головки ускладаютъ».

Описаніе свадьбы.

Приходятъ сваты къ невѣстинымъ родителямъ въ хату.—«Здарова!»—Здарова!—или:—здаровинька вамъ! (по нѣжнчки, т.-е. ласкосо, вѣжливо).—«Што я къ вамъ пришолъ? У васъ есть дѣвочка, а у мине есть мальчикъ,—такъ, чтобъ пасвататься намъ».—Если родители жениха и невѣсты не приходятъ къ согласію («дѣло у нихъ не придлигаетъ»), то говорятъ:—«нашаму будить жанихъ, вашаму будить нявѣста».—Если дѣло улаживается, то «дай Богъ часъ добрый!..» Сейчасъ Богу молиться. Поклоновъ земныхъ не кладутъ, а крестятся. Приходятъ сваты съ водкою (со штофомъ, а то и съ четвертною,

смотря по достатку), и пьютъ ее при первомъ удавшемся сватовствѣ; потомъ закусываютъ хлѣбомъ-солью, соглашаются, когда быть большому запою.

На первомъ мѣстѣ сидитъ мать крестная, потомъ отецъ крестный, потомъ мать родная, отецъ родной, сестры, братья, невѣстки и зятья.

Большой запой.

Поѣдутъ въ городъ, возьмутъ ведра два водки, напекутъ «лепешикъ», наготовятъ много мясныхъ кушаній; кушанья эти слѣдующія:

1) Холодецъ съ квасомъ или стюдень изъ коровьихъ ножекъ. Какъ застынетъ стюдень и сдѣлается, какъ «драгва», то его льютъ по чашкамъ. Убиваютъ для мяса свою скотину или же покупаютъ за 5. за 6 руб.

2) Щи съ мясомъ, 3) супъ съ мясомъ, 4) каша разгонщица. Каша потому называется «разгонщицей», что послѣ нея всѣмъ кушаньямъ конецъ («хвитъ»).

Когда входитъ въ хату жениховъ сватъ, то отецъ хрестный и мать хрестная сидятъ подъ святыми, родные сидятъ за ними, гости званые кое-какъ, свои родные стоятъ. Сватъ становитъ штофъ водки на столъ и наливаетъ стаканъ, молятся Богу, всѣ кличутъ роднаго отца жениха, потомъ матку, есть братъ—брата, невѣстокъ, если есть невѣстки. Когда невѣстка или другой родственникъ оказывается послѣднимъ, то спрашиваютъ—«Усѣ?»—Усѣ.

Выходятъ на дворъ, выводятъ жениха, скидаетъ женихъ шапку, молится Богу.—«Здрастуйте вамъ!»

— Здрастуй, здрастуй, маладецъ! Дружко скажетъ:—вотъ мой купецъ, а мы прикащики!—«Таперь и мы видимъ, што хазяинъ самъ пришолъ».

Подходитъ къ полу *); на полу сидятъ дѣвушки, покрытыя полотенцами. Дявишницы (дѣвишницъ 5 или 6, дѣвушки, бываютъ и бабы) говорятъ:—«стой, не уходи, а давай намъ сто рублей, бочку вина, магарычъ, пяхтерь пироговъ!..»

Сейчасъ дружко подноситъ дѣвушкамъ по рюмкѣ водки, вытаскиваетъ 20 копѣекъ денегъ, вытаскиваетъ бутылку водки шкалика въ полтора. Дѣвишницы отгоняются прочь. Женихъ сходитъ на полъ, открываетъ невѣсту (невѣста сидитъ посреди двухъ дѣвушекъ); беретъ невѣсту за руку и сводитъ ее съ полу. Начинаютъ дарить. Жениху даютъ штофъ съ водкою, а невѣстѣ рюмку (рюмка на платкѣ). Подлѣ жениха и невѣсты помѣщается родная или двоюродная сестра съ тарелкой, дружко, мать невѣсты съ платками, свахи жениховы.

Мать даетъ невѣстѣ «шахваръ» (шарфъ), а невѣста отдаетъ его

---

*) „Поломъ“ называется досчатое возвышеніе около печи.

жениху, и подноситъ жениху рюмку водки; женихъ выпиваетъ рюмочку и «утирается шахворомъ, цалуитъ» невѣсту.

Сначала угощаются водкою крестные мать и отецъ жениховы, потомъ родные мать и отецъ жениховы. Невѣста даритъ своего будущаго свекра и свекровью: свекру рубаху, свекрови шаль (платъ въ 1.20 или 1,30); невѣстина матка подаетъ съ полу заготовленные дары. Тутъ же идутъ «отдарки». Какъ выпьетъ свекоръ рюмочку, кладетъ невѣстиной родственницѣ рубль, а свекровкѣ панёву. Цѣлуетъ свекоръ сначала жениха, потомъ невѣсту, предварительно обратившись къ жениху съ вопросомъ: — «укажи дорожку кого мнѣ еще цилувать!..»

«Тѣмъ-же манеромъ» свекровья цѣлуютъ жениха и невѣсту, наливаютъ по рюмкѣ водки, кличутъ сестру женихову съ мужемъ, кладутъ имъ платки копѣекъ по 20, шаль въ рубль, кличутъ дядьку, тому платочекъ копѣекъ въ 15, дружка послѣдняго кличутъ, кладутъ ему рушникъ; тотъ отдаривается: если у какого совѣсть есть, даетъ копѣекъ 30, а у какого совѣсти нѣтъ, отговаривается:—«послѣ отдамъ!» (Тарелка у невѣстиной сестры, а стоитъ она съ платками и съ дарами, а матка съ полу подаётъ кому что).

Потомъ начинаютъ кликать свою «сродетвію»:

Сначала отца, отцу платокъ, отецъ платка не беретъ, а деньги положитъ на тарелку; потомъ брата; потомъ сестру; потомъ невѣстку— тѣ рюмку выпиваютъ, по 2, по 3 копѣйки кладутъ.

Прежде женихъ обносилъ, начинаетъ дружко обносить по 2 стаканика, начиная съ родного отца женихова такъ все семейство, потомъ невѣстино семейство, потомъ гостей; свекровью окладаетъ лепешками. Свекровья становитъ холодецъ, тетка или сестра начинаетъ лить квасъ въ этотъ холодецъ, потомъ становятъ щи, супъ, кашу, за кашей подносятъ по рюмкѣ водки, собираютъ ложки, поется пѣсня:

Собрамши ложки тарелки
Дайти ка по чарки гарѣлки,
Пили баяри, ѣли,
Цѣлыга вала съѣли.
Пабойтися Бога:
Ня съѣшьтя другога!

Березовка

Пѣсни, поёмыя во время большаго запоя.

Ялина, ялина,
Сухая вирьхавина.
Съ подъ тэй съ-подъ ялины.
Звярёкъ выбигаитъ,
Слядокъ накладаитъ,
Звярёкъ малёханикъ.
Слядокъ тарнешаникъ.
Натальины братьтя
Ахотнички были,
Въ ахоту хадили,
Звярьке праслядили,
Праслядить праслядили, —

Лавить ни ўлавили.
Ялина, ялина,
Сухая вирьхавина,
Съ подъ тэй съ-подъ ялини
Звярекъ выбигаить,
Слядокъ накладаить,
Звярекъ малеханикъ,
Слядокъ тарнёшаникъ.
Акимывы братья.
Ахотнички были,
Въ ахоту хадили,
Звярьке прислядили,
Праслядить праслядили,
Каня притамили,
Звярьке улавили.

Березовка

Во время большаго запоя.

Сваявольцы, сваявольцы,
Натальины братьтя
Пабывали, побывали
Въ казенныхъ сараяхъ,
Выкатывали, выкатывали,
Дубовыю бочку,
Станавили, станавили.
Бочку въ халадочку,
Спадмахивали, спадмахивали.
Игнатыву дочку;
Спадмануўши, 2
Взяли за ручку, 2
За золытый перстинь.

Березовка

Во время большаго запоя.

Ластушка па вешиннямъ литала,
Абъ вешиння крылушки аббивала,
Вопасли па крылушкамъ тужила:
—«Вы свѣтъ, мое крылушки перушки,
Свѣтъ мае правильныи золыты.
Теперь мнѣ па вешаннимъ ни литать,
Абъ вешанья крылушикъ не аббивать.—»

Наталья па сѣнюшкамъ гуляла,
Залатыми ключиками званила,
Радимага батюшку будила:
—Устань, устань, бтюшка, прабудись,
Аткутай акошичка, паглядись:
—Харошъ ли Акимушка на кани?—
—«Харошъ, харошъ дититко, што сыколъ,
Пригожъ пригожъ милая, што ясьмёнъ.—»

Березовка

Во время большаго запоя.

Въ саду ли ластуша шивялить бращами,
Натальюшка съ батюшкой гаварить:
—Какжа мнѣ отъ батюшки атвыкать,
Какъ мнѣ ка люту свекру привыкать,
Какъ мнѣ люта свекра вызывать?—
Назаву я люта свекра батюшкыю,—
Тымъ то я убытышна ни буду,
Сваяго ума—разума ни сбуду.

Березовка

Во время большаго запоя.

Вила, вила верба
Съ кориня да верьху;
Ни давемши верба,
Вѣтья апустила,
Листья абранила.
Натальина матушка.
Мила, мила сѣни,
Руки апустила,
Вѣникъ уранила:
—Теперь маи сѣнюшки,
Теперь маи новыи.
Ниметины будуть,
Теперь мая горница
Ни топлина будить,
Маи гостюшки
Не кормлены будуть...

Вила, вила верба
Съ кориня да верьху;
Ни давемши верба,
Вѣтья апустила,
Листья абранила.
Акимыва матушка
Мила, мила сѣни,
Руки вазвышала,
Рѣчи сгаварила:
—Теперь маи сѣнюшки.
Вымитины будутъ,
Теперь мая горница
Вытаплина будеть,
Теперь мои гостики
Упочиваны будуть.—

Березовка

Во время большаго запоя.

Съ—падъ берюжку,
Съ—падъ крутыга,
Съ—падъ камушку,
Съ—падъ бѣлыга,
Пратикаить тихой Донай,
Тихой Донъ и стюдена вада.
Якимушка каня паiў,
Натальюшка ваду брала;
Аны тамъ павидались,
Рука абъ руку парукались,
На золотый перстинь паминялись.
Какъ завидѣлъ сударь батюшка
Сы високыва сы терима,
Сы каситчатага акошичка,
Сы хрустальныга стеколушка:
— «Идѣ, дите, прадлялась?—
— Гасударь мой батюшка,
Налетѣли гуси сѣрыя,
Намутили воду свѣжую!..
А я, млада, устоялась,
Дажидала, пакель вода состоялась,—
Налетѣли гуси сѣрыя
Намутили ваду свѣжую.»—

Березовка

Во время большаго запоя.

Сы вечира, вечира,
Сы начи было палуночи,
Пралитаить тамъ ясьменъ саколъ,
Іонъ садился на кошичка,
Іонъ садился на кошичка,
На сяребрину ряшетачку,
Ришётачка спадламилася,
Саколъ стрипянулся палетѣлъ.
Какъ завидилъ сударь батюшка
Сы високыга сы терима,
Сы касатчатага акошичка.
Сы хрустальныга стеколушка:
— Ты дитяль мае, дитятка,
Ты дитяль мае милое,
Ты, Наталья Игнатьевна
Пригалубъ ясна сокала
Ясна сокала залетнага,
Добрыга молыдца заѣзжыга,
То Якима Яртёмьевича!—
— «Гасударь ты мой батюшка,
Гасударь жа мой батюшка,
Я бъ и рада приголубила яго,
Да маё серца ня берштца,

Въ галавѣ разумъ миглантца,
Рѣзвыя ноги спотыкаютца,
Бѣлыи руки япущаютца.»—

Березовка

Во время большаго запоя.

Цвяло, цвело вешиння
Алыми цвитами,
А лой лали,
Алыми цвитами,
Япадала вишання
Вутрими зарями,
На твою, Натальюшка,
На русую косу,
На твою, Игнатьевна,
На дѣвичью кросу.
Жить было у батюшки
Патиши хадить,
Насить было ключики—
Ими ни званить,
Радимыга батюшку
Была ни будить.
Теперя ключикомъ *),
Теперь празванила Родимаго батюшку
Тацерь прабудила.
— «Устань, устань, батюшка,
Устань, прабудись,
Аткутай акошичка,
Выйди, выйди, батюшка,
На нова крылечка,
Звякни, звякни, батюшка,
Залатымъ калечкамъ,
Зови, зови, батюшка,
Акима у гости,
Корми, корми, батюшка,
Тертыми калачами,
Паи, паи, батюшка,
Сычиный вадой,
Дари, дари, батюшка,
Мною, маладой!..»

Смол. пѣсня (с. Данькова).

Залатыми ключами
Да было ни брязгать
Радимыга батюшку
Было прабужати:
Устань, устань, батюшка,
Устань, мой радимый,
Атчини ка, батюшка,
Вакошка нямножка,
Пасматри-ка, батюшка,
Подъ ясную зорьку,
Якъ на ниби мѣсичикъ
Зъ ясными звиздами—
Приѣхыу Иваничка
Съ свашками—дружками.

Березовка

Во время большаго запоя.

Сидѣлъ Павлинъ
На грядычки,
Крылья распустемши,
Животъ балить,
Серца рветца,
На макыўку глѣдя:
Ни іонъ садіў,
Ни іонъ цаливаў,
Аднака шхлокчить.
Сидѣлъ Акимъ
На лавычки,
Кудри расчисамши,
Животъ балить,
Серца рветца,
На Натальюшку глѣдя:
Ни іонъ паіў, ни іонъ карміў
Аднака цалуить.

Березовка

Во время большаго запоя.

Плакала Натальюшка *),
На бѣлымъ на камушку стоючи,
На быструю рѣчушку глѣдючи,
На бережку батюшка гуляить:

---

*) Вмѣсто ключами.

*) Въ Смоленской губерніи парень сводитъ свою возлюбленную съ «камня бялога» въ весеннихъ пѣсняхъ.

— Гуляй, гуляй, батюшка, здарова,
Сводзи мяне съ камушку бялога—
А ў батюшки жаласти нямнога:
Ни сымаить съ камушку бялога.

(Тоже поется и о матушкѣ у которой оказывается тоже немного жалости).

«А у милыга Алешки
Жалысти паболей:
Снямаить съ камушку бялога.»—

Березовка

Во время большаго запоя.

Ой, сборы, сборы!
Наталья сабрала падружикъ
Къ сабѣ у домъ,
Пасадила падружикъ
Всѣхъ за сталомъ;
А сама сѣла выши всѣхъ,
Склапила галоуку
Ниже ўсѣхъ,
Галоука мая
Пабѣдная:
Всѣ маи падружки
На вѣнкахъ,
Адна мая галоўка
Бизъ винка.
Какъ узмолаить
Акимъ свѣтъ:
— «Ни плачь, ни тужи,
Наталья!..
Я ўчера у таргу
Былъ цабывалъ,
Я табѣ вѣночекъ
Старгавалъ,
Я тябѣ ни часовой—
Викавой:
Буйны вѣтрушки
Ни сдуютъ,
Дробныи дожжички
Ни смочуть,
Лихи людюшки
Ни сымуть.»—

Смоленская пѣсня:

Зборная нядѣля настала,
Наталья падружикъ сабрала,
Пасадила ина ихъ укрухъ сябе,
А сама сѣла выши ўсихъ,
Склапила галоўку нижи ўсихъ,
Задумала думушку больши ўсихъ
Чимъ мнѣ свекыры назвати?
Назаву свекыра батькыю,
А свякровушку маткыю;
А тымъ я глупа ня буду—
Свайго разуму ня'тбуду.

Бѣльскій уѣздъ Смоленской губерніи.

Я табѣ вѣночикъ
Старгавалъ,
Я тябѣ ни часавой викавой:
Буйны вѣтрушки
Ни здуютъ,
Дробныи дожжички
Ни смочуть,
Лихи людюшки
Ни сымуть.

Такой прочный вѣнокъ привезетъ женихъ невѣстѣ, прочепъ будетъ союзъ молодыхъ. — Въ Бѣльскомъ уѣздѣ въ «Божа Божа» въ такихъ выраженіяхъ говорится о прочности брака:

Вѣтрымъ вѣить, Божинька—
Ни развѣить, Божинька;
Дождимъ мочитъ, Божинька,—
Ни размочить, Божинька,
Сонцымъ сушитъ, Божинька,—
Ни разсушить, Божинька *).

*) Люди, хулють Божинька,
Ни расхулють, Божинька.

Березовка

Во время большаго запоя.

Невѣста ждетъ жениха.

Рутва, рутва, жолтый цвѣтъ,
Што тебе, Акимъ свѣтъ,
Долга нѣтъ?
Красная Наталья
Праждалася;
Ана пѣсень писать
Ни умѣить,
Пасылъ пасылать
Не смѣить.

Смоленская пѣсня:

Ай, рота—лята,
Жоўтый цвѣтъ,
Што тябе, Иванька,
Доўга нѣтъ?
А ўжо тябе Наталья
Даўно жжеть,
За варотыми стаичи,
Поўныи кубычки дирж учи,
А ужу мае кубычки спаў пѣли,
Да ужу мае ручуньки замлѣли,
Башмачки къ леду пристыли.

Березовка

Во время большаго запоя.

Сы вечира питухи кричать,
Сы паланочи мятелица,
Метелица паузeмельница,
Ки бѣлу свѣту лютой морозъ.
Натальина матушка
По двару ходить,
Метель бранить:
— «Метель мая нисчаслива:
Свела метель да два дѣтища:
Адно дитё пароженыя,
А другоя присужоныя:
Натальюшка паражоныя,
Акимушка присужоныя».—

Сы вечира питухи кричать,
Сы паланочи мятелица,
Метелица падземельница,
Ки бѣлу свѣту лютой марозъ.
Акимыва матушка
По двару ходить,
Мятель усхваливаить:
—«Метель мая прищасливая:
Свела метель да два дѣтища:
Адно дитё паражоныя,
Другоя присужоныя;
Акимушка паражоныя,
Натальюшка присужоныя.»—

Березовка

Во время большаго запоя.

Слуга была, слуга,
Наталья у батюшки,
Ина вѣрна служила,
Съ терима ни схадила.
У пярвой было сышла
У садъ пагулять,
Игры паслушати.
Ой, игры, вы, игры,
Играйтя вѣрнѣя,
Штобы мнѣ веселѣя:
И мнѣ и падружкамъ,
Радимыму батюшки.

Березовка

Во время большаго запоя.

Иду, иду па улицы,
Два двара минуючи,
Третій паслушаю,
Што люди гаворють,
Чіяго батьку бронють,
Чіяго пахваляють.
—«Натальинъ батюшка
Пойничикъ да пропойничикъ;
Прапилъ Натальюшку
На винный чарычки,
На мядовый ложачки.»—

Смоленская пѣсня.

Якъ пайду я па улицы,
Два двары да я минуючи,
Два двары да минуючи,
У третимъ зайду паслухою,
Да што люди говорють:
Маго батюшку судють:
—«А прапоицъ, прапоицъ
Да Натальинъ батюшка,
А пропiў iонъ Наталью
Да на горькiй гарѣлки,
На салоденькимъ мёди.»—

«Печи глѣдять».

Сватъ къ свату приходитъ. «Подчують тѣмъ же манерамъ» подаютъ тоже кушанье, какъ и во время большаго запоя. Если кто договорится, чтобъ не глядѣть печи, то платитъ деньги; а иногда, если сватъ пожалѣетъ свата, то обходятся и «безъ печей». Собираются въ гости, когда печи вытопятся. Иногда невѣста пересылаетъ жениху орѣховъ; орѣхи относитъ—нѣтъ сестра, нѣтъ тетка. Назначаютъ время свадьбы. Наканунѣ свадьбы жениховъ отецъ приходитъ съ «вѣдамостью», въ который день будетъ свадьба. Наканунѣ свадьбы обѣдаютъ въ домѣ жениха. Приходитъ сватъ, соберутся дѣвишницы; невѣста сидитъ на полу посреди двухъ дѣвушекъ; женихъ сводитъ невѣсту съ полу, и опять дарятся такимъ же порядкомъ, какъ и во время большаго запоя. Подъ свадьбу становятъ ситную муку, дружко со свахою кричитъ каравайныя пѣсни.

Березовка

Подъ свадьбу.

Каравайныя пѣсни. Сборы поѣзжанъ. Величанiе поѣзжанъ. Свадебный поѣздъ подъ вѣнецъ ѣдетъ.

Каравай становятъ въ печь.

Падуй, падуй, вѣтиръ,
Сы чистыга поля,
Падъ нашу горницу!
А ў нашiй горницы
Хараши каравайницы:
Харашо каравай становють.

Смоленскiя пѣсни.

I.

Караваю мой раю.
Я жъ тибе утваряю
Ручками да бяленьками,
Перстними залатеньками.

II.

Каравайница псица—
Сядитъ якъ лисица,
Каравайница пьяна—
Усе тѣста пакрала:
То у карманы,
То у запазахи,
То у лышныя торбы,
Мужъ сядитъ за плечами
Съ симярыми дитями

(каравайницъ дразнятъ)

с. Березовка

Какъ каравай изъ печи вынимаютъ.

Повытаскаютъ каравай, поставятъ на столъ, посадятъ жениха, мать хрестную и отца хрестнаго, принесутъ «махотку» масла и поставятъ масло въ рѣшетѣ. Стелютъ подъ каравай сѣно и шматокъ холстины, начинаютъ каравай маслить. Подходитъ впередъ родной отецъ; закричатъ пѣсню:

Березовка

Печка гагочить,
Каравайчика хочить.
Сякитя мѣдь:
Каравай изъ печи нелѣзить.

Смоленская пѣсня:

Сякитя печъ.
Рубитя печъ:
Каравай ў печъ ня лѣзить,
И зять къ тещи ня ѣдить.

Березовка

Какъ каравай изъ печи вынутъ.

Кто тебѣ, каравай, маслить,
Кто тебе, яравой, маслить?
Маслить мнѣ батюшка,
Маслить радимый,
Маслымъ паливаить.
Сырымъ пасыпаить.
Кто тебе каравай залотить?
Залотить мнѣ батюшка,
Залотить радимый мой.

Березовка

Сборы поѣзжанъ.

Такую пѣсню поютъ отцу, такую же матери и всѣмъ роднымъ. Весь поѣздъ удаляется въ свѣтлицу (холодную комнату). свахи всѣмъ поѣзжанамъ нашиваютъ на плечи платки, снова вводятъ ихъ въ хату, сажаютъ за столъ, дружко кричитъ:

«Грицы пявицы,
Маладыя дѣвицы,
Ни отыщитца ли какая
Пѣсню зайграть?»

Отыскивается; потомъ дружокъ кричитъ:

- «Матушка пасажона,
Батюшка пасажоный.
Благаславитя пѣсню зайграть!»
— Богъ благаславить.
—«Матушка наражона,
Батюшка наражоный.
Благославитя пѣсню зайграть!»

— Богъ благаславить.—
«Дружко съ надружжами,
Са ўсѣмъ краснымъ поѣздомъ,
Благаславитя пѣсню запѣть!..»
— Богъ благославить
Волю тварить.

Поетъ:
(Пѣсня поется, когда поѣзжане снарядятся въ холодной избѣ).

О. Госпыди, благослови,
Да пѣсню зайграть,
Да свадьбу зайграть,
За хлѣбымъ за солью,
За зеленымъ виномъ,
За пивымъ, за медымъ,
Да двухъ насаженыхъ,
Да двухъ маладёныхъ:
Наталью съ Акимымъ
Да долгыва вѣку,
Да буйный головушки,
Да сѣдэй бородушки,
На сыновъ на хорошихъ,
Да дочери красныи.
Кузьми да Демьяна
По сѣнямъ гуляла,
На гвозди сбирала,
Свадьбу кавала.
Михала Арханій.
Степанъ и Попутники,
По пути у дорози
У добрымъ здороўи.

Замѣчаніе о свадебныхъ обычаяхъ въ сельцѣ Березовкѣ.

Каравай не пекутъ въ домѣ невѣсты. Къ «винчанью» поднесутъ въ домѣ невѣсты по 2 рюмки, третію за кашей.

Харчи подаются: качанъ и каша. Свадьба бываетъ въ постные дни: въ пятницу, среду, и въ понедѣльникъ, у богачей рѣдко въ воскресенье.

Если женихъ человѣкъ холостой, то за столомъ величаютъ молодыхъ людей:

— «На горушки два голуба сидять».

Дружко, вывозя невѣсту изъ дому, прикутаетъ дверь, сѣконетъ ее три раза крестъ на крестъ *); передъ отъѣздомъ невѣста молится Богу на всѣ четыре стороны, свашки кричатъ слѣдующую пѣсню:

Березовка

Передъ отъѣздомъ невѣсты къ вѣнчанію. Во дворѣ, когда поѣздъ невѣсты уже готовъ.

Кланилась береза дуброви:
Спасиба табѣ, дуброва,
Што я у тебе стыяла,
Буйныи вѣтьицы пущала,
Дробни листьицы ранила.

---

*) Такой же обычай существуетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Смоленской губерніи, только тамъ дружко „засѣкаетъ" не двери, а ворота.

Кланилась Наталья батюшки:
— Спасиба табѣ, батюшка,
Што я у тибе сидѣла,
Буйныю голыву чисала,
Дробную косушку плитала.

Благословеніе дѣтей и величаніе поѣзжанъ въ селѣ Работьковѣ и Березовкѣ.

При благословеніи отецъ держитъ икону, сынъ два раза кланяется въ землю, третій разъ въ поясъ, цѣлуетъ «бога», а потомъ матку. «Тэмъ жа началомъ» и невѣста благословляется.

Поѣзжанъ величаютъ:

Березовка

Поѣзжанъ величаютъ въ домѣ невѣсты.

Чиризъ Донъ достушка лижала,
Па достычки Аўдотьюшка гуляла,
Ана бѣлыи рубашички стиряла.
Впередъ ей Алексѣюшка захадилъ,
У глазушки Аудотьюшки заглядалъ:
— «Куды жъ ета Айдотьюшка хараша,
Куды жъ ета Алексѣўна уборна?»—
Ликсѣюшка, у мине батюшка былъ харошъ,
Стифановичъ, у мине родниинькій былъ пригожъ.
Слышишъ ли, чуишъ ли Алексѣюшка,
Што пра тебе грицы пѣють?—
Грицы пѣють, яны двору хатять:
— «Падари Алексѣюшка не рублемъ палтинаю,
Не рублемъ палтинаю, залатою гріўныю!»—
Гривинка и капѣичка,
Гривинка и серебриная.

Проводы подъ вѣнецъ сиротъ.

Выйдя изъ-за стола отецъ ро́дный начинаетъ благословлять сына:

— «Батюшка и матушка, благословитя на Божій судъ пойти!..» Если матки нѣтъ, то и станутъ пѣть «гарявыя» пѣсни.

Березовка.

Гарявая.

Поется пѣсня, когда благословляютъ жениха къ вѣнчанію.

Вы зандитя тучи грозныя.
Падымитися буйныи вѣтры,
Вы разнеситя сырую зямлю,
Вы разбейтя грабавую даску,
Вы ускрыйтя залатую парчу,
Падымитя маю матушку,
Штобъ ина благаславила мине
На Божій судъ пайтить.

Смоленская сиротская.

Блычка—сасонка,
Ти усё вѣтьтя?
А юсе вѣтьтика
Да вокала мине,
Толька адной нѣтути
Вярьхушички:
Вярьхушку-макушку
Буря сарвала.
Наталья малода
Та усё племя?
А юсе племичка
Да вокала мине,
Аднае нѣтути
Родный матушки:
Родная матушка
Богу служить,
Узвярни, Божухна,
Грозную тучу,
А спусти, Божухна,
Да бялый каминь,
А разбей, Божухна,
Грабаву даску.
Выпусти, Божухна.
Мою матушку:
Нярушъ наглядить
На дитятушку,
Ти хорошо дитишка суряжина,
Ти на мѣсти дититка пасожина:
Суряжина дититка,
Якъ понятычка;
Пасожина дититка,
Якъ сиротычка.

Березовка.

Дм. у.

Поѣзжанъ величаютъ: (веселье свадьбы, когда женихъ окруженъ роднёю, поѣзжанами, противопоставляется грустной обстановкѣ сиротской свадьбы):

Гарошикъ мой гарошикъ,
Харашо-ль тебе при пути сѣить,
При пути при у дарозѣ,
При яснымъ солнышку?
Малодинькій Акимъ свѣтъ,
Харашо-ль табѣ жанитца

10

При роду при племени
При радимымъ батюшки?

Смоленская пѣсня.

Гарошикъ мой сѣрый,
Люблю тябе сѣить
При пути при дарожки,
При бѣлый березки.
Малодый Иванька
Ти любишъ жанитца
При роду при племю,
При родный матушки?

Березовка.

Дмитровскаго уѣзда.

Ой, на избѣ зелья,
У избѣ виселья:
Ликсѣй сына женить,
Береть себѣ кирыстушку —
Маладую невѣстушку.

Березовка

У невѣсты во время образованія.

У вечари, вичаришнички,
На Ликсандринымъ дявишничку
Прилитаить тамъ ясьменъ саколъ,
Садился ни вакошичку,
На сиребреную рѣшотачку.
Рѣшотачка спадламилася,
Ясный сокалъ строянулся-палетѣлъ.
Какъ завидѣлъ родный батюшка
Съ високыга терима,
Сы касатчатига акошичка.
—«Дитёль маё милыя,
Александра Спиридоновна,
Пригалубъ ясныга сокыла къ собѣ,
Ясныга сокыла-й залётныва,
Добрыва молыдца заѣзжига!..»
Государь ты мой батюшка,
Я бъ и рада пригалубила яво:
Мое серца ни абернитца;
Животъ кровью абливаитца;
Въ галавѣ разумъ митаитца,
Рѣзвыи ноги спатыкаютца,
Бѣлыи руки опущаютца.

Смоленская пѣсня.

Што сы ў̆чорашнига вечира
Праявилася праявушка:
Салиталися два голубы,
Да два голубы,
Да два сизыхъ.
То ня голыбы,
То молайцы:
Первый молыдицъ
То свекырька,
Другей молыдицъ
Иваничка.

Березовка

Когда вечеромъ женихъ беретъ къ себѣ молодую.

Добрыи сваты
Атдали намъ дѣў̆ку,—
Атдайте жъ пастельку!
Падушки у кружки,
Дярюшки ў̆ сасонкахъ.

Смоленская пѣсня:

Вярнися, дружка,
И зъ мяшкомъ;

Возьми маю пячёню
И зъ гаршкомъ.

Березовка.

При встрѣчѣ жениха со свадебнымъ поѣздомъ.

Акимыва матушка,
Выди, выди за варотички,
Припань къ сырой зямли:
Ни здучать ли калёсы,
Ни звинять ли падковы,—
Ни ѣдить ли Акимушка
Атъ Божьива суду,
Святога винчания?

Березовка.

При встрѣчѣ жениха со свадебнымъ поѣздомъ.

Скачи, мати, съ печи,
Зажги свѣчи:
Твой сынъ саколъ ѣдить.
Саколушку визеть,
Визеть сибѣ карыстушку,
Маладую нивѣстушку.

Смоленская пѣсня:

Зажги, матя, свѣчу,
Выйди на сустрѣчу,—
Сустрѣнь свайго чаду:
Первыча нараждоныга,
Другога пасаженыга.

Березовка Дм. у.

Сядутъ за столъ, закричатъ:
У Алексѣя за сталомъ
Два цвяточка расцвило:
Бѣленькій да красненькій:
Бѣленькій Акимушка.
Красненькій Натальюшка.

Березовка.

За столомъ.

Не была вѣтру,—панавѣяла;
Не была гастей,—нанаѣхали,
Паламили сѣни новыи,
Раздавили чару золыта,
Выпужнули салавья зъ саду.
Вастужитца узгарюитца Натальюшка:
—«О, свѣтъ маи сѣни новыи,
О, свѣтъ ты, мая чара золыта,
О, свѣтъ ты, мой салавей у саду!..»
Какъ узмолалъ Акимушка:
—«Ни тужи-ка, Натальюшка:
Есть у мине сѣни новыи,
Есть у мине чара золыта,
Есть у мине салавей у саду».—

Березовка.

За столомъ.

Любовь дѣвушки и вдовы.

Што у терими зючить?
Ни галубушка гурчить,—
Мать сына вучить:
—«Дититка Акимушка,
Паѣдишъ жанитца,
Ни бяри сябѣ вдовушку,—
Вазьми себѣ дѣвушку:
У вдовушки сярдечушка,
Што зимнія солнушка:
Хучъ яно ясненька,
Дакъ ано халодненька;
У дѣвушки сярдечушка,
Што лѣтнія солнушка:
Хучъ яно хмарнешанька,
Дакъ ано тяпленшнька.

Смоленская пѣсня.

Грусть дѣвушки, идущей за вдовца.

Балить мая галовушка атъ бранца, (особая трава)

Ни атдавай мине, матушка, за вдаўца:
А у вдаўца два нарауцы, Божжа мой:
Ти яму наравить, ти дятёмъ яво, Божжа мой.
А якжа мнѣ яго дѣтушикъ вучити?
Будить мине ихъ родина судити,
А якжи мнѣ яго дѣтушикъ зативать?
Будить мине ихъ родина проклинать.

Березовка.

За столомъ.

Пагнулися сѣни,
Какъ быяри сѣли,—
Ищо не такъ-та пагнутца,
Какъ меду напьютца,
Вина набярутца.

Хотьково Сычевскаго уѣзда.

Здриганулись сѣни,
Какъ сватовья сѣли;
Ни такъ сѣни здриганутца,
Какъ сватовьё напьютца;
Ни такъ сѣни грякнуть,
Какъ сватовьё вякнуть.

Березовка

Дорогою къ жениху.

Ой во пали агни гарять,
А усё чирнабыльникъ,
Абауголъ агня кузнячихи,
А усё маладыя,
Куютъ—ильютъ падковачки,
Аусё залатыя,
Раньнія сваха изъ рукъ,
Пирстень даетъ:
—«На, тибѣ, перстнекъ:
Падкуй каня, еще вараного,
А мы будемъ ѣхать.
Бора камянноя,
Боръ будить шумѣть,
Каминь гримѣть,
Падковычки звинѣть;
А люди-то скажуть,
Што багатыи ѣдуть,
Багатыи ѣдуть,
Багатую везуть.
Хуть чай нибагата,
Дакъ я таравата;
Чай ни вяличка,
Да румяныя личка;
Чай ни дародна,
У поли пригодна!

Смоленская пѣсня.

Ня конь капытомъ зозвинѣлъ.
Иванъ по синямъ пахадилъ,
Свайго батюшку пубудилъ:
Устань, мой батюшка, прашнися,
Ня куй залатога нажа—
Падкуй варанога каня!
Залатому нажу на блюди лижать,
Вараному каню у дарогу бижать,
Ай, бижать, бижать, па щирымъ бару,
Па щирымъ бару, па бѣлымъ каминю.
Боръ будить шумѣть,
Падкауки звинѣть,
А нашиму поѣзду
Висяленька будить.

Березовка

Когда женихъ везетъ къ себѣ невѣсту вечеромъ, на пути поѣзда зажигаютъ солому и поютъ слѣдующую пѣсню:

Къ двару подъѣзжаютъ,
Стрѣлками агонь кладуть,
Лучкомъ паджигаютъ.

Березовка.

Невѣсту окончательно вручають жениху въ его домѣ.

Прилетѣла галубушка наша къ вамъ:
Вы ня гуркайтя, ни шумаркайтя на яе,
Пріучайтя хлѣбымъ-солью ка сабѣ!

Смоленская пѣсня:

Вы, кумушки галубушки, чаломъ вамъ,
Ти ни залятѣла наша куручка вчора къ вамъ,
А ючора си вячора позвинька?
А ня кѣшкайтя, ни шугыкайтя — нярушъ вамъ,
Нярушъ привыкать, дабра наживать —
нярушъ вамъ?

Березовка

Невѣсту кладутъ спать дружко со свахою.

Ой, вы, дружки, слѣпы,
Ой, вы да не видите,
Што дѣука дятина,
Въ бочекъ протоукаля,
У клѣть спать звала.

Смоленская пѣсня

Ти слѣпы, дружки.
Ти ня видитя,
Што жанихъ лауку грызеть
И нявѣсту у клѣть завѣть...

Березовка.

Какъ невѣсту поднимутъ.

Учирашній день да бѣла рыба
На блюдичку ляжить,
Вчирася у насъ Натальюшка
Красная дѣвица,
А нынчи у насъ Натальюшка
Маладая княшня.

Смоленская пѣсня.

Учора была, якъ рожа твила,
А сяводни стала, якъ рожа вяла;
Ина учора была ина дявицыю,
А сяводни стала маладицыю.

Дамаха.

Какъ привезуть молодую.

Прилетѣла да галубушка наша къ намъ,
Да ни гуркайте, ни шумиркайте на се:
Да ни зымъ ана и съ голубамъ свыкнитца!

Дамаха.

Что значитъ «платки побрали?»

Какъ сосватають невѣсту, невѣста даритъ свекровьѣ полотенце, а свекровь отдаривается.

Дамаха.

Какъ просватаютъ невѣсту.

Пойду я по улицы
Два двара да минуючи;
Третій паслушаю,
Што люди гаворють,
Чіяго батькю бронють,
Чіяго пахваляють:
Авдотьиныва батьку бронють,
Иванына пахваляють.
Што пойчикъ, прапойничикъ
Авдотьинъ батюшка:
Прапилъ Авдотью,
Прапилъ Ивановну
На винный чарычки,
На залатой склянычки.

Дамаха.

Ладины.

Вечеромъ къ невѣстѣ привозятъ жениха на «ладины». «Гуляютъ» на ладинахъ цѣлую ночь. Обыкновенно на ладинахъ подаются пироги. Жениха сводятъ съ невѣстою. Женихъ еще не знаетъ невѣсты, а долженъ ее угадать. Сидитъ невѣста посреди 10 дѣвокъ, и женихъ узнаетъ ее. «Затемляетъ», потому что невѣста подпоясана, а ея товарки распоясаны; невѣста лучше другихъ дѣвушикъ убрана, «начупурина»; невѣста выпускаетъ изъ рукава полотенце.

Женихъ быстро подхватываетъ невѣсту и, не обращая на нее никакого вниманія, выводитъ на средину; молодые кланяются, молодому подносятъ склянку водки, молодой рюмку и молодые «невидаются». Жениха дарятъ. Невѣста угощаетъ водкою, у нея спрашиваютъ, кого она угощаетъ, невѣста отвѣчаетъ, называя угощаемаго или угощаемую по имени и отчеству, и подноситъ молодая поочереди водочку свекору съ свекровью, прочей жениховой роднѣ и сидящимъ за столомъ гостямъ. Молодые отводятся въ «хоромину», закуска продолжается.

На ладинахъ.

Село Дамаха.

Да калинушка,
Да малинушка
Весь лугъ акрасила,
Татьянушка
Весь міръ придарила;
Иванавна
Батюшку дарила:
—«Ни гнѣвайся, мой батюшка,
На ни долгае дары:
Мая мать стара,
Сестра мала,
А я, маладенька,
Нидоўги напряла!..»

Смоленская пѣсня.

Наканецъ стала свѣча гарѣла,
Тамъ наша Татьяна дары краила:
Дарочки маи ни дабѣлены,
Каспца мая ни даращиная,
Къ свякрови пиряйду,
Дары дабялю,
Дары дабялю,
Касу даращу.

Село Дамаха.

На ладинахъ.

Да на Марти (мѣсицы),
Да выпала парошица;
Да па тэй парошицы
Конушки грали.
Играли, паграли
Хведырывы братья,
Нямножка яны играли,
Да многа приграли:
Праграли Татянушку
Да на винный чарычки,
На винный чарачки,
На залатой скляначки,
На сухорнамъ кусочку,
На сладкамъ мядочку.
А въ тиреми
Да харошая каравать,
Тисовая новая,
Да на тэй каравати
Пярины лижать пуховыя,
Крутоя узгалоўя,
А на згалоўи чорный соболь
Съ конаю.

Село Дамаха

Во время приготовленія каравая.

Прячистая Мати,
Хади къ нашій хати
Свахи памагати,
Киравою балтати правога!
У нашимъ караваю
Семи рѣкъ вадицы,
Васьми поль пшаницы,
Девети дровакъ масла,
Сарака курицъ яйцы.
Да ў теремѣ
Харошая каравать,
Сасновая новая;
Да на тэй каравати
Пярины лижать пуховыи;
На тэхъ пярыныхъ
Пятрушка лякить Иванывичъ.

Смоленская пѣсня:

Нихто ни вазнаить,
Што у нашимъ каравап
Сями поль пшаничанька,
Сями крыницъ да вадичинька,
Съ сямидеситъ да кароў масла
И яицъ палтараста.

Дамаха.

«Какъ сбирается свадьба».

Ой, Божа, Божа,
Сыляти сы небесъ!
Ды Я самъ не слетю
Ангиля сашлю,
Ангиля сашлю,
Свадьбу сабяру,
Всю Хведараву.
А у терими
Харошая каравать
Тисовая, новая,
Да на тэй каравати пуховэя,
Крутоя згалоўю;
На згалоуи
Чорный саболь
Ѳедоръ маладой
Павлеевичъ;
Чорная куна
Настасьюшка красная,
Ивановна красная.

Смоленская пѣсня.

Ай, Божа, Божа,
Я сына жаню.
Хади-нагляди,
Дабромъ нагляди.
Я самъ ни пайду—
Ангиля пашлю,
Ангилъ прилятѣў,
Дабромъ надяліў.

Коса передъ вѣнчаніемъ у невѣсты расплетается до половины, потомъ заплетается.

Обрядъ «повиванья» состоитъ въ томъ, что одну косу расплетаетъ женихъ, другую сваха; потомъ заплетаютъ косы.

Село Домахи.

Къ сповиванью.

Ой, мать мая, матушка,
Дай дай уплетинку,
Што въ косы уплетають!
Ой, мать мая, матушка,
Дай, дай павивала,
Тонкая пакрывала,
Шитая павивала!

Село Дамаха.

Къ повиванью.

Ня па рѣчки тятивья,
Не на дѣвки дятинка,
Ой, будя да па рѣпушки,
Дй, будя да па дѣвушки!

Смоленская пѣсня.

Ни па рѣпычки тятивка,
Ни па дѣвушки дятинка!
Ни ў люльки яго калыхать,
Ни ў пялёнычки сповивать:
Пяленки тонки—падяреть,
Пачопки плохи—пупарветь,
Самой малинькій забьетца.

Къ повиванью.

Село Дамаха.

У кагуся да Пиксандрушки
Да ты хараша,
У кагуся Микалаевна
Да ты пригажа?
У васкресный день
Да матушка мине родила,
Да мятою да любистаю купала,
Шолкавый пеленушкой адивала,
Свивальничкомъ до бумажниньками свивала!
Да на тотъ же день
Да на вулицу вынасила;—
Съ таго—то я, да Ликсандрушка, хороша,
Съ таго—то, я да Микалаевна, пригажа!..

Какъ повьютъ невѣсту.

Скачьтя, повивалки,
Штобъ гнулися лавки,
Столики да качалися!
Маладэя цалавалися!

Смоленская пѣсня.

Тапчитя лавки—придавки:
Наша маладая малинька,

(пѣсня поется, какъ завяжутъ невѣсту, поднявъ съ брачнаго ложа, и посадятъ за столъ).

Ина устанить ранинька,
Памыить лавычки бѣлинька.

Дамаха.

Послѣ вѣнца.

Спасиба, спасиба,
Да Дамасекаму пану,
Атцу да Микалаю,
Што двухъ винчалъ,
Нямнога узялъ,—
Спасиба, спасиба!
Да падуй, падуй, вѣтиръ

Изъ чистыга поля!
Раздуй, раздуй, вѣтиръ,
Раздуй, витирокъ,
Да русую косу,
Охъ, русую косу,
Да па одномъ
Па валосу!

Село Дамаха.

Какъ берутъ невѣсту отъ отца.

Били дружка дѣвки,
Подъ полъ подсадили,
Ступаю навалили,
Калясомъ накатили,—
Дружку нинавертушка.

Смоленская пѣсня.

Дружка дѣвки били,
Подъ полъ подсадили,
Ступый закостили
Драўся дружко, драўся,
По уши у...

Какъ отдаютъ дѣвку весть къ жениху.

А у горади цвяты
Харошо добре цвяли,
Цвяли—зацвитали;
Абапала того цвѣту
Все сторожи стоять,
Усе вѣрныи слуги,—
Стерегуть—берегуть
Алага цвяточка—
Багровага василечка.

1) Когда идутъ свататься, связываютъ штаны грядками и пойдутъ ими столбочекъ затыкать около печурочки.

2) Жениховы лапти привязываютъ къ ножкамъ стола кверху подошвами, книзу головками.

3) Въ каравай кладутъ «пару яечекъ».

4) На свадьбѣ бываютъ угадки: женихъ угадываетъ, которая изъ дѣвушекъ его невѣста.

Село Морево.

Какъ сосватаются.

Да на Марти мѣсици
Выпала парошица.
Да па тэй на парошицы
Да ни конушки играли
Съ чорными сабалями,—
Играли, пайграли
Авдотьинé братья,
Аны нямножко прайграли;
Да много прайграли;
Прайграли Аўдотьюшку
Да на винный чарычки,
На сахарнымъ кусочку,
На сладкымъ мядочку.

Какъ сповиваютъ невѣсту.

А въ ляску, ляску,
Пу падлѣсачью,
Младъ Иванушка
Да каморку рубилъ;
Мима каморки
Дорожка лянжить,
Па дароженьки
Аўдотья бѣжить.
— «Богъ памогъ, Иванушка,
Да каморку рубить!
Руби каморку
Съ краснымъ вакномъ,
Штобъ была куда
Пташечкамъ литать,

Пташачкамъ литать,
Да мине побужать:
А у мине свекаръ
Да ни батюшка мнѣ,
Ни батюшка мнѣ
Ни пабудить мине,
Хотя пабудить,
Асудить мине;
— «Нивѣстка ў мине
Сальнива дабре!»

Смоленская пѣсня.

А зъ борку, борку, приборку,
Да рубіў Митрушка каморку.
Ай, туды шла Домначка:
— «Божа, тибѣ пумажи, Митрушка!
А руби каморку щитнинька,
Прасикай ваконца проти сонца,
Штобъ была куда литать салаўю
А и насъ маладыхъ будити!»
(Митрушка отвѣчаетъ Домночкѣ):
— На што намъ, Домначка, салавей?
Іость у насъ салавей батюшка,
Салавьянушка матушка—
Яны ранинька устануть
И насъ маладыхъ пабудють
И у люди пойдуть—пагудють:
Наша младая краенцы ткала—гримѣла,
Кужалёкъ пряла—звенѣла,
По вадицу пошла—скакала.

Село Морево.

Какъ невѣсту повиваютъ.

Повили кукушичку
Иваныву грушичку.
Да мы такъ-та павили,
Какъ сами ходили,
Да мы такъ-та сдѣлали,
Какъ намъ пахатѣлась:
Съ моки пиляницу,
Изъ дѣвки маладицу.

Село Морево.

Какъ перевѣнтаются.

Ой, на рѣчки на Дунайки лебеди,
Авдотьюшка чары́ мыла,
Паласкала, распускала,
Пустила чары вдоль па Дунаю:
—Плывите, чары, къ зеленому саду,
Къ зеленому саду, къ вѣнчанью,
Ки вѣнчанью, къ обручанью!
Я за вами скора буду.
А ў пятницу ни паспѣла,
А ў субботу ни пасмѣла,
Въ васкресный день рана буду.

Смоленская пѣсня.

А на рѣчки, рѣчки,
Да на гибкый дошки *)

*) Дошка—доска, стоя на которой, бѣлье моютъ.

Тамъ наша Домнычка кубычки мыла,
Памыушп кубычки, на Дунаю пустила:
—«Плывитя, кубычки, да паверьхъ Дунаю:
А я заўтри пу вадицу найду,
Пувадицу найду, якъ васъ шряйму,
Да виномъ напалью,
Виномъ напалью, свякрови паднясу.»—

Село Морево.

Вылеталъ ясьменъ соколъ
Съ-падъ крыльца,
Выхадилъ Иванъ
Съ-падъ вѣнца.

Во время запоя. Солдаты.

А пьяница да прапоица
Натальюшкинъ батюшка:
Пропилъ Натальюшку
За мёдъ и за гарѣлку,
И за винную чарку,
И за серебриную склянку.

Во время пропоя.

Солдаты.

Прапой, прапоица,
Невѣстинъ батюшка:
Прапилъ свою дочку
На винной рюмочки.
Пойду я по улици,
Два двара минуюмчи,
Къ третьиму падходюмчи.
Припаду, наслушаю,
Што люди говорють,
Невѣстинава отца бронють:
- Невѣстинъ батюшка
Пьяница прапоица:
Прапилъ свою дочку
На винной рюмочки,
На сахорномъ кусочку!»

Тоже.

Послѣ запоя.

Солдаты.

Пшли дѣвки вдоль па улицы съ гульбою,
Звали, звали Натальюшку съ собою:
- «Пайдемъ, пайдемъ, Натальюшка и съ нами!»
А вы идите, падружиньки, не ждите:
А я сабѣ бѣлага роя спаймала,
Маладова да Иванушка спазнала.- -

Припѣвъ:

А ли лой, ла ли.

Просватавъ невѣсту, величаютъ невѣстинаго батюшку.

Солдаты.

Луга маи зелены,
Палны луги наливалиси.
Куда вады стекать будить?
Стекать вады въ сыры бары,

Въ сыры бары зелена луга *)

. . . .

Смоленская пѣсня.

Ай, лугымъ, лугымъ, вода ишла,
Сухимъ бирягомъ Наталья,
Зъ лугавэю вадою гаварила:
—«А вадица жъ мая лугавая,
Я жъ тибе, водица, бирала,
Да бѣлыя личиння умывала—
Тымъ я Митрушки спадавала.»—

Когда невѣсту засватаютъ.

Солдаты.

Липушка всю ночь прашумѣла.
—Не сама я прашумѣла,
Дунули мною буйные вѣтры,
Вдарили мною люты марозы.
Дѣвушка красная всю ночь не спала,
А все жъ она съ батюшкой гаварила:
—«Кабы ни на насъ, мой батюшка,
Ни добрые люди сваты съ водачкою,
Мы бъ съ тобой, мой батюшка,
Свой вѣкъ вѣкавали!..»

Смоленская пѣсня:

Липушка зяленая
Всю ночку шумѣла,
Всю ночушку шумѣла,
Зъ листимъ гаварила:
—«Листюшка зялёная,
Будить намъ разлука:
Разлучуть насъ съ табою
Сняги да марозы».—
Домначка малодая
Всю ночку ни спала,
Всю ночушку ни спала,
Съ маткыю гаварила:
—«Матушка радимая,
Будить намъ разлука:
Разлучуть насъ съ табою
Князи да баяри,
Князи што да баяри,
Малодый Митрушка.»—

«На вечери», у невѣсты.

Солдаты.

А да ва горници, во свѣтлици,
Два голуба на шкафи;
Ани пьють и льють
Па летани бьють,
Въ цембалы играють,
Маладую Натальюшку,
Ее забавляють.
—Натальюшка Семеновна,
Тебе матушка заветь!—
—«Сестрицы маи подруженьки,
Право ни слыхала,
Не скора пабѣжала.»—

Тоже:

Солдаты.

Какъ и съ вечира вечаришничка,
Сы Натальиныва дѣвишничка,

*) *Конецъ пѣсни дѣвушки позабыли.*

Не веселъ саколъ савиваетца,
Онъ садился на якошечка,
На серебринай прагалинки.
Какъ завидила Натальина мать
Сы високава сы терима,
Сы растворчитава якошечка;
—«Ты ли, дитё ли, маё дититка,
Ты, дитё моё милая,
Пригалубъ же жъ ты яснава сокола,
А яснава сокала залётнава,
Добрава моладца прiѣзжива,
Прiѣзжива, чужастраннова,
Што прiѣзжива чужестранныва,
То Ивана Масеевича!..»
—Я бы и рада пригалубить иво,—
Мае сердца ни абернитца,
Животъ кровью абливаитца,
А рѣзвыя ножиньки спатыкаютца,
А бѣлыя рученьки япущаютца.—

Передъ вѣньчаньемъ.

Солдаты.

На мыльни, на бялялильни,
Сватунькя умывалыси,
Вечернiя прибиралыси.

Передъ вѣнчанiемъ.

Солдаты.

Рана рана, на зари,
Саѣзжайтися баяри:
Мы станемъ думу думати,
Не пара ли намъ ѣхати:
Мы станемъ съ палкомъ
Падъ тынкомъ,
Вся падъ новинькимъ гарадкомъ.

Смоленская пѣсня:

Ударили у званы, у калаколы:
—Садитися, быяри, вси на кони
Паѣдимъ, быяри, у новый горыдъ—
А у новымъ горыди дяльбу дѣлють:
То таму, то сяму да па дѣвушки,
Нашиму Митрушки вянку дѣука.

Къ вѣнчанiю ѣхать.

Солдаты.

Подъ дуброваю,
Подъ зелёнаю,
Дружилушка сѣна косить,
А свашинька вслѣдъ ходить,

Каней кормить:
—«Ѣшь, мой коникъ,
Выѣдайси, сабирайси:
Быть вамъ, коникъ, у абози,
Везть вамъ, коникъ, тижолый возъ,
Тижолый возъ, раннюю сваху»!..

Смоленская пѣсня:

Што падъ дубымъ, падъ зялёнымъ,
Тамъ Митрушка сѣна косить,
Сѣна косить, каню носить:
—Ѣшъ, мой коникъ, ѣшъ, вароный:
Быть табѣ, коникъ, у дароги,
У дароги, у въ абози,
Падъ тымъ возымъ, надъ тяжолымъ,
Падъ свашкыю, падъ большiю.

Солдаты. Вечеромъ за невѣстой прiѣзжаютъ.

(Поется и «къ вѣнцу»).

Ступайте, боляри, не бойтеся ночи:
Богъ вамъ на помочи.
Дружко на каня прасвиснулъ:
—Сылетайтися, салавьи,
Сыѣзжайтися, быяри?
Мы станемъ думу думати,
Не пара ли намъ ѣхати,
Да идѣ же намъ стать съ полкомъ.
Мы станемъ съ палкомъ подъ тынкомъ,
Ищо подъ новинькимъ гарадкомъ.

Смоленская пѣсня.

Гурныи, рибяты быяри,
Бяритя ружьи—грамады,
Пускайте стрялу па сялу,
Прабивайтя стяну камянну,
Бяритя Домначку маладу.
Каминная стина гнить будить,
Наша Домначка жить будить.

Къ вѣнчанiю.

Солдаты.

Дубровушка зеленая,
Што ты рана зашумѣла?
—Не сама я зашумѣла,—
Дунули мною
Люты марозы,
Сняги глубоки.—
Дѣвушка красная,
Што ты, млада, замужъ идешь?
--Не сваею ахотаю,
Гаспадскаю неволею,—
Атдаеть милый мой батютка.—

Смоленская пѣсня.

Тирязъ тынъ вишинка нахинулась,
Ни сама вишинка нахинулася—
Нахинули вишинку буйныи вѣтры,
Буйныи вѣтрики, дробныи дожжи.
Ни сама Домнычка замужъ идеть
Атдаеть Домначку родный батюшка,
Родный жа батюшка, родная матушка.

Передъ вѣнчаньемъ въ дорогѣ.

Солдаты.

Усплакали бѣлъ заюшка падъ кустомъ:
—«За што жъ мине дружилушка сѣкъ кну-
томъ?
Не я жъ яму дарожинькю перебѣжалъ;
Перебѣжалъ яму дарожинькю сѣрый волкъ,
Попужалъ яму вараныхъ каней воробей.»—

Смоленская пѣсня.

Бягить заинька на яичинню,
Вочки треть,
А хто жъ тябе, заинька, больно біў?
Ай біў мяне молодинькій Иванка.
А тия жъ яму дарожиньку пирябѣхъ,
А ни яжъ яму вараныхъ коніў пабудіў,
А ни яжъ яму Рипинычку погудіў:
Пирябѣхъ дарожиньку сѣрый волкъ,
Папудили вараныхъ кони истрябцы,
Пагудили Рипинучку малайцы.

Передъ вѣнчаньемъ, въ дорогѣ.

Солдаты.

Ва полю чернабыльникъ,
Агонь гарить, каминь грямить;
Вокала агонушку кузнечики вьютца.
Кують-ильють падковушки,
А всё сталяныи.
Вотъ намъ съ табой, дружилушка,
Па сыромъ бару ѣхать,
Да па бѣламу камню!
Ва полю чернабыльникъ,

Агонь гарить, каминь грямить;
Вокала агонушку кузнечики вьютца,
Кують-ильють падковушки,
А всё сталяныи.
Вотъ намъ съ тобой, Митріеюшка,
Па сыромъ бару ѣхать,
Да пи бѣлыму камню!

После вѣнца.

Солдаты.

Побѣдная сиротинушка
По лужочку гуляла,
Ана ягодки брала,
Брала, брала, ды падгуляла:
Ни то сѣсти—паѣсти,
Ни то свекру панести.
--Свякоръ мой батюшка, вонъ ягодки!—
Любить мине, приголубить,
А я яму гажуси,
Въ ножки пакланюси.

Смоленская духовская

I.

А малая сиратина
Кала лѣсу хадила,
Ина ягодычки брала.
Ай, ягóдки салодки.
Ай, ти тутъ сѣсти съѣсти,
А ти дворычку нести?
Мине у дварѣ ни батюшка,
Ни батюшка, ни матушка,
Толька лиха мачика,
Сѣкла мине крапивыю,
Крапивыю стрыкливыю.
Было мае тѣла бѣла,
Атъ крапивы спатусь мѣла.

Смоленская пѣсня.

(Лѣтняя или духовская)

II.

А малая сиратина
Кала лѣсу хадила,
Кала лѣсу хадила,
Ина ягодычки брала,
Ина ягодычки брала,
Да спѣлыя зрѣлыя,
Да спѣлыя зрѣлыя
То родныму батюшки,
Зилянужички лихому свекыру.
Ѣсть мой батюшка, ѣсть и хвалитца,
Ѣсть мой свекырька, ѣсть и давитца.

Послѣ вѣнца.

Солдаты.

Луги маи зеленыи,
Чѣмъ вы, луги, сукрашоны?—
—«И травами—муравами,
Всё лазоревыми твятами.»—
—Гости маи зазваныи,
«Чѣмъ вы гости, чястованы?»—
—И винами и медами,
И хорошими закусками.»—
Гуляйтя, зазваныи гости:
У нашева хозяина
Хлѣба соли многа,
Вина зелянова.
Погуляйтя, пагуляйтя,
Зазваныи гости,
Бѣлыи завачки памарайтя:
Наша маладая умненькя,
Вымаить лавачки бѣленькя.

Послѣ вѣнца, встрѣча жениха.

Солдаты.

Скачи, мать, съ печи,
Зажги свѣчи:

Твой сынъ
Саколъ ѣдить,
Саколачку везётъ,
Въ доми кукобницу,
Ву полу работницу,
Гастямъ привѣтницу.

Смоленская пѣсня.

—Ай, сядь, ай, сядь,
Мая матушка, у ряду:
Ай, яжъ табѣ пирямѣнушку привяду.—
(Мать отвѣчаетъ сыну)
—«Ти у чирявичкахъ, ти ў лопоткахъ,
Дыкъ наша,
Была бы ина ни работушку ўдалася!...»
—А умѣй, а умѣй, моя матушка, зативать!—

Послѣ вѣнца.

Солдаты.

На двари дожь силенъ
Паливаитъ,
Разливъ разливаитъ;
Па этамъ дожжочку
Палагеюшка ходитъ,
Иванавна гарюитъ:
—Куды то мнѣ дѣтца,
Куда схаранитца?»—
Я кинуся брошуси
На батюшкина падворья;
А батюшка скажитъ:
—«Тутъ табѣ нимѣста,
Ни широка подворья,
Ни широка раздолья!..»
Я кинуся брошуси
На свекрова падворья,
А свекаръ мнѣ скажитъ:
—«Вожъ тутъ табѣ мѣста,
Ширако падворья
И харашо раздолья.»—

Отъ Василія Петрова Кузина.

Свадебишная во время обѣда.

Солдаты.

Цвяло, цвяло вишанье
Сваимъ бѣльимъ твѣтамъ.
Ня твёмши, вишинье рана апала
На Химину на буйну галовку,
На Митріевну на русую косу.
Жить была у батюшки,
Па тигли хадить,
Насить была ключики,
Ключми не званить,
Радимаго батюшки
Была не будить,
Сударыни матушки
Была не гнѣвить,
Маладаго Данилушку
Къ сабѣ не мануть.
Чужая старонушка
Безъ вѣтрушку вянить,
Безъ солнышку сушить,
Чужой родный батюшка
Дабру не научить,
Усе журить бранить зонапрасна.

Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Во время пропоя невѣсты.

Плыла, плыла чарачка по меду,
Приплыла сяребреная къ бережку.
Хадила Лисаветушка по саду,
Андреевна по зелину,
Сѣяла бѣлъ жамчугъ съ рукава,

Посѣямши, узгаварила:
Не быть маему земчугу на всходу,
Ну, ни быть маему батюшки весяло,
А быть Григорьеваму батюшки весяло.

Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Во время запоя невѣсты.

Пайду я па улицы,
Два двара да минуючи,
Третьяга не даходючи,
Стану паслушаю,
Што люди гаворють:
Маего батьку бронють:
—«Прапойщикъ, бражнильщикъ
Лизаветинъ батюшка:
Пранилъ Лизаветушку
На хлѣби, на соли,
На виннай чарачки,
На піуномъ стакани.»—

Когда невѣсту везутъ отъ отца къ вѣнчанью.

Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Ѣхала Лисавета со двара,
Сламила березу са верьха:
—«Стой, мая береза, безъ верьха,
Живи, мой батюшка, безъ мине!.»

Смоленская пѣсня.

У варатахъ бяреза стыяла,
Вѣтьтимъ вароты услала;
Домна са двора съѣзжала,
Верьхъ тэй берёзи сырвала:
—«Стой, мыя бярёза, безъ верьху,
Живи, мой батюшка, безъ мине,
Безъ русый касы, безъ маей,
Бизъ румяныга личиння!..»

Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Перевѣнчавшись.

Аткотная въ саду яблачка
Аткатилася прочь атъ садику,
Прочь атъ садику атъ зилёнага,
Прикатилася къ саду вишенью.
Къ саду вишенью, ко ярешенью.
Атъѣзжая наша гостюшка Лизаветушка,
Ина атъѣхала прочь атъ батюшки,
Прочь атъ батюшки, атъ радимага,
Ина пріѣхала къ и-лютому свякру,
Къ и-батюшки, къ и-радимаму.
—Ожъ, свекаръ, ты, мой батюшка,
Примай мине за снмеюшку,
За симеюшку, за нивѣстушку!—

Перевѣнчавшись къ свекору идутъ.

Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Матка саколка,
Выгляни съ акошка:
Твой сынъ саколъ ѣдить,
Саколушку табѣ везеть,
Младую Лисаветушку.

На свободѣ гуляютъ.

Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Не травушка кавылушка шавелѣў,
Всѣ луга, всѣ балотьика устилалъ,
Ка адной мяжи дарожиньку аставлялъ,—
Па дарожиньки калясачка катилась,
Во калясачки раннія сваха сидѣла,
За ей ѣдить дружилушка съ паяздомъ.
—«Пастой, раннія сваха, не уѣзжай,
Загадаю загадачку, атгадай!
—На Петровъ день ледъ лежалъ.—
—«Дружилушка малоденькій, неправда.»—
—Раннія сваха, правда: 2
Я самъ тамъ былъ, 2
Па льду хадилъ,
Я лёдъ дубилъ,
Не травушка кавылушка шевелѣў,
Всѣ луга, всѣ балотьика устилалъ,
Ки адной мяжи дарожиньку аставлялъ,—
Па дарожиньки калясачка катилась,
Во калясачки Лисаветушка сидѣла,
За ею ѣдить Григорьюшка на каню:
—Пастой, пастой, Лисаветушка, не уѣзжай!—
—«Загадаю я загадочку, а ты отгадай:
Середъ зимы, на Хрященье, рожь твила.»—
—Неправда, Лисаветушка:
Я самъ тамъ былъ,
Пы ржи хадилъ,
Цвяты ирвалъ,
Вянокъ свивалъ,
На шляпу клалъ.—

Смоленская пѣсня.

Тирязъ поля дорожинька лижала,
Туды наша да и Домнычка бижала,
За ею въ пагонь да малодинькій Митрушка:
—«Ты стой пастой, мая Домначка, ты мяне:
Загадаю я загадачку я табѣ:
Абъ пятрѣ де на Дняпрѣ лядочикъ былъ,
елимъ я,
Тамъ я, младецъ, коня паилъ,
елимъ я,
—А непроўда, Митрушка,
Все твыя:

У садѣ абъ Ражцвѣ
Рожа цвила,
елимъ я,
Я жъ тамъ, млада,
Вянокъ вила,
елимъ я.—

У свекора за столомъ.

Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Катилася калясачка зъ замарья,
Прасилася Лисаветушка съ застолья
Паглядѣть бы было свёкарава падворья,
—Не пьяница прапойщица свёкаръ мой;
Не прапилъ бы іонъ житья-бытья своего,
Не прапилъ бы іонъ приданага маего,
Че прапилъ бы мене, маладу на мяду,
Не свелъ былъ іонъ приданое маё за бяду?—
Не смѣйтися, красны дѣвки, маладцу:
Хучъ іонъ долга ждалъ, не скора взялъ,
Не скора взялъ:—«дакъ вазьму яе:
Ужъ я жъ яе во калясачку пасажу,
Во калясачку пасажу и къ вѣнчаньицу пра-
вязу,—
Яжъ яе за дубовый столъ посажу,
Винцомъ-пивцомъ напаю!»—

Смоленская пѣсня.

Катилася яблачка съ заморья,
Прасилася Домначка съ застолья
Паглядѣть свекырыва падворья:
Ти многа коній у хляву,
Ти многа хлѣба у вамбари,
Ти многа дѣтей на палу.—
Многа хлѣба у вамбари,
Многи кони у хляву,
Многа дятей на палу.

Перевѣнчались у жениха.

Лужки Дмитровскаго уѣзда.

У насъ ныньчи гадинушка настала,
Лисаветушка за батюшкой паслала,
Запригла ина семера саней,
Семера саней, васьмой возъ,
А девятага извощичка,
Штобъ привезъ,
А десятага скамарошничка,
Штобъ играусъ

—Играй, играй, скамарошничикъ,
Съ села да села,
Штобъ наша Лисаветушка
Была весела,
Штобъ Андреевна завсегда!

При концѣ свадьбы.

Лужки Дмитровскаго уѣзди.

Ой, отъ дуба да зеленай дубрави
Конь бяжить,
Земля дрожить.
Што нашива дружилушки
Дома нѣту?
Паѣхалъ нашъ дружилушка
Въ ахоту,
Въ ахоту, на легкую работу;
Подъѣзжаить
Къ и-тестиваму ко двару,
Выкликаить
Тестюшку батюшку:
—«Тестюшко, мой батюшко,
Дай мой даръ,
Дай любой таваръ,
Вѣкавой!»...
Вывадили варана каня
Съ-падъ кавра,
Становили варана каня
Въ варатахъ,
Ударили варана каня
Па бедрахъ:
—Дружилушка малодинькій,
Вотъ твой даръ,
Любой таваръ,
Вѣкавой!—

Смоленская пѣсия.

Ой, по пылю по чистыму арда идеть,
Ой, по мырю по синему вальна бьеть,
А у тэй ирдѣ напереди Иванька,
Пріизжаить ка тестевыму ки двару:
—«А, стилушка мой батюшка, дай мой даръ,
А мой жа даръ дарагей таваръ злюбленный.»—
—Вывила теща бурую карову за вароты:
—А зятюшка, мой батюшка, вотъ твой даръ—
—«А тещухна мая матухна, ня мой даръ—
А мой жи даръ—дарагеѣ таваръ злюбленный
Вывила теща дочку за вароты:
—«А зятюшка, мой батюшка, ти твой даръ?—
—А, тещухна, мая матухна, вотъ мой даръ,—
Дарогей таваръ, злюбленный.—

Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Когда за невѣстой пріѣзжаютъ.

Пріѣхалъ галубчикъ
Сы чистаго поля,
Кидалась, брасалась
Бѣлая галубушка:
—«Идѣ то мнѣ галубушка,
Пасадить будить;
Чѣмъ то мнѣ голубушка
Пакармить будить?—
Пасажу я галубчика,
Сваю галубицу,

Пакармлю я галубчика
Рожью пашаницей.»—
Пріѣхалъ Григорьюшка
Со чужей старонки.
Кидалась-брасалась
Красная Лизаветушка:
—«Идѣ то мнѣ его, Григорьюшку,
Будить пасадити,
Чѣмъ то мнѣ его, Григорьюшку,
Будить пакармити?
Пасажу Григорьюшку
На свой високъ теремъ,
Пасажу за дубовый столъ
Напаю зеленымъ виномъ,
Накармлю мяхкимъ пирогомъ.»—

Дамаха.

О крестинахъ.

На крестинахъ подаютъ кашу, баранину, водку. Когда подадутъ кашу, то бабка подниметъ вверхъ горшекъ съ кашею, а голова у бабки шалью покрыта. Бабка скажетъ:

— «Господи Сусе Христе, кашу падыми! Штобъ моего новорожденнаго внука князи-баяри любили, за високъ теремъ вадили, виномъ-медамъ паили, калачами кармили, съ дѣвками, рибятами!..» Горшоночекъ бабка разобьетъ. Бабкѣ кладутъ на тарелку деньги.

Село Дамаха.

Во время крестинъ.

Усшумѣлись буйныи вѣтры,
ой лой лало лой!
Усшумѣлись, усбушувались у саду ябланки,
А вазскрипѣлись сасновыи двери;
Усхватилась Ульянушка,
Усхвалилась Васильевна:
—«Охъ, я тебѣ парадила сына!..»

Село Дамаха.

Во время крестинъ.

У насъ у садику,
У насъ у зеленымъ,
Салетались салавьи,
Салитались сакалы.
Ины папѣли,
Ины паѣли,
Да всѣ врозь палетѣли,
Маяго да салавьюшку
Съ сабою сманили.
Охъ, и я, чечотучка,
Да я дагадлива была;
Упрёдъ залитала,
Я крыльцемъ замахала,
Салавья варачала:
—Варатися да, саловьюшка,
Варатися да, малоденькій:
Бизъ тибе, саловьюшка,
Вси сады запустѣли,
Да вси пташки пріуныли.

Село Шаблыкино Карачевскаго уѣзда.

Стяжная.

Зимою и лѣтомъ.

Ишолъ казакъ съ Дону,
Изъ Дону да Дону,
Станавился надъ рякою,
Аперся рукою,
Спамянулъ сваю худу долю:
—«Худая жъ мая доля!»...
На тотъ бакъ синяго моря
Тамъ стыяла биреза
Тонка, висока,
Листомъ широка;
Какъ на этай на березѣ
Сидѣла птица пава,
Закричала:
«Што, братцы, прапала
Салдацкая моя доля!»
Помарозили переты,
Всё мѣрцвши масты,
Изъ Масквѣ да Калуги
Арловская акруга.

Смоленская пѣсня.

Ишоў казакъ съ Дону,
Іонъ съ Дону да дому,
Іонъ сѣў надъ рякою,
Падперся рукою,
Абліўся слязою,
Праклинау сваю долю:
— «Доля жъ ты, мая доля,
Ни такая, што людская:
А людская, што доля
И пьеть и гулянить,
И пьеть, и гулянить,
И у гусильки игранить».—
Атклинкулася доля
На тымъ баку моря:
— «Казача бурлача,
Няувесь розумъ манишъ,
Няувесь розумъ манишъ,
Долю праклинашишъ:
Ни хадить было уранду,
Ни наймать музыкантыў,
Ни наймай музыкантыў,
Ну, ня пей ты гарѣлки,
Ня пей ты гарѣлки,
Ни люби ты красный дѣўки:
Тыя жъ тябе танцы
Увядуть казака у старцы,
Тыя тябе игры
Увядуть казака
У злыдни.»—

Лѣтняя

Солдаты.

(Граница съ Дмитровскимъ уѣздомъ Курской губерніи).

Сады маи садочки,
Сады маи зеляныи,
Усаду твяты галубыи,
Адинъ алинькій цвяточикъ,—
Тотъ мой милый дружочикъ.
Мы жили съ табою тайна,
А выхадила пра насъ явна.
Хто жъ эта выноситъ,
Маяму батюшки даноситъ.
Мой батюшки журливый
Никакой скуки не любить:
Узялъ мене за ручку
И навелъ мене въ чистое поле,
На широкое раздолье;
Іонъ вырѣзалъ прутину
Пра мае тѣло бѣлое,
Пра личико румяное.
Мое тѣло не стерпѣло:
Чорнаю кровью налилося,
А я малада схватилася:
За штожъ это тѣла бита?
За свой разумъ за ребячій,
За обычай за дѣвичій.

Лѣтняя.

Березовка.

Я не вѣрила надружки,
Какъ живуть раздружки;

Тяперича павѣрю
Всякаму зладѣю-лихадѣю.
А хто каго любить?
Любилъ парень красную дѣвушку
Да пары да время,
Да пары да время
Да теплыга лѣта.
Тепло лѣто на праходи,
Съ милымъ разстаюся,
Горя набяруся.
Пращай, горадъ,
Пращай, новый,
Съ крутыми гарами,
Пращай, мая любезная,
Съ чорными бравями!
Твае брови чернабровы
Ссушили парипя,
Што ю поли былинка,
У лѣси дирявинка,
Горькія асинка.

Лѣтняя.

Березовка.

Што жъ ты мальчикъ, мальченашикъ,
Што за душинька такой,
Улажилъ мысли въ моё сердца!
Ни магу дружка ўвазнать,
Я сама яго ни знаю,
Начала, вѣрна, любить.
Пра насъ съ табой люди знають,
Всѣ сусѣди гаварять:
—«Стыдна, стыдна, дяўчоначка,
Позна вечирымъ гулять;
Разстыднѣй таво не будить
Двухъ малойчикыў любить».—
Дѣўчоначки стыдна стала
Начала плакать-рыдать;
Мальчоначку жалка стала,
Сталъ дiўчонку унимать;
Выпiў шолковый платочекъ
Началъ слезы утирать.
—«Ни плачъ, дѣўка,
Ни плачъ, красна,
Ни плачъ, душичка мыя;
Разгаритца мае серца,
Распылаить кроў ва мнѣ,
А ў ва мнѣ, а ў ва мнѣ,
Вазьму замужъ за сябе.—
—Нiў вазможна таму сбытца,
Што багатый бѣдну ўзяў.—

Смоленская пѣсня.

(пирушечная).

Ни на што я ни ўзирала,
Какъ на етытъ жолтый домъ,
Ни па комъ я ни тужила,
Какъ па милымъ па сваёмъ,
Што за мальчикъ былъ, мальчишка,
Што за душинька такой!
Влажилъ мысли въ маё сердца—
Ни магу дружка забыть.
Ты паслушай, друхъ любезный:
Пра насъ люди гаварять.
Тябе, молыйца, ругають,
Тябе, дѣвицу, бранять:
—«Стыдна, стыдна красный дѣўки
Позна вечира гулять»!—

Дяўчоначки стыдна стала:
Стала плакать и рыдать;
Мальчишички жалка стала:
Сталъ дяўчонку унимать;
Выніў розывый платочикъ,
Началъ слезы утирать.
—Ни плачъ, дѣўка, ни плачъ, красна:
Я самъ ни холыстъ, ни жинатъ;
Если жъ буду я жанитца,
Вазьму замужъ за сябе.—
—«Можна, можно ета думать,
Што бы ты замужъ мине взяў:
Ты багатый, но я бѣдна,
Раскрасаўчикъ самъ сабой,
Ни нуждаюсь я табою».—

Лѣтняя.

Березовка.

Забурлачила мая галовушка
На чужей дальній старонушки:
Старана ль мая, старонушка,
Старана мая незнакомая,
Незнакомая падмаскоўная!
Парадила мине матушка
У нисчасливый день у пятенку,
Парадила мине горькую пьяницу;
У кабакъ идеть, што макъ цвитеть;
Съ кабака идеть, што мать радила;
Шатаитца, сланяитца,
За вирею шку хватаитца.
Вирея жъ ты мыя, вирею шка,
Садяржи мяне горькую пьяницу,
Горькую пьяницу, бабу хмельную!

От Марьи Степановой.

Лѣтняя.

Солдаты.

На праходѣ все бѣлаго дня
Наставаетъ темная ночь,
А мнѣ дѣвушки все горе бѣда,
Вяликая дѣвки сухата,

Сушуть, крушуть чужее мужья,
Чужее мужья, ближніе друзья,
Заставляютъ силóю любить,
Да ни волюшкой, ни сваею ахотушкой,
Скажи, дѣвушка, скажи мнѣ на томъ,
Каго любить, кагда дѣвки нѣтъ.
Люблю, дѣвушка, люблю тебе однаго,
Я тебе за то люблю, што близка живешь,
Што близка живешь, ходишь харашо:
Всегда въ сапагахъ, да ва бѣлыхъ чулкахъ
Во синихъ штанахъ, у перчатачкахъ,
Падпаясачка изъ разныхъ шалковъ,
Изъ такихъ сякихъ муравчатыхъ.

Лѣтняя.

Солдаты.

Чужа-дальняя сторонушка, разлука съ милымъ дружкомъ.

Што патужутъ братцы,
Пагарюютъ абъ несчастной сироты:
Атлитаитъ мой саколикъ
Изъ ачей маихъ всё изъ глазъ,
Атъизжаитъ мой любезный
Въ славный горадъ Питенбургъ.
Я не мала слезъ паранила
Па галубчики па сваемъ;
Вы слезахъ я дружка прасила:
Хучъ нямножка пажикемъ,
Хучъ нямножка, хучъ маленечка,
Адинъ круглинькій гадокъ.
Што нельзя и неможна
Нельзя съ душечкай пажить:
У сусѣда люди знають,
Не савѣтывають любить,
Не савѣтывають любить,
Велять бросить позабыть.
Я тагда дружка забуду,
Кагда сакроютца глаза;—
Призакрыють маи очи
Тонкимъ бѣлымъ палатномъ,
Прі̆засыпють мае тѣла
Жалтымъ мялкимъ пяскомъ.

Смоленская пѣсня:

Хто навѣрить маей скуки,
Тэй патужить, милый, аба мнѣ—

Живу зъ миленькимъ въ разлуки
На чужей дальній старанѣ—
Чужая дальнія старонушка,
Сушить-крушить мине малатца.
Сохнить-вянить у поли траўка,
Высыхаить ина бизъ даждя,
Если дождичикъ прамочить,
Апять траўка ина уздыхнеть—
Вси твяточки привузблякнуть,
Удрухъ звярнутца, на зимлю падуть;
Серца кроўю абальлетца,
Пумянешь мине, мой друхъ, ни разъ,
Што я, горькая, нисчастна,
Урадилась вочинь хараша,
Лицомъ бѣла, брови чорны,
Развеселыи въ Маши глаза.
Развяселы въ Маши глазы.
Ана въ зеленъ садъ пашла,
Въ зеляномъ жа у садочку
Саловей пташечка паётъ.
—«Ты ня пой-ка, салавейка,
Въ маимъ зеленымъ саду,
Ни давай таски зазнобы
Сярдечушку маяму:
А мае ужу сярдечушка,
Яно зныла у ва мнѣ,
Яно зныла и сатлѣла
Чарнѣй яно да зямли».—

Березовка.

Лѣтняя.

А ў Иваньевымъ саду
Салавей громка паётъ,
Іонъ паётъ, іонъ спакою ни даётъ,
Да бѣлый да зари.
Када зорюшка зашла,
Нямножка я паспала.
Ва снѣ многа видѣла:
Будта Ванюшка пришолъ,
Па новымъ сѣнимъ пашолъ,
У зелёнымъ калтанѣ,
У бушовнымъ калпакѣ.

Березовка.

Лѣтняя.

Прибылъ, прибылъ
Удалой малойчикъ
Въ гости до мине.
Сядимъ мы, сядимъ,
Удалой малойчикъ
За тисовый столъ,
Выпьемъ мы, выпьемъ,
Зaудалой малойчикъ,
Па рюмки вина,
Закусимъ мы, закусимъ,
Удалой малойчикъ,
Канецъ пирага.

Какъ сы вечира
Заўдалой малойчикъ
И пилъ и гулялъ,
Сы паланочи
Удалой малойчикъ
Богу душу отдалъ,
Ки бѣлу свѣту
Везуть харанить.
Уперёдъ идеть
Старая атецъ-мать
Убиваитца;
У варотъ стаить
Красная дѣвушка
Усмихаитца:
А было табѣ заўдалой
У гости ни хадить,
Водычки ни пить
И двухъ насъ не любить
А было бъ табѣ (заўдалой малойчикъ),
Аднае мине!...

Березовка.

Лѣтняя.

На вулицы дожъ, дожъ,
Падъ гарою туманъ,
Сыбирался милый другъ
Ва поля гулять,
А я, маладешанька, зажурилася,
Сы бѣла личанька смянилася,
Гаварила милыму:
—«Варатися, другъ нашъ!
Если не варотишься,
Ступай, чортъ съ табой,
Нанимай хватерушку
Себѣ новую,
Масти караватушку
Тисовенькую,
Клади узгаловьицы
Пуховиньки,
Стяли адіялица
Тяплеханьки,
Лажись, лажись, милый другъ,
Съ урюмаю жаной,
А я, маладешинька
Падъ краснымъ падъ акномъ.
Ускрою я аконушка,
Я нямножичка,
Гляну, маладешанька,
На чатыри стараны:
Сы правы старонушки салдаты
Маяго любезныга коника вядуть.

Березовка.

Лѣтняя.

Што балить
Ва молайца галава
Сы ўчарашнига
Сы зелинага вина.
Невеликъ городъ,
Паразстроилась Масква:
Нихто ни хаживалъ, ни гулялъ,—
Тамъ ишолъ, прашолъ
Дятинушка маладой;
Іонъ ня мѣлъ сябѣ
Заботушки никакой,
Толька есть жибота,
Жаботушка сухата,
Навязалася ни на совѣсти жона:
Ина журить-бранить
Сваяго мужа заўсигда,
Какъ и мужъ жаны
Ни слушаить никагда.
Сы вечира удалой малойчикъ
На гуляньица пашолъ,
Ки бѣлу свѣту удалой малойчикъ
Сы гуляньица пришолъ...
И здучить, и грючить
Въ сваихъ сѣнихъ, варатахъ:
Аткутай, жина,
Новы сѣни, варата.
Спущай, жина,
Сваиго мужа дурака:
Я ни воръ пришолъ,
Ни разбойничикъ,
Я пришолъ, жана,
Твой палюбовничикъ!—

Березовка.

Да и горькія салдатская жанитьба,
Гарямычная дявичая, охъ, да замужства!
Атдаетъ мине батюшка за салдата,
Онъ на однэй ночки ни начуить,
А хатя заначуить, уже ночъ праташкуить
Всіе ночъ па горинки праходить,
Касатчатыя акошичка аткрываитъ,
На Маскоўскую дарожку паглидаитъ:
—«Не идуть ли, не ѣдуть ли салдаты?—
Старыи салдаты идуть-граютъ,
Маладэя навабранцы идуть-плачуть;
Старыи салдаты унимають:
—«Вы ни плачьтя, салдаты навабранцы!.»
—Какъ жа намъ, салдатушкамъ ни
плакать?
Дамы наши запустѣли,
Атцы матери наши пристарѣли,
Маладые жоны заўдавѣли,
Малыя дѣти пасиратѣли...

Лужки

Дмитровскаго уѣзда.

Салавей, мой саловьюшка,
Какъ табѣ ня скушнитца,
Какъ табѣ ня сгруснитца,
У саду сѣдючи,
На старыхъ глѣдючи,
На лысую галовушку,
На сядую барадушку?—
Малодка, малодка,
Какъ табѣ ня скушнитца,
Какъ табѣ ня сгрустнитца,
У теремѝ сѣдючи,
На старыхъ глѣдючи,
На лысу галовушку,
На сяду барадушку?—
Пайду, малада, ў темный лѣсъ,
Нарву хмеля яравага,
Напаю мужа пьянага,
Палажу яго ў холади,
Въ холади, на погреби,
Накрою саломаю,
Саломаю грячишнаю,
Сверьху пашаничинаю,
Сама пайду ка сасѣдушку:
—«Сусѣди, сусѣдики,
Ближніи сусѣдики,
У насъ пынчи дождикъ былъ,
Маяго мужа громъ убилъ,
Громъ-та раждэственный
Маланья хрещенская»!...
Сусѣдики.
—А ета баба бредила:
У насъ даждю не была...
Безъ дождю громъ не бьетъ,
Безъ грому маланья не жгетъ.—

Лѣтняя

Березовка.

Ишолъ казакъ съ Дону,
Іонъ съ Дону да дому,
Іонъ сѣлъ надъ рякою,
Падперся рукою,
Залился слезою,

Спамянулъ сваю долю:
—«Охъ ты, доля, ты, доля,
Ты, доля худая,
Ты, худая, праклятая,
Жанитьба плахая,
Перевозка невольна».
Какъ на той ли перевази
Стыяла бяреза,
Какъ на той ли на бярези
Тамъ сидѣла птица пава,
Ина кричить што прапала,
Я сама пра то знала».—

(См. № 192, Шаблыкино)

Лѣтняя.

Березовка.

Поють дѣўки,
Поють бабы
Молыдца винцомъ.
За што жъ яны
Яго поють?
За честь, за хвалу.
Сняли съ молыдца,
Сняли съ добрыва,
Шляпу—сапаги,
Еще жъ яны съ яго сняли
Зеленый кафтанъ:
Нильзя молыдцу,
Нильзя добрыму,
Вулицый прайтить
Смотрють дѣўки,
Смотрють бабы,
Шельмы изъ акна.

Протяжная.

Солдаты.

Несчастная Машечка зарадиласи,
Да великая горюшка приключиласи.
Да куды зъ горя ни пайду,
Всё горя за мною;
Каму ни пажалюси.
Всё журять-бранять Машечку,
Все плакать велять Машечки:
—«Поплачь, пагарюй, Машечка,
На сваемъ на горюшку,-
На миломъ дружку
Иванюшечки.
Иванюшечка душечка,
Задушевный другъ.
Пратарилъ милъ дароженькю,
Перестaлъ хадить;
Паложилъ милъ худу славушку,
Пакинулъ любить.»

Смоленская пѣсня.

Куды Маша не пойду,
Усё горя за мною;
Каму Маша ни скажу,
Все плакать вилять:
—«Поплачъ, поплачъ, **Маша,**
На горю свайму,
На горюшку, горюшку,
По вяликыму»!—

Пакатилися у Машиньки
Гарючи слезы,
Гарючія слезыньки
По бялымъ лицу,
А зъ бѣлыга личиння
На бялу шубу,
А зъ бѣлинькій шубычки
На сыру зямлю—
Сыра мать-зямелюшка
Здриганулася,
Тады наша Машинька
Схамянулася.
Тады наша Машинька,
Ина заплакала,
Якъ на ручкахъ у Машиньки
Закугакала.

Солдаты.

Ни съ-за горъ пагодушку
Вѣтеръ дуить,
А всё надуваить.
На синёмъ морю
Весь лядочикъ разламаить;
Астраханскыи бурлачуньки
Зруднавалися,
Ни на легенкіи, судёнушки
Побрасалися,
Ни на легенькіи, разъяздныи.
Ты стервецъ,
Ты цадлецъ суднявой!
Тижалёхунька
Лодки нагружаить,
Увъ иныя земли
Тавары атправляить,
Да мине іонъ, малодёшинькю,
Пакидаить!...

Поддережная.

Солдаты.

Ленокъ.

Пасѣили дѣвки ленъ,
Пасѣимши, палоли;
Да бялые ручки калоли.
Да повадилси паренекъ
У дѣвѣчій у лянокъ,
Увесь лянокъ приталокъ,
Да макушечки сарывалъ,
Да три вѣнчика савивалъ,
На Дунай рѣчку пабросалъ
Да Дунай рѣчка не примаить;
Ана къ бережку прибиваить,
Ана къ бережку, къ беряжку....
Ка зяленыму лужку.

Смоленская пѣсня.

I.

Якъ пасѣю я лянку
Ки дорожки къ вугалку:
—«Ты расти, расти, лянокъ,
Тонакъ долагъ и високъ,
Сы кориня карянистъ,
Зъ макушички галавистъ».—
Якъ сказали пра мой лёнъ:
Весь патоптанъ, паламлёнъ.—
Ухвачу я сарахванишку,
Пубягу я на свой льнишка,
Всю дарожиньку бижала,—
Все сердечушка дрыжала.
Ужъ я знаю, да чія наруга—
Маиго прежнига друга.
Я ни знаю, якъ мнѣ быть,
Мнѣ каторыга любить.

II.

Смоленская пѣсня.

Дѣўка лянокъ брала,
Брала—выбирала,
Зямли ни ббивала, 2
Гарстями кидала,
Баялася дѣўка до сѣрыга волка,
Ни таго баялась,
Што по пылю ходить;
А таго баялась,
Што по лѣсу рыщить, 2
Красныхъ дѣвыкъ ищить.
Узялъ дѣўку пупярёкъ

За шаўковый паясокъ,
Панесъ дѣўку у лясокъ
За пень, за калоду,
За бѣлу бярёзу.
—«Ты стой, паринь, ни валяй,
Сарахвана ни марай:
Сарахванъ мой синій,—
Сама, дѣўка, скину, 2
Подъ сябе падкину».—

Солдаты.

Бабеночка—зазнобачка,
Тебе ругають па дѣлу,—
Мине молодца за што?
Вечоръ поздна любезнава праважала,
Далека на ту горушку крутую,
На високай на курганъ,
На ту дальнію старонку,
На праклятый на Кабказъ.
Сталъ я съ бабачкой пращатца,
Полилиси слезы зъ глазъ,
А въ другый разъ сталъ пращатца,
Запяклоси сердца въ насъ:
Вы ни ройтя, *) ни капайтя:
Мы варотимси назадъ!—

Село Шаблыкино
Карачевскаго уѣзда.

Якъ пріѣхалъ мой миленькій съ поля,
Паставилъ ёнъ каня до пароза,
Самъ заплакалъ край коника стоя.
—«Чаво жъ ты, моя милая нездарова:
Ли я тябе баинёшенька вдарилъ,
Или я тябѣ здаровьица убавилъ»?...
—Умираю, миленькій, умру,
Сраби, миленькій, съ кленъ деревца мнѣ гробъ!..
—«Идѣ, миленькая, кленъ—деревца взять?—
Будешь, милая, въ сосновомъ лежати!..»
—Капай, милый, глубокую яму,
Усклады милый, высокую магилу,
Посадь, милый, червоную калину!..
Калинушка вясной будить разцвѣтать,
Туды будить рана кукушка литать,
Ана будить рана кукувать,
Ана будить жалобна причитать,
Мене ль, маладую, паминать.—

(* —„Не углубляйтесь въ старыя воспоминанія!“—
И въ Смоленской губерніи говорятъ, совѣтуя забыть старое— „а ня рый ты!“—

Село Шаблыкино

Карачевскаго уѣзда.

Не ў Москвѣ ли я мальчикъ радился,
Я не въ Питири хрястился,
У деревиньку жить попалъ.
У деревни мужики дураки
Призавистны у поли работать,—
Аны дружки передъ дружкой,
Што-бы тучушка не зашла,
Што-бы тучушка за тучушку не захадила,
Дажжомъ сѣна наша не мачила;
Штобъ пшаничушка наша не гнила.
Посылаеть Ванюшиньку мать *)
Въ полѣ пшаничушку яривая жать.
Не хотѣлась було Вани йтить,
Взялъ Ванюшка сяршинку,
Потомъ въ поле на долинку,
И съ таски ли Ваня, са скуки,
Іонъ абрѣзалъ сябѣ обѣ руки—
Палила въ яго нѣжна кровь.
Ваню мати завидала,
Платкомъ руки завязала,
Павила ина яго въ тёмный лѣсъ.
Въ темномъ лѣсѣ стаитъ кустъ калинки,
Мы срѣжимъ сабѣ па трастинки,
Въ зеленый садъ пайдемъ гулять.

Деревня Горбуновка.

Охъ, вы, кумушки, вы, падружки,
Я вчера у таргу пабывала,
Я таго дива ни видала,
Какъ жена мужа прадавала
За три денюжки, за чатыри.
Іонъ мнѣ, кумушки, дурачища
Плитеть лаптищи кавярзнищи,
Вьеть аборачки попядачки,
Просить анучички 9 локоть.
Іонъ на пиръ идеть—думается,
Съ пиру идеть—ламаитца:
Сустрѣчай мине, малада жена,

*) Встрѣчается въ Смоленской губерніи.

Цалуй мине, малада жена,—
Сустрѣчала бъ я буйнаго вѣтра,
Цаловала бъ я горькію асину,
Абымала бъ я да бѣлу березу!...

Солдаты.

—Катя, Катюша,
Катя, ягада мая,
Веселая галава,
На што любишь Ивана?—
—«Я за то люблю Ивана,
Што у няво головушка кудрява,
Лицо бѣлая румяна;
Ваня чистый и рячистый
Можить рѣчи гаварить.»—
Наугаваривалъ Дуняшу
Съ сабой ночку начувать:
—«Паначуй, Дуня, у миня:
Надарю радость я тибѣ,
Подарю тебѣ калечка спребреная,
Сирежечки съ наднавѣсачка-
ми.»
На то Дуня спалажилась,
Начавать съ Ванею лажилась.
Она ни спала, ни дремала,
Многа видѣла ва снѣ,
Будта Ванюшка
На горенки нахаживалъ,
За бялы груди Дуняшуньку по-
хватывалъ....

Смоленская пѣсня.

Дуня бѣла румяна.
За што любишъ Ивана?
Я зато люблю Ивана,
Што головушка вубрана,
Што головушка вубрана,
Ванька чиста гаварить,
Падгаварінть Дуняшу
Къ сабѣ спать начувать.
На то Дуня спалагала,
Са Иванюшей спать лигла.
Часу почи ни ўсыпала,
Ва снѣ грездилась,
Ва снѣ грездилася,
Многа видѣлася,
Будта бъ Ванюшка пришолъ,
Будта бъ милый другъ пришолъ,
Іонъ па новинькій на горинки
Пахаживаить,
Іонъ сапохъ, абъ сапохъ пакала-
чиваетъ,
На тисову каравать
Іонъ насматриваить,
На Дуняшу маладу
Іонъ награживаить.

Солдаты.

Гарючи маи слезы накатилися
изъ глазъ. *)
Нисчастливый день субботніи:
Нельзя въ поли работать,
Ни скародить, ни пахать,
Ни яравова жита жать,
Ни ячменю надвязать.—
Ни вязамши я ячменю,
Самъ заплакалъ ды пашолъ,
Къ и-сударушки я зашолъ.
Завидала сударушка
Зъ высокаго терема:
—«Ни хади-ка, другъ любезный,
Мима маяво акна,
Штобъ ира насъ люди мала зна-
ли»...

Лужки Дмитровскаго уѣзда.

Далинка ты, далинка,
Мая далинушка,
Далинушка широкая,
На етый далинушки
Ничаво не ўрадила;
Тольки ўрадился
Не етай далинушки

*) Пѣсня встрѣчается въ селахъ Даньковѣ и Хохловѣ Смоленскаго уѣзда.

Адинъ кустъ калинки,
На самый варшинки;
На самый варшинки;
Да тамъ сидять,
Сидять да двѣ пташки:
Салавей съ горькай кукушкай.—
Ни кукуй съ горю
Ты, горькая кукушка,
Не давай намъ таски—печали,
Гвардейскимъ салдатушкамъ!
Намъ такъ служить тошна:
Што загналъ, загналъ,
Нашъ праваславный царь
Загналъ въ ины земли;
Ничево, ничево намъ
Съ радимый старонушки
Ничаво намъ не слышна;—
Но тольки слышна,
Тольки слышна,
Тольки слышна,
Тольки чутка:
Моя любезная
Замужъ вышла.

Смоленская пѣсня:

Ни кукуй, ни гуркуй, сѣрая ку-
кушичка,
Ни давай ты тоски зазнобы па-
лявымъ салдатамъ!
А у насъ жа, у насъ, у салда-
тушикъ,
Даўно серца ныить,
Што загнаў да нашъ гусударь
царь
Да за прусску границу,
Што ня слышна то намъ
Зъ радимый старонушки
Никакихъ извѣстій,
Толька шлють, 2
Зъ родимый старонушки,
Толька адни письмы,
Што атцы наши, матири,
Даўно пупамерли,
Малодая жина, шельма раска-
налья,
Даўно замужъ вышла.
Узвярни, узвярни,
Да мине Госпоть Бохъ
Да на сваю старонку,
Што сыму, што сыму
Шельми жанѣ расканальи,
Сыму съ плечъ галоўку.—

Осмонь.

И съ-падъ камушка,
Камня бѣлаго,
Пратикала да ручаечикъ,
Рѣчка быстрая.
Какъ да на тэй на рѣчки
Дѣвка мылася,
Ой, милая бялилася.
Пубялёмши, дѣвушка
Да на гару узышла,
На гару узышла, аглянулася:
Тамъ Донской казакъ 2
Каня паилъ,
Каня сивыга,
Сивагривыга,
Напаемши конике,
Сталъ, задумался,
Пригарюнился:
— Охъ, и какъ мнѣ быти,
Да какъ жану згубить?
Загублю жану
Темныю ночкыю:
Сусѣдушки паспать уляжутца,
Милыи дѣтушки разоспютца,
Ины разоспютца, матки схватют-
ца.

Березовка

Солдатская.

Гульба мыя, гульба,
Давила гульба да дахода,
Да дахода да канца:
Какъ вязуть, да вязуть
У салдаты маладца.
Какъ сказали:
У салдатахъ жить харашо,—

У салдатушкахъ невольно,
Всё невольная житьё!
По три денюжки у сутки,
По ста лозганцыў у спину,
Троя сутыкъ на караули,
На караули прастыять,
Сударушку дажидать,
Сударушка красная дѣўка,
Красная дѣвушка душа,
За што любишъ маладца?
Я скажу, скажу, скажу,
Сваей матушкѣ радной:
—Гасударыня матушка,
Мнѣ ня можитца младой,
Вы дяреўни жить
Ня хочитца адной:
Вы деревни мужики дураки,
Ва степи халастёжъ нихараша,
Ни вилять души на улицу хо-
дить
Двухъ малодчикыў любить.—
Ай, давайтика, рибята,
Давай думать и гадать,
Давай жерибья метать,
Давай Катиньку дялить,
Каму деньги, каму платья,
Каму душичка Катюша;
Ваньки деньги,
Марки платья,
Ирмалаю Катярина.

Бурлацкая *)

Осмонь.

Мнѣ ня спитца,
Ни ляжитца,
И со́нъ мине ни бере́ть.
Пупрашу я таварища:
Пущай милый идёть,
Таварищъ мой,
Краши лучши мени.
Баюсь: шельма атабьёть.
Святилъ, святилъ
Свѣтёлъ мѣсяцъ,
И стаў мѣсицъ пумиркать,
Любіў, любіў парень дѣўку,
Сталъ яе спакидать.
Што спакинулъ милъ у горю,
Въ чужой дальній старанѣ.
На чужой дальній старонки
Нѣтъ ни матери, ни атца,
Да нѣмъ ни милыва дружка.
Ва слезахъ дѣўка преўснула.
Дружка видила ва снѣ,
И ачнулась-трипяхнулась,
Закипѣла кроў ва мнѣ.
Я мелому гаварила,
Любезнамў сваяму:
—Если тебѣ не паднароўлю,
Сашли маю старону,
Вазьми въ ручки писталетъ.
Разстрѣляй грудь маю.—
Схоранила свае тѣла
Мижда трехъ
Бальшихъ дарохъ,

Смоленская пѣсня.

Мнѣ ни спитца, ни ляжится,
Ни сонъ мине ни бяреть,
Звечира крѣпка уснула,
Я праснулась уздыхнула,
Увидила дружка ва снѣ,
Ужъ яй свайму дружку и га-
варила:
—«Еслижъ я табѣ ды ни па на-
раву,
Сашли мине у сваю старану,
Вазьми у руки писталетикъ,
Прастряли ты грудь маю».—

*) подъ такимъ названіемъ мнѣ ее пѣли.

Осмонь.

Бурлацкая.

Вдоль да па рѣчушки
Силезенюшка плывётъ,
Выше берюжку галовушку несётъ;
Па берюжку добрый молодицъ идетъ.
Падымались буйныи вѣтры сы гарѣ,
Збили чорну шляпу съ галавѣ,
А за шляпую да павиныя пяро.
Развивалася павиныя пяро,
Минувалася гуляньица мае. 2
Да чиму ета гулянья давяло?
Да пазору да вяликыга стыда
Куютъ, вядутъ у салдатушки маладца;
Хвалютъ, хвалютъ всё салдацкая житьё:
— «Хужи нѣтути салдацкыва житья —
По три денюжки у сутычки даютъ,
По три лазинушки у спинушки кладутъ». —

На гулянкахъ

Солдаты

Горы *) варабьевскіи.
Ничаво вы, горы, не спародили,—
Спарадили горы
Адинъ бѣлъ гарючъ каминь!
Исъ-надъ камушка бяжитъ,
Бяжитъ рѣчка быстрая,
Крута, беряжистая.
Какъ на тэй на рѣчкѣ
Станть сестракитавъ кустъ;
На томъ на кустѣ
Сядитъ младъ сизой арёлъ;
Іонъ дяржитъ въ кагтяхъ
Чорнова ворона,
Іонъ ни ворона,
Свайво брата роднава;
Іонъ ни бьетъ яво,
Ни диретъ яво,
А всё больна спрашиваетъ:
— «А гдѣ жъ, воранъ былъ,
Гдѣ чорный пралётывалъ?»—
—Да я былъ прабывалъ,
Да я былъ прабывалъ
А всё на дикихъ на степяхъ. —
—«Што же ты тамъ видалъ?»—
— Видалъ диву дивную:
Тамъ ляжитъ тѣла,
Тѣла бѣлая.
Нихто къ тѣлу не приступитца; —
Приступилися къ тѣлу
Дя три ластушки,
Три касатенькихъ:
Первая ластушка

(*) Въ Смоленской губерніи пѣсня начинается „Ли колодезя, ли стюдёнаго“, относится къ разряду весеннихъ пѣсенъ.

Радимая матушка,
Другая ластушка
Радная сястрица,
Третія ластушка
Малада жана.
Какъ мать плачеть,
Тамъ рѣка пращла;
А сестра плачеть,—
Тамъ калодези;
А жана плачить,—
Тамъ раса пала.

В. Н. Добровольскій.

Крестьянская свадьба въ с. Загоскинѣ, Пензенскаго у.

(Бытовой очеркъ.)

Можно сказать, миновало то время, когда наши крестьяне, почти всѣ поголовно, смотрѣли на свадебные и другіе обряды, какъ на нѣчто священное. Бывало,—и это не такъ давно: лѣтъ 30—40 тому назадъ,—крестьянская свадьба справлялась со всей строгостью и внимательностью къ каждой мелочи: ни одного обычая или обряда установленнаго дѣдами (а вѣрнѣй всего—бабками) не пропустятъ, ни одной пѣсенки не бросятъ недопѣтой, ни одной примѣты не оставятъ невыполненной, и непремѣнно застрахуютъ отъ несчастья и себя и, гл. обр., молодыхъ приглашеніемъ на свадьбу колдуна, обязательно бывшаго въ каждомъ селѣ и каждой деревушкѣ. Загоскино въ этомъ отношеніи не представляло исключенія. Но теперь уже не то, или—почти не то. Обычаи, обряды, примѣты, пѣсни,—все это исполняется на свадьбахъ не полностью и не съ прежнимъ вниманіемъ и сознаніемъ ихъ необходимости; въ то же время и колдунамъ, хотя въ нихъ и сейчасъ большинство крестьянъ вѣритъ, не всегда уже предоставляется самое почетное мѣсто за свадебнымъ столомъ, такъ какъ они, обладая меньшей силой, сравнительно съ прежними колдунами (такъ утверждаютъ старые люди), стали менѣе страшны для своихъ односельчанъ (хотя все же страшны). Нѣтъ, ужъ нынѣ не то, что было въ старину! Не даромъ старые люди, особенно старушки, присутствуя на нынѣшнихъ свадьбахъ, не одинъ разъ вздыхаютъ и повѣряютъ на ухо другъ другу свои сокрушенія.

— Экія понѣ времена-то приходятъ!—говоритъ какая-нибудь 70-ти-лѣтняя Власьевна такой-же, если не старше, Пахомовнѣ,—знать, и Бога-то ужъ скоро не станутъ почитать!?.. Статочное-ли дѣло: дѣвку выдаютъ замужъ, судьбу ей строятъ,—надо-бы все всурьезъ справить, а они,—на-ка тѣ, милая!—все равно шуточки шутятъ: все—«скорѣй да скорѣй!.. Это не надо, это можно бросить».. Нѣтъ, родимая, хоть мы по ихнему, по понѣшнему-то, и глупы стали, а все таки я всегда и всѣмъ скажу: не будетъ проку въ такой свадьбѣ! Развѣ не правда, моя милая? Отчего-же таперича и бабы-то бѣгаютъ отъ мужьевъ, какъ не отъ эфтаго самаго? Сурьезности нѣтъ! При свадьбахъ—

шуточки, вотъ—и въ жизни шуточки!.. Въ наше время не такъ было: все по дѣдовски справлялось, по божески, оттого и крѣпше было!...

Пахомовна вздохами и покачиваніями головы выражаетъ свое полнѣйшее согласіе съ «кумой», и, не находя больше словъ, только и твердитъ:

— Что и баить, милая!..

Хотя съ мнѣніемъ Власьевны не вполнѣ можно согласиться, однако прежнюю серіозность при исполненіи свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ среди Загоскинскихъ крестьянъ нынѣ ужъ, дѣйствительно, рѣдко встрѣтишь. Многія причины, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ матеріальный недостатокъ, заставляютъ крестьянъ устраивать свадьбы почти безъ всякихъ церемоній. Знакомство съ городской жизнью на эту сторону крестьянскаго быта также кладетъ постепенно свой отпечатокъ. И кажется, не очень ужъ далеко то время, когда крестьяне будутъ устраивать свои свадьбы «по городскому»: погуляютъ и попляшутъ два вечера (въ день помоловки и въ день брака),—и конецъ дѣлу!

Однако настоящее время, заключающее въ себѣ нѣкоторыя данныя для такого предположенія, пока еще не лишено и тѣхъ характерныхъ особенностей крестьянскаго быта, какими искони отличалось празднованіе свадьбы въ деревнѣ. И было-бы очень жаль, если бы наша литература не воспользовалась этимъ моментомъ и не сохранила для исторіи русскаго народа «крестьянскую свадьбу», какова она была, гл. обр., въ 19 вѣкѣ.

Сватанье.

Такъ какъ годовой окладъ содержанія крестьянинъ получаетъ съ своей земли) всего одинъ разъ въ году, осенью, то и свадьбы, требующія экстраординарныхъ расходовъ, пріурочиваются, обыкновенно, къ осеннимъ мѣсяцамъ.

Хотя со стороны родителей и дѣлается жениху «предлогъ» (предложеніе) выбирать себѣ невѣсту, но въ сущности выбираютъ ее почти всегда родители, такъ какъ указанную женихомъ невѣсту, если она, или ея родители, имъ не нравятся, они всегда сумѣютъ расхаить, особенно при помощи досужихъ кумушекъ—тетокъ и сосѣдокъ. Наоборотъ, избранная родителями невѣста расхваливается жениху чуть ли не лучше заморской царевны. Чаще всего самимъ родителямъ не невѣста дорога́, а дороги будущіе сватья, но объ этомъ они говорятъ жениху лишь между прочимъ. Сбитый съ толку безпрестанными напѣваніями родителей, женихъ, сначала боровшійся было съ ними относительно выбора невѣсты, наконецъ, махаетъ рукой на все,—

и готовъ жениться на комъ угодно, лишь бы кончить пререканія и приставанія.

Однако случается и такъ (и все чаще и чаще), что родители вынуждены бываютъ женить сына на дѣвицѣ, совсѣмъ не желательной для нихъ, но желательной для сына, такъ какъ нынѣшняя молодежь часто знать не хочетъ ни родительской, ни какой другой воли, кромѣ собственной. За то въ этихъ случаяхъ будущую молодую ожидаетъ въ новой семьѣ не особенно сладкая жизнь: свекоръ и свекровь, хотя и уступили сыну въ выборѣ невѣсты, но на ней ужъ постараются удовлетворить свою задѣтую родительскую амбицію. Такіе случаи, обыкновенно, вскорѣ же приводятъ къ «семейному раздѣлу.»

Если же родители жениха и самъ онъ относятся къ выбору невѣсты серіозно, то изъ всѣхъ качествъ невѣсты принимаются въ разсчетъ, гл. обр., физическія: сила, ловкость, умѣнье работать, красота лица, полнота фигуры, болѣе или менѣе высокій ростъ. Дѣвица, лишенная большинства этихъ качествъ, обыкновенно, бракуется женихами и ихъ родителями, хотя бы и обладала значительнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, такъ какъ въ невѣстѣ ищутъ не столько подругу жизни и будущую мать дѣтей, сколько здоровую хозяйку для дома, ловкую работницу.

Но, вотъ, такъ или иначе рѣшено, кого сватать за сына. Тогда мать его, или старшая сноха, или просто сосѣдка, идетъ къ родителямъ невѣсты навести справку, можно-ли разсчитывать на ихъ согласіе и начинать сватанье.

Сваха, входя въ избу, крестится предъ образами, здравствуется съ хозяевами и на ихъ приглашеніе присѣсть садится у стола на скамью, стараясь выбрать мѣсто какъ разъ противъ потолочной матки (балки). По взгляду, брошенному ею на потолочную матку, хозяева, тотчасъ догадываются, зачѣмъ она къ нимъ явилась. Послѣ двухъ-трехъ словъ о пустякахъ рѣчь переходитъ въ дѣловую.

— Вы, чай, не думаете—не гадаете, а вѣдь я вамъ добродѣтельницей хочу быть,—говоритъ сваха (если это не мать жениха),—у васъ есть одинъ товарецъ, которому лежать долго не годится: того и гляди, попортится!.. вотъ, я и нашла на него купца!..

— Кесть быдто, у насъ товару никакого нѣтъ, окромя-что одеженка какая, да сбруя—говорятъ хозяева, показывая видъ, будто они не понимаютъ, въ чемъ дѣло (такъ ужъ полагается).

— А Дунюшка-то ваша—нешто не товаръ!?.. еще какой!

Хозяева соглашаются, что „это,—двистительно, товаръ, и товаръ совсѣмъ не домашній: беречь его долго не годится“..

— А вотъ, у меня и женишекъ есть на примѣтѣ,—какъ разъ будетъ ей подъ стать!..

— Что же?—отвѣчаютъ хозяева,—это дѣло обнаковенное; можно разсудить,—авось что и выйдетъ...

Тутъ ужъ пойдетъ разговоръ открытой, при чемъ сваха, обыкновенно, начинаетъ съ передачи хозяевамъ поклоновъ отъ тѣхъ, отъ

кого она прислана сватать, а кончаетъ расхваливаніемъ жениха и родителей его, и ихъ зажиточности.

Согласіе на окончательное сватовство или дается тутъ-же, или сообщается черезъ нѣсколько дней, въ продолженіи которыхъ родители невѣсты совмѣстно съ нею обдумываютъ сдѣланное имъ предложеніе. Тогда являются къ нимъ со свахой сами родители жениха.

Прелюдія формальнаго сватовства совершается почти такъ же, какъ и въ первый разъ, когда, наконецъ, договорятся до дѣла и состоится согласіе (пока еще принципіальное, такъ какъ въ условіяхъ могутъ не сойтись), тогда начинается рѣчь о «кладкѣ». Торгуются изъ-за каждой мелочи,—и если рѣшаютъ этотъ вопросъ сравнительно скоро,—въ часъ, иль два,—то потому, что имъ хочется поскорѣе выпить. Если отецъ жениха—крестьянинъ болѣе или менѣе зажиточный, то кладка съ него въ пользу невѣсты полагается слѣдующая: овчинная нагольная шуба—12—15 р., кафтанъ 4—6 р., башмаки и валенки 5—6 р. и деньгами (отцу невѣсты) 5—10 р.,

Зажиточность крестьянъ въ Загоскинѣ измѣряется не сотнями рублей или десятками хлѣбныхъ кладей. Зажиточнымъ считается тотъ, кто для свадьбы не продастъ послѣдней коровы или лошади. И, вотъ, такой-то богачъ долженъ выдать невѣстѣ своего сына одной кладки на 26 или 37 руб. Полагается небольшая кладка—подарокъ и отъ невѣсты жениху, но относительно ея не торгуются, и пріобрѣтается она, обыкновенно., на полученную отцомъ невѣсты денежную кладку.

Когда вопросъ о кладкѣ рѣшенъ, сватья уговариваются относительно размѣровъ угощенья. Сообщатъ другъ другу и о скотинкѣ, которую они намѣрены зарѣзать къ свадьбѣ, и о хлѣбѣ, который придется продать, и почти всегда повздыхаютъ о недородѣ того или иного хлѣба: «чижало стало нонѣ свадьбы играть!..» Затѣмъ кликнутъ нѣкоторыхъ ближнихъ родственниковъ, а какого-нибудь мальца спосылаютъ тѣмъ временемъ въ шинокъ.

Затепливъ предъ образами свѣчу, всѣ будущіе родственники—сватья помолятся Богу:

— Господи Іисусе Христе!.. Пресвятая Владычица, Божья Мать!.. благослови насъ въ добрый часъ!..

Затѣмъ сядутъ за столъ. Поздравивъ другъ друга съ «начатіемъ дѣла» и ужъ отъ себя пожелавъ другъ другу «добраго часу», разопьютъ бутылочку, другую, зелена вина и закусятъ, чѣмъ Богъ послалъ. За стаканомъ водки назначатъ, съ общаго согласія, время рукобитья, запоя, свадьбы и т. п.

Подготовка къ свадьбѣ и свадебные расходы.

Отецъ жениха въ ближайшіе дни извѣщаетъ приходскій причтъ о состоявшемся сватовствѣ для оглашенія о немъ въ храмѣ. Приносовъ причту въ это время никакихъ не полагается.

Вскорѣ же оба сватья, большей частью, вмѣстѣ, ѣдутъ на базаръ

(въ г. Пензу) съ двумя -тремя возами хлѣба, которые и продаютъ тамъ. Съ ними часто ѣдутъ и женихъ съ невѣстой, и кто-нибудь изъ домашнихъ женщинъ. На полученныя отъ продажи хлѣба деньги покупается пшеничная мука, арбузы, яблоки, для постныхъ дней— рыба; невѣстѣ— башмаки и валенки, и т. п.

Закупивъ все, сватья заходятъ въ трактиръ, а за ними и женихъ съ невѣстой. Невѣстѣ еще раньше женихъ накупилъ подсолнуховъ, конфектъ и пряниковъ, а теперь кладетъ передъ ней на столъ фунтъ кренделей и воблу. Появляются двѣ—три порціи чаю и бутылка водки. Иногда и невѣста не откажется отъ стакана или полустакана водки; сватья же рѣдко останавливаются на одной бутылкѣ. Изъ трактира выходятъ обнявшись, а домой ѣдутъ часто растянувшись на телѣгѣ бревномъ.

Расходы женихова отца за все время, пока играется свадьба, обыкновенно таковы:

кладка (какъ мы видѣли)	26— 37 р.
причту и въ церковь	8— 8 „
угощеніе на базарѣ	1— 2 „
4—5 ведеръ водки и красн. вина	31— 38 „
3—4 пуда пшеничной муки	5— 7 „
арбузы и яблоки («цѣлый возъ съѣдятъ»)	3— 4 „
мясо разное и рыба	15— 25 „ [1]
Итого:	89—121 р.

Отецъ невѣсты дѣлаетъ слѣдующіе расходы:

3—4 ведра водки и вина	23—31 р.
2—3 пуда пшеничной муки	4— 5 „
арбузы и яблоки	2— 3 „
мясо разное и рыба	10—15 „
живая овца (въ подарокъ дочери)	3— 5 „
Итого:	42—59 р.

Кромѣ того надо имѣть въ виду, что жениху еще ранѣе сватовства были куплены отцомъ суконная поддѣвка и сапоги со скрипомъ, а иногда и съ галошами (20—25 р.), а невѣстѣ ея отцомъ—также суконная поддевка и башмаки съ резинкой (15—20 р.): безъ этого и женихъ не осмѣлился-бы свататься къ невѣстѣ, и невѣста не могла бы надѣяться быть просватанной.

---

[1]) Такъ какъ на свадебныхъ гуляньяхъ подается, гл. обр., одна закуска, то мяса съѣдается иногда неимовѣрное количество. Были случаи такихъ расходовъ мяса со стороны женихова отца: 5 овецъ (около 4 пуд.), 1 молод. телка (4 пуда), 1 свинья (близъ 3-хъ пуд.) и около десятка куръ.

Итакъ, чтобы сыграть свадьбу, оба сватья должны потратить отъ 166 до 225 руб., при чемъ лишь 61—87 р. расходуются на дѣло кладки невѣстѣ и поддёвки съ обувью. Исключая изъ остальной суммы 8 руб., которые отдаются за вѣнчаніе причту и въ церковь, мы получимъ отъ 97 до 130 руб., которые уходятъ исключительно на свадебныя гулянья. Не мудрено, что послѣ этого въ сусѣкахъ обоихъ сватьевъ, а главнымъ образомъ у женихова отца, остается хлѣба чуть-чуть на донышкѣ. А между тѣмъ новаго урожая надо ждать еще 10 мѣсяцевъ!

Разумѣется, что бѣдные крестьяне справляютъ свадьбы не такъ широко, но и они истратятъ никакъ не менѣе половины этого, и 50 70 руб. непремѣнно уйдетъ у нихъ на гулянье: пусть будетъ бѣдна кладка и одежонка у молодыхъ, а гулянье должно быть порядочное.

Кстати сказать: въ концѣ гулянья,—у бѣдныхъ въ день брака, а у зажиточныхъ на второй день,—когда бываетъ выпито все купленное хозяевами вино, родственники кладутъ на столъ—кто рубль, кто 50 к. на поддержаніе веселья. У обоихъ сватьевъ набирается денегъ на одно или на два ведра водки. Такимъ образомъ, выпивается вина на свадьбахъ иногда болѣе 10 ведеръ. Участвующихъ на свадьбѣ бываетъ maximum 60 человѣкъ съ обѣихъ сторонъ,—слѣдовательно на каждую душу, мужскую и женскую, приходится около 3½ бутылокъ водки. И это въ среднемъ! Понятно, что не въ одинъ пріемъ.

„Домъ глядѣть“ и „за рубашкой“.

Если у сватьевъ есть случай побывать на базарѣ раньше общей поѣздки туда, то справляется этотъ пиръ, а также и слѣдующій за нимъ («рукобитье»), вскорѣ же послѣ сватовства. Въ противномъ случаѣ назначается онъ на ближайшій послѣ поѣздки праздникъ.

Хотя этотъ моментъ свадьбы и называется «домъ глядѣть», однако осматриваютъ домъ у жениха только въ тѣхъ случаяхъ, когда женихъ изъ дальней деревни, или изъ другаго прихода, и житье-бытье его не извѣстно родителямъ невѣсты. Въ такомъ случаѣ это происходитъ еще ранѣе окончательнаго сговора. Глядѣть домъ являются родители невѣсты и нѣкоторые близкіе родственники ихъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ крестные, а за смертью ихъ—посаженные отецъ и мать невѣсты.

Осматриваютъ все: и избу, и надворныя постройки. Сходятъ въ амбаръ и провѣрятъ показанія свата относительно количества хлѣба, поглядятъ и скотинку. Такъ какъ зажиточному крестьянину «конфузно» отдавать свою дочь въ бѣдную семью, то случается, что по *осмотрѣ* хозяйства отецъ невѣсты ставитъ условіемъ своего согласія

на бракъ его дочери съ хозяйскимъ сыномъ какую-нибудь поправку въ хозяйствѣ:

— Поставитъ чуланъ въ сѣняхъ, тогда отдамъ свою Дуньку!..

Сватъ соглашается, дѣло слаживается,—и начинается угощеніе.

Обыкновенно же, когда родители жениха и невѣсты знали другъ друга раньше, домъ жениховъ не осматривается, хотя родители и родственники жениха, переступая порогъ избы будущаго свата, и заявляютъ ему, что «пришли къ его милости домъ глядѣть, а кстати и за рубашечкой» [2]). Хозяинъ, признавъ эти двѣ цѣли прихода къ нему гостей достаточнымъ основаніемъ, чтобы угостить ихъ, приглашаетъ ихъ за столъ. Гостей оказывается, обыкновенно, человѣкъ 15—20; не бываетъ при этомъ лишь главныхъ виновниковъ торжества: невѣста остается дома, а женихъ не показывается гостямъ.

На столѣ вскорѣ появляются закуски: пшеничный пирогъ съ рисомъ и изюмомъ, пшенникъ (пшенная каша съ яйцами), тѣстенникъ (въ родѣ кулича въ формѣ опрокинутой черепушки), оладьи, пышки, блинцы или блины, своего печенья бѣлый хлѣбъ, вареная и жареная баранина, свинина, жареная курица, огурцы, арбузы, яблоки... Готовилась хозяйка всю ночь, а кое-что приготовила еще наканунѣ. Хлопотъ было много, и не одной ей: были двѣ—три помощницы,—за то и похвалиться есть чѣмъ. Хозяинъ хвались виномъ, а хозяйка—столомъ! Никакихъ горячихъ блюдъ: ни щей, ни лапши, какъ при этомъ случаѣ, такъ и вообще на свадебныхъ гуляньяхъ (за рѣдкими исключеньями для своихъ родныхъ), не полагается. Даже черный хлѣбъ кладется на столъ лишь для формы: его и дома каждый видѣлъ, а здѣсь давай пшеничнаго!

Но всѣ эти бабьи угощенія,—хвались, не хвались ими хозяйка,—для гостей мужиковъ—пустяки. Они ждутъ—не дождутся, когда появится изъ чулана хозяинъ съ четвертной бутылью въ рукахъ. Подаются два или три чайныхъ «стаканчика»,—и начинается угощеніе. Изъ четверти приходится гостямъ лишь по одному стакану; поэтому вскорѣ въ рукахъ хозяина появляется другая, затѣмъ—третья, а иногда и четвертая. Послѣ первой или второй четверти разносится брага. Говоръ гостей къ этому времени уже переходитъ въ общій гулъ и шумъ. Обходятся хозяева съ гостями, конечно, ласково, «улещаютъ словами», потчуютъ на повалъ.

Раздается, наконецъ, пѣсня, которую тотчасъ же подхватываетъ вся компанія. Эта пѣсня, судя по ея содержанію, оправдываетъ отсутствіе невѣсты на настоящей пирушкѣ ея хозяйственными заботами.

Размиренная пиръ-бесѣдушка, гдѣ батюшка мой пьетъ...
Онъ пить-то и пьетъ, за мной посла шлетъ.
А я, млада-младешенька, замѣшкалася

---

[2]) «За рубашкой» иногда приходятъ отдѣльно отъ этого случая—3, 4 бабы приблизительно за недѣлю до брака.

За курами, за утками, за лебедями
Да за вольной пташечкой--за журынькою.
Журынька вдоль бережку похаживаетъ,
Шелковую ковыль-травыньку пощипливаетъ
Ключевой водой прихлебываетъ
Да за рѣченьку поглядываетъ.
Какъ за рѣчушкой, за быстрою, слободка стоитъ;
Какъ во этой-то слободкѣ- четыре двора;
А во каждомъ-то дворѣ есть кумъ да кума...
Вы кумитесь, вы любитесь,—любите и меня.

Затѣмъ поется пѣсня о временной разлукѣ милыхъ и встрѣчѣ ихъ.

Кого нѣту, того жаль!..
Уѣзжалъ мой милый вдаль.
Уѣзжалъ и оставлялъ онъ
Одни ласковы слова,
Да, прощаясь, мнѣ оставилъ
Съ руки перстень золотой.
Днемъ на рученькѣ носила,
На ночь въ головы клала.
По утру рано вставала,
Обливалася слезми.
Двѣ пуховыя подушки
Потонули во слезахъ.
Расшелково одѣяло
Не согрѣло бѣлу грудь.
Кабы было воску яру,
Я бы крылышки слила.
Слимши себѣ легки крылья,
Полетѣла-бъ къ дружку вдаль!
Полетѣла-бъ Дуня и запѣла,
Какъ въ садочкѣ соловей.
Глядь, на встрѣчу издалечу
Милый къ Дунюшкѣ идетъ.
— Здравствуй милая красотка!
Похудѣла безъ меня?
— Похудѣла, поблѣднѣла
Безъ милаго безъ дружка!..
Безъ милаго безъ дружка —
Безъ Ванюши молодца.

Поется еще пѣсня, въ которой парень, въ данномъ случаѣ--женихъ, влюбившійся въ дѣвицу (невѣсту), прощается съ своей беззаботной веселой жизнью.

Ты прощай, жисть дорогая,
Прощай, жисть--радость моя!
Намъ съ тобой больше не знаться,
Тебя больше не видать
Въ темну ноченьку не спится—
Самъ я знаю, почему.
Въ глаза дѣвица сказала:
— За мной, мальчикъ, не гонись!..
Какъ погонишься за мной,
Потеряешь свой спокой,
Свои ласковы привѣты.
И веселый разговоръ.

Пѣніе пѣсней, конечно, не мѣшаетъ гостямъ время отъ времени пропускать въ себя по стаканчику водочки и уничтожать лежащую передъ ними закуску. Закуска, какъ и водка, нѣсколько разъ пополняется изъ запасовъ, — и всегда уничтожается безъ остатка.

Въ концѣ пира мать жениха приноситъ и передаетъ невѣстиной матери, или крестной, рубаху и «паркй» жениховы для выкройки по нимъ новыхъ въ качествѣ кладки—подарка отъ невѣсты. При этомъ присоединяется какой-нибудь гостинецъ для невѣсты: кусокъ пирога, пара пышекъ, сдобная лепешка.

Хозяева, видя, что всѣ запасы угощенія истощены, обращаются къ гостямъ съ извиненіемъ:

— Не обезсудьте: больше угощать нечѣмъ.

— Покорно благодаримъ и на этимъ,—отвѣтствуютъ гости и берутся за шапки. Получивъ еще по стакану браги, они съ шумомъ, гамомъ и пѣснями расходятся по домамъ.

Однако родители невѣсты тутъ же приглашаютъ сватьевъ, жениха съ товарищами и близкихъ его родственниковъ, еще къ себѣ—на «рукобитье». Изъ своихъ родныхъ они зовутъ, гл. обр., только кумовьевъ,—и толпой человѣкъ въ 12—15 направляются,—конечно, тоже не безъ шума,—къ дому невѣсты.

„Рукобитье".

Въ домѣ невѣсты для гостей приготовлено уже угощеніе: хозяйка позаботилась объ этомъ еще раньше, чѣмъ отправилась «домъ глядѣть», а что не успѣла, тутъ за нее покончили помощницы—стряпухи,—и теперь остается ей только распорядиться.

Такъ какъ гости еще въ жениховомъ домѣ и выпили и закусили изрядно, то здѣсь пьютъ меньше: рѣдко выходитъ двѣ четверти, чаще

удовлетворяются одной; однако угощеніе бываетъ не хуже, чѣмъ у жениха.

Всѣ гости садятся за столъ. Среди нихъ сидитъ и женихъ съ товарищами,—обыкновенно, двумя, а иногда—однимъ,—или съ братьями если есть холостые. Но это только на время, пока нѣтъ невѣсты.

Невѣста, давъ гостямъ время усѣсться, выходитъ изъ чулана въ сопровожденіи одной подруги. Поздравствовавшись со всѣми вообще, онѣ обѣ цѣлуютъ по очереди: жениха, его товарищей и отца и мать его. Чтобы придать невѣстѣ смѣлости, подруга ея цѣлуетъ всѣхъ первая, а за ней уже дѣлаетъ то же невѣста. Затѣмъ онѣ приглашаютъ жениха и товарищей въ чуланъ.

Въ чуланѣ встрѣчаютъ ихъ еще 2, 3 или 4 дѣвицы, здравствуются и усаживаютъ за столъ. Женихъ садится рядомъ съ невѣстой, и вынимаетъ ей изъ кармана гостинцы: подсолнуховъ, пряниковъ, конфектъ, яблоковъ,—всего копѣекъ на 30, на 40. Изъ другого кармана вытаскивается захваченная изъ дому бутылка водки и ставится на столъ, на которомъ припасена уже самая отборная закуска: пышки, пироженчики, оладьи, жарена курица, арбузы, и т. п. Невѣста дѣлится съ подругами гостинцами, а жениховъ товарищъ подчуетъ водкой. 3, 4 дѣвицы да 2, 3 парня, конечно живо осушатъ бутылку; тогда наполняется она вновь изъ хозяйскаго запаса. Въ избѣ въ это время угощаются, понятно, изъ четвертной.

Такъ какъ дѣло приближается уже къ вечеру, то и гулянье это называется еще «вечеромъ» или «вечеринкой», и это вѣрнѣе, чѣмъ: «рукобитье», такъ какъ никакого битья по рукамъ въ это время не бываетъ [1]).

У дѣвицъ вечеръ начинается съ водки, а затѣмъ продолжается пѣснями, перемежаясь, конечно, разговорами, шутками и смѣхомъ. Первую пѣсню дѣвицы поютъ жениху, и въ ней онѣ расхваливаютъ его, что есть мочи.

Какъ у мѣсяца, какъ у свѣтлаго
Золоты́ горятъ, ясны, лучики.
Какъ у Ванюшки, какъ у Митрича—
Кудри русыя, золотистыя.
По плечамъ кудри, словно ленъ, лежатъ,
Жемчуго́мъ кудри изунизаны.

---

[1]) Нѣкоторыя названія свадебныхъ пирушекъ, какъ напр., это „рукобитье“, „запой“, „горныя“, сохранились лишь по традиціи отъ дѣдовъ, между тѣмъ давно уже утратили свой смыслъ, такъ какъ тѣ обстоятельства, которыя служили поводомъ для этихъ пирушекъ, или перенесены на другіе моменты свадьбы (запой, запиваніе, или, говоря по народному, могарычъ, въ сущности, уже былъ, а между тѣмъ „запой“ будетъ справляться еще долго спустя), или совершенно упразднены (битье по рукамъ, какъ знакъ согласія на извѣстную сдѣлку). Относительно же слова: „горныя“ никто изъ мѣстныхъ крестьянъ не можетъ даже сказать, что оно значитъ.

Господа въ саду разгулялися,
Красотѣ его дивовалися:
— Да и что это ужъ за дитятко?
Да и что это ужъ за милое?
Ужъ и кто тебя (вс)породилъ, молодца?
Ужъ и кто тебя воспоилъ—вскормилъ?
— (Вс)породила меня ро́дна мамынька,
Воспоилъ-вскормилъ ро́дный батюшка;
Возлелѣяли няньки-матушки,
Няньки-матушки,— сѣнны дѣвушки.

— Съ пѣсенкой, Иванъ Митричъ!—поздравляютъ жениха дѣвицы.

— Балдаримъ!

— Балдарить балдари, а насъ одари!

Женихъ даетъ дѣвицамъ (на гостинцы, гл. обр., на зерна) одну, двѣ, или пять копѣекъ.—«Экой жадный!»—говорятъ за глаза дѣвицы, если женихъ далъ имъ мало. Затѣмъ поется пѣсня товарищу жениха, въ которой дѣвицы въ поэтической оболочкѣ навязываютъ ему мысль о женитьбѣ.

Какъ по саду, саду-садику,
По зелену виноградику,
Тутъ ходилъ-гулялъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Петръ Степановичъ.
Какъ садился онъ подъ розовый кустокъ,
Какъ срывалъ онъ съ розы розовый цвѣтокъ,..
Онъ на розовъ цвѣтъ любуется,
Красотѣ своей дивуется.
— Былъ я, мальчикъ, въ Петербургѣ, во Москвѣ,
Не нашелъ я тамъ невѣсты по себѣ.
Ужъ я нонче-то получше снаряжусь,
Во соборъ пойду я Богу помолюсь:
Мнѣ не дастъ-ли Богъ невѣсту хорошу—
Лицомъ бѣлую, румяную?..

Дальше дѣвицы эту пѣсню, обыкновенно, не поютъ. Но если у женихова товарища есть уже усватанная невѣста, то дѣвицы, пожалуй, прибавятъ:

Черноброву, черноглазую,
Свѣтъ Парашиньку Ивановну (имя невѣсты).

Парень конфузится, а между тѣмъ со стороны пѣсенницъ слѣдуетъ поздравленіе: «съ пѣсенкой!»—и онъ обязанъ одарить ихъ нѣсколькими копѣйками. Затѣмъ дѣвицы оставляютъ жениха съ невѣстой въ чуланѣ однихъ (для интимной бесѣды, или интимнаго мол-

чанія,—смотря по тому, на что они больше способны), а сами выходятъ въ избу [1]). Здѣсь съ разрѣшенія гостей, въ сущности, обязательнаго, ставъ посерединѣ, онѣ поютъ пѣсни. Сначала—женихову отцу:

Ужъ ты—умная головушка,
Разукладная бородушка,
Свѣтъ Димитрій да Михайловичъ!
Ты охотникъ по пирамъ ходить,
Ты—охотникъ слушать пѣсенки,
Разгораздъ и дарить дѣвушекъ;
Не рублемъ даришь и не полтиною,
Золотою одной гривною.

Жениховъ отецъ, разгораздый, дарить дѣвушекъ, выслушавъ пѣсни, даетъ дѣвицамъ, хотя и не золотую, но, дѣйствительно, гривну, или пятачекъ. Тогда дѣвицы обращаются съ пѣсней къ жениховой матери.

Дорогая наша свахынька,
Ты, разгарная боярыня,
Свѣтъ-Анисья да Никитишна,
Хорошо больно снаряженая!
Дорогіе на ней фанточки,
Шелковыя перевязочки.
Она любитъ по пирамъ ходить,
По дѣвишничкамъ—пѣсни слушать.
Она любитъ пѣсни слушать,—
По дѣвишничкамъ—пѣсни слушать,—
И горазда красныхъ дѣвушекъ дарить;
Не рублемъ и не полтиною,
Золотою даритъ гривною.

Крестному отцу и крестной матери жениха поются тѣ же пѣсни, лишь съ перемѣною именъ,—и дѣвицы, поздравляя, со всѣхъ собираютъ деньги. Если у жениха есть женатый братъ, то ему поется особая пѣсня, а также—женѣ его или замужней сестрѣ жениха. Брату жениха поютъ самую складную и веселую по мотиву пѣсню:

---

[1]) Избы у Загоскинскихъ крестьянъ—пятистѣнныя, но чаще—четырехстѣнныя въ 7, 8 и 9 арш. Обстановка четырехстѣнки обыкновенно такова. Отъ входной двери, которая находится въ серединѣ задней стѣны, налѣво—русская печь обращенная челомъ къ лицевому лѣвому окну избы. Направо отъ входа—кровать, а вверху отъ печи до правой стѣны тянутся палати. Въ правомъ переднемъ углу—образа и столъ со скамьями, а въ лѣвомъ передъ челомъ печи,—судныя лавки. Судныя лавки иногда (очень рѣдко) отгораживаются отъ остальной части избы досчатой перегородкой, это—чуланъ. Если же перегородки нѣтъ а между тѣмъ (какъ, напр., по свадебному обычаю) необходимъ чуланъ, то вмѣсто перегородки отъ угла печи къ передней стѣнѣ протягивается пологъ (иначе—торпище). За этимъ пологомъ и принимаетъ жениха невѣста.

Во горенкѣ во новóй, во новóй,
Стоялъ столикъ дубовóй, дубовой

(Послѣднее слово во всѣхъ строкахъ выговаривается дважды).

На столикѣ—кубрикъ (кубокъ) золотой,
Серебряный, первитой...
Серебряный, первитой,
Полонъ водки налитой.
Какъ Максимъ господинъ,
Какъ Димитричъ господинъ,
Ко столику подступалъ,
Рюмку водки наливалъ...
Рюмку водки наливалъ,
Хозяюшкѣ подавалъ.
— Хозяюшка, жисть моя,
Выпей рюмку отъ меня!
Роди сына—сокола
Лицомъ бѣлымъ во се(б)я!
Лицомъ бѣлымъ во себя,
А разумомъ во меня!..

Какія высказываются пожеланія женихову брату этой пѣсней,—очевидно. Въ пѣснѣ женѣ его отъ лица ея выражается опасеніе, что его братъ, женившись, оторвется отъ дому. Но мужъ успокаиваетъ жену надеждою, что они сумѣютъ разжиться и безъ него. Немного страннымъ кажется встрѣтить въ свадебныхъ пѣсняхъ такую, не совсѣмъ пріятную для жениха, мысль, но иначе понять слѣдующую пѣсню трудно.

Какъ по сѣнямъ, сѣнямъ-сѣнюшкамъ,
Какъ по новымъ сѣнямъ, новенькимъ,
Тутъ ходила да выгуливала
Молода жена боярыня,
Молода жена боярыня—
Свѣтъ Матренушка Ивановна.
Она бужила—пробуживала
Своего дружечка милаго:
— Ужъ и встань-ка ты, мой милый другъ!
Ужъ и встань-ка, душа-ягода!
На дворѣ у насъ—несчастьице:
Отвязался у насъ сѣрый конь
Отъ того-ли столба точенаго,
Отъ крылечка позолоченаго.
— Не тужи, душа Матренушка!
Наживемъ съ тобой мы зеленъ садъ—

Зелену грушу со яблонькой,
Черну ягоду съ смородинкой.

Вѣрнѣй всего, что аллегорическій смыслъ этой пѣсни не ясенъ и для самихъ поющихъ.

Если время еще не позднее, то и другимъ родственникамъ жениха споются тѣ же пѣсни,—и со всѣхъ собираются семишники и гривны. Но и старикамъ не хочется отстать отъ молодыхъ, особенно, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ,—и они затягиваютъ свои пѣсни,—большей частью, тѣ, которыя пѣлись днемъ въ домѣ жениха.

Позднимъ вечеромъ гости шумно расходятся.

Невѣста начинаетъ съ матерью вопи́ть. Такъ какъ причитанія употребляемыя въ это время, берутся изъ другаго момента свадьбы—«запоя», то о нихъ мы скажемъ въ свое время. Подружки невѣсты, видно, за неимѣніемъ подходящей къ случаю пѣсни, поютъ ей ту, которую, судя по ея содержанію, слѣдовало бы пѣть послѣ брака:

Не въ трубыньку трубили по раной по зарѣ,
Авдотьюшка плакала по русой косѣ... и т. д.

Наконецъ, расходятся по домамъ и дѣвицы.

Этимъ кончается, такъ сказать, прелюдія свадьбы. Въ полномъ же смыслѣ «свадьба» назначается недѣли черезъ двѣ и продолжается, обыкновенно, четыре дня. Въ эти двѣ недѣли промежутка подруги невѣсты приходятъ къ ней помогать ей въ шитьѣ кладки и приданаго, а нѣкоторыя гостятъ у нея по нѣскольку дней. Женихъ съ невѣстой и родители ихъ иногда за это время ходятъ другъ къ другу въ гости, по предварительномъ извѣщеніи объ этомъ. Четверть водки и приличное угощеніе опять готовь каждый разъ! Нареченные же женихъ съ невѣстой, сколько хотятъ, гуляютъ на посѣдкахъ (посидѣлкахъ).

1-й день свадьбы „запой".

За два дня до брака, около полудня женихъ, его товарищи, отецъ, мать, крестные и родственники, а также «шабры́» [1],—всего человѣкъ 20,—идутъ въ домъ невѣсты и несутъ съ собой: полведра водки, два куска вареннаго мяса и два пирога (по предполагаемому числу столовъ).

Первая половина праздества совершается точь въ точь такъ же, какъ и на «рукобитьѣ». Всѣ по приглашенію хозяевъ садятся за столъ; невѣста съ подругой, выйдя изъ чулана, цѣлуетъ жениха, его

---

[1] Сосѣди, живущіе по обѣимъ сторонамъ избъ жениха и невѣты. Ихъ обязательно приглашаютъ на свадьбу наравнѣ съ родственниками. Шаберъ, сяберъ старорусское слово сродное съ старосербск. себръ.

товарищей и родителей, и уводятъ жениха съ товарищами въ чуланъ Здѣсь повторяются извѣстныя уже сцены, въ которыхъ главную роль играютъ гостинцы жениха, его бутылка водки, хозяйское угощеніе разнообразной закуской и пѣсни дѣвицъ, за которыя жениха и товарищи «балдарятъ» и «дарятъ».

Товарищу жениха поется иногда особая пѣсня:

А кто у насъ холостъ? а кто не женатъ?
А Петръ у насъ холостъ, Степанычъ не женатъ.
По горенкѣ ходитъ, манерно ступаетъ,
Чулокъ не мараетъ, сапогъ не ломаетъ.
На коня садится,—подъ нимъ конь бодрится.
Онъ плеточкой машетъ,—подъ нимъ конь-то пляшетъ.
Вдоль улицы гонитъ,—вся улица стонетъ,
Къ лугамъ подъѣзжаетъ,—трава расцвѣтаетъ.
Къ двору подъѣзжаетъ, хозяйка встрѣчаетъ:
— Поди-ка, мой любчикъ! Приди, мой голубчикъ!
А мы тебя ждали, ковры разстилали.
— Почемъ меня знаешь? Почемъ величаешь?
— Потомъ (потому) тебя знаю, потомъ величаю,
Что гоже ты ходишь, манерно ступаешь...

Затѣмъ дѣвицы появляются съ пѣснями среди избы, и снова собираютъ мѣдяки. Появляется здѣсь и гармоника, которая визжитъ и пищитъ, мѣстами аккомпанируя пѣсенницамъ.

Въ этой первой половинѣ пира «запой» отличается отъ «рукобитья» лишь тѣмъ, что гости угощаются сначала виномъ, принесеннымъ изъ дома жениха, когда же выпьется оно все,—хозяйскимъ. Два пирога и два куска мяса также присоединяются къ хозяйской закускѣ, которая выставляется на столѣ въ достаточномъ количествѣ и разнообразіи. Водки со стороны хозяина выйдетъ не менѣе полведра.

Въ это время рѣшаютъ, кому быть дружкой, полдружьями (или поддружьями), поѣзжанами. Дружкой назначаютъ, обыкновенно, самаго расторопнаго, веселаго парня-балагура (женатаго).

Когда всѣ съѣстные припасы уничтожены и пѣсни дѣвичьи пропѣты, дѣвицы, возвратившись въ чуланъ, не пускаютъ оттуда жениха Его крестный отецъ идетъ и «выкупаетъ» его у дѣвицъ копѣекъ за 15, за 20.

Невѣста передаетъ жениховой матери подарки, приготовленные ею для жениха: шерстяную рубашку, плисовыя шаровары, шарфъ, кушакъ...

Послѣ этого всѣ гости со стороны жениха расходятся съ пѣснями, пляской, шумомъ и гамомъ по домамъ. Нѣкоторые ползутъ на четверенькахъ,—и не удивительно: человѣкъ 30 гостей (съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ и невѣстины родственники бываютъ здѣсь

же) выпили не больше, не меньше, какъ 20 бутылокъ водки (ведро)! А такъ какъ не всѣ пьютъ «сколько влѣзетъ», а нѣкоторые (по крайней мѣрѣ, изъ женщинъ) и вовсе не пьютъ, то на охотниковъ приходится по бутылкѣ и болѣе.

Проводивъ жениха и гостей, невѣста начинаетъ плакать, удалившись снова въ чуланъ. Подруги поютъ ей пѣсню:

Распаталася въ саду грушица,
Передъ яблонькой стоючи.
Какъ расплакалась свѣтъ-Авдотьюшка.
Предъ своимъ сударь-батюшкой!
Предъ своимъ сударь-батюшкой,
Предъ сударыней своей матушкой!
— Ты родимый мой сударь-батюшка!
Ты, родимая моя матушка!
Вы какую думу задумали—
Меня, мо́лоду, да просватали!?..
За дороднаго ли за молодца,
За Ивана-ли да за Митрича...
Не можно́-ли думу раздумати—
И меня, младу, разсватати:
По рукамъ у насъ ударено,
Золота́ чара вина выпита...

Пѣсня эта, вызывая еще большія слезы на глазахъ невѣсты, въ то же время даетъ начало и основаніе цѣлому ряду причитаній. Невѣста причитаетъ на голосъ:

— Да ужъ и что это за гости были? что это за гостечки? Не гости были, не гостички, а это—мои разлучнички. Разлучаютъ меня со всѣмъ родомъ-племенемъ, съ своимъ роднымъ батюшкой, съ кормилицей родной матушкой, съ моими любезными подружками... Не долго мнѣ въ красныхъ дѣвушкахъ покрасоваться!..

Съ нею вопитъ, здѣсь причитаетъ, какъ умѣетъ, ея мать. Затѣмъ мать выходитъ въ избу, гдѣ оставались нѣкоторые, самые близкіе, родственники. Туда же выводитъ невѣсту подруга ея. Невѣста кланяется въ ноги отцу и матери, плачетъ и причитаетъ:

— Спасибо тебѣ, родной батюшка, за хлѣбъ, за соль! Не покинь ты меня, батюшка, во чужихъ людяхъ!

— Спасибо и тебѣ, моя милая мамынька, на цвѣтномъ платьѣ [1])! Не забудь и ты меня, мамынька, во чужомъ углу!

---

[1]) По мѣстному крестьянскому обычаю, все бѣлье (какъ женское, такъ и мужское), сарафаны, кофты или платья, шарфы, перчатки и т. п.,—все это пріобрѣтается на средства женщинъ семьи—матери и взрослыхъ дочерей, заработанныя на поденщинѣ или полученныя отъ продажи овечьей шерсти и яицъ. Глава же семьи, хозяинъ, обязанъ покупать семейнымъ лишь верхнюю одежду. Поэтому-то невѣста и благодаритъ мать «на *цвѣтномъ платьѣ*».

Такъ какъ это происходитъ уже поздно вечеромъ, то роднымъ и дѣвицамъ предлагается обыкновенный, лишь нѣсколько посытнѣе, ужинъ. Хотя невѣстѣ и не запрещается ужинать, но, большей частью, она въ слезахъ теряетъ аппетитъ, и лишь угощаетъ своихъ подружекъ:

— Покушайте вы, мои милыя подруженьки, хлѣба-соли у моего батюшки.

Поужинавъ, родные идутъ домой, а дѣвицы остаются ночевать здѣсь и ложатся спать вмѣстѣ съ невѣстой.

Утромъ другаго дня невѣста встаетъ рано и будитъ отца съ матерью. Отцу она причитаетъ:

— Вставай-ка, мой батюшка, по утрў ранехонько, умывайся свѣжею водой ключевою, утирайся бѣлымъ тонкимъ полотенчикомъ. Спалось-ли тебѣ, мой батюшка, темной ноченькой? А мнѣ, горюшенькѣ, не спалось, не дремалося... Шла-то мнѣ темная ночь за бѣлый день! Встала я, горюшенька, поутру ранехонько, умыла я бѣлое личико горючьми слезми, утерлась я рукавчикомъ съ правой руки...

Подобнымъ же образомъ причитаетъ невѣста и матери, и подружкамъ, присоединяя при этомъ свои разсказы о видѣнныхъ снахъ,— разсказы, предупредительно, сотню лѣтъ тому назадъ, изложенные въ поэтической формѣ:

— Не хорошій-то мнѣ сонъ привидѣлся, не хорошій сонъ пригрезился. Ходила я, горюшенька, по темнымъ лѣсамъ; ходила я, горюшенька, по крутымъ горамъ, по зеленымъ лугамъ, по быстрымъ рѣкамъ; ходила я, горюшенька, и по желтымъ пескамъ... Какъ желты пески разсыпаются, а моя коса расплетается и шелкóвъ косникъ мой теряется. Куда же пущу я свою красотушку? Пустила я красотушку по темнымъ лѣсамъ... Во темныхъ-то лѣсахъ она заплутается! Пустила я красотушку по крутымъ горамъ... Во крутыхъ горахъ она спотыкается! Пущу я красотушку по зеленымъ лугамъ... Во зеленыхъ лугахъ она загуляется!.. Пущу же я красотушку по быстрой рѣкѣ? Во быстрой рѣкѣ она больно закупается!.. Куда же пущу я свою красотушку?..

Пока происходятъ эти причитанья (гдѣ-нибудь въ сторонѣ, лишь по адресу присутствующихъ), пока невѣста рѣшаетъ, куда ей дѣвать свою дѣвичью красоту, въ это время у печи готовится завтракъ. Позавтракавъ, дѣвицы расходятся по домамъ.

Начинается второй день.

2-й день. „Дѣвишникъ“.

Часовъ въ 10—11 дня въ домѣ жениха служится причтомъ молебенъ. Послѣ молебна причту предлагается небольшое угощеніе, и затѣмъ производится расплата за имѣющее быть на слѣдующій день

совершеніе брака и за отслуженный молебенъ (7 р. 25 к.). Въ настоящее время никакихъ приношеній причтъ не принимаетъ.

Нѣсколько ранѣе этого времени одна изъ подругъ невѣсты, съ ея согласія, приглашаетъ къ ней въ домъ всѣхъ ея подругъ по улицѣ,—не только тѣхъ, которыя были въ прошлую ночь, но и другихъ. Подруги являются наряжены: нѣкоторыя—въ шерстяныя сарафаны, другія—въ такія же кофточки, и почти всѣ—въ шелковые платки; получается яркій цвѣтникъ. Дѣвицъ наберется 10, 15, 20; присоединятся къ нимъ двѣ молодухи и два мужика изъ родственниковъ невѣсты.

Отъ жениха, также еще ранѣе молебна пріѣзжаютъ сюда посланные «съ по́вѣстью» (т. е. съ оповѣщеніемъ, приглашеніемъ): 2 мужика и 4 бабы, и привозятъ съ собой ведро браги, курникъ (пирогъ съ яйцами, въ которомъ запечена курица) и кусокъ мяса. Посламъ отплачиваютъ за подарки угощеніемъ, а дѣвицы споютъ имъ пѣсни: «Во горенкѣ во ново́й, во ново́й»,—это мужикамъ, и «Какъ по сѣнямъ, сѣнямъ-сѣнюшкамъ»—бабамъ. Затѣмъ посланные приглашаютъ дѣвицъ къ жениху на «дѣвишникъ»,—и сами уѣзжаютъ впередъ.

Помолившись Богу, дѣвицы съ провожатыми, мужиками и бабами, выходятъ изъ избы, садятся на телѣги, запряженныя парами,—и ѣдутъ къ жениху. Невѣста, провожая ихъ, вопитъ:

— Куда вы, мои подруженьки, собрались-сорядилися? Не на улицу, не на широкую... Не мое-ли житье-бытье испровѣдывать?..

Дѣвицы ѣдутъ къ дому жениха все время съ пѣснями. Если ѣхать приходится далеко, то перепоютъ почти всѣ извѣстныя имъ пѣсни. Есть нѣсколько пѣсенъ, пріуроченныхъ къ этой, именно, поѣздкѣ, но по содержанію своему болѣе соотвѣтствующихъ позднѣйшимъ моментамъ свадьбы (поѣздкѣ жениха за невѣстой и поѣздкѣ невѣсты къ вѣнцу),—моментамъ, въ которые, по нынѣшнимъ обычаямъ, и не полагается пѣть пѣсни, да, пожалуй, и некому. Вотъ эти пѣсни:

1. Летѣлъ соко́лъ черезъ теремъ-домъ,
Ударилъ соко́лъ въ теремъ крыломъ.
Подавалъ соко́лъ добрую вѣсть,
Что́ у Ивана Митрича въ домѣ есть.
У него есть конь, что—орелъ,
Онъ самъ на конѣ—что соко̀лъ.
Его батюшка спрашиваетъ:
— Куда ты, дитятко, собрался?
Его матушка спрашиваетъ:
— Куда ты, милый, срядился?
— Собрался, я, матушка въ дорогу,—
Пожалуйте мнѣ, батюшка, подмогу:
Сорокъ человѣкъ верховыхъ,

Два фалетора молодыхъ...
Два фалетора молодыхъ
Да три каретушки золотыхъ.
Первую каретушку—шаферамъ,
Вторую каретушку—свахынькѣ,
А третью каретушку—Авдотьюшкѣ.
Дорогой моей невѣстушкѣ.

Какъ-бы продолженіемъ этой пѣсни является другая, не совсѣмъ вязная и складная и, повидимому, не оконченная:

2. Какъ онъ ѣхалъ мимо тестева двора,
Билъ копьемъ онъ въ новы ворота:
— Дома-ль, дома-ль тещица моя?
Дома-ли свѣтъ-Дунюшка-душа?
Если спитъ, её вы не будите,
Если встанетъ, не пужайте!..
Вы снимайте съ меня золоты ключи,
Отпирайте всѣ комна́ты, сундуки,—
Вынимайте ново-бархатны польты́...

Слѣдующая пѣсня, безъ сомнѣнія, также не окончена, хотя и мѣетъ самостоятельную и цѣльную мысль.

3. Ѣхала Авдотьюшка ко вѣнцу,—
Сломила у вербы вершинку:
— Стой, вербушка, безъ верха,—
Живи, матушка, безъ меня,
Безъ моей русой косы,
Безъ дѣвичьей красоты!

Подъѣзжая къ женихову дому, дѣвицы поютъ:

Пришли-то мы къ Ивану въ домъ,
Пришли-то мы къ Митричу въ домъ,
Его дома не случилося:
Онъ уѣхалъ города полонить.
Заполонилъ онъ девять городовъ,
А десятый на себя получилъ...

Эта пѣсня, не совсѣмъ умѣстная по содержанію, поется, видно, ı неимѣніемъ болѣе подходящей и въ виду соотвѣтствія ея первыхъ грокъ факту прибытія дѣвицъ въ домъ жениха.

Женихъ, только что проводившій причтъ, встрѣчаетъ дѣвицъ въ ѣняхъ и, цѣлуя каждую, проситъ пожаловать къ нему въ домъ. ѣвицы и провожатые, поздоровавшись съ остальными хозяевами,

садятся, по приглашенію ихъ, за столъ. Въ избѣ собирается человѣкъ 20—30.

Начинается «дѣвичникъ».

Сестра невѣсты, или сноха, вынимаетъ изъ-за пазухи, захваченные изъ дому—отъ невѣсты, послѣдніе подарки жениху: шерстяныя перчатки и ситцевый платокъ. Этимъ платкомъ женихъ долженъ будетъ соединить свою правую руку съ правой рукой невѣсты со времени ихъ первой встрѣчи предъ вѣнчаніемъ. И перчатки, и платокъ передаются съ поклономъ отъ невѣсты жениху, а послѣдній вручаетъ ихъ на храненіе до времени матери.

Дѣвицы въ это время, сидя за столомъ, поютъ:

Не было вѣтру, вдругъ повѣяло...
Не было гостей, вдругъ наѣхало.
Подломили они сѣни новые,
Раздавили они золоту́ чару,
Выпугнули соловья изъ саду.
Стала плакать свѣтъ Авдотьюшка:
— Ахъ, вы свѣтъ мои сѣни новыя!
Кому-то васъ срубить будетъ?
Ахъ, ты, свѣтъ моя золота́ чара!
Кому тебя перелить будетъ?
Ахъ, свѣтъ ты мой соловей въ саду!
Кому меня по утрамъ будить?
Сталъ унимать её Иванушка:
— Ты не плачь, не плачь, душа Дунюшка.
Сѣни новые починить велю,
Золоту́ чару перелить велю,
Вмѣсто соловья самъ будить стану!

По окончаніи пѣсни или самъ женихъ, или дружка, угощаетъ гостей и виномъ и закуской. Нѣкоторыя дѣвицы пьютъ не хуже парней, начинать только совѣстятся. Однако, при ихъ участіи выпивается здѣсь отъ одной до двухъ четвертей водки. Наѣвшись досыта и выпивъ до состоянія непринужденнаго веселья, дѣвицы, какъ бы въ благодарность за угощеніе, не выходя еще изъ за стола, лишь перекрестившись послѣ закуски, поютъ жениху пѣсню:

Что не ягодка черемушка черна,
Размолоденькій дѣтинушка!
Кто тебя вспоро́дилъ молодца?
Кто тебя вспоилъ и воскормилъ?.. и т. д. (Окончаніе см. въ пѣснѣ: „Какъ у мѣсяца, какъ у яснаго»).

Если женихъ—сирота, ему поется особая пѣсня:

Ужъ ты, ель моя, елюшка!
Ужъ ты, ель моя кудрявая!
Ужъ и всѣ-ли на тѣ (на тебѣ) вѣточки?
И цѣла-ль твои вершиночка?
Ужъ ты, свѣтъ сударь Иванушка,
Ужъ ты, свѣтъ сударь да Митревичъ!
Ужъ и всѣ-ль у тебя сроднички?
Ужъ и есть-ли у те (у тебя) батюшка?
У ели, у елочки вершиночки нѣтъ,
У Ивана молодца батюшки нѣтъ.
Снарядить тебя есть кому,
Благословить некому...

Пѣсня эта вызываетъ слезы на глазахъ матери жениха. Затѣмъ слѣдуютъ пѣсни товарищу жениха, родителямъ, крестнымъ, дружкѣ и снова жениху.

Наконецъ, раздается отчаянный аккордъ гармоники, дѣвицы выходятъ изъ-за стола, столъ отодвигается въ уголъ, или совсѣмъ выносится изъ избы, — и начинается пляска. Начинаютъ молодухи, а за ними выходятъ дѣвицы. Подгулявшія плясуньи топаютъ ногами, машутъ руками, «помаваютъ» головами и напираютъ другъ на друга грудью. Сначала еще соблюдается нѣкоторый порядокъ въ пляскѣ, а чѣмъ далѣе, тѣмъ больше каждая забываетъ про другихъ и вертится сама по себѣ. Раздаются плясовыя пѣсни-прибаутки:

Раздайся, народъ!
Разступись, хороводъ:
Меня пляска беретъ!
Чтобы шали не мѣшали,
Чтобы кисти не висѣли!
Пошла я плясать,—
Половицы гнутся...
Сарафанъ коротокъ,—
Ребята смѣются.
Пойду я плясать
Въ коротенькой кофтѣ—
Оборваны рукава
По самыя локти!
Коротенькій пиньжачишка...
Уважительный мальчишка!
Полюбила бъ въ пиньжакѣ,
Боюсь свекра и снохъ.
Меня свекоръ не побьетъ,
Отъ снохи слава пойдетъ!..

И вдругъ, ни съ того, ни съ сего:

Сватъ у свата ночевалъ,
Со печи сорвался...
Песъ тебѣ не велѣлъ—
Что ты не держался?..

Или: Кума въ лѣсъ пошла,
Кума грошъ нашла;
Кума мыльце купила,
Себѣ рыльце умыла!

Самымъ разнообразнымъ звукамъ: крику, писку, взвизгиванію, шуму и гаму,—подъ сводами восьми, или девяти-аршинной избы, конечно, становится тѣсно,—и они вылетаютъ черезъ дверь и окна на улицу, собирая вокругъ избы толпы празднаго и любопытнаго народа, особенно—дѣтей.

Повеселившись такимъ образомъ около часу, дѣвицы и другіе, гости, получивъ еще «на дорожку» по стаканчику водочки или бражки, благодарятъ жениха и его родителей «на угощеньи», прощаются и отправляются обратно въ домъ невѣсты.

Но близкія подруги невѣсты, прежде чѣмъ проститься, просятъ у жениховой матери: свѣчу, мыло, борки, (бусы), кольцо, зеркало и бутылку водки, такъ какъ вечеромъ имъ предстоитъ мыть и убирать невѣсту. Имъ выдаютъ это,—и тогда онѣ уходятъ.

За версту можно узнать, гдѣ ѣдутъ или идутъ дѣвицы съ дѣвишника: звуки гармоники и гиканье пѣсенъ раздается на все село. Поются при этомъ тѣ же самыя пѣсни, которыя пѣлись нѣсколько часовъ назадъ, когда ѣхали къ жениху: «Летѣлъ соколъ», «Ѣхала Авдотьюшка» и т. д. Если время сухое и разстояніе между домами жениха и невѣсты не больше двухъ—трехъ верстъ, то дѣвицы часто возвращаются съ дѣвишника пѣшкомъ. Въ томъ случаѣ веселья бываетъ гораздо больше, такъ какъ къ гармоникѣ и пѣснямъ присоединяется пляска. Вслѣдъ за молодухой вылетитъ изъ толпы и пустится въ плясъ какая-нибудь отчаянная дѣвица,—и зазвенитъ въ воздухѣ плясовая дѣвичья пѣсня:

Овечушки—по рѣчушкѣ,
А свинушки лежатъ въ тинушкѣ,
Коровушки—по дубровушкѣ,
А я, млада,—по сухому бережку.
Я по бережку похаживала,
Чернобыль—траву заламливала,
И гусей домой загонивала.
Тега, гуси! Тега, сѣры, со воды!
Аль вы, гуси, не наплавались?
Аль вы, сѣры, не наплавалися?
А я, млада, принаплакалася.

Погнала я гусей сѣрыихъ домой,
Вдругъ навстрѣчу мнѣ мальчишка молодой.
Сталъ со мною онъ заигрывать—
За бѣло́ лицо похватывать.
Не хватай меня за бѣлое лицо!
Мое личико разгарчивое,
Моя мамынька догадливая.
Приду домой,—догадается она:
Съ чего личко разгорѣлось у тея?,
И не съ пива, и не съ зелена вина,
И не съ водочки аписовой!..

Или вдругъ раздается:

Катайся, котокъ,
Послѣдній годокъ!
Катайся ты, сѣмячко,
Послѣднее времячко!
Гуляй, гуляй, Маша,
Поколь воля наша!
Когда замужъ отдадутъ,
Такой воли не дадутъ:
Какой мужъ навяжется,—
Дологъ вѣкъ покажется!
Холостой парень—дѣтина,
А женатый—какъ скотина!...

А отдѣльнымъ восклицаніямъ и конца нѣтъ, особенно, если ѣвицы проходятъ глухими мѣстами -гдѣ-нибудь по задамъ, или олемъ между деревнями. То и дѣло слышится:

Я—какая ни на есть,
Сарафанъ съ оборкой есть!
Я—какая ни на то,
На мнѣ теплое пальто!
Эй, извозчикъ! Подай лошадь.
Иль не видишь: я въ калошахъ?
—Мамашинька-золотце,
Не ругай за мо́лодца!
—Не хочу я дома шляться,
Хочу въ горничны наняться:
Не хочу въ деревнѣ жить,
Хочу въ городѣ служить!
—Вотъ, спасибо матерямъ:
Дали волю дочерямъ!
Вотъ, спасибо и отцамъ:
Дали волю молодцамъ! и т. д.

Съ пѣснями дѣвицы вступаютъ и въ домъ невѣсты. Обыкновенно это происходитъ уже вечеромъ. Невѣста встрѣчаетъ подругъ съ плачемъ и причитаньями: «Разумильныя вы, мои подруженьки! Гдѣ вы были, гдѣ вы гуляли? не мое-ли житье-бытье испровѣдывали»?.. и т. п. Веселье дѣвицъ продолжается и здѣсь часъ, или два. Наконецъ, онѣ уступаютъ мѣсто родственникамъ невѣсты, для которыхъ приготовленъ здѣсь ужинъ, а сами расходятся пока по домамъ смѣнить свои наряды.

Ужинъ родственниковъ, называемый еще «вечеринкой», предваряется усиленной выпивкой и уничтоженіемъ полнаго стола разной закуски. Затѣмъ уже подаются: лапша, щи, сальникъ и т. п. Этотъ сытный ужинъ предлагается потому, что на другой день,—день вѣнчанія,—не скоро придется засѣсть за столъ.

Жениховъ отецъ въ это время устраиваетъ такую же «вечеринку» для своихъ родныхъ.

Мытье невѣсты („баня“).

Пока ужинаютъ родственники невѣсты, двѣ — три подруги ведутъ невѣсту въ шабры (къ сосѣду)—парить въ печкѣ (такъ какъ, за дороговизной строевого лѣса, бань у крестьянъ не имѣется). Мужской полъ на это время, конечно, изгоняется изъ избы, окна занавѣшиваются, чѣмъ попало. Свѣча, мыло и другія вещи, взятыя у жениховой матери, употребляются въ дѣло.

Когда невѣсту выпарятъ и вымоютъ, подруги одѣнутъ ее и начинаютъ расчесывать ей волосы. Невѣста вопитъ:

— Не чешите вы, мои подруженьки, мнѣ русую косу́: моя русая коса не дорощена, шелково́й мой косникъ не доношеный!..

Подруги поютъ пѣсню:

Не въ трубыньку трубили по раной по зарѣ,
Авдотьюшка плакала по русой косѣ.
Вечёръ ея косыньку дѣвушка плела,
Поутру ранехонько сваха расплела.
Разложила косыньку на шесть доль,
Заплела же косыньку на двѣ косы.
Заплела же косыньку на двѣ косы,
Положила русую округъ головы;
Тебѣ тутъ и, косынька, вѣкъ вѣковать,
А тебѣ, Авдотьюшка, Иваномъ владать.

Хотя въ этой пѣснѣ и говорится, какъ о случившемся, о томъ, чего еще не было, однако напоминаніе о скорой перемѣнѣ дѣвичьей

прически на бабью очень грустно настраиваетъ невѣсту,—и слезы такъ и льются по ея лицу.

Когда невѣста собрана окончательно, ставится на столъ бутылка водки, принесенная со свѣчей и мыломъ отъ жениховой матери,—и дѣвицы угощаютъ хозяевъ избы, а кстати угостятся и сами «съ устатку» и «съ похмѣлья». Невѣста въ причитаньяхъ благодаритъ хозяевъ:

— Спасибо тебѣ, моя тетенька, на пару́, на банюшкѣ, на шелко́вомъ на вѣнчикѣ! А тебѣ, дяденька, спасибо за ласковый привѣтъ.

Затѣмъ подруги провожаютъ невѣсту домой. Къ этому времени ужинъ родственниковъ невѣсты уже конченъ, и они разошлись по домамъ. Дѣвицы же̇, смѣнивъ дома свои наряды, собрались сюда снова. Для нихъ также подается ужинъ, который раздѣляетъ съ ними и невѣста.

Послѣ ужина невѣста кланяется отцу и матери въ ноги и причитаетъ, какъ и наканунѣ—на «запоѣ»:—Спасибо тебѣ, батюшка, за хлѣбъ, за́ соль!.. Спасибо и тебѣ, мамынька... и т. д.

Часа въ 2, въ 3 ночи невѣста съ подругами ложится спать. Это—послѣдняя ночь, которую проведетъ она въ домѣ своихъ родителей Большинство же дѣвицъ уходитъ домой.

3-й день. Сборы невѣсты и жениха къ вѣнцу.

Не успѣютъ родители невѣсты часокъ—другой вздремнуть, какъ уже надо вставать. Невѣста вопитъ по адресу всѣхъ присутствующихъ такъ же, какъ и утромъ послѣ запоя. Пока всѣ снаряжаются, стряпухи, вставшія раньше всѣхъ, готовятъ у печи завтракъ, къ которому являются всѣ бывшія здѣсь вчера дѣвицы. Когда дѣвицы усядутся за столъ, невѣста угощаетъ:

— Покушайте вы, мои подруженьки, у моего кормильца-батюшки. Не побезсудьте вы, мои умильныя,—какая хлѣбъ-соль случилася...

Послѣ завтрака начинаются сборы невѣсты къ вѣнцу. На все время, пока ее будутъ собирать—наряжать, подъ ноги ей кладутъ лоскутъ стараго бредня. Бѣлье еще ранѣе было надѣто все чистое. Сарафанъ полагается ситцевый или шерстяной, но непремѣнно — цвѣтами. Въ подолъ сарафана подруги натыкаютъ нѣсколько булавокъ и иголокъ, а за пазуху въ мѣшочкѣ привѣсятъ ладанъ. Всѣ эти примѣты, начиная съ лоскута бредня, направлены противъ колдуновъ и насылаемой ими порчи. Башмаки подаетъ невѣстѣ младшій братъ, при чемъ кладетъ въ правый башмакъ подъ пятку какую-нибудь монету,—навѣрно, чтобъ была богатой. Одна изъ подругъ причесываетъ голову, а невѣста, вопитъ, какъ и наканунѣ—послѣ мытья. Голову убираютъ цвѣтами въ формѣ вѣнка, иногда купленными, восковыми, но чаще самодѣльными, изъ разноцвѣтной бумаги или

матеріи; въ косу вплетаютъ шелковую ленту, а на шею надѣваютъ нѣсколько нитокъ разноцвѣтныхъ бусъ. Затѣмъ, давъ ей въ руки ситцевый платокъ, накидываютъ на нее шерстяную нарядную шаль. Невѣста причитаетъ:

— Не покрывайте вы, подруженьки, меня шелковой фатой!..

Когда ее, покрытую шалью, сажаютъ за столъ, она продолжаетъ:

— Милыя вы, мои подруженьки! Куда вы меня собираете? Не на улицу, не на широкую... Знать, ко Матушкѣ—ко Божьей церкви, ко батюшкѣ—зо́лоту вѣнцу!..

Затѣмъ идутъ причитанія, обращенныя къ матери. Мать не забывается даже и въ томъ случаѣ, если она давно уже умерла и тѣмъ болѣе, если умерла недавно. Въ такомъ случаѣ сирота-невѣста вопитъ:

— Понеситесь вы, вѣтры буйные, со высокихъ горъ! Подуйте, вѣтры буйные, на зво́нки колоколы! Вы ударьте, звонки колоколы, по матушкѣ по сырой землѣ, раздвоите вы сыру землю на мамынькиной могилкѣ! Вы сшибите, звонки колоколы, гробову доску! Разомкните вы сударынѣ мамынькѣ бѣлы рученьки, раскройте вы ей очи ясныя, поставьте вы ее на рѣзвы ноженьки!.. Не придетъ-ли ко мнѣ моя кормилица матушка?.. Не прилетитъ-ли сизынькимъ голубчикомъ къ моему дню и часику великому—къ родительскому благословеньицу?.. Кормилица моя мамынька!.. Сударыня моя мамынька!.. Дорогая моя мамынька!.. т. д.

Невѣста причитаетъ, а слезы такъ и льются, такъ и льются на столъ, на который она облокотилась обѣими руками.

— Не красенъ у насъ денечекъ безъ краснаго солнышка... Не красна моя свадьбушка безъ родимой матушки!..

Вмѣстѣ съ сиротой-невѣстой часто въ это время заливаются слезами и родные ея, и подруги.

Если у невѣсты нѣтъ въ живыхъ отца, то и его вспомнитъ невѣста въ своихъ причитаніяхъ, и о немъ поплачетъ, хотя и не съ такимъ горемъ, какъ о матери.

При живыхъ родителяхъ этотъ свадебный моментъ проходитъ, конечно, менѣе грустно, однако же не безъ слезъ. Обращаясь къ матери, невѣста причитаетъ:

— Родимая ты моя матушка! Что же ты ко мнѣ не подша́тнешься? Разступитесь-ка вы, люди добрые,—пропустите вы ко мнѣ мою мамыньку. Подшатнись-ка ты, мамынька, къ дубову столу; открой-ка ты мамынька, шелко́ву фату, посмотри-ка ты на мою дѣвичью красоту!..

Мать со слезами обнимаетъ свою дочку и отвѣчаетъ:

— Милая ты, моя доченька! Не долго тебѣ во красныхъ дѣвушкахъ покрасоваться,—не годъ, не мѣсяцъ, не недѣлюшку, разъединый часокъ и минутушку!..

Невѣста обращается и къ подругамъ:

— Милыя вы, мои подружиньки! Покрасуйтесь-ка вы во красныхъ ... у своихъ родимыхъ батюшекъ, у сударыней своихъ мат...

шекъ!.. А я, горюшенька, открасовалася; отволила волюшку—волю батюшкину, отнѣжила нѣгушку—нѣгу матушкину, откpacoвалa красотушку—красоту я дѣвичью...

Приблизительно къ этому времени пріѣзжаютъ отъ жениха двое посланныхъ, дружка и полдружье, и привозятъ невѣстѣ кладку: шубу, кафтанъ, полусапожки, валенки. Иногда захватятъ и какой-нибудь хламъ для смѣху: «ошибимшись». Невѣста на время удаляется изъ-за стола, за которымъ сажаютъ пословъ и угощаютъ ихъ водкой. А дѣвицы споютъ имъ пѣсню: «Во горенкѣ во новóй, во новóй».. или другую, начинающуюся почти такъ же:

Какъ по горенкѣ по новóй, по новóй,
Ходитъ голубь, ходитъ сизый, со голубушкой.
У голубя сизаго золотая голова,
У голубушки—позолоченая.
А кто у насъ голубь? А кто у насъ сизый?
Свѣтъ—Иванъ Максимычъ господинъ.
А кто его сизая голубушка?
Свѣтъ—Михайловна Аксиньюшка (вставляются имена дружка и его жены).
Соѣзжались къ нему всѣ товарищи,
Соѣзжались—дивовалися:
— Кабы ў мень (у меня), кабы ў мень
Была эдака жена,
Я бы лѣтомъ, я бы теплымъ
Во коляскѣ прокатилъ!
А зимою холоднóю
На козырныхъ на саняхъ!..
На козырныхъ на саняхъ,
На дворянскихъ лошадяхъ!..

Выпивъ стаканчикъ, другой, послы уѣзжаютъ обратно и сообщаютъ жениху, готова-ли, или скоро-ли будетъ готова невѣста.

Начинается благословеніе. Невѣста падаетъ въ ноги отцу и причитаетъ:

— Благослови ты меня, родимый батюшка, великимъ благословеньицемъ! Не прошу-то я у тебя, кормилецъ-батюшка, ни злата, ни сéребра, а прошу-то я у тебя одного великаго благословеньица...

Подруги поднимаютъ невѣсту съ полу. Съ такими же словами и поклономъ обращается она къ матери и обоимъ крестнымъ,—и всѣ по очереди благословляютъ ее образомъ Божіей Матери, родители—своимъ, а крестный—своимъ:

— Пошли тебѣ Божья Мать, Царица небесная!.. Въ добрый часъ!..

Невѣста дѣлаетъ на себѣ крестъ и цѣлуетъ образъ и того, кто благословляетъ.

Затѣмъ крестный отецъ беретъ невѣсту за руку и сажаетъ за столъ. Невѣста вопитъ:

— Не бери ты меня, крестный батюшка, за правую рученьку, не сажай ты меня за дубовый столъ!..

Къ столу подходятъ дѣвицы,—и невѣста прощается съ ними, цѣлуясь съ каждой. Теперь остается поджидать прiѣзда жениха.

Отъ страха, передъ будущей судьбой, которая приближается съ каждой минутой: сердце у невѣсты замираетъ, слезы, — послѣднія слезы въ домѣ родителей, требуемыя обычаемъ,—ручьемъ льются по ея лицу,—и она начинаетъ причитать, обращаясь къ братьямъ:

— Разумильные вы, мои братцы! Голубчики мои сизые! Сходите вы въ дубравушку, срубите вы березыньку, положите вы ее, мои голубчики, поперекъ большой дороженьки, чтобъ не прiѣхали мои разлучники къ моему широкому подворьицу,—не разлучили бы меня со всѣмъ родомъ-племенемъ, съ вами, родными братцами, съ кормилицемъ-батюшкой и съ родимой моей матушкой, съ родными сестрицами, со всѣми сродничками и съ красными дѣвушками...

Съ женихомъ за это время было, конечно, поменьше хлопотъ. Однако и здѣсь хозяевамъ почти не пришлось спать ночью, а утромъ, чуть заря, стали готовить въ печи разныя печенья и жаренья.

Собирается женихъ къ вѣнцу безъ особыхъ церемонiй; надѣваетъ онъ суконную чернаго или сѣраго цвѣта поддевку, сапоги, иногда съ галошами, шарфъ пуховый, кушакъ, бѣлыя шерстяныя перчатки (хотя бы и было жарко), и беретъ въ руки ситцевый платокъ, присланный для извѣстной цѣли невѣстой.

Благословляютъ жениха родители и крестные такъ же, какъ благословляли невѣсту. При этомъ рѣдко бываютъ слезы, а причитанiя почти и вовсе не бываютъ, развѣ только въ тѣхъ случаяхъ когда женитъ сына одинокая вдова, растившая его лѣтъ пятнадцать безъ мужа.

Возвратившiеся отъ невѣсты послы извѣщаютъ, что тамъ уже все готово. Тогда, помолившись Богу, крестный отецъ беретъ за руку жениха и выводитъ изъ хаты. А здѣсь уже готовы три пары или тройки лошадей, запряженныхъ въ телѣги, съ колоколами и бубенцами. Съ женихомъ, перекрестившись, садятся: крестный съ образомъ и два шафера. Спереди ѣдутъ дружка, полдружье и два кучера. У дружки—четверть браги, ситный хлѣбъ и соль. Сзади везутъ крестную, съ которой садится также замужняя сестра жениха, или сноха. Иногда бываетъ и четвертая подвода съ ближними родственниками.

Проводы въ церковь.

Подъѣхавъ ко двору невѣсты, первыми идутъ къ дверямъ избы дружки, а за ними крестный ведетъ жениха за руку. Въ это время дверь избы бываетъ заперта изнутри. Дружка начинаетъ стучать въ дверь и кричать:

— Сватушка! Свахынька! Очи ясны покажите, насъ не томите и себя не держите:..

Или прибавляетъ: «Боже нашъ, помилуй насъ!» Изъ избы отвѣчаютъ: Аминь!—и въ сѣни выходятъ крестные невѣсты, захвативъ съ собой свою брагу. Въ сѣняхъ оба крестные наливаютъ въ стаканы каждый своей браги, чокаются, переливаютъ изъ стакана въ стаканъ,— и пьютъ. А свахи (крестныя) цѣлуются другъ съ другомъ, и невѣстина крестная мать приглашаетъ всѣхъ въ избу, въ томъ числѣ, конечно, и жениха, который стоялъ здѣсь пока не у дѣлъ. Первымъ вступаетъ въ избу дружка, затѣмъ крестный, съ образомъ въ одной рукѣ, другой рукой ведетъ жениха, и, наконецъ, вваливаются гурьбой поѣзжане

Жениха не сразу пустятъ къ невѣстѣ: ее задвинулъ въ передній уголъ и сидитъ рядомъ младшій братъ, какой-нибудь семи—восьмилѣтній Гришка. Это ужъ извѣстно дружкѣ,—и онъ подбѣгаетъ къ Гришкѣ и пытается прогнать его изъ-за стола обманомъ.

— Маршъ отсель!—кричитъ дружка,—а то я тебя—вотъ!

И онъ грозно показываетъ кнутъ. Но мальчуганъ знаетъ свое дѣло.

— Не пущу:

У моей сестрицы
По рублю косицы,
По гривенкѣ волосокъ,—
Давай денежки, сватокъ!

— Ишь ты, дока!—отвѣчаетъ дружка. Выпьешь, что-ль, винца-то? Угощу,—вотъ, и поладимъ!

Нѣкоторые ребята соглашаются на вино, а иные (гораздо рѣже) требуютъ браги. Въ стаканъ вина или браги дружка опускаетъ 5—10 коп., парнишка выпиваетъ содержимое стакана, беретъ деньги,— и освобождаетъ мѣсто жениху около невѣсты. Дѣвицы въ это время поютъ:

Ты, рыбица, не мечись, не мечись,
Жива въ руки не давайся!
Ты, Дунюшка, домекнись, домекнись,
Ты, Ивановна, догадайся:
Идетъ Иванъ тебя цѣловать, цѣловать.
Идетъ Митричъ миловать—да...

Женихъ цѣлуется съ невѣстой, при чемъ невѣста непремѣнно обнимаетъ шею жениха правой рукой и такимъ образомъ притягиваетъ его къ себѣ для поцѣлуя [1]). Затѣмъ они оба берутся за концы имѣющихся у нихъ въ рукахъ платковъ и одновременно спѣшатъ прочитать про себя молитву Іисусову:

— Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! такъ какъ,—говорятъ свахи,—главнымъ образомъ въ этотъ моментъ колдуны могутъ испортить невѣсту, а черезъ это сдѣлать несчастнымъ и жениха. Держась все время за концы платковъ, женихъ съ невѣстой помѣщаются за столомъ.

За столъ садятся всѣ поѣзжане. На столѣ лежатъ хлѣбъ и соль. Дружка, захватившій хлѣбъ и соль еще изъ женихова дома, рѣжетъ караваи пополамъ и мѣняется половинками; мѣняетъ также и щепотки соли. Ставится на столъ водка, но закуски еще нѣтъ: отецъ невѣсты въ сторонѣ, мать плачетъ (имъ не до того!), а стряпухи даромъ не даютъ. Дружка понимаетъ, къ чему клонится это,—наливаетъ стряпухамъ по стакану водки, кладетъ туда по мѣдной монеткѣ и подаетъ имъ со словами:

Пей-ка! Попей-ка!
На днѣ-то—копѣйка!
А коли попьешь,
И семишникъ найдешь!

Стряпухи выпиваютъ вино и вынимаютъ монеты. Тогда уже дружка смѣло стучитъ по столу и кричитъ:

Поваръ— поварушка,
Старенька старушка!
Шевелись—повелись,
Поворачивайся:
Что есть въ печи,
Все на столъ мечи!
Оставляй одни кирпичи,
Было бъ на чемъ хлѣбы печи.

Стряпухи кладутъ на столъ ложки, а свахи поворачиваютъ ложки у жениха и невѣсты черенками въ обратную сторону, такъ какъ они до брака должны говѣть. Появляется на столѣ чашка съ лапшой, прикрытая пирогомъ. Дружка снимаетъ пирогъ, ломаетъ, пробуетъ самъ и остальныхъ подчуетъ. Чтобы имѣть основательный поводъ къ выпивкѣ, дружка, откусивъ кусокъ пирога, ударитъ себя по шеѣ,

---

[1]) Таковъ обычай у всѣхъ Загоскинскихъ крестьянокъ, по какому бы случаю и съ *кѣмъ-бы* онѣ ни цѣловались.

закричитъ: «ай, ай!.. подавился!»—и тотчасъ же по совѣту другихъ начинается смазка горла водкой. Въ это время дѣвицы, стоя въ сторонѣ, поютъ гостямъ пѣсни.

Лапшой и пирогомъ ограничивается все угощеніе. Послѣ этого происходитъ вторичное благословеніе: благословляютъ жениха и невѣсту, обоихъ вмѣстѣ, отецъ и мать невѣсты.

На лицо невѣсты надвигается, шаль,—видно, чтобъ не сглазили. Затѣмъ, помолившись предъ образами, крестный жениховъ и невѣстина крестная выводятъ ихъ изъ избы, при чемъ крестный несетъ на груди ихъ «благословенія» (образа). Переступая черезъ порогъ своей родной хаты непремѣнно правой ногой, чтобы не случилось какого несчастья невѣста причитаетъ:

— Прощай, свѣтла горенка, широка подворенка! [1]).

Подводы поставлены въ прежнемъ порядкѣ. Невѣсту беретъ въ беремя ея братъ, родной или двоюродный, и сажаетъ на заднюю подводу; съ ней садятся и обѣ свахи—крестныя. Невѣстиныхъ родныхъ, кромѣ крестной матери, не бываетъ никого; они всѣ остаются дома.

Жениховъ крестный и дружка, оба съ образами, обходятъ три раза всѣ подводы и каждый разъ, когда станутъ впередъ, крестятся и говорятъ:

— Боже нашъ, помилуй насъ!

Благословивши весь поѣздъ образами, садятся: дружка—на переднюю подводу, а крестный—на вторую, съ женихомъ,—и, перекрестившись еще разъ, безъ шапокъ ѣдутъ къ церкви, при чемъ невѣста все время не поднимаетъ шали.

Подъѣхавъ съ шумомъ, звономъ и трескомъ къ церковной оградѣ, всѣ полагаютъ на себѣ крестъ. Дружка подбѣгаетъ къ послѣдней подводѣ и на рукахъ снимаетъ съ нея невѣсту. Здѣсь женихъ съ невѣстой соединяются, съ молитвой Іисусовой берутся снова за концы платковъ, и сопровождаемые крестными, входятъ въ церковь. Въ притворѣ снимаютъ съ невѣсты шаль,—и она остается въ однихъ цвѣтахъ.

А зрители, главнымъ образомъ, дѣвицы и женщины изъ ближайшихъ къ церкви улицъ, уже стали собираться къ церкви толпами, какъ только послышался звонъ колокольчиковъ и бубенцовъ.

Въ это время въ домѣ невѣсты послѣдній разъ угощаютъ ея подругъ обѣдомъ, послѣ чего онѣ расходятся по домамъ: ихъ гулянье кончилось. Такъ какъ за обѣдомъ ихъ угощаютъ и водочкой, то окон-

[1]) Въ качествѣ заключенія къ причитаніямъ невѣсты слѣдуетъ замѣтить, что они считаются необходимою принадлежностью свадьбы и какъ-бы нравственнымъ украшеніемъ невѣсты. Если невѣста не умѣетъ вопить—причитать, ее осуждаютъ всѣ: „столько лѣтъ жила,—и не могла научиться вопить!»

чаніе гулянья, понятно, имъ приходится не по вкусу,—и онѣ продолжаютъ его на улицѣ, составляя хороводы и оглашая все село своими звонкими пѣснями, веселымъ смѣхомъ и взвизгиваніями.

Пока дѣвицы еще обѣдаютъ, родственники невѣсты везутъ въ домъ жениха сундукъ съ невѣстинымъ добромъ, перину, одну, двѣ или три подушки и ватолу (самотканое изъ толстой шерсти одѣяло, на подобіе обыкновенныхъ половиковъ). Привезшихъ невѣстино приданое,—а ихъ бываетъ человѣкъ 5—10,—въ домѣ жениха угощаютъ водкой и закуской,—и черезъ полчаса они удаляются.

Сестры жениха или родственницы стелятъ для молодыхъ постель въ чуланѣ или мазанкѣ. Обыкновенно, этимъ дѣломъ завѣдуютъ такія дѣвицы или молодухи, которыя знаютъ извѣстныя молитвы (напр., «воскресную»,—«Да воскреснетъ Богъ»,—«Богородицу» и т. п.), которыми могли бы онѣ оградить постель отъ дѣйствій лихаго человѣка. Старика, который подозрѣвается въ колдовствѣ, ни за что не допустятъ не только дотронуться, но и взглянуть на кровать молодыхъ.

Вѣнчаніе.

Въ церкви иконы, съ которыми привезли жениха и невѣсту (ихъ «благословенія»), прислоняются крестнымъ къ иконостасу. Женихъ съ невѣстой пока становятся въ задней части трапезной,—и затѣмъ составляется причтомъ «обыскъ». Пока свидѣтели расписываются, сваха успѣваетъ, и уже не въ первый разъ, напомнить невѣстѣ, чтобы она становилась предъ вѣнчаніемъ на подножку (аршинъ холста или платокъ) первая. Другая сваха нашептываетъ о томъ же жениху.

Къ свѣчамъ, съ которыми во время вѣнчанія стоятъ женихъ съ невѣстой, иногда прикрѣпляются цвѣты. Въ концѣ вѣнчанія, когда свѣчи передаются свахамъ, послѣднія сравниваютъ ихъ величину; у кого больше сгорѣла, тотъ скорѣй и помретъ. Эти свѣчи берегутся свято, такъ какъ,—увѣряютъ старые люди,—зажженныя онѣ помогаютъ при трудныхъ родахъ. Ставятся онѣ также въ изголовьяхъ умирающаго для облегченія смертныхъ мукъ.

Кольца употребляются чаще серебряныя, иногда—мѣдныя. Если при обрученіи женихъ, или невѣста, уронитъ кольцо,—признакъ нехорошій: для того, кто уронилъ, бракъ будетъ не совсѣмъ счастливый. Еще хуже будетъ, если во время вѣнчанія принесутъ въ церковь покойника: одинъ изъ брачущихся скоро долженъ умереть.

Боязнь-ли колдовства, или какія другія соображенія руководятъ женихомъ и невѣстой, но они во все время вѣнчанія держатся руками за платки. А такъ какъ въ другой рукѣ надо держать свѣчу, *то и* молятся они только во время обрученія, когда еще свѣчей у

нихъ въ рукахъ нѣтъ, да въ концѣ вѣнчанія, когда, предъ троекратнымъ обхожденіемъ вокругъ аналоя, свѣчи у нихъ отбираются.

Таковы нѣкоторыя суевѣрія, соединяемые съ вѣнчаніемъ.

По окончаніи вѣнчанія молодые, получивъ отъ священника поздравленіе съ законнымъ бракомъ, пожеланіе обоюднаго счастья въ бракѣ и краткое наставленіе, какъ достигнуть этого счастья, поцѣловавшись трижды, идутъ въ сопровожденіи крестнаго къ иконостасу. Здѣсь сдѣлавъ по земному поклону, они прикладываются къ мѣстнымъ иконамъ Спасителя и Божіей Матери.

При выходѣ изъ церкви молодую снова накрываютъ шалью.

Ѣдутъ отъ церкви домой въ прежнемъ порядкѣ. Но прежде, чѣмъ сядетъ самъ, молодой мужъ (теперь ужъ онъ) беретъ въ охапку свою молодую жену и сажаетъ ее на телѣгу, а затѣмъ идетъ къ своей подводѣ. Сколько смѣху иной разъ бываетъ при этомъ среди толпы зрителей, если молодой не въ силахъ поднять свою молодую. Въ этомъ случаѣ подбѣгаетъ дружка и съ шутками помогаетъ молодому.

Встрѣча молодыхъ и свадебный пиръ.

Кучерамъ надоѣло уже стоять и караулить лошадей около церкви. Хотя они «отъ нечего дѣлать» не одинъ разъ прокатили ребятишекъ по улицѣ и вокругъ церкви, но имъ все казалось, что время тянется непомѣрно долго. За то теперь ужъ они наверстаютъ свое лишь бы не лопнули лошадиныя поджилки Сосѣди сломя ноги бѣгутъ смотрѣть, какъ къ избѣ молодаго «пріѣхала свадьба».

Молодой снимаетъ съ телѣги свою молодую, и оба, взявшись снова за концы платковъ, идутъ съ крестнымъ и крестными во дворъ отворенными настежь воротами. А у сѣнныхъ дверей уже стоятъ отецъ съ матерью молодого; у отца въ рукахъ—образъ, у матери—хлѣбъ, соль и свѣча. Молодые три раза крестятся и кланяются до земли предъ образомъ и цѣлуютъ образъ и поздравляющаго ихъ отца. Затѣмъ отецъ беретъ у матери хлѣбъ, соль и свѣчу, а ей передаетъ образъ,—и молодые повторяютъ свои поклоны и поцѣлуи предъ поздравляющей ихъ матерью.

Послѣ этого молодые еще разъ кланяются въ землю, ихъ обоихъ накрываютъ какимъ-нибудь кафтаномъ и осыпаютъ хмѣлемъ, ракушей или подсолнухами. Это дѣлаетъ одна изъ родственницъ молодаго, или «шабренка», приговаривая:

Что въ лѣсу—пенечковъ,
То—вамъ сыночковъ!
Что на лугахъ—кочекъ,
То—вамъ дочекъ!

Ведутъ молодыхъ въ избу. Черезъ порогъ переступаютъ правой ногой, а невѣста, кромѣ того, старается хоть на секунду уцѣпиться за дверные косяки: чтобы не быть ей въ новой семьѣ «въ загонѣ», а взять верхъ надъ свекровью и други и снохами. Молодыхъ проводятъ и сажаютъ за столъ въ переднiй уголъ, гдѣ на «божницѣ» поставлены уже ихъ «благословенiя».

Въ избу вваливаются всѣ поѣзжане, гости и кучера, успѣвшие привязать лошадей. А съ печки и полатей глядятъ на молодыхъ дюжины двѣ дѣтскихъ и любопытныхъ глазъ.

Свекровь подходитъ къ молодымъ, снова поздравляетъ и ее «съ закономъ [1]) и, цѣлуя, передаетъ ей подарокъ—аршинъ 10 ситцу на сарафанъ, приговаривая:

— Ну, доченька!
Вотъ, я тебя раскрыла
И подаркомъ одарила...
Мнѣ теперь—на печку,
А тебѣ—на рѣчку!..
Мнѣ—копну ржи,
А ты сходи—нажни;
Мнѣ—спать по цѣлой ночи,
А ты вставай съ полночи,
Мнѣ—на печкѣ лежать,
Тебѣ у печки стоять.
Мнѣ—хлѣба каравай,
А ты на столъ подавай!.. и т. д.

Чтобы не очень напугать молодую предстоящими ей обязанностями, говорится, большей частью, не все это полностью. Затѣмъ подходятъ поздравлять молодыхъ и цѣлуются съ ними: отецъ, крестные и другiе близкiе родственники.

Послѣ этого сестра молодого сажаетъ ему на колѣни ребенка 2—3 лѣтъ, а какая-нибудь изъ свахъ говоритъ:

— Ну-ка, покажите, молодые, умѣете-ли вы няньчить да ласкать ребятокъ-то?

— Придетъ время,—выучатся!—шутитъ дружка.

Молодой цѣлуетъ ребенка и передаетъ его женѣ. Ребенокъ первый разъ видитъ молодую, и, понятно, стѣсняется ея. Его ободряютъ:

— Поцѣлуй тетеньку-то! Она тебѣ подарочекъ подаритъ.

Молодая цѣлуется съ ребенкомъ и, дѣйствительно, вынимаетъ изъ-за пазухи, заранѣе припасенный, подарочекъ—цвѣтную ленточку

---

[1]) Крестьяне мужа называютъ еще «законъ».—«Съ закономъ никакого сладу нѣтъ: все пьянствуетъ!»—жалуется иная баба. Т. обр., поздравляя «съ закономъ», они какъ бы *говорятъ* «поздравляю съ мужемъ!»

на поясокъ. Ребенокъ получилъ и радъ. Его берутъ изъ рукъ молодой и водворяютъ на свое мѣсто, чтобы больше не мѣшался.

Сдвигаются два—три стола, и на нихъ появляются всевозможныя закуски, которыя мы видѣли на другихъ свадебныхъ пиршествахъ. Гости, кромѣ свахи, всѣ—со стороны молодаго; за столы засядетъ ихъ человѣкъ 20.

Крестный отецъ приноситъ изъ чулана четверть водки, и начинаются вторичныя поздравленія: молодыхъ—съ законнымъ бракомъ и съ закономъ, а родителей —«съ дѣтками». Когда поздравляютъ молодыхъ, они обязаны вставать, а такъ какъ поздравляетъ ихъ каждый изъ гостей, да не одинъ, а нѣсколько разъ, то имъ почти все время, часъ, иль полтора, приходится стоять. Выпить иль хоть пригубить стаканъ должны и молодые. Дружка кричитъ: горько!—и молодые цѣлуются. Кричатъ: горько! и при каждомъ почти случаѣ выпиванья.

Молодой ѣстъ мало, а молодая почти вовсе не ѣстъ: и некогда (надо вставать, а вставать съ кускомъ во рту не ловко), и не смѣетъ незнакомыхъ гостей ради. Гости-же выпьютъ стакана по три, по четыре и уничтожатъ всю поданную закуску. Угоститъ крестный, конечно, и брагой.

По окончаніи пира, который стараются не доводить до вечера, такъ какъ еще нужно побывать у родителей молодой и вернуться снова сюда, крестная мать молодой (сваха) заплетаетъ ей въ чуланѣ волосы въ двѣ косы, которыя обвиваются вокругъ головы, какъ и пѣлось въ пѣснѣ наканунѣ; надѣваетъ повойникъ (въ родѣ фуражки безъ козырька, сшитый изъ ситца, со сборами) и повязываетъ голову— сначала бѣлымъ ситцевымъ, а сверху —шерстянымъ или шелковымъ платкомъ.

Цвѣты съ головы молодой иногда жертвуются въ церковь на украшеніе иконъ, или берегутся до смерти чьего-нибудь ребенка, которому и кладутся во гробикъ вокругъ головки,—и все это съ извѣстной цѣлью: чтобы у молодой голова не болѣла.

Когда молодая готова, всѣ гости и сами хозяева съ молодыми идутъ или ѣдутъ къ родителямъ молодой «на яичницу», дома же остаются лишь стряпухи, чтобы подготовить пиръ, который будетъ еще ночью («горныя»). Доро́гой иногда поютъ, еще мало: мало выпито [1]) Если ѣдутъ на лошадяхъ, лошадей гонятъ, что есть мочи. Вообще лошади въ это время постоянно въ гонкѣ и остаются безъ корма, такъ какъ хозяину не до нихъ.

---

[1]) Иногда идутъ на яичницу ряжеными, какъ на слѣдующій день ходятъ на «блины» (см. дальше).

«Яишница».

Отецъ и мать встрѣчаютъ свою дочку съ мужемъ и новыми родственниками наружѣ, поздравляютъ молодыхъ, цѣлуютъ ихъ и приглашаютъ ихъ въ избу.

Молодыхъ сажаютъ за столъ въ передній уголъ, а за ними—кумовьевъ, сватьевъ и остальныхъ гостей. На столъ ставятъ водку и закуску, среди которой видное мѣсто занимаетъ яичница. Хозяинъ наливаетъ первый стаканъ себѣ, поздравляетъ молодыхъ и сватьевъ,—и пьетъ. Затѣмъ стаканъ по очереди переходитъ къ хозяйкѣ, стряпухамъ, остальнымъ родственникамъ молодой, къ самимъ молодымъ, и, наконецъ уже, въ томъ же порядкѣ—къ родственникамъ молодаго. Не минуетъ онъ и малолѣтокъ, какъ, впрочемъ, и въ другихъ случаяхъ въ это время.

— Ай, да молодчина!—похваливаетъ отецъ своего восьмилѣтняго Гришку, выпившаго половину чайнаго стакана,—сейчасъ видать, что мужикъ настоящинскій изъ тебя выйдетъ!

Молодыхъ-ли поздравляютъ, или ихъ родителей, молодые и здѣсь должны вставать. Только когда гости напьются уже изрядно,—а подносятъ здѣсь по 5, 6 и 7 стакановъ—молодые сидятъ и ѣдятъ. Здѣсь и молодая ѣстъ: во первыхъ, голодъ—не тетка, во вторыхъ, у своихъ она чувствуетъ себя смѣлѣе. За то подвыпившіе гости донимаютъ ихъ своимъ: «горько»!» По случаю этого «горько!» молодые перецѣлуются -до того, что губы ихъ перестаютъ чувствовать. Старикамъ,—и тѣмъ иной разъ кажется «горько», хотя ихъ сейчасъ же и поднимутъ на смѣхъ:—Ишь ты, старый! видно, тоже вспомнилъ свои восемнадцать лѣтъ?!..

Тутъ наговорятъ цѣлый ворохъ сальностей, перемѣшанныхъ съ шутками и прибаутками. Дружка въ этомъ отношеніи старается, конечно, быть впереди всѣхъ. Иногда среди словесной грязи и безалаберщины блеснетъ и, дѣйствительно, остроумная мысль; напр., о томъ, какъ «у одного старика было десять сыновей, и всѣ они поѣхали на одной лошади пахать».

— Вотъ, это—ловкачи!—хохочутъ пьяные слушатели. Чего же, это, они, десять человѣкъ, около одной лошади-то дѣлали? Нюхали, что-ль, ее со всѣхъ концовъ?

— Умные люди найдутъ, что сдѣлать,—отвѣчаетъ дружка: Пахали! да еще какъ!

Первый лешитъ,
Второй подъ телѣгой лежитъ,
Третій разсѣваетъ,
Четвертый пѣсни запѣваетъ,
Пятый свищетъ,
Шестой лошадь хлыщетъ,

Седьмой держитъ за валекъ,
Восьмой на́ соху легъ,
Девятый лошадь водитъ,
Десятый старостой ходитъ!..

— Ай, да молодцы!—восклицаютъ слушатели. Вотъ, чай, поди, богачи-то были?

— Н-да,—самодовольно отвѣчаетъ дружка,—не хуже Алены мохноногой!

— Какой такой мохноногой?..

— Была такая! Сказано, что

У Алены мохноногой
Дѣтей было много.
Пришло утро,—
Кормить путно [1];
Пришелъ день,—
Кормить лѣнь;
Пришелъ вечеръ,—
Кормить нечѣмъ...
Посажала ихъ за столъ,
Накормила ихъ овсомъ!..

— Ха, ха, ха! Вотъ, это—смекнула!..

— Небось, смекнешь, коли ежели мужъ-то ея, можетъ, тоже «старостой ходилъ»!

— Это-точно!.. Похоже на то...

Но тутъ разговоръ безо всякой связи снова принимаетъ характеръ пьяной болтовни, грязной или пустой.

Подъ конецъ «яичницы», продолжающейся часа полтора, про молодыхъ почти всѣ забываютъ. Начинаютъ пѣть пѣсни, кто во что гораздъ: мужики горланятъ свое, бабы визжатъ свое, одна гармошка умѣетъ подладиться ко всѣмъ сразу, своими нижними тонами аккомпанируя, конечно, въ разрѣзъ,—мужикамъ, а верхнимъ—бабамъ. Наконецъ вспоминаютъ, что имъ нужно еще идти обратно въ домъ молодого—на «горныя»,—и шумъ нѣсколько затихаетъ.

Отецъ и мать молодого приглашаютъ къ себѣ на «горныя» сватьевъ и ихъ родственниковъ. Сами съ своими родными уѣзжаютъ впередъ съ пѣснями, гиканьемъ и гармошкой, при чемъ большая половина родственниковъ расходятся по домамъ, съ тѣмъ, однако, чтобы черезъ часокъ, другой, снова явиться въ домъ молодого—ужинать.

---

[1]) Путно, т. е. неразборчиво или «не разберешься». Срвн. «путаница».

«Горныя».

Время—поздній вечеръ. Молодые, явившись домой, не садятся за столъ: они теперь уже не гости, а хозяева. Приходятъ родственники молодой,—ихъ приглашаютъ за столъ.

Пиръ идетъ, какъ и за яичницей: и гостей не меньше,—человѣкъ 20 будетъ,—и водки выпьется не меньше: 5, 6 разъ угости непремѣнно, а то обидятся. А дикаго веселья здѣсь, понятно, еще больше.

Въ концѣ пира на столъ подается жареная свиная голова, убранная серебряными, а иногда и золотыми, серьгами (въ ушахъ), ожерельями (на шеѣ) и шелковыми лентами. Свиную голову съ весельемъ и шутками привѣтствуютъ:

— «Хрекъ, хрекъ, хрекъ!.. Пожалуйте къ намъ—милости просимъ» Заиграетъ гармошка, застучатъ въ заслонки, запоютъ: «Во лузяхъ» и, выйдя изъ-за стола, пустятся въ плясъ. Когда гости угомонятся и сядутъ снова за столъ, сваха снимаетъ украшенія съ свиной головы и передаетъ ихъ молодой въ качествѣ подарка отъ свекора; голову разрѣзаютъ и угощаютъ ею всѣхъ гостей.

Послѣ этого часть гостей, поблагодаривъ хозяевъ за угощеніе, расходятся по домамъ; остаются самые близкіе родные молодой. Тогда дружка и свахи заставляютъ молодыхъ кланяться въ ноги: сперва—отцу, матери и родственникамъ молодаго, затѣмъ въ томъ же порядкѣ—роднымъ его молодой жены. Сваха держитъ на тарелкѣ, приготовленные молодою, подарки, и одаряетъ: свекора—рубахой, свекровь—рукавами. При этомъ сваха говоритъ:

— Вы, милые сваточки, подарочки возьмите, а блюдечко позолотите.

Тѣ кладутъ на тарелку рубль, а то и два. Предлагаютъ подарки крестнымъ, дядьямъ, теткамъ... и тѣ также отдариваютъ молодую—кто деньгами, кто натурой.

— Я тебѣ, дорогая моя доченька,—говоритъ, напр., крестный отецъ,—дарю ярочку (овечку).

Нѣкоторые изъ родственниковъ, и не получая подарковъ или отказываясь отъ нихъ, кладутъ молодой на тарелку 10, 20, 30, коп.

— Это тебѣ, Дунюшка, на сережки...

Набирается денегъ, 5, а то и 10 рублей, и всѣ онѣ идутъ въ полную собственность молодой. [1])

Поздно ночью мирно спящіе обыватели невольно просыпаются, услышавъ какой-то отчаянный крикъ, визгъ и пискъ.—Ужъ не пожаръ-ли это?—думаетъ, вставая съ кровати, мужичекъ; но, отворивъ двери и услышавъ среди рева человѣческихъ голосовъ звуки гармоники,

---

[1]) Мужъ иногда послѣ придирается къ женѣ: «Я съ тобой кланялся—весь лобъ разшибъ, а ты мнѣ шаровары не хочешь купить!?»

успокаивается: «А! это—Кирюхины съ горныхъ идутъ!.. а я думалъ. Богъ вѣсть—что..»

Послѣ этого и Кирюхины, и Митюхины—оба свата—далеко за полночь устраиваютъ каждый для своихъ родныхъ ужинъ, на которомъ лапша, щи и гречневый сальникъ чередуются съ водкой. Ужинаютъ въ своемъ домѣ и молодые.

Затѣмъ въ домѣ молодого происходитъ послѣдняя церемонія брачнаго дня: дружка, полдружье и двѣ свахи (сваха со стороны молодой ночуетъ здѣсь же) ведутъ молодыхъ спать въ чуланъ или мазанку и запираютъ ихъ тамъ. Это происходитъ рѣдко раньше 3-хъ часовъ пополуночи.

А прежде эта церемонія совершалась вскорѣ же по прибытіи молодыхъ изъ церкви. Черезъ часъ молодыхъ выпускали изъ мазанки и осматривали постель и рубашку молодой или справлялись о честности молодой у ея мужа. Если честность молодой была очевидной, устраивалось дикое ликованіе, въ родѣ того, что бываетъ по случаю появленія жареной свиной головы. Въ противномъ случаѣ, явившись къ родителямъ молодой на яичницу, угощали ихъ водкой изъ худого стакана, ругались съ ними, надѣвали на нихъ лошадиный хомутъ и вообще срамили ихъ за то, что они не могли соблюсти свою дочь въ честности и обманули своего зятя и сватьевъ.

Въ настоящее время, если и исполняется это иногда, то—какъ исключеніе изъ общаго установившагося правила, такъ какъ теперь молодой, часто—женившійся по своему выбору, право считаться съ женой и ея родителями относительно честности ея оставляетъ исключительно за собой.

4-й день. «Исканіе ярки».

Въ обоихъ домахъ сватьевъ просыпаются хозяева часовъ въ 7 утра. «Питухи»—родственники иногда не дадутъ хозяевамъ и поспать, какъ слѣдуетъ,—чуть свѣтъ приходятъ опохмѣляться. Хотя опохмѣленье и не представляетъ изъ себя опредѣленнаго пира, но оно признается хозяевами обязательнымъ. Закуски опредѣленной нѣтъ,—при случаѣ, пожалуй, и «языкомъ закусятъ»,—но водка ужъ должна быть: «ты меня испортилъ, ты и поправь!» Одинъ по одному являются вчерашніе гости, выпьютъ по стакану водки, крякнутъ, поблагодарятъ,—и уходятъ.

До полдня въ обоихъ домахъ идетъ стряпня. Въ полдень человѣкъ 10 родственниковъ молодой (безъ отца и матери) идутъ въ домъ къ молодымъ «искать ярку».

— У насъ ярочка пропала,—говорятъ они, входя въ избу,—не у васъ-ли она?

— Да какая она у васъ была?—спрашиваютъ хозяева.

— Ярочка матерая, кудрявая, черноглазая... Да вотъ-она, наша ярочка-то!.. Зачѣмъ она попала въ чужое стадо? На́до ее увести домой!...

— Нѣтъ, ужъ она наша стала,—отвѣчаютъ имъ,—мы за нее выкупъ дали... Не пустимъ.

— А не пустите сейчасъ, подождемъ, когда пустите,—отвѣчаютъ гости—и идутъ къ столу.

Разумѣется, здѣсь слѣдуетъ приличное угощеніе, отъ котораго гости скоро приходятъ въ то самое состояніе и настроеніе, въ какомъ они были ночью, когда шли съ горны́хъ. Однако, не забываютъ своей обязанности — пригласить молодыхъ и ихъ родителей и родственниковъ, которые къ этому времени являются сюда, въ домъ родителей молодой «на блины».

Сборы происходятъ особенные. Наряжаются: бабы—мужиками, солдатами, молодые парни—бабами, цыганками, мордовками... Выходятъ и идутъ по улицамъ съ пѣснями и пляской подъ гармонику; машутъ вѣниками, насаженными на палки, или платками, привязанными къ шесту, бьютъ въ заслонки... Впереди идутъ молодые, за ними скачетъ въ припляску, размахивая руками и припѣвая играющей гармоникѣ, какая нибудь подвыпившая молодуха, или забубенная головушка-весельчакъ парень, а въ концѣ гурьбой тянутся остальные.

Тутъ, между прочимъ, можно услышать самыя любимыя крестьянскія частушки:—и тѣ, которыя пѣлись дѣвицами на пути съ дѣвишника (см. выше), и другія.

Тятька съ мамкой, дай жену,
А то съ печки столкону!
Тятька съ мамкой меня бьютъ,
Припасли ременный кнутъ.
Тятька съ мамкой меня бро́нятъ;
Я разуюсь,—не догонятъ!
Деньги—дѣло нажитое,
По нихъ нечего тужить,
А любовь—дѣло другое:
Этимъ надо дорожить.

Любитель- гармонистъ вставитъ и свои частушки:

Подъ шарфомъ подъ кончикомъ—
Гармонь съ колокольчикомъ.
Гармоница—матушка
Лучше хлѣба—мякушка.
Гармоница лакова
Припѣвала—плакала...

Мамашенька! ой, бѣда:
Вѣдь гармошка-то худа!
Надо денегъ покопить,
Другу новеньку купить.

Эти частушки преимущественно мужскія. А вотъ—и спеціально дѣвичьи. Ихъ выкрикиваетъ молодуха, подъ хмѣлькомъ забывая, что она замужняя.

Милый мой колечко снялъ,
Отошелъ,—смѣяться сталъ.
Милый божится—клянется,
Отвернется,—засмѣется.
Что ты, милый,—безтолковый:
Купилъ дудку—далъ цѣлковый?
Шила кисетъ Ваничкѣ
Съ огонькомъ въ чуланчикѣ.
Шила кисетъ голубой
Я на печкѣ за трубой.
Шила кисетъ, поспѣшила,—
Изругалась, согрѣшила... и т. д., и т. п.

Гурьбы ребятишекъ провожаютъ ряженыхъ по всѣмъ улицамъ, взрослый же народъ стоитъ у избъ и посмѣивается.

«Блины».

Въ домѣ родителей молодой встрѣчаютъ гостей съ такимъ же весельемъ. И теперь еще не оставленъ обычай, прежде считавшійся обязательнымъ,—класть въ передній уголъ покойника. Покойникомъ наряжаются и мужики, и бабы. При входѣ гостей въ избу, всѣ находящіеся здѣсь дѣлаютъ видъ, будто у нихъ на самомъ дѣлѣ мертвецъ: кто плачетъ и причитаетъ надъ покойникомъ, кто, пожалуй, кадитъ лаптемъ, привязаннымъ къ оборамъ, кто просто своей фигурой выражаетъ негодованіе на входящихъ: зачѣмъ-де идутъ къ намъ съ такимъ срамнымъ весельемъ? Въ то же время нѣкоторые прядутъ на гребнѣ зажженую мочку кудели. Какой-нибудь озорникъ схватитъ зажженую кудель и броситъ въ толпу гостей,—тѣ съ крикомъ шарахаются въ стороны и ногами тушатъ огонь. Сейчасъ же сообщаютъ пришетшимъ о постигшемъ ихъ горѣ: «умеръ у насъ сватушка»!.. Но сватушка не даетъ много разговаривать, вскакиваетъ съ передней лавки и, наряженый въ какой-нибудь бѣлый балахонъ, пускается въ плясь.

— Что это за диво: мертвецъ пляшетъ?!..

Но конецъ этой комедіи теряется тотчасъ же въ общей суматохѣ.

Этотъ обычай, съ проникновеніемъ въ крестьянскую среду сознанія его неумѣстности и кощунственности, постепенно начинаетъ отходить въ область преданій,—и молодые парни и бабы все чаще и чаще встрѣчаютъ въ этихъ случаяхъ гостей ряжеными такъ же, какъ и гости. Происходитъ общая пляска, пѣніе, шутки, смѣхъ...

Гости хватаютъ посуду и бросаютъ на полъ. Хозяйка предвидѣла это,—и почти всю посуду припрятала подальше. Но если увидитъ, что кто-нибудь досталъ ея хорошій горшокъ, или блюдо, бросается туда и упрашиваетъ: «Миленькая свахынька! не тронь! онъ у меня чужой; на, вотъ, лучше эту черепушку!» Иная шустрая бабенка кстати вспомнитъ плясовую пѣсню—прибаутку:

Синица, синица,
Воробью сестрица!..
Ударила по носу,
Полетѣла по лѣсу..
Мужикъ толстый
Упалъ съ доски,—
Перебилъ всѣ горшки,
Всѣ и кашнички,
И молошнички!..

Угомонившись нѣсколько, гости садятся за столъ,—и начинается пиръ, на которомъ первое мѣсто послѣ водки отводится блинамъ, или блинцамъ. Разумѣется, нѣтъ недостатка и въ другихъ закускахъ: пирогъ, пшенникъ, баранина, свинина, арбузы, яблоки и т. п.. все это стоитъ на столѣ и проситъ вниманія, въ которомъ тоже не бываетъ недостатка.

Если чего не достаетъ въ этотъ день, такъ скорѣе водки; но этотъ недостатокъ (у обоихъ сватьевъ) покрывается складчиной гостей-родственникоовъ.

«Отзывной пиръ».

Если есть средства и охота, послѣ «блиновъ» бываетъ еще «отзывной пиръ»: родители молодаго зовутъ хозяевъ, ихъ родственниковъ и своихъ родныхъ еще къ себѣ.—И на пути, и въ домѣ у молодыхъ повторяется то же самое, что́ и нѣсколько часовъ тому назадъ: пѣніе, игра на гармоникѣ, пляска, шутки, хохотъ, крикъ, галдѣнье; съ тѣмъ, однако, различіемъ, что въ это время гуляющіе стали еще болѣе развязными и грубо откровенными. Поэтому не удивительно, что сами-же крестьяне, характеризуя эту пирушку,

выражаются: «чистый кабакъ!» Веселье принимаетъ грубый, иногда прямо скотскій, характеръ: то тутъ, то тамъ раздается гадкая отрыжка водкой, гуль стоитъ отъ пьяной безсвязной болтовни, среди которой то и дѣло слышатся,—какъ гвозди вбиваются въ воздухъ—крупныя, самыя нецензурныя двухъ- и трехъэтажныя словца, завязываются ссоры, кончающіяся иногда драками и даже цѣлыми побоищами...

Впрочемъ, и всѣ вышеописанные свадебные пиры не рѣдко представляютъ такія же безобразныя оргіи. Но крестьяне, сознавая неприглядность подобныхъ явленій («надо-бы хуже,—говорятъ они сами,—да некуда!»), не могутъ, однако, отрѣшиться отъ какой-то тайной, какъ-бы прирожденной, а вѣрнѣе — вѣками воспитанной, симпатіи къ нимъ. Чѣмъ ни скандальнѣй будетъ конецъ гулянья, тѣмъ выше кажется это гулянье въ ихъ глазахъ: «вотъ, это было настоящее гулянье!—восклицаютъ они въ восторгѣ, вспоминая какую-нибудь пьяную оргію,—напились до чертиковъ!.. Васькѣ Мухоркину чуть башку не проломили!..»

На слѣдующій день только сватья ходятъ опохмѣляться другъ къ другу. Званныхъ гостей больше не бываетъ,—и свадьба считается сыгранной.

Первый годъ брачной жизни „молодыхъ".

Вмѣсто заключенія къ нашему очерку (такъ какъ мы не хотимъ портить объективности изложенія какими-либо своими выводами), скажемъ нѣсколько словъ касательно перваго года жизни «молодыхъ».

Со времени сватовства женихъ и невѣста, по крестьянскому обычаю, должны забыть прежнія названія: «Ванька, Гришка», или: «Дунька, Машка», какими они величали другъ друга ранѣе при уличныхъ встрѣчахъ, и должны звать другъ друга по имени и отчеству (а иногда и на «Вы»). Со времени-же брака такимъ почетомъ пользуется лишь мужъ со стороны жены, жена же получаетъ кличку-просто: Марья, Авдотья, и т. п. Развѣ только, когда захочетъ пошутить, мужъ назоветъ ее «по господски»: Маша, Машенька, или Маничка, чѣмъ, конечно, очень, хотя и пріятно, ее сконфузитъ. Мужу присвоятся названія: «хозяинъ», «законъ,» «самъ»...

Свекора и свекровь молодая сноха должна называть обязательно: «батюшка» и «матушка,» тогда какъ своихъ родителей она зоветъ: «тятенька» и «мамынька».

Въ первый годъ молодую сноху, обыкновенно, стараются не слишкомъ обременять работой; хлопоты около печи (съ двухведерными чугунами), считающіяся самыми тяжелыми для женщинъ, нѣкоторое время, а иногда и до тѣхъ поръ, пока силы есть, несетъ на себѣ сама свекровь; сноха же только помогаетъ ей.

Передъ первымъ постомъ на заговѣнье послѣ обѣда молодые

ѣдутъ къ родителямъ молодой, здѣсь заговляются и остаются ночевать.

Въ слѣдующій за постомъ мясоѣдъ молодую отпускаютъ къ отцу и матери гостить на недѣлю, или на двѣ. Провожаетъ ее туда свекровь, а обратно домой—мать, при чемъ и свекровь, и мать встрѣчаютъ другъ у друга приличное (въ смыслѣ сытности) угощеніе.

Въ четвергъ на масляницу молодой вмѣстѣ съ женой ѣдетъ на парѣ съ колокольчикомъ къ ея родителямъ на блины. Въ это же время, или нѣсколько позже; являются въ гости и родители молодого.

Послѣ сытаго угощенія,—конечно, не безъ водки — молодые катаются по улицамъ при участіи бывшихъ подругъ молодой, съ которыми она только теперь встрѣчается на общемъ гуляньѣ. Парни предлагаютъ дѣвицамъ для катанья своихъ лошадей, съ условіемъ, конечно, чтобы они были кучерами. Молодые ѣдутъ впереди, а за ними—дѣвицы, и всѣ грызутъ подсолнухи. Катанье имѣетъ характеръ непринужденно-веселый: играетъ гармоника, поются пѣсни, раздаются шутки, смѣхъ... А кругомъ во всѣ стороны летятъ изъ-подъ копытъ лошадей комья и брызги снѣгу, какъ будто аллегорически изображая энергическое, живое и брызжущее веселье молодежи...

На слѣдующій день, въ пятницу, молодые уже въ своемъ домѣ угощаютъ родителей молодой, и опять ѣдутъ кататься. А въ воскресенье они ходятъ къ нимъ «просить прощенья» у нихъ и заговляются.

На Пасху молодой везетъ свою жену къ ея отцу и матери снова—христосоваться, и старается попасть въ то время, какъ тѣ только что «проводили иконы» (т. е. отслушали въ домѣ молебенъ).

А тамъ ужъ, съ исходомъ перваго года, для молодыхъ приближается и конецъ ихъ брачной «молодости».

Ник. Астровъ.

I. Вечерованье и городки (хороводы),

въ Кокшеньгѣ Тотемскаго уѣзда.

(Читано въ Засѣд. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1 апрѣля 1905 года).

Наиболѣе распространеннымъ и, такъ сказать, парадным развлеченіемъ кокшеньгской молодежи являются хороводы или городки, какъ ихъ въ Кокшненьгѣ называютъ. Названіе «городокъ» при этомъ обозначаетъ и хороводъ (кругъ) и процесъ игры и пѣсню, какою сопровождается хороводная игра; что же касается слова хороводъ, то оно встрѣчается въ говорѣ очень рѣдко въ формѣ «караводъ», какъ рѣдко же и производное отъ него «караводитьсе», значеніе и смыслъ котораго передается обыкновенію выраженіемъ «играть въ городки».

Какъ развлеченіе, требующее значительнаго числа участвующихъ и нѣкоторыхъ другихъ подходящихъ условій, городки ведутся не во всякое время и не при всякой обстановкѣ. Настоящимъ сезономъ ихъ является «Великое промежговиньё», время отъ Рождества до Великаго поста; это же и сезонъ деревенскихъ свадебъ. Кромѣ «Великаго промежговинья» городки ведутся или, по-кокшеньгски, «играютъ въ городки» и еще короче—«играютъ» въ нѣкоторые, такъ называемые, гуляющіе праздники, напримѣръ, въ заговѣнье передъ Петровками, въ Девятую пятницу, Ивановъ день, Ильинъ день, и нѣкоторые другіе, а въ иное время—на свадьбахъ и богатыхъ помочахъ, когда собирается человѣкъ 30—50 и болѣе; хозяинъ помочи обыкновенно послѣ угощенія «помочанъ» «отводитъ» (даетъ) помѣщеніе и для игры. Лѣтомъ, въ гулящіе праздники играютъ въ гумнахъ, въ помочи и лѣтнія свадьбы—на повитяхъ и другихъ холодныхъ помѣщеніяхъ, а зимою въ тѣхъ же тѣсныхъ избахъ—зимовкахъ, гдѣ помѣщаются и хозяева дома, въ которомъ состоится игра. Въ большіе праздники, какъ въ Рождество, Крещенье, а также и наканунѣ ихъ не играютъ, потому что это считается большимъ грѣхомъ.

Игра можетъ состояться при наличности, примѣрно, не меньше человѣкъ десяти, обоихъ половъ, хотя число ничѣмъ не обусловливается, и чѣмъ многолюднѣе городокъ, тѣмъ оживленнѣе и интереснѣе игра. Въ одной изъ пѣсенъ-городковъ это число указывается въ:

«Петьдесятъ молодцовъ
Да сорокъ дѣвокъ»

Въ большихъ многолюдныхъ деревняхъ игра съ этой стороны всегда болѣе или менѣе бываетъ обезпечена; не то въ маленькихъ деревушкахъ, число какихъ въ Кокшеньгѣ преобладаетъ. Въ послѣднихъ или вовсе игры не бываетъ или она устраивается только въ томъ случаѣ, когда въ деревню пріѣзжаютъ гостьи, дѣвушки изъ другихъ, иногда очень отдаленныхъ, дере-

вень. Пріѣзжаютъ къ роднѣ, недѣли на двѣ, иногда на три и больше, при чемъ заранѣе сговариваются, чтобы съѣхаться въ одну и ту же деревню по возможности въ большемъ числѣ; тогда не рѣдкость, что въ одномъ домѣ появляются двѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже три гостьи. Обычай такой гостьбы почти всецѣло приноровленъ ко времени того же «Великаго промежговинья». Когда число съѣхавшихся «го́стей» и «тутошнихъ дивицъ» будетъ достаточно велико, то ужъ заранѣе начинаютъ говорить, что здѣсь будетъ «игрыщо», т. е игра въ городки состоится.

Если составъ дѣвицъ интересенъ, то за молодцами дѣло не останавливается: они приходятъ каждый вечеръ иногда за нѣсколько верстъ.

Городки разрѣшаютъ не во всякомъ домѣ, да и не во всякомъ одинаково свободно чувствуетъ себя молодежь; поэтому еще заранѣе въ наиболѣе подходящихъ домахъ стараются обезпечить лишній вечерокъ съ игрой; впрочемъ, обыкновенно, волей-неволей, дома, гдѣ есть дѣвицы «на возрастѣ», а значитъ, «играющія» (свои или гостьи), должны выполнить очередь и допустить игру.

Въ условленной избѣ, уже посумеривши (соснувши въ сумеркахъ) и потомъ закусивши, иногда какъ слѣдуетъ поужинавъ, дѣвицы начинаютъ собираться на вечерину или, какъ здѣсь говорятъ, на «вечеро́ваньё». Приходятъ всѣ съ «пресеньцами» (съ прялками) и каждая, занявъ мѣсто, сообразно своему значенію, сейчасъ же принимается за пряжу. Гостьи и дѣвушки изъ болѣе зажиточныхъ семействъ садятся на лучшія мѣста. Почетнымъ считается мѣсто въ углу подъ иконами, такъ называемые с у т к и *.) Занимаются затѣмъ обѣ расходящіеся отъ сутокъ лавки и наконецъ — скамьи. Такимъ образомъ составляется ломанный кругъ, внутри котораго стоитъ только одно «свити́льно» (свѣте́цъ), придвинутое къ линіи самаго круга, чтобы, сидя въ томъ же кругу, можно было «свити́ть огонь»; на свитильнѣ или рядомъ приготовленъ ворохъ лучины. Огонь „свититъ“ одна изъ пожилыхъ и вообще не играющихъ дѣвицъ или изъ хозяйской семьи. Теперь свитильно уже въ большинствѣ случаевъ замѣняетъ керосиновая лампа.

По-за кругу лишь остаются маленькій уголокъ подъ палатями да такой же около печки («шомныша»). Въ этихъ углахъ и ютится во время вечерованья семейство хозяевъ избы; старики и малыя дѣти при этомъ обыкновенно забираются на печь или на палати.

Работа «вечеро́вальницъ» пересыпается веселымъ разговоромъ, пѣніемъ, разсказами о злободневныхъ новостяхъ и проч.

Старыя «долгія» пѣсни на вечерованьяхъ поются нынѣ довольно рѣдко да и вообще все рѣже и рѣже; интересъ къ нимъ въ молодыхъ поколѣніяхъ слабѣетъ съ каждымъ годомъ и нерѣдко можно услышать ворчливое неудовольствіе старшихъ: «и писенъ-то хорошихъ нынь не поютъ, даже повести **) не уміютъ; со́грятъ ***) ничево какое-то!..“

Очевидно, содержаніе этихъ пѣсенъ далеко не соотвѣтствуетъ народившимся требованіямъ и вкусамъ личной и общественной жизни. На смѣну „долгой» пѣсни повсюду появилась пѣсня перегудка, «частушка» («нечёвушка», какъ брюзгливо называютъ ее здѣсь старики), пѣсня — импровизація, на которую, впрочемъ, и сами поющіе часто не смотрятъ, какъ на серьезную, настоящую пѣсню, но которая, тѣмъ не менѣе, не смотря на всю незатѣйливость ея содержанія, является послушнымъ и гибкимъ орудіемъ для отраженія настроенія довольно разнообразныхъ моментовъ жизни. Поэтому и на вечерованьѣ пѣсня-перегудка не сходитъ со сцены все время, пока не начнется иг-

---

*) Передній уголъ подъ окнами, „сутыкъ“, гдѣ сходятся, стыкаются своими концами двѣ обыкновенно единственныя въ избѣ, лавки.

**) *Начать;* вывести, пропѣть хоть нѣсколько нотъ.

***) *Сбираютъ*, мелютъ пустяки, вздоръ.

. Поютъ въ одиночку и группами, начиная отъ двухъ голосовъ; во весь голосъ и «про себя»; особенно охотно и легко поется «по гармоньѣ.» Хотя бы въ вечерованьѣ были и парни, общаго исполненія смѣшанными голосами почти не бываетъ, да и по содержанію перегудки парней и дѣвушекъ бываютъ обыкновенно различны, при чемъ послѣднія (т. е. перегудки дѣвушекъ)—болѣе, такъ сказать, салоннаго характера.

Въ исполненіи перегудки важно, часто, не самое пѣніе, а умѣнье во́время и въ тонъ настренію выбрать ее; и съ этою цѣлью находчивые исполнители (исполнительницы) тутъ же передѣлываютъ иногда прежнія и импровизируютъ вновь. Само собою, здѣсь сказываются личныя склонности, мысли и чувства поющихъ. Иногда вырывается лирическое изліяніе въ цѣломъ рядѣ куплетовъ, вродѣ:

Кабы сер(д)цо не болѣло,
Я бы не исху̂дала;—(не похудѣла)
Кабы милово не жаль,
Я бы не подумала.

Сохну, сохну,
Сокрушаюсь кажну ночь:
Какъ уѣхалъ,
Такъ не спитсе една *) ночь.

Кабы знала,—написала
Своему милому вись (вѣсть)
На потщовой на бумажкѣ—
Какова въ розлукѣ жиз(н)ь
и под.

Иногда высказываются отношенія къ кому нибудь изъ присутствующихъ:

Я скажу тибѣ словечко,
Только ты не осердись:
Ты отдай мое колечко,
Больше рядомъ не садись.

Или насмѣшка, подъ часъ тонкая иронія:

Милашка въ полѣ боронила,
Лошадь въ яму уронила;
Побѣжала за отцомъ,
Да простояла съ молодцомъ.

Я севодни въ сутки сѣла,
Лашпасею **) банку съѣла;
Лонпасей-отъ гривенъ въ семь (т. е. 70 к. за фунтъ)
Нехто въ середочки не сѣлъ
и т. д.

Начало, конецъ вечерованья, приходъ или ожиданіе молодцовъ и проч. могутъ быть отмѣчены соотвѣтствующей „частушкой“:

---

*) Ни одна.
**) Монпансье.

Пойдемте, дѣвушки, простынемъ,
Постоимъ у лисенокъ;—(у лѣстницъ, у крыльца)
Къ намъ не йдутъ-ли молодцы,
Не поютъ ли писенокъ.

Подъ горой тальянка спѣла:
Чья идетъ головка смѣла?
На побои не гледитъ,—
Меня провѣдывать катитъ.

Всѣ тальяночки пропили,
Не котора не ево...
и т. д.

Или:

Молодцы дивицъ уважьте-ко,
Посадили—ошабашьте-ко:
Вамъ пора идти домой,
Дивицамъ надо дать покой.

Пойдемте, дѣвушки, домой,
Пойдемте, ягодиночки,—
Дадимъ хозяевамъ покой,
Прикончимъ вечериночку.

Помимо взаимо-отношеній молодежи, выраженія ихъ мыслей и чувствъ, внимательному наблюдателю частушка даетъ не мало интересныхъ штриховъ, иногда только намековъ изъ другихъ сторонъ жизни мѣстнаго населенія и его быта, культурнаго, экономическаго, отчасти правового, и проч. Въ нихъ проглядываютъ, напр., потребность въ грамотѣ, письмѣ («Кабы знала,—написала»), недостатокъ и истощеніе природныхъ богатствъ:

У насъ лѣсу близко нѣту:
Вересиночку рублю...

Лѣсъ далеко, лѣсъ далеко,—
Не гдѣ елочки срубить...

А вмѣстѣ съ тѣмъ появленіе «лампасею», колошъ и т. д.

Вечерованье значительно оживляется съ приходомъ парней. Когда ихъ набирается много и изъ другихъ деревень—это особенно лестно для дѣвицъ. Войдя въ избу, парни здороваются, остановившись посреди круга. Дѣвицы приглашаютъ садиться. Нѣкоторые изъ вышедшихъ пробираются подъ полати и тамъ размѣщаются кто какъ попало: полустоя - полусидя - полулежа, на скамьяхъ, на кровати и просто на полу. Другіе, болѣе степенные, при повторныхъ приглашеніяхъ проходитъ и садиться «въ середочки», осмотрѣвшись, усаживаются между дѣвицъ. Мѣста освобождаются перемѣною положенія прялокъ, которыя поворачиваются для этого почти поперекъ лавки—въ положеніе нельзя сказать, чтобы удобное для работы; но и самая работа съ этого момента отходитъ на второй планъ, въ особенности когда «въ середки» усаживается «любой» молодецъ или «прихехена», какъ называютъ дѣвицы между собою тѣхъ, которымъ симпатизируютъ.

Усѣвшіеся «въ середки» угощаютъ дѣвицъ «карамелемъ» и «прениками», чаще сиропнымъ печеньемъ («суропкой»).

Изрѣдка наоборотъ, и дѣвицы угощаютъ тѣмъ же.

Остальные изъ вошедшихъ парней не усѣвшіеся «въ середки» и не *забившіеся въ уголъ*, усаживаются частью на полу среди круга, частью на

порогъ входныхъ дверей. Сидящіе на полу нерѣдко устраиваютъ какую-нибудь игру (своею группой), чаще всего—въ карты.

Жгутъ «елку» изъ кудели, которую собираютъ отъ дѣвицъ. Нѣкоторые уходятъ не замѣтно, чтобы явиться ряжеными; ряженые представляютъ лошадь, гуся, иногда урядника на лошади, собирающаго оброкъ.

Такимъ образомъ, въ избѣ оказываются занятыми не только лавки, скамьи и прочая мебель сидящими «вечеровальницами» и «вечеровальниками», не только печь съ голбцемъ и полати, но и вся почти площадь пола. О тѣснотѣ и духотѣ здѣсь нечего и говорить, тѣмъ болѣе, что сидятъ всѣ, не раздѣваясь, кто въ чемъ пришолъ и какъ бы тепло ни былъ одѣтъ. Дѣвушкамъ, впрочемъ, даже и въ морозы, не полагается, идя на вечерованье, одѣвать верхнюю одежду; зато парни, придя въ теплыхъ крытыхъ, не рѣдко сукномъ, полушубкахъ, парятся въ нихъ иногда цѣлый вечеръ, растегнувъ только пуговицы. Изба, правда, все-таки освѣжается черезъ входную дверь, ведущую въ холодныя сѣни и почти поминутно открываемую входящими и выходящими; куреніе табаку допускается также не во всякой избѣ.

Однако, тѣснота и переполненіе избы, служа вѣрнымъ показателемъ успѣха вечерованья, въ этой точки зрѣнія, понятно,—явленіе только желательное и пріятное и наоборотъ—просторъ и обиліе свободныхъ мѣстъ всецѣло могутъ быть отнесены на счетъ неудачи всего вечерованья и прежде всего неуспѣха, хотя бы и временнаго, самихъ дѣвицъ, которыя въ такомъ случаѣ, замѣтно томятся ожиданіями, частенько выбѣгаютъ на улицу, чтобы послушать—не играетъ-ли гдѣ гармоника, гадаютъ помощію лучинокъ, кудели и проч., даже затягиваютъ старинныя долгія пѣсни, причемъ нѣкоторыя изъ участницъ басятъ мужскими голосами; въ разговорѣ и въ перегудкахъ сквозитъ нѣкоторая досада на несбывшіяся ожиданія веселья и игры. И вечерованье въ такомъ случаѣ расходится гораздо раньше, чѣмъ обычно; тогда какъ съ игрою—затягивается иногда далеко за полночь, чуть не до утра.

Наиболѣе благопріятнымъ и желательнымъ, для игры въ городки и веселья вообще, составомъ вечерованья, разумѣется, является такой, когда нѣтъ недостатка (а равно и—большого избытка) ни въ молодцахъ ни въ дѣвицахъ.

Игра въ городки даже при хорошемъ составѣ вечерованья настраивается не вдругъ, часто послѣ долгихъ предварительныхъ переговоровъ: болѣе молодые не рѣшаются начинать по робости и недостатку опытности, а кто постарше да поопытнѣе, — не хотятъ то изъ желанія покуражиться, то по инертности. Предварительно мѣсто среди круга освобождается. Лишняя мелюзга (подростки) частью удаляется, частью расходится по домамъ или забивается въ углы, чтобъ не мѣшать игрѣ. Начинается игра «захаживаньемъ»; «захаживать» первый городокъ должны молодцы, второй—дѣвицы, и т. д., по очереди. Для захаживанья выходятъ на средину избы нѣсколько умѣлыхъ пѣвцовъ и знатоковъ игры, примѣрно, человѣка четыре—пять, иногда и меньше, а въ крайнемъ случаѣ даже—двое, и, взявшись за руки (тоже не всегда), запѣваютъ соотвѣтствующую пѣсню и въ тактъ ей начинаютъ ходить взадъ и впередъ въ кругу остальныхъ сидящихъ вечеровальницъ и вечеровальниковъ, пока пѣсня будетъ допѣта до конца. Сопровождающія «захаживанье» пѣсенки отличаются обыкновенно краткостью и незатѣйливостью содержанія; первый городокъ молодцы захаживаютъ обыкновенно «Ершичками» *), затѣмъ поютъ «Сколько на печѣ печинки» и др. под.; у дѣвицъ чаще всего свои особыя пѣсни для захаживанья. Окончивъ пѣсню, «захаживальщики» останавливаются и начинаютъ «становить» въ кругъ другихъ молодцовъ, приглашая огуломъ, или выкликая по именамъ, а нѣкоторыхъ просто таща за руки. Такимъ же

---

*) Ужъ вы, ершички—ерши,
Рыбка маленькая... и т. д. См. въ прилож. городкахъ.

образомъ захаживанье ведется и дѣвицами, съ тою развѣ лишь разницею, что онѣ выступаютъ для этого часто въ болѣе многолюдномъ составѣ, чѣмъ молодцы, и не рѣдко при захаживаніи уже становятся въ кругъ, двигаясь въ одну сторону.

По окончаніи захаживанья, когда всѣ желающіе играть со стороны захаживающихъ встали въ кругъ, каждый начинаетъ затѣмъ приглашать въ городокъ «любую» (т. е. которая нравится) дѣвицу или, если захаживали дѣвушки, то—любого молодца. Приглашеніе въ зависимости отъ значенія, какое занимаетъ приглашаемый среди другихъ, а также отъ степени знакомства съ нимъ, принимаетъ ту или другую, болѣе или менѣе изысканную или упрощенную форму.

Такъ степеннаго молодца дѣвушка приглашаетъ въ такихъ примѣрно выраженіяхъ: «Олексій Ивановичъ, сходимъ въ городочикъ!»—«Благодаримъ покорно», отзывается тотъ. «Ну, да не спѣсивьсе, пойдемъ!»—«Давай, ладно, сейчасъ».

Когда такимъ образомъ набранъ полный кругъ-городокъ, съ участниками обоего пола, начинается настоящая игра: весь городокъ съ мѣрнымъ стройнымъ пѣніемъ начинаетъ плавно двигаться въ одну сторону (по солнцу), фигура круга смѣняется, потомъ, на подковообразную двойную цѣпь, что́ называется «ломать городокъ», и только съ окончаніемъ пѣсни городокъ останавливается и снова принимаетъ фигуру круга. Послѣ чего, разомкнувшись, молодцы и дѣвицы становятся по-парно и каждая пара цѣлуется три раза, стараясь при этомъ отодвинуться за линію круга. Цѣлуются по долгу, съ чувствомъ, въ-засосъ, какъ иногда здѣсь выражаются. Поцѣлуями городокъ заканчивается и всѣ расходятся по своимъ мѣстамъ.

Первый городокъ обыкновенно сопровождается пѣніемъ «За тынкомъ» и это обыкновеніе начинать игру съ «За тынкомъ» настолько устойчиво, что терминъ «затынивать» сталъ употребляться не только для обозначенія начала хороводной игры, но нерѣдко и въ переносномъ смыслѣ (особенно въ шутливомъ разговорѣ) съ значеніемъ начинать, приниматься, особенно за повторную и малоцѣнную работу (канителиться).

Всякій новый городокъ составляется съ «захаживаньемъ», какъ и первый, при чемъ, если первый захаживали молодцы, то другой—дѣвицы и т. д. Послѣ захаживанья такъ же точно идутъ приглашенія «въ городочикъ» и затѣмъ опять ходятъ истово, при общемъ пѣніи всякій разъ новой пѣсни-городка, съ финальными поцѣлуями. Иногда, впрочемъ, при одномъ и томъ же составѣ городка поются двѣ пѣсни, болѣе или менѣе близкія по содержанію и по темпу исполненія, или повторяется одна и та же два раза, при чемъ кругъ останавливается и городокъ считается оконченнымъ только послѣ дважды пропѣтой одной или двухъ подрядъ пропѣтыхъ пѣсенъ. Къ числу два раза подрядъ исполняемыхъ пѣсенъ относятся, напр., «Я хожу, хожу кругомъ города», «Какъ на нашей на сторонкѣ», а къ исполняемымъ по двѣ въ одинъ кругъ-городокъ—«Я во садъ пошла»(а) и «Що на улицѣ торжокъ»(в). «Здрас(т)вуй, милая хорошая моя»(а) и «Не ходи-ко, Маша, по новому крыльцу»(в) и т. д. Въ приложенной записи пѣсенъ-городковъ каждыя двѣ слѣдующія одна за другой и помѣченныя лит. а) и в) могутъ быть исполняемы вмѣстѣ, въ одномъ городкѣ, сначала а), а потомъ—в). Весьма вѣроятно, судя по содержанію, что раньше первою изъ этихъ пѣсенъ сопровождался городокъ одной (мужской) половины, т. е. начатый этою половиною, а вторая пѣсня сопровождала какъ бы отвѣтный городокъ другой (женской) половины играющихъ.

Помимо вышеописаннаго хожденія игра въ городки мало чѣмъ разнообразится и только при хорошемъ заправскомъ составѣ участвующихъ вводится *больше движенія*, обстановочности, драматизма; устраиваются «ворота», запле-

тается плетень и во время хожденія появляется жестикуляція. Такъ при пѣніи:

Я хожу, хожу кругомъ города,
Я сѣку-рублю мечемъ ворота

весь кругъ проходитъ раза три, четыре подъ приподнятыми и образующими тѣмъ самымъ «ворота» руками то одной, то другой пары, при чемъ идущій впереди дѣлаетъ иногда жестъ рукою, напоминающій какъ бы взмахъ мечемъ. Плетень заплетается при пѣніи:

Какъ на нашей на сторонкѣ (2)
Хороша угода (2):
Хорошъ хмель родитсе.

а расплетается при: «Росплетисе, плетень, росплетисе». (Не записана мною).

Обѣ послѣднія пѣсни исполняются довольно быстрымъ плясовымъ темпомъ.

Сюда же иногда присоединяется еще «Игра во лузяхъ», по существу ничто иное какъ пляска, однако не называемая этимъ жупельнымъ словомъ, вѣроятно изъ страха обличенія церковными и иными проповѣдниками, ибо плясать—«незамолимой грѣхъ.» Для «игры во лузяхъ» становятся другъ противъ друга въ двѣ шеренги молодцы и дѣвицы и затѣмъ выходятъ поочередно при общемъ пѣніи извѣстной пѣсни «Во лузяхъ» одна пара, затѣмъ другая и т. д. (иногда двѣ одновременно); молодецъ и дѣвица становятся другъ противъ друга въ позу, притопывая и выставляясь то однимъ, то другимъ бокомъ впередъ и со взглядомъ обращеннымъ все время на партнера, что получило характерное названіе «косятсе»; затѣмъ сходятся, вертятся въ ту и другую сторону, ухватившись попеременно то правыми то лѣвыми локтями. «Коситьсе» и «вертитьсе»—эти главныя фигуры въ «игрѣ во лузяхъ» дополняются нѣкоторыми другими движеніями и ихъ варіаціями, часто импровизированными, не имѣющими какихъ либо особыхъ названій.

Надо замѣтить, что игра, по единодушному признанію, какъ стариковъ, такъ и молодыхъ поколѣній приходитъ все болѣе и болѣе въ упадокъ. «Нонь путаютъ, а не играютъ», вздыхаютъ подъ часъ старики; «и игра-та нонь парушаитсе,» меланхолично замѣчаютъ молодые. Внѣ сомнѣнія, что раньше эта игра была значительно разнообразнѣе, живѣе, интереснѣе; лучше исполнялась пѣсня, больше было содержанія и смысла въ движеніяхъ и дѣйствіи, а послѣднее ближе воспроизводило, какъ бы иллюстриовало, содержаніе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ пѣсень. Такъ, по всей вѣроятности, разыгрывалась вся картина пѣсни-городка «Я хожу, хожу кругомъ города»:

.... Гдѣ-бы красна дѣвушка найти!
Тутъ бы взялъ бы за пра́вую за руку́!
Я обвелъ бы три разочка (в) кругъ кругу;
Я поставлю на середочку,
Да на единую половочку; (половицу, половую доску)
Ужъ мы сойдимсе-содвинимсе,
Ужъ мы сойдимсе близехонько,
Да поклонимсе низехонько,
Да поцѣлуимсе милехонько.

Такъ же точно въ пѣснѣ:

По́дойду, по́дступлю
Я подъ вашъ ли городъ каменной,
Вышибу, выломлю
Чеботомъ я стѣну каменну..,

а также въ нѣкоторыхъ другихъ подобнаго характера, не только не бываетъ соотвѣтствующихъ дѣйствій, но и самыя пѣсни эти исполняются нѣсколько рѣже другихъ, а «По́дойду, по́дступлю» въ настоящее время совсѣмъ заброшена и частію совершенно позабыта.

Особенно быстрое паденіе игры, наряду съ утратою и нѣкоторыхъ, другихъ «досельныхъ», старыхъ обычаевъ, замѣчается въ самое послѣднее время: очевидно, дѣйствіе въ этомъ направленіи отчасти экономическихъ причинъ отчасти общественныхъ, а быть можетъ и другихъ, условій деревенской жизни начинаетъ сказываться ощутительнѣе, чѣмъ раньше.

Не касаясь этого вопроса по существу, я укажу только на то, что общественная жизнь деревни въ сильной степени подвергается, подъ часъ даже въ ничтожныхъ мелочахъ, разнаго рода стѣсненіямъ и ограниченіямъ со стороны всевозможныхъ «на́большихъ» (начальства), дѣйствующихъ часто на основаніи произвольныхъ толкованій требованій закона, а часто изъ личнаго усердія и самодурства. Въ присутствіи урядника и старшины, не говоря уже о становомъ или земскомъ начальникѣ, не только на базарахъ, въ мѣстахъ гуляній, но и въ любой деревнѣ пропѣть хоровую пѣсню при большомъ стеченіи народа считается чуть не преступленіемъ. Иногда это милостиво разрѣшается; зато сколько бывало случаевъ, когда веселая молодежь платилась своими гармониками, разбиваемыми въ щепки властною рукою «начальства», когда парни отсиживали въ холодныхъ кутузкахъ, отдавались подъ судъ; по прихоти и усердію нѣкоторыхъ урядниковъ разгонялись вечерованья, а хозяева, допускавшія ихъ, держались подъ угрозою штрафовъ и суда. Съ другой стороны, всякое народное бѣдствіе, недороды хлѣба, повальныя болѣзни и проч. въ церковныхъ и внѣцерковныхъ поученіяхъ объясняются не иначе какъ наказаніемъ за грѣхъ, и главнымъ образомъ за «бѣсовскія игрища», гулянія, «непотребныя сборища,» каковыя и подвергаются преимущественному обличенію.

Экономическое оскудѣніе деревни, въ связи съ этимъ, оказываетъ свое особенно сильное вліяніе, выбрасывая все большее и большее количество молодыхъ ея членовъ на сторону, вызывая временныя болѣе или менѣе продолжительныя отлучки на заработки въ другія губерніи и способствуя перемѣнѣ старыхъ привычекъ на вновь пріобрѣтенныя на чужой сторонѣ.

Какъ выше было замѣчено, игра въ послѣднее время только при заправскомъ составѣ получаетъ нѣкоторое разнообразіе и оживленіе, въ противномъ же случаѣ все дѣло ограничивается однимъ хожденіемъ, а другія фигуры начинаютъ постепенно забываться. Такъ, многіе изъ молодыхъ только слышали или видали раньше,—какъ, напримѣръ, заплетается плетень, но сами его уже не сумѣютъ составить. Отъ «игры во лузяхъ» остались только фигуры «коситьсе» и, «вертитьсе», которыя теперь исполняются уже иногда по гармоникѣ только подъ этимъ названіемъ, безъ пѣнія «Во лузяхъ». Пѣніе и другихъ пѣсенъ-городковъ ставитъ въ немалое затрудненіе. «Какіе ноньче писельники али писельницы! покурыўкаютъ мало-маля да-и ладно!» такъ, иногда и не безъ основанія, говорятъ старшіе.

На смѣну городкамъ появляются танцы и нынѣшней, напримѣръ, зимой уже въ нѣкоторыхъ деревняхъ «гуляли кадрель;» кромѣ танцевъ, въ большомъ ходу стала не требующая большого числа участвующихъ игра «въ сосѣдушки,» самой существенной частью которой являются поцѣлуи въ доказательство довольства сосѣдомъ или сосѣдкой.

Въ заключеніе хотѣлось бы сдѣлать нѣкоторое сопоставленіе кокшеньгскихъ пѣсенъ городковъ съ хороводными пѣснями, записанными главнымъ образомъ въ средней полосѣ Россіи, изъ собранія П. В. Шейна (Изд. Императорскаго Общ. Истор. и Древн. Росс. при Моск. Университ., М. 1870 г., ч. 1-я). Въ богатѣйшемъ собраніи пѣсенъ академика А. И. Соболевскаго, какъ извѣстно, особаго отдѣла, хороводныхъ пѣсенъ вовсе нѣтъ.

Шейнъ раздѣляетъ пѣсни этого рода на три категоріи: 1) Наборныя или сборныя (приглашеніе въ хороводъ), 2) Игровыя или разыгрыванныя и 3) Разводныя или разборныя.

Подъ первую изъ этихъ категорій вполнѣ подойдутъ кокшеньгскіе «захаживальные» городки, какъ, напримѣръ, «Ершички», «Сколько на печѣ печинки» (у Шейна ихъ нѣтъ) и т. под. Всѣ остальные могутъ быть отнесены ко второй, игровымъ, а третья категорія отсутствуетъ совершенно. И въ игрѣ въ городки нѣтъ никакого отдѣльнаго дѣйствія, напоминающаго разводъ, какъ нѣтъ пѣнія, приглашающаго расходиться; игра можетъ быть закончена одинаково любымъ городкомъ. По содержанію имѣющихся въ моемъ распоряженіи пѣсенъ-городковъ (ихъ впрочемъ и не много, всего 26) нельзя положительно сказать также были или нѣтъ подобные разводы раньше, въ старину.

Сходныя по содержанію пѣсни, вообще говоря, встрѣчаются тутъ и тамъ, хотя тѣ, что́ у Шейна помѣщены въ разрядѣ, напримѣръ, наборныхъ, въ Кокшеньгѣ являются игровыми и наоборотъ нѣкоторыя изъ кокшеньгскихъ игровыхъ у Шейна значатся въ разводныхъ или плясовыхъ. Такъ, напримѣръ, кокшеньгская игровая;

Я на ричушку ходила молода,
Свѣжу рыбицу ловила не одна

находитъ себѣ подобную въ наборныхъ у Шейна:

Я по бережку ходила,
Живую рыбицу ловила;
Увидали ребятушки,
Разсказали моей матушкѣ

и подобный же варіантъ въ разводныхъ

Я по бережку похаживала,
Бѣлу рыбушку залавливала;
Какъ увидѣли ребятушки,
Разсказали моей матушкѣ

(Въ Тверск. у.)

или, изъ кокшеньгскихъ игровыхъ:

Я на ричушку ходила молода,
Тамъ гусей стада заганивала,
А другое заворачивала

имѣетъ три-четыре сходныхъ варіанта (№ 59—62), отнесенныхъ къ категоріи плясовыхъ:

Я по бережку похаживала,
Я гусей стадо заганивала,
А другое заворачивала

(Кашинск. у., Тульская губ., Малояросл. у., Мещерск. у.)

Хотя наиболѣе сходныя по содержанію, коншеньгская:

Вдоль было по травкѣ,
Да вдоль по муравкѣ

и записанная въ Тверск. у.

И вдоль было по травушкѣ,
Вдоль по муравушкѣ

и тутъ и тамъ—игровыя.

За исключеніемъ этой послѣдней, полнаго сходства въ содержаніи цѣлой пѣсни отъ начала до конца (почти совпаденія) подмѣтить мнѣ не удалось; также далеко не всѣ пѣсни изъ когшеньгскихъ имѣютъ и частичное сходство съ названными среднерусскими. Впрочемъ, спѣшу оговориться, что при относительно небольшомъ количествѣ кокшеньгскихъ пѣсенъ, имѣющихся въ моемъ распоряженіи, а также по недостатку времени мои наблюденія въ этомъ отношеніи нельзя считать безусловно окончательными.

Къ прилагаемому здѣсь болѣе или менѣе полному репертуару, записанныхъ почти исключительно въ дер. Рыкаловской, пѣсенъ городковъ надѣюсь въ будущемъ присоединить и другія, которыя по всей вѣроятности удастся еще собрать въ другихъ уголкахъ Кокшеньги.

М. Едемскій

31 Марта 1905 года.

Городки

Въ мѣстахъ, гдѣ начертаніе уклоняется отъ общепринятаго, имѣется въ виду отмѣтить, особенности мѣстнаго произношенія. Звукъ *л* надо читать, передъ согласной и на концѣ словъ, какъ ў близкое къ *в*; чисгыхъ *ц* и *ч* хотя и нѣтъ въ говорѣ, но для удобства печатанія они переданы этими буквами (См. указ. объ этомъ «Говоръ жит. Кокшеньги» въ 1 вып. «Жив. Стар.» 1905 г.)

1.

За тынко́мъ было за ты́ночкомъ
За зеленой было сосенкой
За серебряной решо́точкой
Дѣвка мылась умывалась
Бѣлая́ лебедь сряжалась.
Обойду я два раза да три раза́;
Я любо́во *) сибѣ вы́беру,
За собо́ю па́рня выведу,
Я за правую за ру́ченьку
Ко рети́вому сердеченьку.

2.

Ужъ вы ёршички-ёрши,
Рыбка маленькая
Да костоватенькая;
Ещо хто ёрша изловитъ
Тово три разъ цѣловать.
Два разъ, три разъ,
Де́веть разъ
Да поцѣлу́ю, сударь, васъ.

3.

Сколько-то на́ печѣ печи́ны,
Да столько на́ сердцѣ кручи́ны;
Сколько въ по́лѣ камешко́въ,
Столько-то ми́ленькихъ дружко́въ;
Сколько-то на́ полѣ лопушёкъ,
Столько ми́ленькихъ подру́жёкъ
(Какъ по старому закону
Дакъ въ чотырнадцеть наконовъ

Пришолъ нонѣшной указъ—
Цѣловатьсе двисти разъ).

4

Зайко-то въ сто́рону скочи́лъ
Да много сору оброни́лъ,
Онъ въ другу́ю-ту скочи́лъ,
Да тутъ рѣка́ глубока́,
Ри́чка ти́новая,
Рѣка ребиновая.
Що реби́нушка (часта) густа́,
Да поцѣлуй парня въ уста́,
Будетъ рожь часта́
Да примоло́тиста:
Що изъ ко́лосу коври́га,
Изъ полу́-зерна пиро́гъ,
Изъ друго́во соченёкъ.
(Хто про дѣвушёкъ побаетъ,
Худу́ю сла́ву пронесётъ,—
Тово лѣшей унесётъ.
Гдѣ про дѣвокъ говорятъ,—
Тутъ коровы не доя́тъ
Да и телята не стоя́тъ;
Молока́ нѣту хлебать,
Однѣ кислые щти
Да сколько хошь узди *).

5.

За́йко, зайко, да загуля́й-ко,
Загуля́й ко мнѣ въ садо́чикъ.
Въ саду я́годка мали́нка
Приходи́лъ вечо́ръ ко мнѣ дити́нка.
Приносилъ даро́въ не мало:
Два́дцеть пе́ть рублей въ карма́нѣ,
Гляленту́ру на конуру (борушку? см. это сл.)
Кифарики на другую—
Выбирай сибѣ любую,
На голо́вушку плато́чикъ,
На руче́ньку перстенёчикъ,
По середкѣ шёлковой поясочикъ,
(На бѣлу́ю грудь поцѣнку,
На шеюшку жемчужокъ.
Дорогой мой паренёкъ,
Да поцѣлу́имсе разокъ).

6.

Бѣжитъ зайко, бѣжитъ бѣлько,
Бѣжитъ бѣлой горноста́лько

*) Уздить—хлебать, особенно что-нибудь жидкое, звучно втягивая жидкость съ ложки.

На коротенькихъ на но́жкахъ
Во сафьянныхъ во сапо́жкахъ;
Несетъ въ ро́тѣ рукавицу,
Въ рукавицѣ—не́быль-небыли́цу
Про меня кра́сну диви́цу:
Будто я, кра́сна́ дѣви́ца,
Ши́ти бра́ти не умію,
Шёлкомъ шить не розумію,
Только смію-розумію
Поскакати, поплясати,
Съ молодце́ми поигра́ти,
Съ удалыми поплясáти,
Ещё шу́точёкъ пошути́ти,
Присказу́лечка дружку́ сказа́ти.

7.

а) За рѣко́ю-ту бы́ло
Да за быстро́ю-ту диво;
За быстрою-ту диво:
Да вари́тъ че́рнечикъ пиво (2)
Да вари́тъ молодой,
Безъ солоду́ да безъ хме́лю,
Безъ ярово́го яцменю.
Да я пи́вко сливала,
Съ хмелюшко́мъ розымала;
Попала́-та хмелинка
Дѣтинкѣ въ головинку;
Да не даётъ-то стряхнутьсе,
Да не даетъ зворохнутьсе,
Назадь огляну́тьсе,
Самъ пошолъ зворохну́лсе,
Назадь огляну́лсе,
Съ молодцо́мъ поклони́лсе.
Молоде́цъ-отъ удалой
Да во кружокъ пожалой,
По́жалой, послушай.

8.

в) Плы́ла, плы́ла вы́дра,
Вы́плывала выдра
Изъ озёръ да въ ру́чья.
Ещо стрити́ла выдра.
Самово́ че́рна бо́бра.
Бо́беръ, про́дай пуху,
Мнѣ пушо́къ на шапку.
Шапочку соши́ти,
Ру́кавки скройти
Къ обѣднѣ сходи́ти.
За Царя́ Бога моли́ти,
За весь міръ крещо́ной; —
Будетъ міръ поко́ренъ,
Будетъ бо́гомо́ленъ.
Молоде́цъ удалой,
Во кружо́къ пожалой
По́жалой послу́шай.

9.

а) Я на ри́чушку ходила молода́,
Да тамъ гусе́й стадо загонивала,
А другое́ заворачивала:
„Полити́те-ко, гуси-ле́беди, домо́й;

Ещо вы. гуси, наплавалисе,
А ужъ какъ я млада наплакаласе:
Ужъ мнѣ далъ жо Богъ му́жа дурака—
Не умі́етъ онъ голо́вушку чёсать,
Не умі́етъ ру́сыхъ кудёръ завивать,
Не умі́етъ подпоясыватьсе:
Назадѣ-то узолъ завя́зываётъ,
Да напередь концы запря́тываётъ,
Не умі́етъ пуховы́ шапки́ (шляпы) носи́ть.
Що сзадѣ-то мужъ хорошъ таки, хорошъ,
Спередѣ-то мужъ на лѣшово похожъ.

10.

в) Я на ри́чушку ходи́ла молода́,
Да свѣжу рыбицу лови́ла не одна,
Не одна я со това́рищами
Со такими-то со моло́денькими.
Увидали жо тутъ робя́та изъ окна
Да насказали родной матушкѣ.
Ро́дна матушка не ли́ха, не добра:
Призаставила капусту садить,
Принево́лила росаду полевать.
Я сажу, сажу,—не родитсе;
Полеваю я—не отродитсе;
Перемѣны младѣ хочитсе,
Перемѣны—удало́во молодца.
Мнѣ присваталсе моло́дчикъ молодо́й
Посулилъ (мнѣ) дѣвкѣ подарокъ дорого́й.
Мнѣ подарочка-то хо́читсе,
А за ёво-то заму́жъ не хо́читсе;
Я подарокъ-отъ приму́ таки приму́,
А за ёво-то заму́жъ не йду таки не йду
(Я не йду таки не ду́маю идти;
За подарокъ поцѣлу́ю, обойму).

11.

а) Здрасвуй ми́лая, хоро́шая моя́
Чёрнобро́вая, похо́жа во меня́!
Чёрноглаза, выйди замужъ за меня.
(Я не йду таки не думаю идти)
Присваталсе молодчикъ молодой
Да посули́лъ дѣвкѣ подарокъ дорогой,
Подаро́чикъ—перстенечикъ насыпной.
Ужъ я чула жо вис(т)ь про тебя—
Будто ходишь ты по вольнымъ по домамъ,
Ты гуля́ёшь по трахти́рямъ кабакамъ,
Табачёкъ-отъ, сударь, понюхиваёшь,
Го́рьку трубочку роску́риваёшь,
Красныхъ дѣвушёкъ полюбливаешь.

Продолженіе, несмотря на увѣренія крестьянки А, сообщившей мнѣ этотъ городокъ, что поется оно вмѣстѣ, подрядъ,—по смыслу скорѣе могло бы быть отнесено къ „Я на ричушку“ (10 в), а быть можетъ и къ иному. Очевидно, что въ исполненіи послѣдняго времени содержаніе городковъ, имѣющихъ сходныя мѣста, перепутывалось.

Вы ловцы-те ловцы, да захаровцы (?)
Навязáли-то шёлковые неводá,
Упускали-то на синіе на моря́.
Си́нё мóрюшко (в)сколыбалосе
Да въ мóрѣ ры́бица розыграласе.
Эту ры́бицу надо повы́ловить
Да на сухой-отъ берéгъ повы́метать.
По берéжку-ту рыбка сплясывала;
Приходила-то дѣвка спрашивала:—
„Каковó жо да жи́вой рыбѣ безъ воды́?—
Таковó жо мнѣ красной дѣвушкѣ безъ воли́;
Каково жо жи́вой рыбѣ во пескѣ?—
Да таково мнѣ красной дѣвкѣ во тоскѣ“.

12.

в) Не ходи́-ко, Маша, по нóвому крыльцу́,
Не маши-ко платкомъ по бѣлому лицу́:
Ой твое ли́чико розгарчивое,—
Да розгорится-то лицо, не уймитсе.
При́ду дóмой-то сдогадаютсе:
Да не отъ чаю-то не отъ кóфею
Да не отъ сладкіе водочки.
Сладка вóдочка да они́совая;—
Красна дѣвушка да напи́саная,
Набилéная да намазаная
Цѣловать-то (дружку́) Машá налáжёная.

13.

а) Я-то спо жёрдочкѣ шла,
Да я-то спо тоненькой
Да спо соснóвенькой.
Тонка, жёрдочка гнéтсе,
Не ломитсе,
Хорошо-то съ милымъ живетсе,
Не стóскнитсе;
Хоть и стóскнитсе,
Да разгуля́итсе.
Пойду я выйду молода
Да за новы́е ворота,
За новы́е-те кленовы́е,
За рѣшéтчатые;
За рѣшетчатые
Да за косéтчатые.
Ко мнѣ ми́ленькой идéтъ,
Ко мнѣ Иванушко придетъ:
Да рóзмазные-те сапоги,
Да голубой кафтанъ
Да шалемой ремя́къ (?);
Клиньё-то машитсе
Да полы́ болтаютсе.
Во правой-то ручкѣ тросточка
Да камы́шёвая;
Вдоль по тросточкѣ
Да лéнточка алая.
Ещо ленточка алá,
Да лéнту дѣвушка дала,
Лентой пожаловала.

14

в) Що не пó бору хожý,
Да не спо сырому брожý;
Я не пéньё качý,
Да не колóды ворочý (2),
Да сибѣ старицы ищý.
Да ужъ ты, старица, (в)стань,
Да спасеная дýша (в)стань,
Ко заýтринѣ звонятъ,
Къ обиднѣ благовѣстятъ,
Да люди-те сходятсе
Да Бóгу-ту мóлятсе.
Холостые-те у ворóтъ
Толкаютсе,
Дýши красные дивицы
(Дожидаютсе) Добираютсе.

15.

а) Я во садъ-отъ пóшла,
Во зелéной пóшла,
Дакъ ой кáлина,
Дакъ ой мáлина,
Ой пóшла лýку полóть
Зеленóво полóть.

(Припѣвъ: Дакъ ой кáлина...)

Я полю́, полю́ лýчёкъ,
Перепалываю,
(Калина)

Черезъ тынъ-отъ угорóдъ
Перебрасываю.
(Калина)

Припадý я ко тынý
Все повыслушаю:
(Калина)

«Это що жо во тынý
Про меня говорятъ,
(Калина)

Ой про меня говорятъ—
Да все бѣдý ворожатъ,
(Калина)

Бѣду ворожатъ—
Да бѣду матерщую».
(Калина)

Кличутъ девéрья
Невѣс(т)ку домóй:
(Калина)

«Подь, подь, невѣс(т)ка,
Голубка, домой!—
(Калина)

(Що) Свали́усе твой све́коръ
Со новыхъ синей.»

(Калина)

Кабы знала я про то,
Кабы вѣдала про все,—

(Калина)

Я поставила бы сини
Повыше тово,

(Калина).

[Сини эдакіе,
Да сини вотъ какіе.

(Иногда при этомъ жестами показывають вышину сѣней)

(Калина).

в) Що на у́лицѣ то́ржо́къ,
Черезъ ри́чку мостокъ,

(Припѣвъ: Дакъ ой ка́лина...).

Черезъ ричку мостокъ,
Мос(т)ъ кали́новой мос(т)ъ.

(Припѣвъ).

Що по этому мосто́чку
Тутъ не пава ли шла,

(Припѣвъ).

Тутъ не пава ли шла,
Не павина ли душа,

(Припѣвъ).

Тутъ (вѣдь) шла жо прошла́
Да красна дѣвица душа.

(Припѣвъ).

Ещо батюшку любо,
Що дочь хороша;

(Припѣвъ).

Ещо матушкѣ чёс(т)но,—
Покло́нна дитя;

(Припѣвъ).

Ещо братьицамъ че́с(т)нымъ—
Смире́нна сестра;

(Припѣвъ).

Сестрамъ похвальба—
Се́стра замужъ пошла,

(Припѣвъ).

Жёниху́ сухота,—
Що невѣста баска.

(Припѣвъ).

«Ужъ ты со́хни дитинка,
Гляди на меня;

(Припѣвъ).

Гледи на меня́
Да возьми за себя;

(Припѣвъ).

Возьми за себя́
Да учи про себя;

(Припѣвъ).

Учи про себя
Да цѣлуй завсегда».

(Припѣвъ).

17.

а) Вдо́ль было по травкѣ,
Да вдоль по муравкѣ
Тутъ ходитъ-гуля́ётъ
Удалой молодчикъ;
Кличётъ выкликаётъ
Красную дивицу:
«Пойди-выйди, дѣвушка,
По́йди за воро́та;
По́йди за воро́та,
Да выйди за широ́ки
Со мной со моло́дчикомъ
Постоя́ти.
Со удаленькимъ
Ри́чи говорити».
«Я тя молодецъ
Да не узнала.
Пухову́ю шля́пу,
Съ головы сымала,
Ру́сые кудёрышка
Да растрепала,
Синь кафтанъ
Да заплевала,
Серебря́ные пуговки
Да розстегала,
Смазные сапожки
Да затоптала».
Пошоў, пошоў мо́лодецъ
Да самъ пошоў заплакалъ;
«Не счес(т)ли́во маменька
Да сына спроводила;
На гуля́ньѣ мо́лодца
Да дѣвки не злюбили
(Дѣвки не злюбили)
Да во́ игру не брали».

18.

в) Вдоль было по травкѣ,
Да вдоль по муравкѣ
Ту́тъ ходитъ-гуляетъ
Удало́й моло́дчикъ
(Онъ) кличётъ-выкликаетъ
Красную дивицу:
«По́йди-выйди, дѣвушка,
Пойди за ворота (2)
Да выйди за широки
Со́ мной со молодчикомъ
Постоя́ти,
Со удаленькимъ
Ричи говорити».
«Я тебя, молодецъ,
Да узнала,
Пуховую шляпу
Накладала,
Ру́сые кудёрышка
Завивала,
Серебря́ные пу́товки
Да застегала,
Смазные сапожки
Вытирала».
Счес(т)ливо маменька
Сына спроводила:
На гуляньѣ-то молодца
Дѣвушки злюбили.

19.

а) Литѣлъ го́лубь мимо городъ;
На лету́ голубь ворку́етъ,—
Не́сетъ вѣс(т)ку про невѣс(т)ку,
Про невѣс(т)ку про Татья́ну.

Передъ Таней стóитъ Ваня.
Таня ричи говорила:
«Дѣвки въ садику гуля́ли,
Съ рýки пéрстень потеря́ли:
Хто найдéтъ перстéнь подыметъ
Я бы тóму заплатила;
Я не дéньгими, не мидью,—(не мѣдью)
Я любовью дорогóю,
Своей дивьей красотóю».

При исполненіи каждый стихъ или конецъ его повторяются.

20.

в) Пролитѣлъ воробéйко
Спо гувнéшку *),

Да гой, гой спо гувнешку.

Що у насъ на гувнёшкѣ
Да людей немнóжко,

Гой, гой людей немножко:

Петьдесять молодцовъ
Да сóрокъ дѣвокъ,

Гой, гой да сорокъ дѣвокъ.

Еще ты, бурлакъ-дитинка,
Да сдогадайсе,

Гой, гой да догадайсе,

За красную дѣвицу
Да смѣло принимайсе,

Гой, гой да принимайсе;

Выбирай-ко сибѣ
Да спо обычью,

Гой, гой спо обычью

Що по своему обычью
Да по мужичью,

Гой, гой да спо мужичью.

---

*) По гумнешку, по гумну.

21.

а) О двухъ концахъ (2 раза),
О двухъ ко́нцахъ яблонца (2);
Подъ я́блонью (2)
Подъ яблóнью кру́шица (2) (грушица);
Подъ крушицей дѣвица (2),
Она рветъ лис(т)ки (2),
Рветъ листочки со цвѣтами;
Она вьётъ вѣнки, (2)
Вьётъ вѣно́чки съ городами. (2)
—Я сама сибѣ, (2)
Сама сибѣ сдивовалась: (2)
«Ну, кому жо я? (2)
Кому жъ я достанусе?» (2)
Доставалась старому. (2)
Подъ старово с(т)лать посте́лька (2)
Въ три рядо́чка кирпича, (2)
А въ четвёртой рядъ (2)
Шипица колючая. (2)
Сголовьицо мягкоё: (2)
Колода дубовая; (2)
Аой оку́точка— (2)
Крапива жигу́чая. (2)
Ужъ ты спи-ко, мой старóй, (2)
Ужъ ты спи-ко, чортъ съ тобой. (2)

22.

в) О двухъ концахъ (2)...
. . . .
(И т. д., тоже, что въ предыдущемъ).
...Кому жъ я достанусе? (2)
Доставалась молодому
Молодо́му с(т)лать постельку: (2)
Въ три рядочка во́йлочка, (2)
А въ четвёртой рядъ (2)
Перина́ пухóвая; (2)
А сголо́вьицо, (2)
Сголовьицо парчево́; (2)
Одiяльнико— (2)
Шу́ба со́боляная. (2)
Ужъ ты спи-ко, мой милой, (2)
Ужъ ты́ спи-ко, Богъ съ тобой. (2)

23.

а) и в) (Поется два раза, слѣд., съ пѣнiемъ его ходятъ, одинъ за другимъ, два круга, подрядъ).

Я хожу́, хожу́ кругóмъ города́.
Я сѣку́ рублю мечо́мъ ворота́;
Сѣку-сѣку: красныхъ дѣвушёкъ ищу́.

Гдѣ-бы, гдѣ-бы красна дѣвушка найти—
Тутъ бы взялъ бы за правую за руку,
Я обвѣлъ бы три разочка (в)кругъ кругу;
Я поставлю на середочку
Да на единую половочку; (половицу или половницу, половую доску)
Ужъ мы сойдимсе-содвинимсе,
Ужъ мы сойдемсе близёхонько,
Да поклонимсе низёхонько,
Да поцѣлуимсе милёхонько.

24.

а) и в) (т. е., какъ и предыдущій, поется два раза)

Какъ на нашей на сторонкѣ (2)
Да хороша угода: (2 раза. Каждый стихъ и изъ остальныхъ повторяется)
Хорошъ хмель родитсе;
Тамъ хорошой хмель родилсе
(В)кругъ колышка вилсе;
Вилсе, вилсе, извивалсе;
По тонкой тычинкѣ, –
Да вплоть до самые вершинки.
Золотые винцы вьютсе,
Серебряно лис(т)ьё;
Що серебряное лис(т)ьё,
Да жемчужные шишки.
Я пойду млада-младенька
Въ зелёнъ садъ гуляти,
Во зелёной садъ гуляти,
Хмелюшку щипати.
Нащиплю я млада хмелю
Хмелю садовово;
Да наварю я млада пива,
Пивушка пьянова.
Созову я гостя въ гости,
Гостя дорогово –
Да гостя въ гости дорогово—
Батюшка роднова. –
Мой батюшко пьётъ, пьётъ пиво,
Да онъ до пьяна не напьётсе,
Съ умомъ съ разумомъ сберётсе.
Съ умомъ съ разумомъ сбиралсе,
Да домой убиралсе,
Да оставлеётъ меня младу
На чужой сторонкѣ,
На чужой-дальней сторонкѣ
Горюшка горевати;
Да горюшка горевати,
Тоски тосковати;
Да не умiю я младенька
Горя горевати,
Тоски тосковати;
Только-то смiю-розумiю
Поскакати поплясати,

Съ молодцéми поигрáти,
Съ удалыми пошутúти.

25.

Я бѣжý, бѣжý по пóженкѣ
Да добѣгáю до часóвёнки.
На часовёнкѣ два голубя сидятъ;
Одинъ гóлубь нечево-то не говорúтъ,
Другой гóлубь выговариваетъ:
«Завтря (sic) прáзничёкъ Ивановъ-день
Мой-отъ миленькой гулять пойдетъ,
Меня дѣвицу съ собой возьметъ,
На гуляньѣ поцѣлуётъ, обоймéтъ.»
На гуляньѣ говорила молодцý:
«Не женися, не женися, молодецъ,
Не женися, удалáя голова:
Съ нами дѣвушками жить можнó,
Со молоденькими весело».

26.

в) Я спо лýгамъ шла,
Да по прилýгамъ шла,
Да клубъ я нúточёкъ нашла.
Да клубъ-отъ катитсе
Да нúтка тéнитсе.
Да клубъ-отъ дáлѣ, далѣ, далѣ,
Да нитка долѣ, долѣ, долѣ.
Ещо нúтка сорвалáсь
Дѣвка за пáрня принялáсь.

II. Пѣсни,

въ Кокшеньгѣ, Тот. у.

Помимо пѣсенъ-городковъ и перегудокъ, о которыхъ было сказано въ моей предыдущей статьѣ «Вечерованіе и городки въ Кокшеньгѣ Тот. у.,» весь остальной пѣсенный матеріалъ жителями Кокшеньги обыкновенно дѣлится совершенно опредѣленно на «припѣвки», причитанія или «причеты» (свадебные, рекрутскіе, похоронные), стихи (духовные) и просто «писни». Я постараюсь въ свое время охарактеризовать всѣ упомянутые разряды его и привести по возможности большее количество образцовъ.

Здѣсь помѣщаются просто пѣсни или «писни», называемыя иногда въ Кокшеньгѣ «доўгими писнями» и «настоящими писнями», въ отличіе отъ перегудокъ, «припѣвокъ» и др. Словомъ «доўгіе» опредѣляются, впрочемъ, также и размѣры различныхъ пѣсенъ, такъ-же точно, какъ словами «досельные» и старинныя обозначаютъ пѣсни, пѣвшіяся еще «досель» (раньше), въ старину. Нѣкоторыя изъ нихъ почти выходятъ изъ употребленія, остальныя поются въ разныхъ случаяхъ—на вечерованьяхъ, гуляньяхъ, во время работы, въ праздничныя пирушки и проч., равно мужчинами и женщинами.

По содержанію большая часть изъ нихъ—любовныя и семейныя; затѣмъ—солдатскія и рекрутскія, частью историческія; встрѣчаются юмористическія, сатирическія и др. Здѣсь, однако, я не размѣщаю ихъ въ особые отдѣлы, отчасти въ виду небольшого количества образцовъ, отчасти потому, что нѣкоторыя изъ нихъ записаны не цѣликомъ, а въ видѣ отрывка, не опредѣляющаго вполнѣ характера содержанія ихъ; содержаніе же другихъ можетъ быть истолковано нѣсколько различно.

Почти всѣ эти пѣсни были записаны мною въ дер. Рыкаловской, Спасск. вол., бо́льшею частью въ семействѣ Я. Т. Кузнецова, и потому далеко не исчерпываетъ всего, что могло быть, въ этомъ родѣ, собрано во всей Кокшеньгѣ, хотя большинство изъ нихъ распространены тамъ повсемѣстно.

М. Е.

1.

Было по́ мосту, мосту́,
Да по калинову мосту́
Шолъ дитинка щёголекъ
Не величёкъ самъ удалъ.
На ёмъ новъ синей кафтанъ
Да семишолковой кушакъ;
Сапожонки-те со скрипо́мъ;
Перстяночки-те со цвѣто́мъ,
Да колечу́шко-то съ серебромъ;
Черна шляпа со перомъ,

Раздуваетъ-то витеро́мъ,
Да завиваётъ-то вихорёмъ.
Было подъ лѣсо́мъ, лѣсо́мъ.
Да подъ рокитевымъ кусто́мъ
Да поевились комары (2)
Да непріятели мои;
Мнѣ спокою не дали
Во всю ночку тёмную.
Всю я ночку не спала́
Да на зорюшкѣ уснула́;
Не красивъ сонъ видѣла
Да про милово про дружка:
Ко мнѣ миленькой идетъ
По лисёнкѣ по частой,
Да ко горёнкѣ ко новой,
Ко кроваткѣ тесовой.
Одіялышко скрывалъ,
За бѣлы́е ручки бралъ.
Бѣло ли́цо цѣловалъ,
Судару́шкой называлъ:
«Судару́шка-дѣвушка,—
Прежняя ты любушка».

2.

Ве́сёлъ, я ве́селъ севодншиней день,
Радошонъ, радошонъ то́перешной часъ:
Видялъ, я слышалъ на́дежду свою,—
Ходитъ-гуляётъ-въ зе́леномъ саду,
Щиплётъ—ломаётъ зеленъ виноградъ,
Вѣточки бросаётъ къ мило́му на кровать.
«Що, милой, не баешь, отвѣту не даешь?
Спомни-ко здумай, милъ сердечной другъ,
Какъ мы съ тобой вмистѣ мы зросли;
Мы вмистѣ зросли да возлѣ ричку шли,
Да возлѣ быструю да переходъ нашли»
По этой по ричушкѣ да три струйка бѣжитъ
Первая-та струечка—да бѣло се́ребро,
Другая-та струечка—да кра́сно зо́лото,
Третьяя та струечка—роскаченъ жемчугъ.
Чистое-то се́ребро—доброй мо́лодецъ,
Красное-то золото—красна дѣвица,
Роскачёнъ жемчугъ—милъ сердечной другъ.

3.

Весной дѣвушки загулели
Въ хороводикѣ на лужку.
Онѣ писенку запили—
Милой жалостѣ внималъ.
Милой жалостѣ вниматъ,
Ричь забавну говоритъ,—
Все деревнюшку бранитъ:
«Роспроклятая деревня.

Зачѣмъ сушишь кажной часъ?»
Не деревня парня сушитъ,—
Сушитъ Аннушка душа.
«Душа ли ты, душа,
Сдѣлай милос(т)ь для меня;
Сдѣлай милос(т)ь, сдѣлай радость:
Выйди замужъ за меня!»—
—«Ужъ я рада бы и выдти
Да у мня волюшка не своя.
Ес(т)ь и воля, ес(т)ь и болѣ:
Ес(т)ь и мать, ес(т)ь и отецъ.
Если татенька позволитъ,
За тебя замужъ пойду;
А если татя не позволитъ,—
Некакимъ судомъ не взеть».

4.

Дѣвушка прилестила молодца.
Брови черные доведутъ дружка до конца,
А послѣ я насміюсе милому въ глаза:
—«Ты, дитúнушка, сиротúнка дружокъ мой!
Ты зачѣмъ долгó да не жёнишьсе?
Ты не жёнишьсе, самъ изъянишьсе;
Холос(т)ъ мальчикъ ты избалуишьсе».
—«Гулять, дѣвушка, съ тобой хочитсе,
Отъ тебя отстать не хочитсе.
Отъ тебя-то отстать —дакъ въ умѣ не устоять.
Мы пойдемъ-ко съ тобой во Новъ-Городъ гулять,
Да ещо станемъ жо съ тобой дохтуровъ искать:
Дохтуръ сдѣлалъ бы намъ со дѣвушкой любовь,
Що бы дѣвушка любила молодца,
Любилá бы не омманывала,
Говорила бы—правду сказывала».

5.

Цвѣли въ саду цвѣтики,
Цвѣли да повéли:
Любилъ-то парень дѣвушку,
Любилъ да покинулъ.
Покидавши парень дѣвушку
Въ глаза насміялсе
При томъ-то при всемъ

Да при народѣ,

При большомъ то было
Да хороводѣ
Сóрвалъ-то парень съ дѣвушки
Шалевой платочикъ,
Ещо то сорвáлъ
Со правóй руки зóлото колéчко,
Ещо-то сорвáлъ
Со середочки шолковой поясочикъ.

6.

Какъ по городу было по Саратову
Дѣвушка гуляла;
Она гербовой лис(т)ъ бумаги
Закупала,
На своево то дружка
Просьбу составляла,
Къ самому-ту губернатору
Просьбу задавала:
—«Ужъ ты батюшко мой,
Да губернаторъ,
Ты прими-ко, прими
Да мою просьбу,
Ты прими-ко
Да суди по закону;
Не разсудить по закону—
Дакъ я задамъ сенатóру».
—«Ужъ ты глупая, глупая
Красна дѣвица!
Ужъ глупая
Да неразумная!
Безъ зори-то зори
Да безъ утря́ной
Безъ зори то
Солнышко не сходитъ:
(не всходитъ)
Безъ прилуки
Парень къ дѣвушкѣ не ходитъ».

7.

Какъ по питерьськой
Да славной по дорожкѣ
Тутъ и шли, прошли
Савдаты молодые,
А за ними идутъ
Матушки родные.
—Вы не плачьте,
Наши матушки родные!
Не смочить жо вамъ
Сырой земли слезами,
Не наполнить синя моря
Горючими.
Наполни́тсе си́не-мóрё
Частымъ дождемъ.—
Не ясе́нъ соколъ
Съ тепла гнѣзда полета́ётъ—
Молодой савдатъ
Съ фатеры поѣжджаетъ.
Не отецъ, не мать
Савдата провожаютъ,—
Провожаётъ ёво

Красная дивица,
Названная савдатськая
Сестрица.

8.

Моску-царьс(т)во проѣжджали,
Ко вдову́шкѣ заѣжджали,
Подъ окошкомъ постучали—
За колечко побречали.
—«Пусти, вдовушка, начевати,
Насъ молодчиковъ постояти!
Насъ молодчиковъ немножко,
Насъ немножко и не мало:
Полтораста пѣшеходовъ,
Полтретьяста все на ко́няхъ,
На коня́хъ да все на сѣрыхъ,
Все на сѣрыхъ да во сѣдлахъ».
Вышла вдовушка на крылечко,
Стала вдовушка отвичати:
—«У меня дворъ не стоялой,
У мня избушка не величка,
Но́ва горёнка мале́нька,
Тесова кровать узенька».
Силой во́ дворъ ворвали́се,
Во избушку собралисе
И садились всѣ по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ по порядкамъ:
Какъ большой-отъ гос(т)ь—повыше.
Молода́ вдова́ стои́тъ у пе́чки,
Прижала́ руки къ сердечку;
Начала плакать-грустить.
Какъ большой-отъ гость гово́ритъ:
—«Ты, любезная хозяюшка,
Ты о чемъ плачешь-грустишь»?
—«Какъ жо мнѣ не плакать,
Ужъ мнѣ какъ жо не грустить?—
Я вдовію лѣтъ пятнадцеть,
Сиротаю съ годомъ двадцеть»!
—«Ты подвиньсе-ко, вдова, поближе,
Поклонись съ нами пониже,
Сыми съ меня черну шляпу:
Во шляпочкѣ ес(т)ь платочикъ,
Во платочкѣ узолочикъ,
Въ узолочкѣ перстенечикъ,—
Ужъ какъ этимъ перстенёчкомъ
Обручались мы съ тобой».

9.

Объ чемъ мальчикъ-отъ мальчикъ сумлёвалсе—
Ой да холостой-отъ мало погулялъ;
Да по нево́люшкѣ мальчи́къ жони́лся,
Ой да не любую-ту сибѣ жонку взялъ;
Не любую-ту сибѣ не милую,

Не свою-ту суда́рушку.
Я-то не буду, молодецъ, не стану
По согласью съ жонкой жить,
Столько я буду жо, молодецъ, я стану
Прежню любушку любить,
Дакъ ей подарочёкъ носить.
Розохоча жо была моя любезная
Да въ лѣсъ по ягодки ходить.
Случилóсе, младѣ давелóсе
Подъ березкой въ лисѣ начевать.
Подъ кудрявой дѣвица боюсе,
Товари́ща со мной нѣтъ;
Нѣту, нѣту со мной товари́ща,
Нѣтъ милово дружка своево,
Съ тово горя дѣвица лишусе;
Пойду въ рощу, въ рощу, заблужусе,
Въ зеленъ садичекъ я захоронюсе.

10.

Объ чемъ мальчикъ-отъ мальчикъ сумлёвалсе—
Ой да холостой-отъ мало погулялъ,
Да по неволюшкѣ мальчикъ жонилсе
Ой да не любую-ту сибѣ жонку взялъ;
Не любую-ту сибѣ не милую,
Не сударушку-ту свою.
Я не буду, я не стану
По согласью съ жонкой жить,
Столько буду, столько стану
На іе смерти молить:
«Ужъ ты, смерть ли смерть прекрасна.
Умертви мою жону».
Я ударилъ кулакомъ
Да самъ поѣхалъ за попомъ;
Самъ поѣхалъ за попомъ,
Да на бисѣдушку зашолъ.
—«Веселитесь-ко, дѣвицы:
Умерла-то моя жона».
Всѣ дивицы звеселились,
Ес(т)ь одна не весела;
Ес(т)ь одна не весела,—
То моей жонѣ сестра.
Столько буду столько стану
Старопрежнюю любить.

(Въ Ростовской волости)

11.

Съ горя Саша пошутила,—
Да Васю полюбила:
Да я таково-то роскрасавчика
За́боту имѣла;
Я таку-ту большу́ заботушку—
Все объ ёмъ и сохла.

Изсушилъ-то меня дитинка,
Да какъ въ полѣ травинку;
Во чистомъ-то полѣ травинку
Да въ лисѣ ель-елинку,
Да въ темномъ лисѣ то ель-елинку
Да въ борѣ ягодинку.
—«Да ты скажи-ко, моя милая,
Да скажи: вѣрно не любишь;
Токо ежели меня не любишь,—
Дакъ вскорѣ откажисе.
Откажись-ко, моя милая,
Да наживай иново,
Наживай-ко сибѣ иново—
Да купчика молодово,
Сибѣ купчика да голубчика,
Изъ гостинново ряду,
Изъ гостиново-то было ряду
Да люби ково надо.
Дакъ ты сходи-ко, моя милая,
Въ мастерскую лавку,
Ты купи-ко, моя милая,
Да важной пищалетикъ,
Що возьми-ко, моя милая,
Да пороху и дроби (2)
Да сверхъ тово любови.
Да заряжай-ко, моя милая,
Да важной пищалетикъ,
Выстриляй-ко, моя милая,
Да въ сердечново друга,
Да норовись-ко, моя милая,
Да въ ретивае сер(д)цо».

12.

Леталъ голубь по долинкамъ—
Все голубушокъ голубь искалъ.
Не нашелъ голубь голубки
Не въ долиночкахъ ie, не въ лужкахъ,
Содержалъ голубь голубку
Во своихъ ясныхъ очахъ.
Малолѣтняя дѣвчонка
Научиласе рано страдать.
Не страдай, моя милая,—
Очень въ литичкахъ дѣвушка молода.
Когда выростешь большая,
Тогда узнаешь, дѣвушка, весь манеръ.
У насъ въ городѣ ес(т)ь мода:
За подарочёкъ дѣвушка парня любитъ,
Унимаетъ сво начевать:
—«Ты останьсе, другъ сердечной,
Начуй ноченьку, радос(т)ь у меня».
—«Право радъ бы, душа, остатьсе
Да боюсь: до свѣту съ тобой просплю»
—«Ты не бойсе, другъ любезной,—
До зорюшки ранніе розбужу;

Я до той зори утря́ной
И далеко тебя провожу;
Я далеко, дѣвушка, до тѣхъ мѣс(т)ъ,
Гдѣ скончаласе съ милымъ любовь.
Гдѣ скончалась съ милымъ разставалась,
Слезно плакала дѣвица объ ёмъ;
Слезно плакала дѣвушка, рыдала,—
Со слезъ ричушка быстрая протекла.
Протекла ричка Казанка
Не широкая, очень глубока;
Не широка ричушка, глубока.
Перевозу за ричушку нѣтъ;
Только ес(т)ь лодка не здисе,
Здисе легонькой одинъ стружокъ;
На стружкѣ сидитъ молодчикъ,
Радос(т)ь писенки одинъ поётъ.
Я на бе́режкѣ стояла,
Ручки къ сер(д)цу прижала́;
Прижала́ ручки къ сердечку,
Пала грудью на воду́.
На водѣ ричь говорила:
Я съ-по комъ жо, милой, тону:
Съ-по тибѣ ли, милой, съ-по сибѣ ли,
Съ-по любовѣ ли, миленькой, своей».

13.

(Не) Двѣ-те ли во полѣ да горюшочки горюютъ,—
Не мои-те ли дити о матерѣ плачутъ?
«Не плачьте-ко, милые дити;
Я поставлю вамъ новые хоромы,
Построю вамъ горницу тесову,
Навѣшаю двери дубовы,
Скую́, скую́ скобы золотые,
Возьму́, возьму мать молодую».
Дити отцу отвичали:
«Раскатись, наши новые хоромы,
Развалитесь-ко, двери дубовы,
Ростопись-ко, скоба золотая,—
Умри, умри, мать молодая,
Возстань, наша матушка родная,
Отъ доски, доски да гробовые.
Отъ земли-то да матери сырые!»

14.

Время важное наше проходитъ,
Отошли то наши веселы дни;
Всѣ-те денечики наши проходятъ,—
Быстры рички, рички протекли;
Быстры-те рички, рички протекали,
Со частыми съ ручейками;
Со частыми то было съ ручейками,
Со частыми-то было со мелкими—
Во темные́ во лѣса́.

Во лѣсочику красы не стало:
Съ древа лис(т)ьё опало́;
Съ древа лис(с)ьё-то лис(т)ьё пріопало,—
И вся гуляночка съ милымъ прошла,
И вся-та гуляночка съ милымъ проходитъ:
Мнѣ сказали про дружка милово,—
Не видатьсе мнѣ съ милымъ некогда́.
Я увидала дружка милово
Съ воскрисеньица вечеро́мъ—
У сосѣда-то было на бисѣдѣ.
Да люди баютъ-то про насъ, говорятъ,
И замичаютъ всѣ, на насъ гледятъ:
Любить дружка-то, дружка, не велятъ.
Не отстану то, любить дружка стану
До охотушки больше своіе
И до замужьица было своево,
До женитьбицы дружка своево
И до проклятово бабьёво житья.
Роспроклятоё житье ба́бьё заму́жьё,
Не хвали-ко тово житья нехто.
Росхорошое дѣвушкамъ житье:
Лягу я, высплюсь, дѣвушка, до-сы́та
Нагуляюсь, дѣвушка, до-люби.

15.

Гуляли красны дѣвицы во зѣленомъ саду,
Много видѣли вольныхъ пташицъ на кусту:
Съ куста на кус(т)ъ да перелетывали,
Почистехонько перепархивали;
Солеталисе да на единой кустичекъ,
Солеталисе да цѣлованье завели...
Цѣловалисе да миловались съ дружкомъ часъ.
У любезные да слезы катятсе изъ глазъ.

16.

Сохнётъ-венётъ
Въ полѣ травка безъ дождя
И не можетъ воздохнуть.
Когда дождичкомъ помочитъ,
Тогда травка воздохнетъ.
Со востоку-ту витерочку
Долго, долго дожидать,
Долго долго дожидатьсе
Любезново-то своево.
Было время веселбе,
Когда милъ меня любилъ;
Топерь миленькой покинулъ,
Знать, иную полюбилъ;
Меня, горькую злочас(т)ну,
Однемъ вздыхомъ наградилъ.
Сколько вздыховъ я вздыхала, —
Не одинъ вздыхъ не дошолъ;

Колько писёмъ я писала—
Онъ единово не читалъ;
Колько слезъ я пролевала—
Онъ на слезы не глядѣлъ.
Пойду-выйду я на крылечко,
Промо(л)влю словечко:
«Вы не дуйте-ко, вѣтры буйные,
И на мое подворьицо;
Не дивуйте, люди добры,
На меня на сироту,
На савдатськую жону».

17.

Дѣвка садичкомъ прошла,—
Словно цвѣтикъ росцвѣла;
Не могла цвѣту сорвать,
Нельзя алово поднять.
Парень цвѣтикъ сорывалъ—
Да отъ ума прочь отставалъ:
Любить дѣвокъ перестал.
Дѣвка въ садичёкъ зашла.
Да сибѣ волюшку нашла,
Да все безвольё прокляла:
—«Не моя-та воля была—
Да воля батюшкова,
Нѣга матушкина;
Гроза -милово дружка,
Иванушка-сокола».

18.

Ой дакъ наша волюшка,
Ой да воля вольная!
Эой доведетъ воля
Ой дакъ воля до неволюшки,
Эой дакъ до неволюшки, —
Эой дакъ службы-то царскіе,
О-охъ службы да государскіе,
Быть-то служить да Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому да Петру Первому.

(не окончена.)

19.

Поѣзжаетъ-то миленькой во дороженьку,
Не во дольную да во печальную.
Да воротись-ко, мой милой, со дороженьки!
Какъ не воротишьсе, дакъ мнѣ тошнешенько,
Потошняе-то мнѣ тово да умереть съ тоски.
Помереть съ тоски да мнѣ не хочитсе;
Моё сер(д)цё ретивоё не воротитсе;

Надорветсе сердечко, да слезно плачитсе,
Во слезахъ то ли дружка да (в)споминаючи;
Помяну то дружка да во икажной часъ.
Ужъ вы, лести, вы, лести дружка ласковые,
Вы, слова ли словеса дружка примитливые!
...Со восточную было со сторонушку
Пишётъ мой-отъ миленькой письмо-грамотку;
Не перомъ-то писалъ да не черпилами—
Пишётъ мой-отъ милой да горечьми слезьми,
Горечьми слезьми да горе-горькими:
«Не сиди ко, Дуня, да долго вечера,
Долго вечера да подъ окошечкомъ,
Ты не жди-ко, не жди да дружка милово.»

(Не докончена?)

20.

Ужъ ты Ду́нюша-Дуня́.
Да прежня любушка моя!
Не (в)здувай-ко, Дуня, огня,
Огня до бѣлово дня;
Що до бѣлово денька,
До красно́во совнышка,
Когда совнышко (в)зойдетъ
Да роса высохнетъ.
Передъ утряпной зарей
Дуня спать ложиласе.
Не хорошой Дунѣ сонъ
На зорѣ пригризну́се (пригрезился)
И не про батюшка Дунѣ сонъ,
Дунѣ не про матушку,
Да пригрезилсе Дунѣ сонъ,
Дунѣ про мила дружка,
Про мила дружка да про Иванушка.

21.

Дитинушка-та парень бѣло-бравый
Да дѣвушкинъ пріятель.
Изсушилъ то ли дѣвушкино сер(д)цо
Да зна-що понапрасно.
Я не знаю-то какъ жо дѣлу быти
Не могу забыти;
Я забыть то ли дружка не забуду,
А поминать не буду;
Я въ тепоръ-то ли дружка воспомяну
При большой розлукѣ.
При такой-то ли большой розлукѣ
Рѣдкоё свиданьё,
Съ миленькимъ рѣдкоё свиданьё
Да тошно розставаньё.
Совыканье то съ милымъ было тайное,
Розставаньицо было явное;

Совыкались то съ миленькимъ годочикъ
За одинъ часочикъ (Разставалисе одинъ часочикъ).
Меж(д)у лисичкомъ промежъ садочкомъ
Протекала ричка;
Течётъ ричушка, ричка не величка,
Не широка,-долга,
Не широкая ричушка,-глубока;
Перевозу нѣту;
Перевозу-ту за ричушку нѣту,—
(А) Ободти далеко.
Выходила-то дѣвица платье мыти,
А друга шла садочкомъ;
Що во этомъ-то было во садочкѣ
Стояла ребинка;
Стой, ребинушка, стой ты, не шатайсе,
Въ сушу не вдавайсе;
Ты живи-ко, моя любезная,
Живи не печальсе.

22.

Що (в)споилъ-(в)скормилъ батюшко,
Отдавала замужъ матушка
За проклятое замужьицо—
За сто верс(т)ъ да за тысичу,
За три волока дальніе,
За три церкви соборные.
Не велѣла мнѣ матушка
Не тужить да не плакати,
Да часто въ гости не гостити.
Я годокъ-отъ прогодовала,
Я другой-отъ прогорёвала;
На третьей-отъ на годичёкъ
Больно въ гости захотѣлось,
Больно мнѣ сгоревалосе,
Я по утру (в)стаю ранешенько,
Да умываюсь билешенько;
Пойду-выйду молодёшенька
Я на сини на новые,
Попрошу я, молодёшенька,
У воробышка перышка,
Я у ласточки-крылышка,
У кукушицы голосу,
Полечу я, молодешенька,
На родимую сторону.

(Не докончена)

23.

Осердиласе мачёха на пасынка—
Да на меня-то на красну дѣвицу:
Посылала-то въ лѣсъ по ягодки—
По черну ягодку-смородинку,
По красну ягодку-малинушку.
Ужъ я днемъ-то брала по солнышку,

Вечёро́мъ-то брала по мисецу,
Да не ково-то я не бояласе:
Да не звѣри́ново по́топу.
Да не змѣиново по́шипу:
Ужъ я столько опасаласе
Молодецково посвисту.
Затрещало да загикало,
Засвистало да загаркало:
Тутъ и ѣдуть два розбойничка,
Два ночные полуночничка.
Ужъ я пряталась-тулиласе
Подъ мо́сты кали́новы
Да подъ кусты роки́товы.
Туть наѣхали розбойнички:
—«Выходи-ко, красна дѣвушка,
Изъ подъ мо́сту калиново,
Изъ подъ куста рокетова».
Выходила жо, низко кланялась,
Низко кланяласе, здоровалась:
—«Ужъ вы здра(в)с(т)вуйте, мо́лодцы,
Вы съ которую сторону?
Вы поѣшьте моихъ ягодокъ—
Черны ягодки-смородинки,
Красны ягодки-малинушки!» —
—«Мы не для ягодъ пріѣхали:
По тебя, по красну дѣвушку:
Ты, пойдемъ-ко, красна дѣвушка,
Къ намъ на нашу-ту сторону.
У насъ на нашей-то сто́ронѣ
Красиво́ да и хо́рошо:
Двѣ церквы-те рядо́мъ стоять,
Двѣ рикі́-те рядомъ бѣжать».
— «У васъ на вашей-то сто́ронѣ
Не красиво́ и не хо́рошо:
Двѣ дюрьмы-те рядо́мъ стоятъ
Да двѣ змѣи-те рядо́мъ бѣжать».

24.

Зеленая роща || всю ночку шумѣла;—
Я млада-младенька || всю ночку не спала.
Всю ночку не спала - все сидѣла пряла,
Все сидѣла пряла,||къ сибѣ дружка ждала.
На́ѣхало троє||на вороныхъ коняхъ,
Бусари (sic: гусары?) съ усами||шапочки съ углами.
Мой-оть розлюбезной||бѣлой кудреватой
Бѣлой кудреватой| холос(т)ъ не жёнатой:
На коня садилсе,— конь подъ нимъ бодрилсе.
Плеточкою машётъ,- конь подъ нимъ заплашётъ;
По дорожкѣ и́детъ,[1] || дороженька сто́нитъ;

---

[1]) Ѣдетъ.

Къ ричкѣ подъѣзжаетъ,—ричка высыхаетъ.
Къ саду подъѣзждаетъ,—садикъ зеленѣетъ.
Во этомъ садочкѣ дѣвица гуляетъ,
Дѣвица гуляетъ,—платьицо аляётъ,
Платикомъ махаетъ.

25.

Молодая-та жёна да не въ любвѣ къ мужу пришла,
Не въ любвѣ-то къ мужу пришла да не въ согласьицѣ:
Денёкъ-отъ іе бранятъ да до полуночи пашну́.
Со полуночи молода да отворяла ворота;
Выпускали-то молоду да во чисто поле одну;
Становили-то молоду да бѣлою березою.
Подъѣзжаетъ ко мнѣ милой да на лошадкѣ-то соловой,
На лошадкѣ-то соловой да во коретѣ золотой—
Да онъ березки-те подсѣкатъ.
Въ первой разъ протюкнулъ,-кровь пробрызнула;
Другой-отъ разъ протюкнулъ—ричь гово́рила:
«Не сики-ко ты, мужъ, березки, - да я—жона твоя,
Листочки-те на мнѣ,—да наши дѣтоньки;
Пруточки-те на мнѣ,—то семейнички;
Кореньицо подо мной,—дакъ-то деверьица».

26.

Сидѣлъ Ваня-та, Ваня на деванѣ
Въ первомъ залѣ за столомъ;
Въ первомъ залѣ-то Ваня на деванѣ
Стаканъ рому налевалъ;
Не наливши-то Ваня съ полстакана,
Самъ за Катенькой послалъ.
—«Ты, душа-ли моя, радость Катюша,
Да объясняй свою любовь (2)
Я любилъ жо тебя, Катя, три года
Да я за кротос(т)ь, Катя, за твою;
Я топеречи мальчишко вольно—
Жить уѣду въ Питёнбурхъ.
Въ Питенбурхѣ тамъ трахтири вятски,—
Много денежокъ дѣвушкамъ прогулялъ.
Прогулявши я мальчикъ тысечъ двадцеть,
Остае́тсе рублей сто.
Я на этѣ на оставши деньги
Найму тройку лошадей».
Нанялъ троечку Ваня ямскую
Однопарныхъ коней вороныхъ.
Онъ по Питеру Ваня на тройкѣ
По за Питеру пѣшкомъ;
Онъ пѣшочикомъ, милой, посулилсе
На Покровъ въ деревню быть;
Покровъ праз(д)ничекъ праз(д)никъ на проходѣ—
Любезново-то дома нѣтъ.
Присылаетъ-то мнѣ миленькой записку—
Не велѣлъ Катѣ тоско́вать:
«Не тоскуй-ко, Катюша, да не торюй-ко;

Выйду на-весну домой;
Буду на́-весну домой по-лѣту
На самой сѣнокосъ.
Мы не будемъ съ Катей сѣнокосить,—
Будемъ по лужку гулять;
Будемъ по лужку съ Катей гулять
И разны писёнки запѣвать».
Долго съ-по лужку съ Катей ходили,
Много сѣна замочили.

27.

Соловей, ты соловей,
Да политн, мой соловей,
Да на ракитовой на кус(т)ъ.
Кабы кустичёкъ не милъ,
Да соловей гнѣзда не вилъ;
Кабы дѣвка не мила,—
Да не любилъ бы я тебя.
Цѣловалъ да миловалъ,
Да колечу́шкомъ дарова́лъ.
Серебря́но колечушко
Да бо́литъ-ностъ сердечушко
Подзолоченъ перстенекъ,—
Сушилъ-крушилъ паренёкъ.
Да далеко милой живетъ,
Онъ и далекимъ далеко—
На чужой на сторонѣ;
На чужой на сторонѣ,
Да во мату́шкѣ во Москвѣ.
Живетъ миленькой мой
Да будто хвалитсе мной:
—«Какъ у моіе милые
Ес(т)ь три ленты дорогіе:
Перва лента алая,—
То дѣвица бравая,
Дру́гая зелёная—
Да дивица хвалёная,
Третья лента синяя—
Жи́во се́р(д)цо выняла;
Четвертая золота́я -
То печаль несносная,
Пята лента со кис(т)ьми,
Идетъ милой со вис(т)ьми,
Несетъ милой вѣсточку
Да шелковую плёточку.
Я плеточки не боюсь
Да дружку въ ножки поклонюсь;
Подойду къ нему поближе,
Поклонюсь ему пониже;
Я за то ему пониже —
Разудала голова.
Милъ ударилъ дѣвицу
Да по бѣлому по лицу (2)
Да по румяной по щёкѣ,

По жемчужной исерьгѣ.
У дивицы изъ лица
Да выступали румянцá;
Изъ іе ясныхъ очей
Да протекалъ жо слезъ ручей;
Изъ жемчужны исерги
Да вылетали всѣ замки.
Вы замóчки-зáмочки,
Да зачѣмъ худо скованы,
Да не крѣпко припояны!

28.

Я на кáмешокъ ступила,
Чивирочикъ подломила.
Чивирочикъ невеликъ.
Да мнѣ-ка батюшко купилъ; (2)
Да милой денежки платилъ.
«Ужъ ты, милой-перемилой,
Милой-ягода моя (2)
Да ставай противъ меня (2)
Да не гляди все на меня».
-- «Я не радъ бы на тебя глядить
Да все глаза мои глядятъ (2)
Да полюбить вѣрно хотятъ,
Тебя надо полюбить,--
Да баско-щегольно ходить:
На бѣлую грудь цѣпочка,
На шеюшку жемчужокъ (2)
Да на рученьку перстенекъ».

29.

Що ты, воронъ, що ты, черной,
Що ты вьешьсе надо мной?
Що ты вьешьсе, въ руки не даешься,
Черной воронъ, я не твой!
Лети, воронъ, на мою сторонку,
Скажи маменькѣ поклонъ:
Да я женилсе на другой;—
Пожонила-то меня молодца
Да пуля быстра, сабля востра,
Уложила меня молодца
Да отъ матушки, отъ отца,
Да въ чистомъ полѣ подъ кустомъ.

30.

За трáвою,
Въ чистомъ-то полѣ было за мурáвою

Травка венётъ-то, ро́стетъ, нациляитсе [1]),
По чистому-ту полю розстилаитсе;—
Не по мнѣ ли мой милой да сокрушаитсе.
Сокрушила-то парня да мила дѣвушка,
Мила дѣвушка, душа Овдотьюшка.
(В)стань-ко, Дуня, пробудись, Овдотьюшка:
Я не воръ-отъ пришолъ да не разбойничекъ—
Старой-прежней Дунинъ сполюбовничекъ.

31.

Вились-то вились у доброво мо́лодца русые кудри,
Не довились кудерышка,
Стали развиватьсе:
Заслышали кудерышка
Надъ собой не(в)згоду,
Про не(в)згодушку большую,
Про́ больню савдатьс(т)во.
Быть-то, быть добру молодцу,
Быть мнѣ да во савдатахъ
Служить-то, служить мнѣ добру молодцу,
Служить государю,
Стоеть-то, стоеть добру молодцу,
Стоеть въ каравулѣ.
Отъ ружья-то оружья да военново
Ручки-те прищипало
Отъ . . . .
Ножки-те позно́било.
Я сбѣжу-то, сбѣжу, доброй молодецъ
Да сбѣжу съ каравулу.
Темнымъ лѣсомъ-то шолъ,—
Да весь я оборвалсе;
Черезъ ричку-ту брелъ,—
Да весь я посмочилсе...
Я пришолъ-то, пришолъ, доброй молодецъ,
Да къ отцу къ матушкѣ,
Пришолъ да подъ окошко;
Вотъ пришолъ-то. пришолъ
Да самъ я постучалсе.
«Ты пусти-ко. пусти. родной батюшко,
Пусти да обогритьсе (обогрѣться)!
Пусти-ко. пусти. родная матушка,
Пусти обсушитьсе!»
— «Поди-ко поди, наше дитятко,
Поди-ко въ чисто поле:
(В)зойдеть-то (в)зойдеть да красно
солнышко
(В)зойдеть, —обогріетъ
Пріобсушатъ-то тебя, доброво молодца,

[1]) Наполняется, становится полнѣе, цѣлѣе, зрѣлѣе.

Да буйные вѣтры!»
Я пошолъ-то, пошолъ, доброй молодецъ,
Да самъ заплакалъ.

32.

Мнѣ начепну ноченьку
Да мнѣ малешенько спалось
Да много вó снѣ видялось.
Да привидалсе то доброму молодцу
Да сонъ-отъ очень не хорошъ:
Да будто-ли доброво молодца
Да доброй конь-отъ меня рознесъ,
Доброй-отъ конь да вороненькой,
Да подъ новымъ-то было ковромъ, (2)
Да подъ чернымъ-то было сѣдломъ.
Да выпадалъ жо доброй молодецъ
Изъ чернóво изъ сѣдла;
Свалиласе шляпочка
Со буйные-то головы;
Выпадала-то плёточка
Изъ правые-то изъ руки.
Видно мнѣ-ка то, доброму молодцу,
Во савдатахъ сей годъ быть [1])
Да Царю Бѣлому служить.
А моей молодой жонѣ
Вѣкъ савдаткой-то вдовой слыть;
Моимъ милымъ дѣтонькамъ
Вѣкъ сиротками сиротать;
А моему-то родному батюшку
Да вѣкъ роботка роботать,
Моей родной-то матушкѣ
Да вѣкъ свой плакать-то горевать.
Не плачь-ко—не плачь, матушка,
Часъ топеречи при мнѣ;
Наплачишьсе, маменька,
Да послѣ, послѣ безъ меня,
Да безъ любимово сынá;
Да когда добрые молодцы
На гуляньицо пойдутъ,
На гуляньицѣ добрые молодцы
Весёлые писенки запоютъ.
(Ты тогда-то, маменька, вспомянешь и меня).

(Не докончена).

33.

Чуть зорюшка-та зоря занялась;
Во полюшкѣ видно.
Во походъ пошли совдаты,
Чуть шапоньки видно.

---

[1]) *Варіантъ.* Во печалѣ сей годъ быть
Да во такой большой печалѣ.

Онѣ йдутъ-то по большой дорожкѣ,
Назадъ оглянулись.
Що назадъ-то савдаты оглянулись
Да домы помянули:
«Остаютсе-то наши домы
Да молодые жо́ны,
Остаютсе-то у жонъ дити
Да горькі́е сиротки;
Остаетсе-то старикъ старой
Да съ золотой казною,
Остаетсе-то конь воро́ной
Да съ золотой уздою.
Не хотѣлось-то мнѣ бѣдному совдату
Съ горя померети».
Помёръ-то, помёръ нашъ бѣдненькой совдатикъ
По утру ранненько.
«Вечеромъ позд(н)енько
Мы доложимтесь-ко, братцы,
Къ этому-жо тѣлу
Да ужъ мы сдѣлаёмъ гробницу
Выроемъ могилу».
Коня-то ведутъ, тѣло везутъ;
Конь головку клонитъ.
«Не клони-ко ты, конь, головки,
Не печаль ты вдовки».

34.

Сидѣлъ воронъ на березѣ,—
Кричалъ воинъ на войну.
«Пропадай, моя дивчонко,
Въ чужой дальной сторонѣ!»
«Ты зачѣмъ, мое мальчишко.
Съ своей родины сбѣжалъ?
Нековo ты не спросилсе,
Кромѣ сер(д)ца своево?»
—«Прежде жилъ я, мальчикъ, веселилсе,
Возымѣлъ свой капиталъ;
Капиталъ я, мальчикъ, промоталъ,
Во неволю жить попалъ.
Трудно, трудно жить, братцы. въ неволѣ
Нехто не знаетъ про іе;
За стѣнами насъ не видно,—
Каково мы здись живемъ;
Богъ твори небесно съ нами
Ужъ мы здѣсь не пропадемъ.
Свѣтъ небесной восіяётъ,
Изъ-за горъ-то сонцо (в)зойдетъ;
Изъ-за горъ-то совнышко выходитъ,
Мисецъ свителъ западетъ;
Мисецъ свителъ западаетъ,
Барабанъ зарю пробьетъ;
Барабанъ-отъ зорю пробиваётъ,

Ундеръ съ требою идетъ,
Насъ по требѣ вызываютъ:
Собиратьсе въ судъ велятъ.
Ужъ мы всѣ засуетились,
За котомочки взялись (2)
Да мы отправилисе въ путь,
Мы до рички-то доходили,—
Перевозы все малы,
«Ты безсчас(т)ной перевощикъ!
Насъ постритили враги (2),
Середи бѣло́во дни.
Какъ изъ пушечёкъ палили,—
Ровно грозна туча шла;
Какъ изъ мелкихъ изъ оружей,—
Ровно вешней грядъ лититъ».

(Не докончена).

35.

Що было на го́рушкѣ,
Было на горѣ,
На прикрутенькой,
Было на такой
Тутъ стояла
Да матушка-Москва,
Городомъ славна
И всѣмъ губернямъ
Москва красота.
Все по той-то Москвѣ
Да енералъ гулялъ (2)
Да Москву продавалъ
Онъ французькому
Да шельмѣ-королю,
За три бочечки
Да сороковочки.
Въ первой бочечкѣ
Да бѣло се́ребро,
Въ другой бочечкѣ
Да красно золото,
Въ третьей бочечкѣ
Да жовтенькой песокъ.
«Ты не хвались-ко, воръ-французъ,
Да своимъ славнымъ Парижо́мъ:
Ес(т)ь у Бѣлово-Царя
Пославняе города (2)
Славной Питёръ и Москва».

(Не докончена).

36.

Какъ во славномъ-то было
Городѣ, во Астраханѣ,
Да поевилсе, поселилсе

Тутъ нежданой человѣкъ.
Баско-щепетно по городу
Похаживаётъ,
Чёрнобархатной кафтанъ
Да на распашечку ёво таскалъ,
Изорваньской кушачёкъ
Да во правой ёво рукѣ,
Бѣлы лайковы перстянки
На бѣлыхъ ёво рукахъ,
Що зелёнъ-сафьянъ сапожки
На рѣзвыхъ ёво ногахъ,
Да черна шляпа съ прозументомъ.
На жолтыхъ ёво кудряхъ.
Онъ изъ штабу енералушкамъ
Не кланеитсе.
Що астраханскому-ту губернатору
Да онъ челомъ-то ему не бьетъ,
Що челомъ-то онъ ему не бьетъ
Да и подъ судъ къ ему не йдетъ.
Да выходилъ-то губернаторъ
На паратноё крыльцо,
Да говорилъ-то губернаторъ
Зычнымъ голосомъ своимъ:
«Ужъ вы, слуги, мои слуги,
Слуги вѣрные мои!
Вы сходите, приведите
Удалово молодца!»
Исходили ево слуги
Всѣ дороженьки-пути;
Находили ёво слуги
Во царевомъ кабакѣ;
Приводили ёво слуги
Да на широкой полой дворъ,
Выходилъ тутъ губернаторъ
Да на паратноё крыльцо,
Да говорилъ тутъ губернаторъ
Зычнымъ голосомъ своимъ:
«Ужъ ты чей, скажись, дитинушка,
Нежданной молодецъ!»
—«Я не со Дону казакъ
Да не казаческой сынъ,
Да я со Камы со рики
Да С(т)еньки-Разина сынъ;
Да що не мой-отъ ли родимой батюшко
Да скоро въ гости къ вамъ придетъ,—
Да вы умійте гостя стритить,
Да умійте чес(т)ь ему воздать».

(Дер. Харитониха.)

37.

Сидѣла же Катенька
Въ новой горенкѣ одна,
Шила - вышивала

Тонки бѣлы рукава;
Шила, не дошила,
Пошла татенькѣ казать.
«Родимой мой татенька,
Посмотри-ко шитьица!»
—«Дочь ли, моя Катенька,
Не отдамъ тебя замужъ»
. . . .
«Дочь ли, моя Катенька,
Запишисе въ маластырь».
— «Родимой мой татенька,
Молода я въ маластырь.
Тамъ живутъ манашики,
Зелёное вино пьютъ:
Пьяна я напьюсь,—
Со всѣми роздерусь;
Со старыхъ монашичковъ
Чёрны ризы оборву,
А молодыхъ манашичковъ
Въ стыдъ безчес(т)ье приведу».
Сваталсе ко Катенькѣ
Изъ-за за моря жонихъ,
Сказывалъ, розсказывалъ
Про свое богатис(т)во:
«Ес(т)ь у мня, у молодца,
Сорокъ тысечъ караблей;
Всѣ мои караблички
По синю морю идутъ»
Думала-подумала, —
«Я за этово нейду!»
Сваталсе ко Катенькѣ
Изъ-за Питёра жёнихъ.
Сказывалъ-разсказывалъ
Про свое богатис(т)во:
«Ес(т)ь у мня, у молодца,
Семь губерёнъ на рукахъ»(т. е. подъ управленіемъ)
Думала подумала,—
«Я за этово нейду».
Сваталсе ко Катенькѣ
Изъ трахтири музыкантъ,
Сказывалъ— розказывалъ
Про свое богатис(т)во:
«Ес(т)ь у мня, у молодца,
И скрыпка и гудокъ»
Думала- подумала,—
«За этово пойду:
Хоть сыта я, не сыта,-
За всегда я весела:
Выйду на крылечко—
Музыкантова жона».

38.

Що на крышѣ-то сидитъ воробей
Да самъ сидитъ, чувыркатъ,

Изъ окошечка было, изъ дверей
Да портной дѣвку кличётъ:
«Выйди, дѣвушка, выйди, цвѣтъ,
Со мной-то розгулятьсе;
Вашей маменьки дома нѣтъ:
Нéково бояться».
На шабашъ портной работы
Да вышёлъ за ворота.
Проходя-то Кузнецкой Мос(т)ъ,
Тутъ сейчасъ налѣво,
Изъ мѣщаньскихъ-то было изъ воротъ
Выходила дѣва;
Выходила-то дѣва-дивчонышко
Въ аленькомъ капотѣ;
Она въ аленькомъ капотѣ
По своей охотѣ.
«Пóзволь, позволь, моя сударóни,
Мнѣ васъ проводити».—
—«Я-то не слѣпа, дѣвушка, не глупа
Путь дорожку вижу».
Пóртной смѣло къ дѣвкѣ подступаетъ
Дѣвушка сминилась (смѣнилась)
(стихъ пропущенъ)
Домой покатилась.
У Трахмарьськихъ (?) то было у воротъ
Съ портнымъ очудилась.

39.

У нáшёво сосѣда
Весела была бисѣда,
Очень хороша.
Мнѣ случилосе идти
Да я не могъ іе продти.—
Сталъ да постоялъ.
У окошка сталъ, послушалъ,
У воротъ постукалсе
Có опаснос(т)ью, со великою.
Дѣвки бросились въ окно
Да говорили за окно:
«Съ кѣмъ ты тутъ стоишь?
Да съ кѣмъ ты говоришь»?
Я сказалсе, що одинъ,
Да ко воротамъ проходилъ:
Дѣвки отперлй
Да мéня пустилй.
Я въ бисѣдушку зашолъ,
Да все весельицо нашолъ.
Веселитьсе сталъ,
Забавлятисе.
Стало молодцу обидно:
Одной дѣвушки не видно.

Гля которой шолъ,
Гля которой брёлъ,
Призамешкалсе маленько,—
Вышла дѣвушка скоренько:
Личикомъ баска,
Ростомъ небольша́.
Я по прежней по любовѣ
Началъ шуточку шутить,
За́игрывати.
Дѣвка шутки не (в)злюбила,
Молодца въ стыдъ приводила,
Начала ругать,
Всяко вызывать:
«Отойди, дуракъ-дитина,
Не твоя тонерь дивица (дивчина)
Ты вѣдь просміешь:
Ты програ́ешь [1])—просміешь
Меня за мужъ не возьмешь:
Куды я пойду,
Куды побреду?»

40.

Хошь розрѣжьте мое тѣло,—
Я не знаю про то дѣло,
Я не вѣдаю,—
Съ кѣмъ обѣдаю.
Только знаю, молода,
Що возлѣ рощу шла одна,
Все бояласе, опасаласе;
Оглануласе назадь,—
Идеть партія савдатъ:
Вéлять постоять.
«Постой, Катенька-Катя;
Скажи,—гдѣ жо ты была,
Гдѣ жо гуляла;
Постой, Катенька хороша,
На́ тибѣ мои два гроша,
Пожалой отдать:
Не отдашь ты этѣхъ денёгъ,—
Полюблю за ричкой дѣвокъ:
Тибѣ будетъ жаль,—
Станешь тосковать».
. . . .

(Вѣроятно, пропускъ),

Нашли Катеньку въ Москвѣ
Да на золѣзной на доскѣ,
За рѣшоткою, за золѣзною.
За рѣшоткой, за дверьми,
Да висятъ плети со кис(т)ьми,—

[1]) *Граеть*, -аю,-ешь.насмѣхаться, издѣваться

Да то на насъ жоны́,
Бить излажёны.

41.

Посылала-то Ваню мать
Да яровово жита жать:
«Поди-ко, Ваня, зажни»
Ва́нюша тропочкой пошолъ
Своей-то полосоньки не нашолъ,
Началъ чужую жать.
Жалъ-то ли Ва́нюшка-Ваня, не жалъ,
Да единой-отъ снопичёкъ нажалъ:
Съ любезною простоялъ.
Що пришолъ то ли Ва́нюша до́мой—
Да дома-то бранятъ.
Отецъ, маменька бранятсе,
Всѣ семейнички у мня сердя́тсе,—
Що-то мало нажалъ.
Не стерпѣлъ-то Ваню́ша этой муки—
Онъ обрѣзалъ-то серпомъ руки,
Урѣзная кровь пошла.
Завязалъ-то Ваня́ ручку платочкомъ
Все-то нѣмецкимъ Ваня узолочкомъ:
Уймись, урѣзна кровь.
Да бѣжалъ Ва́нюша, Ваня торопилсе;
Калинъ мостикъ-отъ подломилсе:
Тутъ-то Ванѣ бѣда.
Що бѣдушка-та эта—не бѣда:
Бѣжитъ-то изъ-подъ мосту вода,
Не знаю самъ,—куда.
Бѣжитъ ричка-та ричка по песку
Во матушку во Москву:
Беретъ (гонитъ?) Ваню́ въ тоску.

(Вѣроятно, не закончена)

42.

Тоску—въ Москву да горе—въ Вологду!
Пойду съ горя́ въ чисто́ поле.
Въ чисто́мъ полѣ ростетъ трава,—
Ростетъ трава шелковая;
Цвѣтутъ цвѣты лазуревы.
Сорву цвѣтокъ да я совью вѣнокъ,
Я совью вѣнокъ да милому дружку,
Милому дружку да на головушку,
Сердечному да на русы́ кудри.
„Ты носи-ко, милой, да не, сра́нивай:
Люби-ко меня да не спокидай“.
Покуль любилъ—присчес(т)ливой былъ
Да любить о́сталъ—несчас(т)ной сталъ,
Несчас(т)ной сталъ, въ тюрьму попалъ.
Въ тюрьмѣ сѣжу да въ окно гляжу,
Въ окно гляжу да росхорошей жду:

Пейдетъ-ли моя да росхорошая,
Не зглянетъ-ли да на мое окно,
Не промо(л)витъ ли со мной словечика,
Не сыметъ-ли съ руки колечика,
Не обрадуетъ-ли у мня сердечика.

43.

Шёлъ Ванюшенька долинóю,
Шёлъ вечóрною зорею,
Утрянной росой.
Шла Машéнечкá изъ садочку
Несла въ ручкахъ два вѣночка
Сама говорила, пастушка бранила:
«Ужъ ты, пастухъ-ли, пастушочикъ,
Здра(в)с(т)вуй миленькой дружочикъ,
. . . .
Скотинка почти, стадо стерегчи»!—
—«Благодарствуйте, дивица,
Моему стаду брусница;
Пóгоняй домой, къ жёнѣ молодой.
Ты жёна, моя жёнушка,
Ты, моско(в)ськая рожденка,
Не жди начевать: я пошелъ гулять.
У насъ въ Питерѣ—базарѣ
Дарятъ дѣвокъ башмачками,
Аршинъ кумачу,—люблю, какъ хочу».
—«Я изъ этово аршину,
Я изъ этово больщово
Сарафанъ сошью, сбористо сберу,
И сбори́сто-леванти́стой
Алой лентой обложу.
Я во этомъ сарафанѣ
На базаръ пойду, (2)
Милово найду».

44.

Отдаютъ-то меня младу
Да на чужую сторону́,—
На чужую сторону́
Да во большую деревню́,
Во большую деревню
Да що во ма́леньку семью́.
Ещо маленька семейка:
Свекаръ да свекровка (2?)
Да чётыре деверька,
Що чётыре деверька
Да три золовушки, (2)
Да двѣ-те тетушки.
Отъ винца *) младу везутъ
Ie за дочку (в)стричеютъ;—
Още свекоръ говоритъ:
«Дакъ вонъ мидвидицу ведутъ»!
Що свекровка говоритъ:
«Да лютондицу въ домъ;»

*) Отъ вѣнца, послѣ вѣнчанья

Деверья говорятъ:
«Не роботницу въ домъ:
Золовки говорятъ:
«Не точею *)—не предею»;
Ещо тетки говорятъ:
«Роззоридомку ведутъ!»
Дакъ шесть нидиленёкъ прошло
Да говорить стало мошно́: (можно)
«Що ты, батюшко!
Мидвидицы-те въ лисѣ;
Що ты, матушка,
Да лютоидицы въ берлогѣ!
Да вы, деверья—соколы́,
Да каковы ваши жёны́?
Да вы, золовушки,
Да колотовушки!
Въ чужи люди выйдите
Дакъ меня хуже будите.
Ужъ вы, тетушки,
Да стары дѣвушки!
Вы сидите на печѣ
Да не указывайте мнѣ!»
Моя лада милая
На полатяхъ онъ лежитъ (2)
Да искося глаза гледитъ.
«Хошь косись, хошь не косись,—
Я не больно тя боюсь!»
Мужъ съ полатей соскочилъ
Да шёлковую плеть схватилъ (2)
Да мое тѣлъ освербилъ.
Я поправилась сама
Да за русы кудри взяла (2)
Да мужа къ полу пригнела:
«Ты живи-ко, мужъ, потише,
Жёнѣ кланейсе пониже!»
Ой, калина да ой, малина

45

Що за годъ такой, да за народъ лихой!
Не датутъ-то намъ съ милымъ любя пожить;
Во любѣ пожить да во согласьицѣ.
Правожала-то ёво, дружка милово
Отъ Любимова было до Данилова,
До заставушки было ярослав(л)cькіе.
На заставушкѣ съ милымъ разставалисе,
Крѣпко-лѣпко съ любезнымъ цѣловалисе,
Оба слезами съ любезнымъ обливалисе.
Тому люди-те люди сдивовалисе:
«Это що жо, братцы, да не за парочка?
Що не братъ-отъ съ сестрой,
Да и не мужъ съ жёной (2)

---

*) Не ткачиху

Удалой молодецъ да съ красной дѣвушкой!“
Онъ наказички милой наказывалъ,
Крѣпко-лѣпко хорошей приговаривалъ.
Я наказичку ёво мало слушала
Мало слушала—вовсе не послушала,
Назвала то ёво да все биздильничкомъ (бездѣльничкомъ)
«Бездильничёкъ, дружокъ, горька пьяница,
Горька пьяница да не порядошна!
Ты зачѣмъ жо до-пьяна напиваишьсе,
Мною, дѣвушкой глупой, похваляишьсе?»

46.

Сколь я счéстлива насвитѣ родилась,
Розбесчас(т)на по любовѣ изошла;—
Я влюбиласе въ таково-то молодца,
Я въ таково-то Ярославчика бравово.
Ярославецъ-отъ, воръ, измучилъ, изсушилъ,
Меня, горькую, на вики-те погубилъ!
Онъ заставилъ вѣкъ во дѣвушкахъ сидить,
Приневолилъ да худу славушку терпить.
Худа славушка не очень-то хороша,—
Да доведетъ-то дѣвку гуляньицо до конца.

47.

На улицѣ витеръ да погода,
Въ чистомъ полюшкѣ сильная вьюгá;
Призадуло-то всѣ пути—дорожки,
Намъ не видно изъ-за лѣсу села.
Да нечево то мúлово не дёржитъ:
Не погода милово, не вьюга,
Да не осенніе мелкіе дожди.
Жила я съ миленькимъ дружкомъ съ поугода,
Съ роднымъ батюшкомъ жила двадцеть лѣтъ;—
Не видала не горя не мученья.
Какъ-то связалась съ тобою, съ дуракомъ;
Да я связалась, немножко посгулялась,
Со своихъ-то со глупыхъ малыхъ лѣтъ;
Да лѣтъ я семнадцати, дѣвушка, не болѣ
За гуляночкой по-рано пошла.

48.

Я у батюшка одна дочерь была,
У родимово двадцать три года жила;
Въ три я года три я горя нажила:
Перво горюшко—вышла замужъ молода,
Друго горюшко—мужъ удала голова,
Третье горе—мужъ не держитсе не дому, не меня;
Столько держитсе чужіе стороны,
Распрокляты чужи мужьіе жёны.
Чужая-та жёна—какъ лебедка бѣлая,
А своя-то жёна—какъ крапива жёгуча.

49.

(Да) Гуляй-гуляй, дѣвица,
(Да) Покуль своя волюшка, (2)
Не крыта головушка:
Покроютъ головушку,—
Мужъ отымётъ волюшку,
Вся минуетсе гульба, (2)
Вся-та и дивья красота (2).
Розсержусь на маменьку,—
Семь лѣтъ въ гости-те не зайду,
Да на восьмое литичко
Птичкой-пташкой приличу (2);
Сяду я на яблонью,
Да на весело прутьицо;
Да запою я писёнку
Да розвеселую ему (2) –
Да своему родителю.

50.

Головка болитъ...
Отчёво-то болитъ да головушка,—
Не знаю какъ быть!
Своёво дружка любёзново
Не могу забыть,
Куды съ горюшка я нé пойду—
Да все горé со мной;
Кому про горюшко я нé скажу—
Да всѣ журя́тъ-бранятъ;
Да журятъ-бра́нятъ красну дѣвушку
Да всѣ плакать велятъ:
«Ты поплачь-ко, красна дѣвушка,
Да о своемъ горѣ;
О великомъ большомъ горюшкѣ,
Да спо миломъ дружкѣ».
Осердилась красна дѣвушка
Да на мила дружка,
На мила дружка сердечново
Да все на три года;
На четвертой-отъ на годичёкъ
Да словечко скажу;
Я скажу дружку словечко
Да жёнитьсé велю.
«Ты жёнись-ко жёнись, молодецъ,
Да жёнись, удалой;
Бери-ко да возьми дѣвушку
Да кою я велю;
Которую велю дѣвушку
Да подружку́ свою,
Свою милую подруженьку
Да сестру малую»!
Да за рѣкой-то было за ричушкой
Да на той сто́ронѣ (2?)
Слобода стоитъ;

Во этой-то во слободушкѣ
Да рощица́ шумитъ;
Изъ-подъ этой мелкой рощицы
Да ричушка́ бѣжитъ;
Черезъ эту быстру ричушку
Да калинъ мос(т)ъ лежитъ,
По этому-ту по мосточику
Да корета́ бѣжитъ;
Во э́той во коретушкѣ
Да дѣвица сидитъ.

51.

Не цвѣтите-ко въ полѣ алые цвѣты,
Вы не пойте-ко, розвеселые въ саду соловьи!
Времечко,—солнышко изъ-за лѣсу свититъ...
«Полно-ко, дѣвушка, спо миленькомъ тужить!»—
«Ещо какъ жё мнѣ не плакать, дѣвущкѣ, не тужить:
Да таково дружка на свитѣ не нажить»
Розмолодчики молоденьки, дружки мои!
Ваши-те ласковы да пріятные ко сер(д)цу слова
Безъ огни-то мое сердечко розожгли,
Безъ вѣтру-ту мои мысли съ думушкой рознесли;
Рознесли-то мысли вдоль по чистымъ по ши́рокимъ полямъ,
Вдоль по зе́ленымъ, зеленымъ лугамъ.
Кто жё бы дѣвушкѣ горюшку помогъ да пособилъ,
Да моёво-то дружка въ савдатики дружка замѣнилъ,
Назадь со дороженьки дружка воротилъ?
«Воротись-ко, простись, другъ сердечной, душечка, назадъ,
Нагледитесь-ко, очи ясные на дружка въ запасъ,
Що бы не ныло не болѣло сердеченько въ кажной часъ».
Я сидѣла же въ новой горенкѣ дѣвушка одна,
Навалиласе бѣлой грудью на окно,
Я ронила слезы горькіе за окно,
Я гледѣла во чисто полюшко за лѣсъ далеко.

52.

Свититъ со(л)нцо, свититъ мисецъ,
Свититъ бѣлая зоря (2)
Противъ Сашина двора
Къ Сашѣ Васенька идетъ,
Про Сашу ричи говоритъ,
У калиточки стучитъ;
Да моя Саша крѣпко спитъ.
«Какъ те, Сашенька не стыдно
До бѣлые зори спать?»
—«Що тибѣ милъ постыдные
До полуночи гулять!
Пора милому жёнитьсе
Обрученная брать.
Милой сватомъ засылать,—
Мое сердечко запывать;
Тибѣ сватальной денекъ,—
Да мнѣ тесовой новой гробъ;

Ко винцу васъ повезутъ
Да меня слѣдомъ понесутъ;
На тебя винцы положатъ,—
Надо мной свичи зажгутъ;
(В) Кругъ налою поведутъ,—
Да надо мной попы поютъ;
Отъ винца тя поведутъ,—
Мнѣ отходну запоютъ;
Тебя съ бракомъ проздравляютъ,—
Меня въ землю опущаютъ;
Тебя дома-то (в)стричаютъ,—
Меня черви источаютъ;
На подклѣтъ *) васъ поведутъ,—
Да мнѣ-ка муку зададутъ».
(Да этой писенкѣ конецъ
Да кто узналъ, тотъ молодецъ)

Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Лёли́, лели́, лели́. съ повто-
реніемъ второго стиха

53.

Маленькой мальчишко въ горенкѣ сидѣлъ,
Въ горенкѣ сидѣлъ, самъ свое горе терпѣлъ.
Сушитъ-крушитъ сердечко,—знаю для чёво,
Знаю для чево,—для любезные своіе.
Гдѣ моя любезная, подалеку она живетъ,
Далекимъ-далеко, все близъ горъ высоко.
Кабы сизо крыльицо, слеталъ бы ко ней.
Слеталъ бы, провѣдалъ, спросилъ бы самъ у ней:
«Скажи, моя любушка, любишь, али нѣтъ?
Ежели ты любишь,—возьму я замужъ за себя;
Ежели не любишь,—убью я самъ да себя.
Самъ себя убью, во сыру землю уйду.
Засыплись, могилушка, желтенькимъ пескомъ
Заростай, могилушка, травкой муравой».

54.

Чернобровой, черноглазой милой мой,
Да неразлучная любовь у насъ съ тобой,
(В)спомни, (в)спомни: вмистѣ гуливали,
На зеленыхъ лужкахъ сѣживали;
Говорилъ милой заклятскіе слова,—
Столько слышали прекрасные древа.
Я со тѣхъ жё древъ и яблочки рвала,
Я рвала, рвала,—милово дарила.

55.

Маменька, мнѣ тошно,
Государыня боярыня, печально!

*) Брачное ложе.

Ужъ я сроду такая не бывала,—
Да печаль—тоска да одоляла;
Одоляла тоска да одолила;
Да всю я темную ноченьку не спала (2):
Да у тесовые кроватки простояла,
Соболинное одіялышко да продержала,—
Да милово дружка да дожидалась;
Дожидаласе дружка да (не) дождалась.

56.

Ты пчёла ли наша пчёлушка,
Высоко пчёла сполетывала,
Да ко сырой землѣ припадывала,
Ко травонькѣ, ко муравонькѣ,
Ко цвѣточкамъ ко лазуревымъ,—
Да ко душамъ ко краснымъ дѣвицамъ (2)
„Вы прощайте, красны дѣвицы,
Вы прощайте-ко, красавицы!“

57.

По частому-ту было да по березничку,
По мелкому да было по осинничку
Тутъ ходилъ-то гулялъ да вороной конь.
Золоту-ту узду да поизорвалъ,
Шелковой-отъ поводъ да затопталъ въ грезь,
Во грезѣ то конь-отъ да умаралсе весь.

Черниговскіе Малороссы.

Бытъ и пѣсни населенія

Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи.

(Этнографическій очеркъ *)

СОДЕРЖАНІЕ.

Географическое положеніе описываемой мѣстности. Преданія и историческія извѣстія о ней. Одежда населенія. Пѣсни. «Обжинки». Свадебные обряды и пѣсни. Крестины. Колядки и щедрівки. «Царь-Максимиліанъ».

«Засіванье». Дѣтскія побасенки. Лирники и ихъ пѣсни. Масленица. Весеннія игры и пѣсни. Примѣты, заговоры и суевѣрія. Заключеніе.

Малороссы Глуховскаго уѣзда, самаго восточнаго уѣзда Черниговской губ., представляютъ несомнѣнный интересъ для изслѣдователя народнаго быта. Соприкасаясь съ великоруссами Орловской и Курской губ., а также съ бѣлоруссами Новгородсѣверскаго уѣзда, населеніе даннаго раіона имѣетъ немало любопытныхъ особенностей и въ языкѣ и въ обычаяхъ.

Изъ мѣстныхъ поселеній я буду имѣть въ виду, при описаніи малороссовъ Глуховскаго уѣзда, преимущественно жителей уже упомянутаго мною мѣстечка Воронежа.

Мѣстечко Воронежъ (родина извѣстнаго писателя П. А. Кулиша)— очень древнее поселеніе. Преданіе говоритъ, что оно древнѣе губернскаго города Воронежа. Въ этой мѣстности издревле былъ густой лѣсъ, остатки котораго сохраняются и понынѣ; въ лѣсу водилось много вороньá, отъ этого, будто-бы, и мѣстечко получило свое названіе: Воронежъ?

Во второй половинѣ XVII вѣка мѣстечко было выжжено до тла и жители обнищали настолько, что не могли выплачивать пода-

---

*) Матеріаломъ для настоящей статьи послужили мои личныя наблюденія надъ жизнью населенія Глуховскаго уѣзда, главнымъ образомъ,—мѣстечка Воронежа, знакомаго мнѣ съ дѣтства. Кромѣ того значительное число пѣсенъ доставлено мнѣ М. С. Абрамовымъ, сельскимъ учителемъ с. Блистовы Черниг. г. Пѣсни записаны имъ отъ жительницъ мѣстечка Воронежа Черниг. г. М. С. Абрамовой, Е. Е. Власовой, А. П. Кесарь, М. Е. Павукъ и др.

тей, поэтому они были освобождены на 10 лѣтъ отъ всякихъ повинностей.

Съ тѣхъ поръ мѣстечко нѣсколько разъ выгорало и перестраивалось, но характеръ древняго поселенія оно сохранило и донынѣ, центръ его значительно приподнятъ подъ окружающей мѣстностью и обнесенъ хорошо сохранившимся значительнымъ валомъ: въ этомъ кремлѣ помѣщается теперь главная церковь и базаръ.

Въ періодъ войны со шведами, Воронежъ видѣлъ на своихъ улицахъ Петра Великаго, о чемъ свидѣтельствуетъ историкъ Костомаровъ: «Петръ получилъ извѣстіе о взятіи Батурина, находясь уже въ Воронежѣ. Нынѣ большое мѣстечко Глуховскаго уѣзда при рѣкѣ Осокѣ въ 34 верстахъ отъ Глухова, на дорогѣ въ Новгородъ-Сѣверскъ» («Мазепа и Мазепинцы». Спб. 1885 г. стр. 449.)

При Петрѣ Великомъ былъ въ Воронежѣ сотникъ, Потапъ Назаренко, оставившій по себѣ весьма печальную память. Въ дѣлахъ губернскаго правленія сохранился любопытный документъ (за № 36), представляющій собою жалобу воронежскаго атамана на сотника Назаренка, произведеннаго въ сотники «за вѣрную службу подъ часъ нашествія шведскаго». Привожу эту жалобу какъ характерный признакъ измѣненія старыхъ устоевъ при Петрѣ Великомъ. «Въ походъ Чигирнъ-дуброву,—гласитъ жалоба—панъ сотникъ, придя съ казаками локотковскими и слугами въ курень мой, потребовалъ, чтобъ куплены были горѣлка и медъ; я купилъ. Потомъ не утерпѣвъ, сказалъ: «Угощаются и локотковцы и слуги, а въ походѣ мнѣ и безъ того тяжело». Онъ закричалъ: «Ты не знаешь, кого угощаешь»? «Знаю, сказалъ я, что вы сотникъ, какъ и другіе». «Нѣтъ, курвинъ сынъ,—не такой же я: ты знаешь, что меня самъ царь назначилъ въ сотники! Я васъ всѣхъ упрячу въ Сибирь! Что захочу, то и сдѣлаю»,—«Неправду, панъ сотникъ, говоришь: ясновельможный гетманъ также слуга царскій, а онъ старше тебя». Онъ закричалъ: «Что мнѣ гетманъ? Я принялъ старшинство прежде его». и ударилъ меня по щекѣ. «Бейте его!» закричалъ онъ пьянымъ казакамъ. И они всѣ стали бить меня. Еслибъ Глуховская сотня не отбила меня, то пришлось бы умереть подъ боемъ». Къ этому воронежцами прибавлено:

«Когда приходятъ указы о походѣ, панъ сотникъ беретъ съ тѣхъ, которые могли бы быть въ походѣ копъ по осьми и талярей по десяти и увольняетъ отъ похода; другихъ за подарки отпускаетъ съ дороги. Не довольствуясь тѣмъ, онъ, сотникъ, собираетъ по шестаку какъ съ войсковыхъ, такъ и съ посполитыхъ; да еще каждый праздникъ беретъ по 30 талярей изъ казны общественной, когда отправляется въ Глуховъ. Ремесленники, а ихъ много въ городѣ, безплатно работаютъ на сотника; лучшихъ жителей беретъ въ свой дворъ и тѣ смотрятъ тамъ за его лошадьми и даже топятъ печь. По универсалу Гетманомъ назначено брать на построеніе каменной церкви по 5 коп. изъ винной продажи. Панъ сотникъ взялъ сафьянные чоботы за то, чтобы получено было отъ него позволеніе; а потомъ и универсалъ и доходъ отнялъ. Константій Бугаенокъ жалуется, что панъ сотникъ не только отнялъ отъ него хорунжество, а какъ его, такъ теперешняго городового атамана Григорія Кузьку велѣлъ бить кіями на улицѣ публично» *)...

Остается неизвѣстнымъ результатъ этихъ жалобъ.

*) Цитируемъ по книгѣ: «Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи», *1873 г.*

Въ прежнее время въ здѣшней мѣстности существовала особая цеховая организація ремесленниковъ; группа ремесленниковъ во главѣ съ выборнымъ цехмистромъ, составляла «братство», имѣвшее свой «урядъ»; теперь о цехахъ остались одни воспоминанія, хотя ремесла (особенно, ткачество) процвѣтаютъ здѣсь и по настоящее время.

Въ прежнее время въ данной мѣстности, какъ и въ другихъ мѣстахъ старой Малороссіи, сильно было развито выборное начало. Прихожане избирали себѣ священниковъ и назначали имъ плату. Это видно изъ слѣдующаго документа, напечаннаго въ Кіев. Старинѣ (февр. 1904 г.)

«1804 году, генваря 28 дня, мы, нижеподписавшіеся Глуховского повѣта, мѣстечка Воронежа, церкви святія живоначальныя Тройци прихожане дали сей контрактъ Глуховской ружной Анастасіевской церкви діакону Григорію Кулжинскому сакидону (?) въ томъ, что, избирая мы его на мѣсто умершаго нашего приходскаго священника Тимофѣя Яновскаго цѣлопарохіальнымъ священникомъ, имѣемъ, за рукоположеніемъ его, для житія его жъ опредѣлить церковной дворъ, въ которомъ строенія: хата съ комнатою, сѣньми и коморою, и при ономъ дворѣ огородъ, съ котораго противъ школьнаго строенія въ поперекъ для дьячка саженей на 10, да для больницы назначается, такъ какъ сіе теперь строеніе есть на три противъ того саженей.

А на содержаніе его производить ежегодно отъ дворянъ, казаковъ и владѣльческихъ крестьянъ грунтовихъ отъ всякаго хозяина отъ сохи по одной мѣрки ржи, и отъ подсосѣдковъ по 10 к. деньгами. Сверхъ того, за требы установленныя, а именно: за сорокоустъ шестинедельній 4 р., за великую панихиду по 10 к., за малую 5 к., за освященіе дому и воды 40 к., кладяза 20 к., за молебенъ съ акафистомъ 20 коп., безъ акафиста 10 к., за прочтеніе Евангелія за столпъ 50 к., за начало 10 к., за освященіе пасокъ по 1 к., за маслосвятіе по 30 к., за молитву родильницы 5 к., за крещеніе младенцевъ по 10 к., за погребеніе взрослыхъ 20 к., а младенцевъ по 10 к., за вѣнчаніе въ своемъ приходѣ съ убогшихъ людей по 50 коп., а въ другой приходъ получать съ уваженія примѣрно, какъ взимается по другимъ здѣшнимъ приходамъ. Обовязиваясь притомъ исполнять по сему безъ малѣйшаго отъ насъ во всемъ удержанія и медлѣнности, и что онъ, Кулжинскій, пребудетъ тѣмъ доволенъ, въ томъ мы на и семъ подписались, а для выполненія въ томъ-же дана намъ съ его подписомъ копія.

На подлѣнномъ тако». Слѣдуетъ длинный рядъ подписей прихожанъ, именитыхъ и неименитыхъ, Троицкой церкви м. Воронежа, среди которыхъ есть подпись: «примеръ-маіора и кавалѣра Тимофѣя Хилчевскаго». Тимофѣй Хильчевскій,—говоритъ «Кіев. Старина",—былъ послѣднимъ сотникомъ Воронежской сотни, и по уничтоженіи сотничества, надо полагать, переименованъ былъ въ «премьеръ майоры».

1804 года февраля 17 контрактъ этотъ представляемъ былъ въ повѣтовый земскій судъ, который и утверждаетъ его, взявши пошлины печатнихъ 50½ коп. и восковихъ 2 коп.

Затѣмъ въ концѣ контракта есть запись самого Кулжинскаго, въ которой онъ даетъ обязательство, что будетъ строго выполнять требованія контракта.

Теперь населеніе причисляется къ тремъ сословіямъ: казацкому, крестьянскому и мѣщанскому. Казаки сохранили одно лишь названіе и рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ своихъ собратьевъ крестьянъ,—ни одеждой, ни языкомъ.

Верхней одеждой мужчинъ является «свита» т. е. кафтанъ, изъ домашняго сукна или схожая со свитой «черкасиновая казачка» изъ покупной фабричной матеріи. На ногахъ—„чоботы“ на головѣ—самодѣльный войлочный «шаламокъ» или купленная на ярмаркѣ у пріѣзжаго шапошника шапка; нижняя одежда холщевая, домашняго изготовленія. Замужнія женщины любятъ носить бѣлыя свитки (юбки) изъ домашняго сукна, какія часто встрѣчаются у бѣлоруссовъ. «Дивчата» и «хлопці» болѣе требовательны къ своему наряду. Лѣтомъ «дивчата» носятъ «карсеты», т. е. короткую верхнюю одежду безъ рукавовъ, изъ фабричной матеріи; рукава холщевой или «коленкоровой» рубашки при этомъ раскошно вышиваются гладью или крестиками. Иногда «карсетъ» замѣняется кофтой, и тогда спереди непремѣнно одѣвается бѣлый передникъ («хвартухъ»), повязанный краснымъ шерстянымъ поясомъ. Шея украшается многочисленными и разнообразными бусами («намистомъ»); на ногахъ башмаки («черевики») съ высокими каблуками. Зимой верхнимъ нарядомъ является «кожушанка», крытая сукномъ или бумажной матеріей.

«Хлопці» въ послѣднее время почти всѣ стали ходить въ пиджакахъ и брюкахъ «на выпускъ» («опинджачились»).

Благодаря близкому соприкосновенію съ великоруссами и бѣлоруссами, въ здѣшній малорусскій языкъ вошло немало великорусскихъ и малорусскихъ словъ. Главное отличіе говора **) малороссовъ Глуховскаго уѣзда отъ полтавско-чигиринскаго говора состоитъ въ замѣнѣ *і* звукомъ *у*,—напримѣръ, вмѣсто кітъ (котъ)—кутъ; вінъ (онъ)—вунъ; кінь (конь)—кунь и т. д.*)Особенности произношенія отчасти видны изъ тѣхъ пѣсенъ, образцы которыхъ я позволю себѣ здѣсь привести.

Пѣсни.

Несмотря на сильныя гоненія, которымъ подвергается современная народная пѣсня со стороны деревенской администраціи и духовенства, она попрежнему продолжаетъ играть значительную роль въ повседневномъ крестьянскомъ быту; какъ и въ старые годы, пѣсней по преимуществу выражаетъ крестьянинъ свою радость и горе.

Вотъ нѣсколько пѣсенъ, трактующихъ главнымъ образомъ о взаимоотношеніи двухъ половъ:

Ой не ходи по надъ морью
Або въ море упадешь;
Ой не люби багатойі,
Або съ горя пропадешь.
Богатая-грибатая,

**) Въ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1854,24 помѣщена статья о черниговскихъ говорахъ, въ которой авторъ заявляетъ, будто бы «въ Воронежѣ говорятъ: куунь, вуулъ, луожка и проч. „Воронежскій языкъ, составленный изъ такихъ особенностей произношенія, называется перевертенскимъ». Авторъ ошибается, передавая ясно произносимый звукъ У черезъ дифтонгъ; интересуясь мнѣніемъ академика А. И. Соболевскаго, я произносилъ ему нѣкоторыя слова, какъ произносятъ ихъ у насъ въ Воронежѣ, и онъ нашелъ, что въ словѣ, положимъ, «вунъ» слышится чистое У, а не дифтонгъ и, не двойное У. Интересующійся нашими мѣстными говорами можетъ найти о нихъ печатныя извѣстія въ «Жив. старинѣ», 1892 г. „Описаніе малорусскихъ говоровъ“ А. И. Соболевскаго. Считаю нужнымъ замѣтить что въ малорусскомъ текстѣ я держался, по возможности, правописанія установленнаго Г. П. Кулишомъ:) Ы отсутствуетъ; И выговаривается тверже, чѣмъ въ русскомъ языкѣ и мягче *чѣмъ Ы, напр., вози*; і выговаривается мягко, напр. коні; Е обозначаетъ смягченное Е *напр. великорусское денегъ* и малорусское зиле.—

Да ще къ тому пишна,
А убогая хороша,
Якъ у саду вішня.
Багатою-грибатою
Верхи затикати,
А убогой—рабочею
Пшениченьку жати...

Сватавъ мене первий—
Пранцевати вельми.
Ти не дай, ти не дай стара мати за его,
Не вподобала младехенька его.
Сватовъ мене други—
Безъ коня, безъ пуги.
Ти не дай, ти не дай стара мати за его,
Не вподобала младехенька его *).
Сватовъ мене трейтій,—
Дожидались смерті.
Сватовъ мене четвертий,—
Не живи, не мертвій.
Сватовъ мене пятий,—
Пьяниця проклятий!
Сваты мене шестий,—
Шельма шилохвости.
Сватавъ мене семи,—
Не хліба не соли.
Сватавъ мене восьми,—
Мали, не доросли.
Сватовъ мене девятий.
Посати, горбати.
Сватовъ мене десятий,—
Молодчикъ усати.
Ти отдай, ти отдай стара мати за его,—
А я вподобила младехенька его.

Въ нижеслѣдующей пѣснѣ проявляется наружу то недоброе чувство, которое возбуждаетъ къ себѣ свекровь:

Сажу рѣдьку, сажу рѣдьку,
Сажу поливаю,
Рости, рѣдька чепурненька,
На зиму сховаю.
Зроду рѣдьки не йіла,
Кажуть, вона гурка;
Я въ свекрухи не була,
Кажуть, вона бойка.
Якъ пойду я до свекрухи
Білу постиль слати,—
Качалочка **)—въ головучку,
А рубли—пудъ боки.

---

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго куплета.
**) Качалка и рубель принадлежности хозяйства, предназначающіяся для катанія бѣлья.

Лежи, лежи, стара сука,
Бодай ти не встала
И щобъ моей голувоньки
Да й не клопотала...

Самый глубокій семейный разладъ, разумѣется, не рѣдкость въ деревенской семьѣ; этотъ разладъ отмѣчается въ слѣдующей пѣснѣ:

Чоловіку не любнику! Заховаю въ пригрубнику.
Буду верхъ затикать и на груди настуцать.
Рѣдькою накадила, часникомъ поминала,
Таке житте изъ нимъ мала.
Живъ бувъ—не любила и умеръ не тужила.
И на лавці лежить,—я не буду тужить;
Хиба тоди затужу, якъ у гробъ положу.
Его въ ямку волочуть, въ мене слезы не течуть.
Черезъ милого яму, да на милого гляну...
Кивнула, моргнула, про милого вспоменула...

Распѣваетъ молодежь также злободневныя маленькія пѣсенки, очень похожія на великорусскія «частушки», но выгодно отличающіяся отъ нихъ и формой и содержаніемъ.

Чи ти сбився съ панталику
Нащо сватавъ не велику?
Було сватать у день,
Роспитаться въ людей.
Наши люде не татари,
Воны-бъ тоби розсказали...

Чоловиче глуповати,
Нащо везешь жинку продавати?
Самъ Богъ бачить зъ неба,
Що гроши на подати треба...

Въ конці греблі шумять верби,
Що я насадила.
Нема мого миленького,
Що я полюбила.
Нехай его тиі люблять,
Що у труби трублять,
Нехай его тиі просять,
Що греблі розносять.

Загадавъ мині мужъ,
Загадавъ чоловікъ:
Вари, баба, кашу!
Я по хаті пляшу, я по сіняхъ пляшу.
А я каши не варила
Человіка обдурила,
Вдарила, обдурила!
Приказавъ мині мужъ,
Приказавъ чоловікъ:
Вари, бабо, горохъ!
Я по хаті торохъ-торохъ, я по сіняхъ торохъ-торохъ!..
Я гороху не варила,
Чоловіка обдурила,
Вдарила, обдурила!..

Иди стари, иди дурний
Калину ломати.
А до мене бравий хлопець
Приде погуляти.
Иди дитя, иди мале,
Батька визирати;
А якъ буде батько ити—
Даси мені знати;
А я ляжу середъ хати
Да й буду стогнати,
А отъ мене бравый хлопець
Скорійше изъ хати.
Пришовъ стари, пришовъ дурни
Да и питае: «чого мила заболіла,
Чого тобі дати?»

Черезъ солдатъ и рабочихъ проникаютъ сюда и великорусскія пѣсни; вотъ въ какомъ видѣ распѣваются онѣ:

Вотъ полна, полна коробушка,
Есть ситецъ и перьча,
Пожалѣй моей зазнобушки
Молодецкаго плеча (?)
Вижу въ полѣ рожь высокую,
Я всю ночку провожу.
Якъ завижу черноокую,
Всѣ товари разложу.
Торгуй, мила, не скупись,
Ближе къ милому садись...

Въ нижеслѣдующей пѣснѣ наблюдается странная смѣсь малорусскихъ и великорусскихъ словъ, какой-то солдатскій жаргонъ:

Ой десь моя кралица
Пудъ шинкомъ валяетця...

Столы застилае, женцівъ привитае
Столи тисовии, женці молодии
Ой паночку нашъ, обжиночокъ вашъ. Гу-у-у!..

Дойізжаемъ до села,
Наше село весело!
Ой весело наше село
Ой весело, весело...
Медъ, гарілку веземо
И медъ и гарілку,
И Ганночку дівку... Гу-у-у!..

Ой чіе то поле
Задримало стоя,
Ой паноньку нашъ
Обжиночокъ вашъ. Гу-у-у!
Закурчино поле
Задремало стоя.
Ой паноньку нашъ,
Обжиночокъ вашъ. Гу-у-у!..
Головенкове поле
Веселиться стоя.
При сонечку спали,
При місяцю жали.
Женціи все старпі,
Серпи лубянні.
При місяцу жали.
Серпи поламали,
Ой паноньку нашъ,
Обжиночокъ вашъ. Гу-у-у!..

Ой чія то борода *) да не виполона!
Стоить козелъ на межи,
Дивуется бороді:
Ой диво мині,
Шо сюй бороди!..
Паукова борода
Мачулою обшита.
Ой диво мині,
Шо сюй бороді...

Войдя въ домъ, дѣвушка несущая «обжинокъ», говоритъ:
— Кланяюсь вамъ хлібомъ, солью!
И кладетъ «обжинокъ» на хлѣбъ, на «покуть» (красный уголъ). Всѣ садятся за столъ и «вечеряють»...
Я не упомянулъ еще, что въ первый день жатвы хозяинъ приноситъ съ поля снопъ ржи и ставитъ его на «покуті»: онъ стоитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не начнутъ свозить на гумно сжатый хлѣбъ; тогда первый снопъ кладутъ подъ самый низъ.

Свадьба.

Кончилась страдная пора. Наступила осень. Стали на селѣ свадьбы «справлять». Паробокъ, задумавшій жениться, приготовляетъ

*) «Бородой» называется кустъ ржи, оставляемый въ полѣ женцами; этотъ кустъ перевязываютъ красной лентой, тщательно кругомъ него выпалываютъ сорную траву и кладутъ въ него кусокъ хлѣба.

къ извѣстному дню хлѣбъ, бутылку «гарілки» и, пригласивъ двухъ или трехъ «старостовъ», отправляется въ домъ невѣсты «свататься». Бываетъ и такъ, что прежде «старостовъ» засылается къ родителямъ невѣсты «баба» для развѣдокъ и переговоровъ; впрочемъ, осторожные люди стараются избѣгнуть этого, говоря:

— Если баба засватае, то не буде талану...

Когда сваты войдутъ въ домъ невѣсты, то останавливаются около порога, стараясь не перейти «сволока», т. е. перекладины на серединѣ потолка; несоблюденіе послѣдняго условія служитъ дурной примѣтой: не будетъ ладу въ домѣ жениха.

Обычай требуетъ выполнить также слѣдующее условіе: одинъ изъ сватовъ долженъ сѣсть подлѣ невѣсты и придавить край ея одежды. Не теряя времени, «старосты» начинаютъ уговаривать невѣсту и ея родителей не пренебречь женихомъ.

— Нашъ парень добрий,—говорятъ они примѣрно,—трудяга, хозяинъ, да и богатенькій таки... Занимается вунъ пахарствомъ, одначе, и бондарство знае, чи старе набить, чи нове зробить. А гаріилки вовсе не пье. Уже якъ за его не йти замужъ, то лучшого и не знайдешь...

Получивъ согласіе невѣсты и ея родителей, всѣ начинаютъ пить «гарілку», сперва женихову, а потомъ невѣстину. Въ заключеніе обмѣниваются хлѣбами и договариваются на счетъ приданаго и подарковъ. Въ этотъ вечеръ совершается окончательный уговоръ, ничто не остается не выясненнымъ.

Въ одинъ изъ слѣдуюшихъ дней отецъ жениха отправляется къ попу договориться относительно вѣнчанья и даритъ ему курицу или пѣтуха.

Наканунѣ вѣнчанья «дру́жки» убираютъ цвѣтами голову невѣсты, послѣ чего «молода́» идетъ вмѣстѣ съ ними по селу звать на «весилье» родныхъ и знакомыхъ. Съ кѣмъ бы ни встрѣтилась невѣста, она останавливается, три раза почтительно кланяется (въ поясъ) и говоритъ:

— Просили батько и мати и я прошу покорно: приходьте до насъ на свадьбу!.. Не оставте моей просьбы. Прошу покорно!..

Идя по селу, «дру́жки», сопровождающія «молоду» поютъ:

Перва квітка, то Грицько (имя жениха),
Ой попе, попе Гордію,
Не звони рано въ неділю;
Зазвони рано въ субботу,
Перебій дружечкамъ роботу.

Перва квітка,—то Пронечка (имя невѣсты).
Рядомъ, дружечки, рядочкомъ.
Въ вишневомъ садочку
Вирвали квіточку зелененьку,
Нарядили Пронечку молоденьку. Гу-у-у...

Перва квіточка, то Марьяночка.
Не дуй вітеръ въ полі (2 раза)
Подуй по дуброві,
Роздуй мою косу
По червоному поясу. Гу-у-у...

Перва квітка, то Марочко.
Шо въ городі шевлія,
Остална моя неділя.
Я по гулочкамъ ходила,
Съ собою дружечокъ водила. Гу-у-у...

Перва квітка, то Машечка.
Ой мати, мати старая,
Чи ходила ти до торгу
Чи купила ты китайки?
Застилай столи и лавки,
Идуть дружечки панянки. Гу-у-у!

Перва квітка, то Парасочка.
Не дуй вітеръ въ полі на насъ,
Вийди, матюнко, противъ насъ.
Не вознала мати своего дитяти
По мижъ дружечками, да за слезочками. Гу-у-у.

Перва квітка, то Настечка.
Теперь година не тая,
Доруженька слизкая,
Въ Глухові ярмалокъ,
Треба Настечки серпанекъ (башмаки),
Золотійе пудковки,
Пудъ червонні чоботки;
Шобъ подкувоньки брязчали,
А вороженьки мовчали... Гу-у-у!..

Перва квітка, то Катречка.
Не дуй, вітре, въ полі,
Шо братъ за сестрою въ погоні.
—Ой зятю, зятю молоди,
На тобі, коника въ седлі,
Дай мині сестрицю въ косі!
—Я тобі, шуринко, ще два дамъ,
Назадъ сестриці не оддамъ. Гу-у-у!..

Въ послѣдней пѣсенкѣ слышатся отголоски далекаго прошлаго, когда женихъ тайкомъ похищалъ («умыкалъ») свою «молодую».

Обойдя всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, «молода» возвращается домой и садится за столъ, «на покуті» подъ образами, возлѣ нея усаживается «старша дружка», а за нею рядышкомъ всѣ остальныя. Черезъ нѣкоторое время является женихъ съ «бояриномъ» и подноситъ невѣстѣ башмаки,—одинъ наполненный житомъ, другой—орѣхами; она беретъ сначала одинъ, потомъ другой, при этомъ она долго колеблется — который взять? Если попадется сначала съ житомъ, жизнь будетъ богатая и хорошая, если съ орѣхами — бѣдная и нескладная. Затѣмъ женихъ садится рядомъ съ невѣстой. Иногда *женихъ замѣшкается* почему-либо, тогда дружки поютъ въ ожиданіи его:

Ой ви, бояре бѣлозероньки,
Ясние соколоньки,
Чого ви до насъ (2 раза)
Не рано прійіхали?
Запознивъ же насъ
Забаривъ же насъ
Да Гавриловъ батенька;
Вунъ насъ напоивъ, накормивъ
И доруженьку вказавъ,
Доруженьку великую,
По Мелашечку вродливую (красивую).

Шо пузненько, нераненько
Ище не світае
Що Гаврило кониченька сідлае,
Сідлаючи, тяжко-важко вздихае.
Прійшовъ къ ёму рудний братикъ да і питае:
- Нашо, братикъ, кониченька ты сідлаешь?
Сідлаючи тяжко-важко вздихаешь?
– Сідлаю я кониченька не твого, а свого,
Вздихаю тяжко-важко самъ знаю отчого...
Пойду я въ доруженьку не такую,
Да привезу Мелашечку молодую...

При входѣ жениха съ боярами въ хату, дружки поютъ:

Не наступайте бояре
Да на наши сінечки нови,
Да не ви сінечки робили,
Да не ви медъ-вино ситили,
Да не вамъ медъ-вино пипити,
Не вамъ Марусю любити.

До мене, бояре, до мене,
Убивъ батенько тетеру,
Зварила матюнка вечеру:
Сизи голубці у перці,
А до мене, бояре, молодці!..

Когда бояре и женихъ усядутся за столъ, дружки слегка подсмѣиваются надъ ними въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

Стенулися сіни
Якъ бояре сіли,
Ще не такъ стенутся,
Якъ меду напьются.

Стенулися чашки,
Якъ посіли свашки;
Ще не такъ стенутся,
Якъ меду напьются.

Стенулися стінки,
Якъ посіли світилки,
Ще не такъ стенутця,
Якъ меду напьютця.

Собраніе въ этотъ день заканчивается «вечерей», послѣ чего всѣ расходятся по домамъ.

На слѣдующій день (это бываетъ обыкновенно въ воскресеніе) рано утромъ дру́жки собираются къ «молодой», гдѣ свахи дѣлаютъ обширныя приготовленія къ брачному торжеству: варятъ обѣдъ, запасаются «горілкой» и т. д. Дру́жки убираютъ невѣсту въ цвѣты, дружко́въ перевязываютъ «рушниками», свахъ платками; наконецъ берутъ саблю и украшаютъ ее цвѣтами... Зазвонятъ къ обѣднѣ и «молодиі» идутъ въ церковь вѣнчаться.

Повѣнчавшись, «молода» идетъ впереди, за ней слѣдуютъ дру́жки съ пѣснями; черезъ нѣкоторое время идетъ и «молоди», сопровождаемый нанятыми музыкантами.

Дру́жки поютъ:

Перва квітка, то Павло (имя жениха).
Отступитеся воро́ги
Отъ широкоіі дороги.
Отступитеся отъ дворця, —
Иде молода одъ вінця. Гу-у-у...

Перва квітка, то Василь.
Стояла Мотечка пудъ вінцемъ,
Чесала кусоньку гребенцемъ.
Упавъ гребенецъ пудъ столецъ,
Подай Василько гребенець.
Я жъ тобі, Мотечка, не вдовець
Шобъ подавать тобі гребенець,
А есть у тебе дружечки,
Сами вірни служечки. Гу-у-у...

Перва квітка, то Денисъ.
Микольщане дівки
До церкви ходили,
Попа обманили:
Три шеляга дали
Галечку обвінчали. Гу-у-у...

Перва квітка, то Миколай.
Вийди, матюнко, съ калачемъ,
Повінчали доченьку съ паничемъ.
Хоть не зъ паничемъ—съ козакомъ,
Связали рученьки рушникомъ. Гу-у-у...

При входѣ въ хату дру́жки поютъ:

Перва квітка, то Петро.
Війди, матюнко, зъ вікомъ (2 раза).
Стрѣчать своихъ діток.

Перве наряжене,
А друге ослужене. Гу-у-у...

На порогѣ жилища невѣсты, «молодыхъ» встрѣчаетъ отецъ и мать невѣсты; мать держитъ въ рукахъ «пікну діжку», т. е. кадку, въ которой приготовляется тѣсто для хлѣба; на крышкѣ лежитъ хлѣбъ съ солью.

«Молода» съ «дружками» садится за столъ, а «молоди» стоитъ посреди хаты, — онъ долженъ выкупить у братьевъ свою молодую, которые окружили ее.

— Чого ви тутъ посіли, — говорятъ дружки, обращаясь къ братьямъ,—попроганять йіхъ!

А братья отвѣчаютъ:

— Намъ треба, ми продаемо свою сестру, а ви купляйте!

— Скулько жъ вамъ? — спрашиваетъ женихъ.

— Хоть рублей сто дайте!

— Эге, се богато буде!

Наконецъ, сходятся на 2-хъ или 3-хъ рубляхъ и начинаютъ пить «могоричъ».

Во время купли-продажи дружки поютъ:

Пошовъ братикъ яромъ,
Продавъ сестру даромъ,
Не даромъ, за гроши,
Аби зять хороши.

Братику да невйісточкинъ
Сядь собі да на крислечку;
Не продавай сестри за рубъ, за чотири,
За два золотні:
Гроши якъ полова,
Сестра чорноброва.

Послѣ продажи сестры дружки продаютъ цвѣтокъ жениху, такъ же торгуясь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ; при этомъ поютъ:

Якъ була я швачка,
Отеческа дочка,
У Кіёви бувала,
Иголки куповала,
Квіточки пришивала,
По сто рублей брала...

«Молодні» усаживаются рядомъ за столъ; дружко подноситъ дѣвушкамъ дружкамъ пряники и конфекты, а «родичамъ» по одному большому прянику.

Дружки поютъ, иронизируя:

Ми думали, шо свати багати,
Ажъ вони скуповати.
По шляху ходили
Старцювъ *) розбивали.
Усі сумки стрясли,

*) Нищихъ.

Одинъ бубликъ знайшли
И той разломали,
Дру́жкамъ даровали.

Въ это время подаютъ обѣдать. Всѣ при этомъ обильно угощаются «горілкою». Послѣ обѣда «музы́ка» играетъ «козачка» и всѣ желающіе танцуютъ. Веселье продолжается до поздняго вечера.

Какъ за столомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, въ этотъ день дѣвушки распѣваютъ много свадебныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ многія дышатъ безыскусственной поэзіей и глубокимъ искреннимъ чувствомъ.

Хоть велики двуръ,
Хоть увесь избуръ,
Да не вся родинонька.
Нема родини на половину,
Не рудного батенька,
Не рудной матюнки,
Може родина ще прибуде,
Но матюнки й батенька не буде.
Посилай, Мотечка, въ садъ соловейка
По рудного батенька,
А зазуленьку на укромненьку
По родную матюнку.
Ще соловейко не долетае,
Батюнко промовляе:
—Чого, соловейко, чого маленьки,
За екими послами?
—Отъ твого дитяти
Тебе питати, шобъ порядочокъ дати.
—Радъ бы я встати, порядокъ дати,
Да неволенька моя:
Сирая земля груди налегла;
Зелени моругъ очи налюгъ,
Никуди проглянути,
Ищемилися кари оченьки и білы рученьки,
Нельзя мини встать.

Світилка *) шпилька при стені,
Да на юй сорочка не йийі.
На юй сорочка сестрина,
Виведить йийі з-за стола!
Брешете дружечки якъ свині,
У мене сорочокъ три скрині,
Йіхъ матюнка надбала,
Въ світилочки послала!..

---

*) *Світилка*—одна изъ подругъ молодой, распорядительница.

Достается отъ неугомонныхъ дѣвушекъ и «боярамъ», распоряжающимся на свадьбѣ:

Бояринъ якъ болванъ,
Витрещивъ очи, якъ баранъ,
Да все торопитця,
На дружокъ дивитця.

На старшумъ бояринi кахтанъ,
Соломою половою напханъ,
Очи въ клоччі,
Голова—въ пиры, нусъ у ремнинні.
Соломою борода сшита,
Обручомъ голова сбита,
Лучкомъ пудперезався,
На весилле прибрався.

Дѣвушки подруги заставляютъ задуматься невѣсту надъ своимъ будущимъ:

Ты думай—гадай, дівка Галечко,
Кому служечка будешь?
—Буду служечка, буду вірная
Свекру, не батеньку;
Буду годити, діло робити,
Свекрусі, не матюнки,
Буду годити, діло робити
Диверку, не братику.
Буду годити, дило робити,
Зовиці, не сестриці.
Буду свекорку білу постіль слати,
А свекрусі головку скати.
Буду диверку ширпночку шити,
Зовиці косу плести.

Въ слѣдующей «приспівкѣ» намѣчается семейная идиллія:

Седить Парася пудъ кужулкою;
Сонъ йійі намагае,
А коло йійі Гаврилко йійі
Усе йійі розважае:
У тебе, Параско, біле личенько,
У мене що білійше.
У тебе, Параско, чорни брувоньки,
У мене ще чорнійши.
У тебе, Параско, вірне словечко,
У мене ще вірнійше...

Думая-гадая о будущемъ, невѣста груститъ объ оставляемой дѣвичьей долѣ и сравниваетъ себя съ одинокой «зазулей» (кукушкой).

Летятъ галочки въ три рядочки,
Зазуленька попереду.
Усі галочки на лузі сіли,
А зазуля на калині.
Усі галочки защебетали,
Зазуля закуковала.
— Чого ты куешь, по кумъ тоскуешь,
Сизая зазуленька?
Чи жалько тобі темного лугу,
Чи вишневого саду?
— Не жалько мині темного лугу,
Не вишневого саду,
А жалько мині туей туполі,
Що росте въ чистому полі;
Де я не летаю, де я буваю,
На туполі спочиваю;
Де я смочуся, де я оброшуся,
На туполі обсушуся.
Ийшли дружечки у три рядочки,
Ганночка по переду.
Усі дружечки за стулъ сіли,
Ганночка на покуті.
Усі дфужечки заспівали,
Ганночка заплакала.
— Чого ты плачешь? Объ кумъ тоскуешь,
Молодая Ганночко?
Чи жалько тобі батенька свого,
Чи подвурьечка ёго?
— Не жалько мині батенька мого,
Не подвурьечка ёго:
А жалько мині русой косы,
Ще й дівочои красы...
Дивчата идуть, кусками мають,
А мене не примають.
Хоть примають, хоть не примають,
А правдоньки не скажуть,
Скажуть словечко, скажуть друге,
И тее не вірнее.

Шо за горою, за каменною
Криниченька зъ водою.
Тамъ Машечка рученьки мила,
Съ батенькомъ говорила:
— «Заховай ты мене, муй батенько,
За каменную гору».
— «Заховаю я тебе, дитятко мое,
За тесовиі столи».
—«Обсади мене, батенько, вишнями черешнями!»
—«*Обсажу* тебе, дитятко мое, молодими дружечками!

Обставлю тебе. дитятко мое, новими кубочками.
Бери, Машечка, повни кубочокъ,
Частуй своихъ дружочокъ».
Машечка встала, грозно отказала:
—«Уже я частувала!
За жалостями за великими,
За слюзоньками, за дробненькими,
Батенька не вознала!»

Частуй мене, муй батенько,
Я гость у тебе.
Исправь мині увесь нарядъ,
Я пойду отъ тебе.
— Еки тобі, дитя мое, дороги нарядъ?
— Червоную да запаску съ бахрами,
Жемчужнее намістечко съ хрестами,
Сафьяннийі башмачки пудъ гаплички.
— Нашо тобі, дитя, мое дороги нарядъ?
Якъ удасця твуй мили да ревниви,
Не дасть тобі хорошенько походити,
Дорогого нарядочку поносити.
Черевички пудъ гаплички пиломъ принадуть,
Одъ червоной одъ запаски бахроми спадуть,
Жемчужнее намистечко зовички порвуть!..

Еки да теперъ світъ наставъ, да ще година,
Шо батькова дитина да не мила,
Висилае йийі въ прочки противъ ночки,
Да не дае проводничка не братіка,
Да не дае проводничка не сестрички:
– На шо тобѣ, дитя мое, да проводничокъ,
Коло тебе Гаврико, якъ молодичокъ!..

Покидая навсегда родную хату, родную семью, любящаго отца и ласковую мать, дѣвушка съ грустью заглядываетъ въ неизвѣстное будущее, оплакиваетъ промелькнувшіе, какъ сонъ, дѣвичьи годы и обѣщаетъ птицей «галочкой» прилетать съ чужой стороны...

Мати Ганночку замужъ оддае
На чужу сторуночку.
Оддаючи приказувала, шобъ у гостяхъ не бувала.
Я до тѐбе, моя матюнка, не приду, не прійіду,
Я до тебе, моя рудная, галочкою прилечу.
Ой сяду упаду на зеленой вишеньки,
Буду ковати промовляти, шобъ не взнала мати.
Моя матюнка по садочку ходить, ще зъ моимъ братикомъ.
А вже муй братикъ ружечко заряжае,
Моя матюнка стихенька промовляе:
— Не бій, сыночку, да сюей галочки,
Бо сюей галочці якъ моей доньці
На чужуй сторунці...

Матюнко моя и голубонько,
Роскошовала я въ тебе!..
Роскошовала и погуляла моя ку́сонька у тебе,
Гуляти я йду, гуляти я йду,
Я въ тебе не прошусь;
Съ гулянечка йду, подружокъ веду,
Тебе не боюсь.
Я на хвурточку, ти въ кватирочку,
Я въ сінечки, ти на дверечки:
— Чому, доню, не гуляла?
Я въ світилоньку, ты за свічечку;
— Садись, доню, вечеряти!
Батькова вечера съ перцемъ печена,
Тихая размувонька;
А въ свекорка суха скориночка
Слезами размочена...

Колибъ я знала, або відала,
Шо въ батенька не буду,
Не робила-бъ я, не ковала-бъ я
Золотого перстенька.
Поробила-бъ я, заказала-бъ я
Золотийі крыльечка,
Полетіла-бъ я, одвідала-бъ я
Чужой сторуноньки;
Не такъ сторуноньки дальнёйі
Якъ чужого батенька;
Чи вунъ же добри, чи добровольни,
Чи таки, якъ муй рудни?
У мого батюнки крутийі гори,
Да гуляти доволі,
А въ свекорка усюди румно,
А гуляти не вульно.
Уровняй, Боже, гори—долини,
Шобъ бу́ло равнесенько,
Шобъ одъ свекора да до батенька
Ходити близесенько...

Я уже сказалъ, что «весілле», т. е. музыка и танцы, продолжается въ домѣ «молодой» до вечера; а вечеромъ здѣсь происходитъ особо торжественная церемонія: «дѣлежъ короваяʼ». «Молода» сажаетъ родныхъ и «дружокъ» за столъ «на покуть»; родныхъ ближе къ образамъ, чужихъ дальше. Два «дружка̀», перевязанные черезъ плечо вышитыми полотенцами, начинаютъ дѣлить коровай,—большой пшеничный хлѣбъ, сверху украшенный слѣпленными изъ тѣста птичками. Одинъ дружко́ рѣжетъ, другой подноситъ ломти коровая гостямъ.

Дружко́ беретъ коровай въ руки, несетъ его къ дверямъ и говоритъ, обращаясь къ почетному гостю, играющему роль старосты:

— Староста, полистароста!
— А що голубе!
— *Благослови* сей хлібъ на міръ хрещени роздать!
— *Богъ благословитъ*!

— Другимъ разомъ!
— Богъ благословить!
— Въ трейтій разъ!
— Богъ благословить!
— Ну, Господи благослови! говоритъ въ заключеніе дружкó и начинаетъ «дѣлить коровай»; другой дружкó подноситъ гостямъ ломти коровая, тѣ берутъ и дарятъ молодой деньги или обѣщаютъ скотинку или мѣру—другую зерна.
— Василь Бурдюгъ подаровавъ мірку жита!—громко объявляетъ дружкó, обращаясь къ «молодой» и записываетъ подарокъ на «комені».
Въ это время дѣвушки—дружки поютъ шутливыя «приспівки» въ которыхъ нерѣдко ядовито подсмѣиваются надъ распоряжающимися на свадьбѣ «боярами»:

Вамъ бояре не бояровати,
Вамъ бояре да свиней пасти,
Зъ великою да ломакою,
Съ сивою да собакою,
Гроши заробляти,
Квітку викупляти!..

Чи не бачишь ти, дружко,
Шо бояре коровай крадуть?
То въ міхъ, то въ кишеню
Дівкамъ на вечеру;
То въ міхъ да въ рукавички,
Дівчатамъ на вечернички...

Чи не бачишь ти, дружко,
Шо да твоя жона робить:
По семеро да дітей водить,
Усе съ кошелями,
Увесь коровай забрали...

Стоящіе далеко отъ стола кричатъ дружку:

Дружко руди!
Неси коровай, сюди!
Дружко усъ надувъ,
Про насъ забувъ...

Передъ отъѣздомъ «молодой» въ домъ къ своему «молодому» поются слѣдующія послѣднія пѣсни:

Старшая дружечка! поглянь у воконечко,
Чи пузно, чи рано?
—Ще рано, ранесенько,

Ще вечурняя зоря не взийшла,
Ще дівка Параска отъ батька не одийшла.

Шой у лузі калиночка изъ вітками,
Прощалася Парасочка изъ дівками.
—Прощай, прощай, Параска, сестра наша!
Теперь ми да не твойі, ти не наша...
Теперь ты того пана, съ кимъ гуляла!..

Въ оставшуюся отъ коровая нижнюю корку напихиваютъ мѣдныхъ монетъ и отдаютъ ее музыкантамъ, которые, проводивъ невѣсту изъ хаты, уходятъ домой; дѣвушки-подруги, сопровождая «молоду» въ домъ жениха, поютъ слѣдующіе «приспівки»:

Плавала чашечка по меду,
Плакала Палажечка по роду.
Лучше бъ було намъ не знатця,
Якъ намъ съ тобою растрятця.
Такъ якъ рибочка зъ водою,
Такъ намъ Палажка зъ тобою!.. Гу-у-у!..

Мнисецъ дорогу просвітивъ,
Братецъ сестричку проводивъ,
И ворутечка очинивъ,
И доруженьку указавъ.
—Осе тобі, сестриця, дорога,
Йідь одъ батенька здорова.
Ой будь здорова якъ вода,
Ой будь богата якъ земля,
Ой будь краснáя якъ весна. Гу-у-у!..

Сядись Параско, на визи,
Покидай батькови нарови;
Шо первій нарувъ-батькувъ двуръ,
А други нарувъ—жениханне,
А трейтій нарувъ—вечорнички,
Пойізжай, Параско, въ молодички. Гу-у-у!..

При входѣ «молодихъ» въ хату «молодого», ихъ встрѣчаетъ на порогѣ мать «молодого» съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ. Они входятъ въ хату, кланяются и садятся за столъ. Здѣсь давно уже поджидаютъ ихъ «баби», сосѣдки и родственницы, которыя сейчасъ же запѣваютъ:

Прилетіла да тетеренька,
Не вчёра да тепереныка,
Тутъ вона сіла, впала,
Господиня встала.
Не кишкайте, не полохайте,

Тутъ йійі да принажувайте,
По головці да приглажувайте,
Пшона пудсипайте, воды пудливайте!..

Прилетіла сорока че-че-че,
Сіла на колочку, щебече,
—Дать тобі йісточки?
—Нітъ не хочу!
—Дать тобі питочки?
—Нітъ не хочу,
Очинить комуроньку:
Спать полечу:..

Послѣ этого всѣ «вечерають», пьютъ горілку и расходятся по домамъ; а «молодні» идутъ спать «у комору» (клѣть).

На другой день, утромъ, дружки приносятъ «молодымъ» «сніданне»: булки, «холодне», жареную курицу и т. п.; по дорогѣ дружки поютъ:

Дежъ твоя, Оксеню, китайка,
Шо ты привезла отъ батька?
Простели йійі по столу,
Своимъ дружечкамъ на хвалу. Гу-у-у!..

Скучила, Оксеня, скучила,
Укоморі седючи,
Своихъ дружечокъ дожидаючи. Гу-у-у!.

Дежъ тебе, Мотречко, шукати,
Чи въ шевлійі, чи въ лободі,
Чи зъ лебедями на воді?
Ой чи въ зеленуй дуброві,
Чи у свекорка въ коморі.? Гу-у-у!.

Дежъ ты, Одарко, бувала,
Шо иніемъ голувонька припала?
Була, дружечки, у дорозі,
На великому морозі,
Покуль водиці набрала,
Иніемъ голувонька припала. Гу-у-у!..

Молодая ведетъ дружокъ въ комору и угощаетъ ихъ. Въ этотъ день съ утра у молодого на дворѣ на высокомъ шестѣ выбрасывается красный флагъ, въ знакъ того, что невѣста оказалась чистой и невинной; отсутствіе флага свидѣтельствуетъ о противномъ. Нужно замѣтить, что экспертизу производятъ «стари баби»...

Послѣ угощенія дружки веселятся, танцуютъ и поютъ:

Шо въ нашого свата
Усего багато:
И дровъ не поліна,
Смиття по коліна! Гу-у-у..

Шо въ нашого свата,
Капуста рядами,
Буряки кадовбами,
Йіли кашу не солёную,
Пили воду не холодную!.. Гу-у!..

Молодая привязываетъ красныя ленточки въ петлицы всѣмъ приходящимъ.

Черезъ нѣсколько часовъ являются «баби» и ведутъ «молодую» въ церковь «скрывать». Священнику при этомъ дарятъ хлѣбъ и платокъ; священникъ, накрываетъ «молодую» кускомъ полотна и и что-то читаетъ. Въ этомъ и состоитъ странный обрядъ «скриванія».

Изъ церкви «баби» возвращаются съ веселыми пѣснями:

А ми були у Бога,
Молилися Богу
И Духу Святому,
Попу молодому!..

Посію я пшениченьку,
Стану на межі,
Прилетала орлиця
Твоя и моя . . . . .

Продавала баба рака
По два шага...
Ой, раче, раче,
Шо по тобі баба плаче...

Пожену я корувоньки до череди,
Сама буду гуляти до середи!..
Да гуляйте, братці, гуляйте,
За моею рудною сестрою,
Да за йійі русою косою,
А въ йійі кусоньки не мае,
Вся йійі родня гуляе...

Вигребай мати жаръ, жаръ,
Коли тобі дочки жаль, жаль,
Укидай у пічь дрова,
Оставайся здорова!..

Въ этотъ день «весилле» происходитъ въ домѣ молодого; обычно оно бываетъ особенно шумнымъ, сравнительно съ другими моментами свадьбы. Нѣсколько «бабъ» относятъ роднымъ «молодой» въ ихъ домъ пирожки и жареную курицу; тамъ это дѣлятъ на всѣхъ, гуляютъ, танцуютъ, пьютъ «гарілку». Къ вечеру «молода» ходитъ вмѣстѣ съ сестрою по селу и приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ «на коровай» къ «молодому». Вечеромъ, здѣсь дѣлятъ коровай такъ же, какъ и у «молодой», съ тою только разницей, что за столомъ сидятъ уже не «дружки», а «бабы».

На третій день къ молодымъ пріѣзжаютъ знакомые, наряженные цыганами; отсюда они отправляются «по людяхъ» и выпрашиваютъ сало, пашню (т. е. рожь гречиху, овесъ и т. д.). Къ вечеру они продаютъ собранное, покупаютъ «гарілку» и кутятъ цѣлую ночь, причемъ на блинахъ надѣваютъ на головы другъ другу горшки и разбиваютъ ихъ... Такъ заканчивается свадьба.

Въ слѣдующіе дни «молода» ѣздитъ къ знакомымъ и собираетъ ...оки, пообѣщанные «на короваѣ»...

Крестины.

Крещеніе ребенка также сопровождается особыми обрядами и пѣснями. Какъ только ребенокъ родится, баба идетъ къ попу и несетъ ему «чвертку гарілки», пѣтуха, хлѣбъ и 10 коп. денегъ за молитву. Хозяинъ приглашаетъ кума и куму, и они несутъ новорожденнаго крестить къ попу и опять прецодносятъ ему хлѣбъ и «чвертку гарілки»; послѣ крещенія кумъ и кума снова кладутъ батюшкѣ копѣекъ по 30 или 50. Въ большинствѣ семей, когда выносятъ новорожденнаго изъ избы (передъ крещеніемъ), то на порогѣ кладутъ топоръ, а кумѣ даютъ въ руки кусокъ «печины» (кирпича), чтобы она бросила ее, когда выйдетъ на дворъ. Принеся окрещеннаго ребенка домой, кладутъ его «на покуті», на разостланномъ кожухѣ.

Когда ребенокъ полежитъ нѣкоторое время, приходитъ мать и уноситъ его; затѣмъ, всѣ гости садятся за столъ и, пообѣдавъ и выпивъ «горілки», поютъ пѣсни въ честь кумы, кума, бабуси (повитухи) и др.:

Запряжемъ, запряжемъ коня вороного,
Одвеземъ, одвеземъ кума молодого.
Запряжемъ, запряжемъ кобилу рябую,
Одвеземъ , одвеземъ куму молодую.

Наша бабусенька, наша старесенька,
Да не пишна була,
Да сама жъ вона, да сама жъ вона,
Въ господу пришла.
Запряжемъ, запряжемъ тринадцать волувъ,
Одвеземъ, одвеземъ бабусю домой...

После угощенія дружки веселятся, танцуютъ и поютъ:

Шо въ нашого свата
Усего багато:
И дровъ не поліна,
Смиття по коліна! Гу-у-у..

Шо въ нашого свата,
Капуста рядами,
Буряки кадовбами,
Йіли кашу не соленую,
Пили воду не холодную!.. Гу-у!..

Молодая привязываетъ красныя ленточки въ петлицы всѣмъ приходящимъ.

Черезъ нѣсколько часовъ являются «баби» и ведутъ «молодую» въ церковь «скрывать». Священнику при этомъ дарятъ хлѣбъ и платокъ; священникъ, накрываетъ «молодую» кускомъ полотна и и что-то читаетъ. Въ этомъ и состоитъ странный обрядъ «скриванія».

Изъ церкви «баби» возвращаются съ веселыми пѣснями:

А ми були у Бога,
Молилися Богу
И Духу Святому,
Попу молодому!..

Посію я пшениченьку,
Стану на межі.
Прилетала орлиця
Твоя и моя . . . . .

Продавала баба рака
По два шага...
Ой, раче, раче,
Шо по тобі баба плаче...

Пожену я корувоньки до череди,
Сама буду гуляти до середи!..
Да гуляйте, братці, гуляйте,
За моею рудною сестрою,
Да за йійі русою косою,
А въ йійі кусоньки не мае,
Вся йійі родня гуляе...

Вигребай мати жаръ, жаръ,
Коли тобі дочки жаль, жаль,
Укидай у піч дрова,
Оставайся здорова!..

Въ этотъ день «весилле» происходитъ въ домѣ молодого; обычно оно бываетъ особенно шумнымъ, сравнительно съ другими моментами свадьбы. Нѣсколько «бабъ» относятъ роднымъ «молодой» въ ихъ домъ пирожки и жареную курицу; тамъ это дѣлятъ на всѣхъ, гуляютъ, танцуютъ, пьютъ «гарілку». Къ вечеру «молода» ходитъ вмѣстѣ съ сестрою по селу и приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ «на коровай» къ «молодому». Вечеромъ, здѣсь дѣлятъ коровай такъ же, какъ и у «молодой», съ тою только разницей, что за столомъ сидятъ уже не «дружки», а «бабы».

На третій день къ молодымъ пріѣзжаютъ знакомые, наряженные цыганами; отсюда они отправляются «по людяхъ» и выпрашиваютъ сало, пашню (т. е. рожь гречиху, овесъ и т. д.). Къ вечеру они продаютъ собранное, покупаютъ «гарілку» и кутятъ цѣлую ночь, причемъ на блинахъ надѣваютъ на головы другъ другу горшки и разбиваютъ ихъ... Такъ заканчивается свадьба.

Въ слѣдующіе дни «молода» ѣздитъ къ знакомымъ и собираетъ ...рки, пообѣщанные «на короваѣ»...

Крестины.

Крещеніе ребенка также сопровождается особыми обрядами и пѣснями. Какъ только ребенокъ родится, баба идетъ къ попу и несетъ ему «чвертку гарілки», пѣтуха, хлѣбъ и 10 коп. денегъ за молитву. Хозяинъ приглашаетъ кума и куму, и они несутъ новорожденнаго крестить къ попу и опять преподносятъ ему хлѣбъ и «чвертку гарілки»; послѣ крещенія кумъ и кума снова кладутъ батюшкѣ копѣекъ по 30 или 50. Въ большинствѣ семей, когда выносятъ новорожденнаго изъ избы (передъ крещеніемъ), то на порогѣ кладутъ топоръ, а кумѣ даютъ въ руки кусокъ «печины» (кирпича), чтобы она бросила ее, когда выйдетъ на дворъ. Принеся окрещеннаго ребенка домой, кладутъ его «на покуті», на разостланномъ кожухѣ.

Когда ребенокъ полежитъ нѣкоторое время, приходитъ мать и уноситъ его; затѣмъ, всѣ гости садятся за столъ и, пообѣдавъ и выпивъ «горілки», поютъ пѣсни въ честь кумы, кума, бабуси (повитухи) и др.:

Запряжемъ, запряжемъ коня вороного,
Одвеземъ, одвеземъ кума молодого.
Запряжемъ, запряжемъ кобилу рябую,
Одвеземъ , одвеземъ куму молодую.

Наша бабусенька, наша старесенька,
Да не пишна була,
Да сама жъ вона, да сама жъ вона,
Въ господу пришла.
Запряжемъ, запряжемъ тринадцать волувъ,
Одвеземъ, одвеземъ бабусю домой...

Колядки и щедрівки.

Зимній сезонъ богаче празднествами и пѣснями, чѣмъ страдные лѣтніе дни. Послѣ предрождественскаго поста, такъ называемой «пилиповки», начинаются «веселыя» и торжественныя рождественскія святки. Наканунѣ Рождества дѣвушки и подростки колядуютъ, подъ новый годъ—щедруютъ. Глубокой, сѣдой стариной вѣетъ отъ этихъ колядокъ и щедрівокъ. Многія изъ нихъ возникли еще въ дни удѣльно-вѣчевого періода и носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды той эпохи.

О щедрівкахъ и колядкахъ, мѣстечка Воронежа, описываемаго мною, въ свое время говорилъ П. А. Кулішъ, въ своихъ «Запискахъ о южной Руси».

Въ сборникѣ Антоновича и Драгоманова «Историческія пѣсни Малорусскаго народа» въ отдѣлѣ «Пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго» помѣщена пѣсня «Боярское сватанье» почти тождественная съ приведенной ниже колядкой: «Ой рано рано кури запіли», которую и до настоящаго времени распѣваютъ у насъ въ Глуховскомъ уѣздѣ.

(Колядки)

Ой рано, рано кури запіли
Святий вечоръ *)
Ще ранійше того Иванко уставъ,
Лучкомъ позвонивъ, братиковъ побудивъ:
—Вставайте, братці, коней сідлайте,
Коней сідлайте, хортивъ скликайте.
Пойідемо навлові въ зеленийі дуброві.
Ой тамъ навьйідавъ куну въ дереві,
Куну въ дереві, дівку въ теремі.
Вамъ же, братці, всімъ по куниці,
А мині молодому дівка въ теремці.
Вечоръ добрий!..

А въ пана, въ пана, въ пана хозяина
Святий вечоръ!
Передъ двермы стоить калина,
Пудъ калиною Егорко ходить,
Егорко ходивъ, рученьки ломивъ,
Рученьки ломивъ, батенька просивъ:
—Ой тату, тату, ожени мене,
Ожени мене, не бари мене!
—Ой синку, синку, кого ти любишь?
—Я тую люблю, що пудъ сонцемъ ходить!
—Ой сынку, сынку тожъ намъ нерувня,
Тожъ намъ нерувня, тожъ королевна!
А сватай, сватай Павлóву дочку,
Павлóву дочку, дівку Ганночку,
Ой тожъ намъ рувня, не королевна!

---

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Да бувай здоровъ, славни козаче
Славни казаче, молодецъ Егорко!
Святий вечоръ!..

Колядинъ, колядинъ,
Я въ батька одинъ
(Святий вечоръ!)
Дайте ковбасу,
Батьку понесу.
Дайте кишечку,
Иззимъ въ затишечку.
Мати казала,
Шобъ принісъ сала.
Батько сваривсь,
Шобъ не баривсь!..
Святий вечоръ.

(Щедрівки).

Ой въ саду, въ саду, въ саду винограду,
Щедрій вечоръ, щедрій вечоръ *)
Тамъ стояла білая береза;
Білая береза, тонка, висока;
Тонка, висока, листемъ широка.
Що на туй березі кора золотая,
Кора золотая, жемчужная роса.
Де не взялися райскія пташки
Обдзёвбали золотую кору,
Золотую кору, жемчужную росу,
Крилечками обтрепали.
Де неувзялась дівка Марьечка,
Посбирала ту золоту кору,
Золотую кору, жемчужную росу.
Понесла вона къ золотарікамъ;
- Золотаріки, мои братіки!
Искуйте мині три кубочки,
Три кубочки, три нарядочки;
Первий кубокъ—отцю, матці,
А другій кубокъ—братику ди сестрі,
А трейтій кубокъ —милому да мині!
Отцю матці —шумнее пиво,
Братіку да сестрі зеленое вино,
Милому да мині солодокъ да медокъ!..
Да бувай здорова, красная паня,
Красная паня дівка Марьечко
Добри вечоръ!..

---

*) Повторяется послѣ каждаго стиха.

Славенъ, славенъ молодецъ Иванко
Щедрій вечоръ (2 раза)
Ой чимъ же вунъ прославився?
Щедрій вечоръ,
Трома городами, своими слугами *)
Слуги мои молодиїі
Запрягайте кони вороннїі
Пойідемо у Миръ-городъ
Вузьмемъ собі помиряночку
Помиряночку королевночку
Отцю-матки на послужечку
Мині молодому на подружечку
Отцю-матки слуга буде
Мині молодому пара буде
Отцю-матки діло робити
Мині молодому въ гості ходити
Ой бувай здоровъ, славни козаче
Славни козаче, молодець Иванко
Не самъ съ собою, съ отцемъ съ матерью
Зъ милимъ Богомъ, зъ усімъ родомъ
Вечоръ добрий!

Що въ Кієві да на риночку,
Щедрій вечоръ!
Тамъ Варочка садъ садила,
Садъ садила, говорила:
-- Рости, саду, више мéне,
Више мене, краше себе,
Щобъ яблучки буйнесеньки,
А орішки дробнесеньки,
А ягодки краснесеньки.
Яблучками пудкидатися,
Орішками забовлятися,
Ягодками красоватися
Щедрій вечоръ!
Да бувай здорова красная пані,
Красная пані, дівка Варочка!..
Добрій вечоръ!

Сівъ Іисусъ да вечерати,
Добрій вечоръ (2 р.)
Пришла къ ёму Божая мати.
—Покинь синку вечеряти,
Возьми, синку, райски ключи,
Одомкни, синку. рай и пекло,
Повипускай синку грішниїі души
А однуй души не випускай синку,—
Одна душа согрішила:
Отця -матерь полаяла,

*) *Припѣвъ:* «Щедрій вечоръ» постоянно повторяется послѣ каждаго стиха.

Не полаяла, подумала.
Ой бувай здоровъ, пане господаре,
Не самъ съ собою, съ своею жоною!
Вечоръ добрій!..

«Говорятъ, что былъ когда-то болванъ Коляда,—пишетъ Н. В. Гоголь въ своемъ разсказѣ «Ночь передъ Рождествомъ»,—котораго принимали за Бога, и что, будто, отъ того пошли и колядки. Кто это знаетъ? Не намъ простымъ людямъ объ этомъ толковать. Прошлый годъ отецъ Осипъ запретилъ было колядовать по хуторамъ, говоря, что этимъ народъ угождаетъ сатанѣ. Однако жъ, если сказать правду, то въ колядкахъ и слова нѣтъ про Коляду. Поютъ часто про Рождество Христа, а при концѣ желаютъ здоровья хозяину, хозяйкѣ, дѣтямъ и всему дому».

Въ нашихъ колядкахъ и щедрівкахъ также ничего нѣтъ про Коляду...

Самыя щедрівки и колядки проходятъ также весело и шумно, какъ въ чудесномъ Гоголевскомъ разсказѣ.

Шумная толпа дѣвушекъ съ веселымъ смѣхомъ подбѣгаетъ къ запушенному инеемъ, освѣщенному колеблющимся свѣтомъ лампадки, окну.

— Дядюшка Свиридонъ!—кричитъ самая бойкая дѣвушка,— дозвольте щедровать!

— Ничімъ даровать!—глухо доносится изъ хаты.

— Якъ се такъ ничімъ?—задорно спрашиваетъ дѣвушка.

— Грошей нема, не заробивъ!

— Чому жъ ви, дядюшка, не заробили?

— Ну Богъ зъ вами,—отзывается голосъ изъ хаты,—васъ не переговоришь. Щодруйте!

— Кому?

— Да хоть Марку!..

За окномъ стройно и отчетливо раздается «щедрівка».

Царь Максимиліанъ.

У «паробковъ» или «хлопцювъ» есть свое святочное развлеченіе: вожденіе по мѣстечку и по сосѣднимъ хуторамъ и деревнямъ «*Царя Максимиліана*» *). Въ этой, столь популярной народной «кумедіи,» участвуетъ 19 «хлопцювъ», изображающихъ: Царя-Максимиліана, Адольфа-царскаго сына, Брамбеуса-палача, Максимку-кузнеца, Скорохода, Дѣвицу, Старшаго Богатыря, Младшаго Богатыря, старика Марка-гробокопателя, Доктора, Гусарина, Чернаго-Арапа, Аникувоина, Змѣя-улана, Смерть, Жида-Ицку, Цыгана-Ивана и Короля-Мамая.

Парни наряжаются въ разные военные доспѣхи, которые можно добыть подъ рукой, и даютъ по хатамъ представленія. Появленіе импровизированной труппы въ селѣ—цѣлое интересное событіе. Хозяева позажиточнѣе зазываютъ «кумедію» въ свои хаты и вскорѣ сюда биткомъ набивается деревенская публика, чтобы посмотрѣть представленіе.

Для «царя» ставится стулъ или табуретка, онъ садится и говоритъ свои риѳмованныя рѣчи, которыя чередуются съ пѣніемъ всѣхъ

---

*) О народной «кумедіи» «Царь Максимиліанъ» мною помѣщена особая статья въ «Извѣстіяхъ отд. русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» т. IX, 1904 г., стр. 266—298.

участвующихъ въ труппѣ. За доставленное удовольствіе хозяева расплачиваются съ деревенскими артистами саломъ, колбасами и другими подарками или деньгами. При дѣлежѣ гонорара нерѣдко происходятъ между подвыпившими артистами жестокія коллизіи, оканчивающіяся порой общей свалкой...

Засиваніе.

У маленькихъ мальчиковъ тоже есть свое новогоднее развлеченіе. Они встаютъ вмѣстѣ съ разсвѣтомъ («вдосвіта»), берутъ въ свои «шаньки» (торбы) у матерей разнаго зерна,—гречихи, гороху, ячменя и т. д.—,ходятъ изъ хаты въ хату и, бросая горсти зерна, причитаютъ:

Ходить Илля
    На Василя,
Носить пугу
    Житяную.
Куда не махне,
    Тамъ жито росте,
Жито, пшениця,
    Всяка пашниця.
Поздоровляю васъ съ празникомъ, Новимъ Годомъ.
Или:

Я малéньки хлопчикъ,
Злізъ на стовбчикъ,
На дудочку граю,
Христа забавляю.

Хозяйки даютъ мальчикамъ по конфеткѣ или по прянику. Болѣе досужіе ребята сооружаютъ звѣзду и носятъ ее изъ избы въ избу, въ теченіе святокъ, распѣвая стихъ:

«Шедшіи три цари
    Несли Христу дари»...

Дѣтскія побасенки.

Кстати, заодно ужъ, я позволю себѣ привести здѣсь образцы шутливыхъ побасенокъ и небылицъ, которыми развлекаются дѣти, а иногда и взрослые въ долгіе зимніе вечера:

Бувъ у бабушки козелъ (2 раза)
Онъ на привязи стоявъ (2 раза)
Онъ сухарики ѣдавъ,

По средамъ да по пьятницямъ...

Помішалася вода съ пескомъ,
Поругалася старуха съ старикомъ,
Загубили вони рогъ съ тобакомъ.
А Харлампій Иванчинъ йшовъ,
Вунъ рогъ съ тобакомъ знайшовъ.
Ай шутиця пошутиця була,
Шо куриця поросятъ навела,
А свиня да яецъ нанесла.
Безрукій тийі яеця побравъ,
А голому да за пазуху наклавъ,
А сліпи да пудглядувавъ,
А глухи да пудслухувавъ,
А німи той ура закричавъ,
Безногого въ погонь погнавъ,
Шолудивого за петли попавъ.
Ой старіи людиці, чи не чули ви прословиці?
Шо Иванька Царевъ женитця,
Вунъ женитця женихаетця,
Бере жунку моложевую,
По батьку молодцевую;
Сто двадцять пьять бояриновъ;
А сто триста такихъ мужиковъ—
И Божокъ Дармидонъ и Роспутни Антонъ,
И Божокъ Антошка, Чечелівъ Прокошка,
Божкова Параска, Буцкова Сокліта...

(Небылица).

— Здравствуй Мишка!
— А, здоровъ, Гришка!
— Воткудова ты?
— Изъ Ростова.
— Я слыхавъ, шо въ городі Ростові большой дубъ поросятъ навьювъ.
— Не могу знатиму доказать...
— Я слихавъ шо въ городі Ростові больное озеро вигоріло.
— Я ішовъ мімо того озера, лежитъ больная щука, хвостъ отгнивши, голова отгорівші.
Я слыхавъ, шо въ городі Ростові князь сина женить.
— Не могу знатиму доказать. Ишовъ я мимо княжеского двора,—собаки позапряжени, кошки позавозжани, а пани по погребамъ седять.
— Значить ты Ростовськи?
— Конечно Ростовськи! Шо я тобі брехать буду...
— Я слыхавъ шо въ г. Ростові сильная ярмалка?
— Не боровъ.
— Кажуть длинна?
— Не мірявъ.
— Шо тамъ почумъ?

— Мука по мѣшкамъ, тобакъ по рожкáмъ, а гроши по шкатулкамъ.

— Шо-жъ ты собі купивъ?

— Було въ мене трошки грошку, купивъ собі мірочку горошку; ишовъ черезъ мостъ, виставивъ діяволъ хвостъ, споткнувся черезъ тотъ хвостъ, розсипавъ горошокъ пудъ мостъ...

— Плохо-жъ тое діло!

— Плохо да не зовсімъ.

— Какъ?

— Да вотъ какъ!

— Што?

— Да вотъ што!

— Говори!

— Слушай! Екъ ставъ я той горохъ собирать, насбиравъ три горошины, якъ посіявъ пудъ поломъ, уродило въ мене стручче якъ дручче.

— Хорошее твое діло!

— Хорошее да не завсімъ!

— Какъ? (и т. д.).

— Екъ унадились до мене попові свинні, вийіли горохъ до стеблини.

— Плохо твое діло.

— Плохо да не зовсімъ (и т. д.).

— Екъ зачавь я тихъ свиней бить, да изъ ихъ сало солить; насоливъ я 40 боденъ.

— Хорошее твое діло!

— Хороше да не зовсімъ (и т. д.).

— Екъ унадились до мене попові кошки, вийіли у мене сало до крошки; екъ зачавъ я тихъ кошокъ бить, да изъ ихъ смухи чинить. Пошивъ я своей жоні шубу; пошла моя жона до церкви. Екъ зачавъ батюшка кадить, да на людей глазами водить,- изнявъ изъ моей жони шубу. Екъ зачавъ я съ попомъ судитьця., присудилі мні корову зъ одной ціцькой.

— То не корова!

— А што?

— Вовкъ!

— Въ лобокъ тобі толкъ!

— То не вовкъ, то ліса!

— До темячка тобі коса! Я про лісу самъ роскажу. То ліса, шо по дереву лазить, да орішки жреть.

— То білка.

— Сімячка тобі мірка! Я про білку тобі самъ роскажу! То білка, шо пудъ клуньками лазить, да печерки роеть.

— То мишь!

— Въ . . . ей подыишь! То мишь шо по рѣкамъ лазить да печерки роеть.

— То ракъ!

— Иди ты самъ дуракъ! Увесь Ростовъ пройшовъ такого дурака не знайшовъ!

Соломенный возъ... Охъ онька,
Сірая суконка...
Везъ баринъ бабу
Соломенный возъ!
Лежитъ баба на боку
Повни нусъ тобаку!
Сіла баба та й заснула.
Прийшла свинья
Бабу нхнула.
Повели свиню до пана,
Свинья божитьця—не нхала!

— —

Христосъ Воскресе
Хома паску несе,
А Хомиха порося,
Постой, Хома, похристосуемся!

— —

Лирники.

Зимой, чаще чѣмъ лѣтомъ, ходять изъ хаты въ хату слѣпые лирники-«старці» — и подъ акомпаниментъ своего незатѣйливаго инструмента,—трехструнной лиры, съ вращающимся колесикомъ,— распѣваютъ свѣтскія и духовныя пѣсни, получая за это отъ хозяевъ «посильные дары» хлѣбомъ, саломъ и мелкой монетой. Въ мѣстечкѣ Воронежѣ постоянно живетъ лирникъ Алексѣй Побѣгайло, Вотъ наиболѣе популярная изъ его пѣсенъ:

«Пѣсня про Хому и Ярему».

Пойдемъ, братци, въ кабачекъ,
Випьемъ водочки крючекъ.
Ви послушайте міряне,
Православни христіяне,—
Я вамъ пісню спою
Про Ярему про Хому.
Што Хомушко да Ярема
Родние братья,
Што на Хомі на Яремі
Разное платье:
Носивъ Хома кобенякъ,
А Ярема ходивъ такъ.
«Ой худо, братъ Ярема (2 раза).
Негде счастя нема!
Чи не лучче наше діло,
Пумо такъ проживать (2 раза)
Пумъ горшками торговать (2 раза)
Собі деньги считать».
Набравъ Хома горшковъ,
А Ярема макотеръ
Сівъ Хома на горі,
А Ярема пудъ горою.
Што Хомушка покотивъ
И Яремини побівъ (2 раза)

Собі шкоды наробивъ.
—«Ой и худо, братъ Ярема (и т. д.).
Чи не лучче наше діло
Нумо такъ проживать (2 раза)
Чужи нбари обкрадать (2 раза)
Собі деньги считать».
Пошовъ Хома въ лавку,
А Ярема у инбаръ,
Тамъ Хомушку захватили,
Посаками покотили.
—«Ой худо, братъ, Хома (и т. д),
Нумо такъ проживать,
Нумъ по шляхамъ стоять (2 раза)
Добрихъ людей розбівать (2 раза)
Собі деньги считать».
Взявъ Хома дубину,
А Ярема осину,
Пошовъ Хома у лісокъ,
А Ярема у борокъ.
Ставъ Хома пудъ вязомъ,
А Ярема пудъ кустомъ.
Три неділи простояли,
Никого въ глаза не видали,
На четвертую неділю,
Йіхавъ панъ-дворянинъ (2 раза),
То боярськой синъ (2 раза):
Хому за чубъ ухвативъ,
Бівъ Хому плетью,
А Ярему канчукомъ.
Побігъ Хома кріпко,
А Ярема сторчакомъ.
—«Ой худо братъ Хома (и т. д).
Нумъ до церкви ходить,
Свои души спасать».
Пошовъ Хома въ олтаръ,
А Ярема на клиросъ,
Надівъ Хома ризы,
А Ярема штихаръ.
Ставъ Хома за попа,
А Ярема за дяка.
Што Хомушка зачитавъ,
А Ярема заскакавъ.
Де не взявся пономаръ,
Тому дому господаръ (2 раза),
Хоми робра поламавъ,
Што Хомушка утікавъ,
Окно дверми показавъ.
—«Ой худо, братъ, Хома (и т. д.)
Нумо такъ проживать,
На скрипиці играть (2 раза)».
Справивъ Хома скрипку,
А Ярема гусли.
Пошовъ Хома до попа,
А Ярема до дяка,
Тамъ же саме попъ разгулявся,

За Яремой за Хомой
Съ дубиною гнався.
Што Хомушка утікавъ,
Свого братця наганявъ.
—«Ой худо, братъ Хома (и т. д.).
Нумъ на річку ходить (2 раза).
Собі рибку ловить (2 раза).
Свои души ситить».
Справивъ Хома човенъ,
А Ярема лодку;
Што въ Хомі безъ бока,
А въ Яремі такъ безъ дна.
Сівъ Хома въ лодку,
А Ярема въ човенъ.
Поймавъ Хома окуня,
А Ярема плотку.
Вони зрадувались,
И повивернулись;
Шо Хомушка на дно,
Дакъ Яреми не видно.
Што Хомушку тягнуть,
А Ярему волокуть;
По Хомушкі дзвонять,
Ярему хоронять.

Масленица.

Особенно шумно и разгульно проводится «масляна». Въ это время по селамъ начинается повальное пьянство.

Въ понедѣльникъ, послѣ «заговінъ» бабы несутъ на базаръ продавать сыръ (творогъ), масло, сметану и т. п. Потомъ собираются въ избу, до какой-нибудь гостепріимной «куми», покупаютъ въ складчину водку, пекутъ блины и варятъ вареники. Ходятъ также изъ избы въ избу и поютъ пѣсни:

Масляница баламутка була,
Обiщала сиру, масла,
Та й не хутко дала!..

Масляница криворота,
Не попала въ хвуртку,
Да въ ворота... и т. д.

Существуетъ при этомъ обычай привязывать неженатымъ и незамужнимъ «колодку» (полѣно) къ ногѣ. Кто не успѣлъ отбиться отъ «колодки», долженъ купить въ видѣ откупа «півкварты горілки». Катанье на лошадяхъ здѣсь мало распространено.

Въ «неділю» опять заговляютъ на «великі пустъ», во время котораго не даютъ скоромнаго самимъ маленькимъ дѣтямъ, процентъ смертности которыхъ въ это время значительно повышается.

Весною.

Такъ въ трудахъ и развлеченіяхъ проходитъ зима. Съ каждымъ днемъ солнце начинаетъ пригрѣвать сильнѣе и, наконецъ, снимаетъ бѣлую пуховую скатерть, покрывавшую поля и огороды; высокія мѣста начинаютъ просыхать и въ праздники на нихъ собираются хлопци играть «въ шара», т. е. подбрасываютъ деревянный шаръ и на лету стараются попасть въ него короткими и толстыми палками—«шаровнями». Эта игра пользуется большимъ успѣхомъ не только среди подростковъ, но также и среди взрослыхъ. По вечерамъ, пока полицейскій обходъ не розгонитъ поющихъ дѣвушекъ, село оглашается звонкими пѣснями-веснянками, въ которыхъ часто слышится припѣвъ:

Весна, весняночка,
Де жъ твоя дочка панночка... Гу-у-у!..

Вмѣстѣ съ теплыми днями начинаются полевыя работы, поглощающія всецѣло время и вниманіе крестьянина.

Примѣты.—Суевѣрія.

Выше я привелъ нѣсколько колядокъ и щедрівокъ, переносящихъ насъ въ далекія времена IX—X столѣтія. Къ сожалѣнію, въ описываемой мною народной средѣ сохранились не одни только поэтическія отголоски старинной полудикой эпохи; сохранилось также немало суевѣрныхъ пережитковъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о поразительномъ народномъ невѣжествѣ.

Въ силу особыхъ причинъ, о которыхъ я скажу ниже, невѣжество мѣстнаго населенія съ теченіемъ времени не только не уменьшается, а наоборотъ, какъ будто бы растетъ...

Несмотря на существованіе земскихъ врачей населеніе по старому чтитъ «знахарей» и лѣчится домашними «средствіями». У доктора М. Воронежа я видѣлъ недавно любопытную ладонку, которую онъ нашелъ на груди больной туберкулезомъ. Ладонка состояла изъ тряпочки, въ которую былъ вложенъ лоскутокъ бумажки со слѣдующей абракадаброй:

А в р а а м ъ
В р а а м ъ
Р а а м ъ
А а м ъ
А м ъ
М ъ
Ъ

Бѣдная больная носила этотъ талисманъ отъ «хунди», т. е. лихорадки.

Однажды мѣстная старая ворожея изобрѣла новое универсальное средство отъ всѣхъ болѣзней, которымъ пользовала всѣхъ приходящихъ. Оно называлось «золотой грибъ» и состояло изъ сулемы, синяго *камня, «острой* воды», мухомора и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдность и невѣжество являются двумя главнѣйшими причинами, наблюдаемой здѣсь поразительной дѣтской смертности. То и дѣло вы видите некрашеные дѣтскіе гробики, относимые родителями на тихое деревенское кладбище.

—Видно такъ Богу угодно!—утѣшаетъ себя мать, и по прежнему забираетъ всю свою дѣтвору и ведетъ къ сосѣду прощаться съ покойникомъ, умершимъ отъ дифтерита или какой-либо другой заразительной болѣзни.

Падежъ скота объясняется также попущеніемъ свыше. Начинается, положимъ, эпидемія. Населеніе волнуется. Вскорѣ возникаетъ слухъ, находящій горячихъ сторонниковъ.

— Вы-бы приняли мѣры! говоритъ народу ветеринаръ *)

— Какія тутъ мѣри... тутъ попущеніе Божіе! Морище!..

— Что такое?

— У пильщиковъ спитайте. Вони скажуть.

Пильщики стало быть, работали въ лѣсу и слышали невѣдомый голосъ:

— Вацю! Вацю! вацъ, вацъ, вацъ!

— Шо ти таке? спросили пильщики.

— Я морище! отвѣтствовалъ невѣдомый гласъ.

— Чого-жъ ти хочешь?

— Я свиней скликаю. Истреблю всѣхъ свиней, ни единой потомъ не оставлю. Доберусь потомъ до овечекъ и до коровъ доберусь!..

— За що-жъ ти такъ тяжко караешь насъ?

— За беззаконія ваши и многія смрадныя прегрѣшенія. Бога забили. Попамъ виручки не даете, по средамъ да по пятницамъ скоромное жрете!..

Перечислимъ нѣкоторыя примѣты, записанныя въ мѣстечкѣ Воронежѣ.

Въ какую сторону воетъ собака, тамъ будетъ пожаръ.

Если кошка перебѣжитъ дорогу или перейдетъ женщина съ пустыми ведрами или попъ, не будетъ добра

На третьей недѣлѣ послѣ «молодика» (наволунія) нельзя ничего предпринимать важнаго.

По заходѣ солнца нельзя катать бѣлья, а то скотъ будетъ болѣть.

Если посмотришь на мертвеца въ окно и возьмешься потомъ рукой за какую-нибудь часть тѣла, тамъ будетъ «наростень».

Кабана закармливать надо начинать на «молодику», въ среду первой недѣли. Чтобы кабанъ былъ жирный, закармливать надо такъ: Взять немного щетины съ хвоста, взять по 3 ложки провизіи съ каждой «стравы» (кушанья), смѣшать все это и дать кабану.—

Если хвостъ корова положитъ на спину, будетъ дождь.

Нельзя одѣвать новую сорочку въ понедѣльникъ—будетъ обида.

Нельзя свистѣть ни во дворѣ, ни въ домѣ; гдѣ постоянно свистятъ, тамъ дворъ разорится.

Нельзя ходить по мѣсту, засѣянному огурцами,—огурцы будутъ горькіе.

Нельзя ступать на то мѣсто, гдѣ собака поскребла лапами землю,—болѣзнь будетъ.

Нельзя ступать на то мѣсто, гдѣ валялась лошадь,—лишай будетъ.

---

*) Эти разговоры я заимствую изъ своей замѣтки въ свое время появившейся въ періодической печати.

Нельзя прясть въ пятницу.

Если кто начнетъ тебѣ завидовать, то для отвращенія несчастья нужно три раза плюнуть въ сторону и откусить частицу ногтя. Завидовать нельзя ни человѣку, ни скотинѣ.

Нельзя ничего рубить на порогѣ,—будетъ лихорадка.—Во время заговѣнья нельзя чесать голову, иначе куры будутъ грядки грести; нельзя также въ этотъ день шить, иначе на пальцахъ будутъ нарывы.

Въ поминальные дни нельзя шить,—«дідамъ очи позашиваешь».—Если корова отелится, то нельзя въ тотъ день никому ничего ни давать въ долгъ, ни продавать, иначе «теля буде блудяще».—Кто сдѣлаетъ поджогъ, у того въ теченіе шести недѣль будетъ на спинѣ черный крестъ.—

Нужно замѣтить, что далеко не всѣ повѣрья такого невиннаго свойства; такъ напримѣръ, существуетъ глубоко вкоренившееся убѣжденіе, что свѣча, сдѣланная изъ человѣческаго сала, имѣетъ чудесное свойство наводитъ мертвый сонъ на всѣхъ людей. Когда такая свѣча зажжена, можно брать все, что угодно: никто не проснется.

Не такъ давно, выѣздная сессія нѣжинскаго окружнаго суда разсматривала въ г. Глуховѣ характерное дѣло объ убійствѣ мальчика съ суевѣрными цѣлями въ деревнѣ Никитовкѣ Глуховскаго уѣзда *).

Крестьянинъ деревни Никитовки Антонъ Мельникъ тоже крѣпко вѣрилъ въ чудодѣйственную свѣчу изъ человѣческаго сала. Онъ задумалъ во что бы то ни стало достать эту свѣчу.

Задача была не изъ легкихъ, потому что сало надо было вырѣзать непремѣнно изъ живого человѣка. Ходилъ въ избу къ Антону дальній родственникъ Мельника, здоровый краснощекій Ваня, одиннадцатилѣтній сынъ вдовы Евдокіи Моргунъ. «Жирнаго» Ваню и намѣтили «для свѣчи» отецъ и сынъ Мельники и, чтобы приручить его къ себѣ, дарили ему разныя игрушки. На третій день Пасхи мальчикъ качался на качеляхъ въ Антоновой клунѣ.

Въ это время сынъ Антона Мельника Митрофанъ подкрался къ мальчику сзади и ударилъ его въ голову кирпичемъ.

Ему скрутили поясомъ руки и ноги, и, какъ выяснилось впослѣдствіи, стали вырѣзывать изъ живого мальчика куски жира... Окружный судъ приговорилъ Антона Мельника къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, а его сына Митрофана на 12 лѣтъ.

Безъ сомнѣнія, причины преступленій произведенныхъ суевѣріемъ, зависятъ не только отъ злой воли отдѣльныхъ лицъ, а также отъ окружающей тьмы...

Заключеніе.

Въ заключеніе, я позволю себѣ указать на ту главнѣйшую причину, которая мѣшаетъ проникать лучамъ свѣта въ темное царство украинскаго народа.

Такой причиной, несомнѣнно, является запрещеніе малороссамъ имѣть школы и книги на родномъ языкѣ. Какъ извѣстно, на осно-

---

* *Этотъ случай уже былъ* оглашенъ мною въ «Недѣлѣ».

ваніи распоряженія 18-30 мая 1876 г. текущая литература вовсе воспрещена на украинскомъ языкѣ.

Между тѣмъ, книги и газеты на русскомъ языкѣ непонятны малороссу.

Въ свое время пишущему эти строки приходилось учиться въ сельской начальной школѣ въ Малороссіи. Я помню, какъ много было у насъ убито времени и силъ только потому, что обученіе велось на чуждомъ для насъ русскомъ языкѣ, по чуждымъ русскимъ учебникамъ. Тѣ книги, которыя намъ выдавали въ школѣ, мы приносили домой и читали ихъ вслухъ, но онѣ оставались непонятными нашимъ родителямъ Иногда же кому-нибудь изъ насъ случалось добыть украинскую книжку.

Счастливый обладатель «Черной Рады,» «Гайдамакъ» или «Проповѣдей» Гречулевича выходилъ на улицу, садился «на колодки» и читалъ вслухъ, и вскорѣ вокругъ чтеца собиралась чуть ли не вся улица; впечатлѣніе было огромно; слышались сочувственныя замѣчанія; радостной улыбкой озарялись лица слушателей при звукахъ «рідной мові»...

Къ чему привели многочисленныя запрещенія издавать періодическіе органы на украинскомъ языкѣ, печатать переводы и книги для дѣтскаго чтенія?

Неизбѣжно они приводили къ угасанію народнаго духа и творческихъ силъ страны и вызвали замѣтную отсталость здѣшняго населенія, а умственная отсталость бросила свою черную тѣнь на всѣ стороны народнаго быта, потому что

«На поприщѣ ума нельзя намъ отставать».

СПБ. *Иванъ Абрамовъ.*

Примѣчаніе. Отмѣтимъ, кстати, нѣсколько характерныхъ мѣстныхъ фамилій и прозвищъ: Сопати копитанъ, Скляръ, Геремесъ, Мозокъ, Ковбаса, Перегуда, Зазуля, Щастни Коржъ, Макуха, Свѣтовой, Портянка, Гречка, Чайка, Кривоносъ, Рыбалка, Ляхъ, Суховѣй и т. д.

Суевѣрныя средства, употребляемыя крестьянами для открытія преступленій и преступниковъ.

Кто долго жилъ въ деревнѣ и присматривался къ жизни крестьянъ, тотъ знаетъ, какъ народъ нашъ еще суевѣренъ, особенно въ глухихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ судоходныхъ рѣкъ, большихъ трактовъ, гдѣ еще грамотность является рѣдкостью.

Я не буду здѣсь касаться суевѣрій вообще, а только приведу нѣсколько примѣровъ, когда суевѣрія играютъ большую роль при отыскиваніи преступленій.

Одинъ изъ распространенныхъ способовъ, когда нужно отыскать вора и вмѣстѣ съ тѣмъ наказать его, есть «вмазываніе въ чело». Случилась, напримѣръ, кража, которую законными способами, какъ обыски, допросы,—открыть не удалось; тогда прибѣгаютъ къ «вмазыванію въ чело». Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Украли, напримѣръ, у крестьянина шубу. Тогда онъ беретъ небольшой кусокъ овчины — шубный лоскутъ — и вмазываетъ его въ устье русской печи. Когда печь топится, то жаромъ, идущимъ изъ нея, начинаетъ вмазанный лоскутъ коробить, а потомъ онъ тлѣетъ и сгораетъ. Вора, по мнѣнію потерпѣвшихъ, точно также будетъ коробить, сводить судорогами, а потомъ онъ зачахнетъ, захирѣетъ и можетъ помереть или на вѣкъ остается хилымъ и неспособнымъ ни къ какому труду, т. е. дѣлается живыми мощами. Если украденъ халетъ, въ чело вмазываютъ небольшой кусокъ полотна; унесли хлѣбъ въ зернѣ, вмазываютъ горсть однородныхъ зеренъ и т. д.

Для совершенія процесса приглашаютъ знахаря или колдунью, которые производятъ это торжественно, съ нашептываніями и наговорами, въ родѣ слѣдующаго: «пусть нечистая сила корчитъ и морщитъ вора, какъ тлѣетъ и пепелѣетъ этотъ халетъ или овчина». Дѣлаютъ это не секретно, а чтобы всѣ знали, особенно подозрѣваемый. По глубокому убѣжденію крестьянъ, воръ обязательно будетъ корчиться.

Я не буду вдаваться въ психологическія объясненія этого явленія, но могу завѣрить, что на нѣкоторыхъ впечатлительныхъ и суевѣрныхъ людей, совершившихъ кражу, вмазываніе производитъ такое удручающее дѣйствіе, что они дѣйствительно сильно мучатся и душевно и физически.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной деревнѣ нашей мѣстности случилась довольно крупная кража: у зажиточнаго крестьянина унесли 500 руб., всѣ его деньги, скопленныя дѣдомъ и отцомъ потерпѣвшаго. Сильное подозрѣніе пало на сосѣда, молодого и здороваго мужика; но прямыхъ уликъ не было. Тогда потерпѣвшій рѣшилъ вмазать подозрѣваемаго въ чело. Вмазали рублевую бумажку. Операціи производилъ знахарь съ наговорами. Подозрѣваэмый зналъ объ этомъ и сильно безпокоился. Съ того времени онъ сталъ хирѣть. Ничего особеннаго не болитъ, а чахнетъ. Ни къ какимъ крестьянскимъ работамъ онъ и теперь неспособенъ.

Въ дер. П. Уломской волости 10 лѣтъ тому назадъ совершилась кража. У женщины вдовы изъ амбара въ закромѣ украли 2 мѣшка ржи. Во ржи у ней были спрятаны деньги, рублей 10, и онѣ вмѣстѣ съ рожью были украдены. Рожь и деньги укралъ сосѣдъ, парень женихъ, и прогулялъ ихъ вмѣстѣ съ товарищами. Такъ какъ кража была совершена со взломомъ замка, то слѣдствіе производилъ судебный слѣдователь. Всѣ сосѣди хорошо знали вора; но, боясь мести съ его стороны, никто не доказывалъ. Такъ слѣдствіе ничего и не могло добиться. Тогда потерпѣвшая стала стращать вора, что она его вмажетъ въ чело. Она готова была поступиться рожью, только деньги просила возвратить. Тотъ, пожалуй, и готовъ былъ бы отдать ихъ, но деньги были прогуляны. Такъ показывалъ онъ потомъ на судѣ. «А вотъ я тебя вмажу въ чело, такъ будешь помнить!» — пригрозила потерпѣвшая. «Кто кого прежде вмажетъ!» — отвѣтилъ парень. Черезъ нѣсколько дней женщину нашли убитую недалеко отъ дороги, ведущей изъ этой деревни въ другую. Преступникъ скоро былъ открытъ. Онъ на первомъ же допросѣ сознался и разсказалъ, что убійство совершилъ изъ боязни быть вмазаннымъ въ чело. Онъ боялся тѣхъ мукъ и корчей, которыя, по его убѣжденію, должны были начаться съ нимъ послѣ вмазыванія, и рѣшился предупредить. Онъ три дня караулилъ сосѣдку и, наконецъ, покончилъ съ ней, когда она поздно вечеромъ возвращалась домой изъ сосѣдней деревни. Каторга для него лучше была. «По крайности я здоровъ буду», говорилъ онъ спокойно на судѣ.

Одна женщина украла у другой нѣсколько кусковъ холста. Потерпѣвшая знала воровку и просила ее возвратить украденное, но та запиралась. Тогда она пригрозила вмазываніемъ. У воровки на другой же день начало судорогами сводить руки и ноги, и она сама покаялась въ кражѣ и указала, гдѣ спрятаны украденныя полотна. Болѣзнь прекратилась.

Понятно, что далеко не на всякаго можетъ дѣйствовать устрашеніе; другого и самого вмазать въ чело, такъ и то корчить не будетъ.

Въ убійствахъ, имѣющихъ загадочный характеръ, иногда сами крестьяне, до прибытія слѣдственной власти, отыскиваютъ убійцъ. Для этого заставляютъ поцѣловать пятку у убитаго. Если ни на кого не падаетъ подозрѣніе, тогда пятку цѣлуютъ всѣ собравшіеся крестьяне деревни. Когда является сильное подозрѣніе, но преступникъ не сознается, тогда прямо его и принуждаютъ цѣловать пятку. Если цѣлуетъ покойника не причастный къ дѣлу, то трупъ лежитъ спокойно, а если поцѣлуетъ виновный, тогда покойникъ даетъ знать: у него, по убѣжденію крестьянъ, задрожатъ руки или ноги, можетъ весь зашевелиться, а случается, какъ они говорятъ, что покойникъ вскакиваетъ, хватаетъ убійцу и душитъ его.

10 лѣтъ тому назадъ въ дер. Б. Уломской волости на другой день небольшого мѣстнаго праздника на улицѣ, посреди деревни, былъ найденъ убитымъ мѣстный крестьянинъ; у него былъ раскроенъ черепъ; тутъ же лежалъ и колъ, орудіе преступленія. Ночью по деревнѣ съ пѣснями и гармониками ходили мѣстные пьяные парни. А убитый былъ поставленъ для ночного караула. Естественно, что подозрѣніе въ преступленіи пало на ребятъ, а ихъ было человѣкъ 15. Они не признавали себя виновными, но боялись суда и отвѣтственности, а потому сами потребовали, чтобы обнаружить виновника, цѣлованія покойника въ пятку. Мужики согласились, и обрядъ начался. Каждый подходившій крестился, шепталъ что-то себѣ подъ носъ, глядѣлъ на покойника и цѣловалъ его въ пятку.

Всѣ гулявшіе и заподозрѣнные совершили этотъ обрядъ, но никто изъ нихъ не обнаружилъ особенныхъ признаковъ страха, и убитый лежалъ спокойно. Тогда потребовали, чтобы и другіе парни продѣлали тоже. Дошла очередь до одного смирнаго молодца, на котораго никто и подумать не могъ. Парень пошелъ было, но потомъ вдругъ остановился. Ему показалось, какъ онъ говорилъ послѣ, что убитый сталъ шевелить бровями и пальцами на рукахъ. Всѣ взоры устремились на убійцу и отъ него уже строго потребовали исполненія обряда. Парень блѣднѣлъ, дрожалъ, но не подходилъ. Его взяли подъ руки и насильно повели. Тогда онъ уже не могъ вытерпѣть и закричалъ дрожащимъ голосомъ: оставьте, „отпустите! я убилъ!“ Нѣкоторые крестьяне говорили что они сами видѣли, какъ у покойника открылись глаза и глядѣли прямо на убійцу, когда его подводили къ трупу. А какъ только убійца сознался, глаза тихо закрылись. Оказалось послѣ слѣдующее: парень—убійца днемъ былъ пьянъ, а вечеромъ легъ спать. Ночью онъ услышалъ гармонику и пѣсни и подумалъ снова идти гулять. Но пока онъ обувался, ребята ушли. Онъ пошелъ за ними въ другой конецъ длинной деревни. Его остановилъ ночной караульный и потребовалъ, чтобы парень воротился домой. Тотъ, понятно, не хотѣлъ послушать, и между ними завязался споръ, а потомъ и драка. Сторожъ ударилъ парня колотушкой, а тотъ схватилъ подвернувшійся колъ и такъ ловко хватилъ противника по головѣ, что у того черепъ раскололся. Онъ ткнулъ еще замертво упавшаго сторожа коломъ въ голову и пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, домой. Никто происшедшаго и не слыхалъ, и не видалъ. Такъ и остался бы убійца не открытымъ, если бы не обрядъ цѣлованія пяты.

Три года тому назадъ на святкахъ былъ убитъ крестьянинъ дер. К. Трупъ ночью привезли къ с. У. и выбросили на дорогѣ. Его нашли утромъ. Дали знать становому, но его не было дома. Тогда волостной старшина съ понятыми пошли въ деревню, изъ которой былъ убитый, и стали производить у всѣхъ повальный обыскъ. У одного старика крестьянина оказались всѣ въ крови розвальни. При дальнѣйшемъ обслѣдованіи нашли много крови на дворѣ. Полъ въ избѣ былъ вымытъ, но слѣды кровяныхъ пятенъ кое-гдѣ были замѣтны. Въ крови оказался и топоръ. Всѣ были убѣждены, что преступленіе совершилось здѣсь, только никто не могъ понять причинъ, вызвавшихъ это безцѣльное преступленіе. Подозрѣваемый былъ старикъ, лѣтъ 60, скромный и зажиточный, жилъ онъ со своей снохой, тоже скромной и тихой бабой. Убитый былъ бездомный горбатый крестьянинъ, проживавшій у одного набожнаго мужика. Кормился онъ больше въ нашемъ селѣ, а ночевать ходилъ въ К. Наканунѣ смерти онъ у священника поужиналъ, а у меня ему дали кусокъ пирога на завтракъ къ слѣдующему дню. Ночевалъ въ домѣ, гдѣ обыкновенно проживалъ: утромъ въ 5 часовъ ушелъ куда-то, а на слѣдующее утро его нашли уже мертвымъ, вывезеннымъ къ нашему селу. На всѣ допросы обвиняемые упорно запирались, а улики, въ видѣ слѣдовъ крови, объясняли другими причинами. Тогда сосѣди рѣшили заставить ихъ цѣловать пяту у убитаго. Но такъ какъ въ этотъ день уже было поздно, то процедуру отложили до слѣдующаго дня. Убійцы такъ испугались предстоящаго испытанія, что въ 4 часа слѣдующаго утра явились къ священнику на исповѣдь. Тотъ узналъ тайну на исповѣди, но въ то же время далъ совѣтъ во всемъ признаться, что они и сдѣлали. Въ роковое утро крестьянинъ рано уѣхалъ въ сосѣднюю деревню. Сноха осталась дома и стала блины *печь.* Въ это время приходитъ къ ней горбунъ и сталъ просить у

ней блиновъ. Та блиновъ не дала, а еще обругала его. Онъ не стерпѣлъ и толкнулъ ее ногою въ животъ. Баба была беременна, она схватила топоръ и ударила его лезвіемъ по головѣ. Горбунъ палъ. Она еще со всей силы хватила его два раза по головѣ, а потомъ сволокла на дворъ. Въ это время пріѣхалъ свекоръ. Сноха все разсказала ему. Онъ взвалилъ убитаго на дровни и повезъ къ селу, а она стала полъ мыть. Сознаться преступниковъ побудило не угрызеніе совѣсти, не боязнь отвѣтственности передъ судомъ, а страхъ передъ самимъ убитымъ, когда ихъ заставятъ цѣловать пяту у него. Бабѣ представлялось, что убитый горбунъ скочитъ ей на плечи и не отстанетъ отъ нея. На судѣ оба обвиняемые были оправданы.

(Новг. г. Черепов. у., с. Улома).

В. Антиповъ.

Остатки умыканья.

Довольно рѣдкій случай возбужденія обвиненія въ уголовномъ преступленіи, тогда какъ, по разслѣдованіи дѣла, оказалось, что обвиняемые поступали согласно издавна практиковавшемуся мѣстному обычаю, имѣлъ мѣсто въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. Дѣло, согласно отчету, помѣщенному въ „Волг.", происходило такъ. У крестьянина Сергѣя Ерофѣева была обнаружена пропажа процентныхъ бумагъ, денегъ и вещей на сумму свыше 3,000 руб. и вмѣстѣ съ тѣмъ пропала и дочь. Все это, т.-е. какъ дочь, такъ и имущество, нашлось у кр. Семена Гурылева, въ сосѣдней деревнѣ, причемъ въ кражѣ денегъ Гурылевъ не сознался, утверждая, что онъ, по уговору съ дочерью потерпѣвшаго, желавшей выйти за него замужъ, принялъ отъ нея ночью на 14 августа только имущество, составлявшее ея приданое. Потерпѣвшій тѣмъ не менѣе возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ дочери и всей семьи жениха, утверждая, что сватовства между ними, Ерофѣевыми и Гурылевыми, никакого не было, хотя его дочь и гуляла раньше съ Семеномъ. На судѣ выяснилось, что подобнаго рода кражи, очевидно какъ отголосокъ древняго обычая „умыканія", случаются въ этой мѣстности довольно часто и называются „кражами невѣстъ". Вотъ какъ происходитъ дѣло.

Сначала парень и дѣвушка вмѣстѣ гуляютъ. Затѣмъ парень предлагаетъ ей выйти за него замужъ; дѣвица соглашается и сообщаетъ объ этомъ своей матери. Послѣдняя потихоньку отъ всѣхъ съ дочерью начинаетъ складывать все приданое и когда оно будетъ готово, женихъ выбираетъ удобный моментъ, пріѣзжаетъ къ дому невѣсты и увозитъ ее съ приданымъ къ себѣ въ домъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ уже родители жениха. Послѣ этого начинаются поиски невѣсты и когда послѣднюю найдутъ, то свадьбы все-таки еще скоро не бываетъ, потому что родители невѣсты показываютъ недѣли двѣ, а то и три, что они сердятся. Спустя уже этотъ срокъ, присылаютъ кого-нибудь изъ родныхъ къ дочери, чтобы она съ женихомъ ѣхала къ нимъ просить прощенья, а затѣмъ въ этотъ же день обыкновенно и бываетъ вѣнчаніе. Случается, что невѣста, кромѣ приготовленнаго ей приданаго, успѣваетъ взять изъ дома отца и еще что-нибудь.

Присяжные засѣдатели послѣ непродолжительнаго совѣщанія всѣмъ подсудимымъ вынесли оправдательный вердиктъ.

("Нов. Время" 1904 г., 24 іюня № 10114).

Оглавленіе.

Выпуски I и II.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I

Къ ст. „Говоръ жителей Кокшеньги Тотемскаго уѣзда, Вол. губ.“ и „Изъ Кокшеньгскихъ преданій“, помѣщенныхъ въ I и II выпускѣ „Живой Старины“ за 1905 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Надо:
97	2 снизу	Кокшеньга вм.	Кокшенга вм.
98	11 сверху	афцá, дерéуня,	офцá, дерéу́ня,
„	12 „	или москóуськой	или москóськой
„	16 „	иногде:	иногда:
„	22 „	йж дж/здж у или йздку	ѣ́ж дж/здж у или ѣздку
„	1 снизу	(у)	(у́)
„	„	моу--	моу́—
99	4 сверху	зоря,	зоря́,
„	„ „	подарить.	подари́ть.
„	10 „	знáёшъ	знáёшь
„	18 „	(на) печѣ	(на) печѣ́
100	5 „	Некамъ	Некёмъ
„	2 снизу	„вымау	„вымой
„	1 „	что	що
101	9 сверху	Нижнее,	Верхнее,
102	8 „	чуди	чудь
„	2 снизу	кокшенъ	Кокшен.
„	5 „	тотемскаго	Тотемскаго
103	1 сверху	А рóбятъ и	А рóбятъ, рóбятъ—и
„	19 снизу	и какъ и какъ	и какъ
„	10 „	оку́жей	ору́жей
„	„ „	бѣли	были
„	8 „	Кокшельгу).	Кокшеньгу).
„	7 „	(віс)	(sic)
104	4 сверху	иногородцевъ	инородцевъ
„	14 „	спрашивая	спрашиваю
105	10 и 9 снизу	отличаются выдержкой и въ злопамятствѣ отличаются выдержкой	отличаются выдержкой
106	8 сверху	кахъ оно	какъ это
„	16 „	выходиу!	выходиу́!
„	Дата	1894 года.	1904 года.